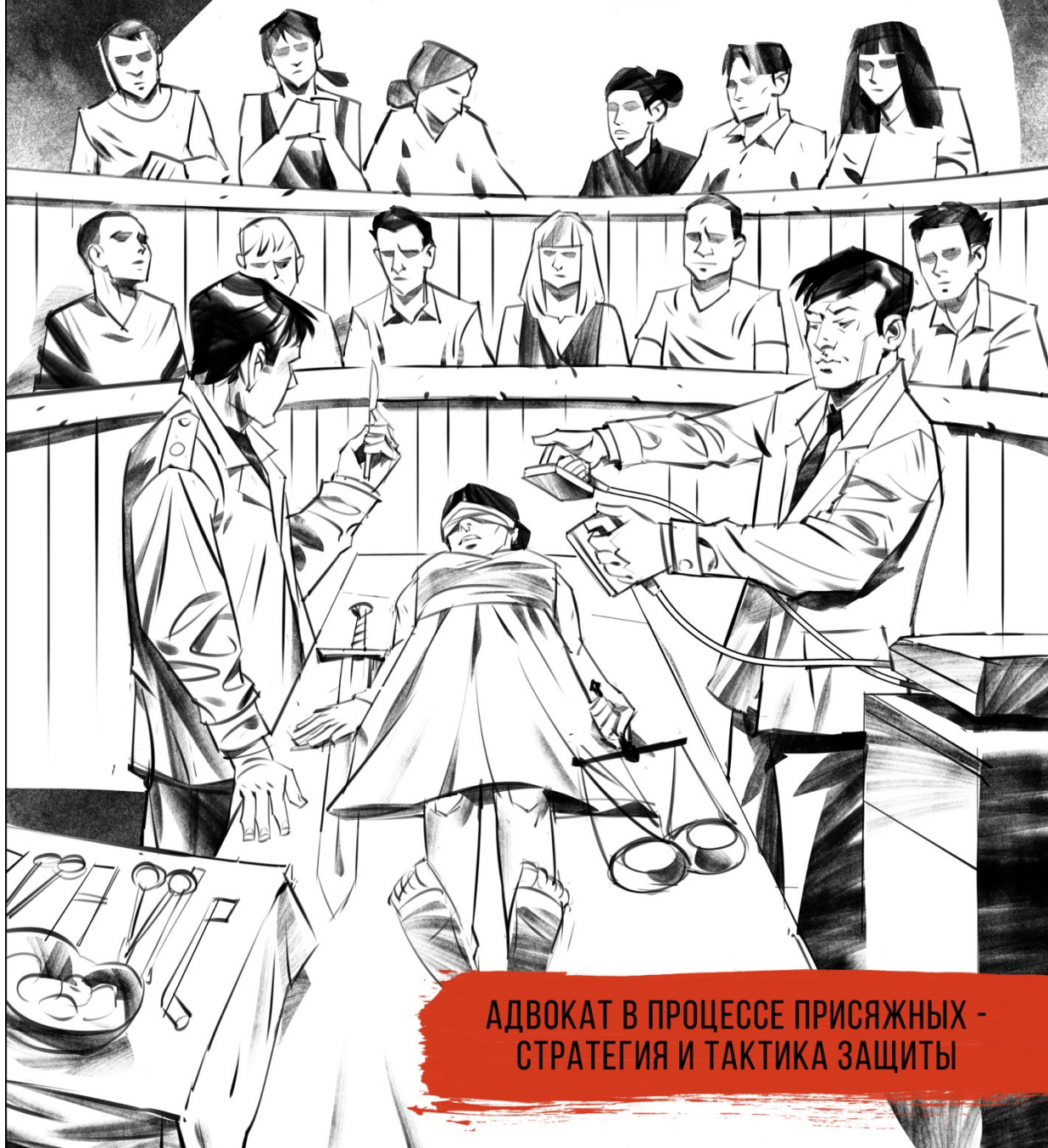
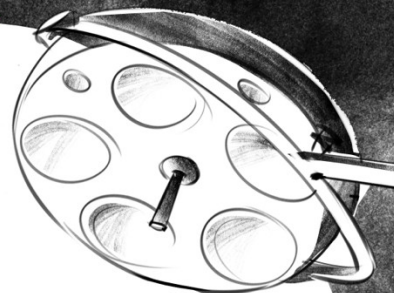

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

АЛЕКСЕЙ БАРАНОВСКИЙ

СУД ПРИСЯЖНЫХ: ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ФЕМИДЫ

АДВОКАТ В ПРОЦЕССЕ ПРИСЯЖНЫХ -
СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ЗАЩИТЫ

Александр Васильев, Алексей Барановский

1. СУД ПРИСЯЖНЫХ: ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ФЕМИДЫ

Адвокат в процессе присяжных –
стратегия и тактика защиты

Москва, 2017

***Посвящается памяти адвоката Виктора Паршуткина,
истинного виртуоза защиты в суде присяжных***

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ. ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ, ЧЕМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ И НИКОГДА НЕ БУДЕТ ЯВЛЯТЬСЯ ЭТА КНИГА

«Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слёз и пота. Нам предстоит суровое испытание. Перед нами много долгих месяцев борьбы и страданий. Вы меня спросите, каков же наш политический курс? Я отвечу: вести войну на море, суше и в воздухе, со всей мощью и силой, какую дает нам Бог; вести войну против чудовищной тирании, превосходящей любое человеческое преступление. Вот наш курс. Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь, потому что без победы не будет жизни».

Речь У. Черчилля 13 мая 1940 г.

Количество работ, посвященных суду присяжных в настоящее время неуклонно растет, однако их количество все никак не может перейти в качество. Во всяком случае мы не рискнули бы порекомендовать большую часть из них для человека, впервые столкнувшегося на практике с судом присяжных заседателей. Нет, большинство этих книг выглядит весьма внушительно и по объему, и по количеству цитат из законов, и по упоминанию классиков юриспруденции. Однако такие фолианты, как правило, имеют один существенный недостаток, который влечет за собой его обесценивание для практика...

Дело в том, что зачастую книги по юриспруденции (и суд присяжных тут не исключение) пишутся юристами-теоретиками, а реальность такова, что наше современное уголовное судопроизводство уже давно вырвалось из «оков закона» и как птица-тройка, несется не разбирая пути, норм права и научных трудов по юриспруденции. Тяжело вздохнув и положив руку на сердце, следует признать, что благодаря коллективным усилиям наших законодателей с одной стороны, и правоприменителей с другой – следственная и судебная практика уже давно утратила зыбкие связи не только с юридической наукой, но и с формальными правовыми нормами, подменив и то и другое твердой убежденностью следователей, прокуроров и судей в том, что если человеку предъявили обвинение, то уж явно не просто так, а значит осудить его надо любой ценой, и если закон тому мешает – тем хуже для закона...

В результате основной контингент авторов книг по юриспруденции – преподаватели и научные работники – пишут свои работы о состоянии дел в некой параллельной вселенной, в сферическом правовом вакууме, где Конвенция о защите прав человека, УПК и многочисленные Постановления Пленумов Верховного суда РФ соблюдаются всеми участниками процесса неукоснительно, права обвинения и защиты – равны, а суд объективен и беспристрастен. Увы, на практике, все обстоит несколько (мягко сказано) не так...

Еще одной проблемой литературы, написанной юристами-теоретиками, является то, что очень часто главную цель своего труда они видят не в том, чтобы донести до читателя какую-то актуальную информацию, а в том, чтобы набрать необходимое количество публикаций для последующей защиты кандидатской или докторской. В результате книга выглядит красиво, авторитетно, но по сути представляет собой предмет малоприспособленный для практического применения. Человеку, сталкивающемуся с реальным (а не книжным) уголовным процессом, совершенно не интересно знать принципиальные противоречия во взглядах академика права А. и академика права Б. Ему нужны сведения о том, что конкретно происходит в суде и как с этим бороться, и тут никакая академическая теория не поможет.

Российский уголовный процесс носит ярко выраженный обвинительный характер, практикам это не нужно доказывать, и если послушать аудиозапись какого-нибудь процесса, то слушатель вряд ли сможет определить где говорит прокурор, а где – судья. И если реальное положение вещей в судебном процессе изредка находит свое отражение в отдельных статьях или журналистских публикациях на юридическую тематику, то в более «крупных» публикациях – книгах и монографиях «за бортом» обычно остается обширнейший пласт реальной судебной практики, наработанной именно в условиях необходимости противодействия такой двойной морали суда, когда никакого обещанного законом равенства сторон нет и в помине. В настоящее время суды, при полном покровительстве апелляционных и надзорных инстанций, позволяют себе без каких-либо законных оснований отказывать в приобщении и изучении доказательств защиты, игнорировать любые доводы защиты вне зависимости от существующих норм права, и закрывать глаза на любые нарушения со стороны следствия и обвинения. Апофеозом судебного абсурда стала активно нарабатываемая в последнее время практика удаления из процесса адвокатов по соглашению и их замена на послушных «назначенцев», отбывающих роль адвокатов для галочки. В свете такого положения дел все многостраничные ссылки на нормы права и постановления пленумов стремительно утрачивают свою ценность для юриста-практика. Отношение к нормам законодательства и позициям Верховного суда РФ по тем или иным проблемам со стороны прокуроров и судей начинает все больше напоминать отношение некоторых церковных иерархов к Священному писанию – с одной стороны они начинают и заканчивают свои речи с выражения к нему почтения, а с другой – при малейшей необходимости дают им собственные самые вольные трактовки, выворачивающие их первоначальную суть наизнанку. В результате судебные процессы в российском суде все более начинают напоминать схватку гладиаторов со львами, где

на стороне суда и прокуратуры тотальный численный перевес и покровительство Цезаря, а адвокату-гладиатору остается лишь уповать на собственную хитрость и удачу...

Еще одним фактором, мешающим появлению полезных (с точки зрения практики) книг, посвященных суду присяжных, является чрезмерное увлечение авторов трудами иностранных и отечественных дореволюционных юристов. Юриспруденция тяжела тем, что не имеет общих единых закономерностей – в отличие от химии, математики или биологии. Она целиком и полностью зависит от воли законодателя и правоприменителя, и существует только здесь и сейчас. Изменилось законодательство, изменились люди, изменилась страна – и думать, что, написав защитительную речь в стиле Плевако или Александрова, можно повысить свои шансы на победу в суде присяжных – это верх наивности. Прочитайте для примера хотя бы речь Плевако в защиту Ильяшенко, а читая, подумайте, на какой странице своей речи Плевако бы сейчас взяли под белые ручки да возбудили бы в отношении него уголовное дело по ст. 282 УК РФ за возбуждение вражды и ненависти в отношении лиц еврейской национальности. Не лучше обстоит дело и с иностранной литературой. В том смысле, что разница в законодательстве и судебной практике слишком велика и зарубежный опыт судов присяжных нам здесь сегодня для наших целей – успешной борьбы в российском суде сегодня – малополезен.

Наконец, следует отметить и такой недостаток юридической литературы, посвященной суду присяжных, который можно назвать обобщенно – «преклонение перед психологизмом». Читая соответствующую литературу, невольно ловишь себя на мысли, что автор пытается убедить читателя в том, что для получения оправдательного вердикта нужно выставлять в суд психолога, а не юриста. За описанием рекомендаций по используемым жестам, тембру голоса и манере одеваться, как-то скромно растворяются и теряются в небытии принципы анализа доказательств и способы их доведения (в том числе вопреки воле председательствующего) до сведения присяжных заседателей. Во главу угла авторами ставится психология и риторика, и почти не разбираются вопросы, связанные с принципами и логикой доказывания невинности в суде присяжных, обходятся стороной вопросы стратегии и тактики защиты...

* * *

Наша книга писалась долго, трудно (еще дольше – редактировалась и шлифовалась), в разных условиях и в разном состоянии чувств. Поэтому стиль изложения материала иногда «скачет» от главы к главе, к тому же, как следует из данных на обложке, у книги два соавтора. Где-то стиль изложения более академичный, где-то менее, а где-то вообще сходен с публицистикой. В некоторых случаях описываются примеры из практики подробно и с указанием имен реальных участников, где-то, в силу тех или иных причин, описание ограничивалось формальными именами «гражданин А.», «подсудимый Б.», «свидетель В.» и т.д.

В книге используется изложение и от третьего лица, и от первого, и от «я», и от «мы». Да, конечно, можно было бы привести весь текст «к единому знаменателю», однако большого смысла в этом нет, поскольку это никак не повлияло бы на суть описываемых в книге практик и методик. Во-первых, никто не гнался за идеальной стилистикой. Во-вторых, это объясняется тем, что большинство рекомендаций так или иначе было опробовано на практике, в результате мы говорим не о каком-то абстрактном случае или методе, а о том, что применилось собственноручно и было испробовано непосредственно (иногда лично на себе)...

Что ж, плачевная ситуация с юридической литературой могла бы быть исправлена, если бы за написание взялись юристы-практики, да только вот беда – у них нет на это ни времени, ни желания, ни соответствующих навыков написания юридически-популярной литературы. В нашем случае, пожалуй, главной проблемой был цейтнот – недостаток времени, но зато имелось острое желание систематизировать

и письменно изложить опыт работы в суде присяжных, который мог бы пригодиться другим защитникам. Насколько это получилось – судить, конечно, читателям, но мы старались.

ЧЕМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЭТА КНИГА

Эта книга не является цитатником или конспектом УК и УПК РФ. Поэтому, читая эту книгу, Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы следует иметь под рукой. Если же вам необходим именно обзор законодательства по теме суда присяжных, вам можно порекомендовать, например, книгу В.В.Мельника «Искусство защиты в суде присяжных».

Не будет здесь и обилия цитат из трудов мэтров дореволюционной России или иностранных государств по причинам, изложенным выше. Вообще, не было цели раздуть объем книги во что бы то ни стало (типа, толстый том смотрится солиднее), поэтому если для понимания того или иного момента достаточно было одного примера – им и ограничивались. Поэтому, если в тексте вы встретите цитаты из других источников, то не там, где это можно было сделать, а там, где без этого нельзя было обойтись. (Кстати, сразу же хотим принести извинения тем авторам, которых мы могли процитировать, не поставив при этом должной ссылки. Если Вы заметили такие упущения – напишите, пожалуйста, по электронной почте, указанной на задней обложке, и мы обязательно исправим это упущение).

Чем еще не является эта книга – она не является обзором становления и развития института суда присяжных в России, в мире, и вообще. Эта работа – не для историков, а для юристов-практиков.

Книга не является учебником психологии и риторики. Здесь не будет (ну или почти не будет) советов как должен одеваться адвокат или какие курсы актерского мастерства следует посещать.

Книга не является высоконаучным трудом по юриспруденции. Наша сознательная позиция – сделать её доступной для рядового читателя, который, волею судьбы, может оказаться в составе коллегии присяжных заседателей. Поэтому при редакции мы выкинули из конечного текста максимально все, что так или иначе затрудняло понимание написанного.

Книга не является призывом, оскорблением, вызовом и т.д. Но если вы все-таки увидели в этой книге какую-то крамолу, то советуем вам её немедленно закрыть, потому что давно известно, что через книги передаются вредные мысли. Можете её даже для надежности сжечь (а если читаете на компьютере – отформатировать для надежности жесткий диск).

Мы умышленно пошли на некоторое упрощение и вульгаризацию юридических терминов, например, в книге крайне редко используется термин «форма судопроизводства с участием присяжных заседателей», предпочтя ему юридически не верный, но куда менее громоздкий – «суд присяжных», или мы пишем «профессиональный суд» – вместо «судопроизводство с участием одного профессионального судьи или коллегии из трех судей» и т.д. Сделано это, прежде всего, для удобства понимания прочитанного. Здесь, уж извините, как сказано выше, нам было гораздо интереснее написать практическое пособие, нежели академический текст, так что если вы излишне чувствительны к подобного рода упрощениям – эта книга также не для вас.

И особенно мы не рекомендуем эту книгу студентам. Нет, если вы планируете в дальнейшем идти в адвокатуру, и работать в том числе и с судом присяжных, тогда прочтите – лишним не будет, а вот если вы попытаетесь ответить преподавателям на какие-то теоретические вопросы, руководствуясь этой книгой, то рискуете нарваться на неуд., ибо юридическая теория и юридическая практика (особенно в России) – это две большие разницы.

ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ЭТА КНИГА

Единственное, чем является эта книга – это методичкой по работе с судом присяжных в которой основной упор сделан не на нормы права, а на ту реальную судебную практику (порой, не всегда законную), которая складывается по делам данной категории. Ничего иного в ней нет. Методичкой краткой, сжатой, доступной, написанной с учетом реального опыта работы адвокатов по делам с присяжными заседателями. Поэтому вместо цитат из теоретиков права, здесь будут цитаты из приговоров, вопросных листов, постановлений и ходатайств.

Сама книга написана с упором именно на специфику суда присяжных, уделяя иным формам судопроизводства весьма незначительное внимание. Затрагиваемые в ней вопросы исследуются именно через эту призму. В частности, именно поэтому, говоря, например, о разработке стратегии защиты я призываю делать основной упор не на предъявленное обвинение (что логично для обычных процессов), а на предполагаемый вопросный лист, или практически не уделяется внимания вопросам допустимости доказательств и обжалования судебных решений, именно в силу того, что эти вопросы являются общими для всех форм судопроизводства.

Данная книга будет, безусловно, полезна тем, кто имеет непосредственное отношение к процессу с участием присяжных заседателей – адвокатам (особенно, ранее не сталкивавшимся с такой формой судопроизводства), общественным защитникам и, конечно, подсудимым. Да, прочтение этой книги не сделает Вас суперменом от адвокатуры, но, по крайней мере, покажет вам глубину проблемы этой формы судопроизводства и подскажет основные пути ее решения. Вообще рассчитывать на то, что прочтение этой или какой-либо другой книги о судопроизводстве заменит Вам реальную практику в суде – это примерно так же наивно, как рассчитывать, что можно научиться плавать по учебнику. Судебные баталии (и суд присяжных прежде всего), требуют от участника качеств, которые можно наработать только непосредственно в суде. Впрочем, об этом еще будет сказано далее.

Как видно из содержания, книга состоит из глав. При этом мы старались ее структурировать таким образом, чтобы отразить проблематику суда присяжных в целом. Дать исчерпывающее представление о суде присяжных сначала в виде раскрытия общих вопросов, затем – в виде хронологии хода суда с участием присяжных. Поэтому материал в книге изложен в хронологическом порядке, характерном для типичного процесса с присяжными. Сначала идут общие вопросы стратегии защиты – затем вопросы тактики отдельных стадий судопроизводства.

Еще один важный момент – книга писалась, исходя из реалий процесса присяжных в РФ и, прежде всего, исходя из того, что суд в этом процессе фактически является представителем стороны обвинения. Нет, мы вовсе не утверждаем, что ВСЕ судьи во ВСЕХ процессах с присяжными ВСЕГДА стоят на стороне обвинения. Вполне можно допустить, что имеют место процессы, в которых и суд, и стороны соблюдают закон, ведут себя вежливо и корректно. Если вдруг вы оказались именно в таком процессе, то смело закрывайте эту книгу, а мы будем вам завидовать. Эта же книга написана, прежде всего, для ситуаций, когда конфликт защиты и судьи в процессе присутствует в достаточно видимой форме. Если вы столкнулись с объективным и законопослушным судом, большинство рекомендаций из книги останутся невостребованными, а то и вредными для такой эксклюзивной ситуации. Не упустите свой шанс :)

Наконец, далеко не всегда есть возможность поделиться опытом с реальными примерами. Это касается, в первую очередь, не стратегии защиты в целом, а тактики конкретных действий адвоката, и в особенности специфических методик защиты, стоящих на грани допустимого. Как вы понимаете, это не от желания скрыть эффективные приемы и методы от коллег, а от нежелания выходить на бой с судом и

обвинением «с открытым забралом». Неожиданность и нестандартность маневров – лучшее (а порой и единственное) оружие адвоката.

И, конечно, хотелось бы отметить, что данная книга отражает исключительно взгляды ее авторов на затрагиваемые проблемы. Возможно, где-то наши оценки излишне резки и критичны, а возможно и необъективны. Ну что ж, юриспруденция – не точная наука, как говорится: два юриста – три мнения. Впрочем, и задача этой книги – не дать готовый рецепт на все случаи жизни (на все события, складывающиеся в суде присяжных), а скорее придать верное направление образу мысли при работе по такой категории уголовных дел, показать проблемы суда присяжных и мотивировать читателя на самостоятельный творческий поиск путей их решения в каждом конкретном процессе... Приятного чтения и удачи в суде!

*Александр Витальевич Васильев,
Алексей Александрович Барановский*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

ГЛАВА 1.

ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СУД ПРИСЯЖНЫХ

«Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги».
Джан-Джакомо Тривульцио.

Суд присяжных, это право, а не обязанность подсудимого. Причем пользоваться этим правом необходимо осознанно, проанализировав все «за» и «против». В ином случае суд присяжных может не только не дать результата, но и ухудшить положение дел, повлечь для подсудимого гораздо более тяжкие последствия, нежели судопроизводство с участием профессионального судьи.

Конечно, для реализации права на суд присяжных необходимо выполнение некоторых процессуальных условий (в частности, подсудимому должны быть инкриминированы именно те составы преступлений, которые допускают рассмотрение дела судом с присяжными), но о них вы сами без труда прочтете в УПК РФ. Нам же необходимо разобраться – в каких случаях имеет смысл воспользоваться своим правом на суд присяжных, а в каких лучше уж верить свою судьбу в руки профессионального судьи, ну или тройки судей. В связи с этим, важно определиться с тем, какие факторы следует учитывать при выборе формы судопроизводства.

Факторы, влияющие на выбор суда присяжных и оказывающие затем влияние на ход процесса, можно разделить на процессуальные и внепроцессуальные. Составить свое представление о процессуальных факторах можно на основании опять же прочтения УПК. Так, если в результате анализа материалов дела (на стадии ознакомления) вы пришли к выводу о слабой доказательственной базе обвинения, и если инкриминируемая статья это допускает, то самое время подумать: «Не ходатайствовать ли нам о суде присяжных?». О процессуальных факторах мы будем говорить отдельно далее. Сейчас же пока разберемся с внепроцессуальными факторами, влияющими на суд присяжных.

Прежде всего надо понимать, что суд – это не замкнутая система. И защита, и обвинение, и даже независимый и беспристрастный судья – все они испытывают на себе влияние каких-то сторонних факторов, оказывающих воздействие и на ход процесса, и на поведение в процессе сторон, и на итоговое решение. Но если влияние таких факторов велико даже для обычного суда, то что уж говорить о судопроизводстве с участием присяжных заседателей. Что же это за факторы? Вот их то мы в этой главе и рассмотрим.

Нижеследующий список внепроцессуальных факторов, влияющих на суд присяжных, естественно является не полным и, может быть, не совсем корректным с точки зрения научной методологии, но, во всяком случае, указание на наиболее значимые обстоятельства в нем содержатся и для практических целей он вполне применим. Юриспруденция – не точная наука, соответственно и ни один из нижеизложенных факторов не имеет абсолютной силы и не может однозначно свидетельствовать ни за выбор судопроизводства с присяжными, ни против него. В любом случае необходимо учитывать всю совокупность нижеперечисленных факторов, а возможно и тех, которые в статье не упомянуты.

1.1 Размер наказания

Думается, нет нужды повторять, что количество оправдательных приговоров, выносимых судами с участием присяжных заседателей ощутимо выше, чем число оправданий у профессионального судьи. В различных источниках, в большинстве случаев, фигурируют показатели в 20% оправданий у присяжных и 0,9% оправдательных приговоров у профсудьи соответственно. В то же время, куда менее известно, что в случае вынесения обвинительного вердикта присяжными, наказание назначаемое затем судьей на основании этого вердикта, как правило, бывает несколько жестче, чем если бы судопроизводство по делу происходило в ином режиме (т.е. без присяжных).

Это имеет свое простое объяснение. Суд с участием присяжных для судьи куда более затратен (по силам и нервам), нежели обычный суд. В результате «за свои страдания» судьи и накидывают в наказании год-другой-третий-пятый и вплоть до пожизненного. Доходит до того, что некоторые судьи в ходе предварительного слушания прямо об этом предупреждают подсудимого. Поэтому защитнику и обвиняемому нужно быть морально готовыми к таким «дружеским советам» со стороны председательствующего, чтобы не дрогнуть в последний момент и не отказаться от заранее намеченной стратегии защиты.

Суд присяжных обычно проходит в достаточно нервной обстановке, куда более нервной, чем суд с профессиональным судьей. Известны ситуации, когда противостояние защиты и суда, в ходе процесса, обострялось до предела и конфликт принимал самые острые и непримиримые формы, но об этом будет дополнительно сказано ниже.

Пока же следует лишь отметить, что такой накал страстей вполне объясним: в случае с судом присяжных, прокурор и судья не уверены в обвинительном вердикте, не могут его заранее гарантировать – как следствие, они делают все от них зависящее, чтобы шансы на обвинение увеличить. В обычном процессе – с участием

профессионального судьи – защита имеет весьма призрачные шансы добиться оправдания или смягчения приговора, причем вне зависимости от предпринимаемых мер. В результате у председательствующего судьи нет необходимости нервничать, переживать и испытывать стресс по поводу ходатайств и доказательств защиты.

Совершенно иная картина наблюдается в суде с присяжными – здесь судейская уверенность в вердикте может весьма сильно поколебаться из-за активных и эффективных действий защиты. В результате начинается взаимная эскалация конфликта. Сторона защиты все активнее и решительнее противодействует усилиям председательствующего добиться обвинительного вердикта, соответственно и председательствующий все менее настроен соблюдать в отношении защиты закон, профессиональную этику и элементарные приличия. В итоге, к концу процесса, проходящего по конфликтному сценарию, судья уже готов (в случае получения обвинительного вердикта от присяжных) назначить самое строгое наказание из предусмотренного санкцией статьи.

При этом может «достаться» и тем подсудимым, которые сотрудничали со следствием, в том числе активно. Так в деле Рыно-Скачевского второй по тяжести приговор был назначен подсудимому Никитину, который активно сотрудничал со следствием – именно благодаря его показаниям были установлены и привлечены к уголовной ответственности трое (из десяти) подсудимых, однако суд с присяжными прошел далеко не так как планировало обвинение и председательствующий. Двое из подсудимых, «выявленных» при посредничестве Никитина, были оправданы, а сам Никитин начал активно отрицать свою вину (хотя на следствии ее признавал и давал показания и на себя, и на остальных соучастников).

В результате Никитин, единственный из подсудимых находившийся на подписке о невыезде, получил второй по тяжести приговор – 12 лет строгого режима, и был взят под стражу в зале суда.

Соответственно, если вероятность получить по делу обвинительный вердикт высока (исходя из имеющихся в деле доказательств), то следует хорошенько подумать над тем, а не следует ли отказаться от суда присяжных, чтобы получить срок несколько меньший, чем он может быть при обвинительном вердикте после присяжных...

1.2 Возможности обжалования приговора

Еще одним фактором, который необходимо учитывать при решении вопроса о форме судопроизводства является положение УПК РФ о том, что приговор, постановленный на основании вердикта с участием присяжных заседателей не может быть обжалован в части доказанности или недоказанности обстоятельств, которые установлены вердиктом присяжных. В свою очередь, это влечет за собой проблему неустранимости ошибки присяжных.

Так автору, при рассмотрении одного из дел, пришлось столкнуться со следующей ситуацией: двум предполагаемым соучастникам убийства по т.н. делу «Белых волков», помимо прочего, вменялась кража мобильного телефона жертвы. При этом фактически телефон с места происшествия забрал соучастник А., а соучастник Б. в дальнейшем лишь отнес этот телефон перекупщикам. Данная версия была выдвинута обвинением, и фактически доказывалась признательными показаниями самих обвиняемых, подтвержденных ими и на суде. При вынесении вердикта присяжные посчитали соучастие в совершении кражи доказанным в отношении соучастника Б., но не доказанным в отношении соучастника А. И сделать с этим уже ничего нельзя...

Аналогичный случай имел место при рассмотрении и другого дела, когда двум соучастникам вменялось, помимо прочего, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В этом случае версия обвинения о совершении преступления соучастниками А. и Б. противоречила показаниям не только обоих обвиняемых, но и самого потерпевшего, который утверждал, что инкриминируемые обоим соучастникам телесные повреждения наносил ему только обвиняемый А. Несмотря на это, в

итоговом вердикте по делу присяжные посчитали, что в причинении тяжкого вреда здоровью виновен обвиняемый Б., а соучастник А. – не виновен. Данное решение присяжных может быть объяснено только ошибкой присяжных (что вполне допустимо с учетом того, что присяжные при вынесении вердикта не имеют доступа к материалам дела или протоколу судебного заседания, и потому могут просто что-то перепутать).

Впрочем, бывают и обратные ситуации, когда ошибка является для стороны защиты благом. Например, в уже упомянутом деле по обвинению Рыно-Скачевского и др., рассмотренном в Мосгорсуде в 2008 году, имел место момент, когда коллегия присяжных заседателей посчитала недоказанным факт покушения на одного из потерпевших. По данному эпизоду имелась видеозапись нападения. Так вот, присяжные заседатели, посчитав количество нанесенных потерпевшему ножевых ударов, установила, что их было нанесено семь. В то же время, согласно имеющейся судебно-медицинской экспертизе, у потерпевшего было насчитано только пять ножевых ранений. На основании этого присяжные посчитали, что данная видеозапись не относится к рассматриваемому эпизоду, и как следствие – весь эпизод в целом, и участие в нем подсудимых, посчитали недоказанным. Однако такая аргументация может вызвать и нарекания. Например, что два из семи ударов в силу каких-то причин были нанесены недостаточно сильно и просто не пробили одежду потерпевшего. Но, как бы то ни было, даже стороне обвинения добиться пересмотра вердикта присяжных по данному эпизоду не удалось...

С учетом особенностей рассмотрения дела с участием присяжных заседателей, ни в одном из перечисленных случаев в суде второй инстанции обжаловать явно парадоксальные или ошибочные вердикты коллегии не удалось.

Существующее положение вещей не раз было предметом оспаривания в Конституционном суде РФ, однако КС РФ придерживается мнения, о том, что приговор суда, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, обжалованию не подлежит. В частности, такая позиция нашла свое отражение в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009г. №217-О-О (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691018/>) и Определении КС РФ от 24 декабря 2013г. № 2003-О (<http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24122013-n-2003-o-ob/>).

Еще одним примечательным решением КС РФ стало Определение от 25 февраля 2013 г. №179-О (http://uristu.com/library/sud/konstitut_big_14141/) по жалобе адвоката Дмитрия Аграновского в защиту интересов гр-на Климука. Дело в том, что это определение КС РФ само стало предметом жалобы в ЕСПЧ. Однако Страсбург к настоящему времени по данному обращению решения еще не принял...

Таким образом, данный фактор, несмотря на то что он иногда может играть весьма существенную роль, как таковому прогнозированию не поддается – соответственно о нем необходимо знать, но учитывать его при принятии решения вряд ли получится. Конечно маловероятно, чтобы еще до начала суда первой инстанции защита признала бы необходимым обжаловать приговор во второй инстанции, однако если в деле много эпизодов и значительное количество подсудимых – следует помнить и о возрастающих шансах на ошибку присяжных...

Еще одной причиной, по которой я отвожу время и место на обсуждение этого фактора, является то, что порой специфика обжалования приговора, постановленного на основании вердикта присяжных, становится неприятным сюрпризом для доверителя. Поэтому настоятельно рекомендую своим коллегам досконально объяснять этот момент подзащитным, во избежание недоразумений и возможных обвинений в некомпетентности со стороны доверителей в дальнейшем.

Кстати говоря, еще один аспект обжалования приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей, заключается в том, что оправдательные приговоры отменяются вышестоящим судом в разы чаще, чем обвинительные.

Вот какую статистику приводит федеральный судья в отставке Сергей Пашин:

«Первые три года работы суда присяжных динамика отмен его оправдательных приговоров была отрицательной: в 1994 году Кассационная палата Верховного Суда Российской Федерации отменила 20,5% от вынесенных оправдательных приговоров, в 1995 году – 18,0%, в 1996 году – 17,0%. С 1997 года по 1999 год активность Кассационной палаты нарастает: в 1997 году отменяется каждый четвертый (26,5%) оправдательный приговор судов присяжных, в 1998 году – каждый третий (36,9%), в 1999 году – каждый второй (50,9%). Характерно, что в это же время из обжалованных обвинительных приговоров суда присяжных отменяется в среднем каждый десятый приговор: в 1998 году 7,9%, а в 1999 году – 11,7% обвинительных приговоров.

После пика отмен оправдательных приговоров суда с участием присяжных заседателей наблюдается спад. В 2001 году в Верховном Суде Российской Федерации обвинительные приговоры суда присяжных отменялись в отношении 23 лиц (6,7%), оправдательные – в отношении 34 лиц (43%). В 2002 году Кассационная палата Верховного Суда Российской Федерации отменила, если считать по лицам – 18 (5,9%) обвинительных и 11 (32,4%) оправдательных приговоров суда присяжных. В 2003 году приговоры суда с участием присяжных заседателей были отменены в отношении 62 человек (11,3% от числа обжалованных), из них обвинительные приговоры – относительно 28 лиц (5%), оправдательные приговоры – относительно 34 лиц (24% от числа оправданных подсудимых)».

Источник: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html

Эта разница в показателях отмен обвинительных и оправдательных приговоров судов присяжных объясняется общим обвинительным уклоном российской судебно-правоохранительной системы, логическим продолжением которой становится система двойных требований к действиям стороны защиты и стороны обвинения в процессе. Суды (в том числе и апелляция) с гораздо большей охотой замечают нарушения (в том числе и мнимые) в действиях адвокатов, нежели в действиях прокуроров и судей. То есть готовясь к суду присяжных, необходимо понимать, что вероятность отмены оправдательного приговора существенно выше чем обвинительного.

1.3 Общественный резонанс и особые обстоятельства преступления

Поскольку суд присяжных – это самый что ни на есть настоящий суд народа, а народу свойственно смотреть телевизор, читать газеты и прислушиваться к мнению окружающих, решая вопрос о форме судопроизводства необходимо так же учитывать такой специфический фактор, как «общественный резонанс по делу». Большинство дел обычно не вызывают в обществе каких-либо стойких и сильных симпатий и антипатий. То есть общественным резонансом по большинству дел можно и пренебречь. Но в то же время попадают и такие дела, в которых мнение народа не просто можно, но и нужно учитывать.

Общественный резонанс – это явление, создающее определенный фон восприятия фактов рассматриваемого дела, при этом общественный резонанс существует вне воли сторон, в отличие от целенаправленного информационного сопровождения уголовного дела (который мы рассматриваем в главе 7 этой книги). Общественный резонанс трудно, а порой и совершенно невозможно, контролировать и направлять в нужное русло, но его можно и нужно учитывать при работе по делу. Как его оценить? Почитайте СМИ, пообщайтесь с людьми, не вовлеченными в процесс, предложите им оценить ситуацию по делу, короче говоря, попробуйте провести собственное небольшое социологическое исследование. Некоторые вопросы требуют

элементарного внимания к общественным процессам и сообщениям в СМИ. Например, каково складывающееся в обществе текущее отношение к националистам и иммигрантам (в случае со «скинхедовскими» делами), или насколько кровавое преступление вменяют подсудимым (как в случае с «бандой Цапков») и как на него реагирует в «народной среде».

В качестве эталонного примера можно взять следующий процесс. В 2008-2010 г.г. в Мособлсуде рассматривалось уголовное дело о покушении на Анатолия Чубайса (того самого). Дважды присяжные выносили свой вердикт (первый раз, в 2008-м, он был отменен ВС РФ) и дважды они признали всех подсудимых невиновными. Конечно, свою роль в этом оправдании играл и профессионализм защиты, и откровенно слабая (а порой и внутренне противоречивая) доказательственная база обвинения, но много ли вы знаете граждан РФ, которые бы относились к Чубайсу с симпатией и любовью? Полагаю, вопрос риторический... Таким образом, выбор судопроизводства с участием присяжных заседателей, в данном случае, был полностью оправдан в том числе и с точки зрения учета общественного резонанса. В любом случае – из-за фигуры «потерпевшего» – сторона защиты по этому делу могла рассчитывать на более благожелательное отношение со стороны присяжных, чем сторона обвинения. (К слову, следует сказать, что данному процессу посвящена книга «Черная мантия. Анатомия российского суда», написанная группой поддержки одного из подсудимых – Ивана Миронова. Настоятельно рекомендуем ее к прочтению тем, кому интересна тема суда присяжных в современной России).

Аналогично, можно вспомнить процессы с присяжными над группой капитана Ульмана и дело Аракчеева – Худякова.

В случае с Ульманом и его разведгруппой, подсудимые не отрицали своей причастности к уничтожению шести гражданских лиц, однако обосновывали это прямым приказом своего командования, не выполнить который, в ходе проводимой ими войсковой операции по поимке Хаттаба, они просто не могли. В результате в двух процессах с участием присяжных заседателей (как обычно, ВС РФ усматривает основания для отмены приговоров по «политическим делам», только если они оправдательные) в 2004 и 2005 годах Ульман и его подчиненные были оправданы. Третий процесс с присяжными был прерван, а дело передали в Северо-Кавказский окружной военный суд, где тройка профессиональных судей профессионально закрыла глаза на все доказательства защиты и вынесла обвинительный приговор... Ульман, впрочем, к тому времени был уже далеко.

Дело Аракчеева-Худякова во многом похоже на процесс над группой Ульмана с той, однако, разницей, что военнослужащие Аракчеев и Худяков вообще отрицали свою причастность к убийству чеченских жителей. Аналогично, осудить Аракчеева и Худякова удалось только с третьей попытки (после двух оправданий) и только после передачи дела из компетенции суда присяжных – тройке судей.

Полагаю, читатели и сами прекрасно помнят чеченские кампании и общий настрой граждан России при оценке тех кровавых событий. Тот же факт, что нашим законодателям и Конституционному суду РФ пришлось спешно вносить изменения в УПК РФ и судебную практику (см., в частности, Постановление Конституционного суда РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П – <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06042006-n/>) и изымать подобные дела из компетенции суда присяжных, прекрасно иллюстрирует тот факт, что и наши отечественные «небожители» также прекрасно понимают значимость общественного резонанса по делам с присяжными.

С другой стороны, можно привести пример, когда общественный резонанс по делу был проигнорирован и результат такой недальновидности оказался весьма плачевен. Несколько лет назад (в декабре 2010 года, если быть точнее) в Москве был убит футбольный болельщик Егор Свиридов. Сотрудники милиции, задержавшие убийц (которыми – вот неожиданность – оказались мирные кавказские ребята без

определенного рода занятий), на удивление быстро отпустили большинство участников драки под подписку о невыезде. Однако, данная история быстро стала достоянием общественности и спровоцировала фанатское сообщество на активные действия по восстановлению справедливости. Через несколько дней, 11 декабря 2010 года, произошли знаменитые столкновения на Манежной площади между полицией и футбольными болельщиками, нагнавшие страху не только на рядовых коррупционеров погонах, но и на высокое милицейское начальство. Сам Колокольцев (тогда еще не министр, а начальник ГУВД Москвы) приехал договариваться с негодующими футбольными фанатами. Вместе с тем данный факт, и последовавшая за ним практически всенародная поддержка действий демонстрантов, четко показала на чьей стороне будет и мнение присяжных. Через некоторое время убийц, проигнорировавших отобранную у них подписку о невыезде (какая неожиданность!), и смотавшихся в родные горы, задержали и, проведя предварительное следствие, направили дело в суд. Вот тут стороне защиты и надо было подумать – какую форму судопроизводства выбрать? Уж не знаю, защитникам или самим подсудимым принадлежала эта неоднозначная идея, но они потребовали суда с участием присяжных заседателей. Результат – все виновны, снисхождения не заслуживают. Непосредственный убийца Егора Свиридова – Аслан Черкесов получил 20 лет строгого режима, остальные по пять лет лишения свободы.

* * *

К слову сказать, еще одним внепроцессуальным фактором, без сомнения, влиявшим на решения присяжных по делу о покушении на Чубайса, делам Ульмана, Худякова-Аракчеева и по делу об убийстве Свиридова – является, на мой взгляд, фактор «личной безопасности». То есть большинство присяжных, оценивая доказательства по делу, невольно оценивают подсудимых и на предмет их опасности для себя лично (т.е. для присяжного). Опасен ли присяжному идейный террорист, решивший восстановить справедливость (в его понимании) и покончить с такой одиозной фигурой как Чубайс? Очевидно, что нет. Никто из присяжных ваучерами не барыжил, по три шкуры за электричество со своего ближнего не драл, да и за чеченских боевиков не воевал. Опасен ли присяжному кавказец, убивший случайного прохожего? Очевидно, что да, поскольку на месте этого случайного прохожего мог оказаться любой из двенадцати членов коллегии присяжных.

* * *

Также сродни значению общественного резонанса ситуации, при которых специфические особенности конкретного преступления, не имеющие серьезного юридического значения, тем не менее играют весьма существенную роль при оценке дела с точки зрения человеческой морали и нравственности. Речь идет, прежде всего, о преступлениях совершение которых связано с такими явлениями как защита от преступных посягательств со стороны потерпевшего, либо его противоправное, провоцирующее поведение. В качестве иллюстрации можно привести такой пример, который сошел нам как будто прямо из рассказов о Плевако:

«10 марта 1995 г. Ивановский областной суд с участием присяжных заседателей рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению жительницы города Наволоки Кинешемского района 60-летней пенсионерки Веры Краскиной в умышленном убийстве (п. "а" ст. 102 УК РСФСР).

Из обвинительной речи прокурора Сергея Расторгуева следовало, что 17 октября 1994 года около 16 часов Краскина в собственной квартире нанесла ножом колото-резанную рану шеи своему 40-летнему сожителю

Юрию Смирнову. В результате повреждения позвоночника и спинного мозга тот через несколько минут скончался на месте.

В качестве причины убийства подсудимая сослалась на беспробудное пьянство Смирнова, постоянное вымогательство им денег на приобретение спиртного. Эти неблагоприятные жизненные обстоятельства, толкнувшие женщину на тяжкое преступление, легли и в основу защитительной речи адвоката Альбины Крайновой.

Доказательства обвинения по делу об убийстве Смирнова выглядели бесспорными, коллегия присяжных заседателей согласилась с этим, единодушно ответив на первые два вопроса: "Да, доказано". Тем неожиданнее был вердикт в отношении подсудимой: "Нет, не виновна". Проверив это решение, председательствующий не усмотрел в нем противоречия и постановил оправдательный приговор».

Источник: <http://pravo.ru/process/view/123310/>

Общественный резонанс и очевидная для обвинения симпатия граждан (из числа которых и будут набирать коллегия присяжных заседателей) может иногда творить чудеса, и в лучших традициях Сунь Цзы позволяет выигрывать процесс с присяжными еще до его начала – то есть вынуждать следствие менять квалификацию инкриминируемого деяния на менее тяжкую, чтобы не допустить дело до рассмотрения судом присяжных. Например, такой случай в свое время произошел в Воронеже:

«...Поздно вечером 8 августа 2010 года трое сотрудников Верхнекарачанского отделения милиции ОВД по Грибановскому району, а именно: Алексей Щербаков, Сергей Фетисов, а так же их начальник Алексей Селезнев возвращались в райотдел милиции после «проведения оперативно-следственных мероприятий» (так, во всяком случае утверждалось в официальной версии ГУВД по Воронежской области), двигаясь по трассе Курск-Саратов на милицейском автомобиле марки УАЗ на большой скорости с выключенными фарами без специальных опознавательных «милицейских» знаков. Все трое находившихся в автомобиле «оперативных работников» были в штатском, кроме того пребывали в состоянии сильного алкогольного опьянения (по версии того же ГУВД по Воронежской области – водитель, Алексей Селезнев, был трезв), проведя весь день 8 августа за распитием спиртных напитков (по версии ГУВД – возвращались с ответственного задания).

На 433-м километре федеральной трассы Курск-Саратов при обгоне большегрузной фуры водитель УАЗ-ика заметил едущую впереди него гужевую повозку (в которой в тот момент возвращался с сенокоса Александр Кулешов с домочадцами – своей невестой Татьяной Лариной, ее матью, сестрой, племянником и сыном Татьяны), и которую до того не мог видеть из-за фуры, после чего, резко рванув влево, увернулся от столкновения с едущей навстречу машиной, и уже затем, вывернув вправо, милицейский УАЗ-ик перевернулся посреди трассы, преградив тем самым на некоторое время движение. Впрочем, в результате произошедшего ДТП ни водитель, ни пассажиры милицейского УАЗ-ика не пострадали, а быстро подошедшие на помощь водители и пассажиры проезжавших мимо автомобилей поставили УАЗ на колеса.

Придя через какое-то время в себя сотрудники МВД быстро нагнали гужевую повозку Кулешова (уже на 435-ем километре трассы), после чего потребовали его остановиться, вслед за чем, обвинив Кулешова в ДТП, которое с ними произошло, принялись избивать его ногами, повалив на землю. Когда за Александра вступилась его невеста – Татьяна Ларина (с которой у Кулешова была назначена свадьба на 18 августа 2010 года) один из милиционеров ударил ее кулаком в висок, от чего Татьяна потеряла

сознание и упала. Через день у беременной Татьяны из-за этого удара произошел выкидыш, в больницу, где врачи не смогли спасти ее ребенка, Татьяну доставили прямо с длительного и жесткого допроса в милиции.

Услышав крики Ольги Ивановны, мамы Татьяны Лариной: «Таню убили!» Александр Кулешов, выхватил нож (который носил с собой в дни дежурств по работе – Александр подрабатывал охранником) и нанес им удары каждому из своих обидчиков, после чего, из страха что приехавшие на место милиционеры расправятся с ним (по свидетельству мамы Кулешова такое у них в деревне случалось раньше) – скрылся с места происшествия, отведя телегу в лес, и уже затем вернулся к себе домой. От полученных ранений милиционеры, избивавшие Кулешова, Алексей Щербаков и Сергей Фетисов скончались на месте, а Алексей Селезнев с колото-резанной раной грудной клетки доставлен в больницу...»

Источник: http://traditio.wiki/Дело_семьи_Кулешова

Изначально, Александру Кулешову инкриминировалось ст.105 ч.2 УК РФ, но благодаря общественному резонансу, помощи общественных организаций (в частности, «Русского общественного движения») обвинение осознало возможность и последствия рассмотрения дела судом присяжных, и в итоге обвинение Кулешову было переквалифицировано на ст.107 ч.2 УК РФ (убийство в состоянии аффекта). Приговором суда, Александру Кулешову в итоге было назначено наказание в виде 4,5 лет лишения свободы.

1.4 Наличие информационного сопровождения процесса

Непосредственным развитием и продолжением предыдущего фактора является фактор информационного сопровождения процесса. Присяжные не читают газет, не смотрят телевизор и не слушают радио только в художественных фильмах. На деле же неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что присяжные черпают из СМИ информацию, напрямую относящуюся к делу в котором участвуют, причем делают это весьма активно и целеустремленно.

Порой даже доходит до того, что присяжные сами в этом открыто признаются. Так по делу в отношении Н.Тихонова и Е.Хасис присяжный заседатель Мамонов дошел до того, что дал интервью сайту «Газета.ру» в котором, в частности, сообщил следующее:

«...Я сам ездил на Пречистенку, смотрел, где там эти камеры, с которых взяли запись. Кстати, на видео на Хасис очень похоже. Потом я пытался за ней в зале суда наблюдать, что она покачивается. Не зря мы второй раз запись попросили посмотреть...

Как только начались заседания, я прессу посмотрел. И ради интереса зашел на сайт «Русского вердикта». Это был основной источник информации, он у меня в закладках до сих пор. В первое время все, что говорил прокурор, проходило через призму «Русского вердикта». Еще нашли случайно твиттер «Русского общественного движения», РОДа. Смотрели его всегда, когда нас выводили из зала, чтобы узнать, успеет покурить или нет. Смотрели — ага, судье заявили отвод, время есть...

Они знали, что мы читали. Я говорил, на каком сайте что написано. Судья на заседаниях несколько раз подчеркивал, еще в марте он, кажется, это говорил: я не могу вам запретить читать, но доказательствами является только то, что вы услышали в зале суда, только их и рассматривайте. Я же из СМИ информацию не собирал, я именно мониторил, насколько объективно освещается процесс. Теперь адвокат Васильев говорит про меня: «Он сам признался, что собирал

доказательства в СМИ». Я вот не понял, у нас СМИ теперь подменяют следствие?...».

Источник: <http://www.gazeta.ru/social/2011/05/17/3620585.shtml>

Если вдруг вы решили, что присяжный своими признаниями нарушил нормы закона (не только черпал информацию из СМИ, но и ездил на персональный «следственный эксперимент» на место преступления), запрещающие присяжным получать информацию вне рамок судебного заседания, то вы не правы – ВС РФ данные факты в рамках кассационного разбирательства по нашей жалобе проигнорировал, чем еще раз подтвердил – Quod licet Jovi non licet bovi (лат. «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»). Очевидно, что если бы вердикт по делу Тихонова и Хасис был оправдательным, то этого интервью вполне хватило бы для отмены приговора...

Собственно, в этом то и заключается для стороны защиты весьма серьезная проблема. Если воздействие через СМИ на присяжных заседателей со стороны обвинения происходит регулярно (через многочисленные интервью силовиков, официальные сообщения суда и прокуратуры и т.д.), то наличие такой возможности у стороны защиты сильно ограничено. Впрочем, заранее поднимать лапки не следует, но до этого мы еще дойдем в главе 7.

Пока же отмечу, что в ряде дел с участием присяжных заседателей мне приходилось (и весьма успешно) использовать возможности дачи интервью журналистам. При наличии некоторой доброжелательности со стороны журналистов и собственных навыков общения с прессой, порой удавалось озвучивать через СМИ сведения, скрытые от глаз присяжных за процессуальными шторами. Это были сведения и о нарушениях со стороны председательствующего, и сведения не допущенные до исследования с участием присяжных, и характеристики личности подсудимых.

Следует обратить внимание защиты и на такую форму информационного сопровождения процесса, как создание сайтов, посвященных конкретному делу и публикующих материалы стороны защиты. Думаю, не стоит говорить о современном значении Интернета, особенно с учетом того, что этот самый текст Вы, скорее всего, тоже читаете благодаря доступу в Интернет. В общем кратко замечу, что подобные узконаправленные сайты позволяют доводить до присяжных информацию, которую запрещает доводить суд (как правило, незаконно). Ну и само собой, правильно организованное информационное сопровождение дела позволяет заслужить симпатию у присяжных заседателей, а в дальнейшем и оправдание, либо снисхождение...

Отдельно хотелось бы обратить внимание на один из самых эффективных приемов информационного сопровождения дел – репортаж из зала суда в режиме онлайн. Впервые в процессе с присяжными этот прием защита использовала в деле о покушении на Чубайса. В дальнейшем он был применен защитой и в деле Тихонова-Хасис. При этом сторона защиты смогла как минимум на равных состязаться с аналогичным освещением процесса (естественно в пользу обвинения), осуществлявшимся журналистами «Новой газеты» и другими псевдооппозиционными и псевдолиберальными СМИ. Однако следует учитывать, что этот прием не только один из самых эффективных, но и один из самых затратных. Человек, ведущий из зала суда такие онлайн-репортажи должен сочетать в себе и навыки журналиста (чтобы писать быстро, легко и понятно), и юриста (чтобы правильно оценивать происходящее в зале суда, выделять главное, обращать внимание на нарушение требований закона со стороны судьи и обвинения и, наконец, не допускать элементарных юридических ошибок, искажающих смысл происходящего). Также обязательным условием реализации данного метода является проведение заседаний в открытом режиме.

Впрочем, онлайн-репортажи из зала суда – это метод эффективный, но далеко не панацея. При просчетах в стратегии и тактике защиты, даже он не принесет ничего кроме расходов, что прекрасно показал процесс в отношении Ильи Горячева,

обвинявшегося в создании т.н. «Боевой организации русских националистов», совершившей (по версии следствия) ряд резонансных политических убийств. В этом деле, несмотря на мощную информационную поддержку и исключительно иллюзорную доказательственную базу обвинения (базирующуюся главным образом на показаниях двух ранее осужденных граждан – Тихонова и Хасис) обвинению удалось добиться обвинительного вердикта с сокрушительно-разгромным счетом 12:0! Особенно красноречиво такой результат выглядит в сравнении с минимальнейшим счетом 7:5 по ранее рассмотренному делу в отношении Тихонова и Хасис (6:6 – это уже оправдание). Ведь в их деле имелись и свидетели, якобы опознавшие Тихонова и Хасис на месте преступления, и результаты многодневной прослушки квартиры, и самое главное – изъятый из квартиры Тихонова пистолет, из которого (опять-таки по версии обвинения) был убит С.Маркелов и А.Бабурова... Честно говоря, не знаю, чем можно объяснить такую разительную разницу в вердиктах. Вернее сказать знаю, но не могу об этом сказать, не нарушив нормы профессиональной этики...

Однако правильно организованное информационное сопровождение процесса, в первую очередь, ценно тем, что помогает донести до присяжных информацию, которую от них упорно скрывает обвинение и суд. И даже если присяжные принципиально не читают СМИ, у них будет достаточное количество друзей и родственников, которые будут это делать и, в конечном счете, обсуждать это с ними.

Еще один момент относительно информационного сопровождения, это то, что оно помогает адвокату формировать нужную доказательственную базу защиты по делу. Не секрет, что большинство граждан не хотят давать показания в пользу подсудимого, опасаясь давления со стороны силовых органов или считая это занятием бесполезным и бесперспективным (все равно осудят). Так вот, информационное сопровождение помогает изменить ценностные установки этих потенциальных свидетелей и, в конечном счете, получить от них требуемые защите показания. Так в моей практике имеется случай (правда, по делу без присяжных), когда именно правильное освещение процесса в сети Интернет привело к тому, что один из основных свидетелей обвинения сам вышел на связь со стороной защиты, признался в оговоре подсудимого и в последующем дал в суде правдивые (и весьма неприятные для обвинения) показания, относительно того «как все было на самом деле»...

Впрочем, конечно, информационное сопровождение дела имеет свои естественные пределы. В качестве примера можно сослаться на уголовное дело в отношении ученого И.В.Сутягина. Процесс по обвинению последнего в измене родине (ст. 275 УК РФ), проходил в Мосгорсуде и сам по себе заслуживает отдельной книги, однако в силу того, что дело это расследовало ФСБ, материалы производства до настоящего времени засекречены. Соответственно ни о каком информационном сопровождении дела в таком случае и речи быть не может, поскольку в противном случае защитник допустил бы разглашение секретных материалов и сам бы перешел в разряд обвиняемых. В то же время себе, любимым, следствие и суд не отказывали в возможности «слить» в прессу ту или иную пикантную подробность о ходе дела, естественно, в выгодном для обвинения свете. Например, так:

«Ученый Игорь Сутягин еще до суда, в ходе предварительного следствия, публично признавался ФСБ в сотрудничестве с иностранной разведкой. Калужский областной суд направил на доследование уголовное дело в отношении Сутягина. Формальной причиной подобного решения стал недавний вердикт Верховного суда РФ, согласно которому документы о перечне сведений, подпадающих под действие закона о гостайне, должны пройти обязательную регистрацию в Минюсте РФ.

Однако еще в ходе предварительного следствия и до предъявления официальных обвинений Игорь Сутягин рассказывал, что на определенном этапе общения со своими зарубежными «нанимателями» он понял, что общается с людьми, которые выдают себя не за тех, кем

являются на самом деле. Как сообщили в ЦОС ФСБ России, Сутягин признал, что «в силу своей профессиональной деятельности он четко понимал те вопросы, которые могли интересовать зарубежных друзей». В частности, в октябре 1998г., по признанию И.Сутягина, на встречах с представителями британской консалтинговой фирмы, встал «вопрос о подводных лодках, который интересовал моих собеседников».

По его словам, в июле 1999г. его наниматели стали интересоваться подробностями военно-экономических успехов России в разработках систем обнаружения иностранных подводных лодок. «Позднее вопросы, которые интересовали иностранцев, касались модернизации легких самолетов-истребителей предпоследнего поколения», – отметил он. Отвечая на вопрос следователя, что заставило его пойти на взаимоотношения с иностранцами, Сутягин сказал, что «причиной стали проблемы экономического характера, поскольку у моей семьи возникли финансовые проблемы, которые я пытался решать». Представитель фирмы – британец Шон Кидд – предложил Сутягину сотрудничество, затем к этой работе подключилась некая Надя Лок. Она, по признанию Сутягина, «была именно тем человеком, который задавал специфические вопросы». «У меня было ощущение, что она – представитель спецслужбы», – признался Сутягин. Встречи с Шоном и Лок, сообщил он, проходили в ряде европейских стран, в основном – в дорогих номерах гостиниц. На начальном этапе он получал от них 700 фунтов стерлингов, а затем эта сумма была увеличена до 1000 фунтов стерлингов в месяц.

По его словам, Лок сперва задавала ему общие вопросы о подлодках, а затем сконцентрировала внимание на неакустических методах их обнаружения. Сутягин публично подтвердил, что тогда он понял, что «совсем немногие люди могут знать, как вообще обнаруживаются подводные лодки и что Надя Лок явно имела специфические знания». В октябре 1998 года Лок попросила его найти ответ на вопрос об уязвимых местах российских вооружений и военной техники. На одной из встреч ему на листке бумаги передали 6-7 вопросов. Сутягин, по его словам, вспомнил, что один из вопросов касался программы модернизации самолетов МИГ-29, а второй – новой российской подводной лодки «Акула». Новых партнеров Сутягина «очень интересовали именно эти вопросы». По словам Сутягина, в определенный момент он попытался прекратить сотрудничество с иностранцами и «на одной из встреч заявил об этом британцу Шону», но тот «в течение полуторачасовой беседы убедил его продолжать работу».

Источник: <http://www.sutyagin.ru/pressa/011227-3.html>

Или так (из интервью директора ФСБ Н.П.Патрушева газете "Комсомольская правда" № 234 (22458) от 20.12.2000, стр.8-9). Мы же приведем лишь одно высказывание силовика:

«В октябре 1999 года был задержан сотрудник Института США и Канады РАН Сутягин. В ходе расследования вскрыты факты шпионской деятельности его связи – американского гражданина Джошуа Хэндлера, специалиста по ядерной безопасности, находящегося сейчас в США. Предварительно установлено, что Хэндлер получал от Сутягина секретную информацию о ВС России и передавал ее разведорганам США».

Кстати говоря, еще одним ограничением на информационное сопровождение дела становится статья 310 УК РФ, которая предусматривает наказание за разглашение данных предварительного следствия. Однако, следует помнить, что подписка о неразглашении действует только на период предварительного следствия. На стадию судебного разбирательства эти ограничения не распространяются.

1.5 Наличие сил и средств для суда присяжных

Затраты сил и средств на работу, а точнее борьбу, в суде присяжных несопоставимы с затратами при рассмотрении дела в обычном суде с профессиональным судьей. И причина здесь далеко не обязательно в «аппетитах» адвокатов, берущихся за такие дела. Конечно, среди адвокатов не так уж много специалистов по судам с присяжными, а дефицит таких специалистов приводит и к повышению расценок. Но дело еще и в том, что суд присяжных обычно проходит по весьма плотному графику, что объясняется естественным желанием суда не допустить развала коллегии присяжных заседателей по причине затяжки рассмотрения дела. Это исключает для адвоката возможность полноценно участвовать в каких-то параллельных процессах. С учетом же того, что объем работы по делам присяжных часто бывает значителен, порой возникает необходимость в привлечении к процессу нескольких адвокатов, представляющих интересы одного подсудимого.

Однако, самое главное, что в ходе работы в суде присяжных – коллегия можно и нужно убеждать в своей правоте, а это требует куда более обширной и тонкой работы с доказательственной базой, чем «отстреляться по бумажке» перед профессиональным судьей, который тебя скорее всего и не слушает. Необходимо изыскивать и предъявлять присяжным свои доказательства, своих свидетелей, свои заключения специалистов.

Если в обычных процессах судьи даже могут иногда пойти навстречу защите и направить необходимые запросы или вызвать требующихся защите свидетелей, здраво полагая, что все эти доказательства все равно будут в приговоре проигнорированы, то в суде присяжных суд часто не только не помогает, но и наоборот мешает стороне защиты осуществлять свои функции, отказывая в приобщении доказательств или допросе явившихся свидетелей. Суд и прокуратура в этом случае составляют прямо-таки идеальный дуэт...

Так по делу саранского бизнесмена Юрия Шорчева был эпизод, когда приглашенный стороной защиты специалист стал давать показания, опираясь на собственные записи, в которых были отражены некоторые из фактов дела им проанализированные. Судья в этот момент стал вести себя несколько оголтело. Так первым делом он заявил, что специалист (которого он сам согласился допросить в качестве свидетеля) не имеет права пользоваться при даче показаний своими записями. А когда возник спор о праве свидетеля пользоваться собственными черновиками, председательствующий и вовсе объявил перерыв и, забрав у свидетеля (между прочим без его разрешения) записи, скрылся в совещательной комнате. Буквально тут же один из прокуроров выбежал из зала суда типа подышать свежим воздухом, а вернулся аккурат за полминуты до выхода судьи с перерыва. Ну и конечно, когда в продолжившийся полемике о праве свидетеля на использование своих записей при даче показаний, прокурор привел ряд аргументов по содержанию этих самых, отобранных судьей у свидетеля, записей – этому уже никто не удивился...

Так что еще раз повторю – нет таких нарушений, на которые бы не пошли отдельные судьи в своем желании получить обвинительный вердикт.

В результате затраты сил, средств и денег на суд присяжных оказываются существенно выше, чем затраты на обычный суд. Либо отсутствие этих необходимых для комплексной защиты затрат снижает эффективность защиты в целом. Более того,

порой эти затраты могут служить основанием для обвинения стороны защиты в подкупе свидетелей и фальсификации доказательств. Так, в ходе процесса в отношении предполагаемых убийц полковника Буданова, сторона защиты – в лице адвоката Мурада Мусаева (во всяком случае, по его версии) вынуждена была финансово обеспечивать вызов свидетеля из другого города. В итоге, адвоката Мусаева обвинили в подкупе свидетеля. Вопрос: почему суд отказался оплачивать поездку свидетеля защиты из другого города – перед следствием, видимо, даже не вставал. Таким образом, необходимо не только нести затраты, но и делать это таким образом, чтобы не дать возможности обвинению и суду трактовать их как подкуп. Так, **заклучая договора со специалистами на проведение тех или иных исследований, я в обязательном порядке прописываю гарантии финансовой независимости специалиста и, прежде всего, гарантию оплаты данного заключения вне зависимости от его содержания и выводов.** Это несколько уменьшает возможности для маневра суда по признанию полученного таким образом доказательства недопустимым и недостоверным, хотя конечно и не на сто процентов...

Подготовка доказательств защиты, кроме того, требует учитывать необходимость их наглядности и понятности, поскольку присяжные увидят их на суде фактически один единственный раз. Соответственно этот единственный раз должен им хорошо запомниться. Если специалист изготавливает схемы или таблицы, подлежащие демонстрации присяжным заседателями, то они должны быть крупными, четкими и понятными. Без лишних деталей, но и без упущений или неточностей. Если предъявляется ответ на адвокатский запрос, то его суть должна быть разъяснена и понятна любому человеку без профильного образования. Если в суд приводят свидетелей защиты, свидетели должны быть подготовлены должным образом в том смысле, чтобы они не просто могли сообщить необходимые сведения по делу, но и делали это четко, громко и убедительно.

Вообще, говоря о финансовой стороне процесса с участием присяжных, невольно напрашивается аналогия с уличными мошенниками. Есть такой способ мошенничества, когда преступники под различными предлогами проводят «аукцион» между двумя гражданами – «лохом» и «подсадным». Главное условие – тот, кто предложит большую сумму денег, тот и выигрывает, забирая не только приз, но и деньги оппонента. Все замечательно, но только «лох» торгуется своими деньгами, а «подсадной» – деньгами «лоха», которые ему незаметно передает «аукционер». В итоге перебить ставку «подсадного» невозможно даже теоретически. Вот с судом присяжных примерно так же. Подсудимый оплачивает расходы из своего кармана, а прокурор из казны, т.е. из карманов налогоплательщиков, т.е. опять-таки из кармана в т.ч. и подсудимого...

Конечно, далеко не каждое дело в суде присяжных требует значительных затрат. Однако предварительно лучше все равно прикинуть примерные расходы на судебный процесс с присяжными. Определить их исходя из возможных сроков рассмотрения дела, объема и специфики доказательств, которые планирует изыскать и представить в судебное заседание защита и т.д.

Кстати говоря, еще одним заблуждением является мнение, что суд присяжных занимает значительно больше времени, чем суд с профсудьей. Это именно заблуждение. Да, конечно, одно или несколько заседаний будут посвящены отбору присяжных, выше вероятность того, что кто-то из присяжных может заболеть и суд, не желая попусту «расходовать» запасных присяжных, может отложить заседание. Однако, необходимо учитывать, что одним из самых неприятных для судьи явлений является распад коллегии, ведь в этом случае все начнется заново. Это обстоятельство и служит стимулом для судьи подстегивать ход процесса, проводить заседания как можно чаще и длиннее, чем в обычных процессах.

В процессе может сложиться ситуация, когда полурассмотренное дело могут начать слушать заново. Такое произойдет в случае роспуска коллегии присяжных (например, если суд уверен в вынесении коллегией оправдательного вердикта, а уж

процессуальная зацепка найдется) или в случае выхода из коллегии людей и ее сокращение менее чем до 12 человек. В частности, так и произошло в ходе рассмотрения в Мосгорсуде дела И.Сутягина, обвинявшегося в госизмене. Первая коллегия присяжных развалилась (но есть мнение, что развалиться ей помогли), после чего была набрана вторая коллегия, в которой «неожиданно» оказалось несколько отставных разведчиков. Аналогично, в 2013 году «развалилась» первая коллегия присяжных и по делу об убийстве Анны Политковской. Причем произошло это при весьма загадочных обстоятельствах, поскольку в один день из дела выбыло сразу 3 присяжных заседателя, в результате чего в коллегии осталось 11 человек... С делом саранского бизнесмена Юрия Шорчева произошло то же самое – после почти трех лет судебных слушаний, сторона обвинения и суд вынуждены были развалить коллегия присяжных заседателей непосредственно после вынесения заседателями вердикта, поскольку тот был оправдательный. В итоге, дело начали слушать заново, со стадии отбора присяжных...

Наконец, следует помнить, что оправдательные приговоры по делам с присяжными (да в принципе и без них) вышестоящие инстанции отменяют гораздо чаще, чем обвинительные, хотя оспариваемые нарушения могут совпадать полностью. В результате подсудимый втягивается в еще один процесс. Так по уже упомянутому делу Ульмана было четыре процесса, по делу Аракчеева-Худякова и делу о покушении на Чубайса – три и т.д.

1.6 Личность адвоката для участия в суде присяжных

Возвращаясь к адвокатам. Полагаю, нет необходимости объяснять и доказывать различные требования к адвокату в том или ином процессе. Так вот, следует сказать, что в ряде случаев отсутствие у вас адвоката, умеющего работать с судом присяжных, должно уже само по себе быть основанием по которому следует отказаться от такой формы судопроизводства. И речь в данном случае не только о профессиональных знаниях и навыках, но и об общих личных качествах.

В числе личных качеств, которые совершенно необходимы адвокату в суде присяжных можно назвать следующие.

Стрессоустойчивость.

Несколько ниже мы будем подробно разбирать такое явление, как внепроцессуальный конфликт в суде с участием присяжных заседателей. Пока же необходимо заметить, что процесс с присяжными, как правило, требует от адвоката куда большего напряжения сил и нервов, нежели процесс с профсудьей. Здесь свою роль играет и противодействие судьи и прокурора, и необходимость постоянно «быть в тонусе», оперативно реагируя на меняющуюся по делу обстановку, показания свидетелей и демонстрируемые документы, необходимость быстро (а порой и молниеносно) принимать правильные решения, а также обязанность отслеживать значительный объем дополнительных факторов (в том числе реакцию подзащитного, других участников процесса и присяжных заседателей). При этом еще нужно не допускать действий или высказываний (в том числе со стороны подзащитного), которые могут вызвать у присяжных негативное отношение к защите или недоверие к ее позиции... Вот только некоторые первоочередные задачи адвоката, которые он должен реализовывать в процессе с присяжными в режиме реального времени. Наконец, необходимость действовать на глазах зрителей – присяжных – то есть по сути посторонних лиц, это само по себе может оказывать на адвоката серьезное давление (своего рода боязнь сцены). В общем, все это требует от адвоката изрядной стрессоустойчивости, которая должна быть тем больше, чем конфликтнее протекает процесс.

Хорошая дикция и громкость голоса.

Да, не удивляйтесь, иногда возникают ситуации, когда прокурора или судью остается только перекрикивать, чтобы донести до присяжных свою позицию. И пусть суд объявляет за это замечания и грозит удалениями – порой овчинка стоит выделки. Также нельзя забывать и о том, что суд с присяжными, как правило, требует достаточно большого и просторного зала, а значит надо говорить так, чтобы вас было слышно везде. Иногда судьи идут на откровенный саботаж работы защиты в том числе ограничивая ее в использовании штатных звукоусилительных средств в зале суда. Поэтому будьте готовы говорить громко и внятно. Необходимо ли защитнику в процессе с присяжными знание законов? Безусловно. Но оно значительно обесценивается, если защитник элементарно не может донести это свое знание до участников процесса и, прежде всего, присяжных.

Скорость реакции и умение импровизировать.

Следующее, по порядку, но не по значению качество, которым должен обладать адвокат для работы с судом присяжных – это скорость реакции. Суд с участием присяжных заседателей – это наполовину импровизации и случайности. Требуется умение быстро и адекватно среагировать на калейдоскопически меняющуюся ситуацию в суде. Реагировать на выпады обвинения, на решения судьи и заявления свидетелей необходимо немедленно, мгновенно! Помните, что суд присяжных – это не только судебный процесс, но и отчасти спектакль, где главными зрителями являются сами заседатели.

Здесь, на мой взгляд, лучше всего проиллюстрировать заявленный тезис, конкретными примерами. Так, в частности, в одном из дел имел место случай, когда председательствующий, создавая защите невыносимые условия прений, заявил, что объявит перерыв после рассмотрения очередного эпизода (а говорить там оставалось еще минут на тридцать). Что ж, пришлось заявить, что рассмотрение этого эпизода окончено, а после перерыва, неожиданно «вспомнил», что имею еще дополнения к этому эпизоду...

В другом процессе свидетель, давая показания, фактически опроверг ими свои же, крайне выгодные для обвинения показания, данные на предварительном следствии. Естественно, что стороне защиты надо было надежнее зафиксировать этот факт, а вот председательствующему нужно было спасти обвинение любыми (пусть и спорными с точки зрения закона) способами.

Защита: Какие показания являются истинными, те, которые вы давали на предварительном следствии или в суде?

Судья: Снимается вопрос, присяжные сами будут решать, какие из них истинные.

Защита: Каким показаниям следует верить?

Судья: Снимается вопрос, присяжные сами разберутся.

Защита: Какие показания соответствуют действительности?

Судья: И этот снимается, это компетенция присяжных решать, что соответствует действительности, а что нет.

Ситуация складывалась критическая. У защиты элементарно не было возможности «застолбить» достигнутый результат.

Защита: Свидетель, на каких показаниях вы настаиваете, на тех, что были даны на следствии или в суде?

Судья: Эээ....

Свидетель: На тех, что даны в суде.

Или часто адвокату приходится реагировать на действия прокурора. Допрашиваем засекреченного «свидетеля».

Защита: Скажите пожалуйста, вы попросили вас засекретить, чтобы сподручнее было оговаривать подсудимого?

Свидетель: Ну...

Прокурор: Я протестую, прошу снять вопрос, сторона защиты оказывает недопустимое воздействие на присяжных!

Защита: Свидетель, можете не отвечать на вопрос, за вас это уже сделал прокурор.

Последующий крик председательствующего и прокурора о недопустимости давления на присяжных только придает лоск произошедшему. Даже несколько дремавших на тот момент присяжных понимают, что «засекреченный» свидетель поет под дудку прокурора и, соответственно, верить ему нет ни малейшего повода.

А в некоторых случаях в интересном положении оказываются и судьи...

Крайне напряженное судебное заседание. Судья беспределит, защита активно возражает.

Судья: Что вы мне тут Майдан устраиваете?!

Защита: Хорошо, пусть вы будете считать приходящее Майданом, я даже не против, если вы будете персонально меня считать митингующим на Майдане народом, ну а вы тогда в этой ситуации кто?

Наконец, скорость реакции и умение импровизировать становятся всесокрушающим оружием защиты при достаточной внимательности к деталям.

В ходе процесса в отношении группы «скинхедов» прокурор, чтобы усилить негативное отношение присяжных к подсудимым, решил продемонстрировать присяжным заседателям содержимое компьютера одного из подсудимых. Естественно, что для демонстрации он выбрал исключительно те материалы, которые укладывались в версию обвинения о наличии у подсудимого радикальных националистических взглядов.

На большой экран в зале суда проецируется изображение с монитора компьютера. Прокурор перебирает каталоги на дисках компьютера и «выуживает» те, что подходят по названию. Интересуют его прежде всего картинки. Вот свастика, вот немецкий орел, вот дюжий арийский воин с мечом, вот солдат в приплюснутой каске, правда, картинка развернута на бок, но ничего, прокурор нажимает на нужную кнопку и картинка переворачивается как надо, вот Железный крест на орденской ленте, вот еще что-то... Картинка за картинкой, папка за папкой, вдруг из рядов защиты раздается голос одного из адвокатов:

- А что это там за дата изменения файла?

На проекционном экране файлы компьютера отображались в табличном варианте: название файла, а затем его технические данные – размер, дата создания, дата изменения... Вот к этой дате один из адвокатов и присмотрелся, а там... Получается, что этот файл вчера кто-то и зачем-то изменял. Остальные адвокаты тоже моментально включаются в бой.

- Фальсификация!

- Что вы там в этих картинках перерисовывали?

- Давайте теперь все файлы проверим!

Еще несколько файлов тоже оказываются измененными за день до сегодняшнего заседания.

Прокурор, как загипнотизированный (еще бы, такой удар!) исполняет все указания, исходящие со стороны защиты, прокручивая вниз таблицу с файлами.

- Так, чуть ниже, еще чуть-чуть... Ага, еще один измененный файл! Теперь еще ниже...

Первым в себя приходит судья.

- Объявляется перерыв. Присяжным просьба выйти в совещательную комнату.

В голосе судьи проскакивают нотки, указывающие на его паническое состояние.

Присяжные уходят, но накал ситуации не спадает. Адвокаты продолжают давить на обвинение. Председательствующий объявляет перерыв до следующего дня.

Следующее судебное заседание начинается с допроса специалиста. За трибунку встает какой-то парень, явно чувствующий себя не в своей тарелке. Обвинение представляет его как специалиста в компьютерной технике, сообщает о его образовании и месте работы. Суть показаний сводится к тому, что изменить время изменения файла можно умышленно, а если это никто не делал специально, то это могут быть последствия деятельности компьютерных вирусов.

- Что это за вирусы, как называются, кем разработаны? - начинает задавать вопросы защита.

- Ну, я сейчас не смогу ответить, нужно посмотреть по справочникам, - выдавливая из себя «специалист».

- Хорошо, вы такие вирусы на исследуемом компьютере обнаружили?

- Нет, ну я его не осматривал, это специальные программы нужны, ну и вообще может быть вируса там уже нет.

- Аааа... Ну-ну, - теряет к нему интерес сторона защиты.

Присяжные смотрят на «специалиста» кто с иронией, кто со смесью безразличности и сочувствия, ну знаете, так обычно на раздавленных лягушек смотрят. От прокурорско-судейской самоуверенности уже и следа не осталось. Нет, конечно они старательно пытаются ее имитировать, но получается неубедительно. В их глазах читается желание поскорее забыть об этом инциденте. Это поле боя целиком осталось за защитой.

Меня же этот допрос «специалиста» с рассказами о неких «компьютерных вирусах» неизвестно зачем изменяющих даты изменения файлов изрядно развеселил. Причем не столько несуразной версией обвинения, сколько совершенно сюрреалистичной глупостью и прокурора, и судьи, и их доморощенного «специалиста».

Еще в прошлом судебном заседании до меня дошла вся суть произошедшего. Конечно, же ни о какой фальсификации тут речи не шло (хотя выглядело это именно так). Дело в том, что когда прокурор демонстрировал присяжным картинку из компьютера и переворачивал некоторые из них в надлежащем ракурсе (по горизонтали / вертикали), он на невинный вопрос программы «Сохранить изменения? Да. Нет.» - отвечал «Да». Правда, остается вопрос про вчерашний день... Что ж, возможно, готовясь к заседанию, прокурор уже неосторожно поворочал туда-сюда картинку у себя в кабинете.

Профессиональная смелость и готовность к разумному риску.

Появление данного пункта – еще одно следствие высокого уровня конфликтности процесса с участием присяжных заседателей. В ряде случаев складывающаяся по делу с присяжными ситуация требует от адвоката принятия смелых, нестандартных решений, провоцирующих или существенно обостряющих конфронтацию защиты со стороной обвинения и председательствующим. От адвоката требуется увидеть такие ситуации, увидеть варианты своих действий, просчитать возможные плюсы и минусы, и в итоге реализовать намеченный сценарий.

Как следствие – адвокат встает перед выбором: либо отказаться от реализации рискованного, но эффективного приема защиты, либо реализовать его, рискуя навлечь на себя гнев прокуратуры, суда и стать объектом их процессуального и внепроцессуального давления. Речь здесь идет о достаточно широком спектре давления на адвоката – от направления частного представления в Адвокатскую палату (для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности) и до удаления адвоката из процесса. Вообще, чем эффективнее работает адвокат по делу, тем более радикальные средства пытается применить обвинение и суд для его нейтрализации. Апофеозом борьбы обвинения и защиты являются случаи возбуждения уголовных дел в отношении адвокатов под самыми разными предлогами. Обычно в суде с профсудьей до этого не доходит, поскольку любые аргументы адвоката профсудья может просто

игнорировать, но вот присяжные их игнорировать не станут, а значит – война на «уничтожение».

Так что следует понимать, что адвокат в суде присяжных – это вторая (после подсудимого) мишень для обвинения. В настоящее время уже известен ряд случаев, когда над адвокатом учиняют или пытаются учинить расправу за излишне эффективную деятельность... В частности, такому прессингу подвергался уже, к сожалению, покойный адвокат Паршуткин В.В. (известный, своими успехами именно в работе с судом присяжных). У него несколько лет назад нежданно-негаданно был проведен обыск в связи с работой по резонансному делу Лысенко:

«Паршуткин не считает связь обыска и его участия в процессе Лысенко "притянутой за уши". В том, что это именно давление, он уверен: «Они всегда такими методами действуют, это традиционная схема. В крупных резонансных делах, в которых я участвую, такие вещи происходят всегда. Когда наступает решительный момент – представление доказательств защиты, прение сторон – все это обычно и начинается...».

Источник: <http://www.vzsar.ru/news/2013/09/20/advokat-parshytkin-zayavil-o-vnezapnom-obyske-v-ego-dome.html>

Еще одним известным случаем давления на защитника посредством силовых органов являются уже упоминавшиеся злоключения адвоката М.Мусаева при работе по делу об убийстве полковника Буданова:

«В начале ноября в отношении адвоката Мурада Мусаева возбудили сразу два уголовных дела. Как считает следствие, Мусаев, защищавший Юсуна Темерханова, предполагаемого убийцу бывшего полковника Юрия Буданова, подкупил двоих свидетелей. Они якобы должны были дать ложные показания в суде, выгораживающие Темерханова. В СК также уверены, что Мусаев пытался «принудить коллегия присяжных к вынесению вердикта, оправдывающего Темерханова».

Источник: <https://lenta.ru/articles/2013/11/14/musayev/>

Можно еще упомянуть и уголовное дело в отношении адвоката Бориса Кузнецова, обвиненного в 2007 году в разглашении государственной тайны... Словом, этот список можно еще долго продолжать, однако полагаю, тенденция и так ясна.

Профессиональный опыт.

Для эффективности адвокату необходим опыт, причем не опыт работы «с уголовными делами вообще», а именно с судом присяжных. Слишком специфическая это форма судопроизводства, чтобы, посидев в обычном процессе, считать, что справишься и с присяжными.

Да, и у меня когда-то было первое дело в этой категории. И при этом ни я, ни мой коллега, также защищавший одного на двоих подзащитного, не имели опыта работы с судом присяжных. В конечном счете дело завершилось для нас полным триумфом (оправдание), но, положив руку на сердце, то было больше везение... Теперь то я прекрасно вижу свои недоработки и ошибки, которые только в силу счастливого стечения обстоятельств не привели к фиаско. Однако, вижу я это только потому, что после того процесса у меня было еще не одно дело с участием присяжных...

Иногда опыт работы в обычных процессах не то что бесполезен, а откровенно вреден для суда присяжных. Так мне не раз приходилось видеть, когда адвокаты без «присяжного» опыта с упорством достойным куда лучшего применения прикладывали колоссальные усилия для того чтобы, например, оспорить ту или иную квалификацию деяния подзащитного, совершенно не осознавая того факта, что присяжные вопросы о

квалификации деяния не разрешают. В большинстве случаев председательствующие таких защитников прерывали (совершенно законно надо сказать), реже – некоторые из судей (как правило опытные и хитрые волки правосудия) – просто позволяли адвокату ломиться в эти открытые ворота с ироничной усмешкой, прекрасно понимая, что для обвинения эти усилия никакого вреда не несут.

К сожалению, до сих пор дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, было ничтожно мало по сравнению с делами, рассматриваемыми профсудьями. Соответственно и адвокатов, успевших поработать и набраться опыта с этой категорией дел, также не много в сравнении с общей массой. Более того, далеко не каждый адвокат горит желанием браться за дела с участием присяжных, поскольку это подразумевает и повышенную личную ответственность за результат (все-таки дела с присяжными подразумевают куда больший шанс на получение оправдательного вердикта, а значит и надежды на тебя возлагают большие чем обычно) + гораздо большие затраты адвокатских сил, времени и нервов. Наконец, есть немало категорий дел, где при куда меньших затратах сил, можно заработать (в материальном плане) куда больше.

Короче говоря, систематическая работа с делами присяжных – это все-таки удел узких специалистов, энтузиастов и поклонников именно этой формы судопроизводства. А таких, увы, в рядах российских адвокатов не так уж и много.

1.7 Фактор «заказа»

Читать данный пункт главы гражданам все еще верящим в то, что у нас суд независимый и беспристрастный – категорически не рекомендуется. Все равно не поверите. Остальным же нет никакой необходимости доказывать, что по ряду дел, особенно затрагивающих интересы сильных мира сего, присутствует вполне себе очевидный заказ на обвинительный приговор.

Впрочем, заказ – заказу рознь. Если «заказ» исходит от чиновника или коммерсанта низового уровня, он вполне может сыграть свою роль на предварительном следствии или при рассмотрении дела в районном суде. В то же время суд с участием присяжных заседателей проходит в суде уровня субъекта Федерации и там низовые связи особой роли уже не играют. «Заказа» следует опасаться в том случае, если он исходит от фигур регионального значения или еще хуже – федерального.

«Заказчики» могут быть как из правоохранительных структур, так и со стороны. Основания «заказа» - самые разнообразные (экономические, политические, личные и т.п.). От серьезности «заказа» зависят и привлекаемые для его исполнения силы и средства, а также шаги на которые будет готов пойти суд для получения обвинительного вердикта.

Известны случаи, когда те или иные шаги к ограничению прав и законных интересов подсудимого заранее согласовываются с вышестоящими судебными инстанциями, вплоть до Верховного суда. Так из числа наиболее известных (и наиболее задокументированных) «заказов» – это «заказ» по делу Михаила Ходорковского, в ходе которого даже приговор писался вышестоящей судебной инстанцией – <http://ria.ru/justice/20110214/334186414.html>

Однако дело Ходорковского рассматривалось профессиональным судьей, а в делах с участием присяжных своя специфика. Здесь фактор «заказа» определяет силы и средства, которые будут брошены на противодействие защите. Тут арсенал самый разнообразный – и сбор информации о присяжных заседателях, и различные формы давления на них, и удары, как уже указывалось выше, по самим адвокатам. Кстати, не так давно, ВС РФ вынес замечательное решение, подтвердив гарантии процессуальной независимости и иммунитета присяжных (Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2013 г. №6-АПУ13-2СП – http://www.vsrfl.ru/vscourt_detale.php?id=9150). Вот только «приживется» ли это

решение на нашей мерзлой правовой почве, да и будет ли ему в дальнейшем следовать сам Верховный суд – большой вопрос...

При наличии заказа на приговор, следует ожидать самых разнообразных «сюрпризов» как от многочисленной группы поддержки обвинения (в том числе оперативников), так и от самого суда. В зависимости от серьезности «заказа» защита может столкнуться с самыми разными формами противодействия, порой переходящими границы не только приличий, но и закона. В богатом арсенале исполнителей «заказа» могут быть и подставные свидетели, и различные формы давления на защиту, и мощное оперативное сопровождение, позволяющее моментально получать требуемые документы для опровержения доказательств защиты или доставки нужных обвинению свидетелей, и т.д. Так, например, по делу Тихонова и Хасис, в котором усматривается серьезный политический заказ (на «борьбу с экстремизмом»), именно данный фактор обеспечил возможность, в том числе, убраться информацию об убийстве С.Маркелова с ряда новостных сайтов, поскольку для защиты имело большое значение точное время, когда именно информация об убийстве Маркелова появилась на новостных лентах в сети Интернет. Факты манипуляции с новостями об этом преступлении были тогда зафиксированы даже некоторыми честными представителями противоположной стороны...

При наличии серьезной заинтересованности, возможны и другие различные процессуальные и непроцессуальные изыски со стороны обвинения, благо имеющихся у прокуратуры, суда и следствия полномочий (в том числе присваиваемых) хватает и для того, чтобы такие схемы «проворачивать», и для того чтобы, в случае чего, «прикрыть» их непосредственных исполнителей. Например, распространена практика, когда уголовное дело искусственно дробится на два. Одно - «основное», в которое включают составы, попадающие под суд присяжных. И второе - «вспомогательное», в котором аккумулируются эпизоды, рассматриваемые судьей единолично. В итоге, даже если по основному делу будет оправдательный вердикт, «вспомогательное» дело обеспечит нужный кому-то обвинительный приговор.

В частности, именно такая тактика была применена обвинением по делу в отношении саранского предпринимателя Юрия Шорчева. В его случае из основного дела, допуская рассмотрение обвинения коллегией присяжных, было выделено в отдельное производство маленькое дельце по трем эпизодам «типа вымогательства». И если по «основному» делу – в ходе первого процесса, завершившегося летом 2016 года – вердикт присяжных был оправдательный, то приговор по «вспомогательному» делу, рассмотренному райсудом еще в 2013 году, обеспечил Шорчеву 12,5 лет лишения свободы...

Известны также ситуации, когда «вспомогательное» дело используется несколько иначе (то есть не в качестве «преюдиции» как в деле Шорчева, а для закрепления «улизнувшего от правосудия»). Вот, к примеру, описан следующий случай:

«Санкт-Петербург, 21 мая 2014 года. Присяжные признали Виталия Ковалева невиновным в организации убийства ректора Санкт-Петербургского университета сервиса и экономики Александра Викторовова...

После оправдания, по дороге из зала судебного заседания к выходу на набережную Фонтанки к Ковалёву подошёл человек в форме и любезно попросил заскочить в конвойное помещение, чтобы забрать свои вещи. Ни о чём не подозревая, уже несколько минут как оправданный Ковалев зашёл в конвойное помещение, где люди в штатском тут же защёлкнули на его запястьях наручники. После этого ему действительно предложили забрать вещи, с которыми через отдельный подъезд он был препровождён в автомобиль. Люди в штатском были, предположительно, сотрудниками московского уголовного розыска.

Нам рассказали, что в тот же день Виталий Ковалёв оказался в Москве, где предстал перед Тверским районным судом, но суд якобы отказался рассматривать ходатайство следователя об избрании Ковалёву меры пресечения. Представляющая его интересы адвокат Лариса Фон-Арев заявила «Фонтанке»:

- Пока неизвестно наверняка в рамках какого именно уголовного дела сотрудники правоохранительных органов Москвы задержали Ковалёва. Однако мы ранее писали, что Виталию Ковалёву предъявлено ещё одно обвинение – в организации серии разбойных нападений на территории Ленинградской и Новгородской областей. Это дело как раз находится в производстве Следственного департамента МВД РФ.

В рамках соответствующего уголовного дела Ковалёву предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 209 УК РФ (создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой) и пунктами «а» и «б» части 4 статьи 162 УК РФ (разбой, совершенный организованной группой в особо крупном размере) по двум эпизодам».

Источник: <http://www.fontanka.ru/2014/05/23/080/>

Однако вершиной реализации «заказа», конечно же, будут специально засланные в коллегию присяжных заседателей «торпеды». И это еще один очень важный внепроцессуальный фактор.

1.8 Наличие среди присяжных агентуры обвинения

В данном случае речь идет о присяжных, оказывающих помощь стороне обвинения в получении обвинительного вердикта. Таковыми могут быть либо специально внедренные для этого в коллегию агенты спецслужб, либо склоненные уже в ходе процесса к сотрудничеству с ними присяжные.

Иван Миронов в своей книге «Суд присяжных. Стратегия и тактика судебных войн» приводит мнение банкира Френкеля (осужденного за организацию убийства зампреда Центробанка Козлова), что агентуру внедряют в коллегию в количестве либо трех, либо девяти человек – и даже приводит к этому некоторое объяснение. Могут сказать, что ни в своей практике, ни в практике коллег я каких-либо признаков, подтверждающих справедливость такого мнения, еще ни разу не встречал.

Вообще, довольно часто приходится сталкиваться с позицией, в том числе и своих коллег, которые уверяют, что нынешняя судебная система уже «переформатировала» суд присяжных под свои интересы, и потому нет смысла всерьез рассчитывать на него. По нашему скромному мнению, такие заявления делаются, скорее, чтобы оправдать собственные неудачи в суде присяжных или нежелание (вызванное страхом и неумением) работать с ним, нежели являются попыткой отразить реальное положение дел. Все эти разговоры о внедрении в состав коллегии присяжных «агентов» и иных «проверенных» лиц (в том числе поверенных в других, ранее имевших место судах) – в большинстве своем либо беспочвенны, либо сильно преувеличены.

Дело здесь заключается в непригодности (в настоящий момент) «правоохранительного» (в широком смысле) аппарата к таким тонким играм. Судите сами – процедура отбора присяжных заседателей полностью зависима от суда. Однако судебные работники не имеют ни навыков, ни необходимых средств и методов для создания собственной «агентуры» среди присяжных и ведения с ними постоянной «оперативной» работы. Да, конечно, возможно привлечение в качестве кандидатов в заседатели кого-то из прошлых составов присяжных, благоволивших обвинению, однако для этого, как минимум, необходимо вести соответствующие учеты – единую в

масштабах суда базу данных. Необходимы регулярные встречи с такими «кандидатами», беседы «по душам», определенные финансовые вливания и т.д. Кому же вести такую работу в суде? Помощнику судьи? Исключено. Как правило, это молоденькие девочки (гораздо реже – юноши) очень далекие от оперативной и агентурной работы. Они и со своей работой справляются в большинстве своем далеко не блестяще, а уж брать на себя выполнение дополнительных и весьма специфических функций – они точно не станут, а если даже их к тому вынудят – то несомненно они завялят выполнение такого сложного и деликатного поручения. Кому тогда «вербовать» присяжных? Самому судье? Вряд ли можно найти более неподходящую для этой роли кандидатуру. Высокомерие и грубость, свойственная значительной части представителей Фемиды – качества для агентурной работы прямо противопоказанные. Прибавьте к этому отсутствие специальной подготовки, времени, да и просто желания делать «черновую работу», которая к тому же не оплачивается – и вам все станет ясно. То же самое справедливо и в отношении прокуроров.

Зато структуры, имеющие навыки агентурной работы (имеются в виду оперативные структуры МВД), фактически после окончания следствия и направления дела в суд утрачивают к нему какой-либо интерес, что, в свою очередь, практически полностью исключает помощь в агентурной работе с их стороны без какого-либо специального указания сверху (см. пункт 1.7 – «заказ»).

Уместно тут также вспомнить как, некоторое время назад, у моих коллег возникало желание составить список кандидатов в присяжные, которые вызывались в Мосгорсуд за определенный промежуток времени (за последние пару лет). Насколько мне известно, никаких серьезных результатов эта работа не дала – устойчивых тенденций установлено не было и «агентуры», соответственно, выявлено тоже не было. Да, известны случаи, когда один и тот же кандидат, будучи отведенным из отбора по одному процессу, «всплывал» при отборе присяжных на другом процессе, однако в данной ситуации едва ли следует искать злой умысел. Просто помощник судьи, готовящий списки кандидатов в присяжные, вызывает тех кандидатов, которые скорее всего явятся – и отбор не провалится. То есть если человек один раз явился на отбор присяжных, то скорее всего, он и в следующий раз придет по вызову, – примерно так и совершенно справедливо размышляет помощник судьи, выписывая гражданину повестку о явке на отбор в присяжные.

Впрочем, начав «за здоровье», все-таки придется заканчивать этот параграф «за упокой». Несмотря на всю сложность и затратность агентурного метода, сбрасывать его со счетов тем не менее не следует. В основном такие казусы имеют место по делам, представляющим политический интерес и/или в исходе которых заинтересованы мощные силы федерального уровня. Особо часто (относительно конечно) агентура среди присяжных встречается по делам, оперативное сопровождение по которым осуществляло ФСБ. Эта структура, имея широкие полномочия и опыт агентурной работы, имеет также рычаги влияния и на суды. Однако еще раз повторимся: своего агента в состав коллегии присяжных еще «заслужить надо» - в проходное дело никто агентов внедрять не будет.

С фактом агентуры в рядах присяжных (во всяком случае очевидным для нас) за всю нашу практику пришлось столкнуться лишь однажды – при рассмотрении в Мосгорсуде дела по убийству С.Маркелова и А.Бабуровой. Тогда защитой были выявлены, как минимум, два присяжных, проявивших недюжую активность в лоббировании среди других заседателей обвинительного вердикта. При этом совершенные ими очевидные нарушения (в том числе признание одним из присяжных факта сбора доказательств вне рамок судебного заседания) никак не повлияло на результат рассмотрения заявленного ему отвода. С учетом того, что свой интерес по делу имело и ФСБ РФ и, возможно, некоторые персонажи из Администрации Президента РФ – основания для внедрения агентуры в состав коллегии были более чем очевидны. При этом задействование гигантского административного и силового ресурса позволило запугать и «выдавить» из коллегии ряд присяжных, склонявшиеся к

вынесению оправдательного вердикта (речь идет о присяжной заседательнице Анне Добрачевой. Подробнее об этом – см. главу 8).

Широко известна также, имевшая место «случайность» по делу Игоря Сутягина, обвинявшегося в шпионаже, и осужденного на основании вердикта присяжных в 2004 году. Как в дальнейшем установили защитники, в коллегии присяжных «случайным образом» оказалось несколько отставных сотрудников ФСБ и разведки...

Кроме того, выявлена и методика отбора «нужных кандидатов» в присяжные – когда суд начинает осуществлять неофициальный отбор кандидатов еще до их официального вызова в суд. Так по делу саранского бизнесмена Юрия Шорчева при повторном рассмотрении дела (после вынесенного, но не оглашенного, первой коллегией оправдательного вердикта) большинство потенциальных кандидатов, как стало известно защите, приглашали на предварительную беседу с руководством Верховного суда Мордовии и только после этой беседы принималось решение – приглашать человека на официальный отбор присяжных или заменить кем-то более сговорчивым и «надежным»...

Однако эти процедуры весьма трудоемкие и такое внимание со стороны суда и силовых спецслужб еще надо «заслужить». Более того, известен как минимум один подобный случай, закончившийся весьма анекдотически. Так, в одном из дел, слушавшихся в Мордовии, председательствующим судьей в состав кандидатов в присяжные была приглашена знакомая ему лично гражданка, на которую он, соответственно, возлагал большие надежды. В итоге – к концу судебного слушания она пришла к мнению о невиновности подсудимых и фактически возглавила неофициальную группу присяжных, выступавших за оправдание обвиняемых. «Бедному» судье, в связи с этим, пришлось идти на некоторые «внепроцессуальные» ходы, чтобы вывести свою знакомую из процесса...

Что ж, как бы то ни было, полагаем внепроцессуальные факторы «заказа» и «агентуры» нами раскрыты уже достаточно полно.

1.9 Личность подсудимого

Личность подсудимого, его внешность, мимика, жестикация, произношение, эмоциональность и т.п. – это такой же немаловажный фактор для суда присяжных как и все остальное. Следует сразу заметить, что этот фактор влияет и на присяжных, и на профсудью, но при этом влияние это различное. Прежде всего, укажем, что присяжных стараются оградить от изучения всех аспектов личности подсудимого, что вообще-то, если прямо следовать букве закона – незаконно, поскольку изучению не подлежат только «факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого» – ст. 335 ч.8 УПК РФ. Понятно, что у судьи и адвокатов – различные представления о том, что является «иными данными», которые не следует знать присяжным... И все потому, что оценка любых фактов о личности подсудимого присяжными (людьми, не имеющими определенной юридической закалки и профессиональной юридической черствости) будет куда интенсивнее и эмоциональнее, чем этого можно ожидать от профсудьи. Конечно, нет никаких объективных методов измерения этих оценок, все субъективно, но в целом иметь в виду этот «личностный» фактор все-таки следует.

Кстати говоря, роль личности подсудимого тем более усиливается при взаимосвязи с фактором общественного резонанса, а также при активных действиях самого подсудимого в ходе процесса и, прежде всего, при даче показаний или участии в исследовании доказательств. Однако подробнее об этом всем мы еще поговорим ниже, но в любом случае всегда следует помнить, что, например, такое голосование как «достоин ли обвиняемый снисхождения» зачастую определяется именно личностью подсудимого, а не иными объективными, процессуальными факторами.

1.10 Личность судьи

Каждый судья – это целая самобытная вселенная, со своими тайными желаниями, причудами, своим уровнем знания закона и уважения к нему, своей степенью конфликтности, наглости и беспринципности. Именно поэтому, начиная работу по делу с участием присяжных заседателей, следует собрать как можно больше информации о председательствующем судье. Что он из себя представляет? Кто он? Одел мантию, сняв погоны, или был адвокатом? (таких единицы и часто бывает, что бывший адвокат даже пуще бывшего прокурора гнобит сторону защиты...) Имел ли этот, назначенный на дело судья, опыт работы с судом присяжных? Если имел, то чем эти суды закончились, как он вел процесс, насколько был самонадеян, злопамятен и вспыльчив? Готов ли судья к компромиссам, либо же «прет как танк», готовясь сокрушить защиту или... въехать на подготовленное защитой минное поле? Короче говоря, вам необходимо провести кропотливую аналитическую работу, ведь от того, что вы выясните о председательствующем, во многом будет зависеть та стратегия защиты и тактика, которую вы выберете для работы.

С каким-то судьей можно и нужно идти на конфликт. Кого-то надо брать хитростью и нестандартными ходами (Помните, что большинство судей привыкли работать по шаблонам – работа государева стражника не располагает к творчеству и креативу. И именно эта шаблонность мышления и действия – изрядное подспорье в организации тонкой защиты по делу. Тут главное самим не замыкаться в рамках личного опыта...). Например, в одном из процессов, председательствующий был человек суровый, но долго соображающий. И в его процессе неплохо реализовывала себя тактика «кавалерийских наскоков», когда сторона защиты успевала донести до присяжных поток необходимой информации, прежде чем судья понимал, какую именно мину получает при этом под свои доказательства обвинение... А, скажем, другой председательствующий совершенно, как говорится, не держал удар и был стрессонеустойчив. Нет, конечно, он кричал на адвокатов, объявлял замечания и грозил удалением, но выходя из себя он совершал совершенно глупые поступки в результате которых выглядел в глазах присяжных полным неадекватом (что, кстати говоря, впоследствии один из присяжных и подтвердил)...

Личность прокурора, конечно, тоже надо учитывать, но это, откровенно говоря, не столь принципиально. По большому счету, прокурор в процессе с присяжными – не более чем мальчик (или девочка) на побегушках, руководимый из-за стола председательствующего. Поэтому в первую голову учитывайте личность судьи, изучайте ее, консультируйтесь с коллегами, которые уже участвовали в процессах с этим конкретным судьей. Думайте, как обратить особенности его личности в свою пользу. Как обратить его сильные стороны в недостатки, как выставить его перед присяжными в неприглядном свете, либо... если вдруг судья все-таки старается быть объективным – как помочь ему остаться на путях закона и правосудия.

В общем, здесь уже важна юридическая психология, но предмет нашего исследования несколько иной.

1.11 Наличие процессуальных нарушений в деле

Вообще, данное обстоятельство имеет большее значение для профессионального суда, нежели суда с участием присяжных заседателей, поскольку в присутствии присяжных процессуальные вопросы по закону не рассматриваются (в том числе вопросы допустимости доказательств). Поэтому, прежде всего, необходимо оценить процессуальные нарушения, на которых собирается сосредоточить свое внимание защита, в аспекте их значения для суда присяжных. То есть если разговор идет о процессуальных нарушениях, допущенных при проведении каких-то следственных действий, необходимо продумать два варианта развития ситуации – как

будет идти процесс, если суд признает эти доказательства недопустимыми, и как будет идти процесс если суд эти доказательства признает допустимыми (пусть и наплевав на нормы права).

Соответственно, если доказательство будет признано недопустимым, то будет ли зависеть от этого итоговое судебное решение, нет ли каких-то других допустимых доказательств обвинения, восполняющих возникший пробел? Если, по мнению защиты, исход дела будет зависеть от того признают ли конкретное (главное) доказательство допустимым или не допустимым, то в этом случае, возможно, логичнее будет отказаться от суда присяжных в пользу разбирательства с профсудьей. Ведь если главное доказательство исключат – что судья, что присяжные подсудимого оправдают, а если доказательство не исключат, то последующая защита (в т.ч. в апелляционной инстанции) будет направлена на обжалование этого решения, и вот в этом будет заключаться проблема – обжаловать решение суда присяжных труднее, чем обжаловать решение профсудьи...

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СУД ПРИСЯЖНЫХ

Приходит ветеринар на прием к терапевту.

Терапевт:

– Проходите, присаживайтесь, на что жалуетесь?

Ветеринар (разочарованно):

– Неее... Ну так каждый может.

Наконец, пришло время проанализировать наиважнейшую, на наш взгляд, совокупность факторов, влияющих на выбор формы судопроизводства – процессуальные факторы. Очевидной особенностью (и преимуществом) суда присяжных является то, что при такой форме судопроизводства у стороны защиты есть шанс оспорить тот или иной факт, то или иное обстоятельство, которое изложено в фабуле обвинения. В то же время рассмотрение процессуальных вопросов (включая вопросы о допустимости доказательств) происходит в обычном порядке – единолично судьей и в отсутствие присяжных. Таким образом, суд с участием присяжных заседателей более всего «заточен» для опровержения доказательственной базы обвинения. То есть присяжные смогут вам помочь только в пределах предъявленного обвинения – признав тот или иной факт недоказанным. А потому, решая вопрос – ходатайствовать ли о суде присяжных или нет, выполните одну простую операцию: возьмите постановление о привлечении в качестве обвиняемого и прочитайте его с карандашом в руках. Ваша задача – отметить в нем те моменты, которые вы хотите (и можете) опровергнуть или изменить с помощью вердикта присяжных заседателей. После прочитайте правленное обвинение еще раз и оцените результат – есть ли здесь работа для присяжных? Смогут ли существенно повлиять на приговор те обстоятельства, которые вы намереваетесь оспаривать с помощью их вердикта?

При решении вопроса о том, следует ли идти на суд присяжных или нет, необходимо отталкиваться от анализа совокупности двух основных факторов – ожидаемое наказание и степень доказуемости версий обвинения и защиты. При этом, естественно, мы исходим из того, что признание версии защиты существенным образом смягчает или вообще исключает наказание... Далее необходимо определиться в какой степени субъективный фактор (воля судьи) влияет на размер наказания. То есть если возможное наказание ограничено какими-то объективными факторами (например, несовершеннолетие подсудимого, неоконченность преступления и пр.) – в этом случае можно без особых раздумий идти на суд присяжных. Потому что в конечном счете даже при проигрыше наказание и по вердикту присяжных заседателей, и по приговору судьи единолично – будут практически совпадать. В случае же, когда размер наказания в значительной степени зависит от воли судьи (а тем более когда потенциальное наказание допускает назначение пожизненного лишения свободы), следует очень серьезно подумать о «синице в руках» и «журавле в небе»... Типичные ситуации в данном случае могут быть следующими.

2.1 Доказуемость версии обвинения низкая, а защиты – высокая (при этом ожидается наказание близкое к максимальному, если версия обвинения будет доказана в суде)

В данном случае имеет место эталонная ситуация, когда защита должна выбрать именно суд присяжных. Имеется шанс реализовать главное преимущество суда присяжных – возможность оспорить обстоятельства преступления или причастность к нему подсудимого, при этом, даже в случае проигрыша, негативный исход не будет превышать негативных последствий, которые бы наступили при рассмотрении дела судьей единолично. В частности, такие ситуации возникают, когда подсудимому вменяется совершение ряда преступлений (в том числе влекущих наказание в виде пожизненного лишения свободы), например, нескольких убийств.

2.2 Доказуемость версии обвинения высокая, а защиты – низкая (ождается наказание близкое к максимальному, если версия обвинения будет доказана в суде)

При данной ситуации возможен выбор суда присяжных исключительно по принципу - «хуже не будет». Форма судопроизводства при этом (с присяжными или без) никоим образом не влияет на размер назначаемого наказания. Однако, суд присяжных всегда имеет определенный элемент неожиданности, который изначально не может быть просчитан ни стороной защиты, ни стороной обвинения. Соответственно есть определенный шанс, что в силу каких-то мало прогнозируемых обстоятельств присяжные заседатели могут вынести вердикт, идущий на пользу подсудимому (хоть бы и дав снисхождение). Впрочем, в этой ситуации есть и определенные аргументы против суда присяжных. Так, вполне возможна ситуация, когда взамен отказа от такой формы судопроизводства, суд может пообещать определенное смягчение наказания. Верить ли в обещания – уже вопрос иной...

2.3 Доказуемость версии обвинения низкая, а защиты – высокая (ождается наказание близкое к минимальному, если версия обвинения будет доказана в суде)

В этом случае имеет смысл заводить разговор о суде присяжных только в случае если стратегическая цель защиты – это переквалификация деяния на менее тяжкую статью или вообще оспаривание виновности подсудимого. В любом ином случае – защита сработает «вхолостую», достигнув результата, который возможно достичь и без ее участия.

2.4 Доказуемость версии обвинения высокая, а защиты – низкая (ожидается наказание близкое к минимальному, если версия обвинения будет доказана в суде)

Тот случай, когда суд присяжных окажется лишней тратой времени, сил и средств, не обещая никакого результата даже при самом благоприятном исходе.

2.5 Доказуемость версии обвинения низкая, а защиты – высокая (ожидаемый размер наказания имеет широкие пределы по минимуму и максимуму)

В этом случае, анализ ситуации носит исключительно оценочный характер и основной упор должен делаться на оценку ранее перечисленных внепроцессуальных факторов, однако скорее стоит склониться в пользу суда присяжных.

2.6 Доказуемость версии обвинения высокая, а защиты – низкая (ожидаемый размер наказания имеет широкие пределы по минимуму и максимуму)

Аналогично предыдущему – каких-то конкретных рекомендаций дать нельзя. Ситуация должна оцениваться исходя из оценки прочих, прежде всего, внепроцессуальных факторов, но имеется, однако, повод подумать об отказе от суда присяжных...

Следует также четко понимать, что оценивая вероятность доказуемости в суде версий обвинения и защиты, взвешивая шансы, следует исходить из объективной реальности, а не выдавать желаемое за действительное, в том числе идя на поводу у подзащитного.

ГЛАВА 3. СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ ПО ДЕЛУ С ПРИСЯЖНЫМИ

Мужчина обратился к адвокату с проблемой – его собака покусала соседа. После изучения материалов дела, адвокат говорит: «Строить защиту будем по трем направлениям. Во-первых, собака соседа не кусала, во-вторых, он сам ее дразнил, в-третьих, у вас вообще нет никакой собаки!»

Старый юридический анекдот

Трудный и сложный вопрос принято излагать, следуя от общего к частному. Вот и мы, говоря о защите в суде присяжных заседателей, тоже следуем этим путем. Внепроцессуальные факторы, влияющие на суд присяжных мы разобрали выше. Теперь пришло время определиться со спецификой разработки стратегии защиты по уголовному делу.

Но легко сказать – трудно сделать. Первый же вопрос, с которым пришлось столкнуться, заключался в том, что как таковой общепринятой систематизации стратегий защиты по уголовному делу до настоящего времени так и не было создано. Те же способы систематизации, которые удалось отыскать, как правило, либо просто представляли собой мешанину мыслей, не объединенных даже общим основанием, либо выглядели теоретически красиво и безупречно, но с практической точки зрения никакой ценности не представляли.

В целом можно констатировать, что вопросу разработки стратегии защиты по уголовным делам вообще, и по делам с участием присяжных заседателей, в современной российской юридической литературе внимания практически не уделяется. А зря. Единый план защиты, охватывающий всю доказательственную базу по уголовному делу и всю хронологию его развития (от возбуждения уголовного дела

до вступления в законную силу приговора), а иными словами — стратегия, позволяет осуществлять защиту обвиняемого на качественно более высоком уровне, избегая большинства распространенных ошибок и недоработок.

Вместе с тем, существуют и объективные причины по которым вопрос разработки стратегии защиты по уголовному делу, как правило, сводится в литературе к нескольким общим и оттого совершенно бесполезным рекомендациям. Стратегия защиты по уголовному делу — явление многоаспектное, требующее учитывать массу факторов как процессуальной, так и внепроцессуальной природы. Это весьма осложняет выработку какого-то единого подхода к проблематике. С другой стороны, при её разработке нет каких-то искусственных ограничений и устоявшихся подходов.

Классифицировать стратегии защиты по уголовному делу — задача не из легких. И прежде всего потому, что весьма трудно выбрать и придерживаться единого критерия классификации. В конечном счете я посчитал, что наиболее полезной для практического использования будет классификация стратегий по стратегическим целям защиты, а их, в свою очередь, следует выводить из норм права, которые позволяют так или иначе улучшить положение подсудимого — обосновать вынесение оправдательного приговора, сократить наказание, переqualифицировать деяние на менее тяжкое и т.д. Могут ли быть другие виды классификации? Безусловно. Да и предложенный способ классификации с методологической точки зрения несовершенен, содержит некоторое количество частных случаев более общих правил, можно поспорить о выдержанности единого основания классификации, несколько громоздок, казуален и т.д. Однако для практических целей, на мой взгляд, лучше всего подходит именно эта классификация и, прежде всего, потому что она реально помогает планировать стратегию защиты.

В принципе, всю стратегию защиты по делу можно разделить на позитивные и негативные элементы. Негативные — это то, что вы будете отрицать в версии обвинения, позитивные — это то, что не вошло в версию обвинения, но на истинности чего вы будете настаивать.

Однако применение позитивной стратегии таит в себе гораздо более существенные затраты усилий, чем простое отрицание версии обвинения. Дело в том, что судьи прекрасно понимают всю силу и эффективность позитивной стратегии и всеми правдами и неправдами пытаются пресечь возможности для ее применения. Так, приходится сталкиваться с ситуациями, когда попытка изложить свою версию событий парируется судом демагогическим тезисом о том, что де, согласно УПК РФ, судебное следствие ведется только по предъявленному обвинению, соответственно все, что не входит в объем обвинения (читай — в выдумки следователя) не должно обсуждаться в суде и особенно доводиться до сведения присяжных заседателей. Естественно, что такая трактовка закона является чистой воды беззаконием. Что с этим делать мы разберем в разделе, посвященной тактике защиты, пока же нам достаточно просто знать издержки позитивной стратегии.

Негативная стратегия, в свою очередь, проста и примитивна. Она не требует тех затрат ресурсов на ее разработку и воплощение, каких требует позитивная. По сути негативная стратегия сводится к отрицанию некоторых (или всех) доводов обвинения, элементов обвинительной версии. Таким образом, для реализации негативной стратегии следует, прежде всего, проанализировать доказательственную базу обвинения и определиться — что в ней доказано наиболее слабо (из числа того, отрицание чего может принести защите существенную пользу). При этом вполне очевидно, что есть ряд обстоятельств, отрицание которых защите пользы не принесет. Это, кстати, еще один немаловажный момент при планировании защиты — в версии обвинения необходимо выделить не только наиболее слабые места, но и те, опровержение которых принесет стороне защиты наибольшую пользу.

Вот, исходя из всего этого, и пришлось разрабатывать свою собственную систему классификации стратегий защиты, приспособленную для раскрытия темы данной книги. *Классификация — через стратегические цели защиты.* Она, быть может,

не научна, возможно, страдает определенными методологическими недостатками, почти наверняка не полна и подвержена изменчивости (в связи с изменчивостью законодательства), но лучшего варианта все равно нет... Для чего вообще понадобилось заводить разговор о стратегии защиты? Неужели нельзя было обойтись без нее? Нельзя! Правильная стратегия защиты позволяет планировать работу адвоката по делу, повышать ее эффективность. Правильный план позволяет решить, что следует делать адвокату для защиты доверителя, а на что не следует отвлекать свои силы и средства.

3.1 Стратегические цели защиты

Итак, зачем понадобилось огород городить и вводить в исследуемую тему какие-то «стратегические цели защиты»? Полагаю, что нет необходимости обосновывать утверждение, что любая деятельность адвоката по уголовному делу должна преследовать цель – так или иначе улучшить положение подзащитного, вплоть до полного оправдания в инкриминируемых деяниях. Соответственно, определив цель, к достижению которой следует стремиться, появляется возможность составить примерный план ее достижения, то есть фактически разработать общее представление о стратегии защиты по конкретному уголовному делу. Проанализировав нормы УК и УПК, можно составить список таких стратегических целей...

При этом всегда следует помнить, что суд присяжных – это форма судопроизводства более всего приспособленная для оспаривания ложных фактов и версий обвинения. Обсуждение иных (прежде всего процессуальных) вопросов идет в общем порядке, то есть при отсутствии в зале присяжных заседателей и, следовательно, каких-либо преимуществ перед обычным судом не имеет. Зато опровержение того или иного значимого обстоятельства, того или иного утверждения прокуратуры – вот это как раз и выносится на суд присяжных, этим-то он и силен, и именно за это его ненавидят судьи и прокуроры. В связи с такой спецификой суда присяжных существуют стратегии, которые прекрасно подходят именно для него; стратегии, которые никаких преимуществ от такой формы судопроизводства не получают; и стратегии для которых суд присяжных вообще исключен или вреден.

В первую очередь разберем те стратегические цели, достижение которых может быть реализовано благодаря выбору суда с участием присяжных.

3.1.1 Доказывание непричастности подсудимого к преступлению (ст.27 ч.1 п.1 УПК РФ)

Одна из наиболее часто используемых в суде с присяжными стратегических целей, использование которой эффективно, но сопряжено со значительными трудностями. Для реализации этой цели, прежде всего, необходимо работать с фактами, а именно факты и являются предметом оценки присяжных заседателей. Таким образом, при правильном подходе защиты, шансы добиться нужного результата по делу существенно повышаются (в сравнении с разбирательством дела у профессионального судьи).

Успешная реализация стратегии, направленной на достижение такой цели, в конечном итоге приводит к частичному (если обвинение оспаривается в какой-либо части) или полному оправданию. Естественно, что сопротивление такой стратегии со стороны суда и обвинения максимально.

Кроме того, следует учитывать, что избранию такой стратегии защиты должен предшествовать тщательный анализ доказательственной базы по делу, правильная оценка имеющихся сил и средств, прогнозирование возможных путей развития процесса и вероятных ходов со стороны обвинения. Хотя, это отдельный разговор...

Однако же, и у профсудей реализация этой стратегии иногда приводит к совершенно неожиданным и для обвинения, и для защиты результатам. Так по делу о

обвинении Даниила Константинова по ч.1 ст. 105 УК РФ (убийство) под грузом оправдательных доказательств, свидетельствующих о непричастности Константинова к вмененному ему преступлению, суд взял да и признал его виновным лишь в хулиганстве, т.е. по ст. 213 УК РФ (<https://www.kommersant.ru/doc/2590912>). Конечно, эта переквалификация была совершенно абсурдна и немотивированна, но это было лучшее, что мог сделать суд по политически мотивированному и получившему большой общественный резонанс делу. Естественно, впрочем, что данная стратегия может быть применена только в случае наличия убедительных доказательств защиты (например, у Константинова было твердое алиби) и крайней неубедительности доказательств обвинения.

3.1.2 Доказывание эксцесса исполнителя при совершении группового преступления (ст. 36 УК РФ)

По сути – это частный случай предыдущего пункта. Выделен отдельной строкой только исходя из факта существования для него отдельной статьи в УК РФ. При достижении данной цели, основное внимание уделяется доказыванию намерений подсудимого, отличных от намерений соучастника (или соучастников), что тоже является фактом, установление которого отнесено к компетенции присяжных. При удачной реализации этой стратегической цели подсудимый, допустивший эксцесс исполнителя, может рассчитывать на исключение такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в группе лиц, остальные подсудимые – на переквалификацию их деяний или полное оправдание по эпизоду в котором имелся эксцесс исполнителя.

3.1.3 Доказывание отсутствия события преступления (ст.24 ч.1 п.1 УПК РФ)

Еще одна стратегия (цель) эффективная для реализации именно в суде присяжных, причем она в своих основных аспектах реализации также перекликается и с вышеперечисленными.

В качестве примера данной стратегии можно сослаться на дело саранского бизнесмена Юрия Шорчева, когда один из центральных эпизодов обвинения – убийство криминального авторитета Андрея Борисова – в ходе первого судебного процесса Шорчева был признан присяжными недоказанным. Причиной тому послужила крайне слабая и неоднозначная доказательственная база обвинения и, прежде всего, очень неубедительные свидетельства того, что обнаруженный следствием труп действительно является именно трупом А.М.Борисова (<http://shorchev.online/dnk/>).

3.1.4 Получение вердикта присяжных о снисхождении (ст. 65 УК РФ)

Данная стратегическая цель специфична и может иметь место только в рамках процесса с участием присяжных заседателей. Ее можно рассматривать и как дополнительную стратегическую цель, позволяющую ограничить верхний предел наказания двумя третями от максимального, и как основную стратегическую цель, в случаях, когда речь идет о назначении максимального наказания. Особенно велика ее роль в ситуациях, когда в качестве наказания может быть назначено пожизненное лишение свободы, поскольку получение вердикта о снисхождении снимает эту опасность.

Еще один момент, который следует учитывать при выборе данной стратегической цели – это то, что снисхождение присяжных просто «за красивые глаза» дается только в прокурорских байках. По известной же мне практике,

присяжные дают снисхождение либо когда со стороны подсудимого имели место какие-то исключительные действия, характеризующие его пониженную общественную опасность (явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, примирение в потерпевшим и т.д.), либо если присяжные не были до конца уверены в виновности подсудимого. Может быть, конечно, что кого-то и просто пожалели, но это скорее редкое исключение, лишь подтверждающее правило...

3.1.5 Доказывание отсутствия состава преступления (ст. 24 ч.1 п.2 УПК РФ)

Доказывание отсутствия состава преступления в рамках судебного процесса с присяжными сопряжено с некоторыми процессуальными трудностями. Прежде всего, надо учитывать, что присяжные не решают процессуальных вопросов, соответственно и вопрос о наличии или отсутствии состава преступления они решить не могут. В то же время состав преступления устанавливается на основании конкретных объективных данных, фактов, а вот решение вопроса доказанности того или иного факта – это уже исключительная компетенция суда присяжных.

Соответственно, задача защиты в этом случае доказать или опровергнуть какие-то факты, что, в свою очередь, позволит дать иную процессуальную трактовку деянию подсудимого в целом. В связи с этим порой суды идут на откровенные фальсификации, исключая из объема решаемых присяжными вопросов, например, обстоятельства, влияющие на оценку секретности или несекретности разглашенных подсудимым сведений. В «шпионском деле» Сулягина, в частности, возникла проблема (для обвинения), что сведения разглашенные Сулягиным были взяты им из открытых источников. Соответственно, вопрос о том: могут ли они быть предметом шпионажа – суд из вопросного листа изъял, заявив, что этот вопрос является процессуальным и присяжные его решать не будут.

«Судья Мосгорсуда Марина Комарова не сформулировала то, без чего невозможно осудить человека: взяты ли передаваемые сведения из открытых источников, составляют они гостайну или нет. И главное: присяжным не был задан вопрос об умысле – состав преступления «государственная измена» предполагает умысел на причинение ущерба обороноспособности страны. То есть судья, жонглируя элементами своей компетенции, сделала в приговоре выводы, которые из вердикта присяжных в общем-то и не вытекали»...

Источник: <http://www.sutyagin.ru/prensa/040906.html>

Такая практика очевидно противоречит требованиям закона – ст.339 ч.3 УПК РФ, однозначно указывающей, что после основного вопроса о виновности подсудимого могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности. В необходимых случаях отдельно ставятся также вопросы о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца, степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления. Допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту...

Что ж, тем не менее, определенное повышение шансов на реализацию данной стратегической цели дает норма права, обязывающая суды, по инициативе стороны защиты, ставить на разрешение присяжных заседателей вопросы, которые могут

смягчить вину подсудимого. Но более подробно этот вопрос будет нами разобран в главе, посвященной непосредственно вынесению вердикта присяжными заседателями.

3.1.6 Доказывание невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ)

В определенном смысле, это частный случай доказывания отсутствия состава преступления. Обстоятельства, позволяющие реализовать данную цель в рамках уголовного дела весьма редки, однако это не значит, что данная цель является «мертворожденной». Также не стоит забывать о том, что реализация данной цели во многом перекликается с такой специфической особенностью вынесения вердикта присяжными заседателями, как решение ими вопроса о виновности или невиновности лица, совершившего преступление.

3.1.7 Доказывание необходимой обороны (ст. 37 УК РФ)

Извечный камень преткновения в уголовном праве. В настоящее время депутаты ГД РФ вновь возвращаются к этому вопросу, так что есть основания ожидать изменений. Впрочем, если наши правоприменители продолжают с упорством буйнопомешанного сажать людей в тюрьмы за причинение смерти нападающему на них вооруженному наркоману с несколькими судимостями (вероятно, ощущая с ним определенное духовное родство?), то присяжные заседатели напротив – регулярно демонстрируют в таких случаях образцы адекватного и взвешенного подхода. Не случайно, в этой связи, что в последнее время дискутируется вопрос о передаче дел о превышении пределов необходимой обороны в компетенцию суда присяжных...

Данная стратегическая цель, в ряде случаев, была реализована в судах с присяжными весьма эффективно, хотя судьи всячески этому и препятствуют.

3.1.8 Оспаривание обстоятельств, влияющих на квалификацию преступления

Полагаю, нет необходимости говорить о том, что различные обстоятельства – такие как размер и вид причиненного ущерба, направленность умысла, наличие или отсутствие сообщников, особая жестокость совершения преступления и пр. влияют на квалификацию и, в конечном счете, на наказание. Оценка доказанности этих обстоятельств – также вопрос исключительной компетенции присяжных заседателей.

3.1.9 Использование апелляции к исключительным обстоятельствам совершения преступления

Специфическая и пригодная только для суда присяжных цель, во многом перекликающаяся с вышеприведенными. Речь идет о ситуации, когда, не оспаривая события преступления или причастности к нему подсудимого, защита апеллирует к обстоятельствам, позволяющим рассчитывать на особое отношение присяжных заседателей к действиям подсудимого. Т.е. перед нами тот редкий случай, когда присяжные заседатели, при утвердительных ответах на вопросы о доказанности события и доказанности участия подсудимого, принимают решение о его невиновности.

В качестве примера такой ситуации можно сослаться на некогда нашумевшее (в 2004 году) брянское дело, в котором подсудимый Хахулин обвинялся в убийстве инспектора ГИБДД. При признании вины, подсудимый апеллировал к противоправному поведению самого потерпевшего, который, по его версии, вместе с напарником силой затащили подсудимого в патрульную автомашину и вымогали у него взятку. В итоге вердиктом присяжных, при доказанности события преступления и причастности к нему подсудимого, Хахулин был единогласно провозглашен

невиновным. Трудно сказать, что именно послужило причиной такого вердикта, однако полагаю, что имелись какие-то очень убедительные обстоятельства, согласно которым такое решение было единодушно принято всеми двенадцатью присяжными. Списать такое единогласное мнение коллегии на ошибку невозможно.

3.1.10 Оспаривание сроков совершения преступления

Эта стратегическая цель может решать сразу несколько разных задач. Во-первых, оспаривание давности совершенного преступления (в соответствии со ст.24 ч.1 п.3 УПК РФ и ст.78 УК РФ) соответственно с доказыванием истечения сроков привлечения к уголовной ответственности.

Во-вторых, оспаривание сроков совершения преступления – с целью квалификации деяния по наиболее приемлемой для подсудимого статье УК РФ. Например, знаменитая уже статья 282 ч.1 УК РФ до февраля 2014 года предусматривала предел наказания в виде 2 лет лишения свободы, а в настоящее время – уже до 4 лет. Но поскольку в большинстве случаев данный состав возбуждается по публикациям в сети Интернет – появляется реальная возможность оспорить сроки публикации информации, «возбудившей прокуроров» и «сдвинуть» факт совершения на момент действия статьи в более мягкой редакции...

В-третьих, оспаривание сроков совершения преступления, с целью полной декриминализации деяния или применения к подсудимому более выгодных для него норм права. Как известно, в УК РФ существует ряд составов, которые были введены относительно недавно. В их числе, набирающие значительную «популярность» (прежде всего, простотой «доказывания», обусловленной политическим заказом) «экстремистские» преступления...

Наконец, оспаривание сроков совершения преступления, также позволяет реализовывать такие цели защиты как прекращение дела по амнистии, в следствии изменения обстановки и т.п.

Постановка такой цели возможна в случаях, когда давность совершения преступления не определена с достаточной точностью. В принципе, вполне возможны ситуации, когда такая стратегическая цель будет реализована именно с помощью специфических механизмов суда присяжных.

При этом, однако, необходимо помнить и о «подводных камнях» данной стратегической цели. Течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

Вопрос же о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом. Если суд не сочтет возможным освободить указанное лицо от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применяются.

Ну и не забываем, что для несовершеннолетних сроки давности сокращены на половину (ст. 94 УК РФ)...

В общем, данная стратегическая цель, дает весьма широкий простор для процессуального творчества, хотя ее применение и ограничено весьма специфическими условиями, существующими далеко не по каждому делу.

3.1.11 Доказывание причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ)

Случай редкий, но не настолько, чтобы его не указать.

3.1.12 Доказывание крайней необходимости (ст. 39 УК РФ)

Увы, статья 39 УК РФ сформулирована слишком обще, чтобы говорить о каких-то конкретных признаках, позволяющих однозначно установить какие-либо критерии крайней необходимости. Так что рассматривая эту цель, следует учитывать исключительно высокое значение субъективного фактора при оценке действий подсудимого.

3.1.13 Доказывание физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ)

Еще менее конкретизированная (даже в сравнении с крайней необходимостью) правовая норма. Тем не менее, в определенных обстоятельствах и она может послужить целям защиты по уголовному делу, в том числе для получения снисхождения присяжных.

3.1.14 Доказывание обоснованного риска (41 УК РФ)

Тут вообще трудно что-либо сказать определенное, поскольку судебной практики по этой теме не довелось наблюдать ни разу. Однако, чисто теоретически такая стратегическая цель может иметь право на существование, поскольку обоснованный риск явно относится к фактическим обстоятельствам, устанавливаемым присяжными. Ну а раз так, то шанс доказать свою правоту в данном случае выше в суде с присяжными, чем без них.

3.1.15 Доказывание исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ)

Конечно, первостепенный интерес эта норма будет представлять по делам в отношении военнослужащих. В частности, в свое время именно эта стратегия была использована по делу в отношении разведгруппы Эдуарда Ульмана. Правда, это же дело показало бесплодность попыток «обыграть шулеров», да еще и по их же правилам. Увы.

3.1.16 Оспаривание общественной опасности деяния (ст.60 ч.3 УК РФ)

При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Оспаривание общественной опасности содеянного, пожалуй, самый неопределенный и зыбкий пункт из всего перечисленного. Дело в том, что в рамках любого состава преступления у суда есть возможность маневра между верхней и нижней границами наказания. На размер наказания в этих условиях влияют как описанные в законодательстве моменты – отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, так и прямо в законе не указанные. Вот здесь то и наступает полное раздолье для прокурора и защитника: в ход идут характеристики, дипломы, аттестаты и прочее. В результате суд принимает решение, которое, в том числе, мотивирует своей оценкой общественной опасности и личности подсудимого. С одной стороны, это позволяет весьма существенно влиять на размер наказания, с другой – в силу неопределенности факторов принимаемое решение находится целиком на усмотрении председательствующего.

Можно ли ставить такую цель на суде с присяжными? Можно, но нужно учитывать запрет на изучение присяжными заседателями сведений, характеризующих личность подсудимого.

3.1.17 Доказывание наличия смягчающих вину обстоятельств, либо опровержение отягчающих (ст. 61 и 63 УК РФ)

Сами по себе смягчающие и отягчающие обстоятельства ни следствие, ни суд ни к чему императивно не обязывают, в то же время за отсутствием лучшего или в качестве одной из дополнительных целей это тоже подойдет. Также следует учитывать, что наличие смягчающих обстоятельств и отсутствие отягчающих вполне может стать основанием получения вердикта присяжных о снисхождении.

Смягчающие и отягчающие вину обстоятельства изложены в ст. 61 и 63 УК РФ. Соответственно одной из возможных стратегических субцелей может быть либо доказывание наличия смягчающих вину обстоятельств, либо опровержение отягчающих вину обстоятельств. Кроме того, ст. 62 УК РФ предусматривает, что в случае деятельного раскаяния, явки с повинной, активного способствования раскрытию и расследованию преступления, добровольного возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления и т.д. – верхняя граница наказания ограничена 2/3 от максимального наказания.

3.1.18 Доказывание неоконченности преступления (ст. 30, 66 УК РФ)

Обычно факт оконченности или неоконченности того или иного преступления очевиден и его оспаривание бессмысленно, однако, тем не менее, все равно нельзя полностью исключить вероятность возникновения ситуации, при которой данная стратегическая цель может иметь место. Например, от доказанности того – была ли мертва жертва к моменту, когда преступник прекратил в отношении нее свои действия, вполне может образоваться та зыбкая граница, которая отделяет ст.105 УК РФ от ст.111 ч.4.

3.1.19 Доказывание добровольного отказа от совершения преступления (ст. 31, 66 УК РФ)

При должных обстоятельствах, заявленная стратегическая цель имеет неплохой потенциал для реализации, особенно в рамках дел рассматриваемых с участием присяжных заседателей...

* * *

Теперь переходим к рассмотрению стратегических целей, реализация которых никак не зависит от избранной формы судопроизводства, и при которых нет смысла идти на суд присяжных. Говоря о таких стратегических целях, можно заметить, что они в основном подходят для составов, не попадающих под суд присяжных. Тем не менее возможен нюанс. Дело в том, что попасть на суд присяжных можно не только при вменении состава преступления, не попадающего под суд присяжных, но и вообще помимо своей воли. Такие случаи возникают, когда в суд направляется уголовное дело в отношении группы лиц и при этом некоторым из обвиняемых вменяют составы преступлений, допускающих рассмотрение дела судом присяжных. В итоге на суд коллегии попадают редкие для этой формы судопроизводства гости – и мошенничество, и растрата и др.

3.1.20 Доказывание устранения наказуемости деяния (ст.24 ч.2 УПК РФ)

В данном случае это не столько стратегическая цель, сколько счастливое стечение обстоятельств, никоим образом не зависящее от воли защитника или подсудимого. Впрочем, этот пункт может быть применен совместно с оспариванием квалификации преступления, то есть целью может быть перекалфикация деяния на декриминализованный состав преступления. Так что с учетом постоянно меняющегося российского уголовного законодательства, данная стратегическая цель

тоже имеет право на существование. Достаточно вспомнить как в недавней истории уже были случаи декриминализации контрабанды (ст. 188 УК РФ), клеветы (ст. 129 УК РФ), обмана потребителей (ст. 200 УК РФ) и т.д. В то же время ряд составов преступлений был введен в УК РФ относительно недавно. Отсюда следует еще один способ применения этой стратегической цели в совокупности с оспариванием сроков совершения преступления – это позволяет доказать, что преступление либо было совершено еще до того, как оно было признано преступлением по уголовному закону, либо что на настоящий момент оно уже не является преступлением.

Также нельзя упускать из вида и бланкетные составы преступлений, когда изменения происходят не в диспозиции статьи УК РФ, а в нормативных актах, на которые данная статья УК РФ ссылается. Для примера достаточно вспомнить влияние на оружейные статьи Уголовного кодекса изменений в законе «Об оружии» или влияние на квалификацию действий подсудимых по ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) изменений в законе «О лицензировании отдельных видов деятельности»...

3.1.21 Возмещение ущерба по некоторым экономическим составам (ст. 28¹ ч.1 УПК РФ)

Применение данной стратегической цели ограничивается лишь исчерпывающим перечнем составов, подлежащих прекращению по этому основанию, и финансовыми возможностями подсудимого.

Так что остается лишь процитировать соответствующую норму права – уголовное преследование прекращается в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 198 – 199¹ УК РФ при наличии оснований, предусмотренных статьями 24 и 27 настоящего Кодекса или частью первой статьи 76¹ УК РФ, в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме.

Ч.3 этой же ст. 28¹ УПК РФ содержит указания о порядке прекращения дел и по другим экономическим составам...

3.1.22 Доказывание деятельного раскаяния (ст. 28 УПК РФ, ст. 75 УК РФ)

Нечастый «гость» в практике адвоката, тем более, что прекращению подлежат только дела небольшой и средней тяжести, да еще и для преступника это должно быть преступление, совершенное впервые. Плюс к этому наличие деятельного раскаяния во многом критерий оценочный, так что для постановки такой цели необходимо должно стремление в том числе со стороны следователя или судьи. Впрочем, факт деятельного раскаяния присяжные все равно не устанавливают...

3.1.23 Примирение сторон (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ)

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред.

В данном случае основной упор в реализации данной цели делается на внепроцессуальных аспектах деятельности адвоката – найти контакт с потерпевшим, получить принципиальное согласие на примирение, добиться условий примирения максимально соответствующих требованиям/возможностям подсудимого.

В то же время, данная цель может комбинироваться с целью изменения квалификации деяния с тем чтобы ситуация в итоге допускала примирение сторон.

3.1.24 Доказывание наличия статуса спецсубъекта у обвиняемого (ст.24 ч.1 п.6, ст.27 ч.1 п.6, ст. 448 УПК РФ)

В некоторых случаях уголовно-процессуальный закон предусматривает особый порядок привлечения к ответственности ряда перечисленных в законе спецсубъектов. Соответственно, в качестве стратегической цели может быть поставлена задача доказать, что привлекаемое к уголовной ответственности лицо является спецсубъектом, а значит нарушен порядок его привлечения.

К спецсубъектам, согласно законодательству, относятся: председатель СК РФ, судья Конституционного суда РФ, судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов, председатель Счетной палаты, Уполномоченный по правам человека в РФ, Президент РФ, депутат Госдумы, депутат субъекта РФ, депутат органа местного самоуправления, прокуроры, следователи СК, члены избирательной комиссии с правом решающего голоса, зарегистрированный кандидат в депутаты Госдумы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного органа субъекта РФ и даже адвокаты.

Указанная цель специфична в том отношении, что статус спецсубъекта, как правило, известен следствию изначально. Вместе с тем, в практике имелись случаи, когда в силу тех или иных причин наличие статуса спецсубъекта носит спорный характер, либо следствию изначально не известно о спецсубъекте. Тогда у защиты появляются основания оспаривать законность возбуждения дела и собранных по делу доказательств.

3.1.25 Доказывание повторности обвинения (ст. 27 ч.1 п.4 УПК РФ)

Стратегическая цель, в данном случае, это доказать наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же самому обвинению, либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению. Пункт экзотический и приведен здесь исключительно для полноты картины.

3.1.26 Доказывание наличия неотмененного постановления о прекращении дела или отказа в возбуждении уголовного дела (ст.27 ч.1 п.5 УПК РФ)

Наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Пункт также редкий и экзотичный, но для полноты картины пусть будет. Тем более, что в судебной практике имеется как минимум один случай, когда приговор по делу был признан незаконным на том основании, что ранее по материалу проверки по данному преступлению было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не отмененное на момент возбуждения дела...

3.1.27 Применение акта амнистии (ст.27 ч.1 п.3 УПК РФ).

В данном случае речь о том, что, с одной стороны, необходимо чтобы совпали все необходимые условия амнистии (в том числе и квалификация), с другой – чтобы амнистия вступила в действие именно в период рассмотрения или расследования вашего дела. То есть порой надо и просто «потянуть время». Впрочем, иногда амнистии подкидывают и сюрпризы. Думаю, в адвокатской среде еще не одно поколение будут вспоминать амнистию 2000 года, когда под нее попали граждане, имеющие госнаграды и вне зависимости от тяжести совершенного ими преступления. Тогда депутатам Госдумы пришлось срочно вносить в ее текст изменения, когда спохватились что придется амнистировать Салмана Радуева (по стечению

обстоятельств как раз имевшего какую-то государственную медальку). Хотя, полагаю, что те, ради кого это все придумывалось, на свободу уже вышли...

Комбинируется данная цель с оспариванием сроков совершения преступления и с квалификацией преступления, а также – с оспариванием конкретных обстоятельств, препятствующих амнистии, либо наоборот – доказыванием наличия оснований для амнистии.

3.1.28 Использование возраста подсудимого (ст.27 ч.3 УПК РФ)

В данном случае речь идет о прекращении уголовного преследования в связи с недостижением подсудимым возраста наступления уголовной ответственности. Несравненно более редким случаем является прекращение преследования в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, наказуемого уголовным законом.

Как правило, этот пункт очевиден (кроме второго варианта) и, соответственно, прекращение по нему производства по делу происходит без особых усилий защиты. В то же время, эту цель можно совместить с оспариванием даты совершения преступления и переносе ее на срок до достижения лицом «наказуемого» возраста. Например, такую цель можно поставить, когда точная дата совершения преступления не поддается определению, скажем, когда речь о краже с дач, закрытых на зиму.

3.1.29 Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст.80¹ УК РФ)

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки, это лицо или совершенное им преступление, перестали быть общественно опасными. Еще один экспонат в разделе «процессуальные редкости».

3.1.30 Освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ)

Достаточно известная и популярная стратегическая цель, в основу которой должно в обязательном порядке быть положено медицинское заключение. Впрочем, у стороны защиты есть некоторая возможность повлиять на выводы судебных медиков, предоставив необходимые медицинские документы, историю болезни подсудимого, показания свидетелей и прочие доказательства.

3.1.31 Получение отсрочки отбывания наказания (ст. 82, 82¹ УК РФ)

Стратегические цели, которые могут быть реализованы при выполнении некоторых сформулированных в законе условий и соответствующей позиции суда. Раскрывать их суть в большом объеме смысла не имеет (см. кодекс), поскольку для их реализации, прежде всего, надо умение убедить судью пойти на встречу подсудимому.

3.1.32 Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ)

Еще одна цель из списка «чтоб было». Реальных фактов применения данной нормы не известно.

3.1.33 Помилование (ст. 85 УК РФ)

Да, эта стратегическая цель может принести немалые выгоды, однако всерьез планировать ее реализацию смысла не имеет по вполне очевидным причинам (где мы – и где помилование). Поэтому в этом перечне она также исключительно для галочки.

3.1.34 Доказывание статуса несовершеннолетнего (ст. 89 УК РФ)

Юридический статус несовершеннолетнего дает подсудимому ряд преимуществ, в том числе, требует при назначении наказания учитывать условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц, а сам факт несовершеннолетия является смягчающим вину обстоятельством. Плюс имеются и определенные правила при назначении наказания несовершеннолетнему, изложенные в ст.90 УК РФ, и освобождению его от наказания по ст.92 УК РФ.

Факт несовершеннолетия, как правило, очевиден и для следствия, и для суда, так что в большинстве случаев каких-то особых усилий в доказывании от защиты не требуется, хотя и имеют место случаи с ошибками в документах, например, когда в паспорте и свидетельстве о рождении указываются разные даты рождения.

3.1.35 Смерть подозреваемого или обвиняемого (ст.24 ч.1 п.4 УПК РФ)

Несмотря на первоначально кажущуюся абсурдность этого пункта, он, тем не менее, в совокупности со ст.27 ч.1 п.1 УПК РФ может сыграть решающую роль. Так, известны случаи, когда удавалось доказать, что преступление, инкриминируемое подсудимому, было совершено другим лицом, которое к настоящему времени уже умерло...

Тут следует сказать несколько слов о «внутренней кухне» следствия. Дело в том, что прекращение производства по нереабилитирующим обстоятельствам (к которым относится смерть подозреваемого), для следствия является вполне приемлемым – с точки зрения статистики – результатом расследования. И если на прекращение за примирением сторон следователю надо получить согласие прокурора, то прекращение в связи со смертью подозреваемого/обвиняемого этого не требует. Особенно эффективно применять этот вариант защиты в самом начале следствия, еще до предъявления обвинения. В этом случае отпадает и такое мешающее защите обстоятельство, как нежелание следствия и прокуратуры признавать право на реабилитацию за обвиняемым. Вопрос заключается в том, чтобы доказать следователю или суду, что преступное деяние или его часть была совершена не подсудимым, а умершим к моменту следствия или суда гражданином.

Ставить такую цель в рамках суда с присяжными смысла не имеет, поскольку председательствующий никогда в жизни не разрешит обсуждать перед присяжными виновность другого (пусть и умершего) лица, и уж точно не поставит перед ними в вердиктном листе вопрос, допускающий подобный вывод...

* * *

Что ж, ну а теперь перечислим стратегические цели при которых суд присяжных вообще невозможен.

3.1.36 Заключение досудебного соглашения со следствием (гл.40 УПК РФ; ст.62 ч.4, ст.64 УК РФ)

Реализация данной стратегической цели весьма существенно влияет на итоговое наказание по делу. Однако, на практике известны случаи, когда прокуратура

признавала условия соглашения не выполненными, либо вообще отказывалась от заключения соглашения.

Также известны ситуации, когда обвиняемый начинал оказывать помощь следствию (в том числе и весьма существенную) до заключения соглашения, в результате чего лишал себя возможности заключить сделку официально – следствию просто это уже было не нужно.

Ну и, наконец, в пределах предусмотренных ограничений – наказание зависит от усмотрения суда и, в итоге, может не совпасть с ожиданиями самого подсудимого.

3.1.37 Использование особого порядка судебного разбирательства (ст.62 ч.5 УК РФ, ст. 226⁹ УПК РФ)

Обвиняемый вправе, при наличии согласия государственного обвинителя и потерпевшего, заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы.

Данную стратегическую цель, однако, имеет смысл избирать только при очевидности совершенного подсудимым преступления и его вины в нем.

Кроме того, надо учитывать и тот факт, что, ограничивая верхний предел наказания, данная форма судопроизводства не устанавливает каких-либо иных гарантий улучшения положения подсудимого. В результате, довольно часты случаи, когда при обычном судопроизводстве подсудимый получает примерно то же самое наказание, что и подсудимый в рамках особого порядка по аналогичному преступлению. При этом подсудимый лишается основных возможностей по обжалованию приговора.

В общем, крайне рекомендую перед постановкой такой стратегической цели ознакомиться с судебной практикой – <https://alexboz.pravorub.ru/personal/17106.html>

3.1.38 Отсутствие заявления потерпевшего (ст.24 ч.1 п.5 УПК РФ)

Данная цель может иметь место, когда уголовное дело возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего. Речь в данном случае идет, в первую очередь, о сексуальных преступлениях. Впрочем, на полноценную стратегическую цель она все равно не тянет, прежде всего, из-за своей очевидности и безусловности. В случае отсутствия заявления потерпевшего – уголовное дело по таким составам просто не будет возбуждено. Вместе с тем, при работе с делами указанной категории проверить наличие такого заявления все-таки имеет смысл. На всякий случай. А то мало ли...

* * *

На этом, пожалуй, список стратегических целей защиты можно считать исчерпанным. Является ли данный перечень полным и окончательным? Конечно же нет и, главным образом, потому что российское уголовное законодательство находится в перманентном изменении, расширении и дополнении. Так что нет никакой гарантии, что через день-неделю-месяц этот список не претерпит каких-то существенных изменений. Однако, заложенный в его основу методологический подход, все равно будет оставаться актуальным.

3.2 Разработка стратегии защиты по делу с присяжными

Обращаясь к стратегиям в суде с участием присяжных заседателей, следует отметить, что по составам, допускающим рассмотрение дела с участием присяжных, большая часть стратегических целей не подходит, потому что значительная их часть

предназначена для реализации в рамках защиты по преступлениям небольшой или средней тяжести.

К тому же постановка некоторых из перечисленных стратегических целей прямо не позволяет совместить их с судом с участием присяжных заседателей, например – досудебное соглашение со следствием. Некоторые стратегические цели просто не имеют смысла, например, доказывать наличие смягчающих обстоятельств или отсутствие события кражи в случае, когда подсудимому вменяется десяток убийств и вне зависимости от наличия смягчающих доказательств, приговор в случае обвинительного вердикта может быть только один – пожизненное лишение свободы.

В то же время, систематически встречаются ситуации, когда даже такие стратегические цели могут быть реализованы. Разговор идет о тех случаях, когда по делу проходит несколько подсудимых, одним вменяются особо тяжкие составы, послужившие причиной направления дела в суд присяжных, а другим – составы небольшой или средней тяжести, где вполне применим почти весь перечисленный набор стратегических целей. Также возможны случаи, когда подсудимому избравшему суд с участием присяжных заседателей вменяется лишь один особо тяжкий состав (послуживший основанием избрания суда с присяжными) и несколько менее тяжких составов. В этом случае, вполне можно избрать стратегию опровержения этих менее значительных составов в расчете на то, что итоговое наказание при сложении наказаний будет меньше.

В иных случаях, в рамках дела с участием присяжных заседателей, как правило наиболее популярные стратегии это – опровержение состава преступления, опровержение события преступления и получение вердикта о снисхождении.

3.2.1 Общая оценка перспектив разбирательства дела в суде с присяжными

Уголовное дело рассматривается судом присяжных только по ходатайству подсудимого. Таким образом, избрание такой формы судопроизводства всегда является актом разумного волеизъявления подсудимого. Раз так, то чем раньше начинается подготовка защиты к суду присяжных, тем лучше. Однако, справедливости ради следует сказать, что такое положение вещей «в чистом виде» имеет место только по делам с одним обвиняемым. Если же по делу несколько обвиняемых, то вполне может сложиться ситуация, когда кто-то из обвиняемых желает ходатайствовать о рассмотрении дела присяжными, а кто-то против этого возражает. Конечно, закон предусматривает для следствия возможность выделить дело в отношении обвиняемых нежелающих суда присяжных в отдельное производство, вот только на практике этого почти не встречается. Разве что конкретный обвиняемый заключил сделку со следствием и его дело рассматривается в особом порядке...

Впрочем, и в первом, и во втором случае, идя на суд присяжных либо добровольно, либо за компанию с остальными подсудимыми, готовиться к суду присяжных необходимо, и начинать подготовку надо с адаптации избранной стратегии защиты под специфику суда присяжных. То есть, прежде всего, следует определить есть ли возможность опровергнуть в суде присяжных какие-либо части обвинения (с использованием допустимых в суде с присяжными средств и методов) и если они есть, то что для этого надо предпринять.

Рассмотрим ситуацию, когда обвиняемый желает рассмотрения его дела судом присяжных. В этом случае, помимо желания и возможности пойти на суд присяжных, должны быть выполнены еще и условия при которых суд присяжных по конкретному делу вообще возможен. Все необходимые процессуальные требования сформулированы в УПК РФ. Там дан исчерпывающий перечень статей по которым возможен суд присяжных, и по которым о суде присяжных можно только мечтать. Приводить этот перечень (копировать его из УПК РФ) смысла не имеет, особенно с учетом того, что читать эту книгу надо держа под рукой УК и УПК. Прокуроры и

судьи бояться (и не обосновательно) процессов с участием присяжных заседателей, поэтому стараются свести вероятность направления дел к присяжным к минимуму. Поэтому правоохранители разработали ряд приемов, позволяющих вывести дело из-под юрисдикции присяжных. Так что, рассматривая вопрос о походе в суд присяжных, необходимо знать об этих «фокусах» стороны обвинения и учитывать их при планировании своей защиты по уголовному делу.

К числу таких приемов можно отнести вменение обвиняемому какого-то преступления (пусть и при отсутствии доказательств), выводящего уголовное дело из-под суда присяжных (и пусть потом профсудья переквалифицирует деяние или признает его недоказанным – должный результат все равно будет получен). Например, если обвиняемому по ст.105 ч.2 УК РФ (попадающей под суд присяжных) довести до ст.205 УК РФ (терроризм), то согласно действующему законодательству дело будет безальтернативно рассматриваться тройкой профсудей.

Еще один способ – это вообще исключить из квалификации любые составы, предусматривающие суд присяжных. Приведу конкретные примеры – так, в широко известном деле Даниила Константинова, последнему изначально вменялась ст.105 ч.2 УК РФ. При этом идея о направлении дела в суд присяжных была озвучена стороной защиты даже не на 217-ой (при ознакомлении), а еще раньше – на стадии следствия. В результате, прекрасно понимая, что ни один присяжный, будучи в здравом уме и твердой памяти, не признает Константинова виновным в инкриминируемом убийстве (поскольку все обвинение строилось на честном слове одного наркомана, а у Константинова было твердое алиби), в окончательной редакции обвинения был исключен мотив национальной вражды и ненависти (хотя в течении всего следствия обвинение настаивало, что убийство было совершено именно в силу националистических убеждений Константинова) и также была исключена из обвинения группа лиц по предварительному сговору (хотя в первоначальной версии событий фигурировали и соучастники). Таким образом Константинову была вменена ч.1 ст.105 УК РФ не предусматривающая права на суд присяжных. Как говорится, ловкость рук и никакого мошенничества...

Еще один случай заигрывания следствия с подсудностью дел, произошел по делу Юрия Тихомирова, обвинявшегося в убийстве Джапаридзе. Изначально (прежде всего, благодаря полученным от него в результате пыток «признательным показаниям»), действия Тихомирова были квалифицированы по ст.105 ч.2 УК РФ. О намерении пойти на суд присяжных защита заявила только на предварительном слушании в Московском городском суде, так что следствие уже было лишено возможности произвести переквалификацию. С учетом того, что кроме вышеупомянутых «признательных показаний» у обвинения никаких иных доказательств причастности Тихомирова к этому убийству не было и дело шло к оправданию, в конце стадии предъявления доказательств обвинение заявило ходатайство о возвращении дела прокурору для устранения препятствий в рассмотрении дела (основания были совершенно бредовыми), но суд тут же взял под козырек и дело вернул. Защита обжаловала это решение, но апелляционная инстанция оставила его в силе. В результате, когда дело вернулось к следователю, он перепредъявил обвинение уже по ст.111 ч.4 УК РФ на том основании, что после получения Джапаридзе нескольких ударов ножом, он, по показаниям очевидцев, еще прожил несколько минут (и плевать стало следствию на «признательные показания» в которых Тихомирова заставили подписаться под тем, что он целенаправленно шел убивать Джапаридзе). В итоге, дело пошло слушаться в районный суд, где Тихомирову, несмотря на отсутствие доказательств, было назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы (хотя прокурор просил 15).

Вообще ситуации, когда просто упоминание защитой о желании ходатайствовать о суде присяжных вынуждают следствие переквалифицировать деяние, повторяются с завидной регулярностью. Впрочем, нет худа без добра. Иногда упоминание о желании пойти на суд присяжных становится для защиты неплохим

способом манипуляции и (вне зависимости от того, есть ли такое желание на самом деле) вынуждает следствие произвести переквалификацию инкриминируемого обвиняемому деяния.

Иллюстрацией этому может служить эпизод из практики адвоката из Мурманска Николая Чебыкина (<https://pravorub.ru/articles/48545.html#comment-325207>):

Несколько лет назад я защищал военнослужащего. Они со своим сослуживцем убили на территории части маргинала, вымогавшего у солдат деньги. Дело расследовали флотские следователи. Вменяли квалифицированную ч.2 ст.105 УК РФ по признаку группы лиц. Причем по принципу – чем круче, тем лучше. Я тогда применил один психологический прием: мы с подзащитным прямо при следователе, когда расследование близилось к завершению, стали обсуждать возможность рассмотрения дела с участием присяжных заседателей и привлечения внимания общественной организации «Солдатские матери» (раньше такая была). Так вот, следователь съездил в суд, рассматривающий дела с участием присяжных на консультацию, там ему сказали, чтобы дела не только не видели, но и не слышали. Следователь потом сам мне признался в этом. В итоге дело квалифицировали по ст.108 УК и мы попросили особый порядок...

А ниже – один из редких примеров, когда подсудимый осознанно пошел на формальное ухудшение своего положения (добился доведения дополнительной статьи УК РФ, но предусматривающей рассмотрение дела судом присяжных) и, в конечном счете, великолепно реализовал свое право на суд присяжных. Случай приведен в книге Ивана Миронова «Суд присяжных – стратегия и тактика судебных войн»:

«Будучи объективно виновным с ног до головы, благодаря суду присяжных, я вышел абсолютно «сухим». Мне вменялось, что я напал на следователя, ударил его в лицо, нанеся «суборбитальную травму» глаза, кинул в него фекалиями, за что мне грозило наказание от двенадцати лет лишения свободы. Меня также обвинили в порче документов. На следующий день после совершения данного преступления меня вывезли из карцера в суд, где в результате моих действий вменили еще и оскорбление и насилие над судьей и прокурором, а также оказание сопротивления сотрудникам конвойного полка. Навтыкали «иголок», за каждую из которых мне предстояло отвечать перед судом... Чтобы не дать мне шанса на присяжных, следствие стало отметить или менять предъявленные статьи Уголовного кодекса на более легкие, не предусматривающие рассмотрение дела с участием двенадцати. Убрали обвинение в покушении на прокурора и судью, переквалифицировали статью «нападение на следователя», которая так же попадала под суд присяжных, на ст.318 УК (применение насилия в отношении представителя власти), убрали оскорбление прокурора. И хотя теперь мне грозил срок не от двенадцати до двадцати, а только до пяти лет, но зато без присяжных, а, значит, наверняка. Однако не все оказалось потерянными, оставалась еще одна присяжная статья, которую тоже хотели убрать – это оскорбление суда. Поняв, к чему клонит следствие, я даю признательные показания по поводу оскорбления судьи. Следователь на радостях моего признания оставляет эту статью. И я смог выбрать коллегия присяжных, которая меня и оправдала...».

(Прим.: повествование тут ведется от имени Садретдинова Фаиля – московского нотариуса, обвинявшийся по делу об убийстве журналиста Пола Хлебникова. После оправдательного приговора суда по этому делу, принятого 6 мая 2006 года, Садретдинов был отпущен на

свободу и вновь арестован через несколько дней – уже по обвинению в мошенничестве. 31 января 2007 года нотариус был приговорен к девяти годам лишения свободы за мошенничество с квартирами, в 2011 году освобожден по УДО).

Яркой иллюстрацией доведения подсудимым статьи, выводящей дело из-под юрисдикции суда присяжных, может служить, например, т.н. дело «НСО-Север». По этому делу участникам группы был вменена ст. 205 УК РФ (терроризм) и, соответственно, они распрощались с возможностью идти на суд присяжных на том основании, что один из подсудимых, после всем известных, но официально категорических отрицаемых способов получения «чистосердечных признаний», рассказал следователю о том, что он с товарищами якобы планировал устроить взрыв на одной из подмосковных электростанций, дескать с целью добиться определенных политических целей. Помимо этих «признаний» и некоторого количества взрывчатых веществ (заведомо недостаточных для совершения серьезного взрыва) следствие больше ничем не располагало, однако ст.205 УК РФ была вменена. В результате наш «самый объективный и беспристрастный» суд (без присяжных) признал доказанным и этот эпизод, и все остальные, большинство из которых имело примерно аналогичную доказательственную базу...

Что ж, как бы то ни было, но в целом выбранная стратегия защиты по конкретному делу должна быть для большей адекватности принимаемого решения, увязана с прогнозом наказания, которое может иметь место по данному делу. В этой связи можно рассмотреть *несколько типовых ситуаций, которые могут возникнуть при разработке стратегии защиты по делу:*

- ***Вина подсудимым не признается полностью, при этом доказательственная база стороны обвинения слаба и допускает ее опровержение в суде присяжных. Ожидаемое наказание близко к максимальному (например, в связи с многочисленностью вмененных эпизодов или значительным количеством отягчающих обстоятельств).*** В данном случае, как мы уже говорили, имеет место идеальная ситуация для обращения к суду присяжных. Имеется шанс реализовать главное преимущество суда присяжных – возможность оспорить обстоятельства преступления или причастность к нему подсудимого, при этом (даже в случае проигрыша) негативные последствия не будут превышать последствий, которые могут иметь место при рассмотрении дела судьей единолично;

- Следующая типичная ситуация аналогична предыдущей, с той оговоркой, что ***вина отрицается не полностью, а в существенной части.*** То есть в случае, если будет признана доказанной версия защиты, квалификация или объем обвинения будут существенно изменены в пользу подсудимого. В частности, такое возможно при спорной ситуации что именно имело место – убийство или превышение пределов необходимой обороны;

- ***При слабой доказательственной базе обвинения, вероятное наказание, которое может быть назначено при рассмотрении дела судьей единолично – близко к минимальному.*** В данном случае принимаемое решение носит исключительно оценочный характер. Здесь необходимо, прежде всего, определиться – в какой степени субъективный фактор (воля судьи) влияет на размер наказания. То есть, если возможное наказание ограничено близким к минимальному размеру какими-то объективными факторами (например, несовершеннолетие подсудимого, неоконченность преступления и пр.) – в этом случае можно без особых раздумий идти на суд присяжных. В конечном счете даже при проигрыше наказание и по вердикту присяжных заседателей, и по приговору судьи единолично – будут практически совпадать. В случае же, когда размер наказания в значительной степени зависит от воли судьи – следует очень серьезно подумать о «синице в руках» и «журавле в небе»...

- **Признание вины подсудимым полное, объективных возможностей оспорить версию следствия мало.** В этом случае обращение к суду присяжных бесполезно, причем вне зависимости от грозящего наказания, поскольку преимущества суда присяжных в данном случае не могут быть использованы;

- **Признание вины подсудимым полное, объективных возможностей оспорить версию следствия минимум, однако при вероятном наказании, близком к максимальному, есть объективные причины рассчитывать на снисхождение присяжных заседателей.** В таком щепетильном случае суд присяжных гораздо предпочтительнее суда профессионального, поскольку получение снисхождения существенно сокращает максимальное наказание и позволяет избежать назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы. Подобные ситуации могут иметь место, когда подсудимый совершил преступление в силу каких-то юридически малозначимых, но весьма существенных с моральной точки зрения обстоятельств. Например, месть отца за изнасилование дочери (такой случай имел место в 2008 году по делу Александра Мансурова, рассмотренному в Ростовском областном суде). Кроме того, возможны ситуации, когда подсудимый вызывает заведомо больше симпатий нежели потерпевший;

- **Ожидаемое наказание будет максимальным или близким к максимальному.** В этом случае суд присяжных выбирается по принципу – хуже не будет;

- **При сильной доказательственной базе обвинения – основная стратегия защиты сводится к использованию процессуальных моментов.** В этом случае ситуация двоякая. Если использование процессуальных нарушений влечет за собой ослабление доказательственной базы обвинения – в таком случае следует рассматривать возможность выбрать суд присяжных. В случае же, если процессуальные моменты находятся в плоскости нарушения прав подсудимого и т.д., то выбор суда присяжных особой пользы не принесет (разве что остается надеяться на сочувствие и снисхождение, но это весьма призрачные надежды...);

- **В любых случаях, когда при наиболее вероятном обвинительном приговоре судьей единолично ожидается минимальное или близкое к минимальному наказание** – обращение к суду присяжных менее предпочтительно, нежели когда ожидаемое наказание близко к максимальному (поскольку, как уже говорили, терять в этом случае нечего).

3.2.2 Комбинирование стратегических целей защиты

После перечисления основных стратегических целей (пункт 3.1) и общих вводных предостережений, можно перейти к рассмотрению вопроса их постановки по конкретному делу.

В данном случае не может быть никаких искусственных ограничений. Цели можно и нужно комбинировать, ставить альтернативные цели и т.д. Типичны ситуации, когда по многоэпизодным делам в отношении одного эпизода ставятся одни стратегические цели, а в отношении другого – другие.

Необходимо так же отметить и тот факт, что у разных подсудимых по одному и тому же эпизоду могут быть разные стратегические цели, а в результате это приводит к коллизионной защите, вред от которой, полагаю, никому особо доказывать не нужно. Таким образом, необходимо вписывать свою стратегию не только в доказательственную базу обвинения и свою собственную, но так же и (по мере возможности) в общую стратегию, линию защиты, избранную остальными подсудимыми. В идеале – стратегия защиты должна быть единой для всех подсудимых.

Стратегических целей в отношении одного эпизода может быть как одна, так и несколько. Если целей несколько, то они могут дополнять друг друга (например,

можно доказывать иную дату совершения преступления в расчете на дальнейшую апелляцию к истечению срока давности), либо могут не противоречить друг другу (например, когда в качестве возможных целей предполагается оспаривать наличие отягчающих вину обстоятельств и одновременно – выявлять наличие смягчающих обстоятельств). Наконец, стратегические цели могут даже противоречить друг другу. Однако, такая ситуация крайне нежелательна. И если она еще допустима на следствии, то на суде, тем более с участием присяжных заседателей, стратегия аналогичная стратегии приведенной в эпиграфе к настоящей статье – недопустима.

По одному эпизоду может быть поставлена одна или несколько стратегических целей. Аналогично и по нескольким эпизодам вполне может быть лишь одна общая стратегическая цель. Но вполне допустимо, в рамках одного эпизода, определить несколько стратегических целей – доказать, что убийство совершено по причине личной неприязни (а не из хулиганских побуждений), а также что противоправность и аморальность действий потерпевшего послужили причиной совершения преступления. В этом случае обе стратегические цели вполне дополняют друг друга и отчасти помогают достижению друг друга. В то же время, было бы весьма странно пытаться одновременно доказать противоправность и аморальность действий потерпевшего и отсутствие события преступления.

3.2.3 Общие требования к разработке стратегии защиты

Перед тем как переходить к конкретным вариантам стратегий защиты, необходимо остановиться на общих закономерностях.

Планирование стратегии защиты – процесс крайне трудный еще и потому, что приходится с одной стороны стремиться к тому, чтобы реализация стратегии защиты привела к максимально положительному для подзащитного исходу, с другой – к тому чтобы эта стратегия имела максимальные шансы на реализацию. По понятным причинам, совместить эти два требования крайне трудно, да еще и при недостатке информации и активном противодействии следствия.

В результате, существуют две крайних точки в стратегии защиты – с одной стороны полное отрицание вины и настаивание на невиновности, с другой – полное признание вины, сотрудничество со следствием с надеждой на то, что это будет оценено судом. В первом случае выгоды для подзащитного от этой стратегии максимальные, да вот только достичь поставленной задачи архисложно если вообще возможно, во втором – реализация этой стратегии не требует вообще никаких усилий, да вот только результат полностью зависит от суда – смилостивится или нет. Все остальные варианты стратегий находятся между этими двумя крайностями.

Еще одна сложность разработки стратегии защиты заключается в том, что ее крайне затруднительно разрабатывать последовательно, от этапа к этапу. Дело в том, что ряд элементов стратегии должен быть учтен и разработан одновременно, во взаимосвязи с остальными факторами. Например, продумывать вариант опровержения доказательств причастности к преступлению возможно только в том случае, если именно такая стратегическая цель определена, однако поставить такую стратегическую цель следует только тогда, когда в результате анализа материалов дела защита пришла к выводу, что в доказательствах обвинения имеется слабое звено. То есть получается замкнутый круг – стратегическую цель нельзя поставить без подробного анализа доказательств, но анализ доказательств надо проводить заведомо в аспекте поставленной стратегической цели. В результате есть вероятность «проглядеть» реальную возможность реализации той или иной стратегической цели, либо поставить заведомо невыполнимую цель.

Таким образом, разрабатывая стратегию защиты приходится пытаться разрабатывать все ее элементы одновременно, либо заниматься последовательным перебором всех возможных вариантов, т.е. весьма трудоемким процессом с крайне низким КПД.

И хотя способ последовательного перебора вариантов требует значительных затрат сил и времени, однако он позволяет сократить число ошибок, поскольку предусматривает перебор всех возможных стратегических целей защиты и их «примерку» к имеющимся по делу доказательствам.

Одним из способов решения проблемы затянутости последовательного перебора стратегий может быть применение... **адвокатской интуиции**, состоящей в нахождении решения задачи на основе ориентиров поиска несвязанных логически или недостаточных для получения логического вывода. Для интуиции характерна быстрота (иногда моментальность) формулирования гипотез и принятия решений, а также недостаточная осознанность их логических оснований. То есть с течением времени – и в результате накопления опыта – адвокат (как и любой другой специалист в любой сфере знаний) вырабатывает способность принятия быстрых (и правильных) решений при недостатке сведений, что обуславливается значительным багажом знаний и накопленных типичных ситуаций. Естественно, что этот метод далеко не совершенен, и вполне может дать и ошибочный результат. Однако иногда он служит прекрасной иллюстрацией армейской мудрости: «Лучше неправильный приказ, чем никакого». Аналогично – лучше неправильная стратегия защиты, чем вообще никакой.

Кроме того, следует отметить, что стратегия защиты по уголовному делу не есть что-то раз и на всегда данное. В зависимости от ситуации (и прежде всего изменения доказательственной базы защиты и обвинения) стратегия защиты – для более адекватного приспособления под складывающуюся по делу ситуацию – может и должна систематически подвергаться ревизии и корректированию. Так что ничего удивительного, что с течением времени стратегия защиты меняется: сокращается объем неизвестных сведений (как доказательств обвинения, так и защиты) и увеличивается объем известных. Это позволяет шаг за шагом конкретизировать и уточнить стратегию защиты. Более того, с течением времени могут возникать и непроцессуальные факторы, влияющие на стратегию по делу (о них будет сказано немного далее).

Существует категория дел, для которых стратегию защиты можно планировать практически с момента возбуждения. В основном это дела, заведенные по результату задержания лица на месте преступления. В этом случае, даже при первоначальном анализе ситуации, адвокат может составить достаточно полную и точную картину доказательственной базы обвинения. В качестве примеров можно привести такие ситуации, как задержание на месте преступления лица получившего взятку, совершившего убийство, кражу и т.д.

В случаях же, когда изначально дело было возбуждено как неочевидное и только затем потенциальный преступник был установлен оперативным путем – защита, как правило, лишена возможности оценить доказательственную базу и соответственно в таких случаях лучше всего воздерживаться от совершения действий, которые в дальнейшем ограничат свободу маневра в выборе стратегических целей и разработке стратегии защиты как таковой. В частности, имеет смысл либо отказаться от дачи показаний и участия в следственных действиях (статья 51 Конституции РФ), либо ограничиться их минимальным объемом.

Пожалуй, исключением из этого правила может стать лишь ситуация, когда защита изначально планирует избрать стратегию максимального сотрудничества со следствием, дачи явок с повинной, изобличении других соучастников, заключения досудебного соглашения и т.д.

Еще одно исключение из правила возникает, когда стороне защиты известно какое именно преступное деяние собираются вменить подзащитному, при этом сторона защиты обладает какими-то серьезными доказательствами (в т.ч. алиби), исключаящими уголовную ответственность подзащитного. Однако с предъявлением защитительных доказательств ситуация обстоит не так просто, как должна была бы в соответствии с нормами права. Известны случаи, когда следствие занимает по делу не просто обвинительную, а «сверхобвинительную» позицию, когда оно не просто

проверяет доводы защиты о невиновности лица, а старательно их опровергает или более того – пытается их уничтожить и нивелировать любыми законными, а порой и незаконными способами. В качестве примера можно вновь сослаться на уже упоминавшееся ранее дело Даниила Константинова, когда следствие «потеряло» ряд доказательств алиби подсудимого, в том числе фотоаппарат с фотоснимками, сделанными в день убийства, инкриминированного Константинову.

Полностью же со стратегией защиты можно определиться, как правило, только при ознакомлении с материалами дела. Однако и здесь необходимо учитывать, что обвинение, в лице прокуратуры, обладает правом предъявления доказательств практически до самого начала прений по делу, и иногда реализация этого права преподносит защите неприятные сюрпризы, требующие в том числе и изменения стратегии по делу.

Возвращаясь к специфике защиты в суде с участием присяжных заседателей, хотелось бы указать на один из излюбленных приемов обвинения – оспаривание алиби или оправдательных доказательств, предъявленных защитой. Так обвинители любят задавать подсудимому, излагающему доказательства своей невиновности, вопрос о том, что мешало стороне защиты предъявить эти доказательства ранее на следствии? Прием достаточно неприятный, и в общем-то незаконный, поскольку вопросы сбора доказательств являются процессуальными и исследованию с присяжными не подлежат. Однако, от него можно «подстраховаться» **изначально на следствии заявив, что защита располагает доказательствами невиновности подзащитного, однако не доверяет следствию и предоставит эти доказательства только в суд в присутствии присяжных заседателей.**

Наконец, стратегия защиты должна быть реально полезной для подзащитного. Типичной иллюстрацией обратного является пример, когда водитель-виновник ДТП неправильно оценив смысл п.10.1 ПДД пытается доказывать факт того, что он двигался с разрешенной скоростью. Даже если он сможет это доказать, данный факт не будет никоим образом влиять на его вину. Дело в том, что п.10.1 ПДД вообще не предусматривает ограничений скорости, он лишь предписывает двигаться со скоростью, обеспечивающей безопасность движения. Т.е. максимальная скорость может быть ограничена, например, 60 км/ч, но с учетом дорожных условий (темнота, туман, конструктивные особенности автомашины) безопасной может быть скорость и 50 км/ч, и 40 км/ч и т.д. То есть даже доказав, что не было нарушения скоростного режима, ответственность водителя (признанного виновником ДТП) по п.10.1 ПДД – все равно вполне себе остается.

В некоторых случаях бывает полезно разделить разработку стратегии на несколько этапов, со своей внутренней логикой и целями. Первый этап – стратегия защиты в рамках доследственной проверки, второй – стратегия защиты с момента возбуждения дела до привлечения в качестве подозреваемого или обвиняемого, третий – с момента привлечения в качестве обвиняемого-подозреваемого, четвертый – с момента предъявления обвинения в окончательной редакции, пятый – с момента направления дела в суд и, наконец, последний – с момента предъявления сторонами в суде всех своих доказательств в полном объеме.

Разделение на эти этапы обосновывается разным объемом доступных защите сведений о доказательствах обвинения и разными направлениями деятельности. На первом и втором этапе – требуется добиться отказа следствия от возбуждения дела в отношении конкретного лица, или предъявления обвинения подзащитному, на последующих – добиться сокращения объема обвинения или переквалификации деяния на менее тяжкий состав и т.д.

В результате, можно сформулировать **три основных требования к разработке стратегии защиты:**

1. Стратегия защиты должна обеспечивать получение реально полезного для подзащитного результата;
2. Стратегия должна быть реализуемой в рамках конкретного дела;

3. Стратегия должна обеспечивать вариативность, допускать возможность адаптации ее к меняющейся по делу обстановке и доказательственной базе.

3.2.4 Источники информации для планирования стратегии защиты

Невозможно недооценить значение информации о доказательственной базе для планирования стратегии защиты. В результате – умение собирать, прогнозировать и анализировать эти сведения является залогом успеха всей работы по планированию стратегии защиты.

Так, в качестве примера, необходимо предостеречь читателя, от одной из типичных ошибок в разработке стратегии защиты. Систематически возникают ситуации, когда стратегия разрабатывается, исходя из неверных предположений защиты о доказательственной базе обвинения. Еще больше усугубляет ситуацию постановка стратегических целей, не допускающих последующего изменения стратегии. **Так, типичной ошибкой является избрание стратегии сотрудничества со следствием и признания вины, при недостаточности доказательственной базы обвинения. В этом случае обвиняемый, давая признательные показания, фактически восполняет недостаток доказательственной базы следствия. В дальнейшем, когда недостаток доказательств будет установлен стороной защиты, изменить стратегию защиты уже не получится, поскольку своими показаниями обвиняемый уже восполнил этот недостаток и отказ от признания вины никакой роли играть не будет.**

Аналогично, имел место случай, когда подсудимый, которому инкриминировалось совершение убийства по мотивам национальной вражды и ненависти, отрицал наличие у него националистических убеждений и свою причастность к инкриминируемому преступлению. В дальнейшем, в ходе следствия были получены доказательства, подтверждающие наличие у него таких убеждений (в частности, фотографии на фоне нарисованной свастики и т.д.). На суде с участием присяжных заседателей, обвинение выстраивало свою позицию в том числе и на основании показаний подсудимого – «раз относительно своих взглядов подсудимый солгал, значит лжет и относительно непричастности к инкриминируемому преступлению». Таким образом, первоначально избранная стратегия отрицания доказуемого факта была явно ошибочной.

В подобных случаях, когда защита не располагает точными сведениями о том, доказываемся ли какой-то вывод следствия или нет, было бы логичнее показания не давать, оставляя себе свободу маневра. Так, в дальнейшем, на суде признание факта националистических убеждений можно было бы использовать именно как мотив необоснованного привлечения к уголовной ответственности – «Да, я разделяю националистические убеждения, не скрываю этого и, видимо, именно из-за этого мне и решили вменить совершение этого преступления, к которому я отношения не имею».

Или вот в практике имелся случай, когда участник ДТП построил свою защиту на доказательстве факта того, что в момент ДТП его автомашина стояла (и, соответственно, не могла быть виновником ДТП). В дальнейшем, проведенной по делу экспертизой было однозначно установлено, что его автомашина находилась в движении. Данный факт мог быть положен в основу другой стратегии защиты – доказать, что автомашина двигалась по своей полосе движения, то есть без нарушения ПДД, однако этот шанс был упущен...

И хотя раскрытие вопроса о методах сбора информации по делу не входит в непосредственный предмет настоящего пункта, однако и обойти этот вопрос вниманием было бы неправильным.

В первую очередь, хотелось бы остановиться на таком источнике сведений по делу, как **анализ ситуации с использованием Методики расследования отдельных видов преступлений (МРОВП)**. Указанный раздел криминалистики занимается выявлением общих закономерностей при расследовании того или иного вида

преступных деяний, и разработкой типовых рекомендаций по планированию и проведению по ним следственных мероприятий.

Появившись и развиваясь как, прежде всего, инструмент стороны обвинения, МРОВП может великолепно послужить так же и целям стороны защиты. Понимая, какие конкретно обстоятельства будет доказывать и выяснять сторона обвинения, какие действия будут предприняты следствием для отработки той или иной версии, сторона защиты имеет возможность сработать «на упреждение». Во-первых, защита имеет возможность «добраться» до интересующих следствие доказательств раньше следствия и соответственно – нейтрализовать их тем или иным способом (эту тему, по понятным причинам, я далее раскрывать не стану, но речь конечно исключительно о действиях в рамках законодательства). Во-вторых, понимая какими доказательствами располагает, или в ближайшее время будет располагать сторона обвинения, сторона защиты имеет возможность учитывать их при разработке своей стратегии по делу. Аналогично, с использованием методик РОВП можно прогнозировать и действия обвинения по опровержению того или иного довода защиты.

Знание методик расследования отдельных видов преступлений также позволит уберечься от выполнения лишней и нерезультативной работы и, в конечном счете, от выбора неправильной стратегии по делу. Так, если к примеру защита планирует доказывать, что подсудимый в момент совершения преступления находился в другом месте, то следует быть готовым к тому, что обвинение запросит детализацию телефонных переговоров подсудимого с уточнением местонахождения ретрансляторов в зоне которых абонент находился в момент совершения преступления. Или же, если доказывается, что в момент столкновения автомашин при ДТП автомашина подсудимого стояла на месте и, соответственно, ее водитель не мог быть виновником ДТП, то нужно быть готовым к проведению соответствующей технической экспертизы, могущей установить траекторию и движение автомашин в момент столкновения...

В рамках настоящего повествования, не имеет смысла переписывать учебник криминалистики, но вот при разработке стратегии защиты – держать его под рукой настоятельно рекомендуется. Определившись с типичной следственной ситуацией, можно посмотреть какие следственные действия предписывает проводить в данном случае криминалистическая методика.

Следующий немаловажный источник информации для планирования защиты – это, в большинстве случаев, **показания и объяснения самого подзащитного (в т.ч. неофициальные)**. При правильном восприятии ситуации подзащитным (и при должном уровне профессионализма адвоката) возможно выявление таких сведений, которые станут известны обвинению только в последствии, либо вообще не станут ему известны. Однако в данном методе есть и свои изъяны. Так нередки случаи, когда подзащитный сообщает адвокату не всю правду или же вообще пытается его обмануть, видимо, воспринимая своего адвоката как еще одного следственного работника. В этом случае могут быть допущены ошибки, причем порой роковые.

Например, имел место случай, когда следствием расследовалась драка между двумя группами молодежи. Подзащитный настаивал на том, что при совершении группового хулиганства лично у него никакого оружия не было. Эта мысль была положена в основу стратегии защиты по делу, и в качестве одной из стратегических целей защиты была предпринята попытка доказать следствию наличие эксцесса исполнителя, то есть что обвиняемый не знал о наличии у остальных соучастников ножей и их намерении их применить.

В итоге, при дальнейшем расследовании, сыщиками был установлен ряд свидетелей, показавших, что у подзащитного при себе нож все-таки имелся и он его действительно держал в руках. Аналогичные показания дали и некоторые из сообщников обвиняемого. Это стало полной неожиданностью для защиты. В результате не только не удалось доказать эксцесса исполнителя, но и была упущена возможность заявить о том, что данный нож был подобран на месте преступления,

либо был отобран подсудимым у одного из потерпевших-нападавших. При этом позиция следствия по данному делу выглядела вполне объективной и не давала защите оснований считать, что данные показания обвинением были получены от свидетелей и соучастников каким-либо незаконным способом.

Следующий источник информации – **опрос других предполагаемых соучастников преступления** (в случае если оно совершено группой). Понятное дело, что этот способ так же не лишен недостатков (поскольку у каждого подсудимого в деле имеется свой интерес и свой адвокат), имеет некоторую долю риска (поскольку соучастник вообще может заявить, что адвокат другого подсудимого оказывал на него давление, либо склонял к даче ложных показаний). Наконец, этот вариант вообще не всегда реализуем, например, в случае, если соучастники находятся в следственном изоляторе. В этом случае адвокат одного подсудимого, совершенно на законных основаниях не будет допущен к другому подсудимому...

Можно также попытаться самостоятельно **поискать и опросить свидетелей преступления**, например, через социальные сети и публикации в СМИ, но эффективность такого «адвокатского расследования» не всегда высока. Если речь, конечно, не идет о каком-либо громком происшествии, тогда – возможны варианты...

Наконец, последний, но далеко не маловажный источник информации – это **изучение тех документов, которые следствие обязано предоставлять защите**. В том числе это относится к материалам, которые предоставляются следствием в суд для получения решения о содержании под стражей, либо для получения санкции на обыск.

3.2.5 Методы и принципы разработки стратегии защиты

Теперь пришло время перейти к рассмотрению собственно процесса разработки стратегии защиты. Давайте сразу определимся, что в итоге *под стратегией защиты* – я подразумеваю *план последовательного применения тактических приемов, направленных на достижение конкретной избранной стратегической цели защиты*. Стратегия защиты может предусматривать несколько альтернативных вариантов действий адвоката, выбор которых зависит от внешних факторов (прежде всего, доказательств защиты и обвинения, и иных – непроцессуальных факторов) и возможное изменение обстановки по делу с течением времени (получение новых доказательств защиты и обвинения). Поэтому стратегия защиты разрабатывается как на основе имеющихся у защиты сведений по делу, так и на основе прогнозирования ситуации по делу в будущем. Очевидно что, стратегия защиты подлежит систематической ревизии и конкретизации, с учетом обстоятельств, которые становятся известны защите по ходу дела.

Вышеупомянутые *тактические приемы защиты* – это *непосредственные действия, предпринимаемые для опровержения позиции обвинения и доказывания позиции защиты*. К их числу относятся конкретные приемы и методы, используемые защитой при участии в следственных действиях, так же – действия, направленные на изыскание, фиксацию и предоставление следствию доказательств защиты, и еще – ходы, применяемые защитой при участии в процессуальных процедурах (избрание меры пресечения, оспаривание решений следователя и пр.).

Разработка стратегии защиты по конкретному уголовному делу возможно в двух встречных направлениях. В первом случае, направление разработки стратегии защиты «От стратегической цели к фактическим обстоятельствам», во втором случае наоборот – «От фактических обстоятельств – к стратегическим целям». Но прежде чем поговорить о них, следует сделать еще одну немаловажную ремарку на полях.

- **Доказательство и его интерпретация**

Если в рассуждениях о стратегии защиты по уголовному делу максимально абстрагироваться от конкретных обстоятельств, то можно сделать вывод, что стратегия

защиты определяется двумя факторами – имеющимися доказательствами и их трактовкой, выраженной в версии защиты. Соответственно, рассматривая защиту в этом контексте, можно сделать вывод, что задача адвоката состоит в нахождении оптимального баланса между этими факторами. То есть ни само по себе доказательство, ни сама по себе версия (обвинения или защиты) не дают возможности прогнозировать ни результат суда, ни даже возможность планировать стратегию достижения своих целей, без наличия четкой связки «доказательство – версия».

Версия может быть сколь угодно красивой и последовательной, но она мало чего стоит, если нет доказательств, обосновывающих ее достоверность. Доказательство может быть логично, убедительно и наглядно, но оно ничто без версии, которая делает на его основе выводы и умозаключения.

Таким образом, у защиты есть два стратегических направления защиты – работа с доказательствами и работа с версиями (трактовками доказательств). При этом огрехи одной части этой связки могут быть выправлены за счет второй части, и наоборот. Именно умение вписывать доказательство в версию, а версию в имеющиеся доказательства определяет успешность стратегии защиты.

Соответственно, при разработке стратегии защиты на первый план выходит умение адвоката мыслить творчески, смотреть на ситуацию в разных плоскостях и под разными углами, просчитывать максимальное число вариантов. То есть разработка стратегии защиты – это творческий процесс, сродни написанию книги, картины или музыкального произведения. Орудуя ограниченным числом инструментов (доказательств), защитник должен получить результат (версию и стратегию защиты), максимально соответствующий чаяниям подзащитного, который, к тому же, должен быть устойчив к противодействию обвинения.

Здесь можно сослаться на работы ученых-кибернетиков (Н. Виннер, К. Шеннон, И. Леви-Строк): постоянное поступление информации может уменьшить неопределенность ситуации, но не всегда исключает элемент неопределенности в самом содержании поступившего сообщения, поскольку допускает ряд «прагматически неравнозначных интерпретаций». То есть одна и та же информация (в нашем случае – доказательство) может быть совершенно по-разному интерпретирована разными людьми и эта интерпретация зависит от индивидуальных особенностей воспринимающей личности и доказываемой данным человеком версии. Сказанное лишней раз иллюстрирует возможность различной трактовки одного и того же факта (доказательства), особенно при восприятии их в совокупности. Вот почему в ряде случаев по уголовным делам удается обратить доказательства обвинения в наиболее надежные и убедительные доказательства защиты.

- **«От стратегической цели к фактическим обстоятельствам»**

В рамках этого подхода, осуществляется последовательный перебор стратегических целей (данных в начале статьи) с их экстраполяцией на обстоятельства конкретного уголовного дела. То есть каждая из возможных стратегических целей проверяется на предмет ее эффективности и реализуемости по имеющемуся делу в целом, или по отдельному эпизоду (в многоэпизодных делах) в частности. После того, как защита выявляет несколько возможных целей, формально подходящих для реализации, следует сопоставить цели между собой, определить не противоречат ли они друг другу, и если противоречат, то принять меры к устранению этого противоречия (либо изменить, либо отказаться от некоторых из стратегических целей).

Затем, после выбора стратегических целей, необходимо определить последовательность тактических приемов защиты, необходимых для реализации стратегии – достижения целей, а также для нейтрализации противодействия стороны обвинения и возможных действий защиты других соучастников (при коллизионной защите).

После того как стратегические цели защиты определены, начинается этап в рамках которого нужно определить – какие доказательства обвинения следует опровергнуть и наоборот какие доказательства защиты следует найти и предоставить суду. В принципе, этот этап частично хочешь – не хочешь, а приходится реализовывать еще на стадии постановки целей, поскольку одним из необходимых условий постановки цели является ее достижимость. То есть так или иначе, но пути достижения стратегической цели намечаются уже на первом этапе, а на втором – только обретают должный уровень детализации и конкретики.

Например, при защите подсудимого от обвинения в совершении убийства было бы замечательно доказать, что убийства не было, а потерпевший жив. Однако в случае наличия опознанного трупа сделать это по вполне очевидным причинам весьма затруднительно. Таким образом, стратегическая цель – «опровергнуть факт совершения убийства», конечно, заманчива, но недостижима. В то же время вполне можно обдумать стратегическую цель – доказать, что убийство совершено не подсудимым, поскольку обратное утверждение обвинения основывается только на обнаружении у подсудимого орудия преступления. А вот объяснить откуда оно у подсудимого – гораздо проще, чем опровергнуть сам факт убийства.

В общем, после определения доказательств обвинения, которые необходимо опровергнуть и доказательств защиты, которые необходимо получить и довести до сведения суда, наступает этап планирования конкретных тактических действий по защите подсудимого. Это, впрочем, уже тема другой главы...

- **«От фактических обстоятельств – к стратегическим целям»**

Эта методика является противоположностью предыдущей. Так, при ознакомлении с доступными материалами дела, в зависимости от обстоятельств, у защиты может сформироваться одна или несколько версий дальнейшей стратегии. Например, выявив факт того, что по делу о краже у следствия нет непосредственных очевидцев произошедшего и похищенное имущество не обнаружено, сторона защиты получает основания рассчитывать на то, что есть высокая вероятность оспорить причастность подзащитного к инкриминируемому деянию со всеми вытекающими.

Полезно так же экстраполировать желаемую «Итоговую позицию по делу» на факты, подлежащие доказыванию или опровержению. Это полезно по той причине, что иногда такой метод позволяет найти в общей массе доказательств сведения, представляющие интерес для защиты, но на которые изначально внимания не обратили. Так, например, всегда было бы неплохо найти в процессуальных документах нарушения с тем чтобы оспорить допустимость доказательств – соответственно анализируем материалы дела на предмет наличия в них необходимых и предусмотренных УПК РФ реквизитов – подписей, дат и т.д.

Резюмируя, имеет смысл для удобства **разбить построение стратегии на три этапа:**

- Анализ доказательственной базы по делу. На основе этого анализа формируется предварительная версия о том, какие из обстоятельств могут быть в рамках имеющихся материалов доказаны, а какие опровергнуты;
- Следующий шаг – это отбор тех опровержимых или доказуемых фактов, которые могут иметь значение для защиты;
- Наконец, по результатам этого анализа и отсева, в итоге и формируется окончательная стратегия защиты.

Оба описанных метода имеют свои достоинства и недостатки, но при этом они прекрасно комбинируются друг с другом. Именно так – в совокупности – их и следует применять для разработки стратегии по уголовному делу...

- **Аналитический метод изучения версии обвинения**

Анализируя версию обвинения – для разработки стратегии защиты – весьма эффективен *метод дробления обвинения на составные части* (это исключительно мое название, если придумаете лучше и благозвучнее – с радостью будем применять ваш вариант). То есть, при его применении, версия обвинения дробится на минимальные смысловые фрагменты и каждый из них отдельно проверяется на доказанность и опровергаемость. Лучше всего вести эту работу, имея перед глазами постановление о привлечении в качестве обвиняемого, последовательно вычлняя из него фрагменты фактических обстоятельств и подвергая их проверке путем постановки конкретных вопросов.

На практике это выглядит примерно так (анализируем с точки зрения защиты Петрова):

6 мая 2015 года, примерно в 16 часов Сидоров А.В., находясь в квартире №2 дома №13 по ул.Ленина г.Волгограда, предложил Петрову В.Ю. совместно совершить разбойное нападение с целью хищения чужого имущества на помещение салона-магазина ритуальных услуг №3 ООО «Ритуал», расположенного по адресу: г.Волгоград, ул.Твардовского, дом №75/1, который с его предложением согласился.

Чем доказывается факт этого разговора? Можно ли его опровергнуть и доказать отсутствие предварительного сговора? Нет ли причин утверждать, что Сидоров ввел Петрова в заблуждение относительно истинных целей планируемого деяния, например, выдав планируемый разбой за возврат долга или попытку пошутить? Нет ли возможности доказать психологическое или физическое давление со стороны Сидорова на Петрова? И т.д.

Для совершения разбойного нападения Сидоров А.В. заранее подготовил обрез двуствольного гладкоствольного куркового охотничьего ружья модели Б16, который, согласно заключению баллистической судебной экспертизы №01 от 31 мая 2015 года, является огнестрельным оружием, пригодным для производства выстрелов, заряженный 2 охотничьими патронами 16 калибра, которые, согласно заключению баллистической судебной экспертизы №02 от 15 июля 2015 года, относятся к боеприпасам, пригодными для стрельбы, а также револьвер калибра 5,6 мм, который, согласно заключению баллистической судебной экспертизы №01 от 31 мая 2015 года, является огнестрельным оружием, изготовленным самодельным способом, пригодным для производства выстрелов, который передал Петрову В.Ю.

Есть ли возможность оспорить заключения экспертиз? Есть ли возможность оспорить факт передачи револьвера Петрову? Есть ли основания утверждать, что Петров расценивал переданный ему револьвер, как боевое оружие, а не как муляж? И т.д.

Также Сидоров А.В. и Петров В.Ю. для совершения разбойного нападения подготовили ленту «скотч». В целях маскировки и сокрытия лиц при совершении разбойного нападения Сидоров А.В. и Петров В.Ю. подготовили маски из чулок черного цвета.

Кто именно готовил маски и ленту «скотч»? Есть ли основания утверждать, что эти приготовления вел исключительно Сидоров, не ставя Петрова в известность?..

Полагаю, приведенная иллюстрация дает ясное представление о сути этого метода. Естественно, что такую работу имеет смысл делать только когда доказательственная база обвинения известна стороне защиты достаточно подробно, либо же у защиты есть основания полагать, что доказательств того или иного факта нет и не может быть добыто...

И вот с этого момента методика, имеющая хоть какую-то теоретическую основу, окончательно переходит в сферу искусства и подчиняется исключительно опыту и знанию адвоката, его интуиции, а также тому сможет ли он правильно оценить насколько будут эти доказательства убедительны для присяжных. Конечно, написать - «проанализируйте доказательства на предмет их убедительности» - легко. Но как именно анализировать? Вот здесь, к сожалению, вынужден развести руками. Какой-либо методики анализа доказательств именно по этому фактору я не нашел и сам придумать не смог. Во-первых, редко встречаются одинаковые доказательства, которые можно было бы считать равными по убедительности, во-вторых, как таковой шкалы оценки «убедительности» до настоящего времени не придумано и в обозримом будущем не предвидится. Ведь сколько людей – столько и мнений, а в коллегии их как минимум 12, и то что покажется убедительным для одного человека, вовсе не обязательно будет принято и другим. Кроме того, каждое доказательство надо анализировать в совокупности с другими, да еще и глядя на него глазами коллегии присяжных. Сами понимаете, что с учетом всех этих факторов ставить вопрос об объективных оценках убедительности доказательств не особо корректно.

Впрочем, чтобы хоть как-то проверить убедительность и верность своих оценок, доказательств и их интерпретаций, попробуйте описывать интересующие вас фрагменты дела своим друзьям (не юристам), жене/мужу и т.д. Найдут ли они ваши версии убедительными? Из этого примерно и исходите. Просто помните, что присяжные, это простые «земные» люди со всеми человеческими достоинствами, недостатками, сомнениями и иллюзиями.

ГЛАВА 4.

СУД ПРИСЯЖНЫХ И РАБОТА С ФАКТАМИ (КОНТРВЕРСИЯ)

*– Это не поможет! - сказала она, -
Нельзя поверить в невозможное!
– Просто у тебя мало опыта, -
заметила Королева. - В твоём
возрасте я уделяла этому полчаса
каждый день. В иные дни я успевала
поверить в десяток невозможностей
до завтрака.*

Л.Кэрролл «Алиса в стране чудес»

Обычно в литературе, посвященной тактике и стратегии защиты от уголовного преследования, рассматриваются вопросы поведения гражданина на предварительном следствии, разъясняется законодательство и права человека в соответствии с ним, дается информация об инстанциях, в которые можно обратиться в поисках защиты от произвола, но до настоящего времени не приходилось встречать статьи в которых рассматривался бы вопрос о контрверсиях как способе противодействия обвинению. Попробуем же по мере сил и возможностей восполнить этот пробел...

Суд присяжных – это суд над фактами. Поэтому нет ничего важнее для адвоката, чем умение опровергать и доказывать факты, анализировать их как каждый сам по себе, так и в совокупности, выявлять в них противоречия, подкреплять одни факты другими и т.д. Умение трактовать собранные по делу доказательства, искать в их сочетании новые смыслы и новые факты, умение оценивать доказательство в разных аспектах и с разных точек зрения – вот в чем мастерство защитника. Навык работы с фактами нельзя заменить в суде присяжных ни усидчивостью в изучении доказательств, ни правовой эрудицией, ни связями в правоохранительных органах или личной харизмой.

Вершиной же навыка работы с фактами является умение создавать на основе фактов, зафиксированных материалами уголовного дела, убедительную и непротиворечивую защитную версию или же иначе говоря контрверсию (относительно

версии обвинения). А ключевым умением при создании контрверсии, является умение доказать и обосновать невиновность подсудимого – опять же на основании доказательств, собранных и оглашенных в суде присяжных стороной обвинения. Нет, не думайте, это не абстрактные фигуры речи. Это именно практический навык. Ниже по тексту вы увидите на какие ухищрения идет суд, чтобы запретить стороне защиты донести свои (вполне законные и допустимые) доказательства до сведения присяжных. Увы, очень часто победа в этой неравной схватке остается за судом. Именно поэтому адвокат, вступая в дело с участием присяжных, должен уметь пользоваться доказательствами обвинения как своими собственными доказательствами. Уж что-что, а доказательства обвинения будут доведены до сведения присяжных заседателей, даже если эти доказательства (вроде признаний) будут написаны кровью самого подсудимого...

4.1 Версия и контрверсия

Следственная версия, по своей сути, это реконструкция событий преступления на основе комплекса собранных по делу доказательств. Основное внимание в следственной версии уделяется рассмотрению обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, каковыми являются: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

На основе своей версии, следствие планирует ход расследования в целом, и необходимые следственные и оперативные действия в частности, производит поиск улик и доказательств и, в конечном счете, кладет следственную версию в основу предъявляемого обвинения. Соответственно, одним из способов противодействия обвинению может служить выдвижение стороной защиты своей контрверсии, т.е. такой версии, которая объективно минимизирует или полностью исключает уголовную ответственность, согласуясь при этом с собранными по делу доказательствами, или доказательствами, которые будут добыты к окончанию рассмотрения дела по существу.

Саму возможность формулирования контрверсий определяет тот факт, что следственная версия почти никогда не бывает полной, так или иначе в ней встречаются пробелы и узкие места, восполняемые либо неубедительными доказательствами, либо вообще фантазией следствия. Используя данные пороки доказательственной базы, у защиты появляется возможность трактовать собранные по делу доказательства в выгодном для себя свете, вплоть до собственной целостной версии событий (контрверсии).

Успешная разработка и применение контрверсий становится возможна и в связи с некоторыми особенностями действующего законодательства. Прежде всего, это принцип презумпции невиновности – т.е. изначально, с точки зрения закона, субъект невиновен, а признание его вины возможно только в случае если в каждом конкретном случае виновность его будет доказана стороной обвинения. Следующее что стоит помнить – субъект преступления по действующему российскому законодательству не скован обязанностью говорить следственным и судебным органам правду (в отличие от свидетеля, потерпевшего, эксперта и пр.). Далее, ценность контрверсии заключается также и в том, что она формирует сомнения в выводах следствия, ну а все сомнения, в соответствии с УПК РФ, суд обязан трактовать в пользу подсудимого. И последнее – доказать вину субъекта, как правило, можно только весьма ограниченным количеством способов, в то время как методы опровержения доказательств вины открывают широчайшее поле для маневра.

Одним словом, контрверсия не сводится к простому отрицанию каких-либо обстоятельств о достоверности которых утверждает следствие. В случае с контрверсией, речь идет об их замене и/или трактовке, которая улучшает положение подсудимого.

4.2 Особенности применения контрверсии

Контрверсия, наряду с другими способами и приемами защиты, имеет свои специфические достоинства и недостатки. Необходимо понимать, что контрверсия нужна далеко не по каждому уголовному делу. В каких-то случаях достаточно ограничиться опровержением отдельных элементов обвинения, активным сотрудничеством со следствием или акцентированием усилий на процессуальных нарушениях и т.д. Например, не имеет смысла даже задумываться о разработке и применении контрверсии при очевидности совершенного преступления и наличии убедительной доказательственной базы.

Контрверсия требует при разработке стратегического подхода и учета всех факторов, которые имеются по уголовному делу. Также при разработке контрверсии необходимо уметь прогнозировать изменения, которые произойдут в доказательственной базе по делу с течением времени. Какие доказательства следствие имеет, какие сможет получить в ближайшее время, что будет свидетельствовать о наличии у следствия тех или иных доказательств, какие доказательства со временем могут быть утрачены, а какие специально скрыты следствием по причине их ценности для стороны защиты.

***Пример.** В ходе обыска у обвиняемого были изъяты многочисленные черновые записи, в которых фигурировали мотивы и обстоятельства совершения некоторых инкриминируемых ему преступлений и, в том числе, из данных записей можно было сделать выводы о личности одного из неустановленных соучастников. Установление его личности непременно должно было повлечь за собой его задержание и обыск по месту жительства. В то же время указанные записи носили фрагментарный, разрозненный характер, фактически были черновиками, и потому требовали дополнительной серьезной аналитической работы следствия. Данный соучастник был заблаговременно проинформирован о возможном развитии событий, в результате чего он по месту жительства появляться перестал. В дальнейшем каких-либо обысков по месту его жительства не проводилось, из чего защита сделала вывод о том, что следствие либо не смогло понять и оценить содержание изъятых черновых записей (наиболее вероятно), либо по какой-то иной причине не проявило интерес к данному человеку.*

Контрверсия может либо опровергать версию обвинения, либо дополнять ее обстоятельствами, существенно изменяющими оценку события преступления в выгодную для подсудимого сторону.

***Пример.** Гражданин Z. привлекался к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ – действия, направленные на возбуждение вражды и ненависти за размещение в сети Интернет записей «экстремистского» содержания. При разработке и использовании контрверсии защита не оспаривала обстоятельств, установленных следствием, однако смогла изыскать и приобщить доказательства, свидетельствующие о том, что данные записи были выполнены не гр-ном Z., а его другом, который к моменту возбуждения уголовного дела уже умер.*

Если в суде с участием профессионального судьи ценность контрверсии (как и большинства других доказательств защиты), как правило, принижена в результате обвинительного уклона при рассмотрении дел, то в процессе с участием присяжных заседателей контрверсия часто играет главную роль в доказывании невиновности (как полной, так и частичной) подсудимого. Контрверсия имеет выигрышность, в том

числе, и с позиции психологии. Т.е. общеизвестно, что весьма трудно «Не думать о зеленой обезьяне», в то же время куда проще вместо «зеленой обезьяны» думать, например, о «розовом слонике». Контрверсия точно также – не просто предлагает новую альтернативу, но и вытесняет старую (следственную версию) из сознания присяжных.

4.3 Условия формирования эффективной контрверсии

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать несколько правил формирования успешной контрверсии:

1. Контрверсия должна быть вписана в общую стратегию защиты по уголовному делу;
2. Контрверсия должна нести практическую пользу и быть направлена на улучшение положения подсудимого;

Пример. Имел место случай, когда по многоэпизодному делу с большим количеством подсудимых, адвокат одного из подсудимых избрал весьма странную стратегию защиты. Не оспаривая участие его подзащитного в нападении, нанесении потерпевшему ножевых ударов и последствий этих ударов, он, тем не менее, оспаривал количество ножевых ударов и факт того, что подсудимый использовал для нападения именно тот нож, который был в дальнейшем изъят у него в ходе обыска. Подобная странная контрверсия с успехом убедила присяжных заседателей в том, что подсудимый в содеянном не раскаялся и не заслуживает снисхождения, не получил он, в итоге, и каких-либо «скидок» от судьбы.

3. Контрверсия должна соответствовать доказательственной базе, собранной по делу, и доказательствам, которые будут получены по делу в дальнейшем;
4. Контрверсия (в идеале) должна быть проверяемой с помощью совокупности доказательств или в крайнем случае – не опровергаемой ими.

Пример. Обвиняемому было предъявлено обвинение в создании и распространении агитационных предвыборных материалов, направленных на возбуждении вражды и ненависти по национальному признаку. Обвиняемый не отрицал свою причастность к созданию и распространению данных материалов, однако заявил, что указанные материалы в рамках договора подряда готовило третье лицо. При этом договор особо предусматривал, что подготавливаемые третьим лицом материалы должны соответствовать действующему законодательству. Через некоторое время после озвучивания указанной версии, по месту жительства обвиняемого был проведен неожиданный (хе-хе) обыск, в ходе которого указанный договор был обнаружен, что послужило убедительным доказательством отсутствия у обвиняемого умысла на совершение инкриминируемого преступления.

Начиная разработку контрверсии, прежде всего, необходимо определиться на достижение каких целей она будет направлена. Эти цели должны совпадать со стратегическими целями защиты, о которых говорилось ранее. Полагаю, нет смысла перечислять их еще раз, куда полезнее будет привести примеры успешного целеполагания.

Пример. Водитель N. не справился с управлением автомашиной и выехал на полосу встречного движения, где совершил столкновение с двигавшейся во встречном

направлении автомашиной. В качестве контрверсии им было заявлено, что автомашина под его управлением успела произвести полную остановку и только после этого в нее врезалась встречная автомашина (водитель стоящей автомашины не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ – нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств).

Пример. Гражданин Д. предложил своим знакомым приобрести для них сахарный песок по цене значительно ниже рыночной. Получив требуемую сумму денег, он сахарный песок покупателям не передал, денег не вернул. В качестве контрверсии им было заявлено что деньги им были не присвоены, а утеряны (т.е. в его действиях наличествует не состав мошенничества, а нарушение условий договора, что не является уголовным преступлением).

Пример. Гражданин К. был задержан за кражу денег у ранее ему знакомого гражданина Л. В качестве контрверсии им было заявлено, что Л. ранее занимал у него некоторую сумму денег и, до настоящего времени, не отдал, что и заставило К. забрать у него задолженную сумму (то есть действия К. должны быть квалифицированы не по статье «Кража», а по статье «Самоуправство», предусматривающей значительно меньшую санкцию).

4.4 Прогнозирование доказательственной базы обвинения, как необходимое условие разработки эффективной контрверсии

Контрверсия должна максимально «вписываться» в уже имеющуюся доказательственную базу или хотя бы ей не противоречить. Отсюда напрямую вытекает требование как можно полнее представлять себе доказательственную базу следствия (понимать ее). Также необходимо уметь прогнозировать какие из доказательств еще могут быть получены и, следовательно, учесть вероятность их появления в своей версии.

На самом деле, выявление доказательств, которыми располагает следствие, на ранних стадиях – это тема отдельная и весьма значительная по объему. Здесь требуется и умение правильно вести себя в ходе допроса (иногда следователь сам умудряется «слить» нужную информацию), и знание кримметодики расследования отдельных видов преступлений, и определенные навыки разведчика и т.д. Естественно, что в масштабах настоящего параграфа раскрыть в полной мере вопрос выяснения доказательственной базы обвинения не представляется возможным. Однако хотелось бы в двух словах остановиться на одном из моих любимых способов – анализе доказательственной базы обвинения на основе изучения криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. Зная какими типичными доказательствами доказываются те или иные составы, можно приблизительно оценить – что следствие уже добыло, что еще нет, что будет искать, а чего наверняка не получит.

В качестве примера возьмем такое преступление как *причинение вреда здоровью различной степени тяжести*. Стандартными доказательствами по такому делу являются:

1. Протокол осмотра места происшествия (в нем отражается информация о месте в котором было совершено преступное деяние, указываются обнаруженные на месте происшествия следы, орудия преступления и пр.). Осмотр может дать следствию широкий спектр доказательств – от следов папиллярного узора на орудии преступления, до личных документов преступника, утерянных на месте преступления (не удивляйтесь – такие случаи пусть и не часты, но достаточно регулярны);

2. Протоколы допросов свидетелей – они могут указывать на обстоятельства совершения преступления;

3. Протокол допроса потерпевших;

4. Протокол опознания;

5. Заключение судебно-медицинской экспертизы (устанавливает тяжесть полученных телесных повреждений и их взаимосвязь с действиями обвиняемого). Например, приходилось видеть ситуацию, когда в ходе следствия потерпевший по делу о дорожно-транспортном происшествии заявил, что телесные повреждения средней тяжести (перелом руки) он получил уже после ДТП, упав при выходе из автомашины. Дело, естественно, было прекращено...

6. Заключение дактилоскопической, трассологической и др. экспертиз;

7. Протокол обыска;

8. Сведения о судимостях подозреваемых/обвиняемых;

9. Характеристики с места работы, учебы, жительства и пр.;

10. Дополнительные материалы, указывающие на наличие отягчающих или смягчающих обстоятельств.

Соответственно, с учетом вышеперечисленного, защите необходимо провести анализ – какими из перечисленных доказательств следствие располагает, какие получит в ходе дальнейшего расследования, а какие (в силу конкретных обстоятельств дела) для обвинения недоступны. Следующим шагом необходимо сделать анализ возможного содержания доказательств обвинения (также с учетом конкретных обстоятельств дела). После этого, опираясь на полученные выводы, можно приступить к разработке контрверсии.

4.5 Отдельные «тонкие» аспекты контрверсии

Разрабатывая контрверсию, необходимо понимать, что ее эффективность не всегда зависит от того, насколько она соответствует реально произошедшим событиям. Так, например, установив дома самодельное стреляющее устройство, рассчитанное на уничтожение проникнувших в дом воров, гражданин фактически становится виновен в их убийстве. При этом в силу убогости нашего законодательства, сам факт того, что убийства не было бы, если бы воры не полезли в дом, судом не учитывается. В этом случае, пожалуй, вполне естественно и морально оправдано несколько исказить фактическую ситуацию таким образом, чтобы исключить возможность обвинения подсудимого в убийстве, например, заявив (естественно при наличии должных доказательств) о том, что выстрел произошел в результате несчастного случая... Как бы то ни было, но реальная ситуация такова, что невиновному порой бывает проще и эффективней не настаивать на истинности описываемых им событий, а предложить следствию контрверсию, пусть и не соответствующую в какой-то своей части истинным событиям, но тем не менее лучше согласующуюся с собранными доказательствами по делу и ведущую, в конечном счете, к оправданию обвиняемого. Это даже, наверное, можно назвать ложью во благо.

Словом, разрабатывая контрверсию, необходимо соблюсти разумный паритет между максимальным улучшением положения субъекта – с одной стороны, и достоверностью версии – с другой.

Пример. Гражданин К., в расчете на оправдательный приговор, заявил, что не высказывал потерпевшему каких-либо угроз и требований (в то время как этот факт подтверждала видеозапись). При этом имелась куда более реальная возможность настоять на иной, менее тяжелой квалификации его действий, акцентируя внимание следствия на том, что потерпевший сам нарушал требования законодательства, что и послужило причиной неправомерных действий обвиняемого.

Таким образом, контрверсия должна обеспечивать максимально возможное улучшение положения субъекта (т.е. при прочих равных – версия исключающая преступность деяния лучше, чем версия лишь формирующая смягчающие вину обстоятельства).

Однако одним из существенных обстоятельств, учитываемых при предъявлении следствию контрверсии, является момент ее предъявления. Необходимо четко представлять, что после предъявления контрверсии, следствие будет предпринимать целенаправленные усилия по ее опровержению. Соответственно контрверсия должна быть устойчива к дополнительным проверкам.

Пример. Гражданка С., обвиняемая в незаконном получении пособия по безработице, заявила в качестве контрверсии, что она не знала в каких случаях она не имеет на это права. В ходе выемки, проведенной в центре занятости населения, был обнаружен документ в котором гражданке С. разъяснялись условия получения пособия, подпись гражданки С. на указанном документе присутствовала.

В связи с этим, если в контрверсии имеются какие-либо слабые моменты, лучший результат может принести комбинирование выдвижения контрверсии с методами затягивания сроков, т.е. предъявление контрверсии на заключительном этапе следствия (например, в форме ходатайства – после ознакомления с материалами дела). Данный метод рискован, но при удачном раскладе следствием могут быть либо нарушены сроки следствия (при попытке опровержения контрверсии), либо направлено в суд недоработанное дело (что, в свою очередь, может стать причиной оправдательного приговора). Нужно понимать, что часть пробелов в деле вполне может быть устранена в ходе расследования (в таком случае их использование не имеет большого смысла), но устранение некоторых пробелов может отнять у следствия значительное количество сил и времени, а может быть вообще неустранимо. Но также следует учитывать, что при формировании контрверсии, нужно быть крайне осторожным и не высказывать преступной осведомленности (т.е. не сообщить таких фактов, которые могут быть известны только преступнику или приведут к новым обвинениям). Сакраментальное: все что вы скажете – может быть использовано против вас, по-прежнему актуально. Так что ваша задача всегда – не дать следствию лишних доказательств, могущих быть истолкованными во вред субъекту.

Пример. Водитель автомашины П. заявил, что выезд на полосу встречного движения произошел в результате плохих дорожных условий – заснеженности дорожного полотна и темного времени суток. Указанная контрверсия позволила следствию заявить, что водитель П. правильно оценивал дорожную обстановку, однако несмотря на это не принял мер предусмотренных п.10.1 ПДД – т.е. не снизил скорость до уровня, позволяющего осуществлять безаварийное управление автомашиной.

Пример. Директор склада, с которого была похищена продукция, в ходе допроса упомянул, что ранее (в период хищения) склад арендовал несколько грузовых автомашин у частных лиц. В результате, в ходе расследования, эти граждане были установлены и допрошены. На допросах они заявили, что действительно вывозили имущество, сходное с похищенным, по прямому указанию самого директора и... доставляли имущество по месту его жительства.

4.6 Методика разработки контрверсии

Разработка контрверсии – это не ремесло или наука, где можно выявить и изложить публике хоть какие-то единые закономерности. Это область чистого искусства, в которой можно двигаться только по наитию, интуитивно. Разработка контрверсии сродни написанию картины или литературного произведения, правда, осуществляемая по весьма жестким и причудливым канонам.

Лично я, начиная работу над контрверсией, намечаю для себя **опорные точки** – то есть какие-то факты, которые не могут быть опровергнуты или хотя бы поставлены под сомнение и стороной защиты, и стороной обвинения. Опорные точки – неизменны, пытаться оспаривать их – это фактически самому себя уличить во лжи (в данном случае вполне возможен вариант, когда какое-то событие, не имевшее место в действительности, тем не менее убедительно доказывается и наоборот – имевшее место событие с успехом опровергается имеющимися доказательствами). Эти опорные точки необходимо самым тщательным образом всесторонне исследовать – возможно что-то из них переместиться в область сомнений.

Затем приходит время определить утверждения, которые могут быть опровергнуты противной стороной при некоторых условиях (например, при обнаружении дополнительных доказательств, изменении показаний свидетелей и т.п.). Это – **область сомнений**. Область сомнений – главное поле битвы защиты. Определившись с областью сомнений, можно начинать прикидывать – что именно следует в ней доказать для того чтобы принести пользу подсудимому. Возможно это будет опровержение каких-то фактов или изменение их трактовок. Затем надо понять, что для этого необходимо сделать – какие доказательства изыскать. Ну и, наконец, начать действовать в этом направлении.

Далее надо определиться с фактами, которые не могут быть убедительно доказаны никакими следственными, оперативными и иными методами и действиями защиты – это **область неведения**. Вообще, чем меньше ее будет, тем лучше. Естественно, ее сокращение должно идти в пользу защите. Заполнять же область неведения нужно с оглядкой на опорные точки и результаты заполнения области сомнений...

Хотя я и предостерегал от излишнего увлечения психологизмом, тем не менее, и мне самому не всегда удается избежать апелляции к тем или иным психологическим моментам. Например, замечено, что при наличии целостной и убедительной контрверсии, оправдательные доказательства и опровержение обвинительных доказательств прокуратуры воспринимается присяжными гораздо благосклоннее, чем в отсутствие контрверсии. По-видимому, здесь свою роль играет тот фактор, что узнав и приняв контрверсию, у присяжных заседателей возникает осознание того, что вставая на сторону защиты, они борются за правое дело – естественно, что в этом случае оценка доказательств обвинения и защиты будет в пользу защиты (при прочих равных).

Контрверсия защиты тем убедительнее, чем более абсурдной кажется версия обвинения, поэтому в контрверсии защиты должны быть сведены к минимуму, а лучше исключены вовсе любые неточности и уж тем более внутренние противоречия. Соответственно, выбирая между противоречивой и неполной версией обвинения и целостной и последовательной контрверсией защиты, следует ожидать (от присяжных) симпатий именно к позиции защиты...

Как уже отмечалось, главная специфика суда присяжных заключается в том, что он куда лучше, чем суд с профессиональным судьей, приспособлен для опровержения или доказывания фактов. Причем, именно стороной защиты. Прокурор без труда докажет свою правоту в отношении того или иного факта в суде с профсудьей. Судьи верят им безоговорочно, какой бы бред они не несли. Совершенно иное дело присяжные – они признают доказанным только тот факт, который представляется им реалистичным (а при столкновении фактов – победит более реалистичный).

В искренне нелюбимом мной НЛП, существует такое понятие как **рефрейминг**. Существует рефрейминг содержания и рефрейминг контекста. Нет, я не собираюсь вам читать лекцию по психотерапии, просто нам необходимо знать, что такое рефрейминг для того чтобы лучше научиться работать с фактами. В частности, в книге «Рефрейминг. Ориентация личности с помощью речевых стратегий» Р.Бендлера

и Д.Гриндера описан следующий случай, имевший место с некой домохозяйкой, помешанной на чистоте своего ковра.

Она (психотерапевт) сказала ей: «Закройте, пожалуйста, глаза и представьте себе ваш ковер. Вы видите, на нем нигде нет никакого отпечатка ноги. Он чистый и пушистый, ни малейшего следа». Женщина закрыла глаза и чувствовала себя на седьмом небе. На лице ее сияла улыбка. Тогда Лесли сказала: «И представьте себе, что это значит – это значит, что вы совсем одна, что вокруг вас нет никого, кто о вас заботится, и кто вас любит». У женщины резко изменилось выражение лица, она была в ужасе! А затем Лесли сказала: «Теперь сделайте на ковре несколько следов и посмотрите на эти следы – знайте, что возле вас самые дорогие для вас люди на свете». После этого, конечно, женщина снова почувствовала себя хорошо.

Или вот еще один пример оттуда же:

Рассмотрим теперь другой пример. Предположим, что у человека есть жадная часть, и что, по его мнению, плохо иметь такую жадную часть. Вот один из способов произвести требуемое изменение: надо побудить его представить себе контекст или ситуацию, где было бы очень важно быть жадным, скажем, после атомной войны, или в жадном стремлении к новому знанию. Вы всегда можете придумать некоторый контекст, в котором изменится и значение поведения.

Другой способ – обнаружить поведение, порождающее то, что человек называет "жадностью", и дать ему новое имя с новым смыслом. "Жадность" имеет отрицательные коннотации, но если вы дадите этому поведению другое имя, с положительными коннотациями, например, назовете его "способностью о себе позаботиться", то вы можете изменить смысл этого поведения.

С учетом того, что мы исследуем процесс с присяжными, метод рефрейминга при работе с доказательствами трудно переоценить... Только сразу хочу предупредить – изучая этот метод, не стоит поддаваться искушению и увлекаться НЛП в целом. Только зря время потратите. А рефрейминг... Ну что ж, это одна из немногих полезных штук в нем...

Что ж, а теперь, поскольку сложно академически объяснить приемы и методы формирования контрверсий, лучше всего привести несколько примеров из своей практики, в надежде, что они направят мысль читателя в нужное русло.

Пример 1. *Работая по одному из дел (подробности которого большого смысла излагать не имеет), выяснилось, что в материалах дела имелась записка от моего подзащитного, второму подсудимому. Текст ее был следующий:*

«Ночки доброй, Гия. Пишет тебе Женек. У меня все отлично! Мне сказали, что вас перевели в 705. Пишу тебе вот по какому поводу. Давай будем навсегда друганами или на всю жизнь врагами. Давай х-ней не занимайся, скажи правду, что ты сделал, возьми 105 на себя. На тебя и так доказуха – кровь на джинсах и три свидетеля. А ты еще и меня... а так хоть группы не будет. Они знают, что ты в СС состоял, тебе много не дадут – макс. 5 или 6, по УДО через 2 выйдешь, я тебе помогу. Всегда малолетние через... потому что меньше дают им. Подумай. Если нет, то как попадешь в лагерь да на 5... после суда я позвоню на счет тебя, чтобы тебе всю голову отбили и петухом сделали. Ты сам знаешь, что я ща общаюсь с ворами и бродягами и что с тобой там будет особенно на мойке. Ты будешь петухом или инвалидом. А если все на себя возьмешь, то я за тебя позвоню и будешь с братками

сидеть. Все будет нормально. Не слушай адвоката – они все козлы, подумай про Машу, а то с ней поговорят и о тебе скажут, давай бери на себя, выручай меня, скажи правду!».

Вот с такой запиской предстояло идти к присяжным и доказывать невиновность моего подзащитного в этой самой 105-ой (ст. 105 УК РФ – убийство). Что ж, стратегия защиты по делу и контрверсия были откорректированы в соответствии с этим документом. Наиболее полно это нашло свое отражение в защитительной речи. Так в тексте моего выступления появился следующий фрагмент:

«А теперь я хочу обратить ваше внимание на самое убедительное, на мой взгляд, доказательство вины Г. и невиновности М. В вашем присутствии я огласил записку, переданную от М. к Г. В дальнейшем Г. добровольно (а это очень важный факт) передал ее следователю. Вспомните, что требует М. от Г. в этой записке: «Давай «фигней» не занимайся, скажи **правду** – **что ты сделал**, возьми 105 на себя. На тебя и так доказуха – три свидетеля и кровь на джинсах... давай бери на себя, **скажи правду!**». Да, М. высказывает угрозы в адрес Г. Впрочем, любому человеку, сталкивавшемуся с реалиями тюремной жизни, очевидна вся абсурдность и инфантильность этих угроз. В конце концов, поставьте себя на место М. – нежданно-негаданно он вдруг узнает, что (как он думал) лучший друг, оговаривает его в совершении того преступления, которое совершил сам Г. Смогли бы вы в этом случае сохранить невозмутимость и спокойствие? Сомневаюсь. Вот и не выдерживают у М. нервы, срывается на глупые угрозы. Впрочем, судя по материалам дела, на Г. эти угрозы никакого эффекта не произвели, он остался верен своим показаниям, и даже самостоятельно и добровольно выдал эту записку следователю.

Для меня также очевидно, что М. не предполагал, что эта записка попадет в руки следствию, а значит у него не было никаких оснований лгать и изворачиваться при ее написании в надежде пустить следствие по ложному следу. Записка эта предназначалась для Г. и попала по адресу. Г. сам, добровольно, принял решение передать ее следователю.

Ну и какие тогда еще нужны доказательства невиновности М.? «Скажи правду!», «Скажи правду!». Не «Оговори себя», не «Обмани следствие» а - «Скажи правду!». Разве так требуют от человека чтобы он солгал следователю и оговорил себя? Конечно же нет. «Скажи правду!». Но Г. этой мольбе не внял. Не внял ей по непонятным причинам и следователь, проводивший расследование»...

У меня каких-то объективных сведений о том, как именно присяжные расценили эти мои доводы, однако по этому эпизоду мой подзащитный был оправдан.

Пример 2. Еще одно крупное («скинхедское») дело. В качестве одного из доказательств причастности моего подзащитного к одному из совершенных нападений, фигурируют признания самого подсудимого (данные еще до моего вступления в дело), в которых он называет одного из участников нападения «щуплым». С учетом того, что телосложение этого соучастника действительно весьма субтильно, обвинение приводит этот факт как «преступную осведомленность», доказывающую что мой подзащитный действительно был знаком с «щуплым», а не оговаривал себя под давлением оперативных сотрудников. Вновь приведу выдержку из прений, отражающую фрагмент нашей контрверсии по данному (весьма неприятному для защиты) доказательству.

«И. говорит, что в их группе присутствовал парень, которого он называет «Щуплый». По большому счету, ни у кого из вас не возникает сомнений кто именно этот самый «щуплый» - речь здесь однозначно идет о С. Что же сообщает И. о «щуплом»? А говорит И. о том, что «щуплый» был пьян, ругался матом и поэтому И. пытался его прогнать. Все сказанное выглядит весьма правдоподобно... до тех пор, пока мы не попытаемся сравнить показания И. с другими показаниями участников этого преступления. Так никто, в том числе и сам С. («щуплый»), не говорит о том

что он (С.) был пьян, что он ругался матом и что кто-то из «красногорских» пытался его прогнать. Почему никто не говорит об этом? Забыли? Или все-таки не помнили потому что И. это выдумал? А если И. это выдумал, то зачем? Не потому ли что кто-то попросил его «вспомнить» о «щуплом»?

Кстати, а почему вдруг С. стал «щуплым»? Вспомните показания свидетеля К., вспомните как он описывал парня, который брал сигарету у О. (как мы знаем это был именно С., т.е. «щуплый»). К. заявил, что этот самый парень был СПОРТИВНОГО телосложения! Думаю, вам не надо объяснять, чем отличается щуплый от спортсмена? Почему К. описал С. именно так – думаю, тоже очевидно. На дворе была зима и С. был в теплой одежде, которая и искажала пропорции его фигуры, превращая его из крайне худого человека в человека спортивного телосложения. НО! И. ведь, по версии следствия, видел С. только один раз и только на улице. Откуда было И. знать, какое телосложение скрывает С. под одеждой? Уж не пытается ли обвинение убедить нас, что И. раздевал С. чтобы узнать – щуплый он или нет? А раз так, то возникает вопрос о том, откуда И. – в ходе допроса – стало известно о «щуплости» С., с которым он ранее знаком не был. Сам И. этого знать не мог, значит кто-то ему об этом сказал. Кто и с какой целью, думаю, вы и сами понимаете...».

Пример 3. Снова дело с присяжными, снова «скинхеды». Подзащитной вменяется соучастие в покушении на убийство в форме... наблюдения за окружающей обстановкой и осуществления видеозаписи происходящего. Не спрашивайте, как это возможно, просто примите как очередной изыск следствия. Впрочем, защита не только не отрицала факт осуществления подсудимой видеозаписи происходящего, но и использовала доказанность этого факта для обоснования неожиданности (для подсудимой) произошедшего нападения на потерпевшего. В тексте защитительной речи это звучало следующим образом:

«...То есть получается, что А. должна была одновременно вести видеозапись (т.е. сосредоточить свое внимание на видеокамере и происходящем нападении) и следить за окружающей обстановкой (т.е. наблюдать за тем, что происходит вокруг). Как, спрашивается, совместить эти два действия, которые прямо-таки исключают возможность их одновременного выполнения? Попробуйте взять в руки видеокамеру, навести ее на какой-то объект, а затем попытаться осмотреться по сторонам. Камера естественно будет дергаться из стороны в сторону. Почему на видеозаписи мы не видели этих характерных дерганий изображения? Все просто – А. по сторонам не смотрела, она, как и любой человек, шокированный происходящим, не отрываясь смотрела на нападение.

Вот А., сама того не желая, и сняла этот видеоролик. Но это еще не все. Представим себе на минуту исходный материал, без комментариев и музыки, просто несколько секунд заснятого на видеокамеру нападения.

Представили? Ничего не напоминает? Напоминает ту криминальную хронику, которую мы каждый день смотрим по телевизору. Там показывают и нападения, и убийства, и грабежи и еще много чего. Могу подсказать прокуратуре неиссякаемый источник легких дел для поднятия статистики – телепередача «Вы очевидец», да в принципе – вообще любые программы криминальной хроники. Что там только не показывают! Так вот, следуя логике прокуратуры, всех этих людей, заснявших совершаемые преступления, следует признать соучастниками...

В ходе обысков, проведенных у А. по месту ее жительства и по месту ее прописки, не была обнаружена ни видеокамера, ни какие-либо следы, указывающие на ее существование – зарядные устройства, кассеты, карты, чеки ККМ, инструкции, упаковку и т.п. Говорить о том, что А. спрятала видеокамеру абсурд, поскольку ничего другого, в частности, литературу весьма спорного содержания А. почему-то не спрятала. Следовательно, вывод можно сделать только один – у А. не было видеокамеры. А раз так, значит нам не остается ничего другого, кроме как

предположить, что видеокамера, которой производилась видеосъемка на месте нападения, была передана А. кем-то посторонним. Значит А. и не имела навыков пользования этой видеокамерой, не могла ее ни включить, ни выключить без подготовки. Это, кстати, подтверждается и тем, что А. не монтировала видеозапись, это по мнению защиты (и обвинения) сделал кто-то третий. Тот, кому попала видеокамера с видеозаписью после нападения...».

Как-то так... Честно говоря, не знаю, что именно можно посоветовать для того, чтобы форсированными темпами выработать у себя этот специфический навык – умение создавать стройные контрверсии. Пожалуй, можно начать с того, что взять какой-нибудь факт и попытаться дать ему несколько трактовок, используя при этом как можно меньше дополнительной информации, в идеале – взаимоисключающих (начните с трактовки теленостей, очень может забавно выйти...).

Главное четко осознавать, что создание контрверсии – это творческий процесс, требующий от субъекта не только знаний в области уголовного права, процесса, криминалистики, но и наличия аналитических способностей, умения мыслить широко и нестандартно. Само же формирование контрверсии является составным элементом общей стратегии защиты по делу.

ГЛАВА 5. КОЛЛИЗИОННАЯ ЗАЩИТА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

*«...В этой речке, утром рано,
Утонули два барана».*
С.В.Михалков

Коллизия, при разрешении уголовного дела в суде, может быть определена как *столкновение противоположных интересов и стремлений подсудимых и их защитников* в целях устранения ответственности или ее уменьшения. Естественно, коллизия в суде присяжных заседателей имеет свою специфику, обусловленную соответствующими процедурами и ограничениями, накладываемыми законом на деятельность присяжных. Так, если конфликт интересов затрагивает процессуальную сторону делу, то он будет совершенно невидим для присяжных. К примеру, если столкновение интересов подсудимых касается вопросов кто кого первый изобличил, кто активнее сотрудничал со следствием или чья характеристика личности оппонента заслуживает большего доверия, то эти вопросы останутся для присяжных заседателей невидимыми, поскольку присяжные заседатели не изучают процессуальных вопросов или вопросов, связанных с характеристикой личности подсудимых. Однако, если же противоречия затрагивают версию обвинения, конкретные факты инкриминируемых преступлений – то вот тут то они и становится достоянием внимания присяжных. То есть коллизия в процессе с присяжными, это прежде всего столкновение разных версий, высказываемых подсудимыми.

При этом вопрос коллизионной защиты крайне актуален именно для суда с присяжными. Дело в том, что некоторые статьи, оставленные законодателем для разрешения суда присяжных, допускают (а некоторые – прямо предусматривают), что к ответственности должно привлекаться несколько подсудимых. Взять хотя бы составы преступлений предусмотренных ст.209 (бандитизм) или 210 (организованное преступное сообщество), которые вообще не могут быть вменены одному единственному подсудимому, а прямо предусматривают группу. Да и ч.2 ст.105 УК РФ (убийство) – наиболее частый гость в суде присяжных, в одном из своих

квалифицирующих признаков также говорит о группе лиц. Возможны, конечно, нюансы, когда из всей группы физически на скамье подсудимых оказывается лишь один-единственный подсудимый (остальные в розыске, или их дела выделены в отдельное производство), однако это все-таки относительная редкость. Таким образом ситуации, когда в числе подсудимых оказывается несколько человек, для суда присяжных – обычное явление. Ну а там, где имеется несколько подсудимых – один шаг до коллизионной защиты.

Конечно, коллизионная защита – это зло. Вот только в процессе с участием профсудьи – это зло абсолютное, которое не несет подсудимым ничего хорошего (за исключением только того, кто полностью соглашается с версией обвинения и рассчитывает на мягкий приговор). А вот в процессе с присяжными – это зло относительное, поскольку вызывает в глазах присяжных определенный «разрыв шаблона». И даже признание своей вины, в глазах присяжных, отнюдь не является тем незыблемым доказательством вины, каким оно есть в глазах профессионального судьи.

С другой стороны, обвинение прекрасно знает о том, насколько гнетущее впечатление производит на присяжных грызня между подсудимыми и прикладывает все силы, чтобы спровоцировать ее. Тут идут в ход и обещания, и угрозы – все для того, чтобы кто-нибудь из подсудимых признал вину и дал показания на остальных соучастников. Анализ процессов в отношении групп подсудимых показывает, что обвинение всеми силами пытается не дать образовать защите «единый фронт», выбивая из ее рядов наиболее слабые звенья – самых трусливых, самых беспринципных, самых нестойких.

Однако, пользоваться коллизией далеко не всегда умеют и прокуроры. Так, один убежденный сединой прокурор, в ходе прений, радостно использовал аргумент, мол подсудимый О. вину признает, потому что раскаивается в содеянном, а остальные подсудимые ее не признают из-за тяжести им вмененного. Дословно: «Кто же будет признавать такое обвинение?». Ну что ж, защите оставалось только напомнить, что подсудимый О. обвиняется в тех же деяниях, что и остальные, и дальше вдоволь поговорить о том, что же такое – какая неведомая сила – заставила О. признать вину по такому тяжкому обвинению, да еще и с учетом того, что он его не совершал...

То есть, если в обычном суде коллизионная защита, вернее участие в ней на стороне обвинения – это почти всегда «синица в руках» (приговорят, признают виновным, но наказание дадут меньше, чем тем, кто не признал), то в суде присяжных – это скорее «журавль в небе», поскольку здесь свою значительную роль начинает играть фактор непредсказуемости вердикта присяжных. К чему, собственно, я это все говорю? К тому, что возникновение в процессе с присяжными коллизионной защиты, это еще не повод для капитуляции. Работать с показаниями и доказательствами подсудимых-противников надо точно также, как и с доказательствами обвинения – оспаривать их, опровергать, давать свою оценку.

5.1 Коллизионная защита: причины возникновения и типичные ситуации

Говоря о коллизии, следует, конечно, разобраться и в причинах ее возникновения. Собственно говоря, это первый шаг на пути ее преодоления. В судебной практике встречаются несколько основных причин возникновения коллизии.

Так, расходясь в вопросе признания или непризнания вины, подсудимые могут руководствоваться различной степенью доказанности вины каждого из них. Не редки случаи, когда кто-то из соучастников может быть опознан очевидцем преступления, а кто-то нет, у кого-то может быть алиби на момент преступления, а у кого-то оно отсутствует и т.д. Указанные обстоятельства вполне могут повлечь ситуацию при которой подсудимый, в отношении которого имеется убедительная доказательственная база, может избрать в качестве стратегической цели своей защиты – получение снисхождения присяжных заседателей, и как результат – назначение ему более мягкого наказания, в то время как подсудимый, доказательств вины которого недостаточно,

может добиваться своего полного оправдания по конкретному эпизоду. То есть в этом случае возникновение коллизии объективно обусловлено.

Еще один вариант, когда при примерно сопоставимой доказательственной базе, подсудимые расходятся в своих оценках перспектив рассмотрения дела. Так, кто-то может быть уверен, что доказать невиновность не удастся, а кто-то склоняться к противоположному умозаключению. То есть в данном случае коллизия возникает из-за субъективных причин.

В перечисленных случаях, коллизия возникает как, своего рода, «побочный продукт» защиты и не является самоцелью. Признавая свою вину, подсудимый вынужден давать показания и в отношении остальных соучастников, поскольку в противном случае это признание будет воспринято присяжными заседателями как неискреннее и не полное (со всеми отсюда вытекающими негативными последствиями). Можете себе представить, как двусмысленно будет выглядеть со стороны признание, например, в соучастии в убийстве в форме нанесения потерпевшему нескольких ударов кулаками, и при этом полное умолчание о том, кто именно из подельников нанес потерпевшему удары ножом.

В то же время, имеют место ситуации, когда именно коллизия, т.е. явное столкновение интересов защиты подсудимых, становится обязательным элементом стратегии защиты. Речь идет, прежде всего, о тех случаях, когда подсудимые, частично признавая достоверность версии обвинения, пытаются переложить полностью или частично свою вину на соучастника. То есть, подсудимые не просто пытаются себя оправдать, но и вынуждены фактически выполнять часть работы обвинителя, доказывая виновность своего собрата по несчастью.

Однако и в этом случае, ситуация далеко не всегда бывает такой безнадежной, как выглядит изначально. Так по одному из дел, рассмотренных Мосгорсудом, подсудимые М. и Г. обвинялись в совершении ряда нападений на иностранцев, одно из которых закончилось гибелью потерпевшего. При этом, несмотря на то, что большая часть доказательств обвинения указывала на виновность Г., обвинение, тем не менее, вменило совершение убийства именно подсудимому М. Вместе с тем, при защите подсудимого М., наиболее эффективным способом защиты пришлось признать именно активное изобличение в убийстве подсудимого Г. – в результате в стратегии защиты Г. и М. возникла коллизия. Каждый из них утверждал, что ножевые ранения, послужившие причиной смерти потерпевшего, нанес именно другой подсудимый. В результате, на следствии обвинение в убийстве было предъявлено подсудимому М. Зато в суде, убедительнее оказались доводы защитников подсудимого М. и в итоге суд присяжных признал М. невиновным в данном преступлении, а поскольку Г. оно не вменялось, то и Г. также не был привлечен к ответственности за его совершение. При этом по остальным вмененным эпизодам, стратегии подсудимых практически не отличались друг от друга, более того, было достигнуто соглашение о том, что по остальным эпизодам ни один из подсудимых не пытается ухудшить положение оппонента (и это соглашение было выдержано в течении всего процесса)...

Но, пожалуй, наиболее неприятной причиной коллизии является месть одного подсудимого другому. К счастью, в моей практике таких ситуаций не встречалось, хотя что-то похожее все-таки имелось. Примером такого случая может быть рассмотрение дел Тихонова-Хасис (дело об убийстве адвоката Маркелова) и затем т.н. «дела БОРН» в отношении Ильи Горячева.

В 2011 году за участие в убийстве адвоката Маркелова и журналистки Бабуровой были осуждены Никита Тихонов и Евгения Хасис. При этом центральным доказательством их вины – в версии следствия – были показания их знакомого – руководителя умеренно-националистической организации «Русский образ» Ильи Горячева. Согласно его показаниям, и Тихонов, и Хасис, зачем-то сами в подробностях рассказывали ему (Горячеву) о своей преступной деятельности и, в частности, о совершенном убийстве адвоката Маркелова. Изначально, оговорив Тихонова и Хасис, Горячев старательно скрывал данный факт от близких и адвокатов обвиняемых. Когда

же, в конце следствия – при ознакомлении с материалами дела, показания Горячева стали известны стороне защиты, он предпринимает отчаянную попытку выгородить себя, заодно подставив всех остальных. Гениальная (как он сам думал) комбинация заключалась в следующем: в начале осени 2010 года адвокат Горячева вышел на связь с одним из адвокатов со стороны Тихонова и Хасис и настойчиво предлагал взять у него... нотариально заверенный отказ Горячева от свидетельских показаний, данных им на следствии. Для защиты было очевидно – брать это «заявление» и пытаться его использовать в суде нельзя, потому что оно не имело никакой юридической силы. Более того, уже тогда стало понятно, что если сторона защиты только попытается предъявить в суде это заявление, то Горячев вполне возможно тут же заявит о том, что заявление было получено от него под угрозой расправы, и оправдываться придется уже нам. В силу того, что в рядах защитников Тихонова и Хасис идиотов нет, этот адвокат вместе с Горячевым и его бумажкой был вежливо послан в... Генеральную прокуратуру, куда, собственно, и следовало заявлять об имевшем (или не имевшем – кто теперь разберет) месте давлении на его персону со стороны ФСБ.

После этого разговора Горячев на связь (в том числе и через своего адвоката) больше не выходил. Впрочем, на суде Тихонова-Хасис он все-таки попытался разыграть эту карту (ну действительно, не пропадать же реквизиту), правда, тоже без какого-либо успеха. Горячев прислал в Мосгорсуд свой нотариально заверенный отказ от свидетельских показаний (хотя нотариально заверена там была только подпись, а не содержание заявления) и... отказ от отказа – в котором он заявляет, что написал первое заявление по принуждению «страшных русских фашистов» и друзей Тихонова...

Осудить Тихонова и Хасис тогда удалось лишь ценой невероятных усилий не только и не столько следствия и прокуратуры, сколько «оперативного сопровождения» коллегии присяжных и беспрецедентного количества нарушений закона судьей.

Однако, весьма скоро испорченная карма дала Илье Горячеву знать о себе. В мае 2013 года он был задержан в Сербии и в последующем экстрадирован в Россию. Волей случая (и следователей) Горячев из обычного предателя дружбы превратился в «крестного отца» т.н. «Боевой организации русских националистов» - организации, по версии следствия, состоявшей из нескольких человек и совершивших, также по версии следствия, ряд громких убийств по националистическим и идеологическим мотивам.

В итоге, уже Тихонов и Хасис стали свидетелями по делу Горячева, и убедительно (как показал последующий единогласный обвинительный вердикт присяжных заседателей) объяснили, какое отношение имел Илья Горячев к деятельности БОРН.

Честно говоря, зная своего подзащитного Никиту Тихонова, я далек от мысли, что он решил именно отомстить Горячеву за ранее им сделанный оговор. Скорее, омерзительный поступок, совершенный Горчевым, просто дегуманизировал его в глазах Тихонова и он стал совершенно безучастно относиться к судьбе своего бывшего друга. Вот так и появились в деле показания, согласно которым Горячев оказался руководителем БОРН и сам определял цели и лиц, подлежащих убийству...

Естественно, что в описанной ситуации, даже надеяться на какие-либо переговоры и теоретическую возможность договориться о единой стратегии защиты нечего и думать. В таких случаях остается только строить свою защиту с учетом существующей коллизии, и работать над тем, чтобы минимизировать причиняемый ею ущерб.

5.2 Опасность «удара в спину»

Говоря выше о том, что коллизию защиты следует воспринимать как один из элементов стратегии обвинения, и соответственно, необходимо строить свою защиту от коллизии точно также, как и защиту от обвинения в целом, тем не менее, следует помнить об одной специфической черте, которая характерна именно для коллизионной защиты и ни для чего более.

Дело в том, что столкновение интересов подсудимых не обязательно возникает с первых дней следствия. Немало случаев, когда коллизия возникает уже по прошествии некоторого времени, в результате обнаружения новых доказательств или изменения версии следствия, изложенной в предъявляемом обвинении.

Более того, не исключен вариант, когда коллизия может иметь определенный латентный (скрытый) период. То есть один из обвиняемых может прийти к выводу о том, что он сможет в большей степени реализовать свои интересы в защите, если предпримет действия (даст показания, предъявит доказательства, изменит свою позицию по каким-то значимым вопросам), идущие в разрез с интересами других обвиняемых. В этом случае определенное время он может не проявлять свои намерения в явном виде, либо выжидая подходящего момента, либо тайно предпринимая необходимые шаги.

В итоге, для остальных подсудимых возникает вероятность получить «удар в спину», причем в самый неподходящий момент и с самыми разрушительными последствиями. Именно неожиданность возникающей коллизии, а не сама коллизия, и является самым неприятным сюрпризом для стороны защиты.

Поэтому задачей защитника является как можно более раннее выявление предпосылок возникновения коллизии и принятие всех доступных мер для ее нейтрализации, либо преодоления. Начинать такой упреждающий мониторинг следует еще со стадии следствия. То есть работая по делу с большим количеством подсудимых, имеет смысл регулярно анализировать имеющуюся информацию не только по вашему доверителю, а происходящие по делу события – именно в ракурсе возможного возникновения конфликта интересов между подсудимыми.

Аналогично, имеет смысл наперед продумывать как может повлиять на стратегию и тактику защиты изменение показаний или изменение отношения к предъявленному обвинению со стороны кого-либо из подсудимых. Например, подсудимый может изменить показания, сделать какие-то заявления, идущие во вред остальным подсудимым, наконец, предоставить в распоряжение следствия какие-либо материалы и доказательства, могущие серьезно укрепить его базу и подорвать доказательственную базу защиты. Соответственно, при возникновении опасности такого развития ситуации, необходимо продумывать ответные меры по пресечению и нейтрализации угрозы.

Особое внимание в вопросе прогнозирования и выявления предпосылок к возникновению коллизионной защиты, необходимо уделять действиям стороны обвинения. Т.е. если вам предлагают признаться или сотрудничать со следствием, значит и остальным подсудимым будут это предлагать. Если на вас начинают оказывать давление, значит и остальные обвиняемые, скорее всего, попадут под прессинг. Следствие и прокуратура прекрасно понимают, насколько важно сломать единый фронт защиты по делу, поэтому прикладывают к этому все свои силы и идут на весьма радикальные шаги (в том числе и незаконные), провоцируя коллизии, а порой и фальсифицируют сведения о них. Классический пример известен всем. Когда следователь, в ходе допроса одного из подсудимых, заявляет о том, что второй-де уже во всем признался и дал необходимые следствию показания. То есть в данном случае речь идет все о той же коллизии, правда, до поры до времени мнимой. Вот если обвиняемый поверит следствию и начнет действовать в требуемом следователю направлении, тогда коллизия уже станет явной.

В качестве иллюстрации такого вот «удара в спину» можно сослаться на дело Френкеля. По делу об убийстве первого зампреда ЦБ РФ Козлова имела место именно коллизионная защита. Так на предварительном следствии двое из подсудимых – М.Погляда и А.Половинкин дали признательные показания, однако в дальнейшем защите удалось убедить их отказаться от признания вины. Но беда пришла, откуда не ждали. На суде неожиданно признал свою вину предполагаемый организатор убийства – Погоржевский, остальные – Погляда, Половинкин, Белокопытов, Шафрай, Аскерова, Френкель вину не признавали. Фактически Погоржевский связывал между собой всех

подсудимых и являлся для обвинения, пожалуй, лучшим из идущих на сотрудничество обвиняемых. В результате все были осуждены: Половинкин – пожизненное лишение свободы, Погляда - 24 года, Белокопытов - 10 лет, Аскерова - 13 лет, Шафрай - 14 лет, Френкель - 19 лет, Погоржевский - 6 лет лишения свободы...

Склока между подсудимыми на глазах у присяжных – это всегда огромный минус защите в целом. А если уж при этом обвиняемые не просто противоречат друг другу, а целенаправленно начинают друг друга «топить», то вердикт следует ожидать удручающий. Судебная практика насчитывает немало примеров, когда один из подсудимых «менял» свою стратегию защиты, согласованную с другими подсудимыми, в самый неподходящий момент. Давал признательные показания, раскаивался и просил снисхождения... В любом случае остальным подсудимым и защитникам надо быть готовыми к такому повороту событий и следует уметь вовремя донести до присяжных что это не раскаяние, а не более чем попытка их обмануть.

Однако необходимо помнить, что закон джунглей - «каждый сам по себе» - далеко не всегда дает положительный результат. Сталкивался я и с такими ситуациями, когда в ходе процесса подсудимые единым фронтом выступали против сотрудничающего с обвинением подсудимого, в результате чего удавалось убедить присяжных в том, что он не раскаивается не рассказывает правду, а лишь пытается оговором других подсудимых получить поправки в наказании и скрыть свои собственные преступления...

Следует ли самому применять тактику «удара в спину»? Участвовать в доверительном соглашении о проведении общей линии защиты, а потом, предав общие интересы, начать отстаивать свою версию, выбрав для этого наиболее благоприятный момент. То есть с выгодой для себя отказаться в нужный момент от общего плана защиты... Стоит ли так поступать – решать читателю. Во всяком случае, лично мне так поступать не приходилось и надеюсь не придется. Лично для меня куда важнее сохранить статус надежного и договороспособного адвоката, чем разово выиграть какое-то дело, с помощью такого аморального поступка.

5.3 Работа с коллизией

По большому счету, при возникновении коллизии имеются три основных варианта действий – компромисс, нейтрализация позиции оппонента или же наоборот – согласие с его позицией. Выбору любого из трех вариантов должна предшествовать серьезная аналитическая работа, которая становится частью выработки стратегии защиты по делу в целом. То есть фактически, с коллизией необходимо работать так же, как и с любым другим значимым для защиты фактором в рассматриваемом уголовном деле.

5.3.1 Признание позиции оппонента

В данном случае – это самый простой (технически) из вариантов реакции на возникшую коллизию и самый сложный – с моральной точки зрения. Фактически означает полную капитуляцию, причем даже не перед прокурором, а перед своим же подельником или «подельником».

5.3.2 Нейтрализация позиции оппонента

Как бы громоздко и трудозатратно не выглядело это направление защиты, иногда оно дает прекрасные результаты. В дальнейшем, в главе о подготовке к суду присяжных на предварительном следствии, мы еще упомянем случай из дела саранского бизнесмена Юрия Шорчева, когда совместные усилия подсудимых Шорчева, Богачева и их защитников не только опровергли показания подсудимого Оськина (признававшего свою вину и дающего «изобличающие показания» в

отношении остальных), но и привели к оправданию самого Оськина, «признания» которого были оценены присяжными как самооговор.

Еще одной иллюстрацией подобного подхода может служить ситуация, возникшая по т.н. делу «Белых волков», когда ряд подсудимых, приписываемых к участию в скинхедской группировке, давали признательные показания, а ряд – доказывал свою невиновность. В итоге, последние оказались убедительнее, что повлекло за собой оправдание (частичное и полное) нескольких человек, в том числе и из числа «признававшихся».

Кстати, в эту же категорию входит и такой вариант, как убеждение оппонента признать правильность своей позиции. Здесь инструментарий адвоката в принципе соответствует тому же, который перечислен ниже в разделе, посвященному компромиссу, однако используется он для иных целей – и более активно, и отчасти более жестко. Если же компромисса достигнуть не удалось, или он вообще не достижим даже теоретически, то выход остается один – опровергать версию противника и доказывать правдивость своей. В этом случае, в ход идут те же приемы и методы, как и в случае с опровержением позиции прокуратуры: необходимо проанализировать доказательственную базу по делу и определить – что подтверждает версию процессуального противника, а что ее опровергает?

Еще одним важным аспектом, которому в описываемой ситуации следует уделить пристальное внимание, является обоснование и донесение до присяжных причины по которой один подсудимый признает свою вину и оговаривает другого подсудимого. А это, в свою очередь, является частным случаем вопроса: *почему вообще участник процесса может лгать присяжным заседателям?*

К наиболее типичным мотивам такого поведения могут быть отнесены:

- принуждение (в том числе и физическое) со стороны следствия;
- обман, обещание мягкого приговора, частичного или полного освобождения от уголовной ответственности;
- самообман, неверие в то, что правоохранительные органы могут и желают разобраться как было на самом деле и/или что адвокаты смогут доказать присяжным невиновность;
- желание отомстить кому-либо из подсудимых за ранее причиненные обиды, оговорить его.

Соответственно, одним из способов «мягкой борьбы» с коллизией является занятие подсудимым примерно следующей позиции: «Да, подсудимый А. меня оговаривает, однако я знаю через что он прошел и как он боится тюрьмы, поэтому я на него не в обиде и прошу Вас не только за себя, но и за него». Естественно, не надо дословно копировать эту концепцию, а вот творчески ее переосмыслить и при соответствующих условиях применить – можем посоветовать...

Кроме того, надо понимать, что по многоэпизодным делам, и делам с участием нескольких подсудимых, коллизия может приобретать весьма вычурные формы. Например, в отношении части инкриминируемых деяний у подсудимых может быть единая стратегия, а в части – иметь место коллизия. С учетом этого, вести разговор о каких-то стандартных примерах работы в рамках коллизионной защиты – занятие неблагодарное. Конкретных ситуаций может быть великое множество, и гораздо разумнее подходить к ним, исходя из единых принципов преодоления или противоборства, а не пытаться для каждого конкретного случая подобрать ранее имевший место пример.

Вообще говоря, до этого мы рассматривали вопрос с точки зрения стратегии защиты, подразумевающей устранение коллизии. В то же время, известны ситуации, когда коллизия идет на пользу конкретному подсудимому и служит наиболее эффективным инструментом достижения поставленной стратегической цели защиты. При этом методы реализации такой стратегии могут быть весьма изощренными. Вот

как описывает свой опыт и использованные приемы коллизионной защиты адвокат из Вологды Тихонов С.В.:

Поскольку в деле участвовали несколько адвокатов и все они занимали позицию против моего клиента, да еще и прокурор, то с самого начала процесса мне необходимо было максимально дистанцироваться от коллег, как визуально (сидеть насколько подальше от всех, не общаться с коллегами на виду у присяжных и т.д.), так и процессуально (возражать на их ходатайства, даже если не очень и требуется, периодически протестовать против тех или иных реплик и т.п.).

Это необходимо для того, чтоб у присяжных было четкое разделение защитников. С самого начала процесса, со стадии вступительных речей, я даю понять, что эти ребята защищают убийц, а я борюсь с несправедливым и ложным обвинением. Такие же инструкции даю и клиенту. Поведение подсудимого в клетке должно вторить позиции адвоката. Но без протестов лишних. Спокойное поведение уверенного в своей невиновности человека, всем своим видом показывающего, что он доверяет благоразумию присяжных. И полное абстрагирование от других подсудимых (!) – никаких разговоров, обменов взглядами, улыбок и т.д.

Источник: <https://pravorub.ru/articles/42427.html>

Следует отметить, что указанная стратегия, в конечном счете, принесла должный эффект и подзащитный Сергея Тихонова был оправдан...

Как бы то ни было, коллизия – штука разнообразная и иногда формальное противоречие интересов даже может идти на пользу всем участникам процесса в целом. Например, именно такой прецедент произошел в деле Юрия Шорчева по эпизоду убийства А.Борисова. В ходе следствия и суда мой подзащитный, а также второй «соучастник» и его защитники – все вместе отстаивали версию о том, что Борисов был убит не Шорчевым и Ковалевым, и не при тех обстоятельствах, на которые указывало обвинение. Я же, детально изучив материалы, пришел к выводу о том, что гораздо убедительнее доказательства, в соответствии с которыми Борисов не был убит, а инсценировал свое убийство (чтобы скрыться от всех и под новым именем начать новую жизнь). В итоге коллегия (которую потом распустили, чтобы не огласить оправдание) признала недоказанным сам факт убийства А.Борисова, не говоря уже о виновности в нем подсудимых...

5.3.3 Компромиссный вариант

Достижение компромисса между всеми участниками процесса по узловым вопросам защиты, в большинстве случаев – это лучший из вариантов. Однако легко сказать, но трудно сделать. Преодоление коллизии, разработка общей версии, максимально учитывающей интересы всех заинтересованных сторон – все это возможно только при высоком уровне доверия между участниками процесса, как подсудимыми, так и их защитниками. Естественно, что в этом случае приходится идти на взаимные уступки. Не исключена даже возможность задействия в этом случае и каких-то иных мотивов, помимо чисто процессуальных, а если уж совсем просто – то обещание каких-то благ за уступку (например, обещание и гарантии последующего материального обеспечения при отбытии наказания, если кто-то из подсудимых может себе позволить такой шаг), однако даже при коллизионной защите лучше всего достигнуть договоренности по вопросам, не находящимся в противоречии у подсудимых. Или, допустим, глупо перекладывать совершение преступления друг на друга, когда исходя из материалов дела куда проще доказать отсутствие события преступления вообще.

Конечно, лучший способ борьбы с коллизией – это переговоры и попытка обнаружения какого-то компромиссного варианта. Однако не всегда такое возможно и из-за позиций самих обвиняемых и их защитников, и из-за активного противодействия

объединению со стороны обвинения. Более того, при ведении таких переговоров существует, во-первых, угроза того, что одна из договаривающихся сторон в самый неподходящий момент начнет играть «свою игру», срывая все договоренности, во-вторых, есть вероятность, что сам факт таких переговоров будет использован кем-то для получения тактического выигрыша. Например, задокументировав переговоры, кто-то вполне может обратиться в прокуратуру с заявлением о «давлении со стороны соучастников»... Неэтично – да, но не незаконно.

Более того, недостаточно просто выработать какую-то общую позицию по делу и начать ее реализовывать. Немаловажно, чтобы эти общие договоренности соблюдались всеми сторонами в течении всего процесса. В противном случае можно получить «нож в спину» в самый критический момент. В частности, в моей практике был случай, когда двум подсудимым вменялось совершение убийства, при том, что единственное ножевое ранение, послужившее причиной смерти, очевидно могло быть нанесено только одним из подсудимых. В ходе переговоров сторон, была достигнута договоренность с защитником второго обвиняемого о том, чтобы не давать на следствии показаний в отношении друг друга. С учетом того, что следствие не располагало никакими другими доказательствами, это могло стать весьма серьезной помехой в их разбирательстве. Фактически следователю пришлось бы делать выбор – кому именно вменить убийство и как мотивировать свой выбор. Конечно, если бы дело шло профсудье, решить этот вопрос можно было бы хоть подбрасывая монетку. Но дело шло именно к присяжным, а с ними такие вольности в доказывании не проходят. Этот маневр был интересен еще и тем, что не исключал возможности корректировки позиций на стадии судебного разбирательства. К сожалению, в этом случае адвокат второго подсудимого достигнутых договоренностей не выполнила (уж если прямо называть вещи своими именами, то обманула), и ее подзащитный дал показания, изобличающие моего подзащитного. Впрочем, после этого мой подзащитный и сам дал признательные показания, руководствуясь исключительно угрызениями совести и дружескими отношениями со вторым обвиняемым. В ином раскладе, в деле мог бы возникнуть любопытный казус... Таким образом, личные интересы и непорядочность конкретного защитника в данном случае лишили защиту интересного и взаимовыгодного маневра.

Именно поэтому по делам с большим количеством подсудимых – и с угрозой возникновения коллизии – лучше всего, если адвокаты будут между собой знакомы, и будут иметь достаточный уровень взаимного уважения и доверия для выработки общей, взаимовыгодной стратегии. Слаженность, взаимное доверие и взаимная порядочность адвокатов – это весьма ценное явление в процессе. Адвокаты – это одинокие волки юриспруденции. Если они и объединяются в стаи, то лишь на время, да и то не всегда. Именно поэтому слаженная команда адвокатов – это в процессах с большим количеством подсудимых большая ценность. Конечно, если рассмотрение конкретного дела занимает длительный срок (годы), то такая ситуация вполне может сформировать и из разрозненных защитников целостную команду, но на это требуется время, да и то не всегда это возможно в принципе. Поэтому лучше всего, если группу подсудимых будут защищать несколько ранее знакомых – и успешно между собой сотрудничавших – адвокатов. Во всяком случае это будет определенной гарантией того, что единый фронт защиты не распадется. Так в одном из дел, в котором довелось участвовать и мне, удалось сформировать достаточно мощный «адвокатский кулак» из трех адвокатов и нескольких примкнувших к нам сочувствующих, которые собственно и тянули весь процесс...

Кстати говоря, иногда возникают ситуации, когда компромисс может быть достигнут и между... защитой и обвинением. Однако это куда большая редкость, чем коллизионная защита и соответственно поиски выхода из нее. Здесь от защитника, в первую очередь, требуется такое специфическое умение как *дипломатичность*. В самых общих чертах сначала необходимо понять мотивы, по которым оппонент избрал именно такую стратегию защиты, ну а после этого, можно уже наметить свой

инструментарий. И его перечень может быть самым широким, в известных границах «убеждение – принуждение»...

ГЛАВА 6. ВНЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

*«Процесс с присяжными – это путь конфликта»
Почти по Сунь Цзы*

*«Добрым словом и пистолетом можно добиться куда большего,
чем одним добрым словом»
Аль Капоне*

Говоря о внепроцессуальных факторах, влияющих на суд присяжных, нельзя не остановиться подробнее на таком специфическом факторе как конфликтность процесса. Фактор этот чрезвычайно важен и при решении вопроса о выборе формы судопроизводства, и при последующей разработке стратегии защиты, и при обдумывании тактики конкретных действий защитника. Более того, конфликт в процессе с присяжными, существенно отличается от конфликта без них. К сожалению, в юридической литературе этот вопрос вообще отсутствует как предмет обсуждения. Так что восполняя этот пробел, следует написать целую главу.

Итак, конфликт в судебном процессе – явление частое, почти обыденное. Конфликты возникают и в гражданских делах, и в арбитражных, и уж, конечно, куда же без них в делах уголовных. Конфликт в уголовном процессе между стороной защиты и обвинения – это вообще как бы само собой разумеющееся дело, составляющее саму суть уголовного разбирательства. Сторона защиты отстаивает одну версию событий, сторона обвинения – другую, у стороны защиты своя трактовка норм права, у обвинения – своя. Однако конфликт сторон в уголовном процессе имеет свою специфику и очень часто носит явно ассиметричный характер. По одну сторону баррикад в нем сторона защиты, а по другую – сторона обвинения и... председательствующий судья (снова надеемся, что об обвинительном уклоне нашего правосудия, читателю дополнительно рассказывать не требуется).

Пока конфликт развивается в процессуальных рамках, вести о нем разговор как об отдельном явлении смысла не имеет. В то же время не редки случаи, когда конфликт между сторонами в уголовном процессе переходит процессуальные рамки и

превращается в натуральное побоище (хорошо хоть не рукоприкладство) с использованием далеко не правовых методов. Здесь в ход идут взаимные упреки, колкости, повышение голоса, злоупотребление правом, различные внепроцессуальные приемы вроде искусственного затягивания процессуальных сроков, спонтанного изменения меры пресечения и пр. Именно об этой форме конфликта мы и будем говорить ниже.

Когда внепроцессуальный конфликт происходит в судебном заседании, проводимым судьей единолично, он, как правило, не позволяет защите достичь каких-либо существенных целей. Происходит так по той простой причине, что окончательное решение по любому обсуждаемому в суде вопросу все равно всегда остается за судьей. То есть только от судьи зависит – поддастся ли он на «силовую» нажим со стороны защиты, либо же, используя весь свой колоссальный арсенал судебных полномочий, сломает сторону защиты «через колено»...

Своего же наивысшего накала конфликт в уголовном процессе достигает в процессах с участием присяжных заседателей. Тому есть несколько причин, главной из которых является фактор непредсказуемости вердикта присяжных. Вынесение оправдательного вердикта крайне нежелательно не только для стороны обвинения, но и для судьи, поэтому и судья, и прокурор делают все зависящее от них для того, чтобы склонить присяжных к вынесению обвинительного решения. Естественно, что защите приходится постоянно, каждый день, реагировать на действия обвинения и суда, а суд и прокурор, в свою очередь, пытаются мешать защите, то есть конфликт в уголовном процессе идет по нарастающей, по спирали.

В таком раскладе присяжные становятся своего рода немymi свидетелями, а при вынесении вердикта – и арбитрами этого конфликта. Соответственно, свою роль начинают играть уже симпатии и антипатии присяжных, сформировавшиеся в отношении сторон в ходе процесса: кто спровоцировал конфликт и из-за чего, кто и как себя в нем вел, насколько достойно и уверенно, кто «потерял лицо», а кто – наоборот, кто, в конечном счете, оказался прав, и кто победил в этом конфликте (поскольку не всегда правый – оказывается формальным победителем) и т.д.

Конечно, академический подход к судебному разбирательству не допускает и мысли о внепроцессуальном конфликте. Наверняка найдутся те, кто считает, что на любые (в том числе и очевидно незаконные) действия судьи необходимо реагировать исключительно путем принесения возражений и отводов, в расчете на то, что «барин придет – барин рассудит» (имея в виду суд второй инстанции). Да только беда в том, что оправдательные приговоры судов присяжных у нас отменяют на порядок чаще, чем обвинительные. Так что все эти возражения и отводы фактически являются «холостым выстрелом» и их единственная возможная роль – послужить когда-нибудь сомнительным утешением для адвоката, мол я сделал все что мог и исключительно по закону...

Вот здесь и возникает мысль в том, чтобы пойти на конфликт с судом и *заявить о нарушении со стороны судьи не в отсутствие присяжных, а в их присутствии!*..

Внепроцессуальные конфликты могут быть различны по интенсивности и продолжительности, по кругу вовлеченных в них лиц, и по причинам и последствиям. Бывают конфликты, растягивающиеся на весь процесс и выливающиеся в каждодневные препирательства судьи и адвокатов, но также бывают ситуации, когда конфликт протекает молниеносно. Так, одной из типичных форм такого конфликта является заявление стороны защиты о недозволённых методах получения от подсудимого «чистосердечных признаний» (пытках). Само по себе такое заявление делается в минимальные временные рамки («слово – как выстрел»), в результате чего сторона обвинения и суд просто не успевают заблаговременно на это среагировать. Таким образом, ко времени «ответных действий» со стороны суда, стороной защиты поставленная цель (донесение информации до присяжных) уже выполнена и продолжение этого конфликта для стороны защиты смысла и значения не имеет.

Однако, если сторона защиты успокоилась, это не значит, что суд ей это забудет. Само развитие конфликта зависит от решимости сторон идти «до конца» в своем решении. Естественно, что приемы и методы, применяемые сторонами тем решительнее и обширнее, чем выше интенсивность конфликта. В итоге, самым радикальным шагом суда является удаление адвоката из процесса...

Впрочем, детальная разработка и классификация конфликтов вряд ли будет иметь серьезное практическое значение, а раз так, то оставим эту деятельность и перейдем к более полезным вопросам.

6.1 Причины внепроцессуальных конфликтов

Теперь пришло время сказать несколько слов о наиболее частых причинах возникновения внепроцессуальных конфликтов. Такие причины как застарелые обиды, сформировавшиеся в других процессах, личные антипатии, либо какие-то совершенно непроцессуальные факторы, например, опоздание к началу судебного заседания, грубость и т.п. – в данном случае мы разбирать не будем, поскольку избежать этих причин конфликта есть задача любого мало-мальски ответственного и сознательного адвоката, а также задумывающегося о своей предстоящей участи подсудимого.

В экономике есть понятие «управление кризисами». То есть для какой-то глобальной трансформации, которая невозможна при нормальном, поступательном развитии, необходимо инициировать кризис. Именно в рамках кризиса, при правильном подходе и контроле его развития, возможно добиться требуемых и порой совершенно фантастических изменений. Так вот, конфликт в уголовном процессе, это что-то подобное.

Применительно к позиции защиты, в самом общем виде причины конфликта могут быть следующие:

- **Попытка реализации своих законных (или, что уж греха таить, не очень) прав и интересов.**

Этот конфликт выглядит примерно так: сторона защиты пытается реализовать какое-либо свое реальное (или мнимое) право, а суд и сторона обвинения пытаются ей в этом помешать. Если сторона защиты откажется от своих планов, то конфликт будет исчерпан, однако если начнет настаивать – появляются предпосылки для возникновения внепроцессуального конфликта.

- **Попытка стороны защиты оспорить какие-либо действия суда или прокуратуры (либо законные, либо незаконные), что, в свою очередь, вызывает ответную реакцию суда и обвинения.**

В данном случае эскалация или угасание конфликта будет целиком зависеть от настойчивости и решимости сторон. Соответственно, основным способом избежать конфликта является отказ одной из сторон от настаивания на своей позиции. По сути – у кого крепче нервы. Естественно со значительной форой прокуратуры и суда, поскольку их инструментарий воздействия на оппонента несравненно богаче.

6.2 Использование внепроцессуального конфликта

Что ж, конфликт в деле с участием присяжных заседателей – штука почти неизбежная. Но если конфликта в процессе не избежать, то как извлечь из этого максимум пользы?

Ценность конфликта в уголовном процессе с присяжными состоит в том, что он позволяет «сорвать маски» с лицемеров из числа прокуроров и судей. В силу того, что конфликт требует максимального эмоционального накала, у противника очень часто утрачивается контроль не только за эмоциями, но и за высказываниями. Вот в такой ситуации и возможны ошибки обвинения и суда, которые заметят и обязательно

учтут присяжные заседатели. В то же время, стороне защиты нужно уметь держать удар и достойно себя вести при любом эмоциональном давлении.

Итак, к числу положительных (для защиты) эффектов от конфликта, можно отнести следующие.

6.2.1 Создание апелляционного повода

Интенсивный и динамично развивающийся конфликт требует молниеносной и выверенной реакции со стороны его участников. А вот именно с этим у государевых людей (прокуроров и судей), как правило, серьезные проблемы. Их деятельность в большинстве своем не просто шаблонна, а вообще требует отказа от какой-либо креативности и творчества. Приученные действовать по указке и по инструкциям, чиновники от суда частенько теряются в нестандартных ситуациях – в результате на свет плодятся апелляционные поводы.

Так в процессе в отношении Тихонова и Хасис судья, которому непосредственно в ходе заседания доложили о том, что в сети Интернет на одном из сайтов пользователи интересуются его персональными данными, со страху (и от собственной неуравновешенности) не нашел ничего лучше, чем устроить допрос подсудимых и... их адвокатов, на предмет того, что им известно о данном факте. И хотя следует сказать, что апелляционная инстанция этот довод отклонила (впрочем, как и все остальные), а вот что по этому поводу думает Страсбург пока неизвестно, однако жалоба в ЕСПЧ признана приемлемой и производство по ней заведено.

В другом нашумевшем деле т.н. «НСО-Север», в ходе конфликта подсудимый высказал в адрес прокурора угрозы, а прокурор, от большого ума, написал заявление в отношении подсудимого по ст. 119 УК РФ. Дело возбудили, а прокурор продолжил работать по делу и довел его до обвинительного приговора. Вот только дальше начался цирк, поскольку фактически получилось, что прокурор имел по делу личный интерес...

Похожая ситуация возникла и по делу Клыха и Карпюка. Так, подсудимый Клых, незадолго до прений, назвал прокурора, представляющего в деле государственное обвинение, педофилом. Прокурор обиделся и написал на Клыха заявление с просьбой привлечь его к уголовной ответственности. Уголовное дело возбудили, прокурора потерпевшим признали. В итоге, в прениях по основному делу в отношении Клыха и Карпюка прокурор уже участвовал не только как гособвинитель, но и как потерпевший, т.е. как лицо лично заинтересованное. Чем закончится эта развеселая ситуация, пока не известно (<https://hromadskeradio.org/programs/kyiv-donbas/pochemu-possorilis-advokaty-savchenko>).

Впрочем, совершенно очевидно, что спрогнозировать такие конфликты, а уж тем более их последствия – практически невозможно. Если бы прокурор проявил чуть больше выдержки или правовой грамотности, то не пришлось бы и думать как теперь прекратить это дело с минимальными (для него) потерями...

Ну а теперь ложка дегтя. Всерьез рассчитывать на то, что данные нарушения будут основанием для отмены приговора в апелляционной инстанции, к сожалению, не приходится.

Также стоит отметить, что боязнь жесткого отстаивания прав подсудимого по причине возможности возникновения конфликта, в ряде случаев, оправданием для пассивной позиции адвоката быть уже не может. По признанию большинства коллег, тактика «вежливость – лучшее оружие адвоката» стремительно утрачивает свою эффективность. Как тут не вспомнить строчки, принадлежащие перу В.Высоцкого: «Как школьнику драться с отборной шпаной?». Ну а раз так, то переходим к другим способам использования внепроцессуального конфликта.

6.2.2 Доведение до сведения присяжных сведений и доказательств, которые не могут быть доведены при обычных обстоятельствах

В делах с участием присяжных заседателей, в руках у председательствующего имеется «волшебная палочка», вернее даже две, имена которым «процессуальная допустимость доказательства» и «относимость доказательства». Взмахнет ими судья, и доказательства, предъявляемые стороной защиты, «вдруг» становятся недопустимыми и не относящимися к предмету судебного разбирательства. Причем по самым бредовым основаниям. Взмахнет еще, и очевидно неотносимые и недопустимые доказательства обвинения, «неожиданно» становятся достоянием присяжных.

Вот такие вот процессуальные «чудеса» и приходится достаточно часто преодолевать с помощью внепроцессуального конфликта. То есть доводить до присяжных сведения, доведение которых либо прямо было запрещено председательствующим, либо будет запрещено, как только сторона защиты обозначит свое желание озвучить их присяжным.

Мне, за свою практику, приходилось сталкиваться с самыми фантастическими позициями суда. Так, один креативный мантиеносец запретил стороне защиты допрашивать сотрудников полиции на том основании, что они получили интересующую адвокатов информацию в ходе служебной деятельности (не спрашивайте меня, где судья увидел такой запрет в законе). Он же запретил допрашивать в качестве свидетеля бывшего адвоката, на том основании, что де этот адвокат ранее «оказывал адвокатские услуги жителям населенного пункта», где произошли интересующие защиту события. В третий раз, тот же «процессуальный демон» запретил доведение до присяжных справки из ЭКЦ (Экспертно-криминалистический центр МВД) о том, что оружие из которого был убит потерпевший в последствии было использовано при совершении другого убийства, не вмененного подсудимым и пр.

Как правило, судья ограничивает доведение до сведения присяжных именно той информации, которая может повлиять на их мнение самым существенным образом. Процессуальные и фактические обоснования таких решений, в этом случае, роли не играют и высасываются судьей из пальца (или берутся с потолка). Так судьи, «включая дурака», регулярно «не видят» разницы между обсуждением допустимости и достоверности доказательства. Или, например, УПК РФ не предусматривает каких-либо ограничений на доведение информации о личности свидетелей или потерпевших, только на данные о личности подсудимого, порочащие его, однако председательствующий регулярно распространяет запрет и на это тоже...

Вряд ли возможно составить полный перечень всех запретов председательствующего. В виду размытости формулировок УПК РФ, с одной стороны, и обвинительного уклона суда с другой – судейская фантазия в этом деле приобретает порой самые изысканные черты. Пожалуй, в наиболее общем виде можно сформулировать следующее правило: *если в отношении какой-то информации или доказательства защиты может быть введено ограничение судьей - оно будет введено.*

Естественно, что процессуально бороться с этим явлением возможности не имеется, а значит приходится идти на конфликт. Вообще, способов довести те или иные «запрещенные» сведения существует великое множество, однако их разбор предметом настоящего исследования не является. Так что просто приведем примеры таких конфликтов и их результаты.

В этом отношении весьма показательным было дело по так называемой группировке «Белые волки». Длительное время процесс протекал с минимальной степенью конфликтности. Основной же накал конфликта начался, когда право предоставлять свои доказательства перешло стороне защиты. Естественно, что суд приложил максимум усилий для того, чтобы лишить сторону защиты возможности связно и убедительно донести свою позицию до присяжных заседателей. И тогда в одном из эпизодов сторона защиты пошла на осозанный и спланированный конфликт. Когда сторона обвинения принялась оглашать «явки с повинной» подсудимых, они

громко и эмоционально стали перебивать прокурора и кричать о том, что эти явки с повинной были получены в результате пыток в пресс-хате СИЗО (что имело место быть, однако официальные «проверки», как обычно, ничего не выявили). Естественно, суд и прокуратура всеми силами пытались подсудимых «заткнуть», но необходимый минимум они отработали... В дальнейшем, уже после процесса, в ходе общения с бывшими присяжными, они сообщили, что до этого момента коллегия воспринимала версию и доказательства обвинения не критично, считая само собой разумеющимся, что доказательства прокурора достоверны. Эта же ситуация заставила их начать задумываться и анализировать увиденное и услышанное по-настоящему. Результат – большая часть эпизодов была признана ими недоказанной.

Кстати, и далее в том судебном процессе сторона защиты вынуждена была еще не раз идти на конфликт – как штурмуя судебские редуты «в лоб», так и используя многочисленные обходные маневры. И лучшим доказательством правильности избранной защитой стратегии стал вынесенный присяжными вердикт – мой подзащитный оправдан по 6 эпизодам ст. 105 УК РФ и ст. 282 УК РФ, а по оставшимся трем эпизодам обвинения было получено снисхождение коллегии присяжных заседателей. Также еще двое из десяти подсудимых были оправданы полностью, а оставшиеся – в части вмененных эпизодов (читайте подробности тут: <https://alvitvas.pravorub.ru/personal/47509.html>).

В другом случае, в нашумевшем в свое время процессе Рыно-Скачевского, по одному из эпизодов выступал свидетель сам находившийся в группе нападавших. Однако, в то время как все участники группы были привлечены как подсудимые, этот г-н Т. проходил по делу лишь в качестве свидетеля. Естественно, что моя задача была привлечь внимание присяжных на тот факт, что г-н Т. «выкупил» свою свободу активно сотрудничая со следствием, в том числе и оговаривая некоторых из подсудимых. В результате состоялся следующий диалог:

- Скажите, пожалуйста, что было обнаружено у вас в квартире в ходе обыска? - я задал этот вопрос, будучи прекрасно осведомленным о том, что обыск в его квартире не проводился.

- Какого обыска? - не понял свидетель.

- Ну как «какого», того, что был у вас в квартире. Или у вас его не было?

- Не было.

- Странно, у всех участников нападения обыски были, а у вас нет. За какие такие заслуги перед следствием?

Естественно, что после этого суд заявил о применении защитой незаконных методов, однако требуемый эффект уже был достигнут.

6.2.3 Демонстрация двойных стандартов суда в отношении защиты и обвинения

В ходе процесса с присяжными судьям неоднократно приходится применять двойные стандарты в отношении обвинения и защиты. Человеку, не искушенному в судебных баталиях (присяжному то есть), понять это просто на слух крайне сложно, поэтому задача адвоката – принять все доступные меры (в том числе и через внепроцессуальный конфликт), чтобы привлечь внимание присяжных на данное обстоятельство. Ну а реакция присяжных, если они объективны и непредвзяты, то реакция коллегии на очевидную несправедливость и подыгрывание судьей прокурору будет соответствующей.

Приведу пример из своего «саранского дела»:

Признав показания Панькина допустимыми, а много от судьи Устимова никто и не ожидал, председательствующий — от щедрот — разрешил обвинению довести до сведения присяжных и показания Панькина в части его якобы имевшей место принадлежности к ОПГ «Николаевские».

— *И про Николаевскую группировку? — опешила защита.*

— *Ну это же род деятельности! — воткнул осиновый кол в трупик правосудия судья, «забыв», что «николаевская группировка» в данном суде не рассматривается и соответствующие обвинения никому не предъявляются...*

— *Хорошо, главное чтобы нам потом в прениях не запретили об этом говорить, — подытожила защита.*

Впрочем, когда вымученные из Панькина на следствии показания были оглашены, суд пожалел и о допуске этих показаний до оглашения вообще, и об оглашении показаний о принадлежности к «Николаевским» в частности. Но было уже поздно. Адвокаты принялись выяснять у Панькина почему его т.н. «признательным» показаниям не верит даже следствие и вменяет ему совершенно иные, чем изложено в «признательных показаниях» обстоятельства. Например, почему Панькину вменяют знакомство с Шорчевым и вступление в «Борисовские» с 2001 года, тогда как по его «признательным показаниям» он был членом «Николаевских» аж до 2003 года? Да и вообще, если Панькину не инкриминируют участие в ОПГ «Николаевские», то получается, что он себя оговаривал? Зачем? Сам решил, или все-таки следствие настойчиво «попросило»?..

Здесь не выдержал уже не только прокурор, но и судья и запретил защите задавать вопросы о принадлежности Панькина к «Николаевским»...

— *Так вы же сами допустили обсуждение «Николаевской группировки». Мы возражали против оглашения протокола в этой части, а вы допустили... Ваша честь, вы так часто меняете свои решения, что я просто не успеваю за ходом вашей мысли!*

— *Тогда хотя бы сообщите присяжным, что информация о принадлежности Панькина к «Николаевским» к делу не относится, и не должна ими учитываться. Или все-таки можно про Николаевскую? — наперебой выступают защитники.*

— *Нет, нельзя, — в печальной задумчивости выдыхает Его честь.*

Источник: <http://shorchev.biz/pankin/>

6.2.4 Демонстрация присяжным худших качеств стороны обвинения (личных и профессиональных), свидетелей обвинения, председательствующего

Как уже отмечалось чуть выше, ряд весьма спорных действий суда и прокуратуры в процессе с участием присяжных проходит для них незаметно. В то же время, эти самые действия вполне могут свидетельствовать об отсутствии со стороны суда объективности, непредвзятости и пр. Таким образом, защите необходимо обратить на них внимание коллегии. Однако здесь мы сталкиваемся с «замечательной» ситуацией: когда судья нарушает закон, то только ему самому в процессе и принадлежит право принимать решение – было или не было нарушение. Более того, указать на это нарушение закона судьей сторона защиты может лишь в рамках совершения процессуальных действий, то есть при заявлении возражений или отвода. Естественно, что это происходит в отсутствие присяжных заседателей, а с учетом того, что отвод или возражения приносятся... тому же судье, что и нарушил требования закона, результат их рассмотрений заведомо известен.

В таких условиях ничего не остается, кроме как заниматься наглядной демонстрацией бесправия стороны защиты, предвзятости суда и обвинительного уклона процесса в целом. То есть негласная апелляция идет здесь, прежде всего, к состраданию и чувству справедливости присяжных заседателей. Тем более, что, как правило, судьи не утруждают себя мотивировкой и разъяснением принятых ими решений. Соответственно, довольно часто конфликт выглядит примерно следующим образом:

– Ваша честь, в соответствии с (...такими-то) статьями УПК РФ, (такие-то) факты следует оценить так-то и принять такое-то решение.

– Защитник, садитесь, вам никто слова не давал. Объявляю вам предупреждение, а в случае повторения удалю из зала суда.

Естественно, что в такой ситуации процессуальная импотенция судьи, помноженная на граничащую с хамством вседозволенность, очевидна для любого стороннего наблюдателя. Соответственно симпатии коллегии будут уже на стороне защиты, особенно если протест адвоката заявлен «по делу» - мотивирован, логичен и имеет ссылки на нормы права и конкретные факты.

Вообще, если адвокат идет на конфликт с судьей, причины для этого должны быть очевидны не только для защитника и судьи, но и для присяжных, при этом причины должны быть крайне уважительными, чтобы защитник не предстал перед присяжными в образе эдакого гопника и скандалиста, использующего мелочный повод для конфликта.

И еще один эффективный прием. Стороне защиты следует тщательно фиксировать обстоятельства объявления адвокатам замечаний и предупреждений за «нарушения» в ходе судебного процесса. Например, за оглашение информации не подлежащей доведению до присяжных (не подлежащей, само собой, по мнению судьи). После чего остается только ждать, когда такую же информацию (только со знаком «минус») попробует довести до коллегии прокурор... Впрочем, этот метод работает и в обратную сторону...

С течением времени, по мере изучения манеры конкретного судьи вести процесс, у адвоката нарабатывается особое чутье, он уже может прогнозировать – на какой именно фразе, на какой именно информации судья попытается его остановить и запретить говорить. В этом случае, во-первых, неплохо иметь под рукой ссылку на то, когда аналогичная информация беспрепятственно доводилась до сведения присяжных прокурором, а, во-вторых, следует научиться конструировать свои реплики так, чтобы судья не сразу мог «выкупить» к чему вы клоните.

Кроме того, конфликт – это неплохой способ «разбудить» присяжных (порой и в прямом смысле слова), привлечь внимание коллегии к той или иной проблеме, придать процессу драйва и остроты (естественно там и тогда, где это нужно и уместно).

Лучшей иллюстрацией эффективности конфликта является мнение самих присяжных. Так, по уже упомянутому делу «Белых волков», один из бывших присяжных (правда, выбывший из коллегии еще до вердикта) опубликовал в Интернете свое мнение об этом процессе, которое полностью подтвердило правильность избранного защитой пути:

Будет пересмотр в Коллегии ВС по уголовным делам. Прокуратура в порядке кассации подаст жалобу, смысл которой будет в том, что в процессе имели место процессуальные нарушения - а именно, стороной защиты на присяжных оказывалось эмоциональное давление, что и склонило коллегию к определённому вердикту. На самом деле это не так, основное эмоциональное давление оказывалось прокурорами и, к сожалению, председательствующим судьей. Но мы как-то не обращали на это внимания, приняв для себя как установку слова того же самого председательствующего: все доказательства, рассматриваемые в процессе в присутствии присяжных являются законными, незаконные реплики адвокатов, подсудимых, прокуроров и свидетелей не должны нами учитываться.

А реального нового следствия не будет. Там некоторые свидетели обвинения явно совершили ряд деяний, вменяемых подсудимым, но вся кухня в суде всплыла. Эти свидетели по закону были освобождены от ответственности за активное сотрудничество с органами предварительного следствия и "деятельное раскаяние" (слили "товарищей" и админов националистических сайтов в большом количестве), доказательств против них следствие собирать не стало (а сейчас уже поздно), зато

в качестве доказательств вины подсудимых представило показания этих самых свидетелей (и всё). Кроме того, в деле фигурировало десятка четыре неустановленных лиц. За 2 года следствие этих лиц установить не удалось. А одному из свидетелей обвинения за 2 года так для опознания и не предъявили обвиняемого. Опознание проходило в суде, причём прокурор свидетелю подсказал вполголоса: "Это он". Этот самый он от письменного описания, данного свидетелем по горячим следам, отличался примерно как покойный Шандыбин от тоже покойного Семёна Фарады. На вопрос - "по каким признакам Вы СЕГОДНЯ опознали лицо?" свидетель сказал - "по тем, что указаны в протоколе допроса двухлетней давности".

Много там вообще было интересного. Перед началом отбора нам сказали - "Процесс имеет большую общественную значимость" (т.е. - есть политический заказ). Я только за политический заказ на реальную борьбу с экстремизмом. Но заказ оказался на постановку дешёвого шоу.

http://community.livejournal.com/ru_antifa/370103.html?thread=2691767#t2691767

Следует отметить, что обратить внимание присяжных на вышеупомянутую «прокурорскую подсказку» удалось именно благодаря тому, что защита осознано пошла на конфликт, и после того как прокурор «помог опознать кого надо», адвокаты стали активно и громко требовать от суда опровергнуть заявление прокурора и объявить последнему замечание. Прокурор и суд в ответ выбрали самую идиотскую позицию – они начали отрицать очевидное, чем еще больше подорвали к себе доверие присяжных...

Кстати говоря, конфликт – это еще и способ развенчания «ореола жертвы», как моральное обоснование доведения до присяжных той или иной информации. Это значимо, прежде всего, потому что в глазах присяжных сторона защиты должна быть морально безупречна. Так уж получается, что присяжные с куда большим снисхождением относятся к фальсификациям и нарушениям со стороны суда и прокуратуры, нежели стороны защиты. Если адвокат или подсудимый уличен во лжи, неэтичном поведении и т.д., то дело можно считать наполовину проигранным. Это также существенно, когда защитнику приходится работать с противником, имеющим определенный моральный карт-бланш. Например, матерью погибшего в результате преступления потерпевшего.

Вот, в частности, что об этом пишет известный американский адвокат Джерри Спенс:

«Для завоевания расположения, уважения и доверия присяжных заседателей и председательствующего судьи нельзя во время перекрестного допроса резко и настойчиво атаковать «одетого в белые одежды» процессуального противника, который ведет себя в суде корректно и достойно. Такую атаку следует предпринимать только тогда, когда противник своей ложью и некорректным поведением сбросит с себя «белые одежды» и таким образом облачится в «черные одежды».

Мы должны подождать, пока наш праведный противник не обнаружит своих отрицательных сторон. Прежде чем мы бросимся в атаку, тот, кто принимает решение (чаще всего жюри...), должен увидеть нашего оппонента в черном цвете. Если мы будем атаковать раньше, чем наш противник проявит себя как явный носитель "черных одежд", мы будем атаковать того, кто принимает решения, поскольку он всегда стоит по одну сторону баррикады с тем, кто в "белом". А того, кто принимает решение, атаковать нельзя ни в коем случае.

Как следствие, мы, очевидно, не должны атаковать скорбящую в трауре мать. Но когда эта скорбящая мать под действием вежливых уколов хорошего перекрестного допроса превращается в разъяренную, мстительную крикунью, мы можем атаковать, но только вежливо. Нельзя атаковать человека, который безусловно вызывает симпатию, до тех пор, пока история этого симпатичного

человека, опять-таки посредством вежливого перекрестного допроса, не станет очевидной ложью. Нельзя атаковать слабого, ребенка, оппонента, который явно испуган, любого, кто по какой-либо причине не может защищать себя.

Когда мы атакуем, это не обязательно означает, что мы атакуем того, кто находится на другой стороне. Мы можем атаковать их дело, можем атаковать их взгляд на правосудие, можем оспаривать правдивость их свидетелей. Их мотивы. Но мы не атакуем их самих, если только в результате нашего перекрестного допроса не окажется, что их показания лживы».

Источник: Джерри Спенс «Самоучитель: как побеждать в споре».

Доходчивей, пожалуй, и не сформулируешь.

В одном из моих дел, потерпевшая постоянно оскорбляла и обвиняла подсудимых в убийстве ее сына. В ходе очередной порции оскорблений, сторона защиты довела до сведения присяжных факт того, что ее сын был членом организованного преступного сообщества и был задал риторический вопрос – что же она за мать, раз ей было все равно чем занимается ее сын?! В ответ на это потерпевшая умудрилась заявить, что сын был совершеннолетним и сам за себя отвечать должен – что только усилило эффект от сообщенной защитой информации. Естественно, если бы защита сообщила эту информацию коллегии до начала конфликта, и до провокационных выпадов со стороны потерпевшей, то рассчитывать на благосклонное ее восприятие присяжными не следовало бы. Потому что это выглядело бы как попытка оправдать подсудимых в убийстве. А так – все оказалось на своем месте. Кроме того, нейтрализованным оказался и такой эффективный (и крайне циничный прием) как «слезы матери, потерявшей сына»...

Еще один пример. На заре своей работы с присяжными, я перешел в явную атаку на потерпевшую только после того, как она, будучи в роли «безутешной матери», заявила буквально следующее: «Эти убийцы моего сына (директора довольно крупной страховой фирмы) убили! Как я теперь буду жить на одну пенсию?!». С учетом того, что присяжные в коллегии по большей части были сами пенсионерами, мне стало очевидно, что потерпевшая по-крупному подставилась. В последующем, беседуя после приговора с одним из членов коллегии, мои догадки подтвердились. Дословно присяжная сказала следующее: «Когда она заявила - «Как я буду жить на одну пенсию?!» - мы от такой наглости просто обалдели. А мы как на одну пенсию живем?».

Частным случаем обсуждаемого направления конфликта является тактика «Проиграть, чтобы выиграть». В данном случае конфликт нужен для того, чтобы в конечном счете предстать перед присяжными жертвой – стороной, несправедливо терпящей незаконные действия со стороны суда и обвинения. Однако перед тем как реализовывать такой сценарий хорошенько подумайте – хватит ли у вас умения и изворотливости, чтобы не предстать перед присяжными в роли зачинщика конфликта, а в последующем – актерского мастерства, чтобы проникновенно сыграть роль жертвы. Хотя, на самом деле, иногда и играть ничего не нужно – судья с прокурором все сделают сами, а защитнику останется только вовремя воспользоваться ситуацией.

6.3 Издержки внепроцессуального конфликта

Выше описаны выгоды защиты от конфликта. В то же время и негативные последствия конфликта бывают велики, а порой и недопустимо велики. Ибо суд имеет в своем распоряжении практически неограниченный арсенал средств для внепроцессуальной мести и адвокату, и подсудимому.

Конфликтность процесса защите следует учитывать еще и в том аспекте – сможет ли адвокат выдержать состояние конфликта, состояние стресса. Причем надо понимать, что конфликт в процессе ассиметричен – с учетом тотального бесправия адвоката и подсудимого, давление на них со стороны суда и прокурора будет гораздо

более интенсивным и изощренным, чем со стороны защиты – на судью и прокурора. Смогут ли адвокат и подсудимый выдержать это давление?

Конфликт в уголовном процессе – это почти всегда нарушение требований УПК РФ. Вот только что это за нарушение (и есть ли оно) – мнения сторон, как правило, расходятся. Часты случаи, когда в ответ на откровенно незаконные действия председательствующего (например, установление каких-либо ограничений на изучение доказательств защиты), защита начинает высказывать недовольство – в ответ на это председательствующий начинает обвинять защиту в нарушении регламента судебного заседания и неисполнении требований председательствующего. И так по нарастающей.

Приходилось регулярно сталкиваться и с ситуациями, когда председательствующий, вволю используя свои полномочия, создает для защиты крайне некомфортные условия работы. Например, куда сейчас без электроники. Портативный компьютер (ноутбук) на процессе вещь может быть и не незаменимая, но уж во всяком случае крайне полезная. У стороны обвинения никогда не возникает никаких трудностей с подключением техники к розетке электропитания, а вот для защиты это благо либо вообще недоступно, либо связано с массой реальных и искусственных ограничений. Так, в одном из процессов судья тупо заявил, что не имеется технической возможности подключить ноутбук адвоката к электросети зала суда. Что это за пресловутая «техническая невозможность» и почему она не имелась (несмотря на то, что адвокат был готов принести свой удлинитель и оплатить расходы за электроэнергию) – остается только догадываться.

Размещение защитников и прокуроров в зале судебного заседания – тоже своего рода форма дискриминации защиты. Как правило, прокуроров стараются посадить поближе к присяжным заседателям. Это позволяет им при определенной «ловкости рук» и наглости комментировать действия и заявления стороны защиты, свидетелей, высказывать вполголоса свое мнение, что естественно, слышат присяжные заседатели...

Известны и другие примеры как суд создает невыносимые условия для работы адвоката и подсудимого, путем установления совершенно безумных и садистских режимов работы. Так вполне в порядке вещей свести к минимуму или вообще отменить перерывы в судебном заседании в период дачи показаний подсудимым или в прениях защиты. Удлинить время судебного заседания (в сравнении с обычной продолжительностью заседания, когда выступала сторона обвинения), ну а в случае если сторона защиты «в ударе» и давит обвинение по всем фронтам – наоборот объявить о перерыве до следующего дня с целью сбить защитников с мысли, прервать хорошее выступление или процесс изучения того или иного доказательства, то есть искусственно понизить накал борьбы, когда позиции прокуратуры начинают «проседать».

В арсенале судей есть и такие «милые фокусы» как спонтанное изменение меры пресечения, запрет или негласное (косвенное) воспрепятствование контактам между подсудимым и его защитником в ходе судебного заседания и вне его, мелочные придирки к поведению защитников и подсудимых, выливающиеся в длительное и изматывающее «чтение нотаций».

Если конфликт с прокурором – это еще куда ни шло, то конфликт с судьей, с учетом его неограниченных полномочий, может закончиться весьма плачевно. Впрочем, и прокуроры регулярно преподносят сюрпризы. Так в ходе одного из процессов, после очередной словесной перепалки, прокурор добился перевода подсудимого в следственный изолятор расположенный в другом районе республики, что весьма существенно осложнило бытовые условия подсудимого и даже его доставку в суд.

Наиболее радикальными шагами судьи в судебном конфликте, конечно же, является удаление подсудимого из зала суда, а с недавних пор – и удаление адвоката из процесса. С обзором этих печальных тенденций можно ознакомиться в статье соавтора данной книги Алексея Барановского здесь: <https://pravorub.ru/articles/66438.html>

Да, бывают случаи, когда надо идти на конфликт, даже ценой последующего удаления из процесса. Однако этому должны предшествовать серьезные размышления, кропотливый анализ всех положительных и отрицательных последствий такого развития ситуации. Конфликт не должен быть ради конфликта, полезный конфликт – это управляемый конфликт, результаты которого просчитываются насколько это возможно наперед.

Бездоказательные обвинения и хамство – могут закрутить в суде отличный и громкий конфликт, но одновременно за защитником (ну или прокурором) вполне может закрепиться слава лжеца и грубияна, а уж этого присяжные ему не простят совершенно точно. И даже если в дальнейшем уличенный во лжи грубиян заявит, что солнце встает на Востоке, а садиться на Западе, то и в этом случае к его словам отнесутся с недоверием.

Конечно, ситуации могут быть разные, и при конфликте необходимо учитывать личности противной стороны. Разные люди ведут себя по-разному. Приходилось встречать таких судей, которые в результате неожиданного и активного давления со стороны защиты «дают слабину» и идут на уступки. В то же время имеются и прямо противоположные примеры, когда любое сопротивление судья воспринимает чуть ли не как личное оскорбление.

Вряд ли получится дать в этой ситуации какие-то универсальные рекомендации. В конце-концов умение анализировать личность конкретного человека, выявлять его сильные и слабые стороны и использовать их в своих целях – это тема отдельного, длинного разговора.

6.4 Подготовка к конфликту

«Лучшая импровизация та, что подготовлена заранее». Давно известный и совершенно справедливый тезис в том числе и для внепроцессуального конфликта. Прежде чем идти на обострение, необходимо взвесить все «за» и «против», проанализировать – даст ли конфликт какие-либо преимущества стороне защиты и не перевесят ли их возможные негативные последствия.

Вот вопросы, которые должна решить защита при планировании своих действий:

- Создаст ли реализация задуманных действий или оспаривание конкретных действий суда и обвинения конфликт?
- Как может развиваться конфликт и какой интенсивности достигнуть?
- Какие правовые и неправовые средства в этом конфликте будут использовать стороны?
- Имеются ли у стороны защиты силы и средства для нейтрализации (минимизации ущерба) действий стороны обвинения и суда в предстоящем конфликте?
- Есть ли возможность достигнуть желаемых целей иным, менее конфликтным путем?
- Будет ли положительный результат конфликта перевешивать возможные издержки, вызванные его возникновением?
- Как конфликт может отразиться на последующих действиях защиты, суда и общем ходе судебного процесса?
- Как будет воспринят и оценен конфликт участниками процесса и прежде всего – присяжными заседателями?

Продумывая стратегию защиты по делу, необходимо, в том числе, уметь прогнозировать возможные конфликты с судом и обвинением. В течении процесса нужно отслеживать какими приемами пользуется судья – на что бурно реагирует, что категорически не позволяет и т.д. Таким образом у вас сложится приблизительное

представление чего следует от него ожидать в дальнейшем. Это необходимо и для успешной дачи показаний, и для выступления в прениях. Так, один мой подзащитный – весьма толковый парень – за несколько месяцев судебных заседаний успел изучить судью и применяемые им приемы настолько детально, что, составляя свою речь в прениях, уже прямо в тексте указывал – когда и как он будет прерван председательствующим. Одним словом, умение спрогнозировать конфликтогенность того или иного действия поможет либо избежать конфликта, либо заранее к нему подготовиться и получить от него максимум выгоды.

Кроме того, готовясь и настраиваясь на конфликт, немаловажно придерживаться заранее избранного амплуа. Например, если вы рветесь в бой с безрассудством берсерка, то в дальнейшем крайне странно будут выглядеть ваши жалобы на жесткие ответные действия судьи и прокурора. Если вы позволяете себе хамство и грубость, то будьте готовы терпеть их и в свой адрес, поскольку в противном случае ваша позиция будет выглядеть крайне двуличной и будет вызывать у присяжных неприязнь.

Так, по одному из дел, в материалах фигурировала записка, написанная подсудимым одному из своих знакомых (впоследствии также ставшим подсудимым). Записка была с одной стороны весьма наивная, с другой – представляла для защиты серьезный потенциальный ущерб. Дело в том, что в записке содержалось предложение напасть на конвой, который будет охранять подсудимого, когда он сбудет участвовать в проверке показаний на месте происшествия, и отбить подсудимого в результате этого нападения. С учетом того, что силами и средствами для осуществления столь дерзкой операции знакомый не располагал, это было не более чем жест отчаяния подсудимого, доведенного «до ручки» в пресс-хате. Однако оглашение этой записки на суде было бы крайне неприятным явлением. Внимательно изучив текст записки (а это тоже дело т.н. «Белых волков») можно было понять причины, по которым подсудимый разработал этот «гениальный план». Его элементарно избивали в пресс-хате. Естественно, было очевидно, что именно в этой части прокуроры записку огласить «забудут». Пришлось потратить некоторое время на разработку сценария реакции на эту прокурорскую «забывчивость» и моральный настрой на его реализацию. В итоге, когда прогнозируемое событие все-таки произошло, стороне защиты удалось внятно и доходчиво довести до присяжных «позабытый» прокурором фрагмент, несмотря на активное противодействие как прокурора, так и председательствующего судьи.

Подытоживая все выше сказанное, повторяюсь еще раз: оценивая конфликтность того или иного действия, нужно уметь прикинуть – сможет ли защита получить от этого конфликта какие-то привилегии и не получится ли от него защите больше ущерба, чем пользы.

6.5 С конфликтом или без?

Возможен ли процесс с присяжными без внепроцессуального конфликта? Как ни странно, но возможен. Обычно эта ситуация возникает в тех случаях, когда позиция стороны защиты является в той или иной степени «соглашательской». Впрочем, возможны и другие варианты. Так, в одном из процессов, в силу специфики ситуации, мне пришлось тщательно избегать всевозможных конфликтов для четкого соблюдения всех формальных процессуальных требований (читайте об этом здесь: <https://pravorub.ru/cases/47955.html>).

В целом же, бесконфликтная стратегия по делу может быть обусловлена либо соответствующей общей стратегией защиты, например, ориентацией на получение снисхождения присяжных заседателей или суда – в случае, когда подсудимых несколько и роль данного конкретного подсудимого в преступлении незначительна. Либо ориентироваться на бесконфликтное протекание процесса имеет смысл в случаях, когда доказательственная база защиты достаточна для получения требуемого

результата без излишней конфронтации. В этом случае обострение обстановки на суде и как результат – нарушение формальных процессуальных требований – вполне может повлечь за собой отмену оправдательного приговора в вышестоящей инстанции. Так что подставляться лишний раз не надо.

Однако, даже полное соблюдение стороной защиты требований законодательства, к сожалению, не дает 100% гарантии отсутствия конфликта в процессе. Дело в том, что систематически возникают ситуации, когда на нарушение норм права идет именно сторона обвинения и суд, и стороне защиты, волей-неволей, приходится на это своевременно реагировать, поскольку иное – значительно ухудшает положение подсудимого.

Защитой же конфликтный процесс, как правило, выбирается в тех случаях, когда стратегия строиться по принципу «Нам терять нечего», то есть когда подсудимому грозит максимальное наказание (вплоть до пожизненного), и никакие угрозы или репрессивные меры суда уже не могут ухудшить его и без того незавидное положение.

Внепроцессуальный конфликт – это своего рода побочный продукт защиты подсудимого. Если суд проходит объективно, непредвзято и законно, то внепроцессуальный конфликт, инспирированный защитой, в подавляющем большинстве случаев следует отнести к браку работы. Представ перед присяжными неадекватным склочником, нет смысла рассчитывать на их благосклонность. Так что следует всячески избегать конфликтов «на ровном месте». Так, мне довелось быть свидетелем конфликта, спровоцированного защитником чуть ли не в первое заседание, когда адвокат отказался ставить подпись на уведомлении о назначении следующего судебного заседания. Что этот конфликт дал адвокату я так и не понял и, честно говоря, за годы своей адвокатской практики так и не смог придумать – как можно использовать такой конфликт в процессе «сам по себе»... Поэтому еще раз: конфликт должен быть не самоцелью, а преследовать вполне конкретные задачи. В частности, наиболее глупо и контрпродуктивно конфликтовать с судьей в отсутствии присяжных заседателей. В конце концов процесс с участием присяжных заседателей – это своего рода театральная постановка. Какой в ней смысл, если нет зрителей в зале?

Вообще, было крайне любопытно наблюдать некоторые процессы. Вот идет заседание, обстановка накалена для предела. Защита и суд обмениваются весьма резкими репликами. В конечном счете судья не выдерживает и объявляет для присяжных десятиминутный перерыв. После удаления присяжных из зала картина моментально меняется до неузнаваемости – никаких криков, резкостей и грубостей. Быстро, по-деловому решив процессуальные вопросы, суд возвращает присяжных в зал, и битва сторон продолжается с прежним накалом.

Есть «мастера», провоцирующие конфликт на ровном месте, и есть те, кто ради того, чтобы избежать конфликта готовы перешагнуть и через свою профессиональную гордость, и через интересы подзащитного, что, конечно, тоже невозможно одобрить и признать обоснованным.

Совершенно недопустимо для защитника использовать внепроцессуальный конфликт как способ сведения личных счетов с судьей или прокурором, или еще хуже – как дешевый, но эффектный способ показать свою «работу» ошарашенному от происходящего доверителю. Что уж греха таить, довольно часты и такие случаи, когда конфликтность процессу придает искусственно исключительно ради пиара в СМИ. Причем почти всегда это идет во вред подсудимым... Останавливаться на конкретных примерах в данном случае мы не будем, но не сделать об этом пометку тоже нельзя.

Наконец, хотелось бы предостеречь читателей вот от чего. Внепроцессуальный конфликт – штука непредсказуемая и порой его последствия могут быть куда круче, чем те, которые планировались его участниками изначально. Так по делу «Белых волков» между судьей и подсудимым состоялся следующий обмен репликами:

ЧУВАШОВ: Подождите, я не слышу. Почему они сидят в тюрьме?

СТРЕЛЬНИКОВ: Потому что приезжают сюда. На работу не берут, делать нечего, совершают преступления: обычных русских людей грабят, девушек насилуют.

ЧУВАШОВ: Вы знакомы лично? Вы лично знакомы?

СТРЕЛЬНИКОВ: Это менталитет такой, понимаете...

ЧУВАШОВ: У русских тоже менталитет такой, что надо порой вешать и убивать этих русских, которые за границу приезжают.

По большому счету, после такого заявления судьи, в нормальной стране, его статус должен был быть немедленно прекращен по этическому кодексу. Но ни квалификационная комиссия Мосгорсуда, ни его председатель Егорова на эти слова судьи никакого внимания не обратили. Извинений от судьи Чувашева национальная группа «русские» тоже не дождалась. В итоге, аудиозапись этих откровений судьи Чувашева вскоре стала достоянием Интернета, а затем одной из причин по которой участники «Боевой организации русских националистов» совершили его убийство. Не думаю, что кто-либо из участников этого дела допускал или желал такого развития событий.

Поэтому еще раз повторю, что конфликт в суде присяжных развивается непосредственно на глазах у коллегии и, соответственно, важно учитывать, как он будет восприниматься заседателями. Причина конфликта должна быть в глазах присяжных обоснована и понятна. Конфликтность процесса, а вернее сказать – конфликтность доведения тех или иных доказательств защиты до сведения присяжных, необходимо учитывать в связи с тем, что именно от ее (конфликтности) уровня зависит эффективность этого доведения. Согласитесь, что одно дело оглашать доказательства в спокойной обстановке и совершенно другое – пытаться буквально прокричать эти доказательства при активном противодействии со стороны прокурора и судьи.

И последнее. Совершенно недопустимо, когда конфликт возникает у стороны защиты и присяжных заседателей, однако и в этом правиле бывают исключения. Так, работая по делу Тихонова и Хасис, возникла ситуация, когда у защиты появилась достоверная информация о наличии в коллегии присяжных мощного лобби обвинения – «засланных казачков». Решение пойти на конфликт с заседателями (включая старшину) далось тяжело, однако оно дало нам несколько серьезнейших апелляционных поводов, в том числе и для рассмотрения жалобы в ЕСПЧ. Но в таком случае нужно четко понимать, что вы атакуете не всю коллегию, а только внедренных в нее обвинением «агентов». В таких случаях наверняка и в внутри самих присяжных имеется раскол, и вы лишь помогаете светлой стороне коллегии взять вверх над темной...

Глава 7. **ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА С ПРИСЯЖНЫМИ**

Если бы законы в РФ соблюдались всеми сторонами, а не только защитой, то жили бы мы как в американских фильмах про юристов, где качественное правоведение помогает спасти от любых обвинений. Да еще если бы российский суд судил без обвинительного уклона и равенство сторон обеспечивал, то, конечно, вся нижеследующая информация была бы излишней, однако суровая отечественная действительность такова, что неправильно скрывать от коллег технологии, которые позволяют хоть как-то компенсировать установившееся неравенство сторон, возникшее из-за систематического нарушения процессуального закона судом и обвинением.

Следует сразу оговориться, что присяжным, согласно УПК РФ, запрещено собирать сведения по уголовному делу вне судебного заседания, но в то же время никто не может им запретить пользоваться дома Интернетом, смотреть телевизор и читать прессу. Тем более не представляется возможным проконтролировать и пресечь чтение присяжными средств массовой информации, если только сам заседатель об этом не проговорится в суде – тогда это действительно может стать основанием для отвода присяжного из состава коллегии. Понимая это «узкое место», вокруг громких судов с участием присяжных заседателей в публичном пространстве постоянно происходят настоящие информационные войны обвинителей и защитников по тому или иному уголовному делу.

7.1 Способы ведения информационной борьбы

Неравенство сторон, давно зафиксированное в процессах, остается таковым и вне судебного зала. Пресс-релизы прокуратур и судов – легко попадают на ленты новостей государственных и околосударственных СМИ, да и вэб-ресурсы ведомств и инстанций сами по себе уже стали крупными информационными узлами для массового

распространения сведений под углом зрения стороны обвинения. Что же может противопоставить этому сторона защиты? Основных направлений работы два: создание собственного канала коммуникации с целевой аудиторией и установление партнерских отношений с журналистами, занимающимися судебными тяжбами, либо криминальными хрониками. Рассмотрим каждое из этих направлений подробнее.

7.1.1 Собственный канал коммуникации с целевой аудиторией

Как не трудно догадаться, собственный канал коммуникации в современных условиях – это сайт в интернете. При этом надо себе четко уяснить, кто наша целевая аудитория, с которой мы будем коммуницировать? В общем случае – это так называемая широкая общественность к мнению и поддержке которой мы будем апеллировать, ведь основной наш посыл – защита прав человека, а значит борьба с их нарушением представляет собой существенный общественный интерес.

В то же время, даже всемирная поддержка общественности не сыграет никакой роли, если вы не убедите в своей правоте 12 присяжных, в руках которых находятся судьбы обвиняемых. Поэтому не стоит слишком уходить в информационную стратосферу, отрываясь от самой главной вашей целевой аудитории – присяжных заседателей.

При этом не следует напрямую обращаться к присяжным, давить на них. Это не только не очень законно и не вполне этично, но и может привести к прямо противоположному эффекту – когда на человека открыто пытаются повлиять, он почти наверняка уйдет в «глухую оборону» и закроется от любой вашей информации сколь бы качественной и убедительной она ни была. Поэтому информацию нужно подавать для неопределенного круга лиц (той самой широкой общественности о которой говорилось выше), но предполагая, что среди ваших читателей окажутся и присяжные.

Эксклюзивной бонус, который получает сторона, создавшая свой канал коммуникации с целевой аудиторией, это возможность публикации документов, экспертиз, показаний свидетелей защиты и т.д., которые судья и прокурор пытаются скрыть от присяжных в рамках судебного заседания. Например, на сайте, посвященном делу мордовского предпринимателя Юрия Шорчева (<http://shorchev.online>), публикация доказательств стороны защиты, которые председательствующий незаконно запрещал оглашать в зале судебного заседания, была одним из главных направлений информационной борьбы (итог дела мы знаем: коллегия присяжных признала невиновных невиновными, но судья уклонился от оглашения оправдательного вердикта – <http://shorchev.online/notguilty/>).

Конечно, детальные подробности того или иного эпизода могут быть не очень интересны «широкой общественности», но зато крайне любопытны участвующим в деле присяжным. Вы не давите на них, и ничего не требуете, вы лишь даете пищу для размышлений, показываете то, что незаконно и необоснованно не дают предъявить адвокатам в судебном заседании. Но только, конечно, нужно чтобы присяжные знали о вашем «тайном» канале коммуникации с ними. Самое простое и эффективное решение этого вопроса – граффити/надписи на стенах (или трафареты на асфальте) с указанием адреса сайта в окрестностях здания суда («Вся правда о деле Пупкина на сайте www.purkin.info») – в таком ключе. Не всегда есть возможность «забомбить» надпись на заборе, но зато всегда можно сделать визитки, стикеры или листовки с адресом сайта. Главное, чтобы они попали в руки присяжных или им на глаза (будучи наклеенными на видном месте). Не будем тут давать детальных советов по этому пикантному вопросу – проявите смекалку сами.)

Но это лишь оффлайн-каналы донесения до целевой аудитории благой вести об открытии вашего сайта, они важны, потому что присяжные – это люди старой закваски и если пользуются интернетом, то явно не живут в нем как... Правильно! Как их дети. Поэтому онлайн-продвижение вашего сайта очень важно в популярных соцсетях, таких как Вконтакте, Одноклассники, Фэйсбук и др. Причем главным

образом в региональных группах (пабликах), где высока вероятность того что присяжные, их родственники или знакомые наткнутся на упоминание вашего сайта, найдут ссылку и добавят его себе в закладки. Далее путем «сарафанного радио» известие об интересном сайте дойдет и до тех, до кого нужно...

Важным условием эффективности сайта также является его правильное индексирование поисковиками Yandex, Google и другими. Представьте, что вы присяжный и решили поискать что-нибудь о вашем деле. Наберите в любом поисковике запрос: «Юрий Шорчев». Видите? Прекрасный результат выдачи ссылок! Это называется правильное SEO. Конечно, когда фамилия редкая, сделать качественную индексацию сайту проще, но если знать алгоритмы работы, то и набрав в поисковике «адвокат Александр Васильев» (а адвокатов с таким именем и фамилией, и не только, кстати, адвокатов – не мало) – вы все равно в числе первых ресурсов попадете на ссылку на сайт автора этой книги А.В.Васильева (<http://wasiliev.pro>). Так что, если что – обращайтесь за продвижением вашего сайта к специалистам, например, к нам :)

Ну и конечно, сайт должен регулярно обновляться. Если на нем свежие материалы будут появляться редко, то и заходить на него ваша целевая аудитория будет столь же не часто. А если качественных обновлений будет много, и они будут интересными – будут цеплять, то и ваш преданный читатель будет регулярно посещать ресурс с целью выяснения «чѐ там у адвокатов?».

Хорошая штука – ведение онлайн-репортажей из зала суда в твиттер-режиме с дублированием записей в итоговую хронику дня на сайт. Мы делали это еще в 2011 году, еще до того, как это стало мейнстримом :) Это позволяет присяжным и всем иным заинтересованным лицам посмотреть, как это всё выглядит изнутри и узнать о том, что происходит в зале суда во время «изгнания» из него присяжных. В таких случаях информация должна быть максимально нейтральной, но и максимально полной, без искажений.

7.1.2 Установление партнерских отношений с журналистами

В своё время для одной общественной организации мы писали развернутую инструкцию «для служебного пользования» по данному вопросу. Сегодня можно уже, пожалуй, запускать наработки в массы – для хороших людей не жалко, а плохие нас и так не читают :)

Главное в работе с журналистами – выстраивать длительные, стратегические партнерские отношения. Можно даже сказать дружеские, приятельские, а не просто деловые. Это не получится быстро и не «выстрелит» сразу, но рано или поздно поможет в вашей работе – не в этом деле, так в следующем.

Если вы публичное лицо (адвокат, общественный защитник, правозащитник, родственник обвиняемого) – Вы должны быть легко доступны для журналиста. Ваш профиль с фото должно быть легко найти в фэйсбуке и вконтакте, на вашем сайте обязан быть номер вашего мобильного телефона, который всегда включен, и адрес электронной почты, которая постоянно проверяется. СМИ работают быстро, большинство из них уже давно существуют только в интернете, а значит новости и статьи идут в режиме 24/7 и чтобы быть в информационном потоке, вы должны быть всегда доступны. Ваша главная задача – быть помощником журналиста, быть ему выгодным и полезным контактом в его работе, в ответ вы получите возможность публиковать в его издании вашу точку зрения (в виде комментариев), а иногда и получать свежую полезную информацию, которую журналист собрал из недоступных вам источников.

Журналисты находятся в постоянном поиске новостей, событий, интересных сюжетов, иногда они звонят вам, но и вы сами можете позвонить журналистам и что-то интересное им предложить. Готовьтесь к резонансным событиям, о приближении которых вам известно, заранее – сделайте для журналистов качественный правовой

анализ принимаемого Госдумой скандального законопроекта, проанализируйте зарубежные практики по какой-либо тематике и предложите журналистам ваши наработки. *[Заметка на полях: когда вам звонит журналист – всегда записывайте его номер телефона (спрашивайте мобильники – общередакционные телефоны вам мало чем помогут), фамилию-имя и название СМИ – постепенно у вас сформируется собственная база СМИ, которая вам не раз пригодится в дальнейшем. Если вы звоните журналисту – уточните определился ли у него ваш номер и попросите его записать ваш телефон, предложив звонить в любое время по любым вопросам].*

СМИ работают по информационным поводам. Им не интересно какое-то дело вообще (тысячи их – несправедливых уголовных дел по России-матушке), им интересно что-то свеженькое, что-то интересное и необычное, что только что случилось и что еще не было опубликовано у конкурентов. Поэтому действовать нужно быстро – новости быстро протухают, и продвигать свою информацию требуется в тот момент, когда у вас есть информационный повод за который СМИ могут зацепиться.

Что для СМИ является новостью – информационным поводом? Всё из ряда вон выходящее, например:

- Обыск/задержание/арест;
- Вызов на допрос/допрос;
- Заведение уголовного дела/закрытие уголовного дела;
- Предъявление обвинения/перепредъявление обвинения и т.д.;
- Судебное заседание по продлению содержания под стражей, передача дела в суд, предварительное заседание, отбор присяжных, допрос ключевых свидетелей, последнее слово, вердикт присяжных, приговор, обжалование приговора и т.д.;
- Новая сенсационная улика, неожиданный поворот дела, уникальное свидетельство, которого еще не было в информационном пространстве;
- Митинг, пикет, акция протеста;
- Смена следователя/судьи;
- Голодовка, вскрытие вен, иные формы протеста в СИЗО и ИК;
- Отправка осужденного в лагерь для отбытия наказания, разного рода злключения в местах лишения свободы и т.д.;
- Подача гражданского иска, жалобы в ЕСПЧ и т.п.

В общем – любые мало-мальски значимые юридические события являются информационными поводами, которые могут попасть в СМИ как новости. Правда, понятно, что для того чтобы это работало – ваше дело должно иметь резонанс и интересовать общественность (ваш подзащитный – VIP-персона, губернатор/сенатор, дело имеет международный характер или ярко выраженный политический оттенок и т.п.), тогда внимание журналистов к делу и к вам, как к ценному источнику новостей, будет повышенным. Но не расстраивайтесь, если ваше дело не такое громкое, всё тоже самое справедливо и для регионального уровня – региональные СМИ точно также интересуют новости об уголовных делах, имеющих значение для данного субъекта Федерации.

В общем если у вас есть новость-информационный повод – начинайте обзванивать свою базу журналистов, сообщая её им. Это дает вам шанс не только сообщить журналисту интересное событие, которое может появиться в печати, но и присовокупить к нему своё пояснение и интерпретацию новости.

Строго говоря, вступая во взаимодействие с миром масс-медиа, начните вот с чего – разберитесь кто ключевые игроки на том поле, которое вас интересует. В Москве не мало журналистов, специализирующихся на судебных репортажах – они ходят из одного судебного заседания в другое, отписывая в свои редакции заметки с

резонансных уголовных дел. Познакомьтесь с этим журналистским пулом, обменяйтесь контактами, поддерживайте связь, заинтересуйте судебных репортажников чем-нибудь, станьте их инсайдером и осведомителем.

Обязательно познакомьтесь с корреспондентами ключевых информационных агентств – «Интерфакс», РИА-«Новости»/РАПСИ, ИТАР-ТАСС. Если ваша новость попадет в ленту агентства – это гарантированный десяток-другой перепостов с агентств на другие информационные сайты.

В регионах всё похуже. Там бывают разве что журналисты-«уголовники», которые отписывают в свои издания криминальную хронику (выдавая её за журналистские расследования), основанную на сливах из полиции и тому подобных органов. Такие журналисты изначально ангажированы стороной обвинения, но всякое бывает, может и среди региональных корреспондентов вы сможете найти союзников, допустим из числа «социальных» журналистов или новостников, которые не принимают ничью сторону, но дают в печать лишь сухую информацию о свежем событии.

Если не будет сразу получаться продвигать свои чудесные новости и информацию в СМИ – не опускайте руки. Это долгосрочная игра. Главное зарекомендовать себя надежным источником и удобным в общении партнером. Со временем вам начнут звонить и брать комментарии по юридическим вопросам, не связанным с вашей непосредственной деятельностью, а потом без вас не смогут обходиться как без рук. Журналист делает свою работу, вы должны быть его информационно-правовым ассистентом – и источником информации, и экспертом-толкователем юридических казусов одновременно. Чем больше у журналиста информаторов и экспертов, тем лучше он делает свою работу. Чем интереснее и больше от вас поступает информации журналисту – тем вы ценнее для него. Тем больше он будет давать вам слово на страницах своего издания и тем сильнее станет доверять вашей точке зрения. Это взаимовыгодное сотрудничество, поэтому важно выстраивать именно долгосрочные, дружеские отношения с журналистами и поддерживать их регулярными звонками не только по делу, но по праздникам тоже. Однако не переусердствуйте – навязчивым быть не тоже самое что галантным!

Существует распространенное заблуждение про рассылки. Типа сделаю рассылку в СМИ и это чем-то мне поможет. Забудьте слово «рассылка», особенно рассылку с тысячей адресов в электронном письме одновременно! Это не работает. Как и рассылка пресс-релизов (работают только рассылки с пресс-анонсами, в которых вы приглашаете журналистов на какое-то мероприятие, что может их заинтересовать). Эффективно только персональное, адресное общение с журналистами по телефону/электронной почте/мессенджеру и т.д. Каждому журналисту нужен эксклюзив. Эксклюзив и формат – вот два заповедных слова, запомните их! Никогда не посылайте письма длинной в «Повесть временных лет» – краткость не только сестра таланта, но и залог, что ваше сообщение прочитают, а не удалят в корзину не просматривая. И никогда не прикладывайте к письмам файлы, которых вас не просили присылать.

Помните, что у вас должна быть не только горячая новость-информационный повод, но и другая важная составная часть формулы успеха, чтобы пробиться со своей новостью в СМИ – это эксклюзив. То, о чем знают уже все – для СМИ не интересно. Поэтому новости сначала предоставляются вашим любимым журналистам (из самых важных информационных агентств и ключевых СМИ) и только потом публикуются на ваших сайтах и в блогах, а не наоборот. Из блога в СМИ попасть очень сложно, если инфа пошла по блогам, а не по СМИ – там она скорее всего и останется. Вам нужно сделать наоборот, чтобы все попало в СМИ, а оттуда в блоги всё просочиться уже естественным путем.

С по-настоящему ценными эксклюзивами нужно спешить, пусть лучше о сенсационном повороте в деле журналисты узнают от вас с вашим комментарием, чем от стороны обвинения с их. Поэтому минимум размышлений и согласований –

максимум скорости, даже если информация сырая. Доверьтесь своей интуиции. Лучше информационно атаковать, чем защищаться – оправдания никто не слушает, вы должны формировать информационную повестку дня, а не следовать за чужой.

Проводить обзвон своей базы журналистов нужно сразу и подряд, начиная с информационных агентств и топовых СМИ. Помня об эксклюзиве, рассказывайте одно и то же, но насколько это возможно разными словами – чтобы в разных редакциях потом не было «на выходе» одинаковых цитат и никто не обиделся.

Если вы проводите пресс-конференцию в каком-либо информационном агентстве или редакции – будьте готовы, что буквально перед началом вам будут названивать конкурирующие информагентства и СМИ с целью выведать какую сенсацию вы приготовили для прессы. Сумейте сохранить главный эксклюзив для озвучивания именно на пресс-конференции, иначе принимающая сторона обидится и больше не позволит вам выступать на её мощностях даром (зачем им это, если сенсации вы отдаёте их конкурентам). Но и звонящих не обделяйте – сегодня так, а завтра может быть ваша пресс-конференция будет уже у них, поэтому дайте им что-нибудь новенькое тоже, но второстепенное, сохранив главное блюдо для выступления на мероприятии.

Чтобы ни случилось, ответ «без комментариев» – это очень плохой комментарий. Никогда так не делайте. У вас всегда и по любому поводу должно быть готово внятное и логичное объяснение, вас нельзя застать врасплох, будьте готовы к неудобным вопросам. Единственное что вы можете себе позволить в экстра-затруднительной ситуации – это взять паузу на 5-10 минут, сославшись на необходимость выйти из метро, припарковать машину и т.п. и попросив журналиста перезвонить вам через несколько минут.

Особый жанр – интервью телекамерам, тут нужно быть максимально четким и лаконичным в формулировках, нельзя растекаться мыслью по древу. Говорите так, чтобы у вас нельзя было вырвать фразу из контекста (они все равно это сделают), но тем не менее формулируйте свои мысли максимально однозначно и недвусмысленно, говорите практически лозунгами – языком митинга и плаката. Пространные и длинные размышления оставьте для бесед с газетчиками и интернет-журналистами.

Участвуйте в юридических и околоюридических мероприятиях по вашей тематике, выступайте на круглых столах, в вебинарах, присутствуйте на съездах, общественных слушаньях, знакомьтесь там с журналистами, экспертами, vip-лицами, политиками, общественниками, ветеранами юридического цеха и другими полезными фигурами. Зарекомендуйте себя в их глазах квалифицированным и открытым специалистом, подключайтесь к интересным общественным инициативам и проектам. Всё это – тоже своего рода пиар, но не в СМИ для массовой аудитории, а для экспертного сообщества. Если в их глазах о вас сложится мнение как о преуспевающем и компетентном специалисте, то в таком виде вы постепенно перейдете и на страницы СМИ. Не забывайте выкладывать фотографии с посещенных открытых мероприятий и текст вашего выступления на персональном сайте и в соцсетях.

7.2 «Золотые» ситуации

Рассмотрим примеры успешных информационных атак со стороны защиты. Как бы то ни было, но в первую очередь успех информационной работы по уголовному делу зависит от адвоката, и только потом от его помощника-пиарщика и друга-журналиста. Потому что адвокат добывает информацию, которую потом разгоняет пиарщик. Не будет ценных фактов – не с чем будет и идти в СМИ.

Фото и видеоматериалы – наш главный козырь. Вот фотографии следов пыток, применявшихся к Юрию Шорчеву после ареста – <http://shorchev.online/varnavino/> Адвокаты сумели пробиться к подзащитному, зафиксировать побои, вынести снимки, закрутить карусель с жалобами и т.д. С таким материалом журналист уже может работать, есть о чем рассказать и чем подтвердить. Это не голословные обвинения, это

зафиксированные факты. Всегда старайтесь добыть наглядные доказательства, документы, фотографии и т.д. – юриспруденция и журналистика идут тут рука об руку. Поэтому важно чтобы адвокат понимал, что нужно журналисту, а журналист понимал специфику деятельности адвоката в условиях противодействия со стороны силовых органов.

Другой пример (подробнее о нем будет рассказано в следующей главе), но вкратце ситуации в следующем – во время одного громкого уголовного дела в котором осуществлялась информационная поддержка работы адвокатов, на телефон нашей горячей линии позвонила... действующая присяжная. [Помните о совете опубликовать ваши контактные данные на сайтах и в блогах, которые легко найти? Вот это оно самое!]. И это была очень показательная ситуация в том смысле что, видите как бывает, если правильно построить коммуникации с общественностью...

7.3 Информационная борьба в условиях жесткого противодействия

Еще, конечно, нужно поговорить о том, как себя вести в условиях информационного противодействия противоположной стороны. Не всегда сторона обвинения выступает от своего имени, часто она камуфлируется под «независимых» журналистов, но обрабатывающих четко обвинительную повестку, напроочь игнорируя аргументы защиты.

Существует расхожий тезис – оправдывается, значит виноват. Возможно, сей постулат справедлив в чистого вида пиаре, им пользуются имиджмейкеры и т.д., однако в юридическом пиаре – это скорее признание того, что вам нечего сказать и ваш оппонент прав. Едва ли это допустимо, если вы хотите добиться оправдания.

Можно прямо накидываться на обвинительную статью, журналиста и СМИ её опубликовавшую. Разбирать её по косточкам, на каждый обвинительный тезис приводить десять оправдательных антитезисов, указывать на противоречия, бездоказательность и т.д. В крайнем случае, если автор совсем уже перебирает через край, можно подать на него иск в суд о защите чести и достоинства, это мало чем поможет, зато будет хорошим информационным поводом о котором напишут не вовлеченные в конфликт СМИ. Да и наглядно им продемонстрирует, что совсем уж берега терять с вами не следует и нужно оставаться в рамках приличий.

Не стОит лишний раз пиарить «вражескую прессу», давая ссылку на зловредный материал у себя на сайте или в блоге, но можно и нужно опубликовать на своем ресурсе статью в которой подробно разоблачаются все злокозненные тезисы и обвинения – как бы, а давайте поговорим еще вот о чем... Кто прочитал «вражеский материал» – поймет, что это ответ на него и удовлетворится, кто не читал – лишний раз убедится в вашей правоте.

Короче говоря, тут нет универсального рецепта как реагировать, нужно исходить из нюансов конкретной ситуации, но не реагировать нельзя, иначе целевая аудитория, пристально следящая за процессом, подумает, что «защиту поймали» и вам нечем крыть.

7.4 Ищите союзников

Независимые эксперты и их заключения, выступления поручителей, заявления общественных защитников и политиков, видеообращения, митинги и пикеты – все формы общественной активности по ходу уголовного дела хороши и привлекают внимание СМИ. Один адвокат со всем этим не справится, нужна команда, нужен сайт, нужен пиарщик-копирайтер. Родственники тоже не должны сидеть сложа руки и причитать о своей несчастной судьбе. Только активная комплексная защита может дать шанс на оправдание, особенно в делах с участием присяжных заседателей. Если всего этого не делать, то шанса нет вообще.

7.5 Судебная практика

В качестве бонуса к данной главе прилагаем позиции Верховного суда РФ относительно предполагаемого давления на присяжных через СМИ на которое жаловались стороны.

Апелляционное определение Верховного суда РФ №74-АПУ13-7СП от 30.05.2013г.:

То обстоятельство, что в силу повышенного интереса к данному делу со стороны средств массовой информации и интернет-пользователей в СМИ и в интернете была опубликована информация о деле, ставшая им известной из судебного процесса, происходившего в открытом заседании, не свидетельствует о том, что присяжные заседатели были подвержены давлению и не смогли вынести объективный вердикт...

Каких-либо данных, свидетельствующих о том, что присяжные заседатели при вынесении вердикта пользовались другой информацией, полученной ими вне судебного заседания, государственным обвинителем и потерпевшими суду апелляционной инстанции не представлено.

Источник: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=543168

Кассационное определение Верховного суда РФ №2-34-15/08 от 16.11.2009г. (дело Френкеля):

В протоколе судебного заседания нет сведений, на которые имеются ссылки в жалобах, о том, что якобы на присяжных заседателей было оказано давление через средства массовой информации, что они читали в судебном заседании публикации, в частности, «Новую газету» с ложными публикациями. Вместе с тем, из протокола судебного заседания следует, что при решении вопроса о продолжении закрытого судебного разбирательства дела стороной обвинения в отсутствие присяжных заседателей было сообщено, что в газете «Московский комсомолец» ряд адвокатов дали интервью по делу, в том числе об оценке доказательств, которые ещё не предоставлялись присяжным заседателям. Указанные стороной обвинения обстоятельства стороной защиты не оспаривались. Председательствующая обоснованно предупреждала сторону защиты по этим обстоятельствам, поскольку дело рассматривалось с участием присяжных заседателей и в закрытом судебном заседании.

Кроме этого, из протокола судебного заседания следует, что председательствующая выясняла неоднократно у присяжных заседателей о том, не оказывалось ли на них давление, в том числе через средства массовой информации, не читали ли они публикации в газетах по рассматриваемому делу, не оказали ли на них влияние публикации в газетах, разъясняла, что публикации не являются доказательствами, в том числе в напутственном слове обратилась к присяжным заседателям, разъяснила, что они должны выносить вердикт только на основании исследованных в судебном заседании доказательств. Никто из присяжных заседателей не заявлял о каких-либо обстоятельствах...

Источник: <http://sudact.ru/vsrif/doc/Jdof99qAQEU8/>

Кассационное определение Верховного суда РФ №2-5/09 от 13.05.2010г.:

Изложенные в кассационных жалобах доводы о том, что имевшие место до постановления приговора ряд публикаций в средствах массовой информации о существовании и деятельности преступной организации оказали давление на мнение присяжных заседателей, являются несостоятельными.

Как видно из протокола судебного заседания, с момента начала судебного разбирательства председательствующий судья по делу обращала внимание присяжных заседателей на необходимость не принимать во внимание любую информацию по делу, полученную вне рамок судебного следствия, особенно опубликованную в печати, либо показанную по телевидению.

Данных о том, что этот запрет кем-либо из присяжных заседателей был нарушен, в деле не имеется. Не приведено таковых и в кассационных жалобах. <...>

Сторона защиты не представила достоверных данных, подтверждающих, что до вынесения вердикта присяжные заседатели, в том числе Д., Б. и А., высказали свое мнение относительно «невиновности подсудимых» (защита ссылается на газетную статью «<...>» и на публикации Интернет-сайта)...

Источник: <http://sudact.ru/vsrf/doc/Tgw3ZsuRgXJu/>

Кассационное определение Верховного суда РФ №48-О13-28СП от 02.09.2013г.:

Предположение авторов кассационных жалоб о том, что на присяжных заседателей было оказано давление публикациями в средствах массовой информации о преступлениях, о личности осужденных, несостоятельно.

Председательствующий своевременно выяснял вопросы возможного незаконного воздействия на присяжных заседателей и получал отрицательные ответы. Факт публикаций частными лицами в средствах массовой информации сведений о рассматриваемом уголовном деле и других обстоятельствах сам по себе не свидетельствует о незаконном воздействии на присяжных заседателей. Представители общественной организации М. и Р. в присутствии присяжных заседателей не допрашивались.

Источник: <http://www.zakonrf.info/suddoc/bada36d6dc72a2c24331c9ac7547f742/>

Кассационное определение Верховного суда РФ №5-О09-340СП от 14.01.2010г.:

Доводы в жалобе адвоката Севрука С.П. о том, что присяжные заседатели были ознакомлены с публикациями в средствах массовой информации, но председательствующий с целью формирования у присяжных заседателей предубеждение к подсудимым в напутственном слове не обратил внимание присяжных заседателей на то, что вердикт не может быть основан на сведениях, полученных вне судебного заседания и на средствах массовой информации, являются несостоятельными, поскольку противоречат материалам дела.

Из протокола судебного заседаний следует, что нет данных о том, что в судебном заседании присяжные заседатели знакомились с опубликованными материалами в средствах массовой информации. В своей жалобе адвокат Севрук С.П. таких данных не приводит. Вместе с тем, из текста напутственного слова следует, что председательствующий просил присяжных заседателей не принимать во внимание при вынесении вердикта сведения, полученные вне зала судебного заседания, в том числе опубликованные в средствах массовой информации.

Источник: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=285090

Кассационное определение Верховного суда РФ №8-О10-9СП от 11.05.2010г.:

Доводы кассационных жалоб о том, что на вердикт коллегии присяжных заседателей оказали влияние публикации в средствах массовой информации нельзя признать обоснованными. Согласно протоколу судебного заседания, при формировании коллегии присяжных заседателей председательствующим выяснялся

вопрос о наличии у кандидатов информации об обстоятельствах дела из средств массовой информации. Сторонам также предоставлялась возможность задавать вопросы, касающиеся выяснения обстоятельств, препятствующих кандидатам в присяжные заседатели участвовать в производстве по делу, стороны воспользовались правом на мотивированные и немотивированные отводы. Заявлений о роспуске образованной коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава и неспособности вынести объективный вердикт от сторон не поступало.

Источник: <http://zakonbase.ru/content/base/255693/>

Из представленной судебной практики можно сделать следующие выводы: во-первых, чего нет в протоколе судебного заседания – того и не было. Поэтому, если никто из присяжных не признался в суде под протокол что он читал публикации СМИ о деле – то этого и не было. Во-вторых, зачастую на давление через СМИ жалуются адвокаты и это говорит нам о том, что, возможно, им самим следовало бы активнее работать с медиа (с учетом, конечно, всех налагающихся на них ограничений Кодексом профессиональной этики и т.д., и тем не менее изначально отказываться от борьбы на одном из полей – значит заранее ставить себя в проигрышную позицию).

ГЛАВА 8. ПРИСЯЖНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ – СУДЬЯ ИЛИ ЗАЛОЖНИК СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ?

*Наша вера в других выдаёт, где мы
охотно хотели бы верить в самих себя.
«Так говорил Заратустра»*

Прокурор – процессуальный противник с которым предстоит биться не на жизнь, а на смерть в течении всего процесса. Такова суть состязательности сторон. Судья – вроде бы должен быть беспристрастным арбитром, но на практике случается, что он враг хуже прокурора. Секретари, приставы, свидетели и специалисты – ко всем этим участникам процесса у защитника вырабатывается более-менее определенное отношение.

Но как быть с присяжными заседателями? Как воспринимать их? Как строить свое общение с двенадцатью молчаливыми, незнакомыми вам людьми, с которыми вам нельзя обменяться ни словом, ни рукопожатием и которым предстоит решать судьбу подсудимого? Вот на эту тему мы и попытаемся поговорить в этом материале.

Сразу подчеркнем, что дальнейший разговор пойдет именно о присяжных заседателях, а не об агентуре обвинения в их рядах. Последние – явление, может быть, и не повальное, но тем не менее систематически встречающееся, и главное их отличие от, собственно, присяжных заключается в том, что они готовы голосовать за нужный – обвинительный – вердикт еще в первый день судебного заседания, вне зависимости от аргументов сторон. Рассуждать о них, поэтому, большого смысла нет. К ним следует относиться как к стихийному бедствию – явлению, безусловно, не приятному, но существующему вне человеческой воли и желаний. Можно и нужно, конечно, пытаться их выявить и нейтрализовать (отвести), но не для того их в коллегию заводили, чтобы так просто дать вам их из неё исключить... Настоящий же присяжный заседатель с начала судебного процесса, уж извините за имитацию китайской философии, подобен чистому листу бумаги. То есть, если присяжный заседатель в ходе процесса самостоятельно, путем тщательного и объективного анализа доказательств, пришел к выводу о виновности подсудимого – он также достоин уважения, как и присяжный, выносящий оправдательный вердикт.

Сторона защиты, решая вопрос, выбирать ли суд присяжных или согласиться с заведомо обвинительным приговором, встает перед дилеммой: каковы шансы, что обычный, незаинтересованный в исходе дела, человек склонится в пользу версии защиты? Однако есть еще один вопрос, который, обычно, у стороны защиты не возникает, а следовало бы. Этот вопрос: *а дадут ли присяжным вынести вердикт, идущий вопреки позиции обвинения?* К сожалению, данный вопрос не только имеет право на жизнь в наших современных правовых (так сказать) реалиях, но еще и частенько становится принципиальным при планировании защиты...

Иногда складывается ощущение, что присяжный заседатель в деле – это следующий по бесправности (после подсудимого и его защитника) участник процесса. Каких только мерзостей в отношении присяжных со стороны судьи и прокурора мы не насмотрелись за свою практику.

За ними следят оперативники, собирают информацию об их личной жизни, прослушивают телефоны и ковыряются в электронной почте, с ними проводят или пытаются проводить неформальные беседы о необходимости вынесения обвинительного вердикта и т.д. Неудобных обвинению и суду присяжных подставляют, чтобы исключить из коллегии, и не дают ничего сказать в свою защиту. Наконец, ситуация доходит до того, что в отношении неудобных обвинению присяжных заседателей совершаются откровенные провокации и преступные посягательства, направленные на лишение их возможности участвовать в вынесении вердикта.

Если вы возьмете статью, посвященную процессу с присяжными заседателями, написанную судебскими или прокурорскими работниками, вы практически наверняка прочтаете в ней стенания прокуроров о том, что де присяжные заседатели верят каким-то там проплаченным адвокатишкам, а не нам, государевым людям. А что тут удивляться? Адвокаты прокурорское высокомерие и пренебрежение в свой адрес уже и не замечают, а вот судьям из народа – присяжным – оно бьет по нервам весьма крепко. Обратите внимание как работает в деле с присяжными адвокат, и как прокурор. Лишь единицы «синих мундиров» умудряются поставить себя на один уровень с присяжными, у остальных же презрение к «холопам» не только читается во взгляде и жестах, но проскальзывает и в словах.

Думаете, наводим напраслину на прокуроров? Ну тогда почитайте, например, откровения Владимира Зыкова – заслуженного юриста РФ (!), кавалера разного рода нагрудных знаков, типа «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», «Почетный работник юстиции России», «Ветеран прокуратуры» и т.п.:

«...как же можно в государстве, провозгласившем себя в той же самой Конституции правовым и обязывающем все органы государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединения строго соблюдать закон, вводить суд, не обязанный соблюдать его? От присяжных никто этого не требует, они законов не знают, за свой вердикт не несут никакой ответственности и не мотивируют его. В основу суда присяжных заложена не законность, а групповое представление о справедливости...»

Суды присяжных, как правило, представляют домохозяйки, пенсионеры, безработные. Трудоспособное население всячески избегает этой "почетной обязанности". И вот на этот неподготовленный, зачастую малограмотный и социально аморфный коллектив возлагается обязанность решать судьбы людей.

...Что же это за суд, который оправдывает убийц, насильников, маньяков?».

Источник: <http://www.aif.ru/archive/1680399>

Не далеко ушли от прокурорских и судейские. Вот какими мыслями делится с журналистами Михаил Огульчанский, заместитель председателя Ростовского областного суда:

«Например, судьи всегда обосновывают свое решение. По приговору понятно, в чем подсудимый обвинялся, в чем признан виновным, какие доказательства подтверждают вину, почему применена та или иная статья. Судья полностью раскрывает ход своих мыслей и отвечает за свое решение. Что же касается присяжных, то они по закону не должны объяснять свои мотивы. Доказано – не доказано, виновен – не виновен. И всё. А почему пришли к такому выводу, остается гадать. Вот недавний пример из нашей судебной практики. Судят налогового полицейского за взятку. Вердикт присяжных: что взял деньги – доказано, но – нет, не виновен. Как такое может быть – непонятно».

Источник: <http://izvestia.ru/news/297195>

Это тем более смешно, что мотивация судебных решений порой выглядит либо как бред сумасшедшего, либо как изыскания студента-первокурсника...

Не слишком то стесняются пинать присяжных заседателей и обласканные властью журналисты. Вот что писал депутат-журналист Александр Хинштейн, не раз выступавший в печати как против адвоката Паршуткина, так и суда присяжных в целом:

«Адвокат Виктор Паршуткин не случайно считается одним из лучших защитников столицы. Отличный оратор, тонкий психолог. Обаять десятков неустроенных женщин ему вполне по плечу».

Источник: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/03/04/199134-pravosudie-vprisyadku.html>

Вот так – «неустроенные женщины» – пишет о присяжных, прекрасно устроенный в депутатском кресле работник печатной машинки. Бумага всё стерпит, давно известно...

В этой связи весьма показательно, что даже в соседнем Казахстане представления о суде присяжных более разумные, чем у перечисленных выше российских «правоохранителей». Вот вам вполне обоснованный и логичный ответ судьи Верховного суда Казахстана Серика Абнасилова на сомнения журналиста о компетенции присяжных заседателей:

«Поскольку присяжные заседатели разрешают вопрос факта: имело ли место преступное деяние и виновен ли в его совершении подсудимый, то их мнение нельзя считать недостаточно компетентным, так как присяжный заседатель имеет право участвовать в исследовании рассматриваемых в суде доказательств, задавать через председательствующего вопросы участникам процесса, участвовать в осмотре вещественных доказательств, документов, обращаться к председательствующему за разъяснениями норм законодательства. Эти и другие права дают гражданину, на которого возложены обязанности присяжного заседателя, возможность самостоятельно оценить обстоятельства уголовного дела и дать ответы на вопросы, которые будут поставлены перед коллегией присяжных заседателей».

Источник: http://www.inform.kz/ru/sud-ya-verhovnogo-suda-mnenie-prisyazhnyh-nel-zya-schitat-nedostatochno-kompetentnym_a2937133

Нет, справедливости ради, конечно, следует сказать, что и среди российских вершителей судеб бывают разумные люди. Например, Валентина Кудряшова, заместитель председателя Санкт-Петербургского горсуда, в своем интервью заявила:

«Несомненно одно: введение суда присяжных в районных судах будет способствовать повышению и укреплению доверия граждан к суду, обеспечит доступ большему числу граждан к отправлению правосудия».

Источник: <http://pravo.ru/news/view/132959/>

Но, к сожалению, это единичные примеры, не делающие «погоды» на общем фоне негативного восприятия судов присяжных со стороны «государевых людей»...

На самом же деле, прокуроры и судьи регулярно приписывают присяжным заседателям свои собственные грешки. Так ошибки присяжных при вынесении вердиктов действительно имеют место быть. Однако, как им не быть, когда присяжным не дают в руки материалов дела, а заставляют руководствоваться исключительно воспринятыми на слух показаниями или зачитанными документами? Куда удивительнее, когда судья, имеющий на руках все документы, совершает по истине детские ошибки. Так, у нас в архиве до сих пор на почетном месте находится решение судьи Александровой из Таганского суда г.Москвы однажды продлившей срок содержания под стражей подсудимому на том основании, что он «зарегистрирован в г.Улан-Удэ и не имеет постоянного места жительства на территории РФ».

8.1 Удаление и давление

Но ладно если бы только писали и говорили плохими словами. В арсенале «слуг государевых» есть и куда более действенные способы «работы» с присяжными. Самый распространенный из них – отвод неугодного присяжного из коллегии. Под любым, самым абсурдным предлогом. Вот, например, факт отвода присяжного заседателя в Свердловске при рассмотрении дела Павла Федулаева за ужаснейшее нарушение объективности и непредвзятости в 2011 году: <http://eanews.ru/news/policy/i173529/> – вина присяжного проявилась в том, что он... поздоровался с одним из адвокатов подсудимых. Если следовать такой логике, то всю коллегию надо было распускать в первый же день работы, поскольку присяжные, наверняка, здоровались и с приставами на входе в помещение суда, и с секретарем судебного заседания, размещающего их в совещательной комнате, да и сам председательствующий обычно начинает свой процесс с приветствия участников, в том числе присяжных заседателей.

Аналогичный случай не так давно произошел и в Мосгорсуде. В ходе вынесения вердикта по делу капитана Николая Захаркина двое заседателей из состава коллегии присяжных были заменены на запасных. Причина – общение присяжных с адвокатом подсудимого. В данном случае остается только развести руками и признать законность решения судьи. Хотя странно было бы думать, что разговор в несколько минут продолжительностью, мог как-то повлиять на мнение присяжных о виновности. Но да, порядок для всех один. Однако, было в этой ситуации одна особенность, которая не дает возможности воспринимать её как торжество правосудия. Дело в том, что, согласно сведений из прессы (<http://pravo.ru/news/view/31128/>), отведены были присяжные, голосовавшие за вынесение оправдательного вердикта, причем отведены были на основании информации, которая к моменту вынесения вердикта уже была известна в течении некоторого времени. То есть вывод очевиден – если бы они выступали за обвинительный вердикт, вопрос об их отводе не поднимался бы...

Более того. Манипуляции с судом присяжных с каждым днем приобретают всё более изощренный характер. Например, как лучше всего напугать присяжных и настроить их против стороны защиты? Судьи придумали такой способ –начали

принимать меры по госзащите присяжных. Правда, непонятно от кого и чего. Конечно, ни о каких угрозах речи на самом деле не идет, но шума от этого много, присяжным шепчут на ухо о каких-нибудь туманных оперативных данных и вот уже присяжные начинают шараться от каждого столба и с опаской поглядывая на адвокатов.

Вот свежий пример. По делу в отношении украинцев Карпюка и Клыха суд вынес постановление о применении к присяжным заседателям госзащиты. По каким основаниям, сторонам процесса (вернее сказать, стороне защиты) сообщить не удосужились. То есть теперь к присяжным приставлены опера, которые ходят за ними день и ночь, прожирают бюджетные деньги и охраняют их от принятия по делу справедливого и обоснованного решения. Адвокат подсудимого Николая Карпюка Докка Ицлаев поясняет:

«Им ясно намекнули, что они в опасности, если примут определенное решение. Каждый из присяжных сегодня уже думает, а кто может угрожать и по какому вердикту. Тут очевидно, что защита бессильна, и об угрозах с этой стороны не может быть и речи. К тому же защите и не нужно. У нас безупречные доказательства невиновности Карпюка и Клыха. Поэтому присяжные сделают однозначный вывод после сегодняшнего постановления судьи, что им угрожают в случае оправдательного приговора», - считает Ицлаев. По его мнению, в таком случае уже возникает обоснованное сомнение в объективности всей коллегии присяжных...»

Источник: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/282323/>

Или вот вспомним как Преображенский районный суд Москвы в апреле 2015 года прекратил по амнистии уголовное преследование экс-присяжной Дианы Ломоносовой, обвинявшейся в «воспрепятствовании правосудию» во время процесса по делу об убийстве экс-полковника Юрия Буданова (<http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/261431/>). По версии следствия, защитник вступил в сговор с присяжными Прониным и Ломоносовой, пообещав выплатить им 6 млн. руб. за оправдание Темерханова. Мусаев, как считает следствие, передал им 100 тыс. руб. «на текущие расходы», а также телефон «для постоянной шифрованной связи».

Нет, конечно, можно допустить, что все происходило именно так, как изложено в обвинении, однако наша многолетняя практика склоняет к мысли, что присяжную, скорее всего, просто подставили. Да и цель этого также лежит на поверхности— торпедировать работу защиты, не дать вынести оправдательный вердикт, либо создать условия для его последующей отмены.

Еще один пример. Трое присяжных, рассматривавших в Ульяновском областном суде дело милиционеров, обвиняемых в убийстве, пытках и похищении людей, направили на имя председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева и руководителя СК РФ Александра Бастрыкина обращение, в котором сообщают об оказанном на них давлении со стороны гособвинителя и помощника судьи:

«Согласно обвинительному заключению, 4 сентября 2010 года майор Андрей Винокуров, лейтенант Роман Варенко и старший сержант Алексей Иванченко на турбазе «Дача» в пьяном состоянии затеяли драку, в ходе которой ими был убит 28-летний парень, сделавший замечание по поводу их хулиганских действий. Кроме того, их, а также капитана Дамира Усманова и старшего лейтенанта Александра Белова обвиняли в применении пыток, а Андрея Винокурова, Дамира Усманова и Романа Варенко еще и в похищении жителя Ульяновска.

Однако вскоре после вынесения вердикта 3 из 12 присяжных написали заявление на имя председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева и руководителя СКР А.Бастрыкина (копия — председателю Ульяновского облсуда Нине Лысяковой), где сообщили о том, что на них оказывалось давление со стороны гособвинителя и помощника судьи.

«Прокурор в ходе процесса неоднократно подходил к присяжным и настоятельно разъяснял нам, какие подсудимые преступники», — говорится в заявлении присяжных. Они также утверждают, что изначально большинством голосов был дан ответ о невиновности подсудимых, кроме эпизода на турбазе «Дача», но помощник судьи уносила куда-то опросный лист, это «происходило неоднократно, и каждый раз, когда ответы не устраивали, лист возвращался назад со словами, что нужно переделать, и так до тех пор, пока вердикт не стал обвинительным для всех».

Одна из присяжных — Любовь Миронова, до которой удалось дозвониться „Ъ“, — отмечает, что «остальные присяжные боятся, что их уволят с работы», хотя ей лично «никто ничем не угрожал». Однако говорить о деталях процесса она отказалась, отметив, что «готова общаться только через своего адвоката. Получить комментарии облсуда вчера не удалось — на официальный запрос „Ъ“ там не ответили.

Гособвинитель Игорь Рябов заявил „Ъ“, что «изложенное в заявлении — ложь», «система построена так, что давления не может быть в принципе, это физически неисполнимо». «Явно кто-то присяжным подсказал, на видео одна из них читает заявление по бумажке, применяя несвойственные юридические термины. Кто-то хочет, чтобы вердикт был отменен», — подчеркнул гособвинитель. Он считает, что надо провести по этим фактам проверку. «Наверное, должно быть заявление от меня, но у меня нет желания преследовать присяжных», — добавил Игорь Рябов».

Источник: <http://www.kommersant.ru/doc/1967243>

Может возникнуть вопрос, а имеются ли примеры обратного давления на присяжных – то есть со стороны защиты и подсудимых? К сожалению, и такие случаи упоминаются в СМИ. Например, факт такого давления был зафиксирован по делу убитого в драке спартаковского футбольного болельщика Егора Свиридова: <http://www.rbc.ru/society/15/08/2011/5703eacc9a79477633d368c5> или по делу Антонины Федоровой в Великом Новгороде: <https://ria.ru/society/20090207/161304689.html>

Однако каждый такой факт (реальный или мнимый) заканчивается применением к присяжным мер госзащиты, доследственной проверкой, и, как правило, серьезным наказанием для виновных. А вот о наказании прокуроров и судей, давящих на присяжных, мы за годы своей работы ни разу не слышали. Не иначе как в суд и прокуратуру у нас набирают исключительно при наличии нимба над головой, а присяжные, пишущие на них жалобы, продались адвокатам, Госдепу и Моссаду одновременно. Примерно так.

На самом деле, этот казус яснее и проще всего объясняется старой русской поговоркой: «Рука руку моет» – ведь и обвинение в суде поддерживает, и проверку по заявлениям о преступлениях проводит одна и та же инстанция – прокуратура да Следственный комитет (в настоящий момент разделенные, но по сути это два звена одной цепи).

Суды тоже в этой связке, а потому регулярно и без каких-либо веских причин отводят негодных присяжных из процесса. Более того, не редки, к сожалению, и случаи возбуждения на присяжных уголовных дел. С учетом того, КАК И КЕМ возбуждаются и расследуются у нас дела, вина присяжных более чем сомнительна...

Присяжные – судьи факта, вот только профессиональные судьи, так любящие произносить эту фразу, почему-то считают присяжных судьями второго (если не третьего) сорта. Вопиющим примером такого отношения к присяжным может служить эпизод из рассмотренного в 2013 году Мосгорсудом дела об убийстве известной журналистки Анны Политковской. Один из присяжных был отведен из коллегии по рапорту судебного пристава:

«В сентябре суд исключил из коллегии заседательницу после заявления пристава. «Она сказала, что Сережа (Хаджикурбанов) тихо себя ведет. Присяжный №12 на это ответила, что Хаджикурбанов прекрасно понял, что «ему кранты», что их всех посадят», — цитировали агентства тогда сообщение пристава».

Источник: <http://pravo.ru/news/view/88551/>

То есть понятно, да? Какой-то пристав (по сути охранник, а не участник судебного процесса) следит и подслушивает за присяжными, а профсудья его доносы (а по-другому как назвать?) использует для отвода неудобных присяжных. Причем получается, что оснований не доверять приставу у судьи нет, а не доверять присяжному – пожалуйста. И вообще, интересно было бы посмотреть, как этот же самый пристав попытался бы уличить в предвзятости штатного судью.

Еще один случай, срывающий маски с нашего (гм..) правосудия, произошел в Мосгорсуде в 2013 году на том же процессе по факту убийства Юрия Буданова. Первый процесс по этому делу завершился совершенно сюрреалистическим результатом. Коллегия присяжных была распущена, а в отношении адвоката Мурада Мусаева и двух присяжных заседателей Д.Ломоносовой и В.Пронина были возбуждены уголовные дела. По версии следствия, как мы уже говорили, адвокат Мусаев якобы пытался подкупить указанных заседателей: <https://flb.ru/info/54071.html> и <https://flb.ru/info/54125.html>

Нет, конечно, у нас нет на руках материалов дела по этим обвинениям, и нельзя сказать с уверенностью насколько они были обоснованы, однако что-то никто никогда не слышал о делах в отношении прокуроров, давивших на присяжных, хотя о таком давлении, как мы убедились, заявляли и сами присяжные заседатели. А раз так, то и нет особых оснований считать, что всё это дело в отношении присяжных действительно имеет что-то общее с реальным правосудием...

А сейчас на очереди очередной (увы, из многих) пример о расправе над неугодными присяжными. По делу в отношении банкира Френкеля, обвинявшегося в организации убийства зампреда Центробанка Козлова, присяжного Левина привлекли к уголовной ответственности за очередное «воспрепятствование правосудию». Самое интересное, что он это обвинение фактически признает. Но каковы были причины его действий?

— Да, присяжные не были готовы вынести решение. Все дело было в судье. Я по гороскопу Лев, а по году — Дракон, и фальши я не признаю. Судья затыкала рот. Я поднимал руку, а она меня... Она мне говорит: «Пиши записки», — а сама их не читает. Вот я и решил всех распустить».

— Знаете, Френкель в момент убийства был в Ленинграде. Ему позвонили в 9:15 — это показали охранник и шофер — и сказали: «Дело сделано». И поэтому я решил, что Френкель причастен. Но все равно, суд есть суд. Я для чего сижу? Я могу сказать слово. Задать вопрос. Затыкать рот адвокатам и обвиняемым, которые за решеткой, нельзя. Если они считают, что что-то нужно сказать, то они должны это сказать. И мы должны это выслушать, потому что мы — присяжные заседатели и выносим вердикт. А судья, как только начинается ругачка с адвокатами, нам говорит: «Зайдите в свою комнату». Все возмутились. Мы приходили к 11 утра и половину времени сидели в своей комнате, ничего не зная, о чем они там говорят. Пили чай, бутерброды ели... А процесс идет. Это все судья. А со мной так нельзя, я — Лев по гороскопу».

— В общем, я решил всех разогнать. Предложил троим присяжным убраться за три оклада. За 25 тысяч. Они там сидели в комнате, чай пили — три женщины. Я говорю: «Три оклада вам хватит, уходите давайте». Я решил, что, если не будет 12 присяжных, процесс закончится. Там просто пишешь заявление: «Я ухожу». И все. «Уезжаю на дачу». И тебя

отпускают. Я подсчитал: нужно, чтобы ушли шесть человек. Вот эти три женщины, которым я предложил, я и еще мои дружки, с которыми я выпивал. А одна из женщин говорит, что этого мало. Давай, говорит, сто тысяч.

— А откуда у вас эти деньги?

— Да не было денег.

— Как же вы предложили им за деньги выйти из коллегии?

— Ну, я уж тогда, если бы они согласились, должен был выйти на адвокатов подсудимого или заплатить свои. Я же разваливаю процесс, а им-то этого и нужно, я считал. Я от себя все провернул. Если присяжные согласятся на мои условия, я тогда говорю адвокатам: так, мол, и так, есть такая инициатива, вы согласны? Может, они меня послали бы на три буквы, а может быть и согласились бы. Откуда я знаю?..

Источник: http://www.rusrep.ru/2008/43/aleksey_frenkel/

Да, с методами восстановления справедливости присяжного Левина согласиться нельзя, но приведенный случай всё-таки юридическая экзотика. Лев по гороскопу, понимаете :) Однако тут важно – кто и как вынудил его пойти на такие радикальные меры. Да, очевидно, что он действовал незаконными методами, но действовал он ими для того что бы в конечном счете достигнуть высшей задачи правосудия – справедливости судебного процесса. Тем удивительнее видеть, что справедливость судебного процесса для Левина была куда ценнее его собственного мнения относительно виновности подсудимых!

Но знаете, ведь таких людей, слишком серьезно (по мнению суда и обвинения) воспринимающих понятия справедливости, равенства сторон, презумпции невиновности и т.д. в составе любой коллегии присяжных заседателей не так уж и мало. **По сути, присяжные заседатели регулярно убеждают нас – адвокатов – законченных циников и нигилистов, в существовании у нашего Русского народа мощнейшего морального императива, высшего принципа нравственности. Об этом еще говорил легендарный присяжный поверенный Федор Плевако, и спустя столетия с ним по-прежнему нельзя не согласиться.** Поэтому, когда очередной «заслуженный юрист» от прокуратуры или «известный журналист» начинают с умным видом рассуждать о «ненадлежащем качестве» наших присяжных заседателей, можно безошибочно сделать вывод о его собственном нравственном облике, и вывод этот, вряд ли ему понравится.

8.2 Большой суд следит за тобой

К сожалению, сложившаяся судебная практика допускает сбор стороной обвинения информации в отношении присяжных заседателей и их родственников. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении С.Капралова, который обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой на исключительные полномочия прокурора по выяснению информации о кандидатах в присяжные заседатели и на отсутствие такого права у стороны защиты (Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2009 г. №1446-О-О – http://sudepra.ru/vs_vas/38648/). Этот гражданин был четыре (!!!) раза оправдан приговорами Астраханского областного суда, постановленными на основании оправдательных вердиктов присяжных заседателей. И Каждый раз Верховный Суд РФ отменял оправдательные приговоры, направляя дело на новое разбирательство, в связи с тем, что дескать кто-то из кандидатов в присяжные заседатели скрыл факты привлечения их или их родственников к административной или уголовной ответственности. После вынесения оправдательных приговоров, прокурор внезапно выяснял такого рода факты, и на этом основании оспаривал оправдание в вышестоящей инстанции. Сторона защиты, в свою очередь, просила суд ещё на этапе формирования коллегии присяжных заседателей выяснять такого рода

сведения о присяжных, для чего направлять соответствующие запросы в правоохранительные ведомства, однако суд отказывал в удовлетворении этих ходатайств. По итогам лишь пятого судебного разбирательства гражданин Капралов был признан виновным и осужден...

В тоже время, сбор сведений или проведение каких-либо проверок в отношении присяжных заседателей в период участия их в отправлении правосудия недопустимо, поскольку в соответствии с положениями ч.1 ст.12 Федерального закона №113 (в действующей редакции) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» на присяжного заседателя – в период осуществления им правосудия – распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года №1 «О судебной системе Российской Федерации», законами «О статусе судей в Российской Федерации», «О государственной защите судей, должностных лиц» и др.

Данной позиции, кстати, придерживается и Верховный суд РФ. Так, факт сбора сведений в отношении присяжных заседателей стороной государственного обвинения повлек за собой не только отказ в удовлетворении апелляционной жалобы прокуратуры на постановленный приговор, но и вынесение ВС РФ по делу №6-АПУ13-2СП частного определения от 4 апреля 2013 года в отношении государственных обвинителей, нарушивших вышеизложенные требования законодательства в адрес прокурора Рязанской области: «Как следует из апелляционного представления, проведение проверки в отношении присяжного заседателя Б. было непосредственно связано с его участием в рассмотрении конкретного уголовного дела, т.е. в период осуществления им правосудия в качестве присяжного заседателя, и обусловлено вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта. Об этом же свидетельствуют и собранные после вынесения судом приговора материалы, приобщенные к апелляционному представлению, исследованные в судебном заседании в связи с ходатайством государственного обвинителя. Независимость и неприкосновенность судей, в том числе и присяжных заседателей в период осуществления ими правосудия, гарантированы Конституцией Российской Федерации и могут быть ограничены лишь в случаях, установленных законодательством при соблюдении соответствующей процедуры. Таким образом, действия государственного обвинителя по проведению проверки в отношении присяжного заседателя не основаны на законе» (http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=9150).

В то же время, однако, оказание воздействия на позицию присяжных заседателей методами «оперативного сопровождения» проверяется порой весьма своеобразным способом. В адресованной в президиум Верховного Суда РФ надзорной жалобе по делу осужденного Ростовским областным судом с участием присяжных заседателей Н.Воскресова отмечалось, что кассационной инстанцией были проигнорированы заявления граждан о встречах руководителя группы следователей гр-на Я. со старшиной присяжных заседателей во время процесса. Эти заявления Верховный суд РФ направил для проверки в Ростовский областной суд, откуда их передали в прокуратуру Ростовской области. Круг замкнулся, и в итоге безрезультатная проверка производилась входившим в следственную группу по делу Н.Воскресова следователем С., подчиненным гр-на Я. (источник: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html – статья Сергея Пашинина «Суд присяжных: проблемы и тенденции»).

Вообще, по опыту участия в судах присяжных, регулярно подмечается одна и та же тенденция. Отношение заседателей к сторонам процесса в начале судебного разбирательства в большей степени склоняется в пользу обвинения, но с течением времени происходит постепенный дрейф в сторону позиций защиты. Почему? Ну, например, потому что одним из типичных приемов обвинения (естественно, там, где такая возможность имеется) являются попытки заострить внимание присяжных

заседателей на материальном благополучии подсудимых и гонорарах их адвокатов. Этот прием стар как мир и активно использовался, в частности, таким матриархом московских процессов с присяжными заседателями как М.Э.Семененко:

«Один из дней судебного заседания прокурор Мария Семененко целиком посвятила рассказу о коттедже Поддубного на Рублевском шоссе. Демонстрировала карты, планы, подробные фотографии. Я спросил у присяжных, собравшихся в «Новой газете», какое впечатление это на них произвело. «Нам было стыдно, и мы были возмущены, — ответил хор. — Прокурор апеллировала к нашей зависти! Почему она решила, что мы все жадные и завистливые люди?»».

Источник: <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/82n/n82n-s11.shtml>

Нет, конечно, бывают в практике адвоката и доходные дела, однако в большинстве случаев гонорары (и в том числе за работу в суде присяжных), значительно меньше того, что представляют себе обыватели. Коллегам это доказывать не нужно, а все остальные— ну пусть думают, что мы много зарабатываем, хоть какое-то утешение :)

8.3 Роспуск коллегии

«Игры» с роспуском неудобной для обвинения коллегии присяжных заседателей, начались, наверно, тогда же, когда появилось само судопроизводство с присяжными. Первые случаи из вспоминающихся нам относятся еще к 2004 году, когда в Мосгорсуде была распущена коллегия по делу Пичугина-Пешкуна по причине постоянных переносов заседаний из-за болезни участников процесса, в том числе самих присяжных: <http://www.alexey-pichugin.ru/index.php?id=66>

Еще одно дело из тех далеких времен – дело о контрабанде сигарет против Поддубного и Бабкова: <http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/82n/n82n-s11.shtml> – в этом случае судья Штундер, председательствующий по делу, вдруг вспомнил, что ему надо срочно рассмотреть другое дело о покушении на убийство, и попросил присяжных временно разойтись. Этот перерыв случился в самый разгар лета – с 8 по 28 июля. Естественно, что заранее выстроенные личные графики присяжных пошли вразнос – еще трое из коллегии выбыли, и судебное следствие возобновилось лишь 13 августа в критическом составе: ровно двенадцать человек – «скамейка запасных» оказалась пуста. Прокурор продолжала тянуть время. Наконец, коллегия развалилась, когда одна из присяжных очень вовремя (для желающих распустить коллегия) слегла в больницу– запасных больше не было. «Тяжело больная» заседательница выписалась из больницы уже через два дня после того, как судья Штундер распустил коллегия присяжных на основании ее заявления с отказом от дальнейшего участия в суде...

8.4 О тонких материях

Работая в судах с участием присяжных заседателей, нельзя не отметить некоторых тенденций в восприятии присяжных со стороны других участников судебного процесса, и прежде всего – судьи, прокурора, ну и для сравнения – адвоката.

Человеческое общение – штука двусторонняя. И невербальные сигналы тоже никто не отменял. То есть если вы в душе не доверяете присяжным, считаете их бестолковыми, надеетесь обмануть или «надавить на жалость» и т.п., то это так или иначе всё равно «вылезет наружу», хотели бы вы этого или нет. В мимике, жестах, высказываниях это наверняка проскочит и не раз. Ну а дальше «можно закрывать лавочку», если вы не доверяете присяжным – они не будут доверять вам. Чем всё это закончится? Нет, они не осудят вашего подзащитного «в отместку» адвокату, просто ваши аргументы, ваши доводы, ваши действия будут восприниматься ими в

соответствии с тем настроем, который вы сами у них сформировали в отношении себя и своего доверителя сформировали.

Известны случаи, когда формирование коллегии присяжных заседателей происходит с определенными, скажем так, странностями. Например, в числе присяжных вдруг оказываются знакомые друг другу лица, или неожиданно в коллегию отбирается большое количество заседателей, ранее уже исполнявших обязанности присяжных и т.п. Конечно, все это выглядит подозрительно и возникает устойчивое желание ходатайствовать о роспуске такой коллегии, однако мы бы не советовали идти на поводу у этого порыва. Конечно, известны случаи, когда отдельные члены коллегии присяжных заседателей начинают откровенно работать на обвинение. И даже если в коллегии есть отдельные «пропрокурорские» присяжные (обычно их называют «торпеды»), то это еще не повод говорить о недоверии к коллегии в целом, оскорбляя тем самым остальных присяжных, которые пришли честно и объективно исполнить свой гражданский долг (см. выше размышления о «тенденциозной коллегии»). К тому же именно «пропрокурорских» присяжных судья не отведет из состава никогда в жизни, а вот с остальными присяжными вы отношения испортите. Более того, через два-три месяца процесса присяжные воспринимают себя уже как единую команду, пусть даже среди них есть сторонники разных мнений. И нападая на одного присяжного – вы тем самым нападаете на коллегию присяжных заседателей в целом...

Что ж, понимая все эти нюансы давайте теперь зададимся вопросом: как относиться к присяжному заседателю? Как к другу? Как к врагу? Как к внешнему фактору? Лично мы для себя уже давно определились: как к коллеге. Как к полноправному участнику судопроизводства. Уважайте присяжного. И делайте это совершенно искренне. Доверяйте присяжным. Так же искренне. Тогда и они начнут доверять вам.

Адвокат Суховеев Андрей Борисович:

В присяжных, прежде всего, нужно видеть людей, которым интересно в процессе. Адвокат должен давать им ощущение сопричастности к защите прав подсудимого. Нужно сразу давать понять, например, вопросами к свидетелям и потерпевшим, к чему сводится позиция защиты. И если присяжным интересно, они сами начинают задавать вопросы. По этим вопросам видно, в чью пользу складываются симпатии у коллегии...

Я стараюсь улыбаться присяжным, а тех, кого допрашиваем в суде, называть по имени-отчеству. Правохоронители, на фоне адвокатов, должны выглядеть, в глазах присяжных, злобными и унылыми...

И как неприятно бывает видеть адвоката, неразборчиво и занудно бухтящего что-то по бумажке. Так и хочется подойти и... покриковать хорошенько. Обычно так «работают» «профессиональные назначенцы».

Источник: <https://pravorub.ru/articles/78005.html#comment-506820>

Как уже отмечалось, обычно в начале процесса коллегия присяжных настроена умеренно негативно к адвокатам и подсудимым. Однако время и профессионализм делают свое дело. Неоднократно уже доводилось убеждаться, что чем длиннее процесс, тем больше присяжные склоняются к мнению защиты (конечно, если оно убедительно обоснованно).

Дело в том, что в начале процесса свою роль в восприятии дела играет априорное доверие (внушаемое с детства) к правоохранительным органам, и подозрительность, существующая в обывательской среде в отношении адвокатов. Что поделать, не присяжные в этом виноваты. Слишком уж сильна государственная

пропаганда, превозносящая сотрудников правоохранительных органов (в детстве мы читаем «Дядю Степу», в зрелой жизни смотрим «Улицы разбитых фонарей» и т.д.) и раздувающая случаи негативного поведения юристов (может кто-нибудь назвать хоть один российский фильм в котором адвокат представлен в положительной роли?)... Впрочем, с течением времени с коллегией присяжных происходит метаморфоза. Раз, другой, третий они сталкиваются с таким поведением судей и прокуроров, которые не могли себе даже представить, основываясь на фильмах о благородных «господах полицейских» и «служителях Фемиды». Присяжные видят, как судья беззастенчиво подыгрывает обвинению, как смакует страдания и унижает подсудимого, как лицемерит и пользуется в отношении участников процесса своими безграничными полномочиями, создавая двойные стандарты, и все это меняет восприятие присяжными и самого процесса, и его участников.

Причем параллельно с этим в коллегии присяжных происходит ещё один процесс. В ходе судебного заседания присяжные разбиваются на группы – по своему отношению к обвинению и защите. Но даже попав в эти условные группы, присяжные всё равно с каждым днем всё больше ощущают себя единой командой. Это тоже необходимо учитывать и воспринимать присяжных не как отдельных персонажей, а как общность.

В одной, не будем говорить какой, авторитетной книге можно прочесть мысль о том, что адвокату дескать нельзя нападать на судью, поскольку присяжные воспринимают председательствующего по делу как члена своей команды и, соответственно, воспримут эти нападки негативно. К слову сказать, подавалось это мнение без претензии на истину в последней инстанции, но и без соответствующей критики. Да, спору нет, воспринимают как своего... До поры до времени. Пока судья, в предчувствии оправдательного вердикта, не начинает себя вести как смесь трамвайного хама и дворового гопника. Вам хочется быть «своим» с таким человеком? Так вот и присяжным тоже не хочется. Так что «нападать» на судью действительно не надо, но только пока он сохраняет перед присяжными заседателями хотя бы видимость объективности и беспристрастности. Когда же маски сброшены, то уже любое соглашательство с таким субъектом в мантии пойдет защите только во вред...

В другой рукописи автор долго и красочно рассуждает о крайне важном для адвоката умении говорить правильно, а в подтверждение своих тезисов заключает:

«Так что учтите, если не хотите дожидаться в комнате присяжных такого отзыва о вашей речи – “Да он вообще говорить не умеет, этот адвокат. Вы слышали коллеги? «В соответствии с результатами судебной почерковедческой экспертизЕ»... Ужас! Двоечником был в школе, наверно!».

Как вы думаете, есть ли шанс у адвоката выиграть дело, если в самом начале обсуждения вердикта кто-то из присяжных скажет подобное в совещательной комнате?».

Представляем себе, как искренне удивится автор, когда узнает, что этот самый шанс у адвоката есть. Вернее сказать, не у адвоката, а у его подзащитного. И есть он от того, что восприятие присяжных в качестве полных идиотов для которых форма доминирует над содержанием, а красивость и изысканность речи адвоката – над реальными доказательствами, в корне не верно! Работа присяжных с фактами порой может дать фору любому самому матерому адвокату или прокурору, и послужить им примером внимательного, последовательного подхода к обстоятельствам дела и скрупулезного анализа собранных сторонами доказательств. Присяжные могут простить адвокату косноязычие, если доказательства свидетельствуют в пользу невиновности его подзащитного. Нам неоднократно приходилось видеть, как присяжные оправдывали подсудимых, интересы которых представляли совершенно безынициативные и малограмотные защитники, но если доказательства их

невиновности были очевидны. Да, спору нет, что правильная и грамотная речь ласкает слух и улучшает понимание у слушателей. Но порой перчёное, жаргонное словечко, оказавшееся на своем месте в выступлении адвоката, может дать куда больший эффект, чем десятки страниц и часы выступления со стилистически грамотным текстом. Задача адвоката в прениях – не ласкать слух, а обращать внимание слушателей на нужные факты, «выдергивать» присяжных из полудремы, громить и сокрушать доводы обвинителя. (Да, и кстати, приведенный выше фрагмент «поучения о стилистике» процитирован без каких-либо искажений и изъятий. Так вот, почему-то никто из редакторов той книги не обратил внимание на то, что автор, в битве за чистоту родной речи, сам умудрился совершить явную стилистическую ошибку: «Если не хотите дожждаться...», то что? Если не хотим, то что надо сделать? Нет ответа. Вопрос повис в воздухе...).

8.5 Присяжный – боец

Несколько раз мы были очевидцами, как простые люди, попавшие в коллегию, и увидевшие творящийся в судебном зале беспредел вдруг тем или иным образом бросали вызов репрессивной системе...

Так во время громкого судебного процесса по делу Н.Тихонова и Е.Хасис, в котором осуществлялось информационное сопровождение работы адвокатов, на телефон горячей линии правозащитного центра «Русский вердикт» позвонила... действующая присяжная. Конечно, это очень «стрёмная» ситуация и всегда нужно подозревать подвох, но журналист согласился с ней встретиться. Просто нужно всегда и по телефону, и в личном общении, разговаривать с людьми так, как будто вас слушает и записывает товарищ майор.

О чем беседовали? Присяжная интересовалась личностями подсудимых, материалами дела, которые не оглашаются в присутствии присяжных [при следующей встрече ей был передан диск со всеми материалами уголовного дела, полученными при ознакомлении адвокатов с томами перед передачей дела в суд – всё полностью без каких-либо изъятий и купюр].

Понятно, что присяжная выходит за рамки предписанного законом, собирая сведения по делу вне зала суда, и что, если бы наши встречи были обнародованы, она безусловно была бы исключена из коллегии. Этого (обнародования) однако так и не произошло – осознав, что судейско-прокурорское лобби пытается использовать её саму (как и других её товарищей по коллегии) втёмную для легализации заказа на обвинительный приговор, она по собственному желанию вышла из состава присяжных, еще до вынесения вердикта...

От неё нам стало известно кто в коллегии является «торпедами» (засланными казачками, склоняющими других присяжных к обвинительному приговору). Узнали мы и примерный расклад голосов. Было понятно, что она сторонник оправдания, но не готова идти до конца, находясь под давлением. Она искала способ помочь подсудимым, не вступая в через-чур жесткий клинч с Системой.

В итоге она вышла из коллегии, но согласилась рассказать о нарушениях и давлении на присяжных публично, под своим именем, выступив в СМИ. Правда, не факт, что она сделала этим лучше, чем если бы просто осталась в коллегии и проголосовала по совести. Её мужа всё равно избили у подъезда неизвестные после интервью в прессе, а финальное голосование завершилось со счетом 7:5 в пользу виновности подсудимых, а если бы она не вышла, то было бы 6:6 – а это оправдание. Но кто его знает, что бы случилось тогда... В любом случае это было её решение – выйти из коллегии, никто не склонял её ни к оправдательному голосованию, ни к выходу, была лишь просьба, чтобы она, если всё же решит покинуть состав заседателей, рассказала обо всем что творится в коллегии публично – <http://rusverdict.livejournal.com/tag/dobracheva>

Другой пример мужественного проведения присяжного произошел в Саранске, где склонявшуюся к оправдательному вердикту заседательницу облили краской (предположительно, оборотни в погонах, заинтересованные в обвинительном приговоре), но она не только не побоялась рассказать об этом адвокатам, но и публично заявила обо всех нарушениях, происходящих внутри коллегии: видеоинтервью смотрите тут – <http://shorchev.online/lizunova/>

8.6 От первого лица

Наконец, далее Вашему вниманию представляются любезно сохраненные в электронном архиве правозащитного центра «Русский вердикт» записи москвича – члена коллегии присяжных заседателей, рассматривавших в 2009 году т.н. дело «Белых волков»: <http://rusverdict.livejournal.com/31591.html> Это еще одни очень любопытные свидетельства о том, как видятся адвокатско-прокурорские баталии С ТОЙ СТОРОНЫ – со скамейки присяжных заседателей – как видят процесс собственно те люди, которые принимают решение о виновности или невиновности подсудимых.

Запись в блоге присяжного по этому делу:

Я был присяжным по этому делу, но выбыл некоторое время назад из-за болезни. На сайте "Газеты" многие читатели стали в комментариях к статье обвинять присяжных в ксенофобии - "Назовите имена героев", "А судьи кто?" и т.д. В связи с этим я оставил комментарий, не нарушающий закон: "Я был одним из присяжных, выбыл некоторое время назад в связи с тяжёлой болезнью. Я понимаю, почему мои коллеги оправдали некоторых подсудимых, а остальных признали заслуживающими снисхождения. И почему признали их виновными только в 6-и убийствах из 11-и. Все члены коллегии не разделяли "взглядов" подсудимых и испытывали чувство омерзения к таким, мягко говоря, деяниям, как жестокие убийства на национальной почве путём нанесения 79-и ножевых ударов или размозжение головы. Среди членов коллегии были люди "неславянских" национальностей. Ксенофобов, националистов и прочих шовинистов не было. Но следствие работало ТАК плохо, что не было уверенности в том, что на скамье подсудимых - именно те люди, которые и совершили вменяемые им убийства". Комментарий модераторами был оперативно удалён. Большой Брат не дремлет ВЕЗДЕ. Такие процессы должны проходить максимально гласно, чтобы общество действительно знало всех своих героев и в лицо, и по именам, и по делам. Тогда, может быть, на скамье подсудимых будут действительно оказываться преступники, суд будет вынужден стать справедливым, а органы предварительного следствия и прокуратура прекратят считать себя продолжателями дела Вышинского и начнут РАСКРЫВАТЬ преступления и достойно представлять в судах государственное обвинение.

<http://postor0nnim-v.livejournal.com/4464.html>

Комментарий присяжного:

Будет пересмотр в Коллегии ВС по уголовным делам. Прокуратура в порядке кассации подаст жалобу, смысл которой будет в том, что в процессе имели место процессуальные нарушения - а именно, стороной защиты на присяжных оказывалось эмоциональное давление, что и склонило коллегию к определённому вердикту. На самом деле это не так, основное эмоциональное давление оказывалось прокурорами и, к сожалению, председательствующим судьёй. Но мы как-то не обращали на это внимания, приняв для себя как установку слова того же самого председательствующего: все доказательства, рассматриваемые в процессе в присутствии присяжных являются законными, незаконные реплики адвокатов, подсудимых, прокуроров и свидетелей не должны нами учитываться.

А реального нового следствия не будет. Там некоторые свидетели обвинения явно совершили ряд деяний, вменяемых подсудимым, но вся кухня в суде всплыла. Эти свидетели по закону были освобождены от ответственности за активное сотрудничество с органами предварительного следствия и "деятельное раскаяние" (слили "товарищей" и админов националистических сайтов в большом количестве), доказательств против них следствие собирать не стало (а сейчас уже поздненько), зато в качестве доказательств вины подсудимых представило показания этих самых свидетелей (и всё). Кроме того, в деле фигурировало десятка четыре неустановленных лиц. За 2 года следствие этих лиц установить не удалось. А одному из свидетелей обвинения за 2 года так для опознания и не предъявили обвиняемого. Опознание проходило в суде, причём прокурор свидетелю подсказал вполголоса: "Это он". Этот самый он от письменного описания, данного свидетелем по горячим следам, отличался примерно как покойный Шандыбин от тоже покойного Семёна Фарады. На вопрос - "по каким признакам Вы СЕГОДНЯ опознали лицо?" свидетель сказал - "по тем, что указаны в протоколе допроса двухлетней давности".

Много там вообще было интересного. Перед началом отбора нам сказали - "Процесс имеет большую общественную значимость" (т.е. - есть политический заказ). Я только за политический заказ на реальную борьбу с экстремизмом. Но заказ оказался на постановку дешёвого шоу.

http://community.livejournal.com/ru_antifa/370103.html?thread=2691767#t2691767

И ещё один комментарий присяжного:

Я хорошо просмотрел, как корпорация работает: судья и прокурор - в тесной связке. А в суде должна быть, всё-таки, состязательность сторон при независимом судье. А то найдут у меня под ковром гранатомёт за критику в адрес органов следствия и прокуратуры, а профессиональный судья меня осудит лет эдак на несколько. Причём, в прямом эфире под аплодисменты.

Какой механизм контроля Вы можете предложить? По-моему, суд присяжных - это как раз тот механизм, который человечество и придумало. Он, как и всё, что придумано человечеством, весьма несовершенен. Но предложите лучший. Когда будете думать, что предложить - представьте себе, что судят Вас по ложному обвинению, а прокурор с судьёй в сговоре.

http://community.livejournal.com/ru_antifa/370103.html?thread=2692791#t2692791

Последняя запись в блоге присяжного:

Я могу дать комментарий, который содержит только моё личное мнение, потому что закон запрещает разглашать тайну совещательной комнаты, т.е., в том числе, рассказывать кому-либо о том, какое мнение было у других присяжных.

Моё личное мнение вкратце таково (следует иметь в виду, что в присутствии присяжных могут быть оглашены только те доказательства, которые суд признал допустимыми; возможно, существуют материалы, полученные с нарушением закона и в связи с этим не допущенные председательствующим для оглашения в качестве доказательств в судебном заседании с участием присяжных, возможно - таких материалов нет).

1. По моему мнению, следствие выдумало группировку "Белые волки", как видно из самих материалов предварительного следствия, оглашённых в судебном заседании в присутствии присяжных. Было несколько молодёжных компаний - одна образовалась по идеологическому признаку, другая - дворовая компания подростков, сочувствующих ультраправым националистам, третья - вообще сформировалась по довольно случайному признаку. В одну группировку всех их объединило следствие, поскольку некоторые лица входили в две группы сразу или однажды случайно пересеклись. Во всяком случае, доказательств того, что все 12 подсудимых входили в организованную группировку "Белые волки" представлено не было.

2. Показания свидетелей обвинения по каждому эпизоду зачастую противоречили друг другу, содержали внутренние противоречия, показания, данные в суде, противоречили показаниям, данным на этапе предварительного следствия. Показания подсудимых, данные на этапе предварительного следствия по каждому эпизоду, зачастую противоречили друг другу, содержали внутренние противоречия. Ряд показаний, данных разными подсудимыми на этапе предварительного следствия, был будто написан "под копирку".

3. Доказательства обвинения в основном состояли из показаний свидетелей и подсудимых. Экспертизы, как правило, проводились с низким качеством ("ранение могло быть нанесено таким-то ножом или идентичным ему"; нож при этом не уникален, идентичный можно купить в палатке в подземном переходе), либо результаты экспертиз (например, какие обнаружены отпечатки пальцев на предмете, принадлежавшем убитому и найденному спустя месяц после убийства при обыске в жилище подсудимого посреди комнаты) не представлялись. Возможно, провести другую экспертизу и нельзя (не криминалист - не разбираюсь), но представленные в суде результаты экспертиз не позволяли, например, сказать, что конкретное ранение, повлекшее за собой смерть потерпевшего, явилось результатом нанесения удара конкретным ножом. С таким же успехом ранение могло быть нанесено и другими ножами, в том числе принадлежавшими подсудимым, которым соответствующее убийство не вменялось в вину. Сопоставление всей совокупности результатов экспертиз по всем эпизодам тоже не позволило мне сделать вывода о том, что конкретные лица были причастны к совершению конкретных убийств.

4. Складывалось впечатление (на основании материалов, представленных следствием), что следствие заключало сделку с некоторыми подсудимыми и свидетелями, при этом в ряде случаев сделка срывалась, но уже были собраны доказательства, каким-то образом выгораживающие указанных лиц. С какого-то момента собирались доказательства, существенно отличные от предыдущих или прямо противоположные. Сопоставив первые показания со вторыми, я сделал вывод, что ни те, ни другие с большой вероятностью не являются убедительными – кто что на самом деле совершил, осталось покрыто тайной.

5. Складывалось впечатление (на основании материалов, представленных следствием), что ряд эпизодов приписан некоторым подсудимым "до кучи", при этом реальные убийцы находятся на свободе.

<http://postor0nnim-v.livejournal.com/11180.html>

Подытоживая всё вышесказанное, хочется обратить внимание на одно важное обстоятельство, ставящее наш суд присяжных, при всех его недостатках, на голову выше суда присяжных, например, в США. Участие в суде присяжных в качестве заседателя в Америке – обязанность граждан от которой они могут быть освобождены только при наличии очень веских обстоятельств. Участие же в суде присяжных в РФ, по сути, является делом добровольным. Человек волен (по факту, а не по закону) вообще не являться на отбор присяжных заседателей в процесс, либо уже в процессе отбора взять самоотвод, а то и просто перестать ходить на заседания без объяснения причин (случаи наложения какого-либо наказания за такие поступки нам не известны). В итоге, в числе присяжных заседателей в России оказываются люди, *мотивированные* к участию в процессе. То есть наши присяжные считают себя не только **способными**, но и **обязанными** разобраться в сути дела, чтобы принять законное, обоснованное и справедливое решение. А это значит, что Суд присяжных в России, несмотря ни на что, имеет большие перспективы...

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

ТАКТИКА ЗАЩИТЫ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

ГЛАВА 9.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ С ПРИСЯЖНЫМИ

Praemonitus praemunitus (лат.)
«Предупреждён – значит вооружён!»

9.1 Теоретические сложности классификации тактик защиты

Суд присяжных часто называют театральной постановкой. Причем обвинители и прокуроры подразумевают под этим, что мол защита делает все, чтобы обмануть присяжных. Лицедействуют как в театре. Я согласен с тем, что суд присяжных – это театральная постановка, однако не в этом пошлом смысле, который вкладывают в него «государевы люди». Задача театрального представления не обмануть зрителя, а донести до него смысл, суть и идею постановки.

Две труппы могут играть одну и ту же пьесу. Зритель будет прекрасно понимать, что и в первом, и во втором случае – он имеет дело не с реальной жизненной ситуацией, а лишь с ее имитацией на сцене. Но если постановка какого-нибудь заштатного любительского театра вызовет у зрителя только ироничную, снисходительную усмешку, то постановка театра профессионалов действительно заставит зрителя рыдать, или смеяться, или задуматься о смысле жизни (в зависимости от того посыла, который вкладывается в пьесу). Принципиальное различие заключается в том – как и какими приемами пытаются донести до зрителя этот посыл.

Как заставить зрителя сопереживать героям постановки, при том что зрителю прекрасно известно, что это всего лишь актеры, исполняющие свои роли. Как, будучи стиснутым рамками доказательств и норм права, донести до зрителя – присяжного, именно свой посыл, свою трактовку событий, убедить заседателя в том, что именно эта трактовка является единственно верной? В этом и заключается искусство участника процесса.

Полагаю, каждый из читателей знает немало примеров, когда истина проигрывала вымыслу исключительно в силу невзрачности одежд, в которые она была облачена. Землю многие века считали центром вселенной, только в силу авторитета священных книг, в которых было так записано. Вот в этом то и заключается театральность суда присяжных, искусство защиты в нем – когда сторона защиты, используя свои знания, умения и интуицию, умудряется пробиться через «авторитет форменной одежды и должностных званий» и все-таки донести до присяжных альтернативную казенщине точку зрения.

Можно быть хоть тысячу раз правым, но, если не уметь свою правоту доказать, то толку от этой правоты не будет никакого. Мало обладать доказательствами невиновности подсудимого, надо уметь донести их до присяжных. В обычном суде – по закону подразумевается, что судья обладает необходимыми специальными навыками, позволяющими разглядеть истинный смысл в том или ином доказательстве, вне зависимости от «невзрачной оболочки» протоколов, в которую это доказательство облачено. В суде же присяжных, приходится учитывать еще и отсутствие у присяжных специальных навыков ознакомления, понимания и запоминания юридических текстов.

Хотя, по большому счету, это не претензия к присяжным. Совершенно не претензия. Дело в том, что трудные для понимания юридические термины и обороты, вообще-то, не должны перегружать составляемые следствием доказательства. Так, например, многие из практикующих адвокатов, полагаю, могут привести примеры совершенно диких косноязычных протоколов допросов свидетелей и подсудимых, когда следователь фиксирует в них только те обстоятельства, которые имеют значение для формулы обвинения, да еще и тем канцелярским языком, которым оформляются только официальные бумаги. Так и получаются протоколы допросов, в которых какой-нибудь забулдыга с четырьмя классами образования и без определенного места жительства, изъясняется высокобюрократическим штилем: «Я имел умысел на лишение жизни гражданина Сидорова, при этом я желал причинить ему множественные телесные повреждения и осознавал, что они влекут за собой особую жестокость содеянного». Мог ли «Иванов» убить «Сидорова»? Да, безусловно. Но мог ли он рассказать об этом таким юридическим новоязом? Да никогда в жизни! Следователь, фиксируя его показания, должен был записывать именно то, что «Иванов» отвечал, а не «пороть отсебятину» (формально – юридически грамотную, но фактически – совершенно неправдоподобную), и только потом, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, следовало бы «перевести» показания «Иванова» на юридический язык.

Читая это творение, профсудья, умудренный многолетним юридическим опытом, никаких противоречий «не заметит». «Иванов» это следователю сказал, где нужно протокол подписал, адвокат-назначенец рядом сидел – потолок разглядывал – так что все нормально, доказательство допустимое и достоверное, а значит кладем его в основу вывода о виновности «Иванова». Совершенно не так рассуждает не имеющий «юридических шор» присяжный заседатель. Услышав и осознав эту чудовищно-формалистское «признание», он невольно смутится от использованных фраз и полного их несоответствия сидящему перед ним подсудимому. Ну а если после этого сам подсудимый заявит, что «признание» из него выбили (и судья с прокурором тут же устроят истерику на тему незаконного давления на присяжных), то у присяжного все начнет расставляться на свои места. «Признание», написанное не языком подсудимого (да и вообще не человеческим языком), да еще и не подтвержденное в суде –

присяжный вряд ли сочтет это за достоверное доказательство вины. А уж если кроме этого признания других доказательств нет и не предвидится, да прокурор с судьей в ходе процесса систематически демонстрируют присяжным откровенно хамское поведение в адрес подсудимого и его защитника, то можно считать, что оправдательный вердикт наполовину вынесен.

Так что в данном случае задача защитника – обратить внимание присяжных на эти несуразности, показать на что именно надо обратить внимание, какие вопросы задать самим себе. Вырвать их из мира иллюзий, существующего под лозунгом «Просто так у нас никого не сажают».

Нету ли угрозы для общества, если присяжные оправдают виновного? Ну есть, конечно, хотя адвокаты считают, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. Но виноваты ли в этом всем присяжные заседатели, да и вообще институт присяжных? Конечно же нет! Виновата круговая порука «государевых мужей», начиная от халтурщика-следователя, которого покрывает начальник следственного подразделения (потому что других специалистов у него нет), далее в цепи – такой же прокурор, систематически подписывающий подобную ахинею в суд, и, наконец, люди в мантиях по этой ахинее на гербовых бланках отправляющие в лагерь подсудимых (в том числе невиновных). Они замыкают сбой «правоохранительный» круг. Так в чем же тут вина присяжных, стремящихся разобраться в деле по совести?

Перед отечественными правоохранительными органами давно стоит «дилемма Глеба Жеглова» - можно ли сфальсифицировать доказательство, когда ты уверен в том, что перед тобой преступник? Но даже если конкретный опер уверен, что перед ним преступник, то откуда такая уверенность возникнет у присяжных? И второй вопрос: а почему они в таком случае не должны быть уверены, что опер, фальсифицирующий доказательства, не еще больший преступник?..

Вот такие грустные размышления навевают необходимость раскрыть тему изучения доказательств в ходе суда присяжных... Что ж, это было лирическое отступление, а теперь переходим к прозе жизни.

* * *

Для защиты прямых путей в судебном процессе не бывает. То есть они описаны в УПК РФ, но и всего-то. Чтобы добиться чего-то (пусть и формально разрешенного законом) на практике, порой приходится изобретать немислимые комбинации и маневры, использовать эффект внезапности, многоходовые схемы и, в ряде случаев, идти на открытый конфликт с судьей и прокурором. Вот именно эти комбинации и маневры я и буду в дальнейшем называть тактикой защиты. Если стратегия защиты отвечает за целостную картину ведения дела от его возбуждения и до обжалования приговора в апелляции и кассации, то *говоря о тактике защиты, я имею в виду прежде всего набор методов и приемов предъявления доказательств, доведения информации до присяжных, совершения процессуальных и непроцессуальных действий – для наиболее эффективного движения в направлении достижения стратегических целей.*

Анализ тактики защиты в суде присяжных работа неблагодарная. Дело в том, что тактика, т.е. набор действий защитника и конкретные приемы их реализации, систематизации практически не поддаются. Адвокату в уголовном процессе приходится сталкиваться с великим множеством разнородных ситуаций, которые затруднительно даже перечислить, не то что систематизировать. А уж с учетом нюансов каждой конкретной ситуации, их многообразие становится поистине космическим. Поэтому при реализации той или иной тактической идеи, приходится учитывать массу факторов, как более-менее общих (например, общие закономерности проведения допроса или предъявления присяжным вещественного доказательства), так и совершенно индивидуальных – как то особенности личности допрашиваемого лица,

или индивидуальных характеристик исследуемого доказательства. В итоге вариант казуального перечисления всех возможных вариантов действий адвоката отпадает в виду его заведомой бесперспективности.

Более того, и выявление каких-то общих закономерностей, позволяющих как-то сократить массив информации о тактике защиты, также сопряжен со значительными трудностями. И первейшая (и, к сожалению, непреодолимая) проблема – это по каким критериям проводить систематизацию тактик и приемов? Ну вот, например, говоря о тактике допросов, можно было бы формально разделить их на допросы по процессуальному статусу допрашиваемого лица. Допрос свидетеля обвинения, допрос свидетеля защиты, допрос подсудимого и пр. Это вполне корректно с научной точки зрения, но в большинстве случаев, совершенно бесполезно с практической. То же формальное деление на свидетелей защиты и свидетелей обвинения имеет значение только в смысле определения порядка – какая из сторон допрашивает его первой, какая – второй. И все. На этом практическая ценность такой систематизации заканчивается и начинается суровая правда уголовного процесса, которая заключается в том, что как таковых различий в показаниях свидетелей этих двух типов нет.

Полагаю, любой практикующий адвокат может привести немало примеров, когда показания свидетеля обвинения, прекрасно укладывались в защитительную позицию подсудимого, и напротив, когда свидетель, приглашенный стороной защиты, в результате каких-то причин давал показания, которые приводили в восторг прокурора.

Значит следует делить не свидетелей, а показания – на защитительные и оправдательные? И снова мимо цели. Самые прекрасные показания все равно приходится оценивать в совокупности с другими доказательствами по делу, и если кто-то из свидетелей вдруг начинает давать показания, например, об алиби подсудимого, в то время как присяжным представлены убедительные доказательства их опровергающие (съемки камер наружного наблюдения, биллинг мобильного телефона и пр.), то такие вот «оправдательные показания» скорее пойдут подсудимому во вред, поскольку наверняка будут оценены присяжными как фальсификация.

Нет смысла классифицировать и тактические приемы по субъекту и объекту их применения, по целям и задачам, которые пытаются ими достигнуть. Нет возможности классификации по силе воздействия, убедительности или каким-либо иным оценочным психологическим характеристикам. В общем, ситуация с классификацией тактических приемов и методов выглядит совершенно безнадежной, и именно такой, по сути и является.

В итоге, в рамках настоящей книги не остается ничего другого, кроме как попытаться дать хотя бы выборочный обзор наиболее общих принципов реализации тактики защиты и наиболее типичных ситуаций, складывающихся при реализации по делу стратегии защиты. Без какой-либо претензии на полноту и научность и ориентируясь, прежде всего, на частоту возникновения и практическую ценность.

И еще один момент. Описывая те или иные ситуации, возникающие по делу, я далеко не всегда буду давать конкретные методы реакции на них стороны защиты и конкретные меры противодействия. Не то чтобы таких приемов нет. Они есть, но часть из них утратит свою эффективность, если станет широко известна, а другая часть вообще находится на грани закона (расплата за эффективность). Так что увы, но в большинстве случаев конкретики не будет. Впрочем, как говорили римляне - «Предупрежден, значит вооружен». Если уж Вы решили идти на суд присяжных, то проявлять должную изобретательность при планировании работы – ваша первостепенная задача. Так что зная о типичных возникающих ситуациях по делу (о которых будет сказано ниже), следует самостоятельно, с учетом специфики конкретного дела, заранее продумать возможные ответные действия защиты. Я уверен, что ваши находки и авторские приемы будут ничем не хуже, а вероятно и лучше моих собственных. Достаточно просто не сковывать свою фантазию формальностями, смотреть на проблемы максимально широко и нестандартно. Дерзайте!

9.2 Общие особенности тактических приемов защиты. Тактические цели

Основные отличия тактики защиты в суде с участием присяжных заседателей от тактики защиты в суде с профсудьей, на наш взгляд, следующие:

- Повышенные требования к понимаемости, запоминаемости и убедительности, предъявляемых присяжным доказательств (об этом мы еще поговорим подробнее в главе, посвященной психологии суда присяжных);
- Более интенсивное (чем в процессе с профсудьей) противодействие предъявлению доказательств защиты со стороны суда и обвинения путем внепроцессуального или оспоримого процессуального воздействия. Этому вопросу мы уже касались в главе, посвященной внепроцессуальному конфликту в суде присяжных, но будем еще подробно обсуждать, говоря о формах саботажа работы защиты со стороны прокуроров и судей;
- Существенные процессуальные ограничения на изучение доказательств присяжными (а этот вопрос будет изучен в разделах, посвященных анализу судебной практики по делам с участием присяжных заседателей).

Как уже отмечалось, составить полную классификацию тактических приемов защиты невозможно, однако вполне реально сформулировать некоторые общие требования к применяемым защитой тактическим приемам. Прежде всего, это относится к *целям, которым должны соответствовать действия стороны защиты*. К таким общим целям любого тактического приема можно отнести следующие.

9.2.1 Снижение уровня доверия к доказательствам обвинения и повышение уровня доверия к доказательствам защиты

Очевидно, что от убедительности доказательств, которыми оперируют стороны, зависит исход дела в целом. Однако оглашение протокола следственного действия, предъявление вещественного доказательства или озвучивание свидетелем тех или иных сведений – это только половина дела. Мало определиться с тем, что представить присяжным, надо еще уметь правильно это реализовать. От формы подачи доказательства, в немалой степени, зависит его убедительность и оценка его относимости и достоверности.

Как вы помните из УПК РФ, доказательство должно отвечать трем требованиям – оно должно быть относимым, допустимым и достоверным. А вся совокупность доказательств по делу должна быть достаточной для принятия решения. Вот именно через эту призму и нужно вести разговор о тактических приемах защиты. То есть любые действия стороны защиты в отношении аргументов обвинения должны быть направлены на оспаривание – или хотя бы постановку под сомнение – их относимости, допустимости и достоверности, а также недостаточности всех доказательств в совокупности. Если же речь идет о доказательствах защиты, то цель тактики защиты меняется на противоположную.

При этом, с учетом специфики суда присяжных, вопросы допустимости доказательства поднимать в присутствии присяжных смысла не имеет. Анализ же относимости и достоверности доказательства должен проводиться не только в отношении каждого конкретного доказательства, но и с учетом всей совокупности доказательственной базы по делу.

И еще один момент – конечно в УПК РФ сказано, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной юридической силы. Однако декларация – это одно, а суровая процессуальная реальность – совершенно другое. Особенно это следует учитывать в суде присяжных. Так, если оцениваются показания свидетеля о каком-

либо значимом для защиты факте, то достоверность показаний будет меняться от самой низкой (если об этом факте говорит подсудимый), до самой высокой – если об этом сказал свидетель, приглашенный стороной обвинения. Естественно играет роль и то, КАК именно будут даваться показания – сбивчиво или четко, какой мимикой и жестами они будут сопровождаться и т.д. Одним словом, сторона защиты должна работать как с содержанием, так и с формой подачи доказательства.

9.2.2 Снижение уровня доверия к стороне обвинения и председательствующему и повышение уровня доверия к стороне защиты и подсудимым

В определенной степени этот пункт можно считать более общим случаем предыдущего. Однако, если выше речь шла о работе с доказательствами, то в данном случае разговор ведется о ситуациях, складывающихся в ходе рассмотрения дела и не связанных напрямую с исследованием доказательств. К ним можно отнести и обсуждение каких-то организационных вопросов, и поведение в конфликтных ситуациях, и стилистику действий сторон вообще в ходе всего процесса.

Помните, присяжный заседатель проявляет большую чуткость к оценке достоверности доказательств, чем судья. Потому что для присяжного играет первостепенную роль не столько соблюдение формальных требований к доказательству (их то он по сути и не изучает), а прежде всего соответствие доказательства его собственным представлениям о том, как именно должно выглядеть достоверное и убедительное доказательство. А также о том, как должен выглядеть и вести себя человек, который заслуживает доверия...

Но для начала приведу примеры из ежедневной практики судопроизводства. Той «кухни» в которой варятся присяжные, и мы вместе с ними. Так, несколько раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда по каким-то причинам, связанным со стороной защиты, откладывалось заседание (например, кто-то заболел) и судья давал указание секретарю сообщить присяжным заседателям, что сегодня заседания не будет по вине стороны защиты.

Еще один прием суда – когда защитник делает что-то, что по мнению председательствующего незаконно (например, задает не такой вопрос), судья снимает вопрос и пускается в длительные объяснения назидательным тоном об ошибках стороны защиты и умышленном характере их совершения, направленном на оказание незаконного воздействия на присяжных заседателей.

Другой вариант – судья, используя малейшую провинность адвоката, начинает устраивать ему разнос, в ходе которого пытается отчитывать его как нашкодившего школьника. Обычно в таких случаях неплохо работает заявление о том, что УПК РФ не предусматривает такой формы общения защиты и судьи в ходе заседания как полемика. В большинстве случаев действует отрезвляюще...

Да, конечно, авторитет мундира и мантии имеет место быть. Человек в форменной одежде как бы по умолчанию имеет повышенный авторитет в глазах граждан, особенно старшего поколения, воспитанного на фильмах «Следствие ведут знатоки» и «Место встречи изменить нельзя». Но с другой стороны, и это тоже трудно не заметить, сама правоохранительная система формирует из судей и прокуроров весьма специфические типы. Длительное и систематическое отравление организма ядом барской вседозволенности, дает о себе знать даже в тех случаях, когда это пытаются тщательно скрывать. Бронзовеющая из процесса в процесс (имеются в виду процессы без присяжных) уверенность в бессмысленности аргументов защиты, демонстративно наплевательское к ним отношение, четкое осознание того, что даже очевидный абсурд и беззаконие будут прикрыты вышестоящими инстанциями, а самые разумные и убедительные аргументы защиты будут ими отброшены даже без поверхностного изучения – все это постепенно становится сутью наших обвинителей и судей. Увы.

Железобетонная уверенность в своей правоте (даже если в глубине души они и понимают, что правоты то никакой нет) и демонстративное игнорирование всего, что идет вразрез с их мнением (включая закон), постепенно становятся видны невооруженным взглядом всем. Эта надменность и безапелляционность читается в фигуре, поведении, взгляде и словах отечественных судей и прокуроров. Но если в обычном процессе наблюдать за их поведением имеют сомнительное удовольствие только подсудимые и адвокаты, то в процессе с присяжными в дело вступает еще и коллегия. Те самые простые люди, которые «судьи улицы», те самые, которые привыкли сталкиваться с хамством и вседозволенностью чиновников, мелких государственных клерков, да тех же полицейских в конце концов. И вот неожиданно роли меняются – теперь не простые граждане вынуждены обхаживать чиновников чтобы решить какой-либо пустячный вопрос, а эти самые государевы люди (аж целый прокурор с судьей!) вынуждены искать благосклонности у представителей народа. И эти самые «судьи улицы», может и забудут на время «старые обиды», но совершенно точно не простят государевым людям ни хамства, ни лицемерия, ни довольной гримасы вседозволенности на лице во время судебного процесса.

Когнитивный диссонанс, возникающий в мозгах обвинителей и судей от такой смены ролей, выливается порой в весьма любопытные и неожиданные (даже для них самих) проявления. И вот тут-то и должен сыграть свою роль адвокат, для того чтобы не дать им скрыть свою натуру, а наоборот – еще полнее проявить ее перед присяжными. Проявить ее так, чтобы любому человеку (присяжному особенно) стало понятно – «нет, этим товарищам доверять нельзя, для них любой человек – это винтик, сотрут в лагерную пыль и не вздрогнут».

Да, конечно, я понимаю, что эту книгу в том числе прочтет несколько (может быть даже десятков) судей и прокуроров. Однако не думаю, что вышесказанное хоть как-то усилит их позиции в суде. Изменить себя большинству этих государевых людей – не только не под силу, но и не нужно. Тем же немногим судьям и прокурорам, что все-таки умеют подбирать ключик к сердцам и разуму присяжных, все вышесказанное и так хорошо известно. Их, кстати, без всякого сомнения можно назвать профессионалами. Но профессионалов, увы, не много, в основном имеем дело с простыми исполнителями...

9.2.3 Саботаж и контрсаботаж

«Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав». Наверняка вы это читали. Но если работали в суде, то также наверняка знаете, что к процессуальной действительности это имеет весьма отдаленное отношение, и процесс с участием присяжных заседателей не исключение, а скорее наоборот – наиболее типичный пример обвинительного уклона российской судебной системы.

Говоря о взаимодействии суда и защитника по уголовному делу, рассматриваемому с участием присяжных, причем говоря по-мужски прямо и открыто, вполне можно вести разговор о систематическом умышленном саботаже работы защиты со стороны обвинения и суда. Увы, но это характерно для большинства процессов с участием присяжных заседателей. Нет, конечно, я не утверждаю, что этот самый саботаж присутствует в каждом процессе, и со стороны каждого председательствующего, но если все-таки вы с ним столкнулись (или столкнетесь), то полезно хотя бы в общих чертах представлять себе, что это такое и как с ним бороться. Потому что борьба с саботажем или контрсаботаж – это, конечно, тоже одна из тактических целей работы защиты.

В принципе, форм и методов саботажа (противодействия работе) защиты существует великое множество. Перечисление всех существующих методов – занятие неблагодарное. Во-первых, само по себе перечисление не даст сколько-нибудь

практической ценности (ну разве что для стороны обвинения и суда – чтоб не ломать голову над тем, как отказать защите в очередном ходатайстве), во-вторых, этот список постоянно меняется и дополняется. Наконец, никакой практической ценности для стороны защиты такой перечень иметь не будет, поскольку методы работы обвинения и суда корректируются в зависимости от творческих начал каждого конкретного судьи или прокурора, а также обстоятельств уголовного дела. То есть этот список, даже если бы он и был составлен, никак не улучшил бы положение защиты и не помог бы ей в составлении планов противодействия саботажу.

Поэтому лучше сказать о другом. О том, что саботаж может осуществляться как в процессуальной, так и непроцессуальной форме. В первом случае – для запретов и ограничений используются формально-нормативные предлоги. Например, своеобразные трактовки судьями статей УПК РФ, регламентирующих пределы судебного заседания или полномочия присяжных. Ко второму же случаю относятся различные внеправовые методы осложнения работы защиты.

9.3 Тактические приемы суда

Вот все эти выше обозначенные формы и методы противодействия суда защите, пожалуй, следует вынести в отдельный параграф.

9.3.1 Саботаж допросов, проводимых стороной защиты

Вообще, в силу значимости, допросу в суде присяжных будет посвящена отдельная глава, поэтому пока ограничусь только некоторыми аспектами данного вопроса. Саботаж допросов, проводимых стороной защиты, весьма широк по применяемым приемам и методам, в число которых входят: снятие вопросов под различными [надуманными] предлогами; запрет на дачу ответов по конкретным вопросам; запрет на выяснение конкретных обстоятельств, деталей; прерывание допроса под различными предлогами; переформулирование вопросов защиты председательствующим; нарушение порядка допроса путем задавания вопросов судьей вопреки установленной очереди; комментирование ответов допрашиваемого и др. Или вот типичный пример судейской «хитроумности» – судья запрещает говорить свидетелю о каких-то документах или предметах на том основании, что «мы их еще не изучали», зато когда защита поднимет вопрос об их изучении в дальнейшем – заявит, что нет оснований их изучать. Обоснованием тому могут стать отсылки к статьям УПК РФ (в которых вообще не о том) или ссылки на «процессуальность» и «процедурность» вопросов, их направленность на выяснение данных о личности участников процесса и пр., но, когда подобрать даже примерную норму не удается, обоснований для запрета может и вообще не быть. Нельзя, потому что нельзя. Будьте к этому морально готовы.

Также применяются такие приемы как провоцирование свидетелей или подсудимых на нарушение порядка в ходе выступления для последующего объявления им замечаний, предупреждений или удаления из зала суда.

Например, в одном из процессов систематически применялся следующий прием: в ходе допроса свидетеля адвокатом прокурор либо начинал комментировать ответы, либо с места делал заявления о некорректности вопросов и т.п. Защитник, естественно, реагировал на это, заявлял о ложности или незаконности утверждений прокурора. После чего судья радостно «замечал» только реплики адвоката и объявлял последнему многочисленные предупреждения. Делалось это демонстративно, нагло и грубо. Правда, такая тактика в итоге по делу успеха ни прокурору, ни судье не принесла (если, конечно, не считать успехом, понижение их авторитета в глазах присяжных до отрицательных величин).

Наконец, в качестве наиболее жестких приемов саботажа допроса защитой следует упомянуть прерывание допроса под различными предлогами (окончание рабочего времени, недопустимое поведение допрашиваемого или защитников и т.п.) и

принятие решения об удалении допрашиваемого из зала суда (типа за нарушение порядка в соответствии со ст. 258 УПК РФ).

9.3.2 Саботаж исследования доказательств

Помимо уже описанных запретов на представление доказательств, связанных с их недопустимостью, неотносимостью и «неогласимостью», широки возможности «технического саботажа». Например, для воспроизведения некоторых видеоматериалов (в основном кассет со съемками следственных действий), порой бывает необходима видеотехника конкретных моделей или форматов. Далеко не всегда суд оказывает помощь в изыскании и использовании данной техники (ну исходя из того в чью пользу эти видеодоказательства – защиты или обвинения).

Или еще один вариант – суды достаточно часто накладывают ограничения на демонстрацию присяжным вещественных доказательств и документов, причем ограничения эти могут быть самого разнообразного вида, завися только от ничем не сдерживаемой судейской фантазии. Например, запрещают пояснять к какому эпизоду относится то или иное доказательство (!), запрещают передавать его в руки присяжных и т.д. В одном из процессов защите отказали в возможности поставить затвор исследуемого пистолета (естественно разряженного) на затворную задержку в связи с тем, что это «может быть небезопасно».

Еще один часто встречающийся (и тоже не предусмотренный законом) запрет – это запрет на демонстрацию свидетелю в ходе допроса того или иного доказательства по делу.

Словом, на помощь суда в истребовании тех или иных доказательств лучше всего не рассчитывать. Регулярно требуемые защите доказательства признаются неприемлемыми еще до их истребования...

9.3.3 Подыгрывание обвинению

Это следует также признать одной из специфических форм саботажа. Заключается она в сознательном создании судом перекоса в правах и обязанностях сторон, установлении для стороны обвинения режима наибольшего благоприятствования в различных аспектах судебного разбирательства. Здесь и различные требования к приемлемости тех или иных доказательств, вопросов для допрашиваемых и пр. и пр. Широко известны случаи, когда судья регулярно меняет требования к допросу, проводимому защитой, по сравнению допросом обвинения. Вплоть до того, что одни и те же вопросы, заданные адвокатом и прокурором, он в первом случае снимает – а во втором признает допустимыми.

Конечно, если задаться целью привести конкретные примеры, можно исписать не один десяток страниц, но мы поступим проще. Суть этого приема саботажа прекрасно описывается римской пословицей – что позволено Юпитеру, не позволено быку. Естественно, что в роли Юпитера у нас прокуратура, а на защиту выпадает незавидная роль всего остального.

9.3.4 Саботаж привлечения специалистов, экспертов и пр.

Подробнее об этой и других формах саботажа реализации процессуальных прав защиты будет сказано немного ниже, впрочем, и без особых разъяснений понятно, что возможность пригласить в судебное заседание специалиста для опровержения позиции обвинения сторона защиты имеет право только на бумаге. Разрешать это в реальном судебном процессе – дураков нет. Также, как и удовлетворять другие ходатайства адвокатов, на которые они имеют право только в теории.

9.3.5 Непроцессуальный саботаж работы стороны защиты

В числе подобных приемов можно указать, в первую очередь, установление неприемлемого графика рассмотрения дела. Да, суд с участием присяжных, конечно же, требует от сторон (в том числе и защиты) определенных жертв – в плане адаптации своего собственного графика под график судебных заседаний. Сама по себе организация процесса с присяжными во много раз сложнее организации процесса без присяжных, хотя бы по причине гораздо большего количества обязательных участников процесса. Однако в этом вопросе судьи регулярно переходят границы разумности и приемлемости планируемого графика судебных заседаний. В частности, для этой формы судопроизводства характерно проведение нескольких заседаний в неделю (порой четыре- пять заседаний – то есть каждый рабочий день недели), в результате чего у стороны защиты элементарно не хватает времени для работы в СИЗО с подзащитными. Подобный форсированный темп судебных заседаний лишает защиту и подсудимых возможности нормальной подготовки к процессу, затрудняет возможность обеспечить вызов свидетелей, истребовать необходимые документы и т.д. Ряд судей проявляет изрядное воображение и устанавливает для защиты собственные нормативы представления доказательств в суд (только определенное количество свидетелей и/или определенное число судебных дней для представления доказательств и т.д.).

Приходится сталкиваться с «фокусами суда» и с использованием СИЗО. Так, по одному из дел в котором мне пришлось участвовать, нескольким подсудимым, отрицавшим свою вину, по очевидно фиктивным поводам была изменена мера пресечения с залога и домашнего ареста на содержание под стражей. Более того, часть из этих подсудимых, по постановлению суда, была этапирована в СИЗО, находившийся в соседнем населенном пункте, что, помимо прочего, повлекло за собой и существенное увеличение сроков доставки подсудимых в суд. Правда, в итоге оказалось, что судья, как известная унтер-офицерская вдова, сам себя высек, поскольку организация доставки десятка подсудимых, да еще и из разных изоляторов, систематически вызывала задержки начала судебных заседаний на значительное время...

Это уже не говоря о таких «милых» мелочах, как запрет адвокатам пользоваться в зале суда электрическими розетками для подключения ноутбуков.

Одним словом, в больших процессах с большим количеством подсудимых и адвокатов, сторона защиты регулярно оказывается в крайне стесненных условиях. Причем, в том числе, и в буквальном смысле, когда в судах почему-то «неожиданно» начинает не хватать столов и скамеек...

9.4 Противодействие саботажу суда

Впрочем, пока прервемся в живописании судейских приемов и методов. Пожалуй, имеет смысл лучше сказать несколько слов об *общих принципах (направлениях) противодействия саботажу со стороны суда*. К их числу можно отнести следующие:

- **Преодоление саботажа процессуальными методами.**

В данном случае, полагаю, дополнительно что-либо пояснять не надо. Заявление ходатайств, возражений, отводов, принесение жалоб и т.п.

- **Преодоление саботажа в рамках внепроцессуального конфликта.**

В данном случае имеется в виду преодоление саботажа в рамках внепроцессуального конфликта, описанного ранее. Здесь в ход идут выкрики, предъявление доказательств, вопреки требованиям председательствующего и пр.

- **Преодоление саботажа посредством «оперативных комбинаций».**

Метод эффективный, но требующий изрядной доли воображения от участников. Задача – путем придуманной комбинации довести до сведения присяжных обстоятельства, которые в обычном режиме будет запрещено доводить. Речь тут о многочисленных примерах «адвокатских хитростей», которые какой-либо классификации не поддаются, поскольку придумывание таких комбинаций – это чистой воды искусство.

Сюда же можно с полным на то правом внести приемы и методы, направленные на *создание по делу нестандартных ситуаций*, при разрешении которых в условиях стресса и ограниченности времени обвинение и суд будут допускать ошибки, которые в дальнейшем сможет использовать для своих целей защита. Основой этого приема является тот простой факт, что работа суда и прокуратуры – это в большинстве своем весьма шаблонное действие. Для тех же работников суда и прокуратуры, которые пытаются действовать нестандартно и творчески, есть бюрократическая дубина в виде многочисленных инструкций, циркуляров и в конечном счете начальства. Почитайте обвинительные речи прокуроров в обычных судах – они пишутся как под копирку, меняй только даты, статьи и фамилии. Или почитайте постановления судов об отказе в удовлетворении ходатайств защиты – они выглядят так, будто их писал один и тот же юридический робот, причем далеко не самый лучший. Шаблонность действий и решений вырабатывает шаблонность реакции на любые ситуации, шаблонность мышления. И вот если эту шаблонность нарушить («разорвать шаблон»), то вот тут-то и начинаются настоящие чудеса! Оказавшись в ситуации для которой нет стандартных решений, «юридическим роботам» приходится на ходу придумывать как на нее реагировать, а вот с этим то у «шаблонных юристов» очень туго. Прибавьте к этому наличие такого стрессового фактора как коллегия присяжных (которая все видит и оценивает), и вы поймете насколько это неприятный для обвинения и суда метод. Оказавшись в нестандартной ситуации прокурор и суд делают ошибки, дают многочисленные апелляционные поводы и, в конечном счете, выставляют себя в неприглядном свете в глазах присяжных заседателей.

Как можно добиться такого результата, как «порвать шаблон»? Тут все снова зависит от вашей собственной фантазии и умения импровизировать. Здесь идут в ход и нестандартные ходатайства и возражения, и нестандартные приемы и методы при допросе и изучении доказательств. Да что там говорить, даже реплики стороны защиты, отличающиеся от нормы, уже выводят суд и прокуратуру из самодовольной полудремы. Ну а после того, как метод использован – необходимо приложить максимум усилий чтобы собрать дивиденды: зафиксировать реакцию, выявить в ней что-нибудь ценное для защиты и должным образом на нее прореагировать.

- **Преодоление саботажа путем активного информационного сопровождения дела.**

Этому способу уже была посвящена отдельная глава ранее. Суть способа заключается в том, чтобы доводить до сведения присяжных информацию «обходным путем», то есть путем размещения информации в СМИ, сети Интернет и т.д.

- **Преодоление саботажа путем аналитической работы с доказательствами обвинения.**

Имеется в виду умение использовать для доказывания позиций защиты должным образом переосмысленные и истолкованные доказательства обвинения. То есть речь идет об адаптации версии защиты под сложившиеся по делу обстоятельства. Да, защите не дали использовать свои доказательства, но тогда доказывать невиновность будем доказательствами обвинения.

- **Преодоление саботажа путем подстройки под действия суда и обвинения стратегии и тактики защиты**

О чем речь? Проще всего примером – в одном из процессов председательствующий запрещал в присутствии присяжных приносить возражения на любые действия любых участников процесса, высказывать самые простые непроцессуальные ходатайства и прочее. Однако с течением времени опытным путем было установлено, что председательствующий допускает с предварительного своего разрешения подход адвоката к столу председательствующего и обсуждение вопроса с ним в такой форме. Причем иногда, это даже давало положительный эффект для защиты.

В другом процессе судья весьма жестко пресекал вопросы допрашиваемым в форме «Правильно ли я вас понял...?» (судья тут же заявлял, что суд не интересуется, что и как понимает защитник), «Как вы считаете...?» (такую форму вопроса судья не допускал по причине того, что свидетель должен рассказывать о том, что наблюдал или слышал лично, а не о каких-то своих измышлениях). Что ж, пришлось переформатировать свои вопросы с учетом этих требований. Не беда.

Кроме того, есть и ряд методов законного саботажа, которые уже сторона защиты может применить в отношении суда и обвинения. По большому счету это, в первую очередь, затягивание сроков судебного рассмотрения с целью добиться истечения сроков давности, либо развала коллегии присяжных. Однако это весьма специфическая задача и куда более часто защита работает на **создание апелляционных поводов для дальнейшего обжалования негативного решения по делу**. Здесь, полагаю, практикующему юристу-судебнику ничего дополнительно объяснять не надо. Выявляем нарушение со стороны председательствующего либо обвинителя, документируем его наилучшим образом и держим в памяти пока его час не настанет (лелея надежду, что все-таки «не настанет»). Однако, не мы одни такие умные, и порой суд и обвинение специально закладывают под приговор «бомбы», которые потом можно будет взорвать если приговор будет оправдательным, а если обвинительным – то их никто как бы и не заметит...

Подводя итог сказанному, следует сформулировать общее требование, предъявляемое к тактическим приемам защиты – хорошим тактическим приемом в суде присяжных следует признать тот, который при сохранении эффективности, может быть реализован без помощи судьи. Идеальным – тот, который может быть использован вопреки судейской воле.

ГЛАВА 10.

ПСИХОЛОГИЯ ЗАЩИТЫ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

В понедельник до восхода солнца встаньте перед главной дверью своей квартиры или дома. Это не обязательно входная дверь, но она именно что «главная» - хорошенько подумайте какая из ваших дверей главная. Заранее приготовьте четыре восковые свечи и зеркало. Повесьте зеркало на дверь, зажгите свечи, расставив их в направлении четырех сторон света, и произнесите такие слова:

*«Старый серый волк бежал в лес искать зайца серого.
Зайца догнать не смог, но нашел удивительный ларец кованный,
весь в позолоте и серебре.*

Замок на ларце том велик. Ключ от ларца того спрятан в глубоком озере.

Нужно мне тот ключ найти меж водорослями и камнями.

Не человеку, не волку, а рабу Божьему (имя).

Ключ отыщу, замок отомкну, клад найду, себе заберу. Аминь!».

Четырежды повторите заговор, поворачиваясь на каждую сторону света. Затем поочередно потушите все 4 свечи, снимайте зеркало и ни в коем случае не идите «досыпать».

В этот день вам нужно трудиться в полную силу дома и на работе, вечером вы должны валиться с ног! В течении следующего месяца вы заметите изменения в лучшую сторону!

Заговор «На удачу», откуда-то с просторов Интернета...

В современной юридической литературе, действительно, уделено значительное внимание вопросу психологии работы защитника в суде присяжных. Однако с сожалением приходится констатировать, что большинство работ по этой тематике страдают несколькими недостатками, порой сводящими на нет всю их практическую ценность.

Во-первых, в силу специфичности предмета исследования, почти невозможно дать целостную и последовательную методику применения психологических знаний в судебном процессе. Это, прежде всего, обусловлено значительным количеством психологических школ, концепций и подходов (зачастую конкурирующих между собой).

Более того, для психологии характерно и обилие антинаучных гипотез и направлений, которые обещают своим адептам «золотые горы» при минимуме усилий (оставляя их в конечном счете у груды битых черепков). Во-вторых, из-за обилия конкретных ситуаций, которые могут складываться в судебном процессе, значительным количеством субъектов и объектов, взаимодействующих в ходе судебного заседания, крайне сложно выстроить на этой зыбкой почве какую-то единую универсальную теорию.

Поэтому, начиная рассмотрение заявленного в названии главы вопроса, хотелось бы прежде всего определиться с тем базисом, на котором, собственно, и будет строиться все дальнейшее рассуждение. Возьму на себя смелость утверждать, что ко всем тактическим приемам защиты, используемым в суде присяжных заседателей, применимы три принципиальных требования, не играющих существенной роли в процессе с профсудьей, но имеющих архиважное значение в суде с коллегией, а именно – *Понимаемость, Запоминаемость и Убедительность доказательств*. То есть, совершая любые действия по делу – допрашивая ли свидетелей, или, например, вступая в словесную перепалку с судьей или прокурором – позиция защиты в этом микроэпизоде должна быть в глазах присяжных понятна, запоминаема и убедительна.

10.1 Преклонение перед психологизмом

Изучением закономерностей, возникающих в ходе общения людей между собой, занимается психология. Присяжные – люди. Суд с участием присяжных заседателей – это постоянное общение участников процесса друг с другом. Пусть и не всегда (в силу специфики судебных правил) вербальное.

Таким образом, психологии «на роду написано» войти в инструментарий адвоката, работающего с присяжными. Однако психология в этом инструментарии должна находиться на строго отведенном для нее месте. Недопустимо как недооценивать значение и возможности психологии, так и переоценивать их...

Что ж, как уже отмечалось выше, в большинстве книг, посвященных суду присяжных, можно встретить буквально преклонение перед психологией, причем в весьма вульгарной форме. Авторы таких работ, судя по всему, на полном серьезе считают (судя по их текстам), что одни и те же психологические приемы всегда будут давать одни и те же результаты, причем в любых условиях применения и в отношении любого индивида. Приводимые ими в своих работах приемы и методы, в лучшем случае, являются частными случаями более общих и глубоких психологических закономерностей, в худшем – представляют собой мистически-юридические ритуалы, которым авторы без каких-либо оснований приписывают чудодейственные способности.

Спору нет, в психологии существуют закономерности, позволяющие в определенной степени привлечь внимание к обсуждаемому вопросу, повысить убедительность своих аргументов или увеличить шансы, что их запомнят более качественно. Если бы авторы ограничивались только такими рекомендациями, это можно было бы лишь приветствовать. Однако дело в том, что в таких работах читателя

частенько пытаются убедить в том, что существуют некие общие закономерности в поведении человека, которые проявляются везде и всегда, и в том числе в суде присяжных. То есть речь идет о самом примитивном понимании бихевиоризма, что де исполнив определенный ритуал (использовав конкретный раздражитель) – всегда, ну или почти всегда – можно получить заранее известную реакцию. Фактически речь идет о некоем гимне детерминизму. Действительно, в теории, как правило, можно из начальных предпосылок вывести результат, однако жизнь – не теория, и в настоящее время невозможно не то что учесть, но даже составить сколько-нибудь полный перечень факторов, значимых для поведения и решений присяжного заседателя в суде.

Одной из главных фундаментальных ошибок сторонников такого «панпсихологизма» в суде присяжных, является тотальное преклонение перед идеей жесткой детерминированности (обусловленности, predeterminedности) любой психологической реакции. Однажды увидев интересный и необычный маневр защиты, давшей положительный результат, они наделяют его абсолютной силой и самооценностью. На практике же, predeterminedность может существовать только в весьма грубых и простых формах. Например, вероятность согласия присяжных с утверждением, что человек с одной ногой бежит явно медленнее, чем человек с двумя, но гораздо быстрее, чем человек находящийся в коматозном состоянии – близка к 100%. Но говорить, что адвокат в новом дорогом классическом костюме будет для присяжных более убедителен, чем адвокат в джинсах и свитере – это уже, как минимум, безосновательно и самонадеянно.

Впрочем, и обратное утверждение также не будет иметь никаких оснований. Дело в том, что на присяжных в ходе процесса воздействует масса факторов, которые нельзя не то что учесть, но даже выявить. Так, скажем, дорогой костюм адвоката, который (по одной из версий) должен внушать к нему доверие и уважение, может стать объектом едкого высказывания какого-либо присяжного в совещательной комнате «Ну такого дорожущего адвоката на честно заработанные деньги не наймешь». А с учетом того, что присяжные, в большинстве случаев, состоят из мелких отставных чиновников, работников низового звена, да и просто пенсионеров и безработных, то данный «яд» может найти свою цель в душе даже самого объективного присяжного... А может и не найти. А может никто про костюм вообще и не скажет, но кто-то обязательно подумает. Короче, никакой определенности и predeterminedности. Но если разобраться, влияние дорогого костюма, на самом деле, это частный случай более общей и подтвержденной экспериментально закономерности, касающейся периферического способа обработки информации. В этом случае доминирующее значение имеет именно способ подачи информации, а не ее содержание. Но об этом мы подробнее еще поговорим ниже...

А пока давайте подумаем над таким распространенным «поверием» (среди защитников и их доверителей), что клетка в которой содержатся подсудимые, наручники, конвой и прочие элементы «тюремной культуры» - производят на присяжных серьезное влияние и исподволь склоняют их к уверенности, что подсудимый страшный преступник, которого следует изолировать от общества.

Пусть так, но теперь представьте, что в ходе процесса защите все-таки удалось зародить у присяжных сомнения в виновности подсудимого. Как теперь будут восприниматься эти решетки и оковы? Как вопиющая несправедливость! Они будут вызывать у присяжных уже не страх перед подсудимым, а сочувствие к нему, желание помочь ему избавиться от этой несправедливости. Ну и также появится гнев в отношении тех, кто его несправедливо обвинил, т.е. в отношении прокурора и судьи (который прокурору потакал)... Короче говоря, важна не только информация и способ ее подачи, но и контекст в котором она подается. А здесь уже никаких единых закономерностей вообще не выявишь...

Психология присяжного существенно отличается от психологии обычного человека, идущего по улице. Прежде всего, присяжному в течение всего процесса так или иначе говорят и регулярно напоминают, что его задача быть объективным,

абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, руководствоваться только доказательствами, которые он услышит и увидит на суде и т.д. Как повлияют на психологию присяжного и на его оценку фактов эти наставления? Также не забываем о том, что не редки случаи, когда присяжный подвергается различного рода (и различной интенсивности) давлению, редко – со стороны защиты, часто – со стороны суда и обвинения.

Так, в свое время, на одном из процессов с присяжными в Мордовии, местный адвокат при отборе присяжных задал кандидатам вопрос – кто из них входил или входит в избирательные комиссии? Ситуацию в Мордовии я к тому времени в общих чертах знал, и для меня не было секретом, что партия власти побеждает в Мордовии на всех выборах любого уровня с результатом близким к 100%. В результате **нам следует абсолютно четко признать полную обоснованность отвода таких присяжных-«избиркомовцев», пусть даже и в порядке немотивированных отводов. Если человек настолько управляем извне, что его допустили до работы в избирательной комиссии, то совершенно точно, что нам нет смысла держать такого субъекта в коллегии присяжных.**

Однако вернемся к детерминизму (как предопределенности). Вот на эту тему крайне любопытная цитата из работы Ольги Гулевич «Психологические аспекты юриспруденции»:

«Различие индивидуальных особенностей присяжных не объясняет разнообразие вынесенных ими вердиктов. В целом некоторые исследователи утверждают, что попытка связать социодемографические характеристики, способности, аттитюды, темперамент и черты личности присяжных с особенностями вердикта имеют ограниченный успех (Kassin, Wrightsman, 1988). Не существует индивидуальных характеристики присяжных, которые оказывают влияние на их решение вне зависимости от рассматриваемого дела и других особенностей судебного процесса. Об этом говорят, например, результаты применения для отбора присяжных шкал, позволяющих выявить наличие у кандидатов обвинительного уклона. Одна из таких шкал включает в себя семнадцать утверждений, с которыми респонденты могут согласиться или не согласиться. Среди них «За совершение серьезных преступлений, таких, как убийство, подсудимый должен быть наказан, если существует хотя бы 90% вероятность того, что он виновен», «Причиной вынесения решения в пользу подсудимого является профессионализм его адвоката», «Слишком много невиновных людей отбывают тюремное заключение». Демонстрация присяжными обвинительного уклона при ответах на вопросы этой шкалы не предсказывает их решения даже в том случае, когда доказательства прямо не подтверждают ни версию адвоката, ни точку зрения прокурора (Kressel, 2002).

Исходя из этого, большинство психологов сходятся во мнении, что: во-первых, индивидуальные характеристики присяжных играют подчиненную роль по сравнению с предъявленными доказательствами; во-вторых, значимость разных индивидуальных особенностей присяжных зависит от конкретного дела, рассматриваемого в ходе судебного процесса.

Таким образом, авторы в целом не отвергают идею научного отбора, однако указывают на то, что такой отбор должен проводиться в связи с конкретным судебным процессом профессионально подготовленными консультантами, которые бы имели возможность принимать решения, руководствуясь опытом работы и интуицией (Kressel, 2002)».

Вот и я, конечно, не отрицаю, что человек имеет свои жизненные установки и вполне подвержен психологическому влиянию, вот только далеко не в любой ситуации. Для того, чтобы оказать на человека влияние и добиться в итоге нужного результата, необходимо изучить его личность, определить «слабые точки», оказать на него достаточно интенсивное и длительное воздействие, отслеживать реакцию и корректировать это воздействие по ходу дела и прочее. Неужели вы считаете, что в процессе с участием присяжных заседателей, у вас будет возможность реализовать все эти мероприятия, да еще и в отношении 12 человек? Особенно с учетом того, что присяжные вообще не имеют права контактировать с защитой... Особенно же опасны ситуации, когда психологическим или эмоциональным воздействием на присяжных пытаются заменить пробелы в доказательственной базе защиты.

Впервые подтверждение этим выводам на практике, я получил после своего первого процесса с участием присяжных заседателей. Уже после вынесения приговора мне удалось познакомиться и поговорить с одной из присяжных. Конечно же, тайну совещательной комнаты мы не нарушали и поэтому кто и как голосовал – осталось для меня тайной, однако подробно поговорили мы о другом, о том, как присяжные оценивали работу адвокатов по делу.

В числе подсудимых в деле присутствовал один несовершеннолетний парень, которому и вменялось совсем немного, и доказательства против него были весьма жиденькими. В прениях его адвокат выступил в стиле Ленина на броневике – очень эмоционально и красочно, короче именно так, как и предписывают многочисленные теоретические методики, затрагивающие вопросы суда присяжных. Я спросил присяжную о том, кто из адвокатов произвел на них большее впечатление, ожидая услышать фамилию именно этого адвоката. Каково же было мое удивление, когда именно его речь была названа в числе худших!

– Мы хотели оправдать его подзащитного, и доказательства в отношении него были слабые, и сам он парень вроде неплохой, но чтобы оправдать, нам были нужны факты, основания для такого решения, а именно их в речи адвоката и не было...

И второй пример. Прения по большому, многоэпизодному делу. Весь процесс проходил крайне нервно, судья, наплевав на закон, пытался всеми силами ограничить наши законные возможности защищать подсудимых. Прения не стали исключением. Судья использовал любой предлог, чтобы прервать выступление, сбить адвокатов с толку, заставить их нервничать. Свою речь я построил на детальном анализе доказательств в результате сопоставления которых для любого слушателя становилось очевидно, что доказательства стороны обвинения противоречат друг другу. На психологические моменты, о которых так любят рассуждать авторы теоретических книг, я особого внимания не обращал. Судья чувствовал угрозу вердикту от моей речи, так что не проходило и минуты, чтобы он не пытался прервать мой доклад. Естественно, это заставляло меня нервничать и говорить быстрее. Неожиданно от старшины присяжных председательствующему пришла записка. С выражением нестерпимой зубной боли судья повернул лицо ко мне и произнес: «Присяжные просят вас говорить медленнее, они не успевают записывать». По итогу – из девяти вменявшихся моему подзащитному эпизодов, он был оправдан по шести, а по трем оставшимся получил снисхождение.

Поэтому вот Вам мой совет: не увлекайтесь психологизмом сверх меры, и уж тем более не увлекайтесь им в ущерб работе с доказательствами по делу. Адвокат может быть психологом, но психолог не может быть адвокатом. Одно и то же действие, один и тот же факт – могут иметь совершенно разные трактовки, эффекты и последствия в разных [судебных] обстоятельствах.

Какие направления в психологии, на мой взгляд, «работают» в суде присяжных? В первую очередь, речь должна идти о приемах и методах *привлечения внимания присяжных заседателей к тому или иному узловому вопросу, факту, влияющему на оценку дела в целом*. Используйте только самые прямые, очевидные и не оспариваемые психологические эффекты. Улыбнитесь, сделайте паузу, в конце-концов

просто скажите: «Уважаемые присяжные, обратите внимание вот на что». Это не должно быть связкой слов, это именно маркер, призывающий к концентрации внимания. Если хотите, почитайте литературу об организации и функционировании человеческой памяти, о мотивациях в психологии и т.п. Но не переоценивайте значение психологии в процессе с присяжными. Та психология, которая находится в статусе науки, каких-либо проторенных дорожек к успеху не обещает и обещать не может, хотя в ряде случаев умелое использование психологических приемов и методов, знание закономерностей человеческой психики, может существенно облегчить работу защиты и увеличить шансы на успех.

10.2 Тактика защиты с учетом психологии

А теперь вернемся к Понимаемости, Запоминаемости и Убедительности доказательств. Почему это важнее в суде присяжных, чем в обычном – с профсудьей? Конечно, нет ничего плохого в том, что ваши шаги и тактические приемы, реализуемые в разбирательстве с профсудьей, будут им правильно поняты, запомнены и признаны убедительными, однако, увы, для процесса с профсудьей (а вернее для его результата) это имеет далеко не первостепенное значение. Главная причина, как вы понимаете, в очевидном обвинительном уклоне российского правосудия. Любое доказательство, изученное в суде, будет трактоваться профсудьей прежде всего с обвинительных позиций. Оно будет «понято и запомнено» как обвинительное и убедительность доказательства также будет зависеть в первую очередь от того, подтверждает оно или опровергает позицию обвинения. Как мрачно шутит один мой коллега: «Главным доказательством вины является постановление о привлечении в качестве обвиняемого – раз обвинение предъявили, значит виновен».

Нет, конечно, я готов допустить, что есть в отечественной судебной системе и честные, объективные и законопослушные судьи... Впрочем... Как я говорил в самом начале, если в вашем процессе председательствует именно такой прекрасный судья, то большую часть настоящей книги вам можно не читать)

Продолжая же рассуждать по затронутой теме, следует также отметить существенную разницу в процессуальных возможностях профессионального судьи и присяжного заседателя. К услугам профессионального судьи – все материалы дела в любое время и в любом объеме. К его услугам протокол судебного заседания (пусть до поры и в виде черновика). Судья имеет обширные полномочия по активному участию в исследовании доказательств. В конце концов, судья и никто другой – определяет ход дела, пределы исследования доказательств, устанавливает условия и ограничения на действия сторон. А что же присяжные? - спросите вы. А ничего. Ни протокола судебного заседания, ни материалов дела, ни вещественных доказательств у них – ни в ходе процесса, ни в совещательной комнате – не будет. Единожды увидев то или иное доказательство, единожды услышав те или иные показания – присяжные должны их понять, запомнить, проанализировать, сопоставить с другими доказательствами, изученными в другие дни процесса, и потом, в стрессовом состоянии, подгоняемые судьей, в условиях жесточайшего ограничения по времени, принять решение по многим десяткам (а иногда и сотням) вопросов вопросного листа. При этом полагаясь только на свою память, да краткие черновые записи (в большинстве случаев совершенно наивные и путанные – присяжные же не юристы и не детективы). Полагаете, такое положение вещей справедливо и соответствует требованиям законности, обоснованности и справедливости судебного решения? Впрочем, это не вина присяжных заседателей, это гримасы нашего законотворческого процесса и судебной системы...

Вот именно поэтому для суда присяжных крайне важно, чтобы любое действие защиты (и прежде всего предъявляемые ею доказательства) было правильно, однозначно, быстро и легко понято присяжными заседателями. А понятое – осознано и

запомнено как минимум до вынесения коллегией вердикта. И, конечно, понятное и запомненное должно убедительно доказывать позицию защиты, обосновывать истинность и справедливость ее доводов. Словом, ваши аргументы должны быть убедительными и достоверными, при этом не суть важно, что именно вы делаете – допрашиваете свидетеля, изучаете вещдоки или спорите с судьей...

Вот теперь, наконец, можно переходить непосредственно к вопросу об использовании психологических знаний в деятельности адвоката. Конечно, нижеприведенные соображения не претендуют ни на исчерпывающую полноту, ни на абсолютную истинность. Однако при их изложении, я видел свою задачу именно в том, чтобы указать читателям основные направления поиска средств и методов работы с коллегией присяжных, подтолкнуть Вас к самостоятельному изучению психологической литературы соответствующего профиля.

10.3 Понимаемость

Оглашая доказательства или допрашивая свидетелей, необходимо иметь в виду, что присяжные заседатели вообще-то первоначально «не в теме» дела и будут «не в теме» еще достаточно долго (в зависимости от объемов дела). Какой смысл в доказательстве, если оно останется непонятым или понятым неправильно? Соответственно, первым требованием к любому тактическому приему защиты является его *понятность для присяжных*.

Легко сказать, но как этого добиться на практике? Вот тут следует обратиться к психологическим изысканиям по вопросу межличностных коммуникаций. К примеру одной из известных проблем является сложность длительного удержания внимания слушателя. Непроизвольное внимание, как правило, быстро проходит. Если же внимание поддерживается специальными средствами и приемами, то оно становится более длительным, однако отнюдь не бесконечным. Иногда оно «по ходу пьесы» ослабляется или усиливается, или же исчезает совсем. Экспериментально доказано, что удержать внимание человека свыше 45-50 минут практически невозможно. Соответственно, для адвоката, тем более работающего с присяжными, неплохо было бы знать способы активации и удержания внимания присяжных заседателей на значимых для защиты вопросах. Также следует планировать свою работу таким образом, чтобы чередовать фазы, когда от присяжных требуется повышенное внимание (например, при предъявлении каких-то важных, узловых доказательств) и фазы условного «расслабления и отдыха» (при предъявлении проходных доказательств, не представляющих большой ценности).

Самым простым, вполне законным и достаточно эффективным способом обратить внимание на тот или иной момент в доказательствах (который, почему-то редко используется на практике) является *прямая просьба к присяжным*... обратить на этот самый момент внимание. Например, оглашая многостраничный протокол следственного действия и подходя именно к тому моменту, который является для защиты принципиальным, вполне допустимо сказать: «А сейчас, уважаемые присяжные, хочу обратить Ваше внимание на следующую цитату: «...» или «Прошу минутку внимания...» или... да, впрочем, вы и сами придумаете не мало таких форм обращения.

При работе с присяжными всегда надо учитывать, что восприятие ими информации идет не чисто механически, опосредованно исключительно практическим опытом, познанием и осмыслением, но почти всегда сопровождается еще и переживанием, эмоциональной реакцией (приятно/неприятно, интересно/неинтересно и т.д.). Соответственно, надо стремиться к тому, чтобы демонстрация ваших доказательств присяжным происходила на должном эмоциональном фоне. Как минимум, допросы свидетелей, дающих показания в пользу подсудимого, и демонстрация соответствующих вещественных доказательств должны быть интересны

присяжным заседателям, как максимум – это должно делаться на фоне общего положительного настроения присяжных в отношении подсудимого. Соответственно задачей защиты является не только выбор сведений, которые необходимо донести до присяжных, но и выбор формы и момента их подачи (благо при предъявлении доказательств стороной защиты, она сама устанавливает их порядок исследования).

Следует учитывать, что психологи уже давно разделяют людей по приоритетному каналу восприятия информации. При этом, согласно изысканий психологов, 87% информации поступает в мозг через зрительные рецепторы, 9% - через слуховые и 4% - через другие органы чувств. В основном выделяют следующие каналы восприятия – визуальный, аудиальный, кинестетический (восприятие информации с помощью физических ощущений – прикосновений, ощупываний и т.п.) и дигитический (через абстрактно-логические образы, внутренние взаимосвязи между блоками информации, анализ поступивших сведений). Естественно, что работая с коллегией присяжных, у вас не будет возможности выяснить доминирующие каналы восприятия конкретных людей в коллегии. Впрочем, это и не требуется. Ценность данной идеи заключается в том, что защитнику необходимо максимально использовать все имеющиеся каналы восприятия. Стремиться к тому, чтобы то или иное доказательство, та или иная информация, нашла свое отражение и в зрительных, и в слуховых, и в кинестетических образах. Вещественное доказательство, предъявляемое присяжным заседателям, следует и показать им, и дать подержать в руках, и прочитать его описание в протоколе осмотра. Свидетель, дающий показания, не должен стесняться (при наличии такой возможности) демонстрировать документы и предметы, относящиеся к его показаниям. Если какое-либо следственное действие (естественно, с результатами в пользу защиты) отражено в фотографиях или на видеозаписи – они тоже должны быть продемонстрированы присяжным. В любом случае, и та и иная форма подачи материала найдет своего благодарного слушателя (или зрителя).

Это особенно актуально в связи с другим выводом психологов об особенностях и свойствах восприятия. Так, установлено, что одним из свойств восприятия является *целостность*. То есть восприятие идет не в виде отдельных ощущений, а в виде их совокупности, формирующей целостный образ предмета или явления. Например, если речь идет об орудии преступления, то оно и воспринято будет куда лучше, и запомнится детальнее, если о нем рассказали, показали и дали подержать в руках.

Еще одним свойством восприятия называют его *структурность или ассоциативность*. Психика человека обладает способностью (и необходимостью) систематизировать материал (потому что так он лучше и усваивается, и запоминается). Группировка отдельных частей происходит по признакам максимальной простоты, близости, равновесия. Это связано со свойством мозга группировать одни элементы по признакам сходства с другими (ассоциативно). Соответственно, важно давать информацию присяжным, согласуя последовательность подачи материала с этим принципом, например, эпизодно или по общему источнику информации, или по объекту, в отношении которого содержатся сведения в доказательствах и т.д.

Кроме того, психологи установили, что мозг может охватить не более 4-5 независимых друг от друга объектов. Соответственно, необходимо стремиться к тому, чтобы факты и сведения, последовательно представляемые присяжным заседателям, имели бы очевидные для них взаимосвязи. При подаче материала, естественно, следует стремиться к его приведению к максимально простому и понятному виду. Порой лучше разбить какое-то событие на отдельные смысловые блоки, чем пытаться «скормить» слушателям целиком. Конечно, это не всегда возможно реализовать в рамках имеющихся процессуальных ограничений, но на то в деле и адвокат, чтобы искать нетривиальные решения в казалось бы безвыходных ситуациях. Например, в одном из процессов доводилось реализовывать такую своеобразную тактику: подсудимый согласился дать показания в самом начале предъявления доказательств стороной защиты. Изначально показания были даны в ограниченном объеме, однако в

дальнейшем, при демонстрации тех или иных доказательств, подсудимый возвращался к даче показаний, что существенно дополняло и проясняло смысл изучаемых в присутствии присяжных сведений.

Наконец, важно отметить и такое свойство восприятия как *осмысленность*. Человек не просто воспринимает предметы и явления, он делает это осмысленно, целенаправленно, предвидя определенный результат и стремясь к нему. Так, например, студенты слушают лекцию для того, чтобы успешнее сдать зачет или экзамен. То есть в идеале защита должна стремиться не только к тому, чтобы продемонстрировать какое-либо доказательство, но также и объяснить – для доказательства или опровержения какого факта это делается. Однако с этим обычно возникают проблемы. Если суд еще готов мириться с тем, что защита предъявляет присяжным свои доказательства, то вот комментирование их будет скорее всего пресечено председательствующим. Что ж, легких путей никто и не обещал – разьясняйте значение тех или иных доказательств и фактов устами свидетелей защиты (в ходе их допросов), комбинируйте последовательность предъявления доказательств таким образом, чтобы она очевидным образом указывала на их значение для разрешения вопроса виновности подсудимого, короче говоря, проявляйте творческий подход.

В своей работе необходимо также учитывать, что мозг человека испытывает перегрузку, если он не в состоянии сделать выбор среди слишком большого количества сигналов. Поэтому важную информацию надо давать дозированно: важная информация – неважная информация, чтобы мозг успел переработать полученное. Впрочем, возможен и обратный, парадоксальный (если хотите – «прокурорский») вариант, основанный на умышленной перегрузке сознания присяжного ненужной и второстепенной информацией для отвлечения его внимания от слабо аргументированных фактов и неубедительных доказательств. Кстати, Карл Ивер Ховланд отмечал, что убедительность сообщения можно повысить не только концентрируя внимание слушателей на деталях сообщения, но и наоборот – отвлекая их от него. Это способствует тому, что слушатель, рассредоточивая свое внимание на различные не относящиеся к сообщению факторы, теряет возможность детально проанализировать содержание аргументов и контраргументов и, как следствие, не замечает противоречий в позиции говорящего, лишается возможности детально проанализировать и подвергнуть критике наиболее слабые позиции в его сообщении. На практике отвлечение внимания может производиться в самых разнообразных визуальных, аудиальных или кинестетических формах – демонстрация большого количества графического или видео материала (имеющего весьма отдаленное отношение к повествованию), обширные объемы речевой информации (чтение протоколов – также слабо затрагивающих наиболее принципиальные вопросы), наконец, внешний вид и поведение коммуникатора также весьма эффективно отвлекают внимание слушателей от наиболее слабо аргументированных его утверждений.

Вспоминается случай, когда в одном из моих дел прокуратура (по эпизоду вымогательства) специально пыталась запутать присяжных, чтобы они сдались и бросили все попытки разобраться в сути дела, приняв обвинительную версию без анализа, просто под честное слово «синего мундира». Для этого обвинение посвятило чуть ли не десяток (!) судебных заседаний анализу деятельности некоего ООО (из серии ООО «Рога и копыта»). Изучалась (естественно выборочно и фрагментарно) его хозяйственная документация, допрашивались его работники и пр. и пр. Все это делалось обвинением с очень важным и многозначительным видом и до поры до времени я молча за всем этим наблюдал. Наконец, когда дело дошло до допроса директора и владельца фирмы (который, собственно и заявил о факте вымогательства), я демонстративно пресек все его попытки уйти в рассуждения о хозяйственной

деятельности ООО и стал выяснять конкретику: кто, в каких выражениях и при каких обстоятельствах, высказывал угрозы, какие были выдвинуты требования, и как все это можно подтвердить, кроме «честного слова»?! Надо ли пояснять, что вразумительного ответа я не получил, и это было таким разительным контрастом со всем прочим ходом судебного заседания, что полная бездоказательность обвинения по этому эпизоду «вымогательства» стала предельно очевидна всем. Когда же дело дошло до прений, я откровенно схулиганил, заявив, что так и не разобрался в схемах деятельности ООО «Рога и копыта», однако, поскольку в отношении денного ООО как бы совершено вымогательство, то разбираться в схемах его функционирования и нет необходимости. Куда важнее ответить на главный вопрос: были угрозы или нет, было требование денег или нет? В итоге, по этому эпизоду вердикт был оправдательный...

Еще одна форма психической деятельности, которая выражается в особой связи сознания и объекта восприятия – это *внимание*, то есть выделение сознанием одних объектов с одновременным отвлечением от других. То есть именно во внимании проявляется избирательность сознания. Часто внимание достигается с помощью воли – особой формы психического состояния, требующей усилия. Поэтому необходимо дать человеку настроиться на восприятие – предупредить о важности той или иной информации. В прямом смысле... В то же время, опосредованное (пассивное, или рефлексорное, или произвольное) внимание продолжается всего несколько секунд. Поэтому для поддержания внимания объект должен изменяться, задача коммуникатора в связи с этим – находить в объекте все новые и новые стороны.

Следовательно представление доказательств следует производить таким образом, чтобы обеспечить максимальный уровень внимания именно при подаче особо важных сведений – необходимо сакцентировать внимание аудитории на ключевых вопросах. При этом, помимо прямого сообщения присяжным о необходимости обратить особое внимание на тот или иной момент, можно использовать и технологии создания произвольного внимания. Оно возникает при неожиданном раздражении, которое может быть вызвано громкостью, резкостью звука, цветом, движением и т.д.

Еще одним важным элементом взаимодействия с присяжными заседателями является *повторение наиболее узловой информации*. Да, конечно, в этом деле важна умеренность, однако единожды прозвучавшие в присутствии присяжных заседателей сведения могут быть ими элементарно не услышаны или неправильно поняты. Поэтому важно повторять ключевые месседжи, включая их в контекст (бэкграунд) прочих сведений. Так по одному «скинхедскому» делу, на персональном компьютере кого-то из обвиняемых были обнаружены ролики с нападениями на мигрантов, скаченные им из Интернета, и не имеющие никакого отношения ни к предъявленным обвинениям, ни к подсудимым. Однако видеозаписи были весьма натуралистичны и производили сильное впечатление при их просмотре, особенно в сравнении с остальной весьма невыразительной доказательственной базой по делу. В итоге, эти видеозаписи были обвинителем продемонстрированы присяжным под предлогом выявления националистического мотива совершения преступлений, после чего прокурор неоднократно возвращался к содержанию этих записей при допросах подсудимых, задавал по ним вопросы, демонстрировал распечатки отдельных кадров видеозаписей и т.д.

Что ж, прием был просчитан. Действительно, в памяти лучше всего сохраняются сведения, «набираемые памятью постепенно, день за днем, в связи с различными контекстами, освещенные с разных точек зрения, связанные ассоциациями с другими событиями, неоднократно подвергавшиеся обсуждению» (У.Джеймс «Память»). Еще эффективнее, если новые сведения подаются присяжным заседателям с опорой на уже изученную и запомненную информацию, как бы нанизывая информационные «бусины» на «нитку», сформированную еще в момент произнесения адвокатом вступительного слова. Недостаточно только заострить внимание

присяжного заседателя на каком-то отдельном факте, необходимо воссоздать всю последовательность (систему) значимых для итоговой оценки событий.

Также следует учитывать еще один специфический момент в случае с коллегией присяжных заседателей. Дело в том, что коллегия присяжных обладает своего рода «коллективной памятью», образованной из воспоминаний всех ее участников. Это с одной стороны мешает работе участников процесса (поскольку одни и те же события могут быть восприняты и запомнены разными присяжными заседателями по-разному, с другой – помогает, поскольку отдельные запомненные разными присяжными фрагменты в результате коллективного обсуждения в совещательной комнате синтезируются в единую (общую) картину происшествия, при этом наиболее искаженные воспоминания о тех или иных событиях, как правило, не проходят «коллективной» проверки на достоверность и не учитываются при принятии решения. Это особенно важно с учетом того, что удаляясь в совещательную комнату, присяжные заседатели лишены возможности обращаться к протоколу судебного заседания, исследованным доказательствам или показаниям допрошенных в деле лиц. Поэтому здесь играет свою заметную роль вышеуказанное деление людей по доминирующему каналу восприятия. Да, конечно, это не дает стопроцентной гарантии от ошибок восприятия и запоминания, однако существенно снижает их вероятность.

Одновременно следует воздерживаться от примитивного повторения для слушателей одной и той же информации, одними и теми же словами, в одной и той же последовательности, и с одним и тем же горестным видом. Такая неоднократно прослушанная и просмотренная «пластинка» производит впечатление навязывания, и у человека срабатывает психологический механизм защиты. В профильной литературе описан «эффект насыщения», согласно которому повторение в массовой коммуникации полезно лишь до определенного предела, после которого начинается негативная реакция слушателей (или зрителей), направленная на избежание контактов с повторяемой информацией (отторжение). Так что снова проявляйте творческий подход, учитесь формулировать одни и те же идеи в разных интерпретациях и с разных заходов.

Считается, что наиболее запоминаются сведения, совпадающие с позицией самого человека, получающего информацию. Именно поэтому крайне важно с первых же заседаний если и не сформировать у присяжных заседателей симпатию к стороне защиты, то уж во всяком случае не вызвать у них к себе антипатии (плюс не дать коллегии проникнуться доверием к позиции обвинения). А для этого лучше всего подходит правильно составленное и произнесенное вступительное слово. Кстати, вспомните вышеописанный пример про «дорогой костюм адвоката». Как по-вашему, поможет это защитнику подчеркнуть совпадение его позиции с присяжными (которые, как мы понимаем, значительными доходами похвастаться не могут)? То есть вариант – продемонстрировать всеми способами совпадение позиций («мы с вами из одного теста»), очевидным образом противоречит варианту – придать себе вид «солидный и уважаемый». Какой же из двух вариантов выбрать – решать конкретному адвокату, в конкретной ситуации...

Также отмечается, что наилучшее усвоение материала происходит, когда защитник побуждает присяжного к активной умственной деятельности, когда возникает напряженное обдумывание сообщений, соучастие в поиске объяснения тому или иному факту, той или иной трактовке доказательства. Естественно, что в ходе исследования доказательств не стоит напрямую обращаться к присяжным заседателям с предложением поразмыслить над тем или иным обстоятельством, это будет выглядеть несколько странно. Однако это можно и нужно делать опосредованно, например, формулируя в ходе допроса свои вопросы таким образом, чтобы у присяжных возникало желание поучаствовать в их разрешении, вместе «докопаться до истины». То есть присяжным должны быть интересны не только ответы на вопросы, но и сами вопросы. Помните: **порой снятый судьей вопрос даст присяжным больше ответов, чем если бы председательствующий не вмешивался!**

Эмоциональное сопровождение подачи доказательств крайне важно для усвоения и запоминания информации, однако следует помнить, что оно не просто ведет к запоминанию фактов, но и вызывает одобрение или неодобрение человеком информации, ее принятие или неприятие. От положительного или отрицательного знака эмоции зависит удовольствие или огорчение от сообщения, усиление или уменьшение восприятия, вплоть до полного отказа от ее восприятия. Именно поэтому важно, чтобы эмоционально присяжные заседатели как можно чаще находились на стороне подсудимого и его адвоката. А это, в свою очередь, означает, что адвокат должен уметь взглянуть на свое поведение со стороны. Здесь имеет смысл снова обратиться к разделу книги, описывающему внепроцессуальный конфликт в процессе с участием присяжных заседателей...

Бесценным способом донесения до присяжных заседателей целостной картины позиции защиты, либо хотя бы отдельных ее ключевых эпизодов, является прежде всего вступительное слово, затем – показания подсудимого, показания ключевых свидетелей защиты (а иногда и обвинения), и, конечно же, прения. Дело в том, что именно в ходе названных судебно-следственных действий есть возможность дать присяжным информацию в виде целостной и последовательной (соответственно – лучше понимаемой, запоминаемой и убедительной) версии защиты, с вписанными в нее доказательствами и их трактовками в защитительном ключе. [В редких случаях сильным ходом защиты может стать допрос подсудимого в первые дни начала судебного следствия. Фактически, это возможность донести до присяжных свою позицию, задать тон всему дальнейшему процессу. Впрочем, об этом подробнее будет сказано позднее].

А пока подчеркнем, что важен и язык подачи сведений, и их последовательность, и вообще отбор фактов, которые следует осветить перед присяжными. Если доказательство изложено юридическим языком трудным для понимания, необходимо изыскать способы перевести его на «человеческий». Согласитесь, что, например, фраза «в период не ранее 1 марта и не позднее 5 апреля» пусть и более грамотна с точки зрения уголовного процесса, но звучит слишком монструозно, особенно в сравнении с ее более «человеческим» аналогом - «в начале весны». Подобная замена вполне допустима, если на этот период не приходится каких-то иных (важных для дела) событий, и у защиты нет необходимости концентрировать внимание присяжных именно на конкретных датах-ограничителях. Кроме того, такой перевод с юридического на человеческий, без ущерба для сути дела, позволит присяжным гораздо лучше понять и запомнить – когда именно произошло исследуемое событие. Аналогично с адресами или, например, идентификацией оружия. Т.е. не «автомат АК-47 №XXXX, изъятый в ходе осмотра места происшествия от 12.01.1989г.», а «автомат с места убийства гражданина Петрова». То есть точность формулировки, иногда имеет смысл принести в жертву понятности изложения.

В целом, доказательства должны излагаться простым языком, без юридических изысков, доступным для понимания врачей, учителей, мелких служащих, пенсионеров и безработных, то есть всех тех, из кого, как правило, и состоит большая часть коллегии присяжных заседателей. Если оглашаете протокол следственного действия, это необходимо делать четко, внятно с паузами, выделяя наиболее важные места протокола громкостью и интонацией голоса.

10.4 Запоминаемость

Чуть выше, разбирая вопрос о восприятии и понимании сообщаемых защитником сведений, мы уже вынуждены были коснуться вопроса и запоминания. Что поделать, психика человека неразрывно объединяет в себе массу разнообразных процессов и явлений. В итоге становится практически невозможно говорить о восприятии в отрыве от запоминания, а о запоминании отстраненно от убеждения...

Чем больше подсудимых и эпизодов – тем длиннее процесс. Чем длиннее процесс, тем больше материалов (доказательств) изучается. Чем больше в деле доказательств, тем сложнее и вычурнее их взаимосвязи. И чем больше материалов/доказательств/фактов изучается, тем меньше из изученного запомнят присяжные к вынесению вердикта. Увы.

Как уже неоднократно отмечалось выше, присяжные заседатели в уголовном процессе находятся в совершенно изуверских условиях – они должны запомнить допросы, доказательства и пр. Да, они могут вести записи, однако сами попробуйте записывать словесные показания свидетеля или содержание оглашаемого протокола. Много у вас получится? Тем более, что присяжный – не юрист и не детектив, поэтому не знает, что именно следует зафиксировать. Присяжных обвиняют в том, что они де ошибаются. Да, ошибаются, но попробуйте сами, изучив несколько десятков томов доказательств, вспомнить конкретные детали и обстоятельства? Куда интереснее, что и суд не ограниченный в доступе к доказательствам, в том числе и в совещательной комнате, тоже ошибается. Присяжным было бы логично давать хотя бы протокол судебного заседания, но нет – не предусмотрено законом. Закону, видимо, выгоднее чтобы присяжные ошибались.

Что ж, учитывая изложенное, для раскрытия темы запоминания, применительно к суду присяжных, вполне допустимо, в первую очередь, обратиться к закономерностям памяти, выявленным еще Г.Эббингаузом:

- **При запоминании материала лучше всего воспроизводится его начало и конец - «эффект края».** В нашем случае это особенно актуально при планировании работы с доказательствами как в течении судебного дня (распределение последовательности предъявляемых в заседании доказательств), так и в ходе представления одного конкретного доказательства (например, при планировании последовательности подачи материала в ходе допроса свидетеля или подсудимого);

- **Запоминание идет лучше, если дважды повторить материал: сначала через несколько часов, а второй раз – через несколько дней.** Реализовать это в рамках суда присяжных несколько проблематично, но тем не менее возможно. Например, у Вас есть несколько доказательств, свидетельствующих об одном факте. Соответственно, появляется выбор – предъявить их в одном судебном заседании или разбить на несколько. Честно говоря, в каждом конкретном случае такой вопрос должен решаться индивидуально – и совершенно не обязательно, что в пользу использования означенного метода, иногда наносящего ущерб необходимости компоновать предъявляемые доказательства тематически. Потому представляется, что лучше всего реализовывать этот прием допросами свидетелей, которые будут говорить об одних и тех же событиях несколько раз за процесс в разные дни;

- **Установка на использование материала в дальнейшем ведет к его лучшему запоминанию.** Как вариант, можно предварять предъявление того или иного узлового доказательства просьбой к присяжным отнестись к доказательству с особым вниманием или по возможности записать те или иные сведения, поскольку на это защита будет ссылаться в прениях при анализе доказательств. Кстати, обратите внимание, что выше уже отмечалось влияние установки на качество восприятия материала. То есть осознание присяжными заседателями важности тех или иных сведений для вынесения вердикта, улучшит качество и его восприятия, и запоминания;

- **Чем проще событие и чем больше эмоций оно вызвало, тем более сильный след оно оставит в памяти.** Сложная информация, а также события, не вызвавшие эмоций у человека, плохо запоминаются и быстро забываются. Здесь, полагаю, особо комментировать нечего, тем более что влияние эмоционального фона на восприятие, рассматривалось выше более детально;

- **Редкие, странные и необычные события запоминаются гораздо лучше, чем привычные и часто встречающиеся.** Соответственно задачей защиты является по возможности «сделать» то или иное важное для нее событие редким и

запоминающимся. Это можно сделать как путем акцентуации внимания присяжных на необычных фактах, так и внепроцессуальным путем. Как сказала мне одна бывшая присяжная заседатель: «Когда председательствующий говорил, что нам что-то необходимо не учитывать, даже те, кто у нас в коллегии дремал, просыпались».

Из теории также известно, что **потеря и восстановление памяти происходят по одному принципу: при потере памяти сначала теряются более сложные и недавние события, а при восстановлении памяти, наоборот – сначала восстанавливаются более простые и старые воспоминания, и только потом более сложные и недавние.** Соответственно, говоря о том или ином событии (особенно в прениях), имеет смысл организовать свою речь таким образом, чтобы следовать от простого – к сложному, от общего – к частному.

Хорошо, а теперь давайте зададимся вопросом – что же останется у присяжных в памяти, после нескольких месяцев сложного и напряженного процесса, когда они уйдут для вынесения вердикта в совещательную комнату? Останется смутное ощущение того, что защита (ну или обвинение) убедила их в достоверности того или иного факта. Они не будут помнить какими точно способами или доказательствами (за исключением самого главного) это было сделано, они будут помнить только, что в ходе суда признали это для себя доказанным или опровергнутым. Это неплохо описал в своих «Тюремных тетрадах» Грамши:

«Впрочем, представим себе интеллектуальную позицию человека из народа; она сформирована из мнений, убеждений, различительных критериев и норм поведения. Всякий придерживающийся иной точки зрения и обладающий более высоким интеллектом умеет аргументировать свои доводы лучше, чем он, логически «припирает его к стенке» и т.д. Должен ли из-за этого человек из народа изменить свои убеждения, изменить только потому, что в непосредственной дискуссии он не может доказать их правоту? Но тогда ему пришлось бы менять их каждый день, то есть всякий раз, как ему встретится идеологический противник, интеллектуально стоящий выше его. Итак, на каких элементах зиждется его философия, и в особенности та его философия, которая облечена в самую существенную для него форму нормы поведения? Самым значительным является, несомненно, элемент иррационального характера, элемент веры. Но веры в кого и во что? Прежде всего в социальную группу, к которой принадлежит он сам, поскольку она мыслит в общем и целом так же, как он: человек из народа думает, что много людей вместе не могут ошибаться, ошибаться целиком и полностью, как это пытается внушить ему его противник в споре; верно, сам он не способен так хорошо поддержать и развить свои доводы, как его противник, но в его собственной группе есть кое-кто, кто наверняка сумел бы это сделать даже лучше, чем этот его противник; и он вспоминает, что в самом деле когда-то слышал убедившее его обстоятельное, логичное изложение оснований этой его веры. Он не помнит данных конкретных оснований и не смог бы их повторить, но знает, что они существуют, потому что слышал, как их излагали, и был ими убежден. И если эта твердая убежденность была однажды внушена ему, она сама начинает поддерживать себя, даже если потом человек не может найти аргументы в ее защиту».

Конечно, это не есть закон на все времена и дела. В небольшом по объему деле присяжные заседатели вполне могут запомнить всю доказательственную базу. Даже в большом деле они могут запомнить отдельные доказательства, отдельные главные фрагменты общей картины преступления, которые им нарисовали адвокат и прокурор. Однако, запомнить все доказательства защиты и обвинения, да с учетом всех необходимых сторонам нюансов... На такое не стоит и надеяться. В связи с этим, по моему личному мнению, чем длиннее процесс и чем больше доказательств в ходе него будет изучено, тем важнее, чтобы после каждого судебного заседания у присяжных

оставалось общее впечатление того, что конкретно в этот день сторона защиты победила сторону обвинения.

10.5 Убедительность

Достоверность – это одно из свойств доказательства, упоминаемое в УПК РФ и оттого, вроде бы, должно иметь официальный статус и однозначное для всех участников процесса значение. Однако это только на первый взгляд. «Достоверность доказательства» профессиональный судья и присяжный заседатель понимают совершенно по-разному. В случае с профессиональным судом, «достоверность» – это свойство, которым по умолчанию обладают все доказательства обвинения и не обладают – доказательства защиты.

Достоверность же в понимании присяжного, практически совпадает со значением этого термина для любого, нормального, разумного и непредвзятого человека, и складывается оно из оценки массы разных факторов, которые свидетельствуют об истинности или ложности доказательства. Для определения достоверности того или иного доказательства присяжный заседатель (как, в принципе, и любой нормальный человек) использует весь свой жизненный опыт, логику, здравый смысл, психологию и т.д.

Эта банальная мысль, тем не менее, далеко не всегда оказывается очевидной для адвокатов и подсудимых. Как правило, первые сильно «испорчены» опытом процессов с профессиональными судьями, вторые – вообще не задумываются на эту тему, а если и задумываются, то частенько бывают «ослеплены» собственным мнением. Впрочем, еще чаще в оценке достоверности ошибаются прокуроры. Уж слишком они привыкли к тому, что если свидетель обвинения, вдруг - через несколько лет - «вспомнит» номер автомашины, внешность преступника и расположение пешеходов на улице, то судья без зазрения совести признает его показания достоверными...

Но каким же образом можно в глазах неангажированных присяжных повысить оценку достоверности доказательства, его убедительность? Для этого следует разобраться с вопросом: как вообще человек оценивает убедительность той или иной информации, как ее анализирует?

Психологи, специализирующиеся на закономерностях коммуникаций, делят людей по способу обработки информации на два типа – тех, кто использует центральный способ работы с информацией, и тех у кого доминирует периферический. Под «центральным способом» подразумевается серьезный анализ аргументов, их сопоставление как с другими аргументами, относящимися к рассматриваемому вопросу, так и с личным опытом субъекта. Под периферическим подразумевается анализ слушателем прежде всего сопутствующих сообщению факторов, не содержание, а способ предъявления аргументов. То есть, грубо говоря, оценивается внешний вид и манера речи коммуникатора, используемый им реквизит, ссылки на какие-либо авторитетные источники и пр. Обычно, к такому способу оценки доказательств прибегают люди, считающие себя недостаточно компетентными в обсуждаемом вопросе и полагающие, что выносимое ими решение не слишком важно.

Поскольку пытаться определить, кто из присяжных использует тот или иной способ работы с информацией – дело бесперспективное, защите следует стремиться к тому, чтобы использовать оба этих канала убеждения аудитории. Однако если работе с центральным каналом анализа информации так или иначе уделено значительное внимание в нескольких главах книги, то работу с периферическим мы практически не разбирали. Пришло время восполнить этот пробел.

Иностранцами исследователями выявлен ряд закономерностей (трудно сказать, действуют ли они в случае с отечественным судом присяжных, однако есть основания полагать, что действуют). Далее приводится список этих закономерностей,

собранный в работе О.А.Гулевич «Психологические аспекты юриспруденции». Конкретных цитат из этой работы далее, как правило, не используется, однако просто имейте в виду, что основные мысли и идеи по обсуждаемому вопросу заимствованы именно оттуда. В названной работе приведенные ниже тезисы даны в более развернутом виде и с указанием ссылок на источники, я же привожу далеко не все указанные там закономерности, поскольку в ряде случаев они, по указанию автора, влияли не на оценку доказанности/недоказанности факта а, например, на размер наказания при уже доказанном факте преступления (в англо-саксонской системе права, присяжные наделены возможностью влиять на размер наказания). Итак, что еще влияет на убедительность доводов для слушателя?

- **Статус коммуникатора.** Так, при даче показаний свидетелем или выступлении адвоката в прениях, доверие к нему повышается, если он ссылается на свой профильный опыт, социальный и профессиональный статус и другие моменты, повышающие к нему доверие. Например, объясняя почему он хорошо запомнил черты лица преступника, заявление свидетеля будет восприниматься гораздо убедительнее, если он упомянет, что увлекается рисованием и потому у него хорошая зрительная память и т.п. Использование фактора компетентности рассчитано на подавление процесса контраргументации: у слушателя, особенно считающего себя некомпетентным, в таком случае не возникает желания спорить с таким коммуникатором. В то же время для слушателя с доминирующим центральным способом работы с аргументами, этот прием (при несоблюдении умеренности в его применении) скорее может вызвать раздражение и подозрения, что рассказчик пытается манипулировать аудиторией.

- **Спящий эффект.** Следствием восприятия компетентности коммуникатора является «спящий эффект», который проявляется в ситуации, когда слушатель должен вынести решение через некоторое время после получения информации, а не сразу после нее. Дело здесь в том, что сообщение, исходящее от достойного доверия коммуникатора, через некоторое время начинает оказывать меньшее влияние, чем вначале, а исходящее от оратора, не достойного доверия – наоборот большее влияние. Примером этого является постепенное увеличение доверия к показаниям дискредитированного свидетеля (*Leippe, 1995*). Причина такого эффекта кроется в забывании слушателями того, от кого именно исходило сообщение и, следовательно, в уменьшении влияния доверия к коммуникатору на эффективность его воздействия. Зал суда является благоприятным местом для проявления этого эффекта: длительность судебного процесса варьируется от нескольких дней до нескольких месяцев, что приводит к забыванию присяжными источника информации, полученной ими в начале заседаний. Поэтому, если присяжные доверяют коммуникатору, эффективным является напоминание о том, кто именно рассказал присяжным о тех или иных событиях. И наоборот.

- **Искренность коммуникатора.** В ряде случаев для защиты бывает правильным признать правоту обвинения по очевидным фактам. Но одновременно следует подчеркивать, что противоположная сторона напротив, даже несмотря на очевидное опровержение того или иного обстоятельства, все равно продолжает на нем настаивать. Использование данного приема возможно и в отношении свидетелей защиты, которые давая показания будут указывать в том числе и на факты, не идущие на пользу защите («Согласиться с показаниями этого свидетеля – не в моих интересах. Но я соглашусь с ним, поскольку этот свидетель честен с нами»). Важность фактора искренности весьма велика для людей, использующих периферический способ обработки информации, и рассчитана на подавление процесса контраргументации – у слушателя не возникает особого желания спорить с честным и искренним коммуникатором.

- **Надежность коммуникатора.** В данном случае речь идет о том, что

более надежными кажутся сведения из того источника, который ранее уже был проверен и признан заслуживающим доверия. Также возможен и обратный эффект – когда ранее уличенный во лжи свидетель дает новые показания, то их можно поставить под сомнение уже просто в силу того, что ранее от него уже звучали сомнительные показания.

- **Количество источников информации.** Простое арифметическое увеличение количества источников тех или иных одинаковых сведений, также весьма сильно (и положительно) влияет на оценку достоверности информации. Особенно хорошо, когда конкретный факт подтверждается разнородными доказательствами – показаниями свидетелей, вещественными доказательствами, анализом и оценкой доступных фактов и т.д.

- **Эффект подобия.** Он в том, что коммуникатор оказывает большее воздействие, если слушатели приписывают ему свои личные особенности и манеры, считают его похожим на себя. То есть слушателям свойственно как бы «не замечать» мелких различий между своей позицией и позицией коммуникатора, если по основным вопросам их позиции совпадают. Впрочем, при превышении некоторого порогового значения, эффект меняется на противоположный – уже даже определенные совпадающие моменты не оказывают существенного влияния на восприятие позиции в целом. То есть важно не перегнуть палку. И, кстати, случающееся совпадение позиций по тем или иным вопросам неплохо подкреплять еще и совпадением по другим параметрам – манере одеваться, говорить, жестикулировать и т.п.

- **Тяжесть преступления и размер ущерба.** На признание виновным, в числе прочего, действует характер преступления и размер ущерба, причиненного подсудимым. То есть, чем больше размер нанесенного ущерба, или тяжесть преступления, тем больше вероятность (при прочих равных) что подсудимого признают виновным. Соответственно, эту закономерность следует учитывать при решении вопроса о том, ходатайствовать ли о такой форме судопроизводства как присяжные, либо же лучше чтобы дело рассматривалось судьей единолично. Можно предположить, что этот же фактор будет влиять и на решение присяжных вопроса о снисхождении подсудимому...

- **Типичность преступления.** В данном случае речь идет о том, что вынесение обвинительного вердикта тем вероятнее, чем более типичным является рассматриваемое преступление. То есть в сознании человека существуют определенные “идеальные” образы того или иного события, сформированные под влиянием телевидения, повседневной жизни, просмотренных фильмов и т.д. Справедливо это и для преступлений, рассматриваемых в суде присяжных, то есть чем больше конкретное преступление соответствует этому шаблону, тем выше вероятность, что оно будет признано доказанным. Необычные же преступления – орудия, мотивы, последовательность действий и пр. – будут вызывать у присяжных заседателей дополнительные сомнения в реальности описываемых в обвинении событий. *«По мнению респондентов, подсудимый, совершивший стереотипное преступление, заслуживает более сурового наказания, чем тот, кто совершил преступление, не соответствующее стереотипам. Например, негр, совершивший ограбление, и белый американец, растративший деньги, оцениваются как заслуживающие более сурового наказания, чем белый американец, совершивший ограбление, и афроамериканец, растративший деньги (Gordon et al., 1988)».* Указанная закономерность находит свое отражение и в УПК РФ, предлагающем присяжным заседателям принимать решение в том числе... на основе своего жизненного опыта. Также дополнительным доводом сюда же служит и достаточно широко распространенная школа психологии – «Гештальт-психология», утверждающая, что восприятие человеком события или предмета происходит не фрагментарно, а целостно, не в виде отдельных элементов события или предмета, а в виде образа объединяющего все части воедино.

Однако у этой закономерности есть и еще один аспект, имеющий отношение к выработке контрверсии защиты – чем более типичны объяснения подсудимого по тем или иным обстоятельствам инкриминируемого ему деяния, тем большей достоверностью они обладают в глазах присяжных заседателей. Т.е., например, куда убедительнее будет выглядеть объяснение того факта, что подсудимый оказался в продуктовом магазине в момент совершения там преступления тем, что он пришел купить продукты, нежели тем, что там он назначил встречу с любимой девушкой и т.д.

- **Вероятность избежать преступления.** Опять-таки, в работе О.Гулевич приводится мнение, что если при наличии минимального везения для потерпевшего преступление могло бы и не состояться, то подсудимый наказывается более строго, чем в том случае, когда такой возможности не было. Понятное дело, что присяжные в РФ (в отличие от англо-саксонской системы права) не решают вопроса о наказании (длительности и т.д.), однако у них имеется право предоставить подсудимому снисхождение. Соответственно, если стратегия защиты предусматривает в качестве одной из целей получение этого самого снисхождения, то имеет смысл учитывать и вышеозначенный фактор.

- **Убедительность доказательств.** *«В эксперименте Г.Филда (Field, 1979) присяжные, которые получали сильные доказательства, подтверждающие историю потерпевшей, выносили решение о более длительном тюремном заключении подсудимого, чем те, у кого таких доказательств не было».* Вновь следует отметить, что решение вопроса о длительности наказания не входит в компетенцию присяжных заседателей, однако применительно к российскому уголовно-процессуальному законодательству следует отметить, что убедительность и сила доказательств, приведенных сторонами, может, в том числе, существенно влиять на вероятность получения подсудимым снисхождения. Эту закономерность я имел возможность проверить на собственной практике по делу т.н. «Белых волков». Мой подзащитный обвинялся в совершении 9 убийств по мотиву национальной ненависти, однако ввиду отсутствия доказательств, по результату судебного следствия, присяжные заседатели вынесли вердикт в соответствии с которым по 6 эпизодам он был оправдан, а в остальных трех случаях обвинение было проголосовано с минимальным перевесом. При этом в этих трех оставшихся эпизодах, мой подзащитный был признан коллегией заслуживающим снисхождения. На первый взгляд, это было странно с учетом отягчающих обстоятельств обвинения, однако вполне рациональным объяснением такому решению присяжных является предположение, что и по этим 3 эпизодам они не были убеждены до конца в его виновности, поэтому приняли своего рода «Соломоново решение» - признали виновным, но заслуживающим снисхождения.

Наконец, следует упомянуть и вербальные факторы, влияющие (в основном негативно) на степень доверия к речи адвоката. К ним, в частности, относятся:

- Наличие ограничительных выражений типа «я думаю», «это кажется похожим», «если я не ошибаюсь», «возможно». Хотя, если указанные выражения приписать своему оппоненту, то уровень недоверия будет расти уже к нему: «Уважаемый прокурор возможно думает, что его аргументы убедительны» или «Свидетелю обвинения Петрову, его собственное заявление кажется похожим на правду». Более того, в некоторых оборотах использование подобных выражений может использоваться для создания определенного ироничного отношения к аргументам противника: «Если я не ошибаюсь, то единожды ударив человека кулаком в грудь, весьма сложно причинить ему смертельное ранение» и т.д.;

- Подъем интонации в утвердительных предложениях. Например, если вопрос касается количества ударов, нанесенных потерпевшему, то говорящий отвечает: «Пять, десять?!» с повышением интонации, что заставляет его ответ воспринимать как вопрос, то есть как полную неуверенность в сообщаемых им сведениях;

- Прямое заявление о своей неуверенности, например, «я не уверен», «я могу ошибаться» и т.п.;
- Наличие интенсификаций. Например, использование оборота «очень близкие друзья» вместо «близкие друзья» или просто «друзья»;
- Использование большого количества чужих цитат;
- Использование «пустых» прилагательных типа «превосходный», «очаровательный», «милый» и т.п.

Хотя, конечно, звучание всех здесь приведенных словооборотов весьма зависит и от контекста в котором они используются.

Может возникнуть, однако, вопрос: а какой способ анализа информации все-таки в большей степени характерен для присяжных – центральный или периферический? Честно говоря, и сказанное ниже всего лишь моя догадка, тем не менее я считаю, что шанс того, что в коллегии будут преобладать присяжные с центральным способом восприятия информации гораздо выше, чем с периферическим. Более того, по моему мнению, этот шанс будет стабильно выше и при сравнении коллегий присяжных из РФ и других стран, практикующих такую форму судопроизводства. Дело здесь в том обстоятельстве о котором мы уже говорили: участие в судах присяжных в тех же США – это обязанность граждан, участие же в суде присяжных в РФ по сути является делом добровольным. В итоге, в числе российских присяжных оказываются люди, как минимум, элементарно мотивированные к участию в процессе. То есть такие граждане, осознанно ставшие присяжными, считают себя способными и обязанными разобраться в сути дела и принять справедливое решение. Соответственно, оснований пользоваться периферическим способом обработки информации у наших присяжных значительно меньше, чем центральным...

ГЛАВА 11.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И СОБЛЮДЕНИЮ РЕГЛАМЕНТА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

*«Дорогой сэръ, поскольку моя секретарша - дама,
я не могу ей продиктовать то, что о вас думаю.
Более того, поскольку я - джентльмен,
я не имею права даже думать о вас так.
Но так как вы ни то, ни другое,
я надеюсь вы поймете меня правильно».*
Просто анекдот

*«Числа не помню. Месяца тоже не было.
Было черт знает что такое».*
Н.В.Гоголь, «Записки сумасшедшего»

11.1 Роль судебной практики в тактике защиты

Во время учебы в юрвузе, мне (как технарю по складу мышления) наша родная кодифицированная система права – в сравнении с прецедентной англо-саксонской – казалась вымуштрованными римскими легионами на фоне разношерстной толпы степных варваров. А потом я столкнулся с суровой прозой нашей юридической жизни и понял, что при всей стройности, логичности и перспективности идей, заложенных в кодифицированной системе права, использование прецедентов оказывается куда ближе к реальности и куда полезнее.

Общественные отношения, регулированием которых занимается юриспруденция, усложнились настолько, что каждый день преподносят юристам все новые и новые сюрпризы. Законодатель не только не успевает за реальностью, он ее (складывается такое впечатление) и не понимает вовсе, либо видит через какую-то кривую призму. В итоге, судебная практика у нас все сильнее и сильнее отрывается от правовой теории. Поэтому спасти ее (российскую Фемиду) может, похоже, только официальное признание судебного прецедента. Это хоть как-то компенсирует текущие законодательные пробелы и обеспечит приемлемый уровень предсказуемости судебных решений. Пока же, в отсутствии судебного прецедента, на просторах нашего «судебного фронта» обитает некий парадоксальный зверь - «единство судебной практики». Парадоксален он потому, что живет он исключительно на филькиных правах и вспоминают об этом самом «единстве» только тогда, когда это выгодно правоприменителю (точнее сказать – обвинителю), а во всяком ином случае вспоминают совсем другого зверя - «независимость судебной власти», благодаря чему и посылаются это самое «единство судебной практики» в отдаленные юридические дали.

«Судебная практика» существует, конечно, и в вопросах, связанных с судом присяжных. Впрочем, и в этом случае она, как всегда, разнонаправленная, что совершенно недопустимо для судебных решений здорового человека, но вполне приемлемо для суда курильщика...

Сильное влияние «судебной практики» можно отметить, например, в таком частном случае как исследование доказательств. Исследование доказательств в суде присяжных также имеет ряд особенностей, которые не характерны для судопроизводства с профессиональным судьей. Эти особенности обусловлены как каноническими правовыми нормами (прописанными в законе), так и апокрифическими (в законе не фигурирующими, но тем не менее систематически судами применяемыми).

Например, факты *двойной системы требований к доказательствам*, исследуемым в суде, можно выявить в подавляющем большинстве дел рассмотренных с участием присяжных заседателей. Так в деле Тихонова и Хасис председательствующий при допросе свидетеля обвинения запретил стороне защиты выяснять у него какой смысл он вкладывает в термин «неонацисты». Однако, когда тот же вопрос был задан стороной обвинения, председательствующий не только его не снял, но и запретил защите приносить возражения по этому поводу! Следует ли говорить, что и апелляция какого-либо нарушения в такой позиции суда первой инстанции не нашла?..

К чему я все это пишу? А к тому, что теперь в нашем разговоре о суде присяжных в современной России, нам пришло время переходить к детальному анализу этой самой «судебной практики». Вот только надо понимать, что анализируем мы ее не потому, что она носит какой-то упорядоченный и конкретный характер, а исключительно в силу того, что чего-то лучшего у нас просто нет. Законы слишком абстрактны и двусмысленны, а судейское усмотрение – вообще тайна за семью печатями (правда, почему-то оно, как правило, в пользу обвинителя). Короче говоря, последующий анализ – это жест отчаянья, поскольку ничего другого, более конкретного, у нас нет и видимо не предвидится. Два разных суда, в аналогичных ситуациях, вполне могут дать разные трактовки одним и тем же нормам права, по-разному оценить одни и те же факты, и принять диаметрально противоположные решения. А когда аргументов для обоснования своего решения суд найти не может, но само мнение с нужным результатом уже имеется, суд не брезгует выносить и совершенно безмотивные решения из которых вообще невозможно понять причины, побудившие суд его принять. Вот для затравки выдержка из Апелляционного определения ВС РФ от 5 апреля 2016 г. №78-АПУ16-7СП:

«То обстоятельство, что председательствующий судья отказал в удовлетворении ряда ходатайств стороны защиты, не

может свидетельствовать о его предвзятости, поскольку в силу специфики судебного разбирательства с участием коллегии присяжных заседателей указанные выше действия председательствующего судьи были продиктованы соблюдением требований ч.7 ст.335 УПК РФ».

<http://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-05042016-n-78-apu16-7sp/>

Ну а чем именно противоречили ходатайства защиты требованиям ч.7 ст.335 УК РФ – сие тайна великая есть и не нашего ума дело...

Кроме того, ниже я буду приводить решения судов, в которых очень часто оставляют в силе оправдательные вердикты и отменяют обвинительные. Пусть это не вводит Вас в заблуждение – на практике все обстоит как раз наоборот. Просто читать и цитировать оправдательные решения гораздо приятнее, чем обвинительные. Ну и, наконец, в качестве напутствия при ознакомлении с этой судебной практикой, хочется слегка перефразировать известную присказку астрологов: «Судебная практика склоняет, но не принуждает».

11.2 Заявление возражений на действия председательствующего

В судах присяжных председательствующие повсеместно пытаются запрещать приносить им возражения в присутствии присяжных. В итоге, у заседателей может сложиться впечатление, что защитники согласны со всеми решениями председательствующего (хоть это и не так). Вместе с тем, имеется несколько судебных решений, которые некоторым образом указывают на то, что возражения на действия председательствующего, если они не затрагивают процессуальных вопросов, высказываются в присутствии присяжных заседателей.

В частности, об этом идет разговор в Апелляционном определении ВС РФ от 1 октября 2013 г. №4-АПУ13-51СП:

«Как следует из протокола, в судебном заседании с участием коллегии присяжных заседателей по ходатайству государственного обвинителя было исследовано сообщение руководителя следственного органа, принятое в порядке статьи 158.1 УПК РФ. Адвокат Сулаквелидзе Р.Г., заявляя возражения в связи с исследованием данного документа, как это предусмотрено действующим законодательством, не затрагивал вопросы допустимости доказательств, т.е. вопросы, не входящие в компетенцию присяжных заседателей. В силу же части 3 статьи 243 УПК РФ, любой участник судебного разбирательства может заявить свои возражения, которые заносятся в протокол судебного заседания и указанное обстоятельство, с учетом конкретных обстоятельств дела, не расценивается судебной коллегией как оказание на присяжных заседателей незаконного воздействия».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/cae96aefe6989de3b0caa13140b29d53/>

Или вот еще одно судебное решение, по аналогичному вопросу, Кассационное определение от 22 декабря 2010 г. №4-010-183СП (кстати, это определение вынесено по нашумевшему в свое время делу о «покушении на Чубайса»):

«В соответствии с положениями части 3 статьи 243 УПК РФ, участникам судебного разбирательства предоставлено право принесения возражений против действий председательствующего, при этом возражения заносятся в протокол судебного заседания. Судебная коллегия считает, что не может расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона, заявление участниками уголовного судопроизводства возражений на действия председательствующего

судьи. В связи с чем, судебная коллегия не соглашается с доводами кассационного представления о том, что заявлением возражений на действия председательствующего судьи в ходе судебного разбирательства участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, в частности адвокатами Закалюжным Р.С., Чепурной И.Ю., оправданными Яшиным Р.П., Мироновым И.Б., Квачковым В.В., оказывалось воздействие на коллегия присяжных заседателей. Не может расцениваться как оказание воздействие на коллегия присяжных заседателей и заявление Квачковым В.В. отвода председательствующему судье».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/ca1128cc7ed6d1f3c7eb6109a02a9f31>

/

Примерно те же выводы следуют из Кассационного определения ВС РФ от 19 июля 2011 г. №81-О11-68СП (приговор оставлен в силе):

«Доводы представления о том, что председательствующий не во всех случаях прерывал недопустимые высказывания подсудимых, адвокатов, делал им замечания и давал разъяснения присяжным – несостоятельны, поскольку в судебном заседании со стороны государственного обвинителя не высказывалось возражений против действий председательствующего в соответствии с частью 3 ст.243 УПК РФ, а в представлении конкретные доводы и ссылки на такие факты, не изложены».

https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/81-о11-68сп/

...Апелляционного определения ВС РФ от 25 апреля 2013 г. №5-АПУ13-6сп (оправдательный приговор оставлен в силе):

«Вопрос о необходимости принятия к сторонам иных мер воздействия решается председательствующим. Судебная коллегия не находит, что у председательствующего имелись основания для принятия к подсудимому или защитникам мер воздействия, предусмотренных ч.ч.2,3 ст.258 УПК РФ.

В то же время, от государственного обвинителей, потерпевшего и его представителей на протяжении всего судебного разбирательства не поступало каких-либо заявлений, замечаний, возражений по поводу действий председательствующего, невыполнения им своих полномочий по обеспечению состязательности процесса, непринятия мер по исключению незаконного воздействия на присяжных заседателей».

https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/5-апу13-6сп/

...и Кассационного определения ВС РФ от 6 октября 2008 г. №29-о08-12сп:

«Из протокола судебного заседания видно, что сторона защиты не заявляла возражений против действий председательствующего судьи, которые предусмотрены ч.3 ст.243 УПК РФ.

Доводы кассационной жалобы о том, что обстоятельства дела не были исследованы в надлежащем объеме из-за того, что не допрошен свидетель М., несостоятельны, поскольку стороны не возражали закончить судебное следствие в его отсутствие».

https://uristu.com/library/sud/verhsud_big_40580/

Кстати, эти решения интересны еще и тем, что в очередной раз указывают сторонам на необходимость своевременного реагирования на спорные действия председательствующего, поскольку в противном случае вторая инстанция может и не

согласиться по формальным признакам с доводом сторон о том, что такие действия нарушали их законные права и интересы.

Итак, резюмируем, условием законности заявления возражений на действия председательствующего в присутствии присяжных заседателей, ВС РФ видит прежде всего в том, что эти возражения не должны затрагивать информации, не исследующейся в присутствии присяжных заседателей, например, вопросов допустимости доказательств...

11.3 Эмоционально-стилистические нарушения защиты

Критикуя нашу судебную систему, следует однако признать, что в ряде случаев имеют место и грубые ошибки в работе адвокатуры. Сразу хотелось бы оговориться, что приводя ниже следующие примеры, я не в коме случае не хочу оценивать работу своих коллег, участвовавших в указанных делах. Я вполне допускаю, что изложенные в Апелляционных решениях ВС РФ обстоятельства, могут быть искажены (с чем сам регулярно сталкивался на своем опыте), либо резкие высказывания коллег были явным образом спровоцированы судом или прокурором (чему я тоже не раз был свидетелем). В конце концов, я готов согласиться и с тем, что перечисленные ситуации не образовывали обстоятельств, влекущих за собой законные основания отмены приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, а отменены приговоры были по совершенно иным, далеким от идей правосудия, справедливости и законности основаниям. Однако, я также вынужден констатировать факт, что ситуации, когда адвокат по тем или иным (пусть и уважительным) причинам допускает в процессе весьма неоднозначные, с точки зрения закона и судебной практики, высказывания и действия, становящиеся в последствии формальной причиной отмены оправдательного приговора, не редки.

И вот некоторые из них. В данном случае, высказывания защитника стали практически единственным основанием отмены оправдательного вердикта. Но неужели, только эти заявления стали поводом для вынесения оправдательного вердикта? Не верю. Апелляционное определение ВС РФ от 23 октября 2013 г. №41-АПУ13-46сп:

«Между тем, во время судебного следствия по настоящему делу защитник Х. во вступительном заявлении, в присутствии присяжных заседателей, пытаясь дискредитировать доказательства стороны обвинения, допустил сравнение сотрудников милиции с "гестапо периода второй Мировой войны" и в качестве доказательства привел пример из уголовного дела, связанного с убийством священника <...> сообщив о том, что в ходе его расследования были получены более двухсот явок с повинной, но до суда дошел только один обвиняемый. При этом защитник не сослался на источник такой информации и не привел данные, свидетельствующие об ее относимости к настоящему уголовному делу... Во время прений сторон защитник Х., желая вызвать предубеждение присяжных заседателей к работе предварительного следствия, допустил в его адрес негативное высказывание: "...можете ли вы назвать хоть одного следователя, выполняющего свой долг честно и бескорыстно"...».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/33151817212f56056243d7b72723dc37/>

Или вот, например, цитата из Апелляционного определения от 6 мая 2013 г. №78-АПУ13-5СП (оправдательный приговор также отменен):

«Так, адвокат Х. во вступительном заявлении сказал, что "как такового следствия вообще не проводилось... эти люди будут вам врать... Часть материалов следователь вообще не положил в основу, и тщательно от нас скрывал... данное дело сфальсифицировано и не доказано..."», то есть

формировал у присяжных предвзятое отношение к следователю, стороне обвинения и представленным доказательствам... В ходе допроса свидетеля обвинения А. с участием коллегии присяжных заседателей, адвокат Х. выяснял у него его отношение и причастность к убийству Р., виновность и явку с повинной, "...вас уже признал виновным суд присяжных?". У свидетеля З. выяснял, "после вердикта присяжных, какой срок запросили А. и какой дали реально?". <http://www.zakonrf.info/suddoc/fc8141f55092ef36b6f113343ce76f7d/>

А вот Апелляционное определение ВС РФ от 21.04.2015г. №78-АПУ15-8СП, отменившее оправдательный приговор. Здесь суд усмотрел у защиты такие нарушения:

«Как правильно указано в апелляционном представлении, уже в самом начале судебного следствия адвокат Ли и подсудимый Овечкин, выступая с вступительным словом, ссылались на еще не исследованные судом доказательства. Еще во вступительном слове адвокаты Пальму, Дробышев и подсудимый Овечкин поставили под сомнение правомерность действий органов предварительного расследования по делу.

Так, адвокат Пальму заявил, что "...Главное следственное управление Следственного комитета должно показать свою активную работу, что оно раскрывает серьезные дела, поэтому различные случаи и эпизоды были объединены в одно дело и направлено в Санкт-Петербургский городской суд, так как якобы была создана группа людей - <...> человек, которых Вы судите, некоторые избежали ответственности, настоящая "<...>", которую мы сейчас судим, и Следственный комитет показывает, как он активно борется с такими страшными преступлениями, тем более что это за "<...>" без сотрудника правоохранительных органов, каким представлен мой подзащитный Ефрюшкин?". Адвокат Дробышев, обращаясь к присяжным, во вступительном слове, заявил: "Хотелось бы Вас призвать, задайтесь вопросом, доказывает ли это вину подсудимого, если да, то в каком преступлении, а не просто для статистики". Подсудимый Овечкин, давая недопустимую оценку вступительному слову государственного обвинителя, высказал следующее: "Вы выслушали выступление государственного обвинителя, который с чувством стыда изложил предъявленное мне обвинение, поскольку оно абсурдно, построено на противоречивых и неправдивых показаниях и доказательствах, которые в ходе следствия не были проверены и устранены, уголовное дело было возбуждено в конце 2009 года после реформы Следственного комитета РФ"; "При этом, объединяя разные уголовные дела под эгидой преступного сообщества, никто не побрезговал тем, что они не имеют между собой ничего общего, а в материалах дела нет информации о том, как преступное сообщество действовало, просто стали сажать всех подряд, а продержав год в следственном изоляторе в нечеловеческих условиях, начали отпускать"; "Государственный обвинитель оглашает обвинение таким, какое оно ему представлено следствием, и от того, как он красиво говорит и представляет обвинение, зависит карьера и зарплата"...

<http://www.zakonrf.info/suddoc/0a54c7c8f9b5c314d63bece36d2dc5cf/>

Конечно, как говорится: «Меня там не стояло», однако у меня все равно возникают серьезные сомнения, что оправдательные приговора по данным делам были получены именно благодаря процитированным апелляционной инстанцией высказываниям адвокатов, послужившим формальной причиной для отмены приговоров. Скорее причина оправдания подсудимых лежит в плоскости бездарной работы следствия и обвинения – с одной стороны, и профессионального исполнения защитой своих обязанностей – с другой. А раз так, то вдвойне обидно, что работа эта в итоге пошла насмарку...

Да, ситуации бывают разные, и порой даже такие не имеющие доказательственного значения, но эмоциональные высказывания могут склонить чашу весов в пользу подсудимого, однако предварительно нужно все тщательно взвесить и проанализировать – если позиция обвинения слаба, если в ходе процесса защита не совершала никаких серьезных нарушений закона, если по тем или иным признакам можно судить, что мнение присяжных на стороне подсудимого – стоит ли ставить потенциальный оправдательный приговор под угрозу отмены из-за таких вот стилистических мелочей? Не лучше ли, для пользы дела, обойтись без них? Это не в упрек, конечно, а в качестве рассуждения сугубо...

Ну, а в конце разбора данного вопроса, хотелось бы упомянуть еще одно любопытное судебное решение, сформулированное в Апелляционном определении от 18 марта 2013 г. №41-АПУ13-1СП. Здесь в апелляции прокурор, в частности, аргументировал свое требование об отмене оправдательного приговора тем, что подсудимый Холопов – с целью оказания незаконного воздействия – сопровождал свое выступление с последним словом «истериками», пытаясь таким образом убедить в своей невинности. И вот что по этому поводу решили судьи ВС РФ:

«Судебная коллегия находит, что само по себе такое эмоциональное состояние подсудимого не может свидетельствовать о нарушении уголовно-процессуального закона. Что касается попытки убедить присяжных заседателей в своей невинности, то это определено его позицией по предъявленному обвинению. При этом, согласно ч.2 ст.14 УПК РФ, определяющей презумпцию невинности, обвиняемый не обязан доказывать свою невинность».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/cafe6f3e0de4b7f5e604538247b248ca/>

Ладно, и на том спасибо.

11.4 Запретные слова, выводы и оценки

Имеется факт, из этого факта можно сделать вывод. Насколько этот вывод правомерен и убедителен – судить присяжным. Однако, это в теории, на практике же известны «запрещенные выводы». Казалось бы, ведь в УПК РФ совершенно четко записано – прения не являются доказательствами, а раз так, то о какой недопустимости тех или иных выводов в прениях может идти речь, если они сделаны на основе изученных в ходе судебного следствия доказательств?! Но нет, у судей своя, внечеловеческая, логика.

Неконкретизированность отечественных правовых норм порождает невозможность заранее со сколько-нибудь весомой вероятностью предсказать – признает ли суд тот или иной маневр защиты законным или нет? Более того, то что ранее сработало у одного адвоката в суде «А», может не и сработать у другого адвоката в суде «Б»! Так что пресловутое «единство судебной практики» не может заменить полноценного прецедента...

В суде присяжных, с учетом всех его особенностей, регулярно возникают «битвы за слова». Участники процесса и председательствующий систематически вступают в спор – какие формулировки и выражения допустимы в присутствии присяжных, а какие нет. Ранее, в главе, посвященной психологическим аспектам работы в суде присяжных, уже говорилось (и надеюсь обоснованно), что на присяжного в ходе процесса влияет не какой-то один фактор (внешний вид адвоката, примененный речевой прием, манера поведения прокурора и т.п.), а целый комплекс факторов. Причем в разных ситуациях эти самые факторы могут образовывать такие причудливые комбинации, что одни и те же приемы, использованные даже в похожем контексте, могут давать совершенно разные – порой прямо противоположные – результаты. Но это мое мнение, а вот судьи ВС РФ, например, твердо уверены, что присяжные заседатели являются рабами речевых оборотов, и если уж сказал адвокат

что-то ненадлежащее (по мнению суда), то только благодаря этому присяжные оправдательный вердикт и вынесли (как бы было хорошо в таком мире жить!).

Целый список всевозможных «запретных слов и выражений» приводится в Кассационном определении ВС РФ №209-О12-4СП от 28 августа 2012 года. Насколько эти запреты обоснованы, предлагаю судить читателям:

«Так, в ходе судебных прений адвокат Малютин, несмотря на неоднократные возражения стороны обвинения, систематически заявлял о неполноте предварительного и судебного следствия, давал оценку не фактическим обстоятельствам дела, а, пытаясь дискредитировать обвинение и представленные им доказательства, оценивал качество работы следователя и государственного обвинения, допуская некорректные выражения.

В частности, указанным защитником было заявлено:

- государственный обвинитель в судебном процессе... не имеет права беспомощно разводиться руками. Такие заявления гособвинителя, что он не знает, как это понимать, не знает, откуда это взялось и тому подобное...;

- постановка неопределенных вопросов и беспомощное разведение руками свидетельствует только о том, что у обвинения нет доказательственной базы;

- более того, перед вами давал показания свидетель Х., которого государственный обвинитель пытается сейчас опорочить. Эта попытка успеха иметь не может;

- приказ суду был представлен? Нет. Налицо только разговоры государственного обвинителя по поводу того, что кто-то что-то сказал или предположил по поводу приказа Гайдукова;

- государственное обвинение не предъявило документы, свидетельствующие о перечислении денежных средств за работы военнослужащих и воинской техники, за работы какой-либо из субподрядных организаций;

- кроме того, необходимо выяснить, кто оценил приказы как законные или незаконные. Никто. Когда идет спор по поводу специального вопроса или предмета, в частности, требующего научного подхода для его решения, необходимо привлекать специалистов и экспертов. В таких случаях назначается военно-уставная экспертиза, которую проводят незаинтересованные эксперты. Эксперты оценивают прав или не прав командир. Нам в суде экспертизу с мнением незаинтересованных специалистов не представили. Следовательно, все, что высказывает в суде государственный обвинитель ... - это его личное мнение, которое не может быть принято во внимание;

- в ходе судебного следствия государственный обвинитель 64 раза поставил свидетелям некорректный вопрос о том, кто получал деньги за сбор сучьев и рубку леса, сбор мусора и его сжигание, ...вопрос повторялся и повторялся, несмотря на протесты защиты. Это как раз тот самый случай, который эксперт З., которая выступала перед вами, определила как навязывание определенной информации путем речевого воздействия;

- многочисленные вопросы, поставленные государственным обвинителем сейчас, на завершающей стадии рассмотрения дела, неуместны, мы относим их к растерянности обвинения, надо было их выяснять раньше, на стадии предварительного и судебного следствия;

- вывод государственного обвинителя, что вред причинен "всему государству", если это так, то и предъявляйте в обвинении, что вред причинен "всему государству". Почему же вы в обвинительном заключении не предъявили причинение вреда "всему государству"? Получается, что в

обвинении не предъявлено причинение вреда ни конкретным лицам, ни "всему государству", а в прениях ведется об этом разговор;

- <...> рублей, которые постоянно упоминаются государственным обвинителем, не вменяются Гайдукову как преступление, в обвинении они не фигурируют, поэтому обсуждению в суде они не подлежат. Эта сумма за рамками обвинения, но государственный обвинитель настойчиво их обсуждает, а это неправильно. Надо говорить о том, что есть в обвинении.

Также в прениях сторон, несмотря на неоднократные замечания председательствующего судьи, с целью вызвать предубеждение к качеству работы предварительного следствия и государственного обвинения, дискредитировать представленные ими доказательства стороной защиты допускались следующие высказывания. Защитником Малютиным было заявлено:

- мы, конечно, не против юмористических находок К. и государственного обвинителя, но полагаем, такие взятки, как то расписками, фантиками, зайчиками – в наше суровое время не берут. Д. – среди взяточников сейчас нет. Сейчас берут наличными, и прокурору об этом наверняка известно;

- что касается подслушанных и записанных телефонных переговоров и разговоров, защита считает, что придавать серьезное значение пьяным разговорам, значит утратить реальную оценку событий. Никаких доказательств в этих телефонных переговорах нет. Из этого мата непонятно, какое обвинение можно выудить. Брать это за серьезное обвинение нельзя. То, что касается "толковища" по поводу <...> рублей в телефонном разговоре с К.».

https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/209-о12-4сн/

Другой пример «запретных слов» приведен в Апелляционном определении ВС РФ от 5 февраля 2015 г. №41-АПУ14-54СП. При этом, при анализе данного судебного решения отменившего оправдательный приговор, следует сделать вывод, что адвокату, видимо, запрещено ссылаться на нормы права. Ну а как еще можно трактовать нижеследующее судебное решение?

«В прениях защитник Лысенко Л.А., оказывая незаконное воздействие на присяжных заседателей, высказалась о возможности назначения Алексееву наказания в виде пожизненного лишения свободы, заявив: «Что делать с такими показаниями (С.)? Их нужно положить в основу обвинения? Нужно обречь человека на пожизненное заключение?».

А теперь посмотрите Кассационное определение ВС РФ от 11 октября 2011 г. №19-011-55СП. В нем судьи наоборот не усмотрели никаких нарушений в том, что до присяжных довели сведения из УК и УПК РФ. Единственное отличие от вышеописанного дела заключается в том, что в предыдущем примере оспаривались действия адвоката по делу закончившемуся оправдательным приговором, а в нижеизложенном – оспаривались действия прокурора по делу с обвинительным приговором:

«Неосновательно утверждение защитника о том, что в прениях государственный обвинитель Лозицкая и представитель потерпевшего, адвокат Кржечковский нарушали закон, ссылаясь на нормы УК, УПК и ГК РФ. Закон не запрещает этого делать, если это касается разъяснения присяжным заседателям правил оценки доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, понятий, характеризующих отдельные составы преступлений и признаки этих преступлений, а также таких общепризнанных понятий,

как гражданско-правовая сделка. Поэтому разъяснив присяжным заседателям отдельные положения закона, прокурор и представитель потерпевшего никакого незаконного воздействия на присяжных заседателей не оказывали, а действовали в рамках закона».

Какая у нас по этому поводу поговорка? Правильно, закон что дышло... Но страшным нарушением, влекущем отмену приговора (оправдательного, естественно) ВС РФ склонен считать не только доведение до присяжных каких-то сведений, которые суд запретил, но даже намек на их существование, без разъяснения их сути. Вот, пожалуйста, Апелляционное определение ВС РФ от 5 февраля 2015 г. №41-АПУ14-54СП:

«Также во время прений сторон в присутствии присяжных заседателей защитник Лысенко Л.А. касалась процессуальной стороны рассматриваемого дела, утверждая, что у С., на показания которого сослалась сторона обвинения, стояла задача "притянуть не просто Алексева, а "<...>" в это дело, тут же оговорившись, что эти сведения присяжным сообщать нельзя. Тем самым прямо дала понять присяжным заседателям, что С. имеет специально скрываемые от них причины для оговора подсудимого, опорочив одно из допустимых доказательств».

Короче, понятно. Приводить примеры запретов слов можно и дальше, но это скучно и грустно. Поэтому лучше я перечислю ситуации, когда те или иные формы оценок доказательств, использованные защитой, были признаны судом приемлемыми и допустимыми. Взять хотя бы Апелляционное определение от 11 мая 2016 г. №41-АПУ16-5СП (приговор оставлен без изменений):

«Заявление защитника Борисенко о том, что три опытных следователя и прокурор не смогли найти истину по делу, сделано в рамках высказывания его позиции о невиновности подсудимого, и его нельзя рассматривать существенным нарушением требований ч.3 ст.335 УПК РФ, тем более, что из содержания речи, в контексте которой эта фраза была произнесена, она не несла в себе цели, порочащей деятельность правоохранительных органов, и к тому же до того, как адвокат придал этому высказыванию какой-то иной смысл, его выступление было прервано председательствующим судьей, который дал коллегии присяжных заседателей необходимые разъяснения о том, что деятельность органов следствия не является предметом судебного разбирательства и призвал их не принимать во внимание сказанное защитником в этой части».

Или вот Апелляционное определение ВС РФ от 12 февраля 2014 г. №59-АПУ14-2СП:

«В судебных прениях адвокат Степаненко Е.А. указала, что "если бы у стороны обвинения были достаточные доказательства виновности подсудимого, в деле не появились бы залегендированные свидетели"».

Судебная коллегия считает, что в данном случае необходимо вести речь о соблюдении защитником положений ч.1 ст.88 УПК РФ – с учетом требований ст.53 УПК РФ – с точки зрения оценки имеющихся по делу доказательств не только с позиций их достоверности, но и достаточности для принятия присяжными заседателями соответствующего решения.

...Судебная коллегия считает, что приведенные в апелляционном представлении доводы не свидетельствуют о наличии

существенных нарушений уголовно-процессуального закона в ходе судебного разбирательства, повлиявших на мнение присяжных заседателей при вынесении оправдательного вердикта».

А также Апелляционное определение ВС РФ от 13 августа 2014 г. №58-АПУ14-33сп:

«Как следует из протокола судебного заседания, в ходе судебных прений адвокат Каргин С.В. в присутствии присяжных заседателей произнес фразу - "...органы предварительного следствия руководствовались принципом «Невозможное – возможно». Он также указал, что, по его мнению, "орган предварительного следствия пытался «пришить» к данному уголовному делу Егорова".

Изложенные выше суждения носят неконкретизированный характер, озвученные защитником фразы не могут свидетельствовать о его незаконном воздействии на присяжных заседателей. Они свидетельствуют лишь о том, что защитник, выполняя свои функциональные обязанности, в доступной для него форме и выражениях озвучил свою позицию о недоказанности вины его подзащитного. Это не является нарушением уголовно-процессуального закона».

Ну и Апелляционное определение ВС РФ от 14 апреля 2016 г. №81-АПУ16-10СП:

«Не основано на законе утверждение государственного обвинителя, что адвокат Чижова Н.А., заявив в судебных прениях о наличии у Мохова А.В. права на отказ от своих первоначальных показаний, стала обсуждать процессуальные вопросы, которые не находятся на разрешении в компетенции присяжных заседателей.

Действия защитника соответствуют требованиям ст. ст. 15, 47 ч.4 п.3, 53 и 334 ч.1 УПК РФ. В условиях состязательности и равноправия сторон в судебных прениях защитник не только вправе, но и обязан оценивать доказательства, в том числе показания подсудимого, с точки зрения их достоверности с учетом права давать любые показания на разных этапах уголовного процесса».

Еще один любопытный случай описан в Апелляционном определении ВС РФ от 13 августа 2014 г. №58-АПУ14-33сп. В этом процессе прокурор обжаловал оправдательный вердикт, ставя под сомнение допустимость оценки адвокатом изученной в ходе судебного заседания видеозаписи. Суд же, рассмотрев доводы обвинителя, определил:

«Относительно протоколов проверки показаний на месте с участием К. и Ш. следует отметить, что защитник, ссылаясь на них в судебных прениях, акцентировал внимание присяжных заседателей на видеозапись этих следственных действий, указывая на то, что они сами все это видели.

Судебная коллегия считает, что приговор соответствует ст.279 УПК РФ и является законным, обоснованным и справедливым».

Наконец, заканчивая тему допустимых и недопустимых речевых оборотов, хочется еще раз сослаться на Апелляционное определение ВС РФ от 14 апреля 2016 г. №81-АПУ16-10СП:

«Из протокола судебного заседания усматривается, что действительно в прениях сторон адвокат Чижова Н.А. привела суждения об определенном психологическом состоянии Мохова А.В.,

когда он давал "признательные" (по тексту представления) показания, находясь в условиях изоляции от общества.

Всякий раз председательствующий прерывал речь защитника и обращал ее внимание на недопустимость подобных высказываний в присутствии присяжных заседателей.

В то же время судебная коллегия считает необходимым отметить, что изложенные выше суждения и обстоятельства не являются нарушением уголовно-процессуального закона, так как адвокат вправе оценивать достоверность показаний своего подзащитного, данных в ходе предварительного следствия, с позиции нахождения последнего в определенном психологическом состоянии. В данном случае адвокат Чижова Н.А. не допустила каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона, она не говорила о недозволённых методах ведения предварительного следствия».

Вообще, эти споры «литераторов от закона» со стороны выглядят даже забавно, однако только до той поры, пока не осознаешь, что за ними стоят реальные судебные решения, то есть судьбы реальных людей...

11.5 Нарушения регламента заседания и их устранение в ходе процесса

В ходе судебного заседания с участием присяжных, систематически возникают ситуации, когда одна из сторон допускает высказывания, нарушающие требования законодательства (или требования судьи, что согласитесь – далеко не одно и то же). Это могут быть и ссылки на недопустимые или неисследованные доказательства, и заявления о незаконных методах ведения следствия, и упоминания о причастности к преступлению лиц не привлеченных (интересно почему) по делу в качестве подсудимых и т.д. Причем такие нарушения и «нарушения» могут допускать участники процесса как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

Если такое произошло, то это не означает, что «все пропало» и что приговор, вынесенный по этому делу, будет обязательно отменен вышестоящей инстанцией (особенно, если он обвинительный). Потому что для исправления подобной ситуации у председательствующего судьи существует свой ряд приемов и методов, хотя это и не дает стопроцентной гарантии устойчивости приговору (естественно, если он не обвинительный). В основном эти методы и приемы заключаются в разъяснении присяжным заседателям, что те или иные прозвучавшие сведения не являются доказательством и не должны учитываться ими при вынесении решения. И, порой, этого оказывается достаточно!

Вот, для примера, возьмем Апелляционное определение от 21 января 2016 г. №201-АПУ15-21сп. Сторона защиты оспаривает обвинительный приговор и указывает на то, что со стороны прокурора в ходе процесса имели место недопустимые высказывания, на что ВС РФ авторитетно заявляет:

«Суждение защитника о том, что высказывания государственных обвинителей и замечания председательствующего в ходе выступлений представителей стороны защиты в судебных прениях отразились на оценке присяжными заседателями исследованных доказательств, является предположением. Как следует из протокола судебного заседания, замечания председательствующего во всех случаях были сделаны им в пределах компетенции, установленной для него уголовно-процессуальным законодательством, а высказывания стороны обвинения пресекались. К тому же, необходимые разъяснения о том, что должно приниматься присяжными заседателями во внимание, а что нет при ответах на вопросы о доказанности обвинения, были даны

председательствующим в напутственном слове, и являлись гарантией того, что оценка доказательств присяжными заседателями будет дана на основе их внутреннего убеждения, а не по иным соображениям».

Так что устранение нарушений регламента судебного заседания возможно судом как непосредственно после их совершения, так и при произнесении напутственного слова. Но, конечно, лучше всего, когда применяются оба приема вместе. Вот для примера еще одно такое Апелляционное определение ВС РФ от 28 ноября 2013 г. №81-АПУ13-53сп:

«Доводы государственного обвинителя о том, что неоднократные напоминания присяжным заседателям со стороны подсудимых о том, что уголовное дело и выдвинутое в отношении них обвинение носит "заказной характер", а также о некачественном расследовании дела и слабости стороны обвинения повлияли или могли повлиять на вынесение ими необоснованного оправдательного вердикта – неосновательны.

Как следует из протокола судебного заседания и содержания напутственного слова, председательствующий разъяснил присяжным заседателям, что в совещательной комнате при вынесении вердикта они должны оценивать лишь доказательства, представленные сторонами, и не принимать во внимание поведение сторон».

Известны и более изощренные частные случаи вышеописанных методов устранения нарушений. Например, своевременное снятие вопроса, нарушающего (или «нарушающего») требования УПК РФ, также в большинстве случаев признается достаточной мерой реагирования. Это, в частности, следует из Апелляционного определения ВС РФ от 13 августа 2014 г. №58-АПУ14-33сп:

«В судебном заседании в присутствии присяжных заседателей были исследованы показания свидетелей К. и Ш., данные в ходе предварительного следствия, ввиду их противоречивости. Во время допроса К. защитник обратился к свидетелю с вопросом о том, соответствует ли действительности часть его первоначальных показаний и не изложены ли они "следователем субъективно". Однако данный вопрос был снят председательствующим и на него не прозвучало ответа...».

Однако известны случаи, когда этот метод восстановления законности «не работает». В основном это происходит в делах, по которым вынесены оправдательные приговоры. Мотивируются отмена приговора в этих случаях обычно тем, что количество совершенных нарушений настолько велико, что даже соответствующие разъяснения председательствующего не дают (по мнению апелляционной инстанции) гарантий того, что они не оказали незаконного воздействия на присяжных заседателей. Вот для примера Апелляционное определение от 3 апреля 2014 г. №3-АПУ14-3СП. Приговор был, естественно, оправдательный:

«Несмотря на то, что в ряде случаев в ходе судебного разбирательства председательствующий указывал на допущенные адвокатами Рыбаловым, Егоровым, Момотовым, подсудимыми Махмудовым и Гаджиевым нарушения, напоминал о них в напутственном слове, однако множественность допущенных нарушений участниками судебного разбирательства со стороны защиты, их систематический и целенаправленный характер, включая пререкания с председательствующим и информацию о незаконных методах расследования, не могли не повлиять на свободу коллегии присяжных заседателей в оценке доказательств по делу...».

Еще одно Апелляционное определение ВС РФ от 13 марта 2014 г. №71-АПУ14-Зсп, это определение интересно также и с той точки зрения, что каких-либо фактических обстоятельств судом в нем вообще не отражено. Имеется просто констатация «факта», мол, якобы были нарушения, а какие и в чем конкретно выразились – не важно. Оправдательный приговор отменен:

«Из протокола судебного заседания следует, что в ходе судебного заседания сторона защиты неоднократно пыталась довести до присяжных заседателей информацию и сведения, не подлежащие исследованию в присутствии присяжных заседателей и, хотя председательствующим судьей эти попытки пресекались, однако применяемые меры были недостаточны и указанные стороной защиты сведения повлияли на формирование у присяжных заседателей предубеждения об объективности доказательств, представленных стороной обвинения, а также на выводы о невиновности Магденко С.Ю.».

Аналогичные позиции есть и в других решениях (например, см. Апелляционное определение ВС РФ от 12 марта 2014 г. №21-АПУ14-2СП), прокуроры прекрасно об этом знают и не стесняются использовать. Вот цитата из прокурорского представления, приведенная в Апелляционном решении ВС РФ от 12 февраля 2014 г. №59-АПУ14-2СП:

«Несмотря на то, что председательствующим были приняты исчерпывающие меры к разъяснению присяжным заседателям законодательства, у них, безусловно, отложилась в памяти информация, которая до них не должна быть доведена. Они уяснили, что имели место случаи (далеко не единичные), когда на скамье подсудимых по вине правоохранительных органов оказывались невиновные. Указанные обстоятельства не могли не повлиять на мнение присяжных при постановлении вердикта».

Соответственно, в практической деятельности защитника необходимо учитывать эти печальные тенденции – отслеживать нарушения требований законодательства в процессе и реакцию на них со стороны председательствующего (с тем чтобы в последствии, в апелляционной инстанции, иметь возможность либо настаивать на оставлении приговора в силе, либо – если есть такая необходимость – говорить об его отмене).

Кстати, следует иметь в виду, что при коллизионной защите, иногда имеет смысл фактически пойти против действий коллег, защищающих других подсудимых, и настаивать на том, чтобы их заявления, вопросы или реплики, не соответствующие требованиям, предъявляемым к процессу с присяжными, также получали должную реакцию со стороны председательствующего. Особенно остро данная проблема встает в том случае, когда у вашего подзащитного имеется реальный шанс добиться оправдательного приговора...

Ну и, наконец, следует помнить о том, что в ряде случаев суд апелляционной инстанции не расценивает те или иные действия сторон как нарушающие права и интересы их процессуальных противников, если о данных нарушениях не было своевременно заявлено непосредственно после их совершения (и, кстати, первая инстанция точно также, порой, может сказать о нарушениях, произошедших на стадии следствия).

11.6 Регламент судебного заседания: инструкция по применению

Итак, как мы знаем, процессуальные вопросы в деле с присяжными слушаются без них. Обычно, председательствующие самостоятельно устанавливают порядок решения таких вопросов, либо отводя для этого время в начале заседания, либо в конце дня, либо специально делая перерывы в ходе судебного слушания.

Вместе с тем, не будет лишним знать, как это непосредственно в большинстве случаев происходит. Во-первых, имеет смысл на первом же заседании обговорить с председательствующим судьей порядок решения процессуальных вопросов. Так наиболее практично, если в начале заседания сторона, представляющая доказательства, сообщала бы противоположной стороне перечень доказательств, которые планируется исследовать в судебном заседании с тем, чтобы противоположная сторона имела возможность заявить ходатайства о недопустимости. Еще лучше, чтобы противоположная сторона сообщала список планируемых к оглашению доказательств заранее, например, за день до заседания (конечно, на условиях взаимности).

В свою очередь, судебной практике известен один прелюбопытнейший прецедент, изложенный в Апелляционном определении ВС РФ от 7 августа 2015 г. №92-АПУ15-6СП:

«В апелляционной жалобе он (подсудимый) указал, что председательствующий лишил его возможности заявить мотивированный, либо немотивированный отвод кандидату в присяжные заседатели Р., у которой брат работает в <...> отделе, так как об этом он узнал в ходе ознакомления с протоколом судебного заседания после постановления обвинительного приговора. До него эта информация не поступила на соответствующем этапе по той причине, что после того, как адвокат Котовщиков А.В. (он представитель потерпевшей) стал выяснять у кандидатов в присяжные заседатели о том, у кого из них есть близкие родственники, которые работают в правоохранительных органах, определенные кандидаты в присяжные заседатели поднимали руку и председательствующий приглашал их по очереди к судейскому столу вместе с адвокатами и государственным обвинителем, где и происходило выяснение определенной информации, но при этом не присутствовали подсудимые.

Согласно протоколу судебного заседания, данный довод осужденного нашел подтверждение.

Из него следует, что председательствующий избрал соответствующую форму общения с кандидатами в присяжные заседатели. При поступлении определенной информации, он приглашал кандидата в присяжные заседатели к своему столу вместе со сторонами, как указано в протоколе судебного заседания, где тот сообщал о себе и близких родственниках необходимые сведения. Аналогичные действия были совершены в отношении кандидата в присяжные заседатели Р., которая сообщила, что ее брат работает в <...>.

Однако лица, находящиеся под стражей, не могли быть приглашены к судейскому столу.

Судебная коллегия считает, что подобная форма общения с участниками уголовного процесса направлена на ограничение прав определенных лиц.

В ходе нового судебного разбирательства следует соблюсти нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие судопроизводство с участием присяжных заседателей».

Источник: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1361438

Еще одно нарушение регламента судебного заседания зафиксировано в Определении ВС РФ от 05.03.2003 г. №4-кпо03-13сп. Согласно ему, одним из

оснований отмены оправдательного (кто бы сомневался!) приговора, явилось «нарушение формы подачи вопросов присяжными заседателями к участнику процесса»:

«В соответствии с ч.4 ст.355 УПК РФ присяжные заседатели через председательствующего вправе, после допроса сторонами подсудимого, задать ему вопросы. Они излагаются в письменном виде и подаются председательствующему через старшину. Эти вопросы формулируются председательствующим и могут быть им отведены как не относящиеся к предъявленному обвинению.

Вопреки требованиям данного закона, присяжные заседатели, не соблюдая письменную форму, непосредственно задали Титову 10 вопросов, отвечая на которые тот сослался на протокол осмотра места происшествия, признанный судом недопустимым доказательством».

Источник: http://uristu.com/library/sud/verhsud_big_25916/

Из данного определения трудно сказать, насколько сильно именно это «нарушение» повлияло на отмену приговора в целом (поскольку ВС РФ усмотрел и другие основания для отмены), но раз уж оно приведено в определении, значит нарушение, по мнению ВС РФ, также являлось достаточно серьезным. Хотя, честное благородное, не понимаю – как нарушение формы задавания вопросов присяжными могло сказаться на выводах вердикта или правах и законных интересах стороны обвинения?!

Копаясь в залежах судебной практики, иногда вообще встречаются ситуации, которые можно принять за причудливые порождения параллельных вселенных, настолько они противоречат человеческой логике и здравому смыслу. Вот, например, какие доводы из прокурорского представления стали предметом изучения Верховного суда РФ в ходе вынесения Апелляционного определения от 21 апреля 2015 г. №78-АПУ15-8СП:

«Вместе с тем Судебная коллегия не может согласиться с доводом государственного обвинителя, указанным в апелляционном представлении, о том, что удаление из зала суда подсудимых Овечкина и Ефрюшкина привело к тому, что сторона обвинения была лишена возможности задать подсудимым имеющиеся у нее вопросы, относительно вмененных им преступлений, чем лишило сторону обвинения возможности представить доказательства путем допроса подсудимых.

Как следует из протокола судебного заседания, после удаления председательствующим подсудимых Овечкина и Ефрюшкина в связи с нарушением ими порядка в судебном заседании, государственным обвинителем не было заявлено ходатайств о возвращении подсудимых в судебное заседание для их дополнительного допроса. При таких обстоятельствах удаление Овечкина и Ефрюшкина из зала суда нельзя признать обстоятельством, ограничивающим право государственного обвинителя на представление доказательств, а является в соответствии со ст.258 УПК РФ обоснованной процессуальной мерой воздействия за нарушение порядка в судебном заседании со стороны подсудимых».

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=426297>

Есть такое понятие «хуцпа». С идиша на русский язык это можно перевести (естественно, с потерей изрядной доли нюансов и самобытности) как «супернаглость». То есть прокурор видит нарушение не в том, что подсудимых удалили и тем самым не дали им возможности произнести слово в свою защиту, а в том, что лишили прокурора

возможности «выудить» из них информацию, необходимую для доказательства их вины. Прокурору оставался буквально один шаг до того, чтобы заявить, что удаление подсудимых было проведено председательствующим умышленно, для того чтобы воспрепятствовать работе государственного обвинителя. Нет, ну а что?)

ГЛАВА 12.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

12.1 Исследование причастности к преступлению иных лиц

Одним из широко применяемых судьями приемов по нейтрализации защиты, является введение различных искусственных ограничений на доводимую до сведения присяжных информацию. В силу того, что наше современное уголовно-процессуальное законодательство написано не очень профессионально, неконкретно, двусмысленно и противоречиво (ограничусь только такими терминами и не стану называть УПК РФ и людей его написавших, и регулярно вносящих в него «странные» поправки, теми словами, которых они на самом деле заслуживают), это дает для судей широчайший простор для реализации своих процессуальных фантазий...

Часто ли на скамье подсудимых оказываются невинные лица? Официальная статистика уверяет, что практически никогда. Ну а для тех подсудимых, кто не согласен с такой «статистикой», суды уже прямо устанавливают запрет на упоминание о виновности в инкриминируемом им (подсудимым) преступлении других лиц, не привлеченных по данному делу в качестве подсудимых. Ну а если все-таки такое случилось, то ВС РФ не стесняется использовать это «нарушение» в качестве основания для отмены оправдательного вердикта.

Для хоть какой-то процессуальной мотивации своих решений, судья обычно ссылается на норму ст. 252 УПК РФ (Пределы судебного разбирательства) и универсальные в таких случаях ст.ст. 334 и 335 УПК РФ. Далее судья рассуждает (на публике) примерно так – если запрещено устанавливать виновность третьих лиц и вообще обсуждать вопросы не связанные с обвинением, значит нельзя и говорить о том, что убийство гражданина Сидорова совершил кто-то другой за исключением

подсудимого. На удивленные вопросы защиты: «А как же в таком случае доказывать невиновность подсудимого, если мы не отрицаем сам факт убийства, но оспариваем причастность к нему подсудимого?», – судья либо не реагирует, либо глубокомысленно заявляет, что суду вопросы не задаются и вообще вы сами выбрали такую форму судопроизводства. Ну а наиболее настойчивым адвокатам и подсудимым объявляются замечания «за пререкания с председательствующим». Доводы о том, что в процессе в отношении Х. нельзя установить виновность Y., поскольку последнему как минимум обвинение не предъявлено – на суд не действуют.

И вот примеры. Так, определением ВС РФ от 28.05.2007 №82-о07-7СП отменен оправдательный приговор именно по причине такого «нарушения» со стороны подсудимого:

«В соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и по предъявленному обвинению.

Указанное положение закона при рассмотрении настоящего дела нарушено, в частности, допрошенная в присутствии присяжных заседателей свидетель Е. дала показания, из которых следует, что, по ее мнению, фактически убийство потерпевшей совершено мужчинами и группой лиц. При этом в подтверждение своих предположений свидетель сослалась на ряд обстоятельств, имевших место по настоящему делу.

Таким образом, в судебном заседании были исследованы такие фактические обстоятельства, которые в соответствии со ст. ст. 334, 335 УПК РФ в присутствии присяжных заседателей исследованию не подлежали. Вместе с тем, председательствующий судья после допроса Е. не обратился к присяжным с заявлением не принимать во внимание, при постановлении вердикта, предположения свидетеля о причастности к убийству потерпевшей неустановленных следствием лиц».

Еще можно было бы согласиться с тем, если бы суд указал на недопустимость предположений о причастности к преступлению, однако в данном случае ВС РФ прямо говорит, что видит нарушение не в предположительном характере высказывания свидетеля, а в том, что председательствующий не встал на защиту прав и законных интересов этих самых упомянутых свидетелем и неустановленных следствием лиц.

Или вот как «хорошо» сформулировано в кассационном определении от 5 марта 2003 года №4-кпо03-13сп ВС РФ:

«Не соблюдены председательствующим и требования ст.252 ч.1 УПК РФ, определяющей пределы судебного разбирательства, согласно которой судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Из протокола судебного заседания следует, что адвокат Стрельцов выяснял вопросы о причастности к совершению преступления свидетеля П., предъявления ему обвинения по ст.ст. 105, 213 УК РФ, причину появления телесных повреждений на руке и другие обстоятельства, не относящиеся к предъявленному обвинению Т.».

Адвокат де «предъявлял обвинения»! Ух! Следующий пример – Апелляционное определение ВС РФ от 27 октября 2015 г. по делу №37-АПУ15-3СП:

«В силу ч.7 ст.335 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Вопреки данным требованиям закона стороной защиты инициировалось обсуждение причастности к рассматриваемому

преступлению свидетеля Д., в отношении которого постановлением заместителя руководителя <...> следственного отдела на транспорте от 01.12.2014 г. было отказано в возбуждении уголовного дела на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, предусмотренного ст.316 УК РФ».

Из текста приведенного определения в данном случае трудно сделать однозначный вывод о том, в связи с чем обсуждалась причастность свидетеля «Д.» к указанному преступлению. Велась ли речь о том, что свидетель «Д.» причастен к преступлению помимо подсудимых, либо вместо кого-то из них. Однако, если защита вела разговор о том, что этот самый «Д.» являлся соучастником преступления в дополнение к подсудимым – то в этом случае непонятно как такое обсуждение могло повлечь за собой вынесение оправдательного вердикта. То есть, вероятнее всего, защита утверждала, что «Д.» является настоящим совершителем преступления, инкриминированного подсудимым. Тогда получается, что сторона защиты, располагая доказательствами, уличающими в совершении преступления человека, которого органы следствия либо не смогли, либо не захотели привлечь к ответственности, вынуждена о них молчать...

А это, как и другие вышеописанные примеры, противоречит самой сути правосудия. Фактически приходится констатировать, судьи встали на защиту предполагаемых преступников, чья роль в рассматриваемых преступлениях стала для присяжных весьма вероятной, раз выслушав «незаконные» доводы защиты, они вынесли оправдательный вердикт в отношении обвинявшихся лиц. Хотелось бы в таком случае узнать, какие такие «интересы правосудия» защищали эти служители Фемиды, принимая вышеописанные решения?..

В Кассационном определении ВС РФ от 11 июня 2013 года №67-О13-36СП, небожители из Верховного суда не посчитали отказ стороне защиты в исследовании доказательств (свидетельских показаний) о причастности к преступлению иного лица нарушением, поскольку (по их мнению) вопрос о его действиях в силу ст.252 и ч.7 ст.335 УПК РФ не мог являться предметом исследования в судебном заседании с участием присяжных заседателей.

Стоит также заметить, что для объективной оценки приведенных судебных решений, крайне желательно было бы еще узнать с какими целями сторона защиты доводила до присяжных сведения о совершении инкриминируемых подсудимым преступлений другими лицами? Мне представляются возможными три варианта:

- Доводимая до присяжных информация об участии в совершении преступлений иных (помимо подсудимых) лиц никак не влияла на оценку вины подсудимых, и на оценку достоверности доказательств обвинения. Такое могло быть возможно в случае, если помимо подсудимых в совершении преступления участвовали и иные «неустановленные лица». В этом случае, я вполне готов согласиться с мнением ВС РФ о том, что такая информация и доказательства являлись неотносимыми доказательствами и они не могли исследоваться в присутствии присяжных заседателей. Вопрос о том как неотносимые доказательства могли повлиять на вердикт присяжных (а если все-таки повлияли, значит мнение суда об их неотносимости являлось ошибочным) оставим для другого обсуждения;

- Доводимая до присяжных информация влияла на оценку достоверности доказательств обвинения. Например, защита могла утверждать, что свидетель обвинения сам принимал участие в преступлении и теперь дает недостоверные показания в отношении подсудимых именно для того чтобы переложить ответственность и избежать наказания. В этом случае, мы имеем дело с частным случаем вопроса о допустимости доведения до сведения присяжных информации о личной заинтересованности свидетелей (обвинения) в исходе дела. Его мы подробнее еще обсудим отдельно в соответствующей главе;

- Наконец, третий вариант, когда защита утверждает о том, что преступные действия были совершены не подсудимым, а иным, известным защите лицом. То есть в данном случае, доказывая совершение преступления иным лицом, защита фактически доказывает невиновность подсудимого.

Как я уже сказал, трудно судить о том какой из перечисленных вариантов имел место в приведенных выше случаях. Хочется надеяться, что речь шла о первом или, в крайнем случае, втором варианте, хотя лично мне приходилось сталкиваться и с третьим. В частности, при рассмотрении дела в отношении саранского коммерсанта Юрия Шорчева судья запретил доводить до присяжных заседателей сведения о том, что инкриминируемые ему и еще несколькими подсудимым преступления были совершены не ими, а другими лицами, которые имели мотив, а некоторые даже были опознаны очевидцами на месте преступления...

Ладно, читаем дальше. В Апелляционном определении ВС РФ от 3 апреля 2014 г. №3-АПУ14-3СП судьи попеняли защите (а заодно и отменили оправдательный приговор) за то что:

«В ходе судебного следствия адвокаты Рыбалов и Егоров перед присяжными исследовали вопросы о причастности свидетеля С. к поджогу торгового центра, доводили до присяжных информацию о существовании документа о причастности других лиц к совершению преступления, защитник Рыбалов сообщал присяжным существо оправдательного приговора в отношении К. и П. как исполнителей поджога, который был отменен и не исследовался в судебном заседании».

Впрочем, когда нужно ВС РФ не усматривает нарушения в исследовании виновности других лиц, он тогда вообще не видит такого факта. Вот, например, Апелляционное определение ВС РФ от 14 мая 2015 г. по делу №67-АПУ15-12СП:

«В апелляционной жалобе и дополнениях к ней адвокат Архангельский А.О. в защиту Михайлова М.М. просит отменить обвинительный приговор и оправдать Михайлова М.М. По мнению защитника, постановленный в отношении Михайлова приговор является незаконным и несправедливым; судом нарушены требования уголовно-процессуального закона (ст.334, ч.7 ст.335 УПК РФ), поскольку в присутствии присяжных заседателей исследовались доказательства, подтверждающие совершение преступления другим лицом (по кличке "..."), являвшимся организатором и руководителем банды, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с его розыском. Данное обстоятельство, по мнению защитника, свидетельствует о недопустимости доказательств и повлияло на вердикт присяжных заседателей о виновности Михайлова в инкриминированных ему преступлениях. (...)

Вопросы о виновности других лиц, дело в отношении которых выделено в отдельное производство, вопреки доводам жалобы защитника Михайлова М.М., присяжными заседателями не разрешались, а доказательства стороны обвинения относились к инкриминированным Леонтьеву Д.Б., Керимову Э.Х., Михайлову М.М., Устинову М.Ю., Девятайкиной О.С. и Тарасовой Т.Г. преступлениям».

В общем все доводы судебной инстанции, в таком раскладе, свелись к формальной отписке. Тут вижу – тут не вижу, очень удобно.

Между тем, вопрос о допустимости доведения до присяжных информации о совершении инкриминируемого подсудимому преступления другим лицом, был предметом разбирательства Конституционного суда РФ, и указал в своем Определении от 29 сентября 2011 г. №1238-О-О КС следующее:

«Статья 252 УПК РФ, очерчивая пределы судебного разбирательства, устанавливает, что судебное разбирательство

проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (часть первая). Данная статья не содержит каких-либо запретов для подсудимого защищаться от предъявленного обвинения, в том числе приводить доказательства и доводы, свидетельствующие о том, что преступление было совершено не им, а другим лицом».

Черным по белому написано, но, увы, в большинстве случаев судьям Верховного суда РФ (не говоря уже о первой инстанции) абсолютно плевать не только на закон, но и на решения Конституционного суда.

Хотя, справедливости ради, иногда и Верховный суд все-таки принимает решения в соответствии с законодательством. Например, из Апелляционного определения от 12 января 2016 г. №51-АПУ15-38СП следует, что в суде первой инстанции подсудимому все-таки (пусть и ограниченно, по мнению защиты) дали возможность довести сведения о причастности к преступлению иного лица. И ВС РФ также не усмотрел в этом нарушения:

«Судебная коллегия отмечает, что доводы Песецкого О.В. о совершении преступления П. являлись предметом исследования суда с участием присяжных заседателей.

В судебном заседании потерпевший А. сообщил присяжным заседателям о якобы имевшем место признании П. в совершенном преступлении.

Вопреки доводам апелляционных жалоб, позиция Песецкого О.В. относительно предъявленного обвинения, а также о совершении преступления другим лицом, была доведена до коллегии присяжных заседателей, которым Песецкий О.В., в соответствии с законом, представил соответствующие доказательства в обоснование своей позиции. Эти доводы Песецкого О.В. оценивались присяжными заседателями наряду с версией обвинения о совершении преступлений Песецким О.В.».

Или вот Апелляционное определение ВС РФ от 3 ноября 2015 г. №58-АПУ15-45сп снова говорит нам о возможности исследования причастности к преступлению других лиц. Во всяком случае ВС РФ, опровергая аргументы защиты, изложенные в апелляционной жалобе, указывает:

«Что же касается доводов апелляционной жалобы о возможных мотивах преступлений и причастности к ним иных лиц, то данная позиция стороны защиты была доведена ею до сведения присяжных заседателей и получила оценку при обсуждении ответов на вопросы вопросного листа».

Следует обратить внимание и на Апелляционное определение ВС РФ от 23 июля 2013 г. №203-АПУ13-2сп. Несогласный с оправдательным вердиктом обвинитель принес представление в котором, в частности, указывал на то, что: *«В ходе допросов свидетелей К., Г. и Г. сторона защиты в присутствии присяжных заседателей делала намеки и однозначные выводы о причастности К. и Г. к убийству О.»*, однако, указанный довод прокурора был парирован апелляционным судом: *«Не свидетельствуют о нарушении порядка уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей и действия защитника Тарасенко В.Г., который, реализуя свои процессуальные права, указывал на возможность убийства О. иными лицами...»*. И оправдательный приговор, в данном случае, остался без изменений! Как говорится, могут же, когда захотят...

А вот Апелляционное определение ВС РФ от 18 февраля 2015 г. №51-АПУ15-3сп (тоже по делу Песецкого, но более раннее), которым (ни много, ни мало!) был отменен обвинительный (!!!) приговор, а дело направлено на новое рассмотрение. Вообще, читая этот документ, сложно избавиться от мысли о сюрреалистичности

описанных событий в суде первой инстанции. Тем не менее, они есть и заслуживают того, чтобы изучить документ в полном объеме вместе с заключением по их поводу Верховного суда (так что заранее приношу извинения за объем цитирования). Итак, в числе нарушений, повлекших принятие решения об отмене приговора, ВС РФ указал:

«Как видно из протокола судебного заседания, подсудимый Песецкий О.В. с самого начала судебного следствия при разрешении вопросов юридического характера (в отсутствие присяжных заседателей) заявлял председательствующему, что намерен дать показания перед присяжными заседателями и довести до них информацию о том, что он (Песецкий) не убивал потерпевших и не поджигал их жилище, а это преступление (убийство) в его присутствии совершил показывающий против него свидетель П., который, по его мнению, пытается таким образом переложить всю ответственность на него, чтобы самому избежать уголовного преследования.

Перед началом судебного следствия председательствующий запретил Песецкому О.В. доводить до присяжных сведения о причастности к преступлению свидетеля П.

При этом он дал подсудимому следующие разъяснения: "Настоящее уголовное дело рассматривается в отношении Вас. Вы можете высказать свою позицию защиты по обстоятельствам предъявленного Вам обвинения. Но суд не позволит Вам углубляться в обсуждение вопросов вины П. и излагать подробности его действий в отношении потерпевших. Вы можете сообщить о событиях преступления, касающихся Вас, Вашего обвинения и о своих действиях, но не вдаваться в подробности о действиях П. так как в отношении него дело не рассматривается...". "Вы не можете говорить об этом в связи с выбранным Вами порядком рассмотрения дела судом присяжных. При рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей существуют определенные ограничения. В соответствии с законом суд обязан оградить присяжных от исследования тех обстоятельств, которые могут ввести их в заблуждение, и не нужны им для ответов на поставленные перед ними вопросы. Если Вы хотите подробно говорить про вину П., то нужно было выбирать суд без участия присяжных".

В последующем, в том числе и в стадии прений сторон, подсудимый Песецкий О.В. неоднократно просил председательствующего, в целях реализации его права на защиту и соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон, дать ему возможность довести до присяжных заседателей указанную информацию с тем, чтобы они могли сопоставить его показания с другими доказательствами (в том числе с заключениями экспертиз) и дать им объективную оценку.

Председательствующий каждый раз разъяснял Песецкому О.В., что в своих выступлениях перед присяжными заседателями он не должен сообщать о действиях свидетеля П.

При этом председательствующий дал Песецкому следующее разъяснение: "Подсудимый может выразить свое критическое отношение к показаниям свидетелей и дать им оценку в совокупности с другими доказательствами... Вы можете давать оценку показаниям, сказать, что свидетель оговаривает Вас, но вдаваться в причины ваших отношений и почему это имеет место, нельзя".

"Подсудимый может говорить о том, что он не поджигал и не убивал З. и А., а это сделал другой человек. Но кто этот человек и действия этого человека находятся за рамками предъявленного Вам обвинения. Согласно ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению". (...)

После возобновления судебного следствия в стадии прений сторон, председательствующий предоставил подсудимому Песецкому возможность дать показания, но когда Песецкий в присутствии присяжных заседателей попытался сообщить о том, что он видел как П. (свидетель) стал наносить удары потерпевшему ножом в грудь, председательствующий прервал показания подсудимого и сделал ему замечание следующего содержания: "Еще раз разъясняю, что в соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению. Подробности действий П. описывать не нужно. Давайте пояснения в отношении себя. Наносили ли Вы предъявленные обвинением удары потерпевшим, совершали ли иные, предъявленные обвинением действия или нет".

В ответ на возражения Песецкого О.В. о том, что он своими показаниями пытается донести до присяжных заседателей "истинные события", происходившие в квартире, где были убиты потерпевшие, и тем самым дать возможность присяжным заседателям сопоставить его показания с другими доказательствами, чтобы они могли дать им объективную оценку, председательствующий предложил подсудимому: "Рассказывайте по событиям предъявленного Вам обвинения, совершали ли Вы те действия, которые Вам вменены, были Вы в доме А. 4 августа или нет, изложите свою позицию без подробного изложения действий другого лица".

При этом председательствующий обратился к присяжным заседателям с разъяснением: "Присяжных заседателей прошу не принимать во внимание высказывание подсудимого о том, что ему не дают довести до Вас свою позицию. Это не соответствует действительности и является попыткой втянуть вас в обсуждение вопросов законности действий председательствующего.... Мы не рассматриваем вопросы по действиям иного лица, которое не привлечено к уголовной ответственности. Это установлено ст. 252 УПК РФ. Дело рассматривается только в отношении подсудимого и только по предъявленному ему обвинению. Подсудимый вправе защищаться всеми способами, не запрещенными законом, говорить о том, что он не убивал, выдвигать алиби, или иные версии защиты. Исследование же причастности других лиц находится за рамками предъявленного обвинения... Мы исследуем те доказательства, которые представляют сторона обвинения и сторона защиты в отношении конкретного лица. Вы не должны дать увести себя в эмоции, и Вы должны разрешать вопрос о виновности Песецкого О.В. безотносительно к виновности другого лица в совершении данного преступления".

После сделанного председательствующим Песецкому О.В. замечания по поводу того, что он не должен "касаться действий третьих лиц", подсудимый пояснил, что П. врет, а свидетель обвинения М. его (Песецкого) враг. При этом он пояснил, что хотел бы довести до присяжных заседателей более подробную информацию, но не знает, как это сделать в сложившейся обстановке.

Председательствующий после такого заявления Песецкого О.В. обратился к присяжным заседателям: "Уважаемые присяжные заседатели! Прошу Вас не принимать во внимание слова подсудимого о том, что М. его враг, поскольку это не исследовалось в судебном заседании. В суде М. пояснил, что неприязненных отношений у него к подсудимому нет. Оценка достоверности показаний подсудимого, свидетелей, делается на основе всей совокупности доказательств. Вы сделаете вывод, кто говорит правду, а кто неправду, оценивая всю совокупность исследованных доказательств по данному делу".

Произнося реплику в прениях сторон, Песецкий О.В. еще раз попытался довести до присяжных свою информацию об обстоятельствах убийства потерпевшего З. свидетелем П., но председательствующий прервал его и предупредил, что если он, несмотря на запрет, будет пытаться доводить до суда присяжных подобную информацию, это будет расцениваться как нарушение с его стороны и он может быть удален из зала суда до окончания прений сторон.

Песецкий выразил недоумение, и пояснил, что не понимает, как ему необходимо себя вести, чтобы "в рамках закона" он смог бы рассказать присяжным заседателям все то, что он видел в доме, где произошло убийство потерпевших.

Председательствующий разъяснил подсудимому, что в рамках действующего закона он вправе давать показания по предъявленному обвинению, говоря лишь о своих действиях, "не касаясь действий другого лица, виновность которого не устанавливается присяжными заседателями", и что позицию о своей непричастности к убийству потерпевших он (подсудимый) уже довел до присяжных заседателей. (...)

При этом в напутственном слове председательствующий акцентировал внимание присяжных заседателей на то, что они "ни в коем случае не должны связывать ответы на вопросы о виновности Песецкого с виновностью или невиновностью, причастного либо не причастного к этому обвинению другого лица, дело в отношении которого мы не рассматриваем", ... "свои выводы при ответах на поставленные перед вами вопросы вам необходимо делать только на основании исследованных в суде доказательств и помнить, что здесь не рассматривается дело в отношении П., никакие обстоятельства его виновности или невиновности не исследовались, поскольку его никто не обвиняет". (...)

Указанные, а также другие аналогичные высказывания председательствующего в ходе судебного разбирательства, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что председательствующий запретил подсудимому Песецкому и не дал ему возможности довести до присяжных заседателей всю известную ему информацию, касающуюся инкриминированных ему событий.

В связи с ограничением права подсудимого довести до присяжных заседателей всю информацию, касающуюся убийства потерпевших и поджога дома, подробные показания об обстоятельствах произошедшего (в его версии) Песецкий смог дать лишь в присутствии председательствующего, к полномочиям которого не относится разрешение вопросов о доказанности деяния и о виновности подсудимого.

Отказывая в удовлетворении ходатайств стороны защиты, председательствующий пришел к выводу, что Песецкий реализовал свое право дать показания перед присяжными заседателями, и доведение до них сведений о том, что он не убивал потерпевших и что удары ножом потерпевшему З. нанес П. будет достаточной для них информацией.

Однако такой вывод судьбы нельзя признать обоснованным.

Право на защиту включает в себя право обвиняемого (подсудимого) защищаться любыми не запрещенными законом способами, в том числе давать суду полные показания, касающиеся инкриминированных ему преступлений.

С учетом того, что оценку доказательств, в том числе с точки зрения их достоверности или недостоверности, дают присяжные заседатели при вынесении вердикта о виновности или невиновности подсудимого (ч.1 ст.334, ч.1 ст.339 УПК РФ), они имеют право знать всю информацию,

которую намерен до них довести подсудимый, за исключением тех случаев, когда доказательство признается председательствующим недопустимым.

Доведение данной информации до присяжных заседателей необходимо, поскольку является необходимым условием для объективной оценки ими показаний подсудимого на предмет их достоверности или недостоверности путем сопоставления с другими доказательствами по делу.

Согласно ст. 17 УПК РФ, присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Оценка доказательств не может быть объективной, если подсудимому не предоставлена возможность довести до присяжных заседателей всю известную ему информацию об инкриминируемых ему событиях.

Тем более это актуально, когда в деле имеются показания свидетеля стороны обвинения, который, по версии подсудимого, сам причастен к данному преступлению и, давая против него показания, пытается таким образом переложить ответственность на подсудимого с целью избежать уголовного преследования.

Лишение подсудимого права в присутствии присяжных заседателей дать полные показания, в то время, когда такая возможность предоставлена свидетелю, является нарушением принципов равенства и состязательности сторон, а также права на защиту обвиняемого.

Ссылка председательствующего на "рамки закона", которые, якобы, не позволяют подсудимому в суде с участием присяжных заседателей доводить до них полную информацию о свидетеле, не привлеченном к уголовной ответственности, не основана на законе.

Согласно ст. 324 УПК РФ, производство в суде с участием присяжных заседателей ведется в общем порядке с учетом особенностей, предусмотренных главой 42 УПК РФ. **Положений закона, которые бы не позволяли подсудимому доводить до присяжных указанную выше информацию о свидетеле, глава 42 УПК РФ не содержит.**

Особенностями судебного следствия с участием присяжных заседателей является запрет на исследование в присутствии присяжных недопустимых доказательств (части 5 и 6 ст. 335 УПК РФ), запрет на исследование фактов прежней судимости подсудимого, признания его хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иных данных, способных вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч.8 ст.335 УПК РФ).

Председательствующим судьей дано неправильное толкование ч.7 ст.335 УПК РФ, предусматривающей возможность исследования в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей только тех фактических обстоятельств уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ, а также ст. 252 УПК РФ, которая содержит положения о том, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Данные нормы закона не запрещают подсудимому доводить до присяжных заседателей информацию об инкриминированных ему деяниях, в том числе и о причастности к этим деяниям лиц, не привлеченных к уголовной ответственности.

Мнение председательствующего судьи, сформулированное им в ходе судебного следствия и в напутственном слове, о том, что в случае, если присяжные заседатели выслушают полную версию подсудимого, то это может привести их к ошибочному решению, они окажутся под незаконным влиянием подсудимого, поскольку вынуждены будут решать вопросы о виновности лица, не привлеченного к уголовной ответственности - неосновательно.

По смыслу ч.7 ст.335 УПК РФ, ст.252 УПК РФ в их взаимосвязи с положениями других норм уголовно-процессуального закона (статей 333, 334, 339 УПК РФ), председательствующий не вправе ставить на разрешение присяжных заседателей вопросы о виновности лица, не привлеченного к уголовной ответственности. Но это не означает, что до присяжных заседателей не должна доводиться информация осужденного, утверждающего о своей непричастности к преступлению и о совершении этого деяния другим лицом, свидетельствующим против него.

Напротив, эта информация поможет присяжным заседателям в совещательной комнате, тайна которой предусмотрена ст. 341 УПК РФ, вынести объективный вердикт о причастности или непричастности подсудимого (Песецкого О.В.) к инкриминированным преступлениям и о его виновности или невиновности. (...)

С учетом изложенного, Судебная коллегия приходит к выводу о несправедливости судебного разбирательства по данному делу с участием присяжных заседателей ввиду нарушения права на защиту подсудимого Песецкого О.В., а также принципов равенства сторон и состязательности судопроизводства.

Существенное нарушение уголовно-процессуального закона является основанием для отмены приговора (п.2 ст.389.15 УПК РФ)...

Добавить к этому Апелляционному решению ВС РФ нечего. Редкий случай неукоснительного соблюдения закона! Впрочем, надо понимать (перефразируя поговорку), что суровость и однозначность формулировок позиций Верховного суда по этому делу, смягчается необязательностью их исполнения, причем не только нижестоящими судами, но и самим ВС РФ в других случаях. А потому, дабы не вводить читателя в неоправданный оптимизм, закончу этот параграф ссылкой на Апелляционное определение ВС РФ от 10 июня 2015 г. №78-АПУ15-18СП:

«В ходе судебного разбирательства сторона защиты активно выясняла причастность иных лиц к убийству Р., суть таких выяснений сводилась к причастности лиц, которым такое обвинение не предъявлялось, и выражалась в высказываниях следующего характера: "Заказчик гуляет на свободе", "Так от кого был заказ? От М., от Х.?", "Какие-либо конфликты были по бизнесу в <...> области, которые могли иметь отношение к убийству Р.? Конфликты были жесткие, были и поджоги деревни, неуплата долга <...> предпринимателями...", "Конфликт, связанный с поджогом деревни, мог быть связан с убийством Р.?", "Что Вам известно про факты слежки? Один из конфликтов у Р. был с Н. ... Был еще факт слежки в 2005 г."...».

Оправдательный приговор по этому делу был отменен. Так что практика судебная она такая – сегодня одна, а завтра другая. Увы.

12.2 Пределы исследования и оспаривания версии обвинения и защиты

Следующая распространенная практика, на которую мы обратим внимание, это запрещение доводить до суда версию защиты. Да, конечно, это незаконно, да нарушает равенство прав сторон – ну и что?! Главное, что такой способ

судоправления, в ряде случаев, находит понимание и у ВС РФ. Взять хотя бы Апелляционное определение от 7 июля 2015 г. №9-АПУ15-8СП – по указанному делу сторона защиты заявляла, что мотивом совершения преступления была не корысть, а негативное отношение к гомосексуальным наклонностям потерпевшего. Но ВС РФ имел по этому поводу иное мнение:

«Из текста обвинительного заключения следует, что Антонов В.О. и Тренин А.Н. обвинялись в разбое, то есть в нападении в целях хищения чужого имущества. Сорокин С.В. - в разбое, то есть в нападении в целях хищения чужого имущества, а также в убийстве, то есть умышленном причинении смерти другому человеку. При этом, такой мотив преступлений как личные неприязненные отношения, связанные с сексуальными предпочтениями потерпевшего, ни одному из осужденных не вменялся. Версия стороны защиты признается и исследуется лишь в том случае, когда она относится к предъявленному обвинению. Таких оснований в рассматриваемом случае не усматривается».

Еще один пример – Апелляционное определение от 10 июня 2015 г. №78-АПУ15-18СП, которым был отменен оправдательный приговор по делу:

«Во вступительном заявлении адвокат Новолодский Ю.М. довел до сведения присяжных информацию, выходящую за пределы судебного разбирательства, заявив, что " <...> и другие люди, более серьезные люди, стоящие за ним, были намерены захватить очень неплохое предприятие, учредителем которого был Тюрин, что там стоят серьезнейшие имущественные интересы...". При этом председательствующий не прервал защитника и не разъяснил присяжным заседателям, как того требует закон, что сказанное не следует принимать во внимание». И далее там же:

«Адвокат Логвиненко Б.В. в прениях заявил: "Были ли у Р. враги и сколько их было... Ищи мотив и кому это выгодно. В 90-е годы она занималась бизнесом. Н. говорил о том, что Р. была не очень удачливой и склонной к аферам. Р. оставила после себя количество долгов и людей, которые ненавидели ее – километровая очередь людей, которые могли заказать Р. Были ли враги у Р.? Да, были. Количество 2-3 десятка. Могли заказать? Да! Вот вам первый факт. Эти люди были заинтересованы в устранении Р.". Адвокат Коцеев А.С. в прениях также ссылался на недопустимые сведения: "В отношении Р. были возбуждены уголовные дела. Ее смерть сняла проблемы", "Настоящие заказчики ходят и улыбаются, и дают показания в суде" ...».

Изложенная тут позиция Верховного суда со всей ясностью показывает, чего на самом деле стоят все эти разговоры о равенстве прав сторон на практике. Следствие излагает свою версию (обвинение) и, естественно, игнорирует версию защиты. Но во всяком случае следствие – это сторона обвинения и она не обязана быть объективной и беспристрастной. Но вот дело попадает в суд и наш «самый гуманный и справедливый» заявляет, что будет рассматривать только версию обвинения и ничего более.

Из изложенного следует один единственный вывод – **по мнению российского суда, версия защиты должна совпадать с версией обвинения, и никак иначе.** Именно поэтому при разработке стратегии защиты по делу с участием присяжных заседателей, особую роль приобретает разработка и доведение до присяжных заседателей контрверсии исследуемых событий.

Нет никаких оснований надеяться, что в суде с присяжными председательствующий позволит беспрепятственно говорить о скрытых причинах возникновения конкретного дела. Месть со стороны силовиков, рейдерские захваты предприятий, устранение конкурента – все это, будь хоть сто раз правдой, до

присяжных заседателей доводить не дадут. Поэтому выходов здесь два – либо перерабатывать контрверсию защиты таким образом, чтобы снять наибольшее число моментов, которые будут вызывать противодействие суда, либо же, при сохранении этих спорных элементов контрверсии, следует готовиться к судебному процессу с высокой степенью конфликтности. Тогда, соответственно, придется сразу наметать приемы и способы доведения до присяжных контрверсии, вопреки воле и при активном сопротивлении председательствующего. Плюс в этом случае также сразу надо иметь в виду, что возможный оправдательный приговор по этому делу будет, к сожалению, иметь весьма высокие шансы на отмену во второй инстанции...

Довольно часто защите приходится сталкиваться и с запретом председательствующего на доведение до сведения присяжных информации, могущей заставить их усомниться в достоверности показаний свидетелей, в частности, сведения об их связях со сторонами дела, служебной или иной зависимости от потерпевшего, их личной заинтересованности в исходе процесса и т.д. Делается это судами либо со ссылкой на недопустимость разглашения сведений, могущих вызвать предубеждение со стороны присяжных, либо по причине того, что подобные сведения (по мнению суда) не являются предметом оценки присяжных заседателей.

Вместе с тем, в редких случаях, но все-таки иногда можно наблюдать решения ВС РФ, которые хоть как-то возвращают эти фривольные трактовки закона к реальности. Например, можно сослаться на Кассационное решение ВС РФ от 28 июня 2006 г. по делу №67-о06-36СП в котором Верховный суд унял прыть гособвинителя, который ходатайствовал об отмене приговора на том основании, что защита-де порочила доказательства обвинения:

«Вопреки положениям ч.7 ст.335 УПК РФ, как указано в представлении, в присутствии присяжных заседателей В. высказывал сомнения в правдивости показаний Ч.Е., П.А. (в суде), Д.Б. и С.Е. (оглашенных в суде), заявив, что указанные свидетели опасаются за свое место работы и кому-то выгодно, чтобы они дали показания против него.

В то же время Судебная коллегия не может согласиться с доводом кассационного представления о том, что В. высказывал свои сомнения по поводу правдивости показаний свидетелей Д.Б., П.А., Ч.Е. и С.Е., а это, по мнению государственного обвинителя, есть нарушение уголовно-процессуального закона.

В этом случае подсудимый не нарушил закон, о чем речь идет в ч.2 ст.385 УПК РФ. Он высказывал свою оценку по поводу показаний допрошенных свидетелей, не подвергая при этом сомнению допустимость и относимость их показаний»...

12.3 Исследование личности свидетеля (потерпевшего)

В принципе, прямого запрета на исследование личности потерпевшего или свидетеля закон не предусматривает. Поэтому наиболее креативным судьям приходится выводить это требование «десятой дорогой». С одной стороны, определенное разумное зерно в этом есть – дабы не превращать судебный процесс в склоку базарных торгов. С другой стороны, с особой тщательностью судьи пресекают попытки защиты обратить внимание присяжных на такие моменты в личности свидетелей и потерпевших, которые прямо указывают на степень достоверности их показаний.

Классический пример – Апелляционное определение ВС РФ от 15 сентября 2015 г. по делу №58-АПУ15-38сп в котором ВС отменил оправдательный приговор именно на таком основании и заодно сформулировал свою позицию по этому вопросу на будущее:

«Данные о личности потерпевшего могут исследоваться с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для

установления отдельных признаков состава преступления. При этом, по смыслу закона, запрещается исследовать с участием присяжных заседателей данные, способные вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении потерпевшего (свидетеля). К данным о личности потерпевшего, способным вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении потерпевшего, с учетом конкретных обстоятельств дела могут относиться, в том числе, сведения, негативно характеризующие потерпевшего в быту (например, систематическое употребление спиртных напитков, агрессивное поведение в состоянии опьянения, неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, жестокость по отношению к детям и т.п.)...».

Но круче всех «извернулся» в этом вопросе Конституционный суд РФ в своем определении от 11 мая 2012 г. за №686-О. Оцените полет мысли:

«Часть 8 статьи 335 УПК РФ, регламентирующая особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, предусматривает, что данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется; запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Приведенные положения закона не регламентируют вопросы исследования в присутствии присяжных заседателей сведений о личности потерпевшего и свидетеля. Такие вопросы, с учетом необходимости сохранения судом объективности и беспристрастности в ходе судебного разбирательства, разрешаются на основе взаимосвязанных положений статей 252, 299, 334 и 335 (части третья, шестая и седьмая) УПК РФ, в соответствии с которыми в присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию вопросы права, не входящие в компетенцию присяжных и способные вызвать их предубеждение в отношении участников процесса (п.21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года №23 "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей")...»

При этом указанное Постановление пленума ВС РФ содержит следующие положения:

«В соответствии с требованиями закона о сохранении судом объективности и беспристрастности в ходе судебного разбирательства, протоколы следственных действий, заключения экспертов, протоколы показаний потерпевших, свидетелей и другие приобщенные к делу документы оглашаются, как правило, стороной, заявившей ходатайство об этом, либо судом.

В присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию процессуальные решения – постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а также не подлежат обсуждению и разрешению вопросы и ходатайства, направленные на обеспечение условий судебного разбирательства, такие, как принудительный привод потерпевших, свидетелей, отводы участникам процесса, вопросы, касающиеся меры пресечения, и другие вопросы права, не входящие в компетенцию присяжных заседателей и способные вызвать их предубеждение в отношении подсудимого и других участников процесса.

Не допускается оглашение приговора по другому делу в отношении ранее осужденного соучастника (соучастников). Согласно статье 74 УПК РФ такой приговор не является доказательством по рассматриваемому делу и в соответствии со статьей 90 УПК РФ не может предрешать виновность подсудимого. Оглашение такого приговора следует расценивать как незаконное воздействие на присяжных заседателей, которое может повлиять на их ответы на поставленные вопросы и соответственно повлечь за собой отмену приговора».

То есть прямого запрета на изучение сведений о личности свидетелей и потерпевших и в Пленуме нет (за исключением факта их принудительного привода в суд), но самое умильное во всем это то, что КС РФ, мотивируя свое решение, кладет в его основу... Постановление пленума ВС РФ, то есть позицию нижестоящей (пусть и с некоторыми оговорками) судебной инстанции. Фактически, оценивая конституционность нормы закона, Конституционный суд ссылается на документ, не обладающий какой-либо нормативной силой. Как говорится, приехали...

Далее – еще один пример запрета на изучение личности свидетеля. Апелляционное определение ВС РФ от 10 июня 2015 г. №78-АПУ15-18СП (оправдательный приговор отменен):

«Отвечая на снятый председательствующим вопрос защиты, свидетель Н. пояснил: "Р. была директором столовой <...> завода. После этого она попробовала заняться бизнесом, но весь ее бизнес состоял в том, что она у кого-то деньги брала и бездарно их теряла. Поэтому и конфликты были постоянные". "Вы можете сказать, кто был покровителем Р.?", "Это были сотрудники милиции в ранге полковника. У нее была разная "крыша", "В 90-е Р. была под крышей <...>", "Она была мошенницей". До сведения присяжных была доведена информация о том, что в отношении Р. были возбуждены уголовные дела...».

Можно, конечно, согласиться с тем, что порочащие сведения, не имеющие отношения к делу, не должны доводиться до присяжных, однако под этот запрет заодно попадают и сведения, раскрывающие причины оговора свидетелем или потерпевшим подсудимого. А вот с таким запретом согласиться уже нельзя!

Между прочим, и ВС РФ тоже «не может согласиться», но весьма избирательно. Например, мотив оговора подсудимого суд считает темой запретной, а вот мотив совершенного подсудимым преступления – вполне допустимым для обсуждения его перед присяжными, в том числе, раскрывая данные о личности подсудимого и потерпевшего. Обратите, в этой связи, внимание на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июня 2010 г. №14-О10-25сп:

"...За два дня до покушения на убийство С. между Астаниным и его супругой произошел скандал, в результате которого супруга, собрав свои личные вещи, со своим малолетним ребенком переехала на постоянное место жительства к своим родителям С. и С. Астанин П.М., полагая, что причиной их семейного конфликта является тесть, испытывая к нему неприязнь, решил совершить его убийство с особой жестокостью, общеопасным способом путем сожжения".

Впрочем, следует так же отметить, что законность подобной позиции ВС РФ оспаривается Европейским судом по правам человека. Так в своем постановлении по делу "Пичугин против Российской Федерации" от 23 октября 2012 г. Европейский суд отметил, что:

"Положение заявителя было... усугублено тем, что ему не было позволено задавать г-ну К. вопросы об определенных факторах, способных

подорвать достоверность его показаний", "...председательствующий судья сняла все вопросы о судимостях г-на К., о том, почему он не давал инкриминирующих заявителя показаний в ходе своих первых допросов в 1999 г. и о том, что именно мотивировало его начать давать такие показания в 2003 г., а также вопросы, касающиеся возможно оказанного на него давления со стороны органов прокуратуры".

Указав на то, что показания свидетеля К. были решающими для осуждения подсудимого, Европейский суд также отметил, что указанные вопросы свидетелю со стороны защиты были крайне важны, поскольку позволяли оспорить достоверность его показаний, оценка которых отнесена к исключительной компетенции коллегии присяжных заседателей:

"Задачей коллегии присяжных было определить, какое значение (если вообще они имеют какое-либо значение) следует придавать показаниям г-на К. против заявителя. С тем чтобы эту задачу выполнить, присяжным должны были быть известны все имеющие к делу обстоятельства, влияющие на точность и достоверность данных показаний, включая какие-либо возможно имевшиеся у г-на К. побудительные причины ложного изложения фактов. Соответственно, защите было важно обсудить вышеуказанные вопросы в присутствии коллегии присяжных с тем, чтобы проверить достоверность и правдивость показаний г-на К. Суд озабочен заявлением председательствующей судьи, что защите заявителя "не разрешается подвергать показания свидетеля сомнению"... и что коллегии присяжных "нет необходимости знать, что мотивировало (г-на К.) дать показания против заявителя".

В итоге Европейский суд пришел к выводу, что запретом исследования данных о личности потерпевшего с участием присяжных заседателей в данном случае "права заявителя на защиту были ограничены в объеме, не совместимом с предоставляемыми в Конвенции гарантиями", что соответственно нарушило его право на справедливое судебное разбирательство. Впрочем, насколько наши суды считаются с практикой ЕСПЧ, полагаю, объяснять не надо... Увы.

12.4 Исследование личности подсудимого

Исследование личности подсудимого в присутствии присяжных заседателей в целом тоже не запрещено, за исключением ч.8 ст. 335 УПК РФ, которая говорит о следующем:

«Данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого».

Но УПК РФ это одно (да и мало ли какое у кого мнение, что может вызвать предубеждение, а что нет), а судебная практика – совершенно другое. Вот, например, в Кассационном определении ВС РФ от 11 июня 2013 г. №67-О13-36СП суд не усмотрел нарушения в исследовании сведений о том, что подсудимый служил в «горячей точке», поскольку посчитал, что эти сведения «могут служить косвенным доказательством владения осужденным навыками применения огнестрельного оружия и наличия в связи с этим у него возможности совершить посягательство на жизнь потерпевших с применением оружия!» Исследованы эти сведения о личности, как нетрудно догадаться, были потому, что они явным образом шли на пользу обвинению.

С другой стороны, имеется Апелляционное определение ВС РФ от 5 февраля 2015 г. №41-АПУ14-54СП, которым был отменен оправдательный приговор, в том числе и по такому основанию:

«Между тем, во время судебного следствия по настоящему делу до сведения присяжных заседателей доводилась информация, не относящаяся к обстоятельствам дела и не подлежащая исследованию с участием присяжных заседателей, ставящая под сомнение законность получения доказательств обвинения.

Так, Алексеев в ходе допроса, при выступлении в прениях сторон доводил до сведения присяжных заседателей данные о своей личности, позволяющие сформировать его положительный образ, наряду с этим допускал высказывания, способные вызвать у присяжных заседателей предубеждение в отношении потерпевшей. В частности, пояснил: "Несмотря на колоссальные усилия потерпевшей Г. ... школа для детей до сих пор бесплатная. ... Я в этой школе работаю не за зарплату, а за идею ... У. и Г. это сторонники введения платного образования в школе. ... Я на эти махинации никогда не шел и прямо об этом говорил. Вот почему мне не добавали, вот почему меня не любили, и вот почему я крайне неудобный директор школы".

Данные о личности Алексеева при выступлении в прениях довела до сведения присяжных и его защитник Лысенко Л.А., в частности, указывая, что "...на скамье подсудимых находится не кто-нибудь, а директор детского юношеского центра, за плечами которого 450 детей.... кто может бросить камень в сторону директора учреждения дополнительного образования, который стоит на страже интересов не своей машины, не своей дачи, не своего дома, не своей должности, не своих правительственных наград. Он стоит на страже несовершеннолетних 450 детей". К этим обстоятельствам защитник обращалась по ходу своего выступления неоднократно».

Даже оставляя в стороне «непонятку» - причем тут вообще «законность получения доказательств обвинения», зададимся вопросом - какие-же такие «ужасные» сведения о личности подсудимого довели до присяжных заседателей? Видимо, это сведения о том, что подсудимый честный и порядочный человек (ну во всяком случае по его собственному мнению и мнению защиты). Да, действительно, представьте себе всю бестактность защитников – следствие, прокуратура и суд тратят миллионы из карманов налогоплательщиков, силясь доказать, что подсудимый жулик и пройдоха, а у защитника хватает наглости это оспаривать! Есть от чего отменить оправдательный вердикт...

И сравните эту позицию с умозаключениями из Кассационного определения ВС РФ от 11 июня 2013 г. №89-О13-14сп:

«Из материалов дела видно, что данные о личности Филатова приводились государственным обвинителем в той мере, в которой они были необходимы для установления признаков преступления, то есть в соответствии со ст.335 ч.8 УПК РФ».

То есть тут суд признал изучение личности подсудимого допустимой, но самое главное, что каких-либо конкретных причин, по которым суд пришел к такому выводу, небожители из ВС РФ указать не сообразовали. Как говорить – жрите, что дают.

Или вот еще одно Апелляционное определение ВС РФ от 10 февраля 2014 г. №41-АПУ14-4СП (обвинительный приговор устоял):

«...(Из жалобы защиты): Государственный обвинитель во вступительном слове не выполнила требования ст.335 ч.7, 8 УПК РФ, заявив,

что Шарников был безработным, то есть охарактеризовала его с отрицательной стороны.

(Умозаключение ВС РФ): Данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимых, не исследованы».

И как прикажете это понимать? То ли, что данные о безработности не отражены в протоколе, то ли что ВС не считает это характеристикой личности...

Также представляет интерес и Апелляционное определение ВС РФ от 1 октября 2013 г. №4-АПУ13-51СП, которым оправдательный приговор был оставлен в силе:

«Сообщение присяжным заседателям достоверных сведений, содержащихся в протоколах следственных действий, о наличии у Мовчана С.А. несовершеннолетнего ребенка не может быть расценено как оказание незаконного воздействия на присяжных заседателей».

В данном случае, кстати говоря, несмотря на то, что решение ВС РФ вполне соответствует закону и очевидно идет на пользу стороне защиты, лично у меня возникает некоторое сомнение в относимости данной информации к рассматриваемому делу. Впрочем, ни подтвердить, ни опровергнуть относимость сведений о ребенке подсудимого к инкриминируемому деянию я не могу, да и не столь важный это пример на фоне других казусов...

Конечно, и в рассматриваемом вопросе – о характеристиках личности подсудимого – бывают приятные исключения. Примером того может служить Апелляционное определение от 14 апреля 2016 г. №81-АПУ16-10СП. Здесь, во всяком случае, суд увидел разницу между «данными, характеризующими личность подсудимого» и фактическими обстоятельствами дела, за что ему отдельное большое спасибо:

«В судебных прениях адвокат Чижова Н.А. также заявила, что Мохов А.В. оказывал помощь в тушении пожара и эвакуации жителей, что характеризует его с положительной стороны.

Доведение до присяжных заседателей информации об оказании Моховым А.В. помощи в тушении пожара и эвакуации жителей не следует расценивать как нарушение уголовно-процессуального закона, так как адвокат Чижова Н.А. сообщила о фактических обстоятельствах дела».

Увы, но рассчитывать на широкое распространение указанного подхода не приходится. Вот еще одно применение положений ст.335 ч.8 УПК РФ на практике – Апелляционное определение ВС РФ от 13 августа 2014 г. №58-АПУ14-33сп:

«Кроме того, с учетом предъявленного обвинения указанные выше обстоятельства [факт употребления Егоровым Е.А. наркотических средств, в т.ч. приобретаемых на средства от инкриминируемых преступлений] не могут исследоваться в присутствии присяжных заседателей в силу требований ч.8 ст.335 УПК РФ.

Поэтому председательствующий обоснованно не разрешил стороне обвинения выяснять у свидетелей обстоятельства, связанные с приобретением и употреблением участниками банды, в том числе и Егоровым Е.А., наркотических средств ввиду неотносимости их к настоящему уголовному делу».

Ну да логично же: наркотики – отдельно, грабеж на наркотики – отдельно. И они друг с другом никак не связаны...

Чтобы подсластить пилюлю, посмотрим Апелляционное решение ВС РФ от 12 февраля 2014 г. №59-АПУ14-2СП. Это один из тех редких случаев, которые не дают окончательно утратить веру в правосудие. В данном случае Верховный суд оставил оправдательный приговор без изменения, признав допустимым и не противоречащим

нормам права опровержение корыстного умысла на совершение преступления, путем приведения защитой сведений о благополучном материальном состоянии подсудимого:

«Судебная коллегия не может согласиться с суждениями автора апелляционного представления, некоторые из которых носят произвольный, неконкретизированный характер.

Доведение подсудимым до присяжных заседателей информации о том, что он материально обеспечен, курил дорогие сигареты, ему помогли бабушка и другие родственники не свидетельствует о нарушении положений ч.ч.7,8 ст.335 УПК РФ.

Иващенко Д.А. предъявлено обвинение в совершении корыстного преступления – разбойного нападения, в ходе которого он причинил тяжкий вред здоровью продавщицы магазина и убил предпринимателя Б.

Предъявленное обвинение имеет тесную взаимосвязь с точки зрения объяснения причин, в силу которых совершаются преступления. Озвучивая изложенную выше информацию, подсудимый Иващенко Д.А. утверждал, что у него не было оснований для совершения корыстного преступления».

А теперь сразу посмотрим на Кассационное определение ВС РФ от 28 августа 2012 г. №209-О12-4сп:

«16 мая 2012 года председательствующий, вопреки возражениям государственного обвинения, довел до сведения присяжных информацию о том, что "...подсудимый Гайдуков заявил об ухудшении состояния здоровья, в связи с чем он был осмотрен сотрудниками скорой помощи, которыми дано заключение, что у Гайдукова повышенное давление на фоне имеющегося у него заболевания ишемической болезни сердца".

В протоколе судебного заседания, вопреки замечаниям, принесенным государственным обвинением, достоверность которых подтверждена не только осуществленной обвинением согласно п.5 ст.241 УПК РФ аудиозаписью процесса, но и приобщенным к ним объяснением судебного пристава, данное высказывание председательствующего по делу своего отражения не нашло. Вместе с тем ввиду объективности этих замечаний у суда оснований для их отклонения не имелось.

Кроме того, само доведение до присяжных заседателей, как это следует из протокола, "сути произошедшего в их отсутствие", т.е. объявление перерыва в связи с болезнью подсудимого, недопустимо, поскольку судьей фактически до присяжных заседателей была доведена информация о состоянии здоровья Гайдукова».

Оправдательный приговор по этому делу ВС РФ в итоге отменил, а дело направил на новое рассмотрение. Остается только удивиться изворотливости судейской мысли и гадать – как именно информация о здоровье подсудимого могла склонить присяжных к вынесению незаконного вердикта?! И, кстати, обратите внимание на трогательное отношение кассационной инстанции к аудиозаписям судебного заседания, предоставленным стороной обвинения. Кто из адвокатов мог бы похвастаться подобной заботой со стороны суда?..

Ну, а когда каких-либо вразумительных аргументов у судей второй инстанции не остается, а требуемое решение все-таки нужно принять, то в ход идет старый прием «Ничего не вижу, ничего не слышу». Вот, в частности, Кассационное определение от 15 мая 2013 г. №66-О13-31СП в котором суд «не заметил» доводов стороны защиты:

«В нарушение ст.252, ст.334, ч.ч.7,8 ст.335 УПК РФ в присутствии присяжных заседателей исследовались сведения о том, что Григорчук А.Н.

ранее работал в органах МВД, о наличии у него определенного имущества и большом количестве случаев нападений на иных сотрудников ОАО "<...>", которые ему не вменялись».

Прочитав этот довод жалобы защиты, суд к нему в последствии в своем решении больше не возвращался, не оценивал его, не опровергал и итогового решения не пересматривал. А зачем?!

12.5 Исследование заинтересованности свидетелей обвинения и потерпевших в исходе дела

Еще один пример судейской фантазии, характерной именно для судов присяжных – это запрет на изучение обстоятельств, указывающих на личную заинтересованность свидетелей обвинения в исходе дела. Примером тому может служить Апелляционное определение ВС РФ от 21 апреля 2015 г. №78-АПУ15-8СП в котором, в числе «нарушений», совершенных защитой и повлекших отмену приговора, указывается:

«Так, например, под сомнение адвокатом Пальму и его подзащитным Ефрюшкиным неоднократно ставился протокол опознания свидетелем И. Ефрюшкина. Стороной защиты в присутствии присяжных заседателей акцентировалось, что свидетели И. и И. были заинтересованы в даче изобличающих подсудимых доказательств, и систематически упоминалось, что именно благодаря этим показаниям, данным лицам удалось избежать уголовной ответственности.

Кроме того, стороной защиты в присутствии присяжных озвучивалась информация о заключении прокурором со свидетелем И. досудебного соглашения о сотрудничестве, что является обстоятельством процессуального характера и в силу этого не может быть доведено до сведения присяжных заседателей, а также ставилась под сомнение правдивость ее показаний. Так, адвокат Зеленский, комментируя показания свидетеля И. и обращаясь к присяжным, сообщил: «И. ранее осуждена за совершение указанных преступлений. И при этом государственный обвинитель сказал, что у нее уже отсутствует какой-либо смысл давать недостоверные показания. В данном случае государственный обвинитель ввел вас в заблуждение, потому что законом прямо предусмотрена норма, когда лицо, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве...».

Сравните эту позицию с Апелляционным определением ВС РФ от 18 ноября 2013 г. №33-АПУ13-18сп:

«Стороной защиты и в ходе судебного следствия и в прениях была дана оценка исследованным доказательствам, в том числе и показаниям свидетелей А. и Г., которые, якобы оговорили Ведерникова.

Выступая в прениях, государственный обвинитель также высказывал свое мнение по данной позиции стороны защиты, оценил ее как несостоятельную в связи с тем, что А., дав показания в отношении Ведерникова, который предложил ему за денежное вознаграждение убить П. не облегчил свое положение, сообщив о совершении более тяжкого преступления, и в подтверждение этого сравнил санкцию ч.1 ст.105 УК РФ и ч.2 ст.105 УК РФ. Такие высказывания государственного обвинителя не могут рассматриваться как незаконное воздействие на присяжных заседателей и введение их в заблуждение»...

или с Апелляционным определением ВС РФ от 4 июня 2013 г. №64-АПУ13-5СП:

«В апелляционной жалобе осужденный Горин Д.В. выражает несогласие с приговором, в связи с допущенными нарушениями требований ч.8 ст.335 УПК РФ, что выразилось в исследовании государственным обвинителем факта его прежней судимости в присутствии присяжных заседателей, а также в том, что в судебных прениях прокурор оценил показания свидетеля М. как ложные показания, акцентировав внимание на том, что она является матерью осужденного, что впоследствии вызвало негативное предубеждение присяжных в отношении осужденного. В связи с чем Горин просит отменить приговор и дело направить на новое рассмотрение.

В судебных прениях государственный обвинитель указал лишь на то, что свидетель М. является матерью подсудимого и ее действия направлены на защиту своего ребенка. Такая оценка показаний свидетеля М. дана гособвинителем в прениях в соответствии с требованиями закона».

В данном случае ВС РФ каких-либо нарушений не усмотрел. Полагаю, на основе даже этих примеров, можно вести речь об отсутствии объективной закономерности в оценках подобных ситуаций, и отсутствии единства судебной практики. Очевидно, что единственным фактором, действительно повлиявшим на принятие вышеуказанных решений, был общий обвинительный уклон нашего судопроизводства: что позволено делать в суде обвинению – не позволено защите.

12.6 Привлечение специалиста

Вопрос привлечения специалиста в судебное заседание – это грустная тема, причем вне зависимости от того с присяжными идет рассмотрение дела, либо с судьей единолично. Полагаю, практикующему адвокату нет необходимости рассказывать какие выкрутасы придумывают судьи чтобы не допустить специалиста в дело, либо допустить, но в дальнейшем игнорировать его заключение или показания. То же самое происходит и в суде присяжных, с той лишь особенностью, что основной упор судьи делают именно на то, чтобы вообще не допустить специалиста до присяжных заседателей.

Вот апелляционное определение ВС РФ от 24 мая 2016 г. №51-АПУ16-5СП в котором суд, проявляя чудеса правовой эквилибристики, «убедительно обосновывает» что, несмотря на наличие у адвоката права привлекать специалиста, фактически ему этим правом никто воспользоваться не даст. Не усматривая процессуальных нарушений в отказе от исследования в судебном заседании с участием присяжных заседателей заключения специалиста Т. и отказе в его же допросе в качестве специалиста, ВС РФ, в частности, указывает:

«Заключение было дано специалистом без изучения вещественных доказательств по делу, в том числе и автомашины "<...>", контейнеров в которых хранились наркотические средства.

Само заключение специалиста было получено защитой вне судебного заседания, специалист был привлечен стороной защиты без учета мнения всех участников процесса, без предъявления ему каких-либо материалов уголовного дела. По этим же основаниям обоснованно отказано в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании в качестве специалиста Т., явившегося в суд, поскольку указанное лицо по данному делу свидетелем либо специалистом не являлось, о фактических обстоятельствах дела сведений не имело.

Учитывая данные обстоятельства, Судебная коллегия считает, что по настоящему делу судьей правильно, в соответствии с ч.7 ст.335 УПК РФ было отказано стороне защиты в исследовании в судебном заседании

заключения специалиста Т. и допросе указанного лица в качестве специалиста, поскольку ни заключение специалиста, ни его возможные показания не относились к фактическим обстоятельствам дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями».

Какие выводы, можно сделать из этого судебного откровения?

- Во-первых, специалист НИКОГДА не будет допущен в процесс по инициативе стороны защиты, поскольку сторона защиты может предоставить ему только копии материалов дела, но не сами материалы или вещественные доказательства;
- Во-вторых, специалист НИКОГДА не будет допущен в процесс, поскольку среди «всех участников процесса» всегда будут те, кто будет против этого возражать;
- В-третьих, специалист НИКОГДА не будет допущен до участия в процессе, поскольку работать с ним сторона защиты может только вне судебного заседания, а на судебном заседании инициатива всегда принадлежит председательствующему;
- В-четвертых, даже если вдруг случится чудо и три предыдущих требования будут выполнены, суд придумает еще не один десяток причин не допускать специалиста в процесс, поскольку конкуренты экспертам стороны обвинения ему в деле не нужны.

Состязательность сторон в процессе она у нас такая. Не для слабаков...

Отраженная в процитированном выше Апелляционном определении позиция ВС РФ не является чем-то экстраординарным. Вот пожалуйста – Апелляционное определение ВС РФ от 15 сентября 2015 г. по делу №22-АПУ15-4сп. Здесь отказ в исследовании с участием присяжных заседателей представленного защитником заключения специалиста суд мотивировал тем, что исследование проведено по копиям материалов уголовного дела, имеющимся у защитника, и дескать требования [ст.58 УПК РФ](#) о порядке привлечения специалиста не были соблюдены. И вообще, ВС РФ считает, что специалистом подготовлена рецензия на заключение экспертов. Ну а в доверок к этому, ВС РФ издевательски отмечает, что сторона защиты имела возможность оспаривать выводы экспертов в ходе их допроса, состоявшегося в судебном заседании...

Или вот еще одно Апелляционное решение ВС РФ по теме привлечения специалиста стороной защиты от 5 августа 2015 г. №11-АПУ15-17сп:

«Судом отказано в приобщении к делу заключений специалиста Г., полученных защитником, в подтверждение версии о наступлении смерти потерпевшего в результате утопления. Такой отказ является обоснованным, поскольку данный специалист не привлекался в установленном порядке к участию в деле. В силу п.3 ч.1 ст.53 УПК РФ защитник вправе привлекать специалиста в соответствии со ст.58 УПК РФ.

При этом не ставился вопрос о необходимости назначения повторной судебно-медицинской экспертизы. Ходатайство о допросе судебно-медицинского эксперта М. обоснованно отклонено, поскольку не было конкретным, мотивировалось лишь необходимостью разъяснения присяжным заседателям некоторых терминов».

А окончательно добивает надежду защиты на возможность обращения к специалистам Кассационное определение ВС РФ от 5 октября 2012 г. за №78-о12-40сп:

«Доводы в кассационных жалобах осужденного Некрасова, адвокатов Киселева Е.А. и Кузьмина С.В. о нарушении права на защиту при

проведении судебно-медицинских экспертиз, являются несостоятельными, так как не основаны на законе и противоречат материалам дела.

Из протокола судебного заседания следует, что председательствующий обоснованно отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о допросе в присутствии присяжных заседателей специалистов в области судебной медицины П. и Д., поскольку вопросы допустимости доказательств по уголовному делу в соответствии с требованиями ч.1 ст.334 УПК РФ не относятся к полномочиям присяжных заседателей. С учетом требований этого процессуального закона председательствующий правильно постановил сначала допросить специалистов в отсутствие присяжных заседателей для определения возможности допроса в присутствии присяжных заседателей. В ходе допросов установлено, что специалисты поставили под сомнение компетенцию судебно-медицинских экспертов, методику проведения судебно-медицинских экспертиз, фактически дали оценку, хотя сами в проведении экспертиз участия не принимали. Выводы председательствующего об этом подробно мотивированы в постановлении».

То есть исходя из этого Кассационного определения, специалист, приглашенный защитником, не может ставить под сомнение ни компетенцию экспертов следствия, ни применяемые им методики, и вообще не может вести разговор о недостоверном заключении экспертизы, поскольку «сами в проведении экспертизы участия не принимали». Воистину, убойный аргумент! Получается, что эксперт, работающий по постановлению следователя, волен творить все что угодно, благо суд запрещает любую возможность опровержения его выводов. Хорошо устроились.

Еще одно Апелляционное определение ВС РФ, №78-АПУ15-8СП от 21 апреля 2015 г. – и новая порция судейской мудрости:

«Как правильно указано в апелляционном представлении, председательствующим в нарушение ст.58 УПК РФ к допросу в присутствии присяжных заседателей в качестве специалиста по вопросам вероятностной оценки, примененной экспертом методики в генетической экспертизе от 29 марта 2011 г. №110/2011, была допущена Х., которая не обладала специальными познаниями в области поставленных перед ней стороной защиты вопросов, не являлась специалистом в области генетики, закончила медицинский педиатрический институт, лицензии на производство генетических экспертиз не имела и такие экспертизы не проводила. Между тем, комментарии Х. показаний эксперта Г., оглашенных в судебном заседании, проводившей генетическую экспертизу, и выводы Х. относительно необходимости заново провести генетическую экспертизу могли оказать влияние на оценку присяжными заседателями результатов проведенной генетической экспертизы относительно степени родства между неизвестным мужчиной и М.».

Как видно из процитированного отрывка, судьи снова подменяют понятия допустимости и достоверности. Какой специалист, в конце концов, оказался убедительнее, чьи аргументы вызывают больше доверия – это ли не вопрос достоверности доказательства? Однако в заключительном предложении процитированного отрывка ВС РФ буквально обезоруживает юристов своей прямоотой и искренностью! Оказывается, угроза заключается даже не в том, что до сведения присяжных будет доведено недопустимое доказательство, а в том, что они в результате выступления специалиста со стороны защиты, присяжные могут усомниться в выводах эксперта обвинения! Полагаю, что за такое ясное и доступное раскрытие сущности «состязательного» судопроизводства, господа судьи достойны присвоения внеочередных прокурорских званий. Ну, а стороне защиты следует помнить (и не

стесняться напоминать об этом судье и прокурору), что согласно ст.17 УПК РФ ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы...

Не редко встречаешься с ситуацией, когда эксперты «подгоняют» свои выводы под требования следствия. В этом случае сторона защиты должна принять меры к изобличению некачественной или ложной экспертизы. Скажем, если при экспертных исследованиях оружия, почерка или причин смерти – давно имеются устоявшиеся, классические практики и методики, то ряд новомодных исследований вообще не имеет под собой четкой и научно-обоснованной методологической базы. Взять хотя бы т.н. «лингвистические экспертизы» (разновидности их названий могут быть самыми вычурными) для выявления признаков т.н. экстремизма в высказываниях или предметах. Не стесняйтесь задавать по этому поводу разнообразные вопросы «эксперту», обычно они сами плавают в этой тематике, гордя в свое оправдание разным антинаучным огород. Помните, что каждый неотвеченный вопрос уменьшает веру в выводы данного эксперта со стороны присяжных.

Снова процитируем статью С.Пашина «Суд присяжных. Проблемы и тенденции»:

«Аналогичный подход распространен Верховным Судом Российской Федерации также на исследование заключений экспертов. Так, в 2001 году отменяется в кассационном порядке оправдательный приговор Ростовского областного суда по делу Б., поскольку, в частности, «адвокат во время прений сторон в своей речи, несмотря на то, что исследованные по делу заключения экспертов были признаны допустимыми доказательствами, поставил под сомнение... квалификацию эксперта». Между тем, заключение может быть допустимым доказательством, но малоубедительным в силу, например, отсутствия у эксперта достаточного опыта проведения подобных экспертиз, и тогда речь идет о достоверности выводов эксперта, оценивать которую призваны именно присяжные заседатели.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2004 года, которым отменен оправдательный приговор Красноярского краевого суда с участием присяжных заседателей от 30 декабря 2003 года по делу В.В.Данилова, в качестве одного из кассационных оснований фигурирует то, что «При исследовании в судебном заседании заключений специалистов и экспертов защита, а затем и государственный обвинитель, высказывали суждения о фальсификации данных документов. ...Защита и подсудимый подвергали сомнению достоверность заключения постоянно действующей технической комиссии КГУ (ПДТК КГУ)». Здесь интересно даже не то, что стороне защиты запрещают оспаривать в присутствии присяжных достоверность доказательств, а то, что судьи отменяют оправдательный приговор, в том числе, и ввиду отрицания государственным обвинителем доброкачественности доказательств.

22 сентября 2004 года определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменяется оправдательный приговор Краснодарского краевого суда с участием присяжных заседателей от 28 мая 2004 года по делу З.О.Омаргаджиева и, попутно, обвинительный по делу Дудий, осужденной в рамках того же дела. В судебном заседании была допрошена малолетняя свидетельница Д., и сторона защиты подвергла сомнению не только ее показания, но и результаты психолого-психиатрических экспертиз относительно способности девочки правильно воспринимать обстоятельства происшествия и давать о них правдивые показания. По инициативе стороны защиты были допрошены специалисты, объяснившие почему к заключениям экспертов из Краснодарской краевой клинической психиатрической больницы и центра им.Сербского следует относиться критически. По мнению судей Верховного Суда, подвергать

сомнению заключения экспертов можно было только в отсутствие присяжных заседателей. Таким образом, Верховный Суд де-факто, вопреки требованиям статей 17, 80, 87, 88, 283 УПК РФ создал институт доказательств (заключений экспертов), имеющих заранее установленную силу и не подлежащих в случае их допустимости проверке на достоверность в присутствии присяжных заседателей».

Источник: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html

Решая вопросы исследования заключений специалистов и экспертов, судьи также дают волю своей процессуальной фантазии. Так, в Кассационном определении ВС РФ от 10 августа 2005 г. №58-о05-33сп, Верховный суд согласился с мнением суда первой инстанции о том, что допустимость и относимость заключения эксперта – это еще не повод оглашать его перед присяжными:

«Принимая решение об оглашении в присутствии присяжных заседателей резолютивной части заключения судебно-медицинской экспертизы, председательствующий судья сослался на наличие в описательно-мотивировочной части заключения многочисленной специальной профессиональной терминологии, способной ввести в заблуждение коллегию присяжных заседателей, что имеет место в действительности.

Кроме того, из протокола судебного заседания усматривается, что эксперт Ж. допрошен в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей, в том числе и по обстоятельствам, вызвавшим сомнения у защиты. При таких данных и при отсутствии указанных выше противоречий в заключении судебно-медицинской экспертизы, неисследование в судебном заседании с участием присяжных заседателей описательно-мотивировочной части судебно-медицинского заключения не могло повлиять на принятие присяжными заседателями вердикта».

Сложно назвать это чем-то еще, кроме как оскорблением и унижением статуса присяжных заседателей со стороны граждан в мантии – куда уж судьям из народа слушать «профессиональную терминологию», не то что профессиональным мантиеносцам, они-то любую терминологию всегда понимают, не сомневаясь в своей компетенции...

Возникает вопрос, что же делать с такой правоприменительной практикой? В принципе, вариантов тут может быть несколько. Например, довольно часто приходилось пользоваться выводами специалистов, анализировавших выводы экспертов обвинения, «в темную». То есть выводы специалиста защиты, так или иначе, но все равно базируются на каких-то объективных закономерностях, на каких-то общепринятых научных постулатах и т.д. Соответственно у адвоката возникает возможность представить выводы специалиста как свою собственную оценку заключения эксперта обвинения.

Особенно приятно использовать такую методику при допросе экспертов обвинения (хотя судьи прекрасно знают этот прием и стараются такие допросы не разрешать). Но если эксперта обвинения (на основании неоглашенного заключения специалиста) все-таки начинают гонять по методикам исследования, научным данным положенным в основу выводов и пр., то в глазах присяжных такой разгром «эксперта» дорогого стоит. (Потому что обвинительному эксперту сложно одновременно сохранить и научность подхода, и прийти к заранее поставленным перед ним выводам)

Другой возможный маневр защиты заключается в том, что ряд сведений, подчерпнутых из заключений специалистов, может быть озвучен в присутствии присяжных в ходе допросов, например, при допросе подсудимых. Так по одному из дел, для защиты был принципиальным вопрос о массе взрывчатого вещества во взрывном устройстве. При этом один из свидетелей обвинения обмолвился в своих

показаниях о размере бруска взрывчатого вещества (тринитротолуола), использованного для изготовления взрывного устройства. Дальше было дело техники. Зная химическую плотность тротила, можно было без проблем рассчитать его массу. Однако о вызове и допросе специалиста-взрывотехника нечего было и думать. Что ж, пришлось проявлять изобретательность в ходе допроса подсудимого:

«Вопрос адвоката: Скажите, вам известна плотность тринитротолуола?»

Ответ подсудимого: Да, известна, она составляет 1663 кг/м³.

Вопрос адвоката: Назовите источник своей осведомленности по этому вопросу?»

Ответ подсудимого: Я выяснил эту информацию из книги Орловой Е.Ю. «Химия и технология бризантных взрывчатых веществ, 2 издание, 1973 г., когда готовился к защите по этому делу».

Судья, в силу неожиданности этого действия, даже не успел среагировать очередным запретом. Ну а поскольку информация эта была озвучена, то в дальнейшем, в прениях, оставалось только ее проанализировать, произвести нехитрый расчет и доказать, что в случае, если показания свидетеля обвинения действительно были бы верны, то взрыв должен был быть в полтора раза мощнее, чем по заключению эксперта-взрывотехника.

12.7 Исследование доказательств

Удивительно, но даже порядок осмотра вещественных доказательств регулярно становится камнем преткновения в процессах с участием присяжных заседателей. Предъявляя фотографии, предметы, схемы и т.п., вроде бы логично, что стороны должны иметь возможность обратить внимание присяжных заседателей на те детали, которые представляют для них важность для отстаивания своей позиции. Но, как обычно, у судей на сей счет своя позиция. Например, часто приходится сталкиваться с позицией суда, что обращать внимание на те или иные моменты в доказательствах имеет право только та сторона, которая их предъявляет. Далее либо сторона защиты смиряется с этим бредом, либо судья, смилостивившись, говорит о том, что предоставит стороне защиты возможность повторно предъявить требуемые доказательства, когда очередь представлять доказательства перейдет к защитникам (в 90% случаев обманет). А с учетом того, что право предъявлять доказательства первыми всегда принадлежит именно стороне обвинения – защита к моменту своей очереди представления доказательств оказывается у разбитого корыта.

Определенным намеком на необходимость предоставления права обсуждать доказательства обоим сторонам служит Апелляционное определение ВС РФ от 15 апреля 2016 г. №56-АПУ16-5СП. Согласно ему, ВС РФ указывает, что при осмотре вещдоков стороны имели возможность обратить внимание присяжных заседателей на обстоятельства, имеющие значение для дела с соблюдением требований ст. 335 УПК РФ, и не зафиксировал в этом нарушения. То есть фактически Верховный суд намекает на все-таки имеющееся равенство прав стороны защиты и обвинения, однако низовые суды намеки, как правило, не понимают.

Отсюда совет: попробуйте в процессе, для начала, вести фиксацию пределов предъявления доказательств стороной обвинения – разрешают ли им (и вам) комментировать предъявляемые вещдоки, в каком объеме, разрешают ли передавать вещдоки в руки присяжным и пр. и пр. В дальнейшем можно будет использовать эти моменты в отстаивании своих интересов как при предъявлении доказательств защитой, так и, при необходимости, в апелляционной инстанции. Также имеет смысл заявить ходатайство с просьбой предоставить возможность в ходе предъявления доказательств стороной обвинения, обращать внимание присяжных на интересующие защиту

моменты. Это также пригодится и для дальнейшего хода судебного разбирательства, и для возможного обжалования.

Впрочем, помимо тех доказательств, которые к началу судопроизводства имеются в материалах дела, есть еще и такие, которые стороны изыскивают в ходе судебного следствия. А вот с этими доказательствами ситуация обстоит еще хуже. Вашему вниманию представляется Апелляционное определение ВС РФ от 23 июля 2013 г. №78-АПУ13-16СП:

«В жалобах осужденные Гасымов Ф.Т.о., Пономаренко В.Д., Гусейнов Ф.А.о., адвокат Скурту И.Г. указывают, что председательствующий необоснованно не допустил к исследованию в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей допустимые, по их мнению, доказательства, а именно: схемы и диаграммы фотографий с мест преступлений, показания свидетеля А. на предварительном следствии в качестве подозреваемого и обвиняемого, свидетельские показания С., объяснения свидетелей.

Как видно из протокола судебного заседания, заявленные схемы были нарисованы Пономаренко В.А., однако в материалах дела имеются протоколы осмотра мест происшествий составленные с соблюдением требований статей 166, 176, 177 УПК РФ, с приложением соответствующих схем и фотографий. Фотосъемка по заявленным стороной защиты фотографиям производилась адвокатом в неизвестном месте в 2012 году, в то время как события преступлений происходили в 2009 году.

Председательствующий правомерно отказал адвокату Скурту И.Г. и осужденному Пономаренко В.Д. в приобщении к делу и исследованию с участием присяжных заседателей указанных выше фотографий и схем как полученных вне рамок процессуального закона».

Замечательная ситуация, вы не находите? Добиться от следователя или суда произвести фотосъемку интересующих защиту объектов в рамках норм УПК РФ практически невозможно, а самому это делать бессмысленно. Торжество правосудия...

А вот еще одно умилительное решение ВС РФ – Кассационное определение от 2 сентября 2013 г. №48-О13-28сп: *«Отказ в исследовании фототаблицы, находящейся в т.23 л.д.153, мотивирован тем, что документ приобщен к делу для решения юридических вопросов».* То есть мотив приобщения доказательства к материалам дела – это что-то нерушимое и неизменное. На чем основано такое мнение ВС РФ – еще одна тайна за семью печатями (ответ: на самом деле им просто так удобнее).

Вопрос с изучением доказательств по делу, вроде бы отчасти регламентирован. Например, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 22 ноября 2005 г. №23 "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей" дал следующие разъяснения: *«Одним из оснований отмены приговоров является ошибочное исключение из разбирательства допустимых доказательств, поскольку такое нарушение ограничивает гарантированные законом права участников уголовного судопроизводства на предоставление доказательств и может повлиять на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них».* В ч.2 п.23 данного Постановления Пленума Верховного Суда РФ также указано, что исключение из разбирательства дела доказательств должно производиться по постановлению председательствующего судьи с *обязательным указанием мотивов* принятого решения. Вот только единых, однозначных и достаточных правил как следует действовать в таком случае председательствующему судье ВС РФ не привел (как и мотивов, которые следует признать уважительными), а значит все снова фактически отдано на откуп судейскому усмотрению. Так, а стоило ли тогда бумагу марасть?

Вот, в частности, Определение Кассационной палаты Верховного Суда РФ от 31.05.1995. Гражданка Фокина обвинялась в должностных подлогах и вымогательстве

взяток с использованием служебного положения. Судом с участием присяжных заседателей она была оправдана за отсутствием события преступления. Кассационная палата приговор оставила без изменения. На результат принятого решения повлияло постановление судьи об исключении из числа доказательств данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности (аудиозапись и видеосъемка), в которых была зафиксирована передача Аккамом взятки Фокиной. Решение было мотивировано тем, что данные доказательства получены до возбуждения уголовного дела, т.е. с нарушением требований процессуального законодательства. По тем же основаниям судья отказал в удовлетворении ходатайства государственного обвинителя о просмотре и прослушивании в судебном заседании видео- и аудиокассет по факту получения взятки.

Однако Президиум ВС РФ оправдательный приговор и определение Кассационной палаты отменил, а дело направил на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства. Президиум посчитал, что исключение из числа доказательств данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, повлекло необоснованное постановление оправдательного приговора...

Бюллетень Верховного Суда РФ за 2000 г. №5 приводит более приятный для стороны защиты пример. Уголовное дело в отношении М. и А., которые по приговору суда присяжных Ставропольского краевого суда были признаны виновными в создании вооруженной группы для нападения на занимающихся частным извозом водителей, убийствах и т.д. Отменяя приговор, Кассационная палата ВС РФ указала следующее:

«Согласно действующему УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств по делу. Судом же в нарушение этих требований исследованы недопустимые доказательства, которые могли повлиять на исход дела. Так, в судебном заседании с участием присяжных заседателей были допрошены в качестве свидетелей оперативный работник уголовного розыска и заместитель начальника отдела прокуратуры края. Они показали, что в ходе бесед с задержанными М. и А. последние признались в совершенных нападениях на водителей и рассказали об обстоятельствах убийства потерпевших, однако процессуально их показания не оформлялись.

При таких данных доводы жалобы адвоката Н. были признаны обоснованными. Так называемые беседы с задержанными являлись ни чем иным, как незаконным допросом, который производился в отсутствие адвокатов, без разъяснения задержанным положений ст.51 Конституции РФ. Эти показания в соответствии с ч.2 ст.50 Конституции РФ и ст.75 УПК РФ не должны были использоваться в суде в качестве доказательства.

В судебном заседании были исследованы и другие недопустимые доказательства, которые могли оказать воздействие на присяжных при вынесении ими обоснованного вердикта. Так, в подготовительной части судебного заседания были признаны недопустимыми доказательствами протоколы осмотра мест происшествия с участием подозреваемого М. в части его показаний. Однако в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей были допрошены свидетели Д. и К., которые присутствовали при осмотре мест происшествия с участием М. и при составлении протокола.

Кроме того, с участием присяжных заседателей исследовался протокол выемки куртки. После оглашения государственным обвинителем данного протокола председательствующий удалил присяжных из зала суда. Обсудив названный документ и приняв решение о

недопустимости этого доказательства, суд исключил его из числа доказательств. По возвращении присяжных в зал судебного заседания председательствующий не объявил им об исключении протокола из числа доказательств и не разъяснил, что состоявшееся его исследование недействительно. Кассационная палата направила дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей со стадии предварительного слушания».

Источник: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17074526>

12.8 Демонстрация фотографий трупа

Еще одной систематически встречающейся проблемой в предъявлении доказательств в суде присяжных, являются регулярные споры о том, допустима ли демонстрация присяжным заседателям фотографий трупов. Как правило, защита настаивает на недопустимости, считая, что фотография трупа оказывает на присяжных непроцессуальное давление, а обвинение – наоборот.

Вот здесь редкий случай, когда можно не согласится с этим общеправовым мнением. Да, фотография трупа оказывает на присяжных мощное эмоциональное воздействие, однако оно само по себе не идет на пользу ни обвинению, ни защите, особенно, если защита вообще отрицает участие подсудимого в преступлении. Присяжные проникаются ненавистью к тому, кто совершил преступление, но при этом это отнюдь не означает, что они автоматически признают виновным подсудимого. В силах защиты перенаправить гнев присяжных на истинного виновника. Например, на непривлеченного к ответственности преступника.

Единственный случай, когда такая демонстрация идет в ущерб защите, это когда подсудимый не отрицает своего участия в убийстве, опротестовывая лишь какие-то другие факты и обстоятельства. Тут, однако, стороне защиты надо было заранее думать – стоит ли «тащить к присяжным» дело о какой-нибудь кровавой расчлененке, либо все-таки следовало бы наедятся на обыденную черствость профессионального судьи...

Как бы то ни было, практика демонстрации фотографий трупов неоднозначна, однако в большинстве случаев это признается законным (см., например, Кассационное определение ВС РФ от 21 мая 2015 г. №1186-О).

Подробно о заявленной проблеме пишет в своей статье «Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению» Сергей Насонов:

«Продолжает сохранять актуальность и проблема исследования с участием присяжных т.н. шокирующих доказательств – вещественных доказательств, фотографий и т.п., способных оказать на присяжных заседателей чрезмерное эмоциональное воздействие и сформировать негативное отношение к подсудимому до вынесения в отношении его вердикта.

Верховный Суд РФ в отдельных случаях признает правомерным отказ председательствующего в исследовании таких доказательств с участием присяжных заседателей, если они не имеют особого доказательственного значения, однако могут вызвать предубеждение у присяжных: "Отказывая в обозрении присяжными заседателями фототаблицы осмотра трупов К. и Т., суд обоснованно указал, что они не могут быть представлены присяжным, так как трупы сфотографированы после их вскрытия и на них не видны повреждения. Кроме того, внешний вид вскрытых трупов может оказать на присяжных эмоциональное воздействие и повлиять на принятие ими объективного решения" (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 ноября 2006 г. №41-о06-67сп).

Принимая решение о правомерности исследования подобных доказательств с участием присяжных заседателей, Верховный Суд оценивает – могло ли их содержание негативно повлиять на присяжных заседателей и в ряде случаев приходит к категоричному выводу об отсутствии такого воздействия: "На оспариваемых осужденным фототаблицах... зафиксирована обстановка места происшествия и нет таких сведений, которые могли негативно воздействовать на присяжных заседателей" (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2013 г. №41-АПУ13-23сп).

Верховный Суд РФ, как правило, не распространяет концепцию шокирующих доказательств на доказательства, не содержащие изображение или видеозапись, полагая, что степень воздействия подобных (неиллюстрированных, - прим.) сведений не влечет негативного воздействия на присяжных заседателей (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2004 г.).

Кроме того, Верховный Суд РФ не признает исследованные с участием присяжных доказательства способными вызвать у них предубеждение, если метод такого исследования обеспечил нейтрализацию возможного негативного эмоционального воздействия. Этот метод может состоять в предъявлении указанных доказательств присяжным заседателям фрагментарно: "Из протокола судебного заседания следует, что государственный обвинитель представил на обозрение коллегии присяжных заседателей фототаблицу к протоколу осмотра места происшествия без демонстрации трупа М." (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 июля 2013 г. №20-АПУ13-18сп).

Верховный Суд РФ, решая вопрос о том, оказало ли на присяжных негативное эмоциональное воздействие исследование с их участием "протокола осмотра автомашины с обгоревшими трупами" с приложением фототаблицы, проанализировал цвет и размер изображения на этих фотографиях (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 мая 2011 г. №56-О11-41сп)...

Вместе с тем, если указанные доказательства имеют существенное значение для установления обстоятельств дела, доказанность которых определяется присяжными заседателями, исследование их с участием присяжных заседателей признается правомерным (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. №41-008-42сп)».

Источник: <http://отрасли-права.рф/article/3082>

Окончательную (ну во всяком случае в теории) точку в этом вопросе поставил Конституционный суд. Так, в своем Определении от 21 мая 2015 г. №1186-О по жалобе гражданина Технюка он указал, что данное обращение не отвечает критерию допустимости (заявитель считал, что исследование присяжными заседателями фототаблиц, являющихся приложениями к протоколу осмотра трупа потерпевшего, формирует у них предубеждение в виновности подсудимого в совершении инкриминируемого преступления). КС РФ, рассмотрев данное обращение, ничего предосудительного в этом не нашел, а жалобу не принял к рассмотрению...

12.9 Судья и полиграф

Да, я понимаю, что уже изрядно утомил читателей, указывая на систематическое вынесение судьями ВС РФ противоречащих друг другу решений при сходных обстоятельствах, но из песни слов не выкинешь. Не я эти решения писал, я их только собрал в одном месте для наглядности.

А теперь еще одна «лакмусовая бумажка» для теста на объективность – это упоминание в процессе такого специфического устройства как «полиграф» или он же «детектор лжи». Нет, я не считаю, что этот аспект судопроизводства имеет для дела сколько-нибудь существенное значение, однако уж слишком явным образом он выявляет двойные стандарты судопроизводства, так что пройти мимо него тоже нельзя. Вот сравните выводы двух апелляционных определений ВС РФ. Апелляционное определение от 6 мая 2013 г. №78-АПУ13-5СП (оправдательный приговор отменили):

«Также во вступительном заявлении адвокат Логвиненко Б.В. неоднократно пытался ввести коллегия присяжных заседателей в заблуждение, заявляя, что он и Тюрин трижды просили провести его допрос с применением полиграфа, на замечание председательствующего представил присяжным заседателям ложную информацию о том, что существует практика Верховного суда РФ по применению полиграфа и что какой-то человек был осужден на 5 лет только на основании информации, полученной при использовании полиграфа»

...и Апелляционное определение от 25 апреля 2013 г. №4-АПУ13-11СП (обвинительный приговор утвердили):

«Из апелляционной жалобы защиты: В судебном заседании 18 декабря 2012 года председательствующий судья не снял вопрос государственного обвинителя об отказе Соловьева Ю.Ф. от проверки его показаний на полиграфе, хотя в данном случае речь шла о сведениях, характеризующих личность подсудимого и не имеющих отношения к обстоятельствам, устанавливаемым коллегией присяжных заседателей. Последовавшие 24 декабря 2012 года возражения адвокатов председательствующий судья оставил без удовлетворения, хотя в напутственном слове указал присяжным заседателям, чтобы они не принимали во внимание обстоятельства, связанные с этим вопросом государственного обвинителя. Просят приговор отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства. (...)

Согласно содержанию протокола судебного заседания, государственным обвинителем Соловьеву Ю.Ф. был задан вопрос относительно его отказа проверки показаний на полиграфе. На вопрос государственного обвинителя в судебном заседании стороной защиты возражений заявлено не было.

Вместе с тем, председательствующий судья в напутственном слове просил присяжных заседателей не принимать во внимание сведения, которыми не устанавливаются фактические обстоятельства по делу, в том числе и вопрос государственного обвинителя об отказе Соловьева Ю.Ф. пройти исследование на полиграфе».

То есть поняли, да? Когда подсудимый говорит о том, что просил провести ему полиграфическое исследование – это незаконно и даже недостоверно (хотя достоверность в процессе с присяжными устанавливают только присяжные, а не кто попало, пусть бы даже на нем и судейская мантия), причем настолько, что следует отменять оправдательный приговор. А вот когда прокурор спрашивает подсудимого, почему последний отказался от полиграфического исследования, то тут никакого нарушения нет.

Впрочем, параллельно с изложенным, в ВС РФ существует и другой подход в отношении полиграфа. Согласно ему заключение полиграфического исследования "не является доказательством факта" и, вследствие этого, не должно оцениваться присяжными заседателями. В частности, именно такое мнение ВС РФ отражено в Кассационном определении ВС РФ от 5 мая 2011 г. №41-О11-43сп и в Кассационном

определении ВС РФ от 6 июня 2012 г. №19-О12-13сп. То есть в данном случае разговор переходит в плоскость – считать ли заключение полиграфического исследования доказательством вообще. Тема эта безусловно интересная, однако она лежит вне предмета настоящего параграфа...

12.10 Судья Замашнюк как квинтэссенция российского судопроизводства

Последнее время, я полагал, что удивить меня чем-то в судебной практике трудно. Однако, иногда все-таки случаются «приятные» исключения. Так, разбираясь с очередным Апелляционным определением ВС РФ, я неожиданно наткнулся на умозаключения просто запредельного уровня демагогии и софистики! Но несмотря на то, что эти судебные решения я видел впервые, в них присутствовало что-то неуловимо-знакомое. Я вернулся в начало документа (которое, обычно пропускал) и... увидел в числе авторов своего старого знакомого – ныне судьей Верховного суда РФ Александра Замашнюка. С этим примечательным правоприменителем мне довелось пересечься еще в те времена, когда он стучал молотком в Мосгорсуде. И тогда он сразу меня удивил своим уникальным подходом к решению вопросов...

Изучив ряд судебных решений Верховного суда (к которым он имел касательство) мне, вполне ожидаемо, пришлось констатировать, что попадающие к нему в руки приговора стабильно отменяются, если они оправдательные, и стабильно «засиливаются», если они обвинительные. Лишь одно исключение из этого правила довелось мне разыскать – по делу с большим количеством подсудимых, где часть из них была оправдана, а часть осуждена. Вот в этом случае оправдательный приговор в отношении нескольких счастливчиков устоял. Видимо, это объясняется тем, что осужденных по этому приговору все-таки было гораздо больше, чем оправданных...

В целом же, вывод из анализа решений судьи Замашнюка простой и очевидный – любой обвинительный приговор будет им утвержден, несмотря ни на что, любой оправдательный – отменен, несмотря ни на что. И все, больше никакого глубокого юридического смысла в его вердиктах искать не следует. Ознакомьтесь, например, вот этим: Апелляционное определение ВС РФ от 19 января 2016 г. №205-АПУ15-15СП, вынесенное судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного суда РФ в составе председательствующего Замашнюка А.Н., судей Дербилова О.А. и Сокерина С.Г.:

«Нарушение при оглашении показаний:

Справедливым является и довод государственного обвинителя о допущенном нарушении п.1 ч.1 ст.276 УПК РФ, когда председательствующий, несмотря на возражения государственного обвинителя, без достаточных оснований удовлетворил ходатайство адвоката Грановского об оглашении в присутствии присяжных заседателей протокола допроса подозреваемого Ванченко от 30 июня 2013 г., хотя существенных противоречий в этих показаниях Ванченко и показаниях, данных в суде, не имелось, поскольку последний отрицал свою причастность к инкриминируемым ему деяниям и свое знакомство с Тамбиевым, заявлял о том, что он никогда не был на территории Республики...

Дополнительное время в прениях:

Обоснованным является утверждение автора апелляционного представления о допущенном нарушении принципа равенства сторон, когда судом в 13 часов 58 минут 22 июля 2015 г. был объявлен перерыв и предоставлено время для дополнительной подготовки стороны защиты подсудимого Ванченко к прениям. Так, 14 июля 2015 г. в судебном заседании был объявлен перерыв в судебном заседании до 21 июля 2015 г., в том числе для подготовки к прениям, а перед объявлением перерыва председательствующим у сторон выяснялся вопрос о достаточности

времени для подготовки к прениям, на который стороны ответили, что за данное время они подготовятся к выступлениям. О своей готовности к прениям стороны подтвердили и в начале заседания 22 июля 2015 г. Между тем, когда в прениях выступили государственный обвинитель, потерпевшая Т. и ее представитель, адвокат Левшина и подсудимый Тамбиев, адвокат Грановский заявил о предоставлении ему и адвокату Волковой дополнительного времени для подготовки к прениям и необходимости объявления перерыва до следующего дня.

Недопустимость анализа доказательств обвинения в прениях и озвучивания выводов:

...сформулировал вывод о том, что стрельба в Т. могла производиться только "левой", хотя какого-либо следственного действия, подтверждающего или опровергающего эти доводы защитника, в том числе следственного эксперимента, по делу не проводилось и доказательств этому присяжным заседателям не демонстрировалось. Однако защитник не внял этим разъяснениям председательствующего и, игнорируя требования законодательства, предъявляемые к содержанию и порядку выступления в прениях в суде с участием присяжных заседателей, в ходе своего выступления в присутствии присяжных заседателей упоминал о несуществующих доказательствах; заявлял о вторичности представленных присяжным заседателям доказательств; утверждал, что в Т. стрелял профессионал, а у Ачмиза не было навыков стрельбы» и т.д. и т.п. Не забалуешь, короче!..

С остальными юридическими шедеврами господина Замашнюка, вы можете ознакомиться самостоятельно, их достаточно...

ГЛАВА 13. ДОПУСТИМОСТЬ, ДОСТОВЕРНОСТЬ, ОТНОСИМОСТЬ, «ОГЛАСИМОСТЬ»

Муж жене: «Дорогая ты не права!».

Жена: «Я не права, значит я лгу. Если я лгу, значит я брешу. Если я брешу, значит я собака. Мама он меня сукой назвал!!!»

Уж извините, но УПК РФ написан по-дурацки. Отдельные мелкие вопросы расписаны в нем досконально, в то же время ряд принципиальных проблем в нем отражен на уровне курсовой работы студента-первогодка. В частности, это касается вопроса соотношения таких свойств доказательства как допустимость и достоверность. Нет, конечно, в научных работах, посвященных этой тематике, все расписано четко и ясно, но где вы видели судебное решение со ссылкой на монографии А.С.Александрова или С.А.Фролова? Вот и я не видел. А в УПК РФ эти понятия не разъясняются, оставляя их трактовку на судебское усмотрение, и если профессиональному суду и так нет большой необходимости «химичить» с этими понятиями, то совсем иное дело с судом присяжных. Там регулярное смешение понятий допустимости и достоверности доказательства является чуть ли не главным оружием обвинения во главе с председательствующим судьей. А раз нет нормативно определенного понятия допустимости, достоверности и относимости, то

каждый судья, в меру своего умения и насущной необходимости, волен трактовать их как ему заблагорассудится. А объявление того или иного вопроса, возникающего в ходе судопроизводства, вопросом касающимся допустимости доказательства – автоматически влечет запрет его обсуждения в присутствии присяжных заседателей.

В предыдущих главах уже неоднократно приводились примеры незаконных и необъективных действий судьи при производстве в суде с участием присяжных заседателей. Еще немало примеров будет и в дальнейшем. Но все эти нарушения, все это беззаконие не идет ни в какое сравнение с главным манипулятивным приемом суда при работе с судом присяжных – манипуляции с понятиями допустимости, достоверности и относимости доказательств, доводимых до присяжных заседателей.

Это только в научной литературе у нас говорится, что обвинение нельзя выносить исключительно на одних признательных показаниях подсудимого, на практике же – это сплошь и рядом. При этом судьи в упор не видят странностей в т.н. «признательных показаниях», когда наедине со следователем подсудимый почему-то признается в чем попало, а стоит ему оказаться в суде – как он от своих «признательных» показаний отказывается. То есть подсудимый может сколько угодно говорить, что его под пытками заставили признаться в преступлении, но судью не убедят ни он, ни заключение СМЭ, ни показания свидетелей. Иная картина предстает в суде присяжных заседателей: там подсудимому изначально запрещают даже намекать на применение к нему пыток для выбивания «признаний», страшая удалением из зала суда.

Вообще, ситуация, когда на следствии подсудимый давал признательные показания, а в суде от них отказался – это типичная картина для процесса с присяжными. Зачастую, именно такая возможность – убедить присяжных не верить «признаниям», данным в ходе следствия, и является одной из основных причин ходатайствовать о суде присяжных.

Также типично для суда присяжных, что после заявления подсудимого о том, что к нему применялись недозволенные методы ведения следствия, председательствующий прерывает подсудимого (в некоторых случаях удаляет его из зала суда), после чего пускается в длинные объяснения присяжным о том, что они не должны принимать во внимание это заявление, поскольку все доказательства, которые допущены до оглашения перед ними, допустимые и получены в соответствии с законом. (А судья Мосгорсуда Александр Замашнюк применял совершенно уникальную формулу доказывания своей правоты. Заявлял он примерно следующее – *Доказательства, представленные вам (присяжным, – прим.) получены в соответствии с законом, поскольку если бы они были получены с нарушением закона, я бы их признал недопустимыми*).

Описываемая ситуация столь часто возникает в суде присяжных, что судьи уже взяли в привычку заранее указывать подсудимым и их адвокатам на недопустимость заявлений о давлении со стороны следствия для получения признательных показаний. А кое-кто из судей умудряется еще в начале процесса, под каким-нибудь «благовидным» предлогом предупредить присяжных о возможности возникновения такой ситуации...

Что ж, теперь давайте по существу разберемся с *допустимостью* доказательства. Как правило, под этим подразумевается свойство доказательства, характеризующее соблюдение процессуальной формы при его получении. Вопросы допустимости доказательства обсуждаются и разрешаются в отсутствие присяжных заседателей и, соответственно, присяжным заседателям сообщаются только допустимые доказательства.

В принципе, в такой трактовке, нормы права каких-либо нареканий не вызывают. Однако суды систематически подменяют понятие допустимости и *достоверности*. Ну, например, если подсудимому в ходе допроса пообещали, что в обмен на «нужные» показания его сделают свидетелем. Подсудимый поверил, дал эти показания, но обещаний следователь не выполнил. С точки зрения УПК РФ – эта

ситуация никак не влияет на допустимость такого протокола допроса. Формальности его производства выполнены, а запрет на обман подсудимого (в отличие от запрета на пытки) УПК РФ не устанавливает. Но, если подсудимый заявит об этом в суде, он тут же получит замечание, а присяжных судья призовет не принимать эти заявления подсудимого к сведению и не учитывать их при вынесении вердикта.

Такая позиция судов влечет за собой следующий казус: если заявить ходатайство о признании протокола допроса недопустимым, то в нем будет совершенно обоснованно отказано, поскольку формальные требования при производстве допроса соблюдены и нарушений УПК РФ не допущено. Но если при этом заявить ходатайство о признании протокола допроса недостоверным, то судья практически наверняка откажет и в нем, на основании того, что оценкой достоверности доказательств занимаются исключительно присяжные. В итоге, появляется целый класс доказательств и сведений, оценка достоверности которых фактически выведена из сферы судопроизводства и не подлежит оценке ни со стороны присяжных, ни со стороны председательствующего! А это, в свою очередь, подрывает сами основы правосудия. Интересно было бы выйти с такой проблемой в Конституционный суд РФ, однако пока необходимого случая под руку не подвернулось...

Да и вообще, если уж на то пошло, обсуждение «недопустимости» доказательства в суде присяжных в принципе не имеет смысла. То есть если судья допустил до оглашения то или иное доказательство, допустимость которого оспаривает сторона защиты, то смысла рассуждать о его недопустимости в присутствии присяжных уже нет. Ибо присяжным все равно какая подпись в протоколе отсутствует или у какого специалиста нет должного диплома. Раз доказательство доведено до их сведения, оно уже стало предметом их изучения. Присяжным будет также в целом все равно допустимым ли способом получено признание вины, если в дальнейшем оно подкреплено другими убедительными доказательствами. Судьи прекрасно знают об этом, поэтому регулярно «молчаливо позволяют» прокурорам довести до присяжных ту или иную недопустимую информацию, ограничившись затем формальным указанием не воспринимать ее в качестве доказательства.

Об этом «супероружии» председательствующего писал еще в далеком 2004 году судья Мосгорсуда в отставке Сергей Пашин:

«...Определенные основания для таких взглядов дает действующее уголовно-процессуальное законодательство, нормы которого изложены крайне неудачно и противоречиво. Так, в части 7 статьи 335 УПК РФ говорится: «В ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями...». Однако пункт 1 части 1 статьи 333 УПК РФ предоставляет присяжным заседателям право «участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела». Выбор между этими нормами определяется ценностями и пониманием судей, однако, даже отдав предпочтение первой из этих статей, нельзя зайти в выводах так далеко, как это сделали судьи теперь.

В определении Кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 г. по делу Князева безосновательно утверждается: «В суде присяжных коллегия присяжных заседателей принимает участие в исследовании обстоятельств дела и разрешает вопросы только о факте. Все правовые и процессуальные вопросы входят в исключительную компетенцию председательствующего судьи и разрешаются без участия присяжных заседателей». Данная позиция не основана на законе потому, что в силу пункта 4 части 1 статьи 299, части 1 статьи 334, пункта 3 части 1 статьи 339 УПК РФ присяжные

заседатели разрешают важнейший правовой вопрос о виновности подсудимого, а председательствующий разъясняет им нормы материального и процессуального права (пункты 2, 5, 7 части 34 статьи 340 УПК РФ)».

Источник: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html

С тех пор мало что поменялось, разве что судебная практика, посвященная этому вопросу стала еще более изощренной и циничной. Например, если вопрос допустимости доказательства в присутствии присяжных не поднимался, но апелляционной инстанции очень хочется найти основания для отмены оправдательного приговора, эти самые «процессуальные вопросы» суд может с легкостью балаганного фокусника «выудить» из почти любого действия защиты. Например, оцените такую вот процессуальную эквилибристику, приведенную в Кассационном определении ВС РФ от 28.08.2012 года по делу №209-О12-4СП:

«В ходе допроса свидетеля К. стороной защиты выяснялся вопрос изготовления схем приложений к протоколу его допроса в ходе предварительного следствия. При этом данному свидетелю адвокатом Малютиным был задан вопрос: "Данную схему изготавливали Вы?". На что свидетель ответил: "Схему изготавливал не я. Мне она была представлена во время допроса ...". Аналогичные вопросы стороной защиты были заданы свидетелям К., К. и М. чем фактически в присутствии присяжных заседателей поставлена под сомнение допустимость этих доказательств».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/3317afb753467ff659b65d6742ffc448/>

Хотелось бы, взглянув в глаза этим служителям Фемиды, поинтересоваться: по каким таким приметам присяжные заседатели должны были догадаться, что указанные показания свидетеля ставят под сомнение допустимость представленной присяжным схемы, которая была допущена до предъявления председательствующим? Ведь для этого присяжным заседателям было необходимо, как минимум, иметь сведения о том, что такой порядок получения схем противоречит действующему законодательству.

В итоге, из этих скупых строчек судебного решения мы выводим глобальный философско-правовой вопрос: «Если исследуемое доказательство получено без нарушения норм права, то почему обсуждение порядка его получения должно вызывать у присяжных сомнения в его допустимости? Если же доказательство было получено с нарушением требований закона, то почему председательствующий признал его допустимым?».

Конечно, возможен и еще один вариант – полемика между сторонами о фактическом порядке получения спорного доказательства. Например, защита может утверждать, что показания свидетеля были продиктованы следователем, а свидетель только поставил под ними свою подпись. В свою очередь, прокурор может настаивать, что всю картину происшествия свидетель изложил в протоколе сам и, будучи гастарбайтером-дворником, изложил их с использованием специфических юридических терминов, которые знают и применяют все работники жилищно-коммунального хозяйства, а также что сделал он это, вспомнив обстоятельства произошедшего до самых мелочей, несмотря на ночное время суток, состояние алкогольного опьянения и десять лет, прошедших с момента описываемых событий. Но в этом случае спор между сторонами идет уже не о допустимости, а о достоверности доказательства. Насколько можно верить содержанию протокола допроса, полученному при (естественно) строгом соблюдении формальных процессуальных требований? В описанном выше случае, скорее всего, именно об этом и шла речь в судебном заседании. Вероятнее всего, исследуя данный порядок схем, защита прежде всего имела своей целью поставить под сомнение их достоверность. А

исходя из полученного в итоге оправдательного приговора ей это и удалось, чего апелляция инстанция потерпеть не могла. И вот на помощь прокурору приходит уже описанный процессуальный фокус – допустимость объявляется достоверностью, а достоверность доказательства в присутствии присяжных обсуждать нельзя.

Вот еще один пример, когда суд «путает» допустимость и достоверность. Определение ВС РФ от 25.07.2006 №64-О06-27сп:

«Кроме того, в нарушение ч.6 ст.335 УПК РФ после оглашения показаний Б., данных в ходе предварительного следствия, подсудимый в присутствии присяжных заседателей пояснил, что "Я не давал такие показания, частично они искажены...", "Может быть, я их подписывал, но я не давал такие показания", "Показания... не так сформулированы".

...Фактически подсудимый заявил, что его показания в ходе предварительного следствия были сфальсифицированы, то есть он в присутствии присяжных заседателей стал говорить о недопустимости ряда доказательств. Однако председательствующий никаких мер не принял.

Источник: <https://www.lawmix.ru/vas/122019>

Очевидно, что, если показания, которые давал подсудимый, отражены в протоколе допроса не так, как он их давал, причиной этого может быть не обязательно умышленная фальсификация. Это вполне могло быть результатом неточного отражения показаний следователем в силу коррекции стилистики протокола или по причине его невнимательности. Однако в этом случае оправдательный приговор отменить не получилось бы. И вот на свет извлекаются демагогические рассуждения о том, что на самом деле разговор шел о допустимости доказательства. Это все примеры, кстати говоря, обвинительного уклона российского правосудия, которого по утверждениям некоторых «специалистов» нет.

В российской Конституции записано, что подсудимый вправе защищать себя любым не запрещенным законом способом. Однако Конституция РФ как источник права в суде не котируется...

Касаемо нашего вопроса, речь идет об исследовании обстоятельств получения того или иного доказательства. Как уже говорилось выше, исследование этих обстоятельств вполне может влиять на оценку достоверности доказательства, относящегося к предъявленному обвинению. А какого-либо запрета на исследование указанных обстоятельств в УПК РФ не содержится. Однако это давало бы защите слишком обширные полномочия по оспариванию фальсификаций и откровенных недоработок следствия, а потому, вооружившись весьма своеобразным толкованием ст.334 УПК РФ, суды запрещают и это.

Исследование обстоятельств получения того или иного доказательства, практически всегда попадают под судейский запрет, хотя эти самые обстоятельства могут весьма красноречиво свидетельствовать о достоверности или недостоверности доказательства. Взять, например, заявления и замечания к протоколам следственных действий. Их судьи оглашать запрещают, но согласитесь, замечание к протоколу опознания в котором адвокат указывает, что в числе трех предъявляемых опознающему лиц только у его подзащитного отсутствовали шнурки в обуви – более чем красноречиво указывает на недостоверность (при формальной допустимости) доказательства. В итоге, в процессе с присяжными заседателями отдельные вопросы вообще «выпадают» из предмета исследования. При присяжных запрещено исследовать вопрос, например, получения доказательства под давлением или обманом со стороны следствия, а суд вопрос достоверности доказательства по этим причинам не решает.

Вот один из многочисленных примеров такой ситуации, Апелляционное определение ВС РФ от 15 сентября 2015 г. по делу №22-АПУ15-4сп оставившее в силе обвинительный приговор:

«Согласно ч.7 ст.335 УПК РФ в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, а именно вопросы факта.

С учетом этого обоснованно отклонено ходатайство защитника об исследовании с участием присяжных заседателей заключения эксперта №316 о выявленных у Бохова телесных повреждениях, поскольку применение недозволённых методов расследования дела не относится к компетенции присяжных заседателей».

И там же:

«Сведения о месте допроса свидетелей не имеют отношения к фактическим обстоятельствам дела, поэтому протокол допроса свидетеля Т. в этой части не мог исследоваться в присутствии присяжных заседателей».

Источник: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1380086

На самом деле, систематически повторяются ситуации, когда именно сведения о проведении того или иного следственного действия имеют отношение пусть и не к самим фактическим обстоятельствам, но к оценке достоверности этих самых обстоятельств, упоминаемых в протоколах следственных действий. Например, как оценят присяжные тот факт, что через десять лет после совершения преступления, в материалах дела (непонятно откуда) появляется некий засекреченный свидетель, который якобы видел все, что было нужно следствию? Или совсем простой вариант, когда несколько протоколов следственных действий составлены одним и тем же следователем в одно и то же время? Да, это не опровергает фактов, изложенных в обвинении, но вполне красноречиво характеризует степень достоверности таких доказательств.

А как вам такой случай из личной практики: найденный труп был опознан по отпечаткам пальцев, о чем свидетельствовала соответствующая экспертиза. Сами отпечатки, как следовало из какой-то бумаженки, подписанной каким-то оперуполномоченным, были получены путем дактилоскопирования кистей рук, изъятых у трупа. Вот только каких-либо документов о том кто, когда и на основании чего изымал кисти рук и куда их потом дел – в деле нет. Делает ли это дактилоскопическую экспертизу недопустимым доказательством? Нет, не делает, а вот сомнений в ее достоверности появляется более чем достаточно. Вот по этому ВС РФ так старательно и запрещает любые упоминания об обстоятельствах получения доказательств...

Помимо оспаривания допустимости, существует и еще один, куда менее известный запрет, связанный с таким свойством доказательства, как *относимость*. В данном случае, на помощь судейским «кудесникам» приходит весьма своеобразная трактовка требований ст.252 УПК РФ, согласно которой судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Казалось бы – вполне разумное правило, задачей которого является элементарная фильтрация судебного процесса от различного «доказательственного мусора» не представляющего интереса для разбирательства. Но любую благую идею можно извратить до неузнаваемости. В итоге, сейчас судьи сплошь и рядом используют эту норму как способ ограничить сторону защиты в объеме и тематике

предоставляемых доказательств, объявляя неотносимыми любые сведения неудобные прокуратуре, в том числе и прямо упомянутые в формуле обвинения.

Так, мне приходилось сталкиваться с ситуациями, когда неотносимыми были признаны сведения об имуществе потерпевшего, хотя по обвинению убийство было совершено именно с целью завладеть им; или сведения о последующем применении в другом преступлении оружия, из которого было совершено убийство, рассматриваемое в рамках дела и пр. и пр.

В принципе, относимость доказательства – понятие «резиновое» или говоря процессуальным языком – оценочное. Когда судье нужно относимость усматривается, когда не нужно – нет. Вот Апелляционное определение ВС РФ от 3 апреля 2014 г. №3-АПУ14-3СП:

«Судебная коллегия находит обоснованными также доводы апелляционного представления и апелляционных жалоб о том, что сторона обвинения в ходе судебного разбирательства была ограничена в праве на представление доказательств.

Судом отказано государственному обвинителю в прослушивании перед присяжными фонограммы телефонных переговоров между К. и П. от 19.04.2006г. со ссылкой на то, что эта аудиозапись не содержит фактических обстоятельств дела, которые должны предъявляться коллегии присяжных заседателей.

Однако аудиозапись признана вещественным доказательством по делу, не исключалась как недопустимое доказательство, была прослушана в суде в отсутствие присяжных заседателей, содержала сведения о характере отношений участников судопроизводства, которые ими оспаривались, как связанные с установлением фактических обстоятельств дела».

Источник: <http://sudact.ru/vsrf/doc/J3p7A9PO93IW/>

Вроде бы вполне здравое решение. Однако, здесь скрыт еще один порок. Дело в том, что стороне защиты «почему-то» в разы труднее доказать судье относимость того или иного доказательства, чем стороне обвинения. Более того, вообще странна сама по себе постановка вопроса: получается, что относимость нужно доказывать дважды – сначала судье, а потом присяжным заседателям. Но и это еще куда ни шло. Однако, ведь в ряде случаев преждевременное разглашение сути доказательства, в общей системе защиты, может нанести непоправимый ущерб. По сути, требуя доказать относимость того или иного доказательства, судья требует от стороны защиты еще до прений дать оценку доказательству, проанализировать его в совокупности с остальными доказательствами, ну а стороне обвинения остается только пользоваться этим «вскрытием карт»...

Описанные причуды судебной практики, порождают довольно занятную ситуацию в суде присяжных: с одной стороны, закон четко устанавливает требования к доказательствам в уголовном деле – они должны быть допустимыми, относимыми и достоверными. Это достаточные условия, чтобы они были изучены судом (в частности – судом присяжных). Однако в суде присяжных, понятие «допустимости» начинает трактоваться не как процессуальное свойство доказательства, характеризующее законность его получения, а шире – как «допустимость до оглашения перед присяжными». В итоге, наша правовая система изобрела еще одну характеристику доказательства, которую можно условно назвать - «огласимость» доказательства. То есть доказательство может быть сто раз допустимо и относимо, но в силу изуверских трактовок УПК РФ судьями - «неогласимо» перед присяжными. Стало быть, в делах с присяжными образуется пласт доказательств, которые при соблюдении к ним всех формальных требований, все равно не становятся предметом анализа со стороны суда и никак не влияют на выносимый приговор.

Фактически, усилиями отдельных «служителей Фемиды», возникает правовая коллизия. С одной стороны – доказательства есть, с другой – по различным предложениям

они не могут быть исследованы. То есть, если бы судьи руководствовались буквальным прочтением УПК РФ, такой коллизии не было. Например, та же допустимость или относимость доказательства оценивается профессиональным судьей и в общем-то пробел восполняется. Однако, как быть с доказательствами, которые прямо влияют на достоверность доказательства? Председательствующий запрещает их исследовать присяжным, но при этом и сам не наделен правом их исследования и принятия по ним какого-либо значимого для вердикта решения!

К допустимым и относимым (но при этом неогласимым!) доказательствам, в зависимости от необходимости, могут быть отнесены вопросы касающиеся личности подсудимого, потерпевшего и свидетелей, вопросы наличия у свидетелей и потерпевших оснований для оговора подсудимого, доказательства свидетельствующие о совершении преступления не подсудимым, а иным лицом и многие, многие другие принципиально важные вещи!

Когда же речь идет не о доказательстве, а о каком-либо действии или реплике стороны защиты, то на помощь суду приходит нововыдуманное свойство вопроса - «процессуальность». Например, если попытаться заявить судье возражения на его действия, или какое-нибудь незначительное ходатайство (допустим об оглашении показаний свидетеля в силу имеющихся противоречий), это практически наверняка будет объявлено председательствующим «процессуальным вопросом» и, в лучшем случае, он будет решаться без присяжных, в худшем – за его озвучивание в их присутствии сторона защиты еще и предупреждение получит.

Применяется это «объявление вопроса процессуальным» весьма широко, к месту и не к месту. Ниже эти случаи будут разобраны, а пока можно привести пример из собственной практики. Благо, случай был совершенно анекдотичный и показательный. В процессе прокурор заявил отвод двум присяжным заседателям по причине выявления им обстоятельств, сокрытых присяжными в ходе отбора. Естественно, что решение такого вопроса судья был обязан проводить в присутствии присяжных заседателей (что он и сделал) и также естественно, что вопрос отвода – это очевидно процессуальный вопрос. Когда наступила очередь высказываться стороне защиты, я указал на то, что прокурор, собирая информацию о присяжных, нарушил гарантии их неприкосновенности, поскольку присяжные заседатели обладают теми же гарантиями что и профессиональный судья. В ответ на это председательствующий объявил мое заявление процессуальным и быстренько убежал в совещательную комнату удовлетворять ходатайство прокурора. Как говорится, комментарии излишни.

Кстати, ВС РФ последовательно проводя линию на сокращение материалов, допустимых до оглашения в присутствии присяжных заседателей, распространяет запрет и на материалы процедурного характера, также, как правило, объявляя их «процессуальными». Для примера можно изучить Апелляционное определение от 11 мая 2016 г. №41-АПУ16-5СП ВС РФ:

«Те вопросы, которые не были направлены на установление фактических обстоятельств дела, своевременно председательствующим судьей отклонялись, что исключало их выяснение, а само содержание вопросов не несло в себе заранее обусловленного ответа, на основе которого могло формироваться мнение присяжных заседателей по делу. Так председательствующий судья действовал при поступлении вопроса об основаниях и времени задержания подсудимого и других вопросов процедурного характера».

https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/41-any16-5cn/

Трудно сказать, для чего именно защите понадобилось выяснять указанные вопросы, однако очевидно, что в ряде случаев вполне могут возникать ситуации, когда именно от оценки этих самых «процедурных вопросов» может зависеть оценка достоверности конкретного доказательства...

Продолжая разговор о недопустимости исследования материалов, связанных с процедурой получения доказательств и движения уголовного дела, хочется процитировать еще одно решение – Апелляционное определение ВС РФ от 12 марта 2014 г. №21-АПУ14-2СП:

«Из протокола судебного заседания следует, что в присутствии присяжных заседателей, вопреки требованиям ч.7 ст.335 УПК РФ, доводились до сведения коллегии присяжных вопросы, связанные с процедурой получения доказательств, исследовались процессуальные документы, относящиеся к движению уголовного дела.

Так, вопреки требованиям закона, председательствующим было удовлетворено ходатайство защиты об оглашении в присутствии присяжных постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Пшуква М.Х. по ч.1 ст.222 УК РФ и постановления о приостановлении уголовного дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Между тем, оглашение в присутствии коллегии присяжных заседателей таких документов недопустимо, поскольку присяжные заседатели не исследуют обстоятельства, связанные с процессом движения уголовного дела и получения доказательств, а решают вопросы о доказанности деяния, его совершения подсудимым, а также о его виновности, в связи с чем ими исследуются только те доказательства, которые касаются фактических обстоятельств происшедшего».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/f5aa9f07b5972c09a8ac0b292af0ab10/>

В данном случае, я могу согласиться с тем, что перечисленные документы, пожалуй, действительно не должны были исследоваться в присутствии присяжных заседателей. Однако, как их исследование (пусть и вопреки нормам права) могло повлиять на вынесение присяжными вердикта? Ведь данное решение отменило оправдательный приговор...

Жалкие крохи судебной практики хоть как-то облегчающей положение защиты можно перечислить по пальцам одной руки. Так в свое время, в Определении КС РФ от 28 мая 2009 г. №802-О-О Конституционный суд указал, что, хотя вопрос о недопустимости доказательств рассматривается в отсутствие присяжных заседателей, это не снимает с судьи обязанность, выслушав мнение сторон, проверить и оценить доказательства с точки зрения допустимости даже в случае их получения с нарушением требований УПК РФ. Слабое утешение, прежде всего, с учетом практики разрешения вопросов допустимости обвинительных доказательств. И, к сожалению, за кадром остался вопрос: а как быть с доказательствами, которые признаны допустимыми и относимыми, но при этом судья все равно по тем или иным причинам запрещает их демонстрировать присяжным заседателям?

Любопытные выводы ВС РФ содержатся в Кассационном определении от 2 октября 2012 г. №56-О12-52СП. Подсудимый обвинялся в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением им служебной деятельности. При этом государственный обвинитель оспаривал оправдательный приговор на том основании, что при допросах свидетелей Н., Х., М., К., а также самого подсудимого исследовалась информация о якобы имевших место нарушениях правил содержания осужденных. Кроме того, сторона защиты оспаривала законность применения в отношении подсудимого спецсредств и физической силы при его отказе предоставить личные вещи к досмотру (http://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=506802). ВС РФ пришел к выводу, что высказывания подсудимого, на которые ссылается государственный обвинитель, считая их проявлениями недопустимого воздействия на присяжных заседателей, относится к оспариванию стороной защиты достоверности доказательств обвинения. Оспаривая

обвинение, сторона защиты утверждала, что именно к Прокофьеву П.Ю. были применены сила и спецсредства со стороны сотрудников исправительного учреждения, и в подтверждение этого ссылались на показания допрошенных в судебном заседании свидетелей. При таком раскладе показания этих свидетелей о фактических обстоятельствах, которым они, по их показаниям, являлись очевидцами, не могут быть признаны недопустимыми, а их достоверность подлежала анализу и оценке присяжными заседателями.

То есть, как видно в данном конкретном случае ВС РФ признал допустимым опровержение позиции обвинения, путем доказывания стороной защиты факта применения физической силы к подсудимому. Вот, пожалуй, и все известные мне примеры...

Теперь вот еще о чем. Фальсификация доказательств – это еще один бич российской правоохранительной системы. Поэтому «дабы чего не вышло» вопрос о фальсификации доказательств суд, с благословения ВС РФ, систематически объявляет «процессуальным вопросом», не подлежащем доведению до сведения присяжных заседателей. Однако если в обычном суде о фальсификации заявлять можно (все равно это никак не влияет на приговор), то в суде присяжных это запрещено. Хорошо, если речь идет о каких-то исправлениях или дописках в протоколе следственного действия. Но как быть в случаях, когда доказательство сфальсифицировано не техническим, а так сказать интеллектуальным путем? Например, когда показания даются под влиянием заблуждения, ложных обещаний или прямого давления следствия? В этом случае факт фальсификации не выявишь никакой экспертизой. По большому счету, единственным доказательством фальсификации станет судебное решение, но как признавать сфальсифицированным то, о чем запрещено говорить как о фальсификате?

Примером таких запретов является Апелляционное определение ВС РФ от 3 апреля 2014 г. №3-АПУ14-3СП:

«Так, после исследования в судебном заседании протоколов допроса потерпевшего П. от 06.02.2010 г., 28.02.2010 г., следственного эксперимента от 07.02.2010 г., видеозаписей следственных действий, где П. сообщал о характере действий подсудимых, адвокат Рыбалов в присутствии присяжных заседателей выяснял вопросы о допустимости доказательств: подвергался ли П. избиению до допроса, нуждался ли П. в помощи адвоката, обращал внимание присяжных на нахождение П. в наручниках при допросах, устанавливал место проведения следственных действий, выяснял у П. причины изменения им показаний, вступал в пререкания с председательствующим по поводу снятия ряда вопросов, сообщал присяжным о том, что председательствующий сознательно, намеренно препятствует установлению истины по делу (т.220 л.д.5-6).

После исследования в судебном заседании записки К. в адрес П. в отношении содержания своей явки с повинной и заключения почерковедческой экспертизы о принадлежности почерка, адвокат Рыбалов выяснял у К. обстоятельства влияния сотрудников милиции на составление этой записки, у П. – обстоятельства ее демонстрации сотрудниками милиции, и до сведения присяжных была доведена информация о фальсификации доказательств путем понуждения К. сотрудниками правоохранительных органов к написанию этой записки (т. 220 л.д. 121)».

Источник: <http://sudact.ru/vsrf/doc/J3p7A9PO93IW/>

Или вот еще один аспект фальсификации доказательств. Когда их фальсифицируют сотрудники следствия – тогда еще можно говорить о недопустимости обсуждения этого в присутствии присяжных. В конце концов фальсификация доказательств, осуществленная должностным лицом, образует состав преступления. Соответственно проверка, по этому сообщению, проводится в установленном законом

порядке. Однако вполне известны ситуации, когда доказательство фальсифицируется преступником в расчете на то, чтобы отвести подозрения от себя или перевести их на другого человека. Как быть в этом случае? Неужели и здесь суд будет заявлять о недопустимости таких заявлений со стороны подсудимого? Да, будет. Увы и ах.

Вопросы получения того или иного доказательства, как правило, тоже объявляются «процессуальными». Мнение это не просто ошибочное, оно откровенно дискриминационное в отношении защиты. Так, к исключительной компетенции присяжных заседателей отнесена оценка доказательств на предмет их достоверности. Но процесс получения того или иного доказательства прямо влияет на оценку его достоверности! Например, если через десять лет после события, свидетель без труда опознает обвиняемого, которого он якобы видел несколько секунд, ночью, в туман и со спины, то понятное дело, что такому доказательству (несмотря на его абсолютную процессуальную чистоту и допустимость) доверия не будет. Так вот неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что суды запрещают исследовать в том числе даты (!) тех или иных протоколов, список участников следственного действия и пр. информацию, могущую иметь куда большее значение, чем изложение в протоколе самого порядка проведения следственного действия.

А ведь обстоятельства проведения следственных действий вполне могут играть свою роль в оценке не допустимости, а достоверности доказательств. Например, по одному из дел двое подсудимых «вспоминали» новые эпизоды преступной деятельности совершенно синхронно, практически день в день, причем излагали их следователю одними и теми же словами – не правда ли, странно? Но присяжным, по мнению судьи, об этом знать не следует. А как вам ситуации, когда разные следственные действия в разных местах проводят одни и те же лица, да еще и в одно и то же время?

Вот типичный образец такого подхода – уже процитированное выше Апелляционное определение ВС РФ от 12 марта 2014 г. №21-АПУ14-2СП:

«Из протокола судебного заседания следует, что в присутствии присяжных заседателей, вопреки требованиям ч.7 ст.335 УПК РФ, доводились до сведения коллегии присяжных вопросы, связанные с процедурой получения доказательств, исследовались процессуальные документы, относящиеся к движению уголовного дела.

(...)

Между тем оглашение в присутствии коллегии присяжных заседателей таких документов недопустимо, поскольку присяжные заседатели не исследуют обстоятельства, связанные с процессом движения уголовного дела и получения доказательств, а решают вопросы о доказанности деяния, его совершения подсудимым, а также о его виновности, в связи с чем ими исследуются только те доказательства, которые касаются фактических обстоятельств происшедшего.

(...)

Кроме того, при допросе свидетелей К. и Х. – сотрудников правоохранительных органов – в присутствии присяжных заседателей исследовались обстоятельства, связанные с процессуальным порядком получения доказательств. Однако суд, вопреки требованиям ч.2 ст.334 УПК РФ об исследовании подобных вопросов без участия присяжных заседателей, оставил без внимания данные нарушения, что также позволило стороне защиты поставить под сомнение законность получения и закрепления ряда доказательств обвинения и повлияло на объективность и беспристрастность коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/f5aa9f07b5972c09a8ac0b292af0ab10/>

Или вот – снова судебное решение, касающееся исследования порядка получения доказательств. Правда, из решения не ясно – действительно ли свидетель обладала сведениями о фактических обстоятельствах дела, однако вопрос о допустимости оглашения показаний относительно процедуры проведения того или иного следственного действия здесь раскрыт более чем понятно. Апелляционное определение ВС РФ от 14 ноября 2013 г. №14-АПУ13-12:

«Указанный свидетель была допрошена в судебном заседании (в отсутствие присяжных заседателей), поэтому судом не был нарушен запрет, предусмотренный ч.4 ст.271 УПК РФ, как это утверждается в жалобе адвоката Горшениной».

Возможность допроса данного свидетеля в присутствии присяжных заседателей определялась не правилами ч.4 ст.271 УПК РФ, а особенностями судебного следствия, предусмотренными ч.7 ст.335 УПК РФ.

Допросив свидетеля Д., председательствующий убедился, что ее показания касаются вопросов соблюдения процессуального порядка получения доказательств – проведения обыска по адресу <...> в ходе которого был обнаружен и изъят обрез ружья.

В соответствии с ч.1 ст.334 УПК РФ установление данных обстоятельств к компетенции присяжных заседателей не относится.

Доводы о том, что показания свидетеля Д. касались фактических обстоятельств деяния, вмененного осужденным, являются ошибочными.

Из показаний свидетеля Д. не следует, что ей были известны фактические обстоятельства о том, что кто-либо из осужденных хранил обрез. Об обрезе до обыска она ничего не знала».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/c4c6d69fd68df20547f1c0d27ac3c9ca/>

Вновь возвращаясь к исследованию процедуры получения доказательства, следует сказать, что довольно часто возникает ситуация, когда те или иные показания (в основном подсудимого, и в основном признательные) получены в результате давления (в том числе и физического) со стороны силовых органов. Можно ли говорить об этом в присутствии присяжных? А, собственно, почему бы и нет?!! **Говоря о том, что те или иные показания даны под давлением, защита не ставит под вопрос формальную допустимость доказательства, т.е. не утверждает, что это доказательство не должно изучаться в присутствии присяжных заседателей. Однако факт давления (если присяжные признают его реальность) может существенным образом сказаться на восприятии присяжными этого доказательства.** Ситуации, когда доказательство формально допустимо, но фактически недостоверно у нас в судах возникают сплошь и рядом. Достаточно вспомнить о том, что суды у нас регулярно признают недостоверными, вполне себе допустимые показания подсудимых о своей невиновности.

Вот один из многих примеров такого подхода со стороны ВС РФ. Уже упоминавшееся выше Апелляционное определение от 12 марта 2014 г. №21-АПУ14-2СП:

«Так, в ходе судебного разбирательства Пиуков М.Х. многократно в присутствии присяжных заседателей заявлял о якобы применении к нему в ходе следствия недозволенных методов, в связи с чем он вынужден был оговорить себя, а его защитник – адвокат Евгажуков Х.А., ставя под сомнение допустимость исследованных судом доказательств, в присутствии присяжных заседателей неоднократно заявлял о том, что допрашиваемые засекреченные свидетели являются "подставными", пытался путем допроса установить их личности».

<http://www.zakonrf.info/suddoc/f5aa9f07b5972c09a8ac0b292af0ab10/>

Как видно при непредвзятом прочтении цитаты, вопрос о допустимости здесь не поднимался. Речь шла о достоверности т.н. «признательных показаний», а также достоверности показаний засекреченных свидетелей. И посему ВС РФ по сути запретил подсудимому защищаться с помощью выдвижения сомнений о достоверности доказательств обвинения.

По общему мнению судей всех уровней, вопрос о применении дознавателями и следователями пыток и фальсификаций является юридическим, характеризует допустимость признательных показаний подозреваемого (обвиняемого) и других доказательств, а потому должен исследоваться в отсутствие присяжных заседателей. К числу первых судебных решений, зафиксировавших подобное положение вещей, относятся еще Определение Кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 г. по делу Князева, когда ВС РФ усмотрел нарушение в том, что подсудимый во время судебного разбирательства неоднократно обращал внимание суда присяжных на допущенные, на его взгляд, нарушения при получении и закреплении доказательств по делу. Между тем, как указала Кассационная палата:

«В случае заявления подсудимым о противоправных действиях следователя, которые повлияли на содержание полученных доказательств, возникший процессуальный вопрос должен разрешаться исключительно профессиональным судьей без участия коллегии присяжных заседателей. ...Процессуальные моменты допросов подозреваемого и обвиняемого не относятся к фактическим обстоятельствам дела и, следовательно, не могут быть предметом исследования с участием коллегии присяжных заседателей».

Источник: <https://zakonbase.ru/content/base/50919/>

Здесь я вновь процитирую судью Мосгорсуда в отставке Сергея Пашина:

«Эта странная позиция, растиражированная в десятках других кассационных определений, послужила и продолжает служить основанием отмены наибольшего числа оправдательных приговоров, в том числе по аналогии.

Например, по рассматривавшемся в 2003 году в г.Барнауле Алтайского края делу Исакова, «председательствующий удовлетворил ходатайство стороны защиты об оглашении с участием присяжных заседателей заявления Исакова на имя начальника Октябрьского ГОВД о том, что его избili работники милиции, положили в карманы куртки и джинсов предметы, похожие на гранату, и оглашении справки о причиненных Исакову телесных повреждениях». Кроме того, «в последнем слове Исаков заявил присяжным заседателям, что со стороны работников милиции на него было оказано давление». Поэтому оправдательный приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение.

Аналогичное решение было принято в Верховном Суде Российской Федерации 5 марта 2003 года и по рассмотренному Московским областным судом делу Титова, который «при допросе ранее осужденного по данному делу Конощенкова... задал вопрос, применялись ли к нему (Конощенкову) незаконные методы следствия, тот подтвердил». Интересно, что судьи не считают нарушением, когда прокурор выясняет у свидетеля, не уговаривали ли его родственники подсудимого изменить показания, не пытались ли подкупить его. Стороне защиты по делу Титова поставили в вину даже то, что «адвокат... высказывал сомнения по поводу показаний свидетеля Перепелкина, утверждая, что тот их дал со слов следователя», как будто защитник не волен оспаривать

достоверность показаний свидетеля, изобличать его вызубренные с чужих слов заявления.

В 2002 году отменяется оправдательный вердикт Алтайского краевого суда с участием присяжных заседателей по делу Залетова, поскольку он «в присутствии присяжных заседателей делал заявления..., в частности о том, что... свидетель Несытов (уличавший его) в то время несколько раз был задержан за наркотики и освобожден». Разве сторона защиты не вправе подвергать сомнению добровольность показаний человека, находившегося в руках органов уголовного преследования и (или) под угрозой уголовного преследования?

Очевидно, что в Верховном Суде путают (если судом с участием присяжных заседателей вынесен оправдательный приговор) допустимость и достоверность доказательств. Первая из этих характеристик, разумеется, должна оцениваться профессиональным судьей, но вторая находится именно в сфере факта и подлежит учету присяжными заседателями при оценке достоверности сделанных признаний. Присяжных заседателей считают компетентными решить, нанес ли подсудимый жертве смертельный удар ножом в сердце, но почему-то отказывают им в способности понять, приковывал ли оперуполномоченный подозреваемого к батарее, лупил ли его резиновой палкой по почкам. Данные обвиняемым (подозреваемым) в ходе предварительного следствия показания, конечно, могут быть признаны судьей юридически допустимыми и оглашены в присутствии присяжных заседателей, но последние вправе усомниться в их достоверности, как это практикуется в отношении любого другого доказательства (например, заключение эксперта может быть абсолютно законным, но не заслуживающим доверия по существу)...

Одновременно сторона защиты не вправе подвергать сомнению достоверность ряда доказательств, представленных стороной обвинения. Так, в 2003 году был отменен приговор и по делу Пьянзина, который «в ходе судебного разбирательства... многократно (17 раз) в своих показаниях, выступлении в прениях и последнем слове... акцентировал внимание присяжных заседателей на якобы применении к нему незаконных методов ведения следствия, вызывая тем самым сомнение в законности получения представленных обвинителем доказательств».

Складывается впечатление, что подсудимый должен выступать в роли союзника прокурора и из солидарности с ним помалкивать об обстоятельствах, при которых признательные показания были получены. Между тем, подсудимый вправе «давать показания» без каких-либо ограничений по их предмету (пункт 6 части 4 статьи 47 УПК Российской Федерации); его показания должны быть оценены присяжными заседателями по их внутреннему убеждению в совокупности с прочими доказательствами, причем «представленные обвинителем доказательства» не имеют большей юридической силы по сравнению с опровергающими их доказательствами стороны защиты (статья 17 УПК Российской Федерации).

Источник: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html

Дальше – больше. В своем «крестовом походе» против защиты суд доходит до совершенно абсурдных решений. Вот, ознакомьтесь с Кассационным определением ВС РФ от 25 февраля 2013 г. №7-О13-1сп:

«Доводы в кассационной жалобе адвоката Петровой Н.А. о том, что защита была лишена возможности объяснить происхождение отпечатков пальцев на автомашине К., являются несостоятельными, так как не основаны на законе и противоречат материалам дела.

Из протокола судебного заседания следует, что в прениях адвокат Петрова Н.А. заявляла, что она считает, что отпечатки пальцев были сфальсифицированы. Председательствующий правильно дважды останавливал адвоката Петрову Н.А., делал ей замечания, поскольку данный вопрос касался допустимости доказательства, что согласно ст.334 ч.1 и ст.335 ч.6 УПК РФ не входит в полномочия присяжных заседателей, обращался к присяжным заседателям с просьбами не принимать данные обстоятельства при вынесении вердикта, пояснив, что представленные им доказательства получены в соответствии с законом. Право адвоката Петровой Н.А. на анализ и оценку в ходе прений доказательства не ограничивалось, она высказала свое критическое отношение к заключению этой экспертизы, что в кассационной жалобе не оспаривается».

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=326474>

Все величие правовой позиции суда по данному поводу заключается в том, что суд вообще не пытается оспаривать заявление защитника о фальсификации доказательства. «Ну подумаешь – сфальсифицировали, главное, чтобы присяжные об этом ничего не узнали». Воистину, обезоруживающая откровенность со стороны судей!

Наконец, закрывая тему подмены понятий допустимости и достоверности, процитирую еще один шедевр ВС РФ – Кассационное определение от 28.08.2012 по делу №209-О12-4СП:

«В ходе допроса свидетеля Л., по ходатайству государственного обвинителя данному свидетелю представлен протокол осмотра путевых листов в части, касающийся закрепленного за ним автомобиля.

Стороной защиты в связи с этим свидетелю были заданы вопросы: "Вы принимали участие в осмотре данных документов 25 февраля 2011 года в <...>? Ответ: "Нет, не принимал".

Вопрос: "Правильно я Вас понял, что эти документы Вы не видели и ничего о них не знаете?". Ответ: "Да".

Таким образом, в данном случае, помимо процедуры расследования, в присутствии присяжных заседателей фактически исследовался вопрос о допустимости указанного доказательства. (...)

Так, в ходе допроса в присутствии присяжных заседателей свидетелю Х. задавались вопросы, связанные с процедурой его допроса следователем в ходе предварительного следствия.

«Вопрос: Во время допроса Вас следователем Вам было известно, в связи в чем привлекается к уголовной ответственности Гайдуков? Ответ: Нет, мне никто не объяснял.

Вопрос: В связи с чем тогда Вас допрашивал следователь?

Ответ: В сентябре – октябре 2010 года шла прокурорская проверка, я давал объяснения 2 или 3 раза. Потом вызвал следователь и допросил меня.

Вопрос: Вас допрашивали 6 сентября 2011 года? Ответ: Да.

Вопрос: Уголовное дело в отношении Гайдукова уже было возбуждено? Ответ: Я не знаю.

Вопрос: Во время какого допроса следователь Вам задавал вопрос о фирме "<...>"? Ответ: Вроде бы на втором допросе...

Вопрос: В связи с чем следователь задавал вопросы о фирме "<...>"? Ответ: Я не знаю.

Вопрос: Почему следователю Вы ничего не сказали о том, что были очевидцем пяти случаев передачи денег Гайдуковым К.?

Ответ: Я говорил об этом следователю, но он сказал, что уточняет свой вопрос о финансовых отношениях Гайдукова и фирмы "<...>".

Вопрос: Вам предоставлялась возможность внести свои замечания или дополнения?

Ответ: Когда на допросе у следователя сидишь уже 4-й час, хочется, чтобы побыстрее все закончилось и уйти домой».

С учетом высказанной в прениях позиции защиты об "ущербности" предварительного следствия по данному делу, обсуждение в присутствии присяжных заседателей вопросов, касающихся процедуры предварительного следствия и допустимости доказательств обвинения, поставило под сомнение допустимость этих доказательств, а следовательно и законность действий лиц, производивших расследование данного уголовного дела, и, безусловно, повлияло на содержание ответов присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы».

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=305339>

Оцените, как «изящно» ВС РФ провел цепочку от достоверности к допустимости, а от допустимости к незаконности действий сотрудников, проводивших расследование. Ну а уж после этого, «выявив истинный смысл» действий адвоката, с чувством выполненного долга отменил оправдательный приговор. Ловкость рук, вот это вот все...

ГЛАВА 14. ПОДГОТОВКА К СУДУ ПРИСЯЖНЫХ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

*«Воины-победители сперва побеждают
и только потом вступают в битву;
те же, что терпят поражение, сперва вступают в битву
и только затем пытаются победить»*

Сунь-Цзы

Необходимые оговорки

Как показывает практика, далеко не все защитники знают как работать с присяжными непосредственно в ходе судебных заседаний, поэтому что уж говорить о подготовке к суду присяжных на стадии предварительного следствия! А между тем, на этой стадии самое время подготовить почву для успеха в последующем судебном процессе...

Однако тут есть один немаловажный нюанс. Ранее (в Первом разделе книги), говоря о стратегии защиты у нас не было необходимости скрывать от читателей какие-то отдельные моменты. К сожалению, так не получится, рассуждая по теме тактики защиты. Вопрос противодействия отдельным следственным приемчикам и методам – тема, конечно, чрезвычайно интересная, но именно по ней приходится сдерживать

себя самого от лишних откровений. И дело здесь совершенно не в «жадности» автора и нежелании делиться приемами и методами с коллегами и подсудимыми. Просто в некоторых случаях раскрытие тактических секретов деятельности хорошего адвоката может повлечь за собой снижение эффективности конкретного приема (вплоть до его полной дальнейшей бесполезности), а за использование отдельных из них можно напороться и на большие неприятности... Иначе говоря, мы имеем дело с формулой, когда эффективность тактических приемов защиты весьма часто находится в зависимости от их секретности для стороны обвинения. Поэтому далеко не всегда можно будет проиллюстрировать свои тезисы конкретными примерами, причем не только из собственной практики, но и просто абстрактными примерами – прошу отнестись к этому с пониманием. Таким образом, задачей данной части книги является не столько разжевать теорию и привести конкретные примеры, сколько побудить читателя думать в нужном направлении.

14.1 Добровольность и принудительность в выборе суда присяжных

На всякий случай подчеркнем еще раз: выбор судопроизводства с участием присяжных заседателей – это право, а не обязанность подсудимого. При этом реализуется это право в суде – в ходе предварительного слушания – на котором подсудимый заявляет, или подтверждает ранее сделанное ходатайство, о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей. Однако сказанное совершенно не означает, что суд присяжных начинается с предварительного слушания – о данной форме судопроизводства необходимо начинать задумываться еще на следствии.

Казалось бы, согласно действующего законодательства, выбор суда присяжных – это осознанный и добровольный выбор самого подсудимого, однако из этого правила довольно часто возникают исключения. Возможны ситуации, когда подсудимый может попасть на суд присяжных сам того не желая и, напротив, быть лишенным этой возможности, несмотря на наличие соответствующего желания.

Не открою Америки, если скажу, что ни следствие, ни прокуратура, ни суд присяжных (как институт) не любят, а в отдельных случаях даже боятся. Так что если следствие и прокуратура расценивают возможность вынесения присяжными оправдательного вердикта как высокую, то велика вероятность, что они примут все зависящие от них меры для того, чтобы лишить подсудимого такой возможности. И первый прием для этого – изменить предъявленное обвинение. Изменить так, чтобы исключить саму возможность рассмотрения дела судом присяжных. В этом разрезе, одним из стратегических вопросов для защиты становится вопрос о том – когда именно следует заявить о своем желании рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей. УПК РФ предусматривает две стадии на которых официально делаются такие заявления. Во-первых, на следствии – по окончании ознакомления с материалами дела в порядке статьи 217 УПК РФ, во-вторых – на предварительном слушании в суде. Причем если ходатайство о рассмотрении дела с присяжными заседателями было сделано после «ознакомки», то на предварительном слушании в суде у подсудимого все равно повторно спрашивают – подтверждает ли он свое ходатайство или отказывается от него (на что также имеет полное право).

Так вот, в большинстве случаев, если обвиняемый серьезно настроен именно на суд с участием присяжных заседателей, то ходатайство о присяжных имеет смысл заявлять только на предварительном слушании, но никак не в ходе ознакомления с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Это важно по той причине, что систематически возникают ситуации, когда следствие, узнав о намерении обвиняемого пойти на суд присяжных, принимает меры по недопущению такой возможности. Какие именно? Об этом чуть ниже...

А пока о том, что возможна и обратная ситуация, когда заявление о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей делается на предварительном следствии именно для того, чтобы напугать обвинение и вынудить

его, например, изменить квалификацию на менее тяжкую. Иногда этот маневр неплохо срабатывает, особенно в отношении таких уголовных «изысков» как, например, ст. 210 УК РФ («преступное сообщество»), поскольку этот состав для доказывания в суде присяжных необычайно труден.

При этом, повторю еще раз, заявив ходатайство на ознакомлении с материалами дела о суде присяжных – никто не мешает обвиняемому отказаться от него на предварительном слушании в суде. Таким образом, заявляя такое ходатайство на следствии, обвиняемый по сути ничего не теряет, оставляя себе возможность для рассмотрения дела судьей единолично.

14.2 Суд присяжных вопреки воле подсудимого

Однако ситуация, когда судьбу подсудимого решает коллегия присяжных вопреки его желанию, систематически складывается по делам в которых имеется несколько подсудимых. В этом случае возможен вариант, когда мнение о необходимости суда присяжных у обвиняемых может диаметрально различаться. Более того, в случае если кто-то из подсудимых будет ходатайствовать о суде присяжных, возражения остальных подсудимых на эту тему приняты не будут. Это надо понимать и это необходимо отслеживать, а в случае необходимости – менять свою стратегию защиты, адаптируя ее под ситуацию.

Конечно, закон предусматривает для следствия возможность выделить дело в отношении обвиняемых не желающих суда присяжных в отдельное производство, вот только на практике этого почти не встречается. Разве что конкретный обвиняемый заключил сделку со следствием и его дело рассматривается в особом порядке (как правило, ранее основного «большого» дела с присяжными с целью преюдиции...).

Вопрос о том – в каких случаях суд присяжных может быть полезен, а в каких вреден, мы уже разбирали ранее и нет смысла останавливаться на нем повторно. Однако, говоря о суде присяжных вопреки воле подсудимого, следует заметить, что иногда обвиняемый получает от коллегии нечаянный «подарок». Так, например, было в т.н. деле Рыно-Скачевского (группы скинхедов) – в нем о суде присяжных ходатайствовала защита только одного единственного подсудимого Светланы Аввакумовой, а в результате, по вердикту присяжных заседателей, помимо нее был полностью оправдан еще один обвиняемый. А еще один подсудимый – единственный совершеннолетний в этой группе – который с учетом объема обвинения почти наверняка был бы приговорен профессиональным судьей к пожизненному заключению, получил снисхождение коллегии и, в итоге, получил хоть и не маленький, но все равно конечный срок лишения свободы.

Аналогичная ситуация имела место и в процессе «Белых волков», когда, благодаря интенсивной и активной защите подсудимых Исакина, Соловьева и Соболева, были полностью или частично оправданы и ряд других подсудимых...

Возможна и такая ситуация, когда не имея ресурсов для самостоятельной защиты в суде присяжных (средств на проведение экспертиз, грамотных адвокатов и пр.), подсудимый может «выехать» на ресурсах других подсудимых. Например, так произошло в первом процессе саранского бизнесмена Юрия Шорчева. Так, исключительно в силу социальных статусов, наиболее сильной защитой обладали подсудимые Шорчев и некоторые другие, в то же время их «подельники» (вернее сказать, бедолаги, которых следствие определило в «подельники») как таковой защиты не организовывали и пользовались услугами адвокатов по назначению. Согласно версии обвинения, Ю.Шорчев руководил вооруженной группой, осуществлявшей убийства криминальных авторитетов г.Саранска (зачем ему это понадобилось, обвинение выдумать так и не смогло). В процессе разработки и последующей реализации стратегии защиты, защита Шорчева пришла к выводу о том, что наиболее оптимальным и эффективным будет оспаривание самого факта причастности членов этой группы (Оськина, Богачева и Сорокина) к инкриминируемым им убийствам. При

этом версии подсудимых распределились следующим образом: Богачев – на предварительном следствии давал полностью признательные показания, хотя формально признавал свою вину лишь частично; Оськин – признавал свою вину полностью и давал признательные показания; Сорокин – признавал свою вину полностью, давал признательные показания. Был осужден в порядке особого судопроизводства. После вступления приговора в законную силу, когда он перестал представлять интерес для правоохранительных органов, ему дали возможность вскрыть в камере вены и умереть от кровопотери – прямо под прицелами камер наблюдения.

Далее, в ходе суда, Оськин остался на своей позиции. Богачев изменил показания и отрицал свою вину по всему объему обвинения за исключением одного единственного эпизода.

Доказывая невиновность Ю.В.Шорчева, сторона защиты оспаривала как факт того, что он давал Оськину, Богачеву и Сорокину какие-либо указания о совершении преступлений, так и то, что Оськин, Богачев и Сорокин участвовали в каких-либо преступлениях (за исключением одного эпизода, признаваемого Богачевым). Оспаривание проводилось, прежде всего, за счет выявления и анализа многочисленных и принципиальных разногласий в описании соучастниками якобы совершенных ими преступлений.

В итоге, Шорчев был оправдан полностью, а Оськин и Богачев были оправданы по всему объему обвинения, за исключением единственного эпизода, вину в котором признавал на суде Богачев. Признанию Оськина на следствии и в суде присяжные не поверили вовсе.

14.3 Отказ в праве на суд присяжных

Впрочем, бывают и обратные ситуации. Когда реализации права на суд присяжных мешают не только объективные обстоятельства, но и действия стороны обвинения.

Помимо желания подсудимого, для рассмотрения дела судом присяжных должны быть выполнены и процессуальные условия. Все необходимые требования сформулированы в УПК РФ. Там дан перечень статей по которым возможен суд присяжных, и по которым о нем можно только мечтать. Приводить этот перечень (копировать его из УПК РФ) смысла не имеет, но зато хочется сказать о некоторых маневрах обвинения с помощью которых удаётся обвиняемых суда присяжных лишить.

К числу таких приемов можно отнести вменение обвиняемому какого-то преступления (пусть и при отсутствии доказательств), выводящего уголовное дело из-под юрисдикции присяжных (и пусть потом профсудья переqualифицирует деяние или признает его недоказанным – должный эффект все равно будет получен). Например, если обвиняемому по статье 105 ч.2 УК РФ (убийство), подпадающей под суд присяжных, доменить ст. 205 УК РФ (терроризм), то, согласно действующего законодательства, дело уже будет безальтернативно рассматриваться тройкой профсудей... Другой весьма распространенный способ – это не добавить, а исключить из квалификации любые составы, предусматривающие суд присяжных. Примеры таких кейсов приведены в параграфе 3.2.1 (не поленитесь отлистать назад)...

Одним словом, если вывести из всех данных обстоятельств резюме – первой задачей при подготовке к суду присяжных на стадии предварительного следствия является создание необходимых условий, при которых по делу вообще процессуально возможна данная форма судопроизводства.

14.4 Общие моменты при подготовке к суду присяжных

У неискушенного читателя мог возникнуть вопрос – как вообще можно готовиться к суду присяжных, если дело еще находится в производстве следователя? Уверяю вас, можно и нужно. Да, конечно, возможности такой подготовки ограничены, поскольку по любому расследуемому делу активная роль принадлежит прежде всего следствию, а сторона защиты, в большинстве случаев, выполняет функцию «догоняющего», однако это не означает, что подготовкой к будущему суду заниматься еще нельзя.

Во-первых, стадию предварительного расследования защите надлежит использовать для сбора, фиксации и приобщения к делу доказательств защиты, именно с учетом последующего суда присяжных. Как мы знаем, далеко не каждое доказательство защиты может быть предъявлено присяжным, потому что в отношении таких доказательств предъявляются завышенные требования по относимости. Например, отказать в предъявлении доказательства защиты по причине того, что они якобы устанавливают обстоятельства, не подлежащие выяснению в суде присяжных, либо «порочат» свидетелей обвинения – это любимый маневр почти каждого первого судьи. Требования к доказательствам, используемым защитой в суде присяжных, это отдельный большой вопрос, и он тоже будет подробно рассмотрен в дальнейшем.

Во-вторых, еще на следствии следует уделить внимание планированию хода будущего суда с присяжными. Подготовка и режиссура предъявления доказательств защиты, оспаривания доказательств и утверждений обвинения, используемые для этого приемы, методы и действия играют в суде присяжных не меньшую роль, чем сами доказательства. Надлежит продумывать как доносить до присяжных ту или иную информацию, как допрашивать свидетелей защиты и обвинения (с учетом специфики суда присяжных), на какие доказательства и как именно следует обратить внимание присяжных заседателей и т.д.

В-третьих, в ряде случаев по делу, находящемуся еще на стадии следствия, вообще можно начинать составлять черновик не только вступительной речи, но и доклада в прениях, записывая приходящие в голову аргументы, анализируя имеющиеся в материалах доказательства защиты и обвинения. Эти материалы потом следует, конечно, обновить и актуализировать, но определенная база и наработки у вас уже будут. Это тем более полезно, поскольку в ходе написания защитительной речи становятся видны недоработки защиты и пробелы в доказательственной базе, которые будет возможность восполнить в ходе судопроизводства.

В-четвертых, предварительное следствие – это стадия на которой можно и нужно уделить внимание подготовке самого обвиняемого к допросу в присутствии присяжных заседателей. Дать подзащитному элементарные понятия о правилах публичного выступления, предупредить и отработать действия в случае саботажа его показаний со стороны суда и прокуратуры и т.д.

Наконец, на стадии следствия можно и нужно заявить ряд ходатайств, которые даже если и не будут следователем удовлетворены, зато у обвинения потом в суде не будет возможности отвергать ваши заявления в стиле: «а чего вы об этом раньше на следствии молчали?!».

В целом же, при указанном планировании защиты в суде присяжных, необходимо учитывать как серьезные процессуальные ограничения на объем и тематику доводимых до присяжных сведений, так и личности самих заседателей – как людей, не обладающих юридическими знаниями и не разбирающихся в хитросплетениях норм права.

К числу *типичных действий защиты на предварительном следствии* (которые мы и рассмотрим ниже) можно отнести:

- сбор и приобщение к делу разнообразных документов;
- участие вместе с подзащитным в следственных действиях, прежде всего, в таких как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, очная ставка, опознание, осмотр и др.;

- обеспечение допросов свидетелей защиты, их нахождение, подготовка к допросу (ничего незаконного – просто инструктаж о том, какая конкретно информация представляет интерес для защиты и следствия), и обеспечение их явки к следователю для дачи показаний (прежде всего, задача добиться согласия на допрос от самого следователя);

- наконец, самое объемное и самое важное действие, в котором приходится принимать участие адвокату на предварительном следствии – это допрос самого обвиняемого.

Можно сформулировать и несколько *общих требований к доказательствам защиты, предназначенным для суда присяжных*:

- доказательство должно быть понятным для широкого круга граждан (то есть для присяжных), оно должно требовать минимум объяснений, а лучше не требовать их вообще;

- доказательство должно быть убедительным и вызывающим доверие. К сожалению, нынешняя процедура обычного судопроизводства (с профсудьей) отучает участников процесса от необходимости быть убедительным, подменяя его требованиями формального соответствия закону. С присяжными все иначе! Присяжные не могут (да и не испытывают большого желания) решать вопросы допустимости доказательства, куда важнее для них – насколько доказательство убедительно и достоверно;

- доказательство должно быть направлено на доказывание или опровержение фактов и содержать минимум апелляций к процессуальным аспектам.

Это общие требования, а вот о конкретике поговорим ниже.

14.5 Подсудимый признает вину

Вообще, признание вины и сотрудничество с обвинением на следствии лишает смысла последующее заявление ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных. Суд присяжных тем и ценен, что в рамках этой процедуры гораздо больше шансов оспорить доказанность обвинения в целом (ну или хотя бы его части), чем у профсудьи. Какой же резон идти к присяжным, если подсудимый свою вину полностью признает?!. Иные же способы защиты, например, апелляция к каким-либо процессуальным аспектам или упор на наличие смягчающих вину обстоятельств – в суде присяжных никаких преимуществ перед рассмотрением дела профсудьей не имеют, а иногда даже наоборот. То есть ситуация, когда на суд присяжных попадает подсудимый добровольно признающий свою вину (если не брать в расчет ситуацию полной невменяемости обвиняемого и его защитника), возможны только в ранее описанных случаях «за компанию». А это, в свою очередь, говорит о противоречии стратегий защиты подсудимых, то есть фактически перед нами уже прямой путь к коллизионной защите. Вот об этом то и надо помнить, готовясь к предстоящему суду присяжных.

Что ж, прежде всего, узнав о наличии желания пойти к присяжным у кого-то из подельников, или же просто высчитав такую вероятность путем здравого размышления над материалами дела, следует задаться вопросом: «Нет ли необходимости скорректировать свою позицию по делу?». В описываемой ситуации выходов для обвиняемого, не желающего суда присяжных, два. Либо скорректировать свою стратегию защиты таким образом, чтобы рассмотрение дела судом присяжных могло бы пойти на благо и ему – например, опровергнуть какие-то эпизоды инкриминируемых обвинений, либо, если такой возможности нет – хотя бы получить от присяжных заседателей снисхождение. Конечно, и снисхождение со стороны присяжных требуется подсудимому далеко не всегда. Порой его куда успешнее заменяют негласные договоренности со стороной обвинения и судом: «Я вам нужные показания – вы мне минимальное наказание». Вот только эту стратегию мы в данной

книге вообще рассматривать не будем, поскольку она слишком специфична, индивидуальна и вообще не факт что сработает...

Поэтому давайте лучше подробнее остановимся на нюансах стратегии защиты, которая предусматривает в дальнейшем *получение снисхождения присяжных заседателей*. Главная задача в этом случае – Вам необходимо доводить до сведения коллегии (в том числе через протоколы следственных действий) информацию, которую присяжные посчитают достаточным основанием для принятия требуемого решения о снисхождении. И в первую очередь вам необходимо убедить присяжных заседателей в своем искреннем раскаянии и безвредности для окружающих. То есть, даже намереваясь признавать вину, все равно лучше это делать с учетом специфики суда присяжных.

Вообще информацией, что так или иначе может вызвать у присяжных сочувствие, жалость, уважение к подсудимому – может быть все что угодно. Конечно, можно и нужно указать на смягчающие вину обстоятельства, перечисленные в ст. 61 УК РФ. Но разговор идет не о том, чтобы сухо и формально перечислить присяжным эти самые смягчающие вину обстоятельства, которые содержатся в материалах дела в отношении подсудимого. Во-первых, такой чисто процессуальный подход к вопросу будет, скорее всего, запрещен председательствующим, во-вторых, само по себе формальное перечисление смягчающих вину обстоятельств вряд ли произведет на присяжных какое-либо впечатление. Задача защиты донести эти сведения до присяжных таким образом, чтобы это вызвало у них соответствующую эмоциональную реакцию, склонило их к мнению о том, что подсудимый утратил свою общественную опасность (а говоря человеческим языком – не опасен для них, как обычных граждан) и заслуживает того, чтобы нести наказание в уменьшенном объеме. Присяжным важна именно суть обстоятельств, а не их формальное название. Также надо учитывать тот факт, что ваш главный слушатель не судья, а присяжные, следовательно, и излагать свои мысли вам нужно не сухим юридическим языком, а простыми и понятными для простых людей словами.

Однако мало сказать в суде о смягчающих вину обстоятельствах, надо заранее их зафиксировать в материалах дела, еще на стадии следствия. В противном случае сторона обвинения может этим воспользоваться, заявив, что это все выдумка и попытка избежать наказания. Сообщая смягчающие вину обстоятельства, необходимо прочно увязывать их с обстоятельствами, однозначно подлежащими выяснению в присутствии присяжных заседателей.

Одним из серьезных поводов, дающих основание рассчитывать на снисхождение присяжных является факт сотрудничества конкретного подсудимого со следствием. Например, именно факт сотрудничества с правоохранительными органами послужил основанием дать снисхождение участникам убийства зампреда Центробанка России Козлова – Белокопытову и Погоржевскому. Это выигрышно смотрится на фоне других подсудимых, вина которых очевидна для присяжных, но тем не менее не признающих свою вину. Однако сотрудничать со следствием тоже надо уметь – и далеко не всегда активное сотрудничество с обвинением гарантирует снисхождение присяжных. Это должно выглядеть именно как раскаяние, чистосердечное и искреннее, а не как попытка выторговать себе поблажку в приговоре. Соответственно, еще со стадии предварительного следствия следует готовить материалы, указывающие на деятельное раскаяние и сотрудничество со следствием. Явки с повинной, признательные показания, зафиксированные в протоколах различных следственных действий, заявления с просьбами провести те или иные следственные действия (например, проверку показаний на месте) с тем чтобы сообщить следствию дополнительные обстоятельства происшествия или позволить выявить новые факты преступных деяний и т.д. Причем с обязательным указанием благородных, вызывающих симпатии у окружающих, мотивов этого решения.

Однако оглашение показаний в суде, данных обвиняемым в ходе следствия, сопряжено с известными процессуальными ограничениями. В связи с этим, возникает

изрядное количество трудностей, например, в доказывании присяжным факта раскаяния и сотрудничества со следствием. Так есть немалая доля вероятности, что обвиняемому не дадут возможности обратить внимание присяжных на тот факт, что о каком-то событии он рассказал раньше остальных подсудимых, либо о том, что именно благодаря его показаниям и сотрудничеству со следствием следствие получило дополнительные доказательства или провело следственные действия, давшие доказательства. Это необходимо помнить, и необходимо продумать – как именно можно обойти указанные ограничения. Так, например, если обвиняемый решил сделать признание или сообщить информацию, которая ранее следствию не была известна (и ссылку на это обстоятельство защита собирается использовать как основание для снисхождения присяжных), то логично будет оформить это в качестве заявления или явки с повинной, а не, например, в протоколе допроса. Поскольку заявления и явки с повинной суды оглашают в качестве иного документа, в то время как с оглашением протокола допроса могут возникнуть осложнения. Также разумно будет прямо указать в явке или заявлении, что данная информация ранее следствию известна не была, и в настоящий момент обвиняемый ее сообщает, поскольку раскаивается в содеянном и хочет загладить причиненный вред и т.п.

Говоря о других обстоятельствах, могущих повлиять на принятие присяжными решения о снисхождении, следует сказать, что не может быть и речи о том, чтобы надеяться на законных основаниях довести до присяжных сведения об имущественном положении, составе семьи, характеристиках с места жительства и работы и прочие обстоятельства, которые в принципе могут положительно повлиять на мнение присяжных о снисхождении. Увы. Так что эту информацию придется «вбрасывать» в процесс крупными, маленькими фрагментами, одной-двумя фразами в допросе или протоколе следственного действия с тем, чтобы не дать председательствующему успеть среагировать на нее и оборвать еще до того, как факт будет доведен до сведения коллегии присяжных.

Для каждого смягчающего вину факта, необходимо подбирать свои способы и формы донесения до присяжных. Так, факт принесения извинений пострадавшему и компенсации ему причиненного ущерба вполне можно органично встроить в допрос самого потерпевшего (если речь идет о допросе в зале суда), или в протокол очной ставки (если разговор идет о фиксации этого факта материалами предварительного следствия). Соответственно, работа на следствии должна, прежде всего, ставить перед собой задачу задокументировать – причем в доказательствах, подлежащих доведению до сведения присяжных – смягчающие вину обстоятельства!

Ну, например, для обычного суда вполне хватило бы положительной характеристики с места работы подсудимого. Однако, такой документ, никто и никогда перед присяжными не огласит. Соответственно, чтобы обойти этот запрет, неплохо было бы пригласить для дачи показаний кого-либо из сослуживцев подсудимого для дачи показаний по какому-нибудь пусть и малозначительному поводу. А дальше – уже в ходе допроса – «вплести» в его ход вопросы (для получения заранее известных ответов), характеризующих подсудимого с положительной стороны. Естественно, что такие вопросы и ответы надо старательно «размазать» по «тексту» допроса. Вот таким образом довести нужную информацию до присяжных уже более реально. Ну а для того, чтобы суд допустил этого свидетеля до допроса перед присяжными, было бы неплохо допросить его по требуемым обстоятельствам еще на следствии...

Тем не менее, сотрудничества со следствием тоже далеко не всегда достаточно для получения снисхождения присяжных. Крайне желательно привести присяжным разумное и вызывающее доверие объяснение (причем по уважительным причинам), почему обвиняемый пошел на преступление, а в дальнейшем решил сотрудничать со следствием. Но и здесь могут подстерегать трудности. Например, если подсудимого заставили (или «заставили») участвовать в преступлении, то велик шанс, что рассказ об этом будет сопряжен со значительными трудностями, поскольку формально это не относится к предъявленному обвинению. Также придется проявлять

изобретательность, чтобы донести до присяжных факт принесения извинения потерпевшим или выплаты им компенсации за причиненный ущерб, поскольку и это не относится к предмету доказывания в суде присяжных.

Кроме того, надо понимать, что раскаивающийся и признающий вину подсудимый, в большинстве случаев, становится объектом атаки со стороны тех подсудимых, кто не признает вину. Как правило, так или иначе перед присяжными озвучивается мысль о том, что признающийся, просто-напросто выторговывает себе смягчение наказания и ради этого оговаривает и себя и остальных подсудимых. Также возможен расклад, при котором сотрудничество со следствием сделает конкретного обвиняемого объектом и еще более жесткой, скоординированной атаки со стороны остальных подсудимых, которые начнут дружно давать показания на него (не важно, имеющие отношение к действительности или нет). Этот момент тоже необходимо просчитывать и учитывать при планировании защиты. Это и есть та самая коллизионная защита...

Естественно, что сотрудничая или «сотрудничая» со следствием, важно чтобы показания, даваемые обвиняемым были правдоподобны. Не следует сомневаться, что защита других подсудимых в ходе суда вытряхнет из показаний «сотрудничающего» все противоречия. Так что сотрудничая, следует все-таки не слепо идти на поводу у следствия и подтверждать все, что это самое обвинение попытается вложить в уста обвиняемого...

Помните, что на оглашение многих обстоятельств, могущих повлиять на мнение присяжных о снисхождении к подсудимому, судьи накладывают запрет, руководствуясь своими фантазиями о содержании ст.252 и ч.8 ст.335 УПК РФ. Конечно, если обосновать необходимость доведения какой-то информации ссылкой на доказывание соответствующего смягчающего обстоятельства, иногда председательствующий может дать соответствующее разрешение. Но это случаи крайне редкие. Обычно председательствующие «не слышат» и «не понимают» аргументов защиты и норм законодательства. В связи с этим, доведение до присяжных таких сведений обычно чревато возникновением внепроцессуального конфликта, о чем мы подробно говорили ранее. Таким образом, доведение указанных обстоятельств до сведения присяжных заседателей требует от защитника изрядной доли изобретательности, смелости, авантюризма, и готовности идти на конфликт с судьей. Однако, справедливости ради, следует заметить, что обычно судьи весьма формально относятся к таким мелким нарушениям со стороны подсудимых, признающих свою вину и избобличающих перед присяжными других подсудимых.

Ну и также иногда срабатывает доведение нужных сведений до присяжных через оглашение протоколов следственных действий в которых обвиняемый, еще на стадии предварительного следствия, фиксирует значимые для защиты моменты. Вот с учетом этого, защите и надо серьезно поразмыслить над тем, как сделать так, чтобы нужные сведения нашли свое отражение в протоколах следственных действий. Проверка показаний на месте, опознания, очные ставки – все это документы, через которые можно будет потом довести до присяжных требуемую информацию. Хотя, конечно, следует отметить, что и такой подход не является панацеей, поскольку судьи иногда ограничивают по объему доведения до присяжных и эти протоколы. Но, тем не менее, пользоваться данным шансом надо. Соответственно, сведения о смягчающих вину обстоятельствах надлежит «размазывать» по протоколам следственных действий, а не давать единым куском, который обращает на себя внимание судьи и прокурора, и который легко будет взять и запретить оглашать...

Ну и конечно, необходимые, смягчающие вину обстоятельства, могут быть приведены защитой и в допросах свидетелей стороны защиты (неплохо и заранее отрепетировать показания в этой части).

14.6 Обвиняемый отрицает вину (полностью или частично)

Теперь перейдем к ситуации, когда обвиняемый полностью или частично отрицает свою вину и активно защищает себя путем дачи показаний, участия в следственных действиях, предоставления новых доказательств. Данный случай – наиболее классический для суда присяжных. Но естественно, что для суда присяжных ценно отрицание вины не по процессуальным, а по фактическим мотивам, иначе смысла в суде присяжных также будет немного.

Активное оспаривание (полное или частичное) вины, подразумевает оспаривание доказательств обвинения и предоставление доказательств защиты. Вот только к доказательствам защиты у следствия и так отношение далеко не лучшее, а уж когда дело имеет шансы попасть в суд присяжных, то и подавно. Поэтому опровержение позиции обвинения на стадии предварительного следствия – это самый трудный и самый рискованный вариант защиты, который, впрочем, при должном таланте и определенной доле везения может дать и наиболее ценные результаты, вплоть до прекращения уголовного преследования на стадии следствия частично или полностью. Однако, и шансы обесценить доказательства защиты в случае неверно выбранной тактики работы с ними на следствии – также очень высоки. Связано это, в первую очередь, с тем, что достаточно часто следствие, опровергая доводы защиты, не сковывает себя требованиями УПК РФ. В результате следствие, проверяя изложенную защитой версию, полностью ее опровергает, находя дополнительные изобличающие доказательства или... «утрачивая» оправдательные доказательства, переданные следствию стороной защиты. Все чаще возникают ситуации, когда следователь занимает по делу сверхактивную позицию и не только пытается процессуальным путем добывать доказательства обвинения и опровергать доказательства защиты, но и внепроцессуальным путем уничтожать доказательства невиновности.

Так по все тому же делу в отношении саранского коммерсанта Юрия Шорчева сторона защиты, естественно действуя из лучших побуждений, озвучила на стадии следствия алиби обвиняемых Ковалева и Шорчева. Действительно, в предполагаемый период времени, когда (по версии обвинения) было совершено убийство Борисова, и Шорчев и Ковалев находились на отдыхе за границей. Этому факту, конечно, было и объективное подтверждение – у обоих обвиняемых, еще при задержании, был проведен обыск по месту жительства в ходе которого были изъяты значительное количество фотографий, и в том числе фотографии с этого самого выезда за границу. В итоге, когда следствию стало об этом известно, оно, во-первых, «перенесло» время убийства Борисова с начала сентября 2003 года на конец сентября - начало октября (благо, что по некоторым сведениям, Борисова вообще никто не убивал). Во-вторых, сами фотографии поездки следствие неожиданно «утеряло» - следователь просто выдал родственникам подсудимых ранее изъятые в ходе обысков фотоальбомы в которых, однако, интересующих фотоснимков уже не было...

Аналогично и по известному делу Даниила Константинова, следствие «потеряло» ряд доказательств алиби подсудимого и, в том числе, фотоаппарат с фотоснимками самого Константинова, находившегося во время инкриминированного ему убийства в совершенно другом месте.

Увы, но подобные «процессуальные чудеса», к сожалению, все чаще начинают случаться и в судах. Так по делу об убийстве Маркелова и Бабуровой имел место один примечательный случай: в ходе допроса одного из свидетелей защиты, в том числе выяснялся и вопрос о времени, когда ему впервые стало известно о данном преступлении. В своих показаниях он сослался на несколько новостных интернет-порталов, указав и время размещения на них соответствующей новости. В данном случае, сторона защиты еще на стадии подготовки этого свидетеля к даче показаний в суде (ничего криминального – просто выясняли, что этот свидетель знает по сути обвинения) проверила показания свидетеля и убедилась, что на этих ресурсах действительно содержится указанная свидетелем информация. Каково же было наше удивление, когда через несколько дней, один из адвокатов потерпевших, принес в суд справку от владельцев этого интернет-портала, в которой было указано, что

информацию об убийстве Маркелова они опубликовали в сети Интернет значительно позже, чем утверждал наш свидетель. Повторное посещение этого ресурса, подтвердило худшие опасения стороны защиты – публикация на которую мы ссылались уже была удалена с сайта, а наш свидетель был выставлен перед присяжными заседателями как лжец, которому не следует доверять.

Таким образом, решая вопрос об активной защите, адвокату приходится интуитивно нащупывать и удерживать баланс в вопросе – какие доказательства и в каком объеме следует предъявить на следствии, а какие доказательства следует приберечь до суда. То есть вам следует, прежде всего, разобраться с тем – насколько велика вероятность того, что следствие перейдет от активного противодействия стороне защиты к агрессивному. Здесь возможны и «утеря» доказательств защиты, и давление на свидетелей, и фальсификация доказательств обвинения с целью опровержения доводов обвиняемого и его защитников. Однако, факт того, что то или иное доказательство защиты уже содержится в материалах дела, поступивших из следственных органов, несколько повышает (хотя и незначительно) шансы на доведение его до присяжных в суде. Соответственно, готовя дело к суду присяжных, защите имеет смысл подумать над тем, чтобы как можно больше доказательств защиты находилось в самом уголовном деле, но помня и обо всех возможных издержках этого вопроса...

Кстати говоря, об агрессивном противодействии защите. Вот снова пример из дела саранского коммерсанта Юрия Шорчева. Сообвиняемый по данному делу предприниматель Сергей Ковалев попал в это дело совершенно случайно, фактически в качестве мести за то, что отказался оговорить своего приятеля Шорчева. До определенного момента все обвинение против Ковалева по обвинению в соучастии в убийстве криминального авторитета Андрея Борисова строилось на показаниях одного единственного заинтересованного «свидетеля» Рината Чуракова, в искренность которого даже не все работники СК и МВД верили. Не верили в нее и работники прокуратуры. Поэтому, когда в очередной раз встал вопрос о продлении срока содержания Ковалева под стражей, по неофициальным данным прокуратура склонялась к отказу в поддержке соответствующего ходатайства следствия. В итоге, в самый последний момент (буквально за день-два) нашелся еще один «свидетель», говорящий о причастности Ковалева к убийству – конечно же, засекреченный секретный свидетель (в последствии защита выяснила, что это был... тот же самый Чураков, просто в новой ипостаси – <http://shorchev.online/sodeks/>).

Полагаю, нет нужды далее перечислять примеры, когда следствие шло на откровенные фальсификации доказательств обвинения или оказывало давление на свидетелей с целью получения тех или иных нужных показаний. Любой практикующий адвокат без труда вспомнит не один десяток примеров таких процессуальных реноваций...

Однако, даже если следствие не идет на явные фальсификации, преждевременное раскрытие доказательств защиты тоже может нанести серьезный ущерб вашей обороне. Например, участвуя в очных ставках, с большой осторожностью следует пользоваться правом задавать вопросы оппоненту и пытаться уличить его во лжи. Мало того, что следователь вполне может не утруждать себя мотивацией и снимать ваши вопросы просто так (или отразить вопросы и ответы в протоколе так как ему это ему выгодно – и иди потом обжалуй сколько влезет), а на суде эту очную ставку вообще могут не огласить под каким-нибудь благовидным предлогом, но самое главное, что «откозырявшись» еще на следствии – у выслушавшего вас оппонента будет возможность подумать над тем, как «острые углы» обойти. Более того, не исключается и «пропажа» из материалов дела соответствующих документов и доказательств на которые вы опирались. Особенно это относится к доказательствам, которые существуют в единичном экземпляре и не могут быть восстановлены.

Таким образом, выбирая активное опровержение версии обвинения на предварительном следствии, следует тщательно продумать – до каких пределов готово

действовать следствие в опровержении доводов защиты, и соответственно, какие заявления стороне защиты следует озвучивать, а о каких лучше умолчать до суда присяжных.

Помните, планируемый суд с присяжными только обостряет нездоровую активность следствия в фальсификации доказательств вины и уничтожении доказательств невиновности. Поэтому **лучше всего на стадии следствия предъявлять только те доказательства, которые однозначно не могут быть искажены следствием, либо те, которые в противном случае вообще могут утратить доказательственное значение.** Наиболее же сильные доказательства лучше приберечь до процесса с присяжными, однако, при этом следует тщательно обдумать – как именно и в какой форме они будут предъявлены, чтобы с одной стороны – убедить присяжных в достоверности позиции защиты, с другой – не дать возможности стороне обвинения и суду сорвать их предъявление (пусть бы и незаконным путем).

Также в ходе работы на предварительном следствии нужно тщательно анализировать собственно действия защиты – с тем чтобы они не могли привести к обстоятельствам, позволяющим следствию вообще отказать обвиняемому в праве на суд присяжных.

14.7 Изменение позиции по предъявленному обвинению

Следующей ситуацией, возникающей по потенциально «присяжному» делу, является вариант, когда обвиняемый в течении следствия меняет свое отношение к предъявленному обвинению. Причем этот процесс возможен в противоположных направлениях – от признания вины к ее отрицанию и наоборот. Наиболее экстремальная ситуация – это смена отношения к предъявленному обвинению в ходе рассмотрения дела в суде.

Причины, по которым обвиняемые изначально признают вину, а потом отказываются, могут быть самые разнообразные. Это может быть и прямое принуждение и давление со стороны следствия (вплоть до физического принуждения), это может быть и обман обвиняемого следователем и/или адвокатом-назначенцем («признавайся – все равно не отпустят, а так хоть меньше дадут»), и даже это может быть просто страх и наивность перед возможными действиями следствия - «если признаюсь, то не посадят». Возможен даже вариант, когда обвиняемый действительно виновен в совершении преступления и признавался в этом, однако с течением времени пришел к выводу, что доказательственная база по делу недостаточна для его осуждения. Словом, в таком раскладе действует комбинация тактик защиты при признании под принуждением и тактики активного отрицания вины. Обычно такие ситуации возникают в первые часы или дни задержания обвиняемого, когда ему всеми правдами или неправдами следствие подсовывает своего «прикормленного» адвоката, который и «разводит» обвиняемого на полную «признанку», даже в отсутствии доказательств его вины... Увы.

Также часты ситуации, когда на первоначальном этапе следствия обвиняемый отказывается от сотрудничества со следствием и дачи показаний, а в последующем, определившись со стратегией защиты, начинает и давать показания, и участвовать в следственных действиях, и приводить доказательства. Подробнее о причинах признания обвинения мы говорили ранее.

По сути, в изучаемой ситуации имеет место комбинация первых двух рассмотренных типичных случаев, но с одним существенным отличием. С одной стороны, такое изменение позиции по делу само по себе не слишком-то хорошо выглядит в глазах присяжных (однако при умелом подходе это не критично), с другой – сторона защиты в этом случае получает серьезную возможность для маневра, неожиданную и крайне опасную для следствия. Соответственно и использовать этот маневр следует с особой тщательностью, все детально распланировав и предусмотрев. Фактически у обвиняемого появляются определенные возможности заложить под

обвинение «мину» замедленного действия, а с учетом внешнего соглашательства с обвинением – бдительность следователей обычно бывает изрядно притуплена.

И если в обычном процессе подобное дело можно заранее считать проигранным – профессиональный судья вполне может построить все обвинение на чистосердечном признании в отсутствии других доказательств – в то же время суд присяжных дает подсудимому возможность оспорить и это «признательное» доказательство. Так, в деле «Белых волков», подсудимый Исакин изначально, в присутствии адвоката-назначенца, дал признательные показания по ряду эпизодов. Затем последовал отказ от признания вины и это повлекло за собой активное давление на обвиняемого. В частности, он был переведен в пресс-хату, которых «конечно же нет» в наших следственных изоляторах и в которой доминировали выходцы из Средней Азии. Естественно, опера не преминули сказать «смотрящему» за камерой о том, в совершении каких преступлений обвиняется их новый сокамерник. Словом, ситуация складывалась угрожающая, но изменить что-либо в условиях содержания в изоляторе было крайне трудно, а главное, это требовало значительных затрат времени (прежде всего, на обивание порогов УФСИНовского и милицейского начальства), которого у нас особо и не было. Если бы обвиняемого морально доломали, то нечего было и надеяться даже на минимальный успех в суде присяжных.

В связи с этим защита пошла на единственно возможный в данном случае шаг – вина была признана в полном объеме и даже были даны «чистосердечные признания» по нескольким эпизодам, на которых настаивали вошедшие во вкус опера. При этом показания и признания давались защитой с соблюдением определенных правил (о них ниже), что и позволило в суде присяжных не только отказаться от признания вины, но и убедить коллегия в том, что эти показания не соответствуют действительности. В итоге, из девяти убийств, вмененных Исакину, присяжные посчитали доказанными только три (те, по которым он давал признательные показания при адвокате-назначенце), но и по этим трем присяжные дали подсудимому снисхождение и, прежде всего, потому что так и не были до конца уверены в его причастности к данным преступлениям...

Итак, в подобной ситуации весьма немаловажно решить в какой именно момент следует отказаться от признаний или от признательных показаний. Конечно, теоретически выгоднее сделать это как можно раньше, однако действительность такова, что подобное изменение позиции обвиняемого может повлечь за собой как усиление давления на него внепроцессуальными методами (особенно, если он содержится в следственном изоляторе), так и активизацию работы по поиску обвинительных доказательств процессуальным путем. Поэтому в некоторых случаях бывает выгоднее дать следствию возможность расслабиться (из расчета, что обвиняемый свою вину признает и никаких дополнительных доказательств искать не следует). Особенно оптимально это работает вместе с заявлением о суде присяжных только на предварительном слушанье в суде. В этом случае отказ от признания и ходатайство о суде присяжных иногда приводит к совершенно разрушительным для следствия последствиям, вплоть до вынесения оправдательного вердикта или возврата дела прокурору.

Для реализации такой стратегии необходимо, как минимум, проработать стройное и главное доказуемое объяснение – по какой причине давались признательные показания. В основном в качестве такой причины называют давление со стороны следственных и оперативных служб. Соответственно, необходимо продумать, как зафиксировать этот факт в материалах, оформляемых на стадии предварительного следствия и как в последующем довести это до присяжных (пусть и при активном противодействии суда и обвинения). Заявление о признании, данном под давлением, имеет как свои плюсы (вызывает сочувствие), так и свои минусы. Во-первых, минус заключается в том, что это однозначно порождает по делу острый внепроцессуальный конфликт. Во-вторых, прием этот достаточно банален и методики противодействия ему со стороны суда давно отработаны. Как правило, после таких

заявлений следует ожидать приглашения в суд следователей и оперативников, работавших по делу, которые конечно же убедительно и достоверно расскажут, что никакого давления на обвиняемого они не оказывали и вообще он давал показания добровольно, желая очистить совесть и смягчить наказание, и только супостат-адвокат убедил его встать на неверный путь отрицания своей вины.

Впрочем, возможны и более изящные варианты. Например, известны случаи, когда подсудимый объяснял свои признательные показания неверием в то, что следствие хочет объективно разобраться в произошедшем и найти настоящего преступника, а признаваясь обвиняемый рассчитывал на то, что за это ему дадут хотя бы не очень строгое наказание. Также к числу таких объяснений можно отнести и желание ввести следствие в заблуждение, чтобы помочь избежать ответственности за содеянное, например, близкому другу или родственнику, а кроме того – неправильное восприятие обвинения, забывчивость в отношении отдельных событий, желание отомстить подельникам за какие-то обиды и пр. Наверняка, есть и другие варианты. Просто творчески отнеситесь к задаче их поиска.

14.8 Отказ от сотрудничества со следствием

Отказ от сотрудничества со следствием, может быть, и не самая эффективная, в отдельных случаях, тактика, но совершенно точно, что это самый простой и наименее рискованный способ защиты на предварительном следствии. С другой стороны, если обвиняемый не дает показаний и отказывается от участия в следственных действиях, то возможности подготовки материалов дела к суду присяжных сильно ограничены. Впрочем, и отказываться от сотрудничества тоже надо уметь – необходимо придать этой глухой обороне если не одобряемый, то уж во всяком случае понятный присяжным вид.

То есть, реализуя на следствии указанный подход, следует в первую очередь подумать над тем, как это будет выглядеть в глазах присяжных. Например, когда на суде обвиняемый, ранее на следствии отказывавшийся давать показания, начинает озвучивать свою версию и предоставлять в ее обоснование доказательства невиновности, обвинение начинает театрально «удивляться» тому, почему эти сведения не были сообщены подсудимым ранее следователю. Ну а далее, при каждом удобном случае, обвинители стараются довести до присяжных заседателей мысль о том, что эти доказательства являются сфальсифицированными, а показания вымышленными, поскольку раз они не были сообщены на следствии, значит их в тот момент и не существовало. При должном уровне театрального мастерства прокурора и его настойчивости, данный маневр может быть весьма неприятен для защиты.

Если дело идет к профессиональному судье, то при отказе от дачи показаний на следствии вполне достаточно указать, что подсудимый отказывается от дачи показаний на основании статьи 51 Конституции РФ. В то же время, в суде присяжных подобная формулировка будет далеко не оптимальной – прокурор и судья всегда найдут немало способов истолковать этот отказ от дачи показаний в ущерб защите. Например, приходилось сталкиваться с ситуациями, когда, комментируя отказ подсудимого от дачи показаний на следствии, председательствующий судья особо отмечал, что присяжным не стоит делать вывод о том, что, отказываясь от дачи показаний, подсудимый пытается скрыть какие-то факты своей преступной деятельности, поскольку отказываться от свидетельства против себя, это законное право подсудимого. Ну вы поняли, классическая методика – «Не думай о зеленой обезьяне».

Вместе с тем, есть вполне добротный способ по крайней мере частичной нейтрализации этого «фокуса». Так, на следствии, давая показания, обвиняемый вполне может сделать заявление о том, что он не виновен, у него есть доказательства его невиновности, однако он не доверяет следствию, считает, что обвинение может их умышленно уничтожить или исказить (тут неплохо бы привести конкретные причины

этого недоверия, например, следователь в приватном разговоре «без протокола» сказал, что засадит любой ценой и вне зависимости от доказательств), в связи с чем предоставит их только в суде, в присутствии присяжных заседателей.

Соответственно, как только прокуратура поднимет вопрос о том «Почему же защита молчала на следствии?», она будет неплохо «затыкаться» ответом, что подсудимый не доверяет следствию и ссылкой на соответствующее заявление в материалах дела. Во всяком случае, если отказ будут оглашать в присутствии присяжных заседателей, такие формулировки будут выглядеть куда более обосновано и логично, чем простая ссылка на статью 51 Конституции РФ.

14.9 Дача показаний обвиняемым

Теперь разберем отдельные тактические направления деятельности защиты и начнем с дачи показаний обвиняемым. На предварительном следствии не так уж и много следственных действий, на исход которых может повлиять обвиняемый. Один из таких случаев – это дача показаний, причем в любой форме, начиная с классического допроса, и заканчивая дачей показаний в рамках очных ставок, проверок показаний на месте, опознаний, и вплоть до написания чистосердечных признаний и явок с повинной.

В принципе, оглашение показаний подсудимого, данных им на предварительном следствии, допускается только в некоторых, оговоренных в законе случаях, перечислять которые я не стану (см. УПК РФ, противоречия и т.п.). Однако полезно не просто «плыть по течению» судебного процесса, но и активно способствовать тому или иному решению суда, в том числе и в части оглашения показаний подсудимого, данных им на предварительном следствии.

Перейдем сразу к сути приема. Иногда для защиты выгодна не дача подсудимым показаний в суде непосредственно, а оглашение тех показаний, которые были даны им на предварительном следствии. При этом второе не отменяет первое, то есть оглашение показаний подсудимого, данных на предварительном следствии, не лишает подсудимого права в последующем все-таки дать показания лично в суде и ответить на интересующие стороны вопросы. Для реализации этого плана используется простой, но эффективный прием, когда в ходе предоставления доказательств защита делает заявление о том, что подсудимый отказывается от дачи показаний и просит огласить его показания, данные на следствии. Замечу, что такое заявление является процессуальным и формально (и не формально) его лучше делать в отсутствие присяжных, а то ведь они могут это понять весьма превратно. А то приходилось слышать от подсудимых отказы от дачи показаний, мотивированные тем, что де судья или прокурор могут их запутать своими последующими вопросами. Честное слово, уж лучше было отказаться на основании ст. 51 Конституции РФ, чем озвучивать такую причину. Человека, говорящего правду, не запутаешь – эта расхожая истина прекрасна известна и присяжным. Так что подобная формулировка воспринимается чуть ли не как чистосердечное признание в даче ложных показаний.

В свое время, я использовал отказ от дачи показаний в суде для того, чтобы показать, что еще на стадии следствия, когда правоохранительные органы не располагали необходимым и убедительным объемом доказательств в отношении моего подзащитного, он начал добровольно сотрудничать со следствием, давать признательные показания, сообщая обстоятельства преступления ранее следствию не известные, активно способствовал раскрытию и расследованию и т.д. Это делалось в рамках стратегии, нацеленной на получение снисхождения от коллегии присяжных заседателей (и она сработала).

Еще одной причиной по которой можно пойти на отказ от выступления в суде – это специфика дачи показаний перед присяжными. Так, если по делу предстоит значительный объем сложных показаний, а подсудимый не хватает звезд с неба в публичных выступлениях, то вполне можно пойти на этот маневр. В любом случае, это

будет лучше заикающегося, говорящего тихой скороговоркой и оттого совершенно неубедительного подсудимого. Естественно, нужно постараться, чтобы протокол допроса оглашался адвокатом, ну а уж он должен его огласить внятно, понятно и с выражением.

Следует отметить, что практически всегда есть возможность на предварительном следствии дать показания, содержащие любую информацию, которую подсудимый считает важной, вплоть до дачи показаний собственноручно. Это имеет смысл использовать, когда в процессе должна быть оглашена сложная для запоминания и оглашения информация, например, бухгалтерские документы или техническая документация. Вот здесь и может прийти на выручку ранее заготовленный на следствии протокол допроса с указанием на документы, номера, реквизиты, даты, фамилии и пр. данные.

Кстати, еще одна причина давать показания на предварительном следствии – это то, что порой на следствии подсудимый находится в менее стрессовых условиях, чем в суде. Судите сами: на следствии у обвиняемого есть возможность делать письменные заметки, давать показания собственноручно, советоваться со своим адвокатом и так далее. В то время как в суде, нередко приходится сталкиваться с обвиняемыми, которым в присутствии присяжных заседателей лучше вообще молчать, поскольку связно говорить и мыслить они не умеют. Так что если обвиняемый косноязычен и неубедителен в выступлениях перед аудиторией, имеет смысл еще на следствии заготовить его показания со всеми необходимыми деталями, пояснениями и т.д. Этот допрос вполне можно отредактировать, а возможно и даже записать собственноручно. Таким образом обвинение лишится возможности демонстративно «разгромить» обвиняемого в суде. Соответственно, дав такие показания на следствии, можно избежать необходимости давать показания в суде или давать их в ограниченном объеме. Вот именно для этих целей и можно использовать заранее подготовленный на следствии допрос...

Впрочем, есть у этого маневра и отрицательная сторона. Прежде всего, суду и прокуратуре заранее хорошо известны содержание этих протоколов допросов на следствии. Так что они подвергаются весьма серьезной «корректуре» - из протоколов допроса запрещают оглашать любую информацию, которую судья посчитает недопустимой. То есть сюрпризов обвинению тут не преподнесешь, скорее наоборот.

Понимая все это, следует еще раз отметить, что показания на следствии должны быть максимально убедительными и понятными именно для присяжных. То есть давая показания (в ходе допроса, опознания, очной ставки, проверки показаний на месте и пр.), необходимо стремиться к тому, чтобы они были понятны не специалистам. Не следует «сорить» юридическими терминами, не надо говорить: «Я не имел умысла на причинение смерти потерпевшему», куда лучше сказать - «Я не хотел убивать потерпевшего, я даже не мог предположить, что единственный удар станет смертельным». В показаниях нужно указывать четко и конкретно адреса, фамилии (а не имена или клички), даты и т.д. Избавляйтесь от канцеляризмов сами и требуйте того же от следователя, записывающего показания. Так, если идет разговор о том, что какие-то действия подсудимого были совершены им под давлением со стороны соучастника, то в обычном процессе вполне можно ограничиться фразой - «Я совершил это, так как опасался за свою жизнь и здоровье». В случае же с присяжными, такой сухой стиль описания событий, которые вроде как послужили побудительным мотивом, вызовет вполне естественное недоверие. Поэтому не экономьте слова - «Я совершил это, потому что Сидоров сказал, что если я этого не сделаю, он убьет меня, моих родственников и всех домашних животных. Я сильно испугался этого, потому что по взгляду Сидорова я понял, что он действительно готов выполнить свою угрозу, тем более что...». Вот как-то так.

Не стесняйтесь и конкретизировать свои показания, максимально подробно расписывая важные для защиты моменты. Довольно часто в преддверии обычных процессов показания даются кратко, в расчете на то, что их будет изучать лишь

профессиональный судья. В случае с присяжными заседателями – это существенная ошибка. Помните, что непонятое доказательство равносильно отсутствию доказательства. К тому же не забывайте, что присяжные заседатели вынуждены воспринимать информацию на слух и фиксировать ее в основном в памяти. Те немногие документы и предметы, которые им дают подержать в руках, и те крохи информации, которые они успевают отразить в своих записях, картины не меняют. Таким образом, информация должна подаваться так, чтобы она хорошо не только воспринималась, но и запоминалась!

Даже признаваясь и описывая преступление, следует четко понимать – какие именно подробности стоит сообщать, а какие нет. Следует избегать неоднозначных формулировок и оборотов речи, которые если формально и не содержат никакого криминала, но тем не менее могут вызвать у слушателя негативное отношение к подсудимому. Необходимо также воздержаться от упоминания каких-то аморальных поступков и действий, циничных характеристик и прочей «жести». Вот, например, в показаниях моего подзащитного (данных еще до моего вступления в дело), имелся примерно следующий текст:

«Обвиняемый: Я одинаково отношусь к лицам любой национальности.

Вопрос следователя: Если вы одинаково относитесь к лицам любой национальности, чем вы можете в таком случае объяснить обнаруженную у вас видеозапись, на которой вы рассказываете анекдот о дне рождения скинхеда?

Обвиняемый: А ну раз вы нашли эту видеозапись, то хочу пояснить, что этот анекдот прикольный и веселый, поэтому я и сделал видеозапись в котором его рассказывал», ну и т.д.

Да, номинально такие обстоятельства не имеют отношения к существу дела, но обвинение найдет массу формальных доводов как это огласить перед присяжными и с какими акцентами (так, кстати говоря, в данном случае и получилось)...

В другом деле, один из обвиняемых (правда, уже не мой подзащитный), описывая нападение указал, что после нанесения потерпевшему нескольких ударов ножом, тот упал, издав звук «игрушки у которой садятся батарейки». Сами понимаете, что такой цинизм (а также обычная глупость и недалечность) незамеченным присяжными тоже не останется.

Наконец, отдельно следует остановиться на таком специфическом аспекте, как дача показаний (и прежде всего, признательных показаний) под принуждением. Здесь рекомендации прямо противоположные – **показания данные под принуждением, которые в дальнейшем планируется опровергать на суде, должны иметь вид максимально неубедительный и непонятный. Еще лучше, если они будут противоречивы и внутренне и при сопоставлении с другими доказательствами.**

Здесь есть одна любопытная закономерность. Дело в том что, как правило, следствие весьма формально относится к признательным показаниям. То есть если обвиняемый признал вину и дал показания, содержащее все необходимые формальные признаки инкриминируемого деяния, то тратить время на их анализ и сопоставление показаний с остальными доказательствами никто не будет. Еще примитивнее опера выбивают чистосердечные признания - «Я такой-то, убил такого-то, впредь обязуюсь подобного не совершать». Ну, а уж если у следствия есть твердая уверенность (а создать ее прямая обязанность защиты), что обвиняемый «сломался» и не будет менять показания, отрицать вину и просить суда присяжных, то бдительность у правоохранителей снижается до отрицательных величин. В итоге, при исследовании материалов дела в суде, перед присяжными эти «косяки» начинают всплывать один за одним и изрядно веселят публику. Дабы не докучать длинными цитатами, просто дам ссылки на свои выступления в прениях в суде с присяжными, где защита была построена, прежде всего, на абсурде, выявленном в показаниях обвиняемых: <https://alvitvas.pravorub.ru/personal/47509.html> и <https://pravorub.ru/cases/69547.html>

Естественно, что подробностей в таких показаниях под принуждением должно быть минимальное количество – только то, что непосредственно выбивали, никаких

мелких и незначительных деталей (которые и делают показания похожими на правду). Даваться такие показания должны максимально формалистским языком, и упаси вас Фемида проявить в показаниях преступную осведомленность или то, что может быть так истолковано в дальнейшем...

14.10 Дача показаний свидетелями защиты

Дача показаний свидетелями защиты на стадии следствия практикуется не слишком часто. В большинстве случаев, куда выгоднее «придержать» своего свидетеля до суда, когда его показания, опровергающие обвинение или подтверждающие алиби, нанесут обвинению максимальный ущерб, помноженный на фактор неожиданности.

Впрочем, из этого правила есть и ряд исключений, в том числе обусловленных спецификой суда присяжных. Помимо того, что допрос свидетеля защиты на стадии следствия может преследовать целью перекалфикацию деяния обвиняемого или вообще прекращение уголовного преследования, он же служит и для легализации свидетеля в последующем судебном процессе. Тут дело в том, что когда в суд приходит свидетель, который ранее не был допрошен, он вызывает к себе гипертрофированное подозрение со стороны обвинения и председательствующего – мол, кто знает, чего там эти адвокаты удумали?! В результате имеют место ситуации, когда такого свидетеля либо первоначально допрашивают без присяжных (хотя это и незаконно), выясняя что он там такое заготовил и что будет пытаться довести до присяжных (естественно это дает определенную фору обвинению, поскольку для них этот свидетель уже перестает быть неожиданностью), либо вообще такому свидетелю запрещают давать показания в суде под тем или иным предлогом. Вот здесь и играет свою роль допрос свидетеля на следствии – он фактически становится таким своего рода «пропуском» для беспрепятственного прохода в зал суда.

Естественно, что вести свидетеля к следователю без подготовки крайне не рекомендуется. Свидетель должен четко понимать, что и как ему следует рассказывать. Лучше всего, если при допросе этого свидетеля – по ходатайству защитника обвиняемого – будет присутствовать сам обвиняемый и его защитник. В ином же случае, **свидетелю (особенно представляющему для защиты большую важность) следует идти вместе с адвокатом!**

В некоторых случаях, свидетелю имеет смысл дать показания в ограниченном объеме, оставив сюрпризы для судьи и прокурора на потом. Нужно это для того, чтобы суд вызвал и допросил свидетеля, воспринимая его как неопасного для обвинения. Идеально все получится в том случае, когда есть уверенность в том, что следователь не додумается задать свидетелю те вопросы, которые планирует ему потом задать на суде сторона защиты. Так, например, можно допросить свидетеля по взаимоотношениям между подсудимыми, не ставя следователя в известность о том, что свидетель также располагает информацией о подробностях совершения преступления или об алиби подсудимого. Кроме того, свидетель должен понимать, что в дальнейшем на суде он ответит на вопрос судьи и прокурора: «А почему вы об этом не рассказали на следствии?» (например, потому что опасался давления и т.д.).

14.11 Подготовка и представление письменных доказательств

Однако, чем дальше в лес – тем все сложнее, потому что адаптировать остальные доказательства под присяжных еще сложнее. Например, в случае направления адвокатских запросов, следует добиваться того, чтобы ответ на них был последователен, однозначен и понятен специалисту.

К сожалению, уголовно-правовая действительность такова, что лучшим путем опровержения доказательств защиты суд и следствие считают (и небезосновательно) просто отказ в их приобщении к материалам дела под какими-нибудь предлогами разной степени надуманности и фантастичности. Одним из приемов, которые

используют некоторые особенно креативные судьи, является отказ в приобщении материалов на том основании, что они «получены защитой вне рамок следствия». Да, именно с такой формулировкой приходилось сталкиваться, при этом каких-либо разъяснений о том, что это за «рамки» и что должна сделать защита для того, чтобы все-таки в них «вписаться», судьи пояснять отказывались. Поэтому все, что так или иначе может быть приобщено к материалам дела на следствии, должно быть приобщено.

Это в полной мере относится и к такой форме доказательства, как заключение специалиста, представленное стороной защиты. Необходимо помнить, что велика вероятность, что его просто по беспределу не покажут присяжным. В этом смысле «протолкнуть» нужное доказательство в материалы дела в ходе следствия, как правило, несколько проще, чем сделать то же самое непосредственно в суде с присяжными. Просто следователю бывает не сильно важно, что приобщать к делу, а что нет – таким благоприятным раскладом надо пользоваться. Но чтобы сделать это все еще более изящно и наверняка – **лучше всего использовать схему «паровоза», приложив доказательства защиты (в т.ч. и заключение специалиста) к показаниям или в качестве обоснования к ходатайству о проведении каких-то процессуальных действий**, но при этом следует иметь в виду, что раскрывать все свои козыри перед следователем все равно нельзя.

Впрочем, есть и обходные маневры. Если заключение специалиста действительно является заключением специалиста, а не псевдонаучным бредом, написанным под конкретный заказ (как, например, это случается с многочисленными «филологическими экспертизами» для следствия по «экстремистским делам»), если заключение базируется на конкретных научных закономерностях и полностью обосновано, то есть возможность воспользоваться выводами специалиста без необходимости демонстрации самого заключения. Так, в ходе работы по одному из дел, защита ставила под сомнение результаты судебно-медицинской экспертизы трупа. В частности, оспаривались сроки давности смерти. Прекрасно понимая, что нашего специалиста к даче показаний перед присяжными скорее всего не допустят, от специалиста было получено заключение с обширными ссылками на научную литературу, отражающую и подтверждающую его правоту. После чего подсудимый давал в суде при присяжных показания, оспаривая заключение судмедэксперта ссылками на статьи и монографии профессоров и академиков медицины. Примерно это же можно сделать и на следствии, когда в даваемых подсудимым показаниях можно, не ссылаясь напрямую на специалиста защиты, указать научные источники, опровергающие выводы эксперта обвинения.

К тому же, в данном случае Вам в помощь будет судебная практика по демонстрации перед присяжными «официальных изданий». Не могу лишить Вас возможности обрести радость и удовольствие от самостоятельного ее нахождения :) Поверьте, оно того стоит!

14.12 Оpozнание

Опознание – это еще одно следственное действие, на проведение которого накладывает свой отпечаток дальнейшее рассмотрение дела судом с присяжными. Сейчас на следствии опознание фактически свелось к формальности, вне зависимости от того, каким образом оно происходило фактически, насколько были или не были похожи статисты на опознаваемого, насколько подробно опознающий описал внешность опознаваемого до опознания и во время него – судьи все равно верят в нерушимость и корректность этих протоколов. А вот присяжные довольно часто сомневаются. Главное, дать им повод для сомнений, и повод этот должен быть заложен еще на стадии следствия.

Так, в свое время, работая на предварительном следствии по делу, которое в дальнейшем должно было попасть в суд с присяжными, мне довелось участвовать в

опознании, в котором моего подзащитного опознавал один из потерпевших. В результате опознания обвиняемый опознан не был. Казалось бы, адвокату следует радоваться, но я был прекрасно осведомлен о привычке данного следователя пристрасно допрашивать таких вот свидетелей-потерпевших – в ходе допроса потом обычно «неожиданно» выяснялось, что потерпевший обвиняемого на самом деле опознал, но побоялся на него указать. Зная этот маневр, я после процедуры опознания воспользовался своим правом и задал опознающему ряд вопросов: «Не опасаетесь ли вы кого-либо из опознаваемых?», «Разъяснили ли вам право участвовать в опознании через стекло?», «Почему вы этим правом не воспользовались?», «Знаете ли вы о своем праве быть засекреченным?» и пр. Естественно, большая часть этих вопросов была следователем снята и, тем не менее, кое-что в протокол опознания все равно попало. Через несколько дней данного потерпевшего допросили и он (какое удивление!) таки сказал, что на самом деле узнал обвиняемого, но побоялся его назвать. Однако, когда эти протоколы дошли до разбирательства в суде присяжных, то позиция потерпевшего - «боявшегося узнавать обвиняемого» - была весьма глупой и не вызвала у присяжных ничего, кроме иронической усмешки. В дальнейшем по данному эпизоду подсудимый был ими оправдан...

Так что, держа в уме вероятность похода к присяжным, не следует оставлять без внимания даже мелкие оплошности и нарушения со стороны следствия при производстве тех или иных следственных действий – все эти нарушения следует отражать в протоколе. При этом особое внимание следует уделять нарушениям, формально не влекущим недопустимости следственного действия. Так, при опознании обвиняемого, не следует стесняться указывать на непохожесть опознаваемого и статистов, их одежды, внешности, манеры движений (если таковые были предметом опознания). Все это надлежит указывать в замечаниях и дополнениях к протоколу следственного действия и в последующем, на суде, не забывая апеллировать к этим нарушениям.

Вообще, при опознании можно действовать двумя разными тактиками. Либо как можно тщательнее допросить опознающего по каким конкретно приметам он опознал опознаваемого, либо вообще ничего не уточнять – и дать следователю «отписаться» стандартными и совершенно неубедительными формулировками типа «опознаю по чертам лица и телосложению». Тактику, описанную в первом случае ценно избирать в тех ситуациях, когда опознающий указал на кого-то из посторонних статистов. Обычно, после такого прокола, следователь повторно допрашивает опознающего и тот «с глазу на глаз» сообщает следователю о том, что он де узнал того, кого надо, но испугался/застеснялся/растерялся и пр., вот поэтому и указал на статиста. Вот в этом случае и пригодится максимальная детализация примет по которым опознающий «узнал» статиста. Во втором же случае (при указывании на обвиняемого) очевидная неубедительность опознания во всей красе предстанет перед присяжными – вот тогда-то и наступит момент тотального разгрома этого следственного действия (в том числе с помощью допроса опознававшего в суде).

14.13 «Пасхальные яйца»

Говорил ранее и еще раз повторю – далеко не все тактические приемы защиты могут быть озвучены публично, однако, чтобы не оставаться совсем уж голословным, необходимо все-таки привести какие-нибудь фокусы.

«Пасхальное яйцо» (англ. Easter Egg), как сообщает Википедия – это разновидность секрета, оставляемого в игре, фильме или программном обеспечении создателями. Отличие пасхального яйца в игре от обычного игрового секрета состоит в том, что его содержание, как правило, не вписывается в общую концепцию, выглядит в контексте неправдоподобно, нелепо, и зачастую является

внешней ссылкой. Пасхальные яйца играют роль своеобразных шуток для внимательных игроков или зрителей.

Чаще всего для «получения» пасхального яйца следует произвести сложную и/или нестандартную совокупность действий, что делает маловероятным либо практически исключает случайное обнаружение. Название происходит от популярного в США и бывших Британских колониях семейного мероприятия «охота за яйцами» (англ. egg hunt), обычно устраиваемого накануне Пасхи, в котором участники должны, с помощью подсказок, найти как можно больше спрятанных по местности пасхальных яиц (или других предметов в виде таких яиц).

Примеры таких «пасхальных яиц» в кинематографе широко известны. Например, если внимательно посмотреть фильм "Бойцовский клуб", то в начале фильма можно заметить кадр с посланием. Оно предупреждает: «Оторвись от привычных и навязанных мыслей, живи своей собственной жизнью!». В фильме «Индиана Джонс», когда великий гробкопатель пытается отодвинуть крышку саркофага, слева в кадре можно найти иероглифы, которые очень уж напоминают роботов R2-D2 и C-3PO из «Звездных войн».

Так вот, в уголовном деле, при должной изобретательности со стороны адвоката и непрофессионализме и невнимательности со стороны следствия (а этого сейчас хоть отбавляй), можно сделать подобную закладку, ну а потом извлечь это «пасхальное яйцо» на свет непосредственно перед присяжными. Эффект бывает сногшибательным! Наиболее эффективно этот прием используется при даче обвиняемым признательных показаний под давлением следствия...

О каких конкретно ситуациях может идти тут речь? Во-первых, когда подсудимый не имеет возможности отказаться от участия в том или ином следственном или процессуальном действии. Это может быть обусловлено как выбранной стратегией, так и (в большинстве случаев) прямым принуждением со стороны следственных и оперативных работников к даче признательных показаний.

Во-вторых, наше следствие уже привыкло к тому, что требования судов к доказательствам носят исключительно формальный характер. Главное, чтоб в деле были какие-то бумажки, которые следствие гордо поименовало в обвинительном заключении «доказательством». О качестве и достоверности доказательства следствие, как правило, не думает, ведь у профсудьи доказательства принимаются без анализа, поскольку «суд не находит оснований сомневаться в достоверности, относимости и допустимости доказательства, поскольку оно получено надлежащим лицом». А вот у присяжных так просто уже не прокатывает...

Из своей практики примеры таких вот «пасхальных яиц» приводить не буду, а вот пример из практики коллеги приведу. И то только потому, что пример этот неудачный. Дело в том, что «пасхальное яйцо» должно быть достаточно маленьким, чтобы его не заметил следователь, и достаточно большим, чтобы на нем споткнулось обвинение в суде. Вот как раз нарушение одного из этих условий и повлекло за собой негативный результат. Так один из подсудимых, давая признательные показания в убийстве, детально и подробно описывал все произошедшее и указал, что в день убийства на нем была зеленая шапочка (на настоящем убийце была черная). Эту «закладку» мой коллега преподносил как великое достижение и конгениальнейший ход. Однако в суде на эту нестыковку никто даже не обратил внимания – получилось, ну а какая разница, что подсудимый ошибся в одной единственной малозначительной детали, если во всем остальном все с точностью совпало с версией следствия...

ГЛАВА 15. **ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ И ОТБОР ПРИСЯЖНЫХ**

*«Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а — так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош...»*

Владимир Высоцкий «Песня о друге»

15.1 Особенности предварительного слушания по присяжному делу

Предварительное слушание по присяжному делу практически ничем не отличается от предварительного слушания по любому другому делу, за исключением того, что именно в данном случае у стороны защиты возникает последний шанс на выбор – ходатайствовать о рассмотрении дела присяжными или нет.

При этом необходимо быть готовым к тому, что суд и обвинение (но, в первую очередь, именно суд) попробует тем или иным способом склонить подсудимого к отказу от этой формы судопроизводства. Могут прозвучать доводы и о большей длительности рассмотрения дела присяжными, и о большем наказании в случае признания вины, и о бесполезности суда присяжных, поскольку «все и так ясно» и «присяжные все равно никого не оправдают» и т.д. Соответственно, задача адвоката заключается в том, чтобы заранее детально проработать все возможные аргументы суда, продумать вместе с подзащитным все плюсы и минусы, и вселить в него (при

необходимости) уверенность и стойкость. Если суд присяжных – ваша стратегия защиты, то на предварительном слушании подсудимый должен быть уверен и непоколебим в своем желании именно такого суда.

Итак, после заявления ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных в ходе предварительного слушания, будет назначена дата отбора коллегии присяжных заседателей, а также определено количество вызываемых для отбора кандидатов и количество запасных присяжных заседателей, которое тоже надлежит отобрать.

В последнее время несколько раз приходилось слышать от участников процесса, что их лишили права на суд присяжных, просто не отразив в протоколе судебного заседания соответствующего ходатайства. К сожалению, в случае с российским судом, я могу поверить и в такие нелепости. Тем более, что и в судебной практике такие события упоминаются. Тут можно сослаться, например, на Апелляционное [определение](#) Верховного Суда РФ от 03.02.2016 №18-АПУ16-2 – обвиняемый гражданин после ознакомления с материалами уголовного дела и на заседании по продлению меры пресечения неоднократно заявлял ходатайства о рассмотрении дела с участием коллегии присяжных заседателей. Приговор об осуждении данного гражданина профсудьей был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение, так как оставив без рассмотрения ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, суд не учел положения ч.1 ст.120 УПК РФ и [п.2](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ №23 от 22.11.2005 "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей", в соответствии с которыми такое ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу – как по окончании предварительного следствия при ознакомлении с материалами дела, так и на предварительном слушании, то есть до вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, в котором судьей разрешается вопрос о составе суда, правомочного рассматривать уголовное дело.

Так что единственное, что можно в данном случае порекомендовать – это заранее готовить письменное ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных и подавать его и в ходе судебного заседания, и заранее – через канцелярию суда. Ну а в случае, если по итогам предварительного слушания это ходатайство «потеряется», что будет прямо следовать из постановления по итогам предварительного слушания – своевременно его обжаловать в апелляционной инстанции!

Каких-либо иных «подводных камней» на данной стадии процесса вроде бы больше нет. Ну и еще, конечно, ходатайства об исключении тех или иных доказательств, но тут все как и в обычном суде...

15.2 «Подводные камни» процедуры отбора присяжных заседателей

По отбору присяжных заседателей написаны горы литературы. Практически каждый автор, затрагивающий вопрос судопроизводства в суде присяжных, посвящает немало времени разбору этого вопроса. При этом основные направления исследования данной темы заключаются либо в переписывании норм УПК РФ, либо в очередных рассуждениях на тему «женщины больше руководствуются эмоциями». А вот непосредственно о практической стороне процедуры отбора присяжных заседателей публикаций, к сожалению, крайне мало.

Сразу, чтобы снять все вопросы о психологическом аспекте отбора присяжных заседателей, хочу обратить внимание Ваше на монографии О.А.Гулевич «Психологические основы юриспруденции» и «Психология в суде присяжных. Аналитический обзор». Прекрасные работы, посвященные рассматриваемой тематике, с приведением многочисленных ссылок на различные (в основном иностранные) источники и результаты экспериментов. Достаточно много внимания уделено выявлению закономерностей между вердиктом и политическими убеждениями присяжных, их социальным статусом, религией и т.д. Все это действительно очень

занимательно, за одним маленьким исключением. Дело в том, что при отборе присяжных заседателей (в рамках российского законодательства) какой-либо существенной информации о кандидатах в коллегию у защитника и подсудимого не будет. Максимум, что сообщат сторонам (в соответствии с законом) – это имя, возраст и род деятельности кандидатов. Все! Более того, если в дальнейшем вы попытаетесь расширить свои сведения о присяжных заседателях, то вообще не ровен час попадете под уголовную ответственность, поскольку присяжные наделены фактически судебским иммунитетом. Наконец, даже если вдруг вы сможете каким-то немислимым образом узнать факторы, на которые указывает О.А.Гулевич, вы все равно не сможете ими воспользоваться хотя бы по той причине, что суд никогда в жизни не сочтет их основанием для мотивированного отвода кандидата в присяжные заседатели, а немотивированно отвести защита может только двоих из всего списка и только на стадии отбора.

Еще один аргумент против научно-психологического подхода к отбору присяжных заседателей заключается в том, что практически все закономерности, на которые указывает О.А.Гулевич, основаны на результатах иностранных (в основном американских) исследований. То есть на результатах, полученных в рамках совершенно отличной от нашей правовой и социальной среды, ценностных ориентиров, да что уж там говорить – на основе другой человеческой ментальности. У нас народ (и соответственно кандидаты в присяжные) совершенно другой. Я не говорю, что он лучше или хуже – просто другой. С иными моральными императивами, иным образом мышления, иным отношением к власти и правоохранительным органам и т.д.

Достаточно обширный объем информации по этой тематике приведен также в книге И.Б.Миронова «Суд присяжных. Стратегия и тактика судебных войн», однако многочисленные мнения участников тех или иных процессов приведены в данной работе несколько хаотично и зачастую противоречат друг другу.

Поэтому лично я для себя уже давно решил, что надо учиться работать с той скамейкой присяжных, которая достанется, а не тратить время на перелопачивание гор литературы на тему: «как там у них?».

Тем не менее, и работы О.А.Гулевич и книгу И.Б.Миронова я настоятельно рекомендую к прочтению именно для расширения кругозора в отношении исследуемой формы судопроизводства. Если работы О.А.Гулевич содержат подробный анализ деятельности суда присяжных в психологическом аспекте, наиболее полный и структурированный из тех, что мне приходилось читать, то книга И.Б.Миронова – бесценный кладезь примеров функционирования современного суда присяжных в России.

Впрочем, я отвлекся. Итак, процедура отбора присяжных заседателей сама по себе занимает одно заседание, да вот только далеко не всегда удается с первого раза вызвать необходимое количество кандидатов или отобрать необходимое количество присяжных. Например, при пересмотре приговора по известному делу «Приморских партизан» коллегию удалось сформировать только с девятого (!) раза (<http://pravo.ru/news/view/126375/>).

На момент начала судебного заседания сторона защиты не будет располагать информацией ни о том, кого из кандидатов вызвали, ни о том, кто из кандидатов явился. И вот здесь можно отметить первую известную судебскую манипуляцию. Так, иногда у судей возникает необходимость по тем или иным причинам отсрочить отбор присяжных заседателей и начало процесса как такового. Здесь им на помощь приходит такой специфический прием, характерный исключительно для судов с присяжными, как объявление «неявки» должного количества кандидатов. Статья 327 УПК РФ определяет минимальное количество кандидатов, из числа которых должен производиться отбор присяжных заседателей, в 20 человек. Вот тут-то и начинаются «чудеса», когда председательствующий заявляет собравшимся участникам процесса о том, что количество пришедших кандидатов меньше требуемой минимальной суммы.

Подставить под сомнение это заявление председательствующего конечно можно, да вот реально опровергнуть нельзя. Опять-таки в соответствии с действующим законодательством каких-либо списков вызываемых и явившихся граждан судья представлять сторонам не обязан, так что на этом заседании как правило и заканчивается. Такие ситуации, в частности, имели место при отборе присяжных заседателей по делу Тихонова и Хасис, дело саранского бизнесмена Юрия Шорчева и др. Борьба с такой практикой никак нельзя. Можно только знать о ее существовании.

Теперь рассмотрим ситуацию, когда заседание по отбору присяжных заседателей все-таки состоялось. Пересказывать содержание статьи 328 УПК РФ я не стану, вместо этого попробую раскрыть несколько практических моментов, которые иногда вызывают трудности у участников.

Итак, отбор присяжных начинается со случайной (как вроде бы должно быть по закону) выборки кандидатов в присяжные заседатели и последующего их приглашения в судебное заседание. Эта выборка производится из списков, составленных местными администрациями того субъекта Федерации, в суде которого будет проходить суд. Списки кандидатов, составленные на местном уровне, в соответствии с законодательством публикуются в местной прессе. Также, как правило, их можно найти и в сети Интернет. Однако сама процедура отбора кандидатов в присяжные заседатели непрозрачна до неприличия. Да, по регламенту ее проводит секретарь судебного заседания, однако по сути это означает – сторона обвинения. Поэтому, не редки случаи, когда в число кандидатов частенько включают граждан, ранее бывших присяжными и принимавших нужные для обвинения решения. Сами понимаете, что доступ к такой информации у суда имеется, а у адвокатов – нет. Известны случаи включения в число кандидатов лиц так или иначе связанных с судом или правоохранительными органами. По политическим процессам в число присяжных часто попадают граждане, имеющие отношение к органам власти, силовым ведомствам, избирательным комиссиям и т.д., то есть те, кто по своему статусу максимально лоялен власти. Впрочем, при должной бдительности выявить и нейтрализовать эти «случайности» адвокатам все-таки удастся, для этого достаточно задавать кандидатам соответствующие вопросы в ходе отбора. Вот только отводов у защиты – весьма ограниченное число.

В качестве примера «неслучайных случайностей» можно привести дело физика Сутягина, обвинявшегося в шпионаже. Там в составе второй коллегии присяжных (первая была распущена) неожиданно оказался бывший сотрудник Службы внешней разведки. Думаете случайность, что по делу о шпионаже такое произошло? Да лично я скорее в Деда Мороза поверю. И это не единичный случай, просто наиболее показательный.

Известно немало случаев попыток со стороны защиты обжаловать закрытость процедуры отбора кандидатов в присяжные, но на моей памяти еще ни разу это ни к какому ценному результату не приводило.

Зато, исходя из имеющегося опыта, **имеются серьезные основания считать, что наиболее «нужные» обвинению кандидатуры, как правило, идут в начале списка кандидатов в присяжные.** При этом себя они каким-либо образом при вопросах председательствующего и сторон не обозначают. Но все дело в том, что окончательный список присяжных формируется следующим образом: берется имеющийся список явившихся кандидатов, из него исключаются отведенные кандидаты, после чего из числа оставшихся прямо по порядку отбирается 12 основных присяжных и требуемое количество запасных. Остальные, не попавшие в число отобранных, отпускаются. То есть, чем ближе к концу порядковый номер того или иного кандидата, тем меньше шансов у него войти в состав коллегии. Соответственно, при составлении списка кандидатов, «нужных» кандидатов включают под номерами, гарантированно обеспечивающими прохождение в основной состав присяжных или в число запасных. Все просто.

В свое время, в среде московских адвокатов формировались списки кандидатов и присяжных заседателей, участвовавших в судебных процессах. В итоге таки выявилось несколько человек совершенно случайно (выборка-то у нас по закону случайная) «всплывавших» в нескольких судебных процессах. Однако строгой системы вывести не удалось. Более того, с учетом количества процессов с участием присяжных в московском регионе, ведение таких неофициальных учетов вообще сопряжено со значительными трудностями. Зато в небольших субъектах Федерации, подобная аналитика дает неплохие результаты, позволяя «вылавливать» и отводить таких «профессиональных» присяжных. Соответственно, можно настоятельно рекомендовать коллегам сбор и обобщение списков кандидатов в присяжные заседатели, остающиеся после процессов.

И кстати, еще один момент – мобильный Интернет сейчас распространен повсеместно, так что не возбраняется пробить того или иного кандидата по поисковым системам и в соцсетях прямо во время отбора. Ну так, на всякий случай. Иногда появляются крайне интересные сведения.

И еще одно предупреждение. В настоящее время в судах складывается одна прелюбопытнейшая практика – перед началом отбора сторонам раздается список явившихся кандидатов в присяжные заседатели, в нем указаны фамилия, имя, отчество кандидата, его возраст и род деятельности. Так вот, по окончании отбора кандидатов в присяжные заседатели, некоторые, особо креативные судьи, эти списки у сторон изымают. Будьте к этому готовы. Сразу оговорюсь, список присяжных заседателей – штука крайне полезная в дальнейшей работе, и иметь ее в ходе судебного слушания бывает крайне полезно. Как же сделать так, чтобы этот список все-таки имелся у защитника? Прям даже и не знаю, сделайте звонок другу – зачем же вам еще мобильный телефон, кроме как звонить?! В общем, я вас предупредил, ну а вы уж сами думайте.

Вслед за выполнением формальностей, указанных в статье 328 УПК РФ, председательствующий начинает зачитывать перед присяжными довольно емкий список вопросов, сформулированный на основании требований законодательства и судебной практики – есть ли судимые, есть ли работники правоохранительных органов, есть ли лица с заболеваниями, препятствующими исполнению обязанностей присяжного и пр. Обычно, когда кто-то из кандидатов утвердительно отвечает на заданный вопрос, он либо отвечает с места, либо, по желанию, приглашается к столу председательствующего, куда подходят и представители сторон. Обычно такой формат, неоговоренный в законодательстве, избирается для упрощения процедуры отбора. Не знаю кто как, а меня он в процессах устраивал и каких-либо протестов по этому поводу я никогда не заявлял. В принципе, этот режим работы вполне удобен. С приглашенным к столу председательствующего кандидатом в спокойной обстановке выясняются интересующие стороны подробности, задаются уточняющие или конкретизирующие вопросы. Когда вопросов к кандидату больше нет, ему предлагают вернуться на место. Таким образом вопрос отбора решается достаточно быстро, без лишних формальностей и условностей, и без лишних моральных травм для кандидатов, поскольку о своем отводе они узнают не моментально, а лишь в конце заседания по отбору присяжных в целом, да еще и все (отведенные) разом.

Однако мы должны помнить о казусе из главы 11, где приводилась позиция Верховного суда РФ о том, что такая форма отбора кандидатов ущемляет права подсудимых, которые, находясь в клетках, не могут быть приглашены к столу председательствующего для обсуждения кандидатов в присяжные (Апелляционное определение ВС РФ от 7 августа 2015 г. №92-АПУ15-6СП): «...Однако лица, находящиеся под стражей, не могли быть приглашены к судейскому столу. Судебная коллегия считает, что подобная форма общения с участниками уголовного процесса направлена на ограничение прав определенных лиц».

Так что, в принципе, если есть необходимость вставить палки в колеса процесса с первых же минут заседания, породить апелляционный повод и... пойти на

конфликт с судьей, то в эту накатанную процедуру можно вбить клин, а именно – подсудимый (если он содержится под стражей и сидит в зале суда в клетке или «аквариуме») вполне может заявить, что тоже желает участвовать в обсуждении кандидатов у стола председательствующего (его законное право). Впрочем, я сам этим вариантом действия не пользовался, поскольку как-то не было необходимости, поэтому не знаю как поведет себя в таком случае судья. Возможно, просто откажется от вызывания к столу...

Зато настоятельно советую максимально подробно отражать всю сообщенную кандидатами информацию о себе в своих записях. Лишним не будет.

Какие вопросы задавать кандидатам в присяжные и что выяснять? Я уже говорил и повторю еще раз – я не считаю, что тонкие психологические изыски оказывают на присяжных большее влияние, нежели убедительные доказательства, конкретные события в процессе или давление со стороны судьи и прокурора (причем это влечет за собой не только вынесение обвинительного приговора, но и прямо противоположную реакцию). Так и в случае с отбором присяжных действуют только прямые и очевидные психологические взаимосвязи. Например, отбирая присяжных по делу, в котором будет уделено много внимания огнестрельному оружию, надо постараться чтобы в коллегии были присяжные, которые в нем разбираются хотя бы в общих чертах (мужчины отслужившие в армии), либо, если это противоречит стратегии защиты, наоборот – чтобы их там не было. Так, в одном из дел в стратегии защиты имелся элемент, когда доказывая невиновность подсудимого, в том числе требовалось доказать и невозможность производства прицельного выстрела из пистолета Макарова на расстоянии около 65 метров. Естественно, помимо свидетелей и экспертов, стороне защиты было крайне важно, чтобы в коллегии оказались люди, имевшие опыт обращения с огнестрельным оружием. Логично предположить, что таких будет гораздо больше среди мужчин, нежели чем среди женщин.

Если по делу для защиты представляют ценность медицинские вопросы, то неплохо было бы, чтобы в коллегии были медики, если разбирается «скинхедское» дело – надо постараться, чтобы в коллегии было побольше представителей титульной национальности, когда слушается дело о преступлениях против власти – значит старайтесь набрать побольше лиц либеральных профессий – журналистов, работников искусства и прочую богему. Если по делу имеется политический заказ или заказ местных властей, постарайтесь избавиться от подневольных бюджетников – мелких чиновников, учителей, врачей и прочих зависимых от государства служащих.

Но опять-таки, делать отводы и задавать вопросы кандидатам следует исходя из намеченной стратегии защиты. Так по «скинхедским» делам суд старательно подсовывал нам в состав коллегии кандидатов в присяжные нерусского происхождения. Однако никто не тратил на них немотивированные отводы по той причине, что в стратегию защиты – в качестве основного элемента – входило доказывание непричастности подсудимого к преступлению. В связи с этим, нерусский присяжный будет не менее объективен, чем русский по той причине, что он как никто другой заинтересован в установлении настоящего виновника убийства. В результате, если такой присяжный убедится, что подсудимый не причастен к преступлению, он станет главным защитником обвиняемого! Эта концепция оправдала себя в нескольких процессах. Кроме того, она сыграла свою роль и в информационном плане, поскольку противная сторона была лишена возможности заявить о тенденциозности коллегии по национальному признаку, да и т.н. «либеральные» СМИ не могли игнорировать факт того, что подсудимые частично или полностью оправдывались коллегией, включавшей в себе представителей нерусской национальности.

Да, кстати, не спешите отводить бывших мелких сотрудников силовых ведомств и их родственников. Так, по делу Тихонова и Хасис, наиболее идейным сторонником независимого и справедливого правосудия (а чего еще желать стороне защиты?!) оказалась присяжная Добрачева, ранее работавшая в Мосгорсуде в качестве конвоира! Вот ее непосредственные слова, сказанные в ходе интервью: «...Честно

говоря, ранее я ничего не знала об этом убийстве. Весь год я ухаживала за тяжелобольной матерью, и мне было ни до чего. К тому же раньше я работала в суде конвоиром. Устала от этой работы и после увольнения старалась вообще не слушать криминальные сводки» (вообще, если желаете посмотреть на «судебную кухню» изнутри, настоятельно рекомендую к прочтению ее интервью в полном объеме: <http://www.mk.ru/social/2011/04/25/584035-prisyazhnuyu-vyidavilo-iz-taynou-komnatyi.html>). А по делу саранского бизнесмена Юрия Шорчева, одним из последовательных сторонников оправдания была присяжная заседатель, муж которой работал в системе МВД и ФСИН.

Так что тут не угадаешь, поскольку кому как не бывшим сотрудникам МВД и членам их семей знать о реальном положении вещей в системе, и кому как не отставным сотрудникам тихо недолюбливать эту систему?! Впрочем, это мнение может быть весьма спорным...

После вопросов председательствующего, свои вопросы кандидатам могут задать и стороны обвинения и защиты. Количество и тематика вопросов, в принципе, не ограничивается законодательно, однако у председательствующего есть возможность их снимать. Обычно отсеиваются вопросы излишне углубляющиеся в личную жизнь присяжных, вопросы, ответы на которые могут установить их место жительства, место работы и т.п. Вот и думайте, стоит ли вообще задавать вопросы, которые могут быть сняты председательствующим? Какие-то общие рекомендации по задаваемым кандидатам вопросам дать сложно, но в целом ваша задача выяснить информацию, которая может повлечь за собой отвод кандидата (пусть и немотивированный), но в любом случае все вопросы кандидатам формируются в соответствии с конкретикой дела. Впрочем, если кандидат является «засланным казачком», то он себя никак не обнаружит, если же он честно признается в наличии у него погашенной судимости или стажа работы в правоохранительных органах, значит нет серьезных оснований считать, что он имеет изначальное предубеждение в отношении подсудимых.

Кстати, еще один немаловажный момент заключается в том, что задавая вопросы кандидатам в присяжные, следует формулировать их просто, понятно и доступно для гражданина без юридического образования. В противном случае могут иметь место неприятные казусы. Так, в апелляционном определении ВС РФ от 16 марта 2016 г. №42-АПУ16-1СП разбирается именно такой случай. Из апелляционной жалобы прокурора следовало, что дело рассмотрено незаконным составом суда, поскольку один из кандидатов скрыл факт привлечения его к уголовной ответственности, а другой кандидат в присяжные заседатели на вопрос судьи: "Испытывает ли кто-либо из Вас чувство неприязни к правоохранительным органам? Если да, то в связи с чем?" – не сообщила сведения об отказе ей на замещение вакантной должности в отделе правовой статистики прокуратуры Республики, а также о привлечении в 2014 году к уголовной ответственности ее брата. Позиция ВС РФ по этому поводу заслуживает того, чтобы привести цитату полностью:

«...Что касается приведенных в апелляционном представлении доводов о том, что дело рассмотрено незаконным составом суда, то они не основаны на материалах дела и не могут служить основанием для отмены приговора. (...)

Согласно тому же протоколу, на вопрос председательствующего судьи: "Есть ли среди Вас лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость, то есть имеются ли среди Вас лица, кто привлекался к уголовной ответственности и имеет судимость?", кандидат в присяжные заседатели М. (№18) ответ не дал, что, по мнению автора представления, свидетельствует о нарушении названным кандидатом обязанности правдиво отвечать на задаваемые ему вопросы и сокрытии им сведений о привлечении его к уголовной ответственности.

Однако с такими доводами апелляционного представления согласиться нельзя, поскольку, как видно из материалов дела, уголовное дело в отношении М. по ч.1 ст.109 УК РФ прекращено 10.08.2009 года на основании п.3 ч.1 ст.24 УПК РФ, то есть в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. При таких данных нельзя утверждать, что кандидат промолчал и тем самым неправдиво ответил на приведенный выше вопрос и скрыл сведения о привлечении его к уголовной ответственности.

К тому же, приводя в апелляционном представлении указанный довод, государственный обвинитель существенно искажил содержание вопроса судьбы.

Являются необоснованными и содержащиеся в представлении доводы о незаконности состава коллегии присяжных заседателей в связи с включением в нее кандидата в присяжные заседатели С. (№45).

Как видно из протокола судебного заседания, на вопрос председательствующего кандидатам в присяжные заседатели: "Испытывает ли кто-либо из Вас чувство неприязни к правоохранительным органам? Если да, то в связи с чем?" кандидат в присяжные заседатели С. (№45) не дала ответа. Государственный обвинитель в представлении утверждает, что она тем самым скрыла сведения об отказе ей на замещение вакантной должности в отделе правовой статистики прокуратуры Республики и о привлечении в 2014 году к уголовной ответственности ее брата О., свидетельствующие, якобы, о том, что она не могла не испытывать чувство неприязни к правоохранительным органам.

Из справки следует, что 31.03.2014 года уголовное дело в отношении О. по ч.1 ст.119 УК РФ прекращено в связи с примирением сторон.

Данные о том, что названный кандидат в присяжные знала о привлечении брата к уголовной ответственности, не представлены, а выводы о наличии у нее на основании приведенных в представлении фактов неприязни к правоохранительным органам основаны лишь на предположениях и приняты во внимание быть не могут.

Таким образом, обстоятельств, препятствующих участию названных кандидатов в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела, не установлено...».

Так что очень важно правильно формулировать вопрос... Ну и, естественно, следует избегать глупых и оскорбительных вопросов и вообще, по моему скромному мнению, главное на этой стадии не выставить себя перед кандидатами (будущими присяжными) дураком с первых же минут отбора, путем задавания массы мелких и совершенно бессмысленных вопросов. Избавиться потом от подобного в отношении вас предубеждения будет ох как трудно...

По результатам сессии вопросов можно поставить вопрос о мотивированном отводе кандидатов в присяжные из числа явившихся. Иногда вопрос с мотивированными отводами решается сразу после беседы с конкретным кандидатом у стола председательствующего, иногда мотивированные отводы заявляются по окончании опроса всех кандидатов. Тут уж какой судья как решит.

Количество заявляемых мотивированных отводов не ограничено, однако далеко не каждый из них будет удовлетворен председательствующим и к этому надо быть готовым. Кроме того, отказ в мотивированном отводе того или иного кандидата в присяжные, как правило (если отвод такого кандидата прямо не предусмотрен законом), не расценивается вышестоящими судебными инстанциями в качестве

нарушения закона и попрания прав участников процесса, влекущих отмену приговора. Так, Апелляционным определением ВС РФ от 19 апреля 2016 г. №39-АПУ16-2СП стороне защиты было отказано в отмене приговора несмотря на то, что в состав коллегии вошли 4 (!) человека, близкие родственники которых работают или работали в правоохранительных органах, а один из них был избран старшиной. Позиция ВС РФ в данном случае была проста как грабли: *«Формирование коллегии присяжных заседателей проведено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Как следует из протокола судебного заседания, сторона обвинения и сторона защиты в полной мере реализовали свои права, предусмотренные ст. 328 УПК РФ. Судебная коллегия считает, что нарушений по делу допущено не было».*

Далее наступает стадия заявления немотивированных отводов. Немотивированный отвод заявляется путем вычеркивания из списка присяжных заседателей фамилий соответствующих кандидатов. На момент заявления немотивированных отводов, уже известно, кто отведен мотивированно, поэтому нет нужды опасаться, что немотивированно отведут того, кого отвели ранее мотивированно. Немотивированно можно отвести любого кандидата и в том числе тех, в отношении кого мотивированный отвод удовлетворен не был.

Здесь следует помнить, что каждая из сторон имеет право всего на два немотивированных отвода. Не каждый из участников процесса, а именно каждая из сторон! Соответственно, работа защиты на стадии немотивированных отводов осложняется в тех случаях, когда подсудимых (и их адвокатов) много, у них разные позиции, и отсутствует какое-либо согласование действий. Зачастую это приводит к довольно острым противоречиям среди защитников и подсудимых, а суд, прекрасно об этом зная (ну или догадываясь), обычно начинает поторапливать сторону защиты, еще больше усиливая и без того ненужную нервозность. Так что, если не хотите, чтобы суд перед без пяти минут присяжными заседателями выставил сторону защиты в роли эдаких процессуальных неумех и скандалистов, которые никак не могут между собой договориться и определиться со своим решением – заранее проговорите с коллегами кого именно и по каким критериям вы планируете отводить, ну или хотя бы как оперативно такие решения принимать. Также неплохо бы иметь на случай затяжки достойные ответы председательствующему в связи с чем возникла заминка: «Рассматриваем несколько кандидатур», «Сверяемся со списками ранее участвовавших в процессах присяжных», «Консультируемся с подзащитными» и т.д.

Если же общего согласия по немотивированным отводам достичь так и не удалось, то закон предусматривает разделение между участниками стороны количества отводимых присяжных заседателей поровну, если это возможно. Если такое разделение невозможно, то подсудимые реализуют свое право на немотивированный отвод по большинству голосов или по жребию.

Также, если позволяет количество неотведенных присяжных заседателей, председательствующий может предоставить сторонам право на равное число дополнительных немотивированных отводов. Иногда апелляция к этой норме помогала стороне защиты отвести еще кого-то из «подозрительных» кандидатов, но не всегда это шло на пользу итоговому решению.

По окончании отбора присяжных, первые двенадцать оставшихся кандидатов из списка входят в основной состав коллегии, а из части остальных (или иногда вообще из всех оставшихся) формируют состав запасных присяжных. Количество последних законом не оговаривается, так что в зависимости от сложности и длительности процесса, а также реального количества оставшихся кандидатов, запасных присяжных может быть даже больше, чем основных.

Затем в совещательной комнате основной состав присяжных заседателей выбирает старшину, после чего в зале суда все присяжные приносят присягу. На этом процедура отбора присяжных заседателей заканчивается.

15.3 Судебная практика по жалобам на отбор присяжных

Теперь хотелось бы остановиться на судебной практике по нарушениям в ходе отбора кандидатов в присяжные заседатели, чтобы выяснить какие случаи Верховный суд РФ признает существенными (и отменяет приговор), а какие нет.

А судебная практика по этому вопросу достаточно противоречива (впрочем, нам ли привыкать?!). Одни и те же нарушения в некоторых случаях признаются основанием для отмены приговора, а в других нет. Естественно, оценка серьезности нарушения Верховным судом РФ, «почему-то» коррелирует с персоной, которая указывает на эту ошибку – адвокат это или прокурор. При этом, даже если ВС РФ отказывает (а такое тоже имеет место быть) прокурору, то, как правило, весьма подробно, основательно и убедительно расписывает причины по которым суд приходит к такому решению, а когда признает необудительными доводы адвоката, то, в большинстве случаев, ограничивается общими фразами об «отсутствии правовых и фактических оснований» для удовлетворения жалобы защитника. Однако, некоторые объективные закономерности в судебной практике все-таки прослеживаются.

Например, известны случаи отмены приговоров по причине включения в состав коллегии присяжных граждан, отсутствовавших в списках кандидатов в присяжные. Так, адвокаты Д., осужденного Самарским областным судом на основании вердикта присяжных заседателей, просили отменить приговор в виду того, что один из членов коллегии присяжных, участвовавший в рассмотрении дела, не входил ни в общий, ни в запасной списки кандидатов в присяжные заседатели. Судебная коллегия Верховного суда РФ приговор отменила (Определение Верховного суда РФ от 08.09.2011 г. №46-О11-64сп), справедливо указав на незаконность данного состава коллегии присяжных заседателей и нарушение ст.326 УПК РФ. Так что крайне рекомендовал бы стороне защиты тщательно проверить явившихся граждан на предмет их нахождения в списках кандидатов в присяжные (Интернет и библиотеки с периодическими печатными изданиями вам в помощь).

В судебной практике имеет место и случай (Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 марта 2008 г. по делу №33-О08-5сп), когда при формировании коллегии присяжных заседателей стороной защиты был заявлен немотивированный отвод присяжному заседателю №17 (Ж.). Однако после решения всех вопросов о самоотводах и отводах сторонами, был составлен список коллегии присяжных и запасных к ним заседателей, куда все равно была включена ранее отведенная кандидатура Ж. В ходе судебного разбирательства, в соответствии со статьей 329 УПК РФ, происходили замены выбывших присяжных заседателей запасными. Как видно из протокола судебного заседания, в итоге Ж. таки вошла в состав коллегии присяжных заседателей и участвовала в вынесении вердикта по уголовному делу! Таким образом, в состав коллегии присяжных заседателей, вынесшей вердикт, было включено лицо, которому в соответствии с требованиями закона был заявлен немотивированный отвод на стадии отбора и которое не могло быть включено в состав коллегии присяжных заседателей и участвовать в рассмотрении уголовного дела. В связи с этим состав коллегии присяжных заседателей по делу был признан Верховным судом незаконным, а приговор отменен... Хотя, не исключено, что здесь имел место не злой умысел со стороны судьи, а элементарная невнимательность и вряд ли такая практика имеет сколько-нибудь распространенный характер.

Зато имеют место другие нарушения, характерные именно для стадии отбора. Так в обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ за первое полугодие 2011 г. отмечается, что по делу оправданных по приговору Московского областного суда Л., Г., В., Б., и Ю., коллегия присяжных заседателей была сформирована в отсутствие потерпевших, в то время как данная процедура, согласно действующему УПК, должна проводиться с их участием. В ходе проверки было установлено, что причины их неявки судом не выяснились, как не

выяснялось и мнение потерпевших относительно возможности рассмотрения дела сформированной в их отсутствие коллегией присяжных заседателей...

Но одним из наиболее серьезных нарушений при отборе присяжных заседателей, влекущем отмену приговора по делу, является сокрытие присяжными заседателями информации при ответах на вопросы участников судопроизводства. Например, Постановлением Президиума ВС РФ от 15 апреля 2015 г. №14-П15ПР приговор по делу был отменен по причине предоставления кандидатами в присяжные заседатели недостоверной информации о фактах привлечения их к административной ответственности!

В другом случае отмена обвинительного приговора состоялась в рамках Апелляционного определения ВС РФ от 10 сентября 2015 г. по делу №20-АПУ15-20сп: согласно установленных обстоятельств, один из кандидатов в присяжные заседатели всего лишь недостоверно ответил на вопрос о районе своего проживания. В итоге ВС РФ сформулировал замечательную позицию: *«Невыполнение кандидатом в присяжные заседатели обязанности правдиво отвечать на поставленные вопросы может поставить под сомнение его объективность и беспристрастность. Участие такого присяжного заседателя в составе коллегии присяжных заседателей свидетельствует о незаконности ее состава».*

Впрочем, и здесь тоже все не так однозначно и убедительность доводов апелляционной жалобы зависит (ну кто бы мог подумать!) от того, кто именно ее подал – адвокат или прокурор. Так есть немало примеров, когда сокрытие присяжными информации, на которое указывает адвокат, суд просто «не видит», либо же - «доводы адвоката не подкреплены документально». Последнее особенно «веселит» с учетом того, что информация о судимостях, родственных отношениях, профессиональной деятельности и пр. относится к персональным данным гражданина и по адвокатским запросам не предоставляется, а суд необходимости направления таких запросов «не усматривает», поскольку опять-таки «доводы адвоката не подкреплены документально». Замкнутый круг... Иллюстрацией такой ситуации может служить Апелляционное определение ВС РФ от 1 июня 2016 г. №4-АПУ16-27сп – доводы адвоката о личном знакомстве четырех присяжных заседателей с председательствующим и о том, что двое присяжных дважды в течение года принимали участие в рассмотрении дел в том же качестве в том же суде – ВС РФ были решительно опровергнуты: *«В частности, заявления осужденного Пронина и адвоката Чернавина о сокрытии некоторыми кандидатами в присяжные заседатели сведений об их знакомстве с председательствующим судьей и повторном участии ряда присяжных в рассмотрении дела в течение года, объективными данными не подтверждены и основаны лишь на предположениях. К тому же, по настоящему делу была произведена служебная проверка по вопросу отбора и участия в деле присяжных заседателей, в ходе которой установлено, что никаких нарушений законодательства допущено не было».* То есть понятно, да? Когда сказать нечего, ВС РФ ссылается на материалы служебной проверки, фактические результаты которой никому не предъявляются. Очень удобно...

Аналогичная ситуация и еще более лаконичный ответ ВС РФ можно наблюдать в апелляционном определении от 12 мая 2016 г. №48-АПУ16-10сп: *«... защитник Кравченко утверждает, что при формировании коллегии присяжных заседателей кандидаты в присяжные заседатели неправдиво отвечали на поставленные вопросы, так М. не сообщил о том, что родственник и коллега привлекается к уголовной ответственности за убийство, С. не сообщила об осуждении брата за такое же преступление, Т. не сообщила о том, что является сотрудником УМВД России по <...> области; (...)*

Вопреки доводам авторов апелляционных жалоб, не имеется оснований считать коллегию присяжных заседателей не надлежаще сформированной. В соответствии с требованиями ст. 328 УПК РФ стороны имели возможность задать каждому из кандидатов в присяжные заседатели вопросы, связанные с

установлением сведений, необходимых для формирования объективной и беспристрастной коллегии присяжных заседателей»...

Впрочем, даже признание факта сокрытия присяжным заседателем информации, или недостоверные ответы на вопросы сторон, далеко не всегда влекут за собой отмену приговора. Из судебной практики следует, что такой «неправдивый» присяжный должен обязательно участвовать в вынесении вердикта, в противном случае может случиться как в Апелляционном определении от 11 мая 2016 г. №41-АПУ16-5СП. В этом случае в отмене приговора отказали прокурору (прямо хоть в рамку это Определение вставляй и на стену вешай!). Прокурор указывал на то, что один из присяжных заседателей «...при формировании скамьи присяжных скрыл факт его привлечения к уголовной ответственности, и хотя в дальнейшем был отведен от участия в деле, тем не менее мог оказывать влияние на мнение присяжных при вынесении вердикта...», на что ВС РФ авторитетно возразил: «Оснований ставить под сомнение способность присяжных заседателей к объективному рассмотрению дела, в том числе в связи с участием в исследовании доказательств присяжного заседателя, привлекавшегося к уголовной ответственности, но не участвовавшего в вынесении вердикта, у суда не имелось...» и оправдательный (!!!) приговор был оставлен в силе!

А сейчас вы увидите редчайший случай – я выступлю адвокатом обвинения. Однако при изучении Апелляционного определения ВС РФ от 24 декабря 2013 г. №64-АПУ13-14СП мне ничего другого не остается. Во всяком случае, изучив указанный документ, я не смог понять на основании каких аргументов был отклонен довод прокурора о сокрытии кандидатами в присяжные заседатели сведений о которых их спрашивали при отборе. Вместо этого ВС РФ зачем-то начинает рассуждать о праве сторон на заявление отводов кандидатам:

«Государственный обвинитель указывает, что по смыслу закона, в частности требований ст. ст. 327, 328 УПК РФ, при формировании коллегии присяжных заседателей председательствующий обязан принять все необходимые меры для выявления у кандидатов в присяжные заседатели обстоятельств, препятствующих участию их в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела.

В соответствии с требованиями ч.3 ст.328 УПК РФ, при формировании коллегии присяжных, кандидаты в присяжные заседатели обязаны правдиво отвечать на задаваемые им вопросы, представлять необходимую информацию о себе и своих родственниках; об отношениях с другими сотрудниками уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, часть кандидатов, которые затем вошли в основной состав коллегии присяжных заседателей и выносили вердикт по настоящему уголовному делу, при ответе на вопросы председательствующего и участников процесса о том, привлекались ли они сами к административной ответственности за нахождение за рулем в состоянии алкогольного опьянения, а также чьи близкие родственники привлекались к уголовной ответственности, скрыли такие сведения. (...)

Вопреки доводам представления, формирование коллегии присяжных заседателей проведено с соблюдением требований ст. ст. 327, 328 УПК РФ, сторонам было разъяснено право заявления отводов кандидатам в присяжные заседатели и предоставлена возможность задать каждому из кандидатов в присяжные заседатели вопросы, которые, по их мнению, связаны с выяснением обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении данного уголовного дела. Это право сторонами, в том числе и государственным обвинителем, реализовано в полном объеме.

Данных о том, что в коллегия присяжных заседателей вошли лица, которые в силу ст. ст. 3, 7 Федерального закона "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" не могли быть таковыми, не имеется».

Несколько выше я говорил о том, что вопросы перед кандидатами в присяжные следует формулировать просто и однозначно, так чтобы они были понятны для человека не имеющего юридического образования. Впрочем, если того требуют «интересы правосудия», то юридическая неграмотность кандидата в присяжные не уберет его от праведного гнева ВС РФ, а вердикт (оправдательный в основном) отмены. Убедиться в этом можно изучив Апелляционное определение ВС РФ от 10 марта 2016 года №31-АПУ16-1сп. В нем в непредоставлении достоверной информации уличили присяжного заседателя №11, и как уличили! Оказывается, указанный кандидат в присяжные заседатели не сообщил, что в отношении ее сына ранее, за примирением сторон, было прекращено уголовное дело по ст. 116 УК РФ (побои), а по мнению ВС РФ: *«при формировании коллегии присяжных заседателей государственный обвинитель задал вопрос – есть ли у кого-либо из вас близкие родственники, которые когда-либо были судимы или привлекались к уголовной ответственности? Исходя из смысла поставленного вопроса, государственный обвинитель выяснял не только наличие непогашенной или погашенной судимости, но и сам факт привлечения к уголовной ответственности...».*

Вот так! Оказывается, кандидат в присяжные заседатели обязан знать – какой именно смысл вкладывает в свой вопрос гособвинитель, и уметь безошибочно отличать реабилитирующие и нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования. В таком случае, логично было бы разрешить присяжным заседателям пользоваться консультативными услугами адвокатов, ну в рамках реализации их конституционных прав и чтобы ничего не перепутать.

ГЛАВА 16. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*То, что воспринято разумом – незыблемо,
а то, что постигается только чувствами –
всегда зыбко и неопределенно.*

Платон

Судебный процесс начинается с обращения к присяжным со вступительным словом сначала стороны обвинения, затем защиты. Сторона обвинения, как правило, ограничивается зачитыванием обвинительного заключения. При этом сам текст, в зависимости от профессионализма прокурора, может подвергаться определенной косметической корректуре – опускаются процессуальные подробности, специальные термины могут меняться на более понятные слова и т.д.

Далее с вступительным словом выступают адвокаты. Этап этот, казалось бы, краткий и не значительный. Более того, он практически не раскрыт в литературе, посвященной суду с участием присяжных заседателей. А между тем, это первое, что слышит присяжный заседатель в суде от стороны защиты. Соответственно, на основе данного выступления, присяжный заседатель и составляет свое первое впечатление и о деле, и о сторонах в нем участвующих. Ну, а уж значение этого самого первого

впечатления, полагаю, объяснять никому не надо! Поэтому я бы настоятельно рекомендовал готовить вступительное слово также вдумчиво и грамотно, как и речь в прениях.

Конечно мое мнение – не истина в последней инстанции, но, на основании многочисленных наблюдений, я считаю, что при произнесении вступительного слова защита регулярно совершает две принципиальные ошибки: либо произносит его недопустимо кратко и лаконично, либо наоборот – проявляет чрезмерную словоохотливость. В первом случае защитники, как правило, произносят вступительное слово в «лучших традициях» судебного процесса без присяжных. То есть ограничивают свое выступление только констатацией факта признания или непризнания вины. Но, как мы знаем, что хорошо для профессионального судьи – совершенно неприемлемо для суда присяжных. Во втором случае вступительному слову пытаются придать вид защитительной речи в прениях, пытаюсь вставить в него и пафосные цитаты «великих мыслителей», и ссылки на еще неисследованные доказательства, и рассуждения на тему презумпции невиновности и пр. В итоге председательствующий начинает такое выступление (в ряде случаев обоснованно) прерывать, в результате чего оно становится сумбурным, непонятным, и лучше бы его вообще не было...

Поэтому чтобы проще всего понять, как именно должно выглядеть вступительное слово, просто представьте себя на месте присяжных заседателей. Вы попали в совершенно незнакомую и необычную для вас ситуацию. Вы практически ничего не знаете о том уголовном деле, по которому вам предстоит работать, ваши коллеги – присяжные заседатели – находятся в аналогичном положении и мало чем могут вам помочь. Вы в состоянии пусть и не полной, но все-таки не слишком приятной неизвестности. Только что вы прослушали выступление прокурора, который перечислил кто из подсудимых в чем обвиняется. И это все, что вы знаете по делу. Теперь слово предоставляется защите и...

Вариант первый – защитник встает, сухо заявляет о признании или непризнании вины. Все. В глазах присяжных немой вопрос: «Что это было?». Нет, конечно, фраза «свою вину не признает», несет определенную информацию, однако, согласитесь, этого крайне мало для того, чтобы заслужить доверие и внимание со стороны присяжных. Ну, а на фоне длительного прокурорского выступления, в красках описавшего кровавые деяния в которых обвиняется подсудимый... В общем, лучше бы и этого не было, чем то, что было.

Вариант второй – защитник, в лучших традициях киношных адвокатов, начинает произносить перед присяжными заседателями длинную и витиеватую речь, изобилующую образными выражениями, цитатами известных личностей, призывами судить по закону и справедливости, и многочисленными поминаниями всуе презумпции невиновности.

По окончании такой речи снова имеем тот же самый немой вопрос: «Что это было?». Присяжные еще весьма смутно понимают с чем они столкнулись, а тут вдруг на них как из рога изобилия сыпятся словесные изыски. Нет, понятно, что их призывают бороться за все хорошее и против всего плохого, но о чем конкретно идет речь и как это относится к тем ужасам, о которых рассказывал прокурор? Еще хуже, когда во вступительном слове звучит обилие детальной информации – адреса, имена, даты и прочие сведения, конечно же, имеющие отношение к делу, но об этом присяжным станет известно гораздо позже. Только через несколько (иногда десятков) заседаний, присяжные смогут ориентироваться во всех этих датах и адресах, только через несколько заседаний они запомнят подсудимых по именам и фамилиям и начнут их отличать друг от друга. Так что перегружать вступительное слово такой информацией (вне зависимости от контекста) – это делать выстрел в воздух. Ну, а если во вступительном слове адвокат пытается сослаться на доказательства, которые (ясно дело) еще не исследованы, то все становится совсем грустно...

Нужно понимать, что вступительное слово – это не только первое действие стороны защиты в присутствии присяжных, но и первая возможность для председательствующего судьи показать кто в доме хозяин, и где тут место защиты в этом доме правосудия. Поэтому любая явная оплошность защиты (а в ее отсутствии сойдет и мнимая оплошность) будет использована судьей для того, чтобы унижить защитника в глазах присяжных, показать его никчемность, неграмотность и полную бесполезность (а порой и вредность) для высоких целей правосудия. Так что самый простой способ тут подставиться – это начать упоминать доказательства...

Также крайне не приветствуются (со стороны судьи) упоминание во вступительном слове процессуальных моментов и сведений, характеризующих личность подсудимого, а также прочей информации, запрещенной к обороту в суде с присяжными.

Тогда что же следует говорить во вступительном слове? Это зависит от позиции подсудимого по делу. Если подсудимый признает вину – логично заложить фундамент для принятия присяжными решения о снисхождении в отношении него. Сообщить им о признании вины, глубоком раскаянии, желании помочь разобраться во всех деталях преступления, готовности понести заслуженное наказание и пр. Если же речь идет о частичном или полном отрицании вины, логично максимально подробно рассказать, что именно подсудимый признает, а что отрицает. Вплоть до детального разбора вступительного слова прокурора, со своими комментариями.

Необходимо всегда исходить из уже неоднократно озвученных требований к сведениям, доносимым до присяжных – они должны быть легко понимаемы и легко запоминаемы. Особенно важным это становится в случае, когда по делу рассматриваются несколько эпизодов и (или) фигурирует несколько подсудимых.

Непризнание вины – это просто юридический шаблон. Куда важнее пояснить присяжным, что конкретно собирается оспаривать защита. Согласна ли защита с мотивом преступления, фигурирующим в версии обвинения? Согласна ли защита с обстоятельствами подготовки к преступлению, количеством и ролями участников, фактическими действиями каждого из участников на месте событий? Согласна ли защита с причиненным ущербом? Не оспаривается ли применение орудий при совершении преступления? И т.д.

Еще одним моментом, который совершенно органично вписывается в концепцию вступительного слова, является указание на что именно присяжным заседателям необходимо обратить свое внимание в дальнейшем. К каким доказательствам и показаниям им следует особенно тщательно присмотреться.

Если все это максимально доступно изложить в своем вступительном слове, то это послужит неплохим фундаментом для последующего оспаривания обвинения. Присяжные заседатели уже будут в общих чертах знать на что им следует обратить внимание, а из-за чего баталий между прокурором и адвокатом ожидать не следует. Так что именно такое вступительное слово поможет разобраться в деле тем присяжным, которые действительно имеют соответствующее желание.

Наконец, хотелось бы обратить внимание и еще на один аспект вступительного слова. В литературе по психологии подробно описан эффект, возникающий при выборе человеком одной из альтернатив – люди склонны преувеличивать достоинства первой альтернативы, которая пришла им в голову в процессе решения проблемы. При этом все остальные возможные решения либо игнорируются, либо рассматриваются предвзято с точки зрения их недостатков относительно первой альтернативы. То есть, проще говоря, речь здесь идет о *первом впечатлении*, которое впоследствии будет весьма и весьма трудно изменить. Поэтому первостепенной задачей, при обращении к присяжным с вступительным словом, является если уж не убедить их в истинности позиции защиты, то, по крайней мере, не дать присяжным однозначно увериться в правильности и непогрешимости только что зачитанного прокурором обвинения.

ГЛАВА 17. ДОПРОС В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

*«Чтобы задать правильный вопрос,
надо знать большую часть ответа»
Роберт Шекли «Верный вопрос»*

17.1 Значение допроса в суде присяжных

Уголовное дело в суде присяжных наполовину выигрывается (или проигрывается) двумя событиями – допросом подсудимого и прениями. До прений мы с вами еще дойдем, а вот о допросе подсудимого настало время поговорить прямо сейчас.

Переоценить значение допроса для судебного процесса невозможно. Если же речь идет о суде присяжных, то один допрос порой стоит многих исследованных томов письменных доказательств. Редко, когда какое-нибудь доказательство может сравниться по силе воздействия на коллегию присяжных с показаниями непосредственного очевидца или участника преступления. Редко, когда исследование какой-нибудь экспертизы или осмотра достигает по накалу страстей допроса

центрального свидетеля, когда стороны буквально готовы вцепиться друг другу в глотки.

С другой стороны, допрос в суде – это одно из самых субъективных и сомнительных доказательств. Показания дают люди, а людям свойственно ошибаться, забывать, иметь какие-то свои личные интересы по делу и т.д. Полагаю, все это очевидно и самим присяжным, но, тем не менее, едва ли какое-то другое судебное действие по исследованию доказательств можно сравнить с допросом по силе воздействия на присяжных.

Протоколы следственных действий и заключения экспертов, прочитанные монотонным убаюкивающим голосом прокурора или председательствующего судьи, никогда не сравнятся с красочным и эмоциональным рассказом подсудимого, потерпевшего или свидетеля. А уж возможность задать дополнительные вопросы (пусть и через председательствующего) – это вообще одна из немногих возможностей для присяжных проявить в процессе свое непосредственное участие и выяснить те детали, которые действительно кажутся для них важными. Именно допросы подсудимых и свидетелей занимают большую часть времени работы суда присяжных, а уж если допрос происходит эмоционально и драматически, если он представляет собой открытое столкновение защиты и обвинения, то именно это вызывает у присяжных наибольший интерес и отклик...

В то же время допрос, как бы хорошо он ни был подготовлен, несет в себе изрядную долю непредсказуемости, именно в ходе него чаще всего возникают «сюрпризы», склоняющие чашу весов в сторону обвинения или защиты. Ну и именно допрос позволяет адвокату лучше всего реализовать свой потенциал и навыки работы с коллегией присяжных. Уличив свидетеля процессуальных противников в даче ложных показаний, либо вырвав у него признание каких-то неприемлемых для обвинения фактов можно во многом предопределить успех или проигрыш дела в целом. Конечно, допрос допросу рознь, и в судебном процессе всегда есть определенное количество «проходных» свидетелей, которые сообщают факты, не оспариваемые ни одной из сторон, и допрос которых протекает в спокойной, сонной обстановке. Но картина допроса совершенно преображается, когда речь идет о допросе каких-то узловых свидетелей. Именно к такого рода допросам следует готовиться с особой тщательностью, изучая все относящиеся к ним доказательства, просчитывая возможные варианты развития допроса, намечая заранее наиболее острые вопросы их содержание, форму и момент в который они будут заданы. Участие в допросе в суде присяжных требует от адвоката максимального напряжения внимания, памяти, скорости реакции и умения импровизировать...

Под общим термином «допрос» порой подразумеваются несколько отличающиеся друг от друга явления. То есть смысл и логика допроса, который проводит следователь на следствии, разительным образом отличается от допроса, проводимого прокурором или защитником в суде. Для следователя допрос – это, прежде всего, поиск новой информации о преступлении (если следователь ставит перед собой цель именно объективно разобраться в ситуации). Для прокурора допрос в суде – это получение сведений, необходимых для подтверждения поддерживаемого обвинения. Для адвоката, напротив, способ опровержения обвинения. Вот именно в этом ключе мы и будем продолжать обсуждать тему допроса в суде.

Однако, мы с вами говорим не о допросе в суде «вообще», а о конкретном его частном случае – допросе в суде присяжных. Соответственно, у такого рода допроса возникает дополнительный «букет» особенностей, не встречающихся в обычном процессе. Прежде всего, это уже упомянутые ранее, требования по понимаемости, запоминаемости и убедительности, а также масса процессуальных ограничений и запретов...

Что ж, о допросе в судебном процессе (и в том числе в процессе с участием присяжных заседателей) написано немало литературы как отечественными, так и зарубежными авторами. Существует также значительный пласт сведений, который

затрагивает смежные с допросом области знаний и позволяет использовать их при допросе. То есть, когда речь заходит об академическом, системном подходе к допросу, то в первую очередь на ум приходит такая дисциплина как риторика. Сомнений нет, допрос как речевое явление, прежде всего, подчиняется именно ее закономерностям. Именно с точки зрения риторики допрос и рассматривается большинством авторов исследований по данной теме, и в том числе с позиций юридической психологии. Хитрые приемы и методы, помогающие вывести лгуна на чистую воду, помочь свидетелю вспомнить обстоятельства или уличить виновного – все это сфера действия риторики. Планируя участие в процессе с присяжными заседателями, а тем более рассчитывая делать это регулярно, большой ошибкой будет игнорирование этих знаний. Однако, нельзя объять необъятное, и я не собираюсь переписывать в эту главу цитаты из источников по искусству риторики. Нет также и желания переписывать сюда общие сведения о допросе, не зависящие от формы судопроизводства.

Вместо этого я хотел бы остановиться на совершенно конкретном аспекте проведения допроса в суде присяжных – проведении допроса с учетом процессуальных требований современного российского законодательства и внепроцессуальных реалий отечественного судопроизводства. Я постараюсь сосредоточиться именно на процессуальных и тактических особенностях допроса в суде присяжных, затрагивая риторику и психологию лишь в той минимальной мере, в которой это необходимо для полноты и последовательности изложения, и только потому, что в каком-то конкретном случае без них нельзя было обойтись...

17.2 Типы вопросов при проведении допроса в суде присяжных

Для допроса в процессе с присяжными характерны как общие закономерности, так и частные, зависящие от процессуального статуса допрашиваемого лица. Однако, начнем с банальностей. Допрос, проводимый адвокатом в судебном заседании, должен быть подчинен общей стратегии защиты. Соответственно, готовясь к допросу и проводя его, необходимо четко себе представлять – что конкретно вы хотите услышать от допрашиваемого, и как это будет вписываться в общую концепцию защиты.

Существуют ситуации, которые совершенно по-разному воспринимаются профсудьей и присяжными заседателями. Например, если в ходе дачи показаний свидетель великолепно помнит обстоятельства, необходимые обвинению, и не помнит нейтральных или нужных защите вещей – это не вызывает у судьи никаких подозрений («так и должно быть»), но вот для присяжного это будет существенно, особенно если сторона защиты поможет коллегии заседателей обратить на это внимание.

Любой гениальный вопрос не будет иметь никакой ценности, если он не понятен дилетанту в праве, то есть присяжному. Также имеет смысл задавать максимально краткие вопросы для того, чтобы получать максимально краткие, легко усваиваемые на слух ответы.

Пытаясь хоть как-то упорядочить и систематизировать (для себя, а затем и для читателей) возможные типы вопросов, используемых в ходе допроса, у меня получилась нижеследующая классификация вопросов по их функциональному значению для допроса и для стратегии защиты в целом. Возможно, строгие академические требования для классификации не выдержаны, однако общее представление о том, что именно имеет смысл выяснять в ходе допроса, на мой взгляд, раскрыть получилось. В общем, тут наша задача исключительно в том, чтобы хоть как-то упорядочить для удобства понимания тематику и назначение вопросов.

Прежде всего, вопросы можно разделить на две большие группы по моменту проявления доказательственного эффекта – вопросы моментального действия и соответственно действия «накопительного».

17.2.1 Вопросы «моментального действия»

В данном случае имеются в виду вопросы, которые рассчитаны на получение моментального эффекта – сразу после озвучивания вопроса или получения на него ответа. То есть как сам вопрос, так и ответ на него дают требуемый эффект без каких-либо дополнительных пояснений или ссылок на другие доказательства. Иногда требуемый эффект дает только ответ на поставленный вопрос, иногда – уже сам вопрос. Порой такие вопросы моментального действия получаются сами собой, но чаще над ними приходится достаточно долго размышлять, подбирая нужные формулировки.

Этот тип вопросов хорош именно для получения мгновенного тактического перевеса. Соответственно, перед постановкой такого вопроса необходимо убедиться, действительно ли присяжным будет очевидна суть этого вопроса и ответа на него без каких-либо дополнительных пояснений. В противном случае, если ошибиться в такой оценке, то, как минимум, не будет достигнут желаемый эффект...

Вопросы моментального действия весьма полезны для уличения допрашиваемого во лжи. То есть вопрос должен задаваться о каких-то сведениях достоверность или недостоверность которых присяжным уже в значительной степени ясна. В итоге, если допрашиваемый единожды таки был уличен во лжи, то какие будут основания верить ему во всех остальных вопросах? Однако, следует учитывать один специфический момент, характерный именно для суда присяжных. Обычно судьи очень внимательно следят за ходом допроса и снимают острые (порой провокационные) вопросы защиты еще до того, как свидетель сделает попытку на них ответить. Это я говорю не к тому, что от такой методики следует отказаться, а просто обращаю внимание на то, что применение такого приема должно хорошенько продумываться предварительно...

Кстати говоря, возможен и обратный вариант, когда такого рода «быстрыми» вопросами получается поднять степень доверия к допрашиваемому лицу. В качестве примера можно сослаться на характерный случай из собственной практики. По одному делу допрашивался засекреченный свидетель, который утверждал, что познакомился с подсудимым и узнал о его преступной деятельности в ходе систематической игры в шахматы в одном из шахматных клубов. У защиты, однако, были более чем веские основания считать, что данный гражданин никогда не общался с подсудимым и вообще даже в шахматы играть не умеет. В итоге ему в удобный момент подсудимым был задан вопрос:

– С какого хода начинается дебют Сокольского?

В ответах лжесвидетеля произошла заминка, которая со всей очевидностью показала его некомпетентность в элементарном шахматном вопросе (дебют Сокольского известен любому шахматисту – пешка В2-В4). Конечно, этот вопрос был снят председательствующим как типа не относимый к существу дела, однако ложность всех его показаний в целом стала присяжным очевидна...

Еще один типичный случай применения таких вопросов – установление алиби подсудимого (поскольку время и место преступления – одно из наиболее твердо запоминаемых присяжными обстоятельств). Однако особенно хороши подобные вопросы «моментального действия» тогда, когда ими есть возможность опровергнуть аргумент обвинения, оставив поле боя (по какому-нибудь фрагменту) за стороной защиты. Пример: допрашиваем «раскаивающегося подсудимого» (признательные показания и оговор остальных подсудимых элементарно выбит из него на следствии):

– Почему вам не удалось убить потерпевшего Сидорова?

– Когда я начал стрелять, он выбежал из своей автомашины и убежал.

Бредовая версия, особенно с учетом показаний других свидетелей, да и слов самого потерпевшего, сказанных им следствию по горячим следам. Задаем еще несколько закрепляющих вопросов по этому факту, чтобы в памяти присяжных хорошенько отложилось это заявление подсудимого. На следующий день допрашиваем супругу потерпевшего:

– Почему вашего мужа не смогли убить?

– Потому что он сразу после того, как в него начали стрелять, нажал на педаль газа и уехал с места покушения.

Вуаля! Требуемый эффект воздействия на присяжных достигнут.

Неплохим эффектом обладает и такой тактический прием – допрашивается свидетель, указывающий на какое-либо обстоятельство (ценное для стороны защиты), и в ходе допроса он называет одного или нескольких человек, могущих подтвердить достоверность его слов. После окончания допроса этого свидетеля, для дачи показаний приглашается кто-то из числа названных им граждан, которые также подтверждают его слова.

В общем, данная форма вопросов дает моментальный эффект, позволяя присяжным сразу же понять на какие именно факты указывает сторона защиты, что именно доказывает или опровергает. Доказываемые такими вопросами факты лучше запоминаются и их проще анализировать, сопоставляя с другими доказательствами.

Еще пример. По делу обвинялись двое молодых людей в совершении преступления по ст.111 ч.4 УК РФ (тяжкий вред здоровью) по мотиву национальной вражды и ненависти. Однако доказательств именно национальной вражды и ненависти у обвинения практически не было, в результате чего прокурор пыталась (а это была барышня) выжать эти доказательства буквально из воздуха. Так в допросах оба обвиняемых, описывая во что именно они были одеты в день преступления, указали, что на ногах у них были «берцы». Прокурор уцепилась за это слово как клещ. И к месту и не к месту она старательно доводила до присяжных мысль, что этот тип обуви – тяжелые ботинки (берцы) носят только скинхеды, и только они их так называют. Конечно, это было явным передегериванием. С тем же успехом можно сказать что «канонической» обувью скинхедов являются английские ботинки «Гриндерс», а не советские армейские берцы. Впрочем, понятное дело, что суд вряд ли бы дал мне довести подобную информацию до присяжных, да и выглядело бы это как оправдание. Но вот в один из дней мы допрашивали сотрудника ППС милиции, участвовавшего в задержании подсудимых по горячим следам. Когда право задавать вопросы перешло к защите, я задал несколько уточняющих вопросов по событию преступления, после чего в конце состоялся следующий диалог:

- Вы находились при исполнении, когда задерживали подозреваемых?

- Да, конечно.

- Вы были в гражданской одежде или в форменной?

- Конечно в форменной, это обязательно по уставу ППС.

- А во что вы были обуты?

- В берцы.

Последовала пауза.

- Вы скинхед?

- Эээ?

- Ну вот у нас прокурор утверждает, что берцы носят только скинхеды, и только они называют берцы берцами...

Конечно же суд меня прервал, но должный эффект на присяжных это произвело. Кстати, вердиктом присяжных националистический мотив был признан недоказанным, а оба подсудимых получили снисхождение...

Однако, есть у этой категории вопросов и один недостаток. По сути, использование таких вопросов – это «игра в открытую». Если значение того или иного вопроса становится понятно присяжным, то становится оно понятно и стороне обвинения, и судье. А раз так, то у стороны обвинения появляется возможность начать работать над опровержением, а судья неудобный вопрос просто всегда может снять...

17.2.2 Вопросы «кумулятивного эффекта»

Далеко не всегда суть вопросов может (и должна) быть понята окружающим сразу же после получения ответа. В ряде случаев, цель получаемых в допросе ответов должна быть скрыта от участников процесса (в том числе и от присяжных!) до самых прений.

Так в одном из процессов, когда группа подростков обвинялась в нападениях на гастарбайтеров, я в ходе допросов как самих подсудимых, так и очевидцев произошедших событий, тщательно допрашивал их о количестве и составе участников каждого нападения, об используемом оружии (по делу проходил достаточно большой арсенал ножей и заточек), о конкретных действиях каждого из участников. В принципе, вопросы более чем стандартные для такого рода дел. Более того, обилие эпизодов и участников делали и ответы на эти вопросы стандартными, похожими друг на друга, и оттого они не только не запоминались присяжным, но и не вызывали каких-либо возражений и подозрений со стороны судьи и прокурора. Такое положение дел меня вполне устраивало, поскольку моя цель состояла в том, чтобы ответы на заданные мной вопросы просто прозвучали в суде и, соответственно, могли быть использованы в прениях. А вот в прениях то мной и был представлен присяжным детальный анализ противоречий в показаниях как участников, так и очевидцев преступлений. В большинстве эпизодов показания не сходились ни по количеству и составу участников, ни по используемому оружию, ни по перечню и последовательности действий, что, в свою очередь, доказывало позицию защиты – т.н. «соучастники» преступлений, в большинстве случаев, на самом деле ничего не совершали, а оговаривали себя под давлением.

Вообще, говоря о вопросах «накопительного» характера, следует выделить **вопросы относительные**, то есть вопросы, ценность которых выявляется в сравнении с какими-то другими доказательствами по делу. Здесь речь идет о том, что в принципе существуют обстоятельства, которые сами по себе не несут никакого значения ни для защиты, ни для обвинения, однако с учетом других обстоятельств и доказательств – их значение может становиться весьма серьезным. Так по одному из процессов, двое подсудимых обвинялись в совершении в том числе и убийства. По делу имела место классическая коллизионная защита, т.е. каждый из подсудимых утверждал, что именно второй соучастник наносил потерпевшему ножевые ранения, приведшие к его гибели. В этой ситуации пришлось взвалить на себя частично прокурорские функции и приняться доказывать вину второго подсудимого (не моего подзащитного), чтобы снять вину со своего доверителя. В ходе допроса этого второго подсудимого мной был задан (казалось бы совершенно бессмысленный) вопрос о том, почему в написанном им чистосердечном признании наклон букв обратный (мне было известно, что он левша). Именно такой ответ на свой вопрос я и получил, причем этот нестандартный вопрос о наклоне букв и ответ на него, в силу своей необычности, хорошо отразился в памяти присяжных. В дальнейшем, через несколько заседаний, было изучено заключение судмедэкспертизы, согласно которой все ножевые ранения погибшему были нанесены в правую часть грудной клетки. В прениях оставалось только сложить два и два и показать, что ножевые ранения потерпевшему наносил именно левша, поскольку правша (коим являлся мой подзащитный), стоя лицом к лицу с потерпевшим наносил бы удары по другой стороне туловища... По вердикту присяжных, кстати, правша в итоге был признан невиновным.

Другой вариант относительных вопросов близок к первому случаю, с той однако разницей, что очевидное несоответствие показаний допрашиваемого выявляется не при сопоставлении с другими доказательствами, а в результате сопоставления с его собственными, только данными ранее показаниями. То есть методика допроса, в данном случае, сводится к последовательному задаванию допрашиваемому вопросов, в т.ч. с использованием его собственных прежних заявлений, ответы на которые будут противоречить друг другу. Примером может служить следующий эпизод из личной практики: в ходе одного достаточно длинного допроса, свидетель обвинения сделал два заявления (правда, существенно разнесенных

между собой и по времени), которые явно противоречили друг другу. Так свидетель заявил, что, во-первых, торговля в принадлежащем ему магазине шла хорошо и он подумывал о расширении бизнеса. Но, во-вторых, через некоторое время он заявил, что рассматривал варианты отдать полмагазина в аренду. Мне оставалось только, дождавшись своей очереди, спросить свидетеля – как можно расширить бизнес, отказавшись от части торговых площадей?

Короче говоря, вопросы относительные ценны тем, что позволяют стороне защиты готовить обоснование своей позиции втайне от обвинения и суда до последнего момента (в большинстве случаев – до прений), не раскрывая значения этих вопросов во взаимосвязи с остальными доказательствами по делу. Одновременно, впрочем, надо понимать, что ответы на такие вопросы в гораздо меньшей степени усваиваются и запоминаются присяжными заседателями, причем в большей степени именно в силу их кажущейся малозначительности или бессмысленности. Также надо учитывать, что подобная форма постановки вопросов несет повышенный риск быть снятыми председательствующим в силу их неотносимости.

17.2.3 Разведвопросы

Помимо вышеописанных вопросов, прямо направленных на выявление информации, имеющей доказательственное значение, существуют и вопросы, носящие вспомогательный характер. Например, «разведвопросы», т.е. вопросы, ответы на которые в значительной степени не известны заранее для задающего. Обычно возможность задавать такого рода вопросы прямо связана с недоработками следствия – либо свидетеля не допросили, либо допросили крайне скудно. В результате, у суда остается ряд вопросов к свидетелю, которые имеют значение для дела, но не были выяснены на следствии. Ответ на такие вопросы порой либо трудно прогнозируем, либо не прогнозируем вообще, однако при некоторых условиях может дать неплохие результаты для защиты. Соответственно, задача определиться – насколько велика вероятность позитивного для защиты ответа и насколько велика вероятность негативного.

Так, в одном из процессов, мой подзащитный обвинялся в том, что вместе с другим подсудимым совершил убийство гражданина по национальному признаку (потерпевший, согласно материалов дела, имел «характерные для кавказских народов черты лица»). Допрашивая в суде единственного очевидца произошедшего, мы с подзащитным как раз и столкнулись с этой процессуальной «террой инкогнита», поскольку на следствии свидетель был допрошен весьма поверхностно, в т.ч. о внешности нападавших. Следователь, по сути, ограничился только одной фразой о том, что свидетель разглядел нападавших плохо и опознать их не сможет. Однако, несмотря на то, что свидетель не запомнил индивидуальных примет нападавших, можно было попробовать спросить его о «групповых» приметах: росте, телосложении, одежде и т.д. Вот здесь перед нами и возникла дилемма – ответы свидетеля могли как помочь, так и существенно навредить защите. В итоге все-таки было принято решение вопросы задавать. Задал их сам подсудимый – невысокий (около 165 см) худощавый паренек:

- Скажите, а какого роста были нападавшие относительно потерпевшего, выше или ниже?

- Да вроде одного с ним роста (рост потерпевшего, согласно заключения СМЭ, составлял 180 см, - прим.).

- А какой национальности были нападавшие?

- По-моему одной с потерпевшим (а подсудимые имели преступно-славянские черты лица).

В итоге причастность к этому эпизоду моего подзащитного (вместе с еще пятью эпизодами) присяжные признали недоказанной. То есть, задав два вопроса, которые не выяснились на следствии, подсудимый просто снайперски попал в точку.

В то же время нельзя исключить вариант, что на вопрос о росте нападавших можно было получить и ответ типа «Да примерно вашего»... Так что злоупотреблять такими вопросами я бы без веских причин не советовал.

17.2.4 Проверочные вопросы

Проверочные вопросы – это тоже своего рода «разведвопросы», только предназначенные для выяснения потенциальной возможности задать допрашиваемому лицу другой вопрос. Тут просто следует сказать, что иногда в ходе допроса есть необходимость и возможность выяснить – имеет ли вообще смысл задавать свидетелю тот или иной вопрос, и принесет ли он пользу подсудимому или вред. Например, речь может идти о показаниях свидетеля относительно тех или иных обстоятельств произошедшего. Так, у свидетеля можно, конечно, сразу в лоб спросить – видел ли он на месте происшествия подсудимого или нет? Однако не факт, что полученный ответ будет на пользу подзащитному. Поэтому лучше вначале задать проверочные вопросы: «Какое время суток было во время происшествия?», «Хорошо ли было освещено место происшествия?», «Далеко ли сам свидетель находился от места происшествия?», «Не было ли каких-то помех при наблюдении за местом происшествия?» и т.д. В итоге, установив, что дело было ночью, на неосвещенной улице, а сам очевидец находился в сотне метров от происходящего, можно уже с большой уверенностью спрашивать – разглядел ли свидетель там подсудимого? (Очевидно, что при таких обстоятельствах ответ будет, скорее всего, отрицательный. И даже если не отрицательный, то вместе с «подготовительными» вопросами-уточнениями – это уже прозвучит совсем по-другому для присяжных...).

Другой пример из практики. В ходе допроса свидетеля - «темной лошадки», защите было бы неплохо узнать, есть ли у него сведения о принадлежности одного из подсудимых к организованной преступной группировке. Однако ответ мог быть самым непредсказуемым, а одним из наихудших вариантов был бы: «Да, мне известно, что подсудимый входил в ОПГ». Конечно, этот ответ можно было бы ставить под сомнение, путем выяснения источников подобной информации, однако в присутствии присяжных это все равно было бы существенным провалом для защиты.

Пришлось применять «обходной маневр»:

- Свидетель, скажите, пожалуйста, свидетелем каких преступлений, совершенных ОПГ, вы были? (при этом было известно, что он свидетелем таких преступлений не был, а вся его информация могла быть подчерпнута только из разговоров и сплетен, - прим.).

- Никаких (ожидаемо).

- В таком случае, исходя из виденного вами, вы можете утверждать, что ОПГ действительно существовала? (в данном случае свидетель «попался в ловушку»).

- Нет, не могу (хорошо, а теперь можно задавать вопрос, ради которого все и затевалось).

- А что Вы можете сказать о криминальной деятельности подсудимого в ОПГ?

- Ничего (что и требовалось получить).

Неплохо срабатывает и вопрос в форме: «У вас есть информация о...». То есть выясняется не содержание информации, а сам факт ее наличия у свидетеля! А уж если ответ положительный, то тогда и следует принимать решение – развивать эту тему дальше, либо же лучше с нее «съехать» во избежание непредсказуемых последствий.

Еще один вариант – постановка не одного вопроса, требующего развернутого ответа, а серии кратких, подразумевающих ответы «да»/«нет». Такое дробление вопросов позволяет защите вовремя остановиться и переключиться, если допрос пошел в «неправильную плоскость». Кроме того, дробление вопросов позволяет подвести к

нужному ответу свидетеля защиты или же не дать свидетелю обвинения уйти от темы...

17.2.5 Специальные виды вопросов

Вопросы для фиксации полученной информации – в данном случае сам по себе ответ на заданный вопрос не представляет большой ценности, однако за счет повторения ответа позволяет надежнее зафиксировать в памяти присяжного то или иное обстоятельство:

- Вы видели на месте происшествия гражданина Иванова?

- Да, видел (в принципе, на этом можно было бы остановиться. Однако, если наша задача «застолбить» этот факт в памяти, то можно продолжить).

- Вы настаиваете на этом? Вы не могли его с кем-то перепутать? Мог это быть кто-то другой? И т.д.

В целом, до этого мы рассматривали преимущественно вопросы основной сутью которых было получение конкретных ответов. Между тем, в суде с присяжными приходится пользоваться (ну, во всяком случае, о них имеет смысл помнить) вопросами, значение которых не в получении какого-то конкретного ответа. То есть, будучи по форме вопросом, фактически это совершенно иной инструмент. Можно сказать, что это **вопросы косвенного назначения**. Или же прямо говоря – вопросы, предназначенные для доведения какой-либо информации (возможна даже серия вопросов для доведения последовательности событий). Здесь, в первую очередь, важен не ответ, а сам вопрос.

- Скажите, пожалуйста, почему об описываемых вами событиях вы вспомнили только через пять лет после самого события?

- Как получилось, что якобы имевший, с ваших слов, факт хищения не подтверждается бухгалтерскими документами?

- Скажите, пожалуйста, как подсудимый мог нанести такие телесные повреждения человеку, который выше, сильнее и тяжелее его, да еще и прошедшего специальную армейскую подготовку?

И так далее. Но при этом надо помнить, что подобного рода вопросы находятся на грани допустимого судом, поскольку очень часто выглядят наводящими или содержащими готовые выводы защиты, а судьи этого очень не любят и, соответственно, часто снимают подобные вопросы защитников.

Вопрос-«сигнал». То есть вопрос, служащий сигналом к доведению какой-либо информации (в т.ч. запрещенной судьей). Кстати, этот прием я впервые подсмотрел у работников обвинения, так что упреки в его некорректности я на свой счет не приму. Применяется он порой и для доведения до присяжных информации, которую им знать, в общем-то, не положено. То есть, готовя свидетеля к допросу, заранее обговаривается какой-то условный вопрос (вполне законный и безобидный по форме) в ответ на который свидетель должен сообщить требуемую информацию (пусть и не очень соответствующую сути вопроса). Например:

- Известен ли вам свидетель Сидоров?

- А как же, от этого дебошира и пьяницы вся деревня плачет.

Или:

- Вы когда-нибудь видели в руках у подсудимого Петрова оружие?

- Да вы что, какое оружие, он и мухи не обидит!

И т.д.

В большинстве случаев такой тактический прием используется ближе к концу допроса, когда прерывание допроса или удаление допрашиваемого из зала суда уже нанесет защите никакого ущерба.

Еще интереснее с **вопросами-«красными тряпками»**, которые применяются для выведения допрашиваемого или иных участников процесса из равновесия, для провоцирования конфликта и т.д. Главное здесь знать – на что именно можно получить

требуемую реакцию и как потом использовать ее с максимальной пользой для себя... Приходилось сталкиваться прямо с анекдотичными ситуациями. Дело в том, что когда сторона обвинения готовит своих свидетелей, она регулярно их так «накачивает», что они не хуже цепных псов кидаются на адвокатов. В итоге присяжные могут наблюдать совершенно поразительную картину, когда свидетель, который вроде бы не заинтересован в ходе дела, на вопросы обвинения отвечает учтиво и вежливо, а в случае с вопросами защиты ведет себя как истерик или хам трамвайный. Те адвокаты, у которых опыта поменьше, как правило, обижаются, бывалые же, наоборот, стараются подыграть такому «независимому свидетелю» истероидного типа, давая возможность распалиться его гневу в отношении защиты на полную катушку и... окончательно подорвать свою репутацию и достоверность сообщаемых им сведений в глазах присяжных.

17.3 Комбинации вопросов

Конечно, все перечисленные выше типы вопросов весьма полезны в использовании, однако их комбинации дают порой совершенно потрясающие результаты! В частности, хорошо себя зарекомендовал тактический прием, когда существенные, важные для защиты вопросы, либо вопросы, которые могут быть сняты председательствующим, задаются не единым блоком, а чередуются с блоками второстепенных вопросов. При этом, отвечая на банальные, не принципиальные вопросы, притупляется внимание как у самого допрашиваемого, так и у прокурора с судьей.

Или вот еще из реальной практики: допрашиваем очередного «потерпевшего». В ходе допроса «потерпевший» уже успел рассказать слезливую историю о том, что на интересующем обвинение маршруте работало примерно пятнадцать таксистов, с которых ежемесячно собирали определенную фиксированную сумму. При этом, если бы кто-то отказался платить, то ему запретили бы работать на этом маршруте, однако таких случаев ни разу не произошло.

- Что нужно было сделать, чтобы работать на этом маршруте?
 - Нужно было обратиться к П. (один из подсудимых). И если он разрешит, то тогда можно было работать.
 - А были случаи, когда он не разрешал?
 - Ну да, если бы таксистов на этом маршруте было больше, то нам работать стало бы не выгодно.
 - А если бы кто-то решил работать без разрешения, что тогда было бы?
 - Ну... Его бы выгнали, не дали бы ему на маршруте работать...
 - То есть мало было платить деньги П., чтобы работать на маршруте, должна еще была быть соответствующая вакансия?
 - Да (ловушки расставлены, можно подсекать).
 - Скажите, пожалуйста, вам известны такие понятия как «недобросовестная конкуренция», «монополистический заговор»?
 - Ну... (Быстрее, пока прокурор и судья не очухались!).
 - Получается, что вы, таксисты, нанимали бандитов, чтобы они выгоняли с маршрута конкурентов? Почему, в таком случае, потерпевшим по делу признаны вы, а не пассажиры, которым вы, пользуясь монополистическим сговором, оказывали некачественные услуги по завышенным ценам?
 - Эээ...
- Прокурор и судья хором:
- Это недопустимое давление на присяжных!
 - Спасибо, нет вопросов.

Резюмируя сказанное, стоит заметить, что приведенная выше классификация вопросов дана исключительно для того, чтобы наглядно показать, что бесполезных

вопросов в ходе допроса быть не должно. Каждый вопрос должен иметь какую-то свою конкретную цель. Возможно, вы сможете существенно дополнить или изменить данную классификацию. Или предложить какую-то свою. Наша задача тут исключительно в том, чтобы направить мысль читателя в нужном русле, а не пополнить и без того колоссальную гору академических знаний.

17.4 Процессуальная риторика

Выше я обещал, что постараюсь особо не затрагивать вопросы риторики, однако следует остановиться на, скажем так, процессуальном аспекте риторики. То есть в суде с присяжными мало уметь говорить ясно, четко, грамотно и доходчиво – необходимо, чтобы при этом речь участника процесса еще и вписывалась в прокрустово ложе норм права, судебной практики и судейского усмотрения.

В принципе, процессуальная составляющая судебной риторики наиболее значительно проявляет себя в двух случаях – при произнесении защитительной речи в прениях (до этого мы с вами еще дойдем) и при участии адвоката в допросах. Вот об этом мы сейчас и поговорим.

Если изучить УПК РФ, то можно прийти к мнению, что ограничений, накладываемых на вопросы, которые задает адвокат допрашиваемому в процессе с присяжными, не так уж и много. Во-первых, ограничена тематика вопросов. Ну да, судейские трактовки терминов «процессуальность», «относимость» и «допустимость» мы в достаточном объеме уже разбирали ранее. Во-вторых, имеется общее требование о соблюдении профессиональной адвокатской этики и порядка в зале суда. Наконец, имеется нормативно сформулированный запрет на использование наводящих вопросов. Но, как вы знаете, судебная практика куда шире и удивительнее, чем имеющиеся нормы права. Судебная практика идет по пути ограничения как тематики вопросов, так и форм вопросов, которые позволительно использовать участникам процесса при проведении допросов.

С, так сказать, запретными темами мы уже разбирались ранее – к их числу относятся вопросы о личности подсудимого, свидетелей или потерпевшего, вопросы о совершении преступлений иными лицами, либо совершении преступлений, которые не являются предметом рассмотрения в настоящем деле. Однако, речь сейчас не о них.

Дело в том, что, как показывает практика, в ряде случаев запреты и ограничения не носят абсолютного характера. То есть частенько судьи снимают тот или иной вопрос, будучи совершенно уверенными, что он не относится к существу дела или необоснованно затрагивает личность подсудимого или свидетеля. Именно с учетом этого «добросовестного заблуждения» председательствующего и имеет смысл действовать, чтобы помочь ему преодолеть это заблуждение, обосновать необходимость того или иного вопроса самим ходом допроса. Например, если вы в ходе допроса прямо спросите свидетеля где он работает – возникнет весьма серьезная вероятность, что вопрос будет снят именно с мотивировкой о недопустимости исследования личности свидетеля (и в чем-то председательствующий окажется прав). Но что же делать в таком случае?

А следует просто взглянуть на проблему шире, то есть подняться в своих рассуждениях на один уровень выше и задаться вопросом: «Для чего вообще защите необходима информация о месте работы свидетеля?». А необходима она, например, для того чтобы доказать, что подсудимый неоднократно бывал по месту работы свидетеля (зачем – это отдельный вопрос). Прекрасно! Значит исходя из этого и переформулируем вопросы:

- Свидетель, вам знаком подсудимый?
- Да, знаком.
- Когда и где вы с ним познакомились?
- Полгода назад, он приходил ко мне на работу.
- А где вы работаете?

И вот в этом уже случае вопрос, скорее всего, будет оставлен, поскольку его связь с обстоятельствами, подлежащими выяснению, видится куда более реальной...

Теперь предположим, что по ходу дела у защиты возникла необходимость выяснить, почему на месте происшествия свидетели видели автомашину подсудимого:

- Подсудимый, скажите, у вас есть личная автомашина?

Снова велика вероятность снятия вопроса. Но можно так:

- Вы слышали показания ранее допрошенного свидетеля Сидорова?

- Да, слышал.

- Соответствует ли действительности его заявление о том, что на месте происшествия он видел вашу автомашину?

- Нет, не соответствуют. Свою автомашину я продал за полгода до преступления и с тех пор новую не купил.

Короче говоря, практика показывает, что к каждой цели (получению конкретной информации) существует множество путей. Соответственно, задача адвоката выбрать и реализовать наиболее эффективный (в том числе и с процессуальной точки зрения) путь.

Возникает вопрос: быть может имеет смысл сразу, при снятии того или иного вопроса, разъяснить судье причины, по которым он задается, обосновать его относимость к существу дела? Тут все зависит от конкретной ситуации и индивидуальности судьи. Приходилось поступать и так, и этак. Более того, в некоторых ситуациях само разъяснение причин, побудивших задать вопрос, куда ценнее (в качестве способа довести до присяжных требуемую информацию или ее оценку), чем даже ответ на этот вопрос. Выглядит это примерно так:

- Скажите, свидетель, вы работали в фирме ООО «Рога и копыта»?

- Вопрос снимается, поскольку не относится к предъявленному обвинению.

- Прошу не снимать данный вопрос, фирма «Рога и копыта» принадлежит потерпевшему, который дает ложные показания в отношении подсудимого, соответственно, свидетель находится в служебной зависимости от потерпевшего.

Однако в любом случае лучше помнить и уметь реализовывать оба варианта. Причем нельзя забывать о свойственном судьям упрямстве, когда раз приняв решение (пусть и ошибочное), судья все равно, типа чтобы сохранить честь мундира, продолжает настаивать на нем как на правильном и законном. В таком случае, не лучше ли просто не доводить ситуацию до противостояния – до споров и конфликтов относительно снятия вопроса) – а изначально применить обходные маневры?!

С разной степенью интенсивности и успешности ведут судьи борьбу и с повторными вопросами. В принципе, они законом не запрещены, однако попробуйте объяснить это председательствующему... Что делать в такой ситуации? Ну лучший способ, конечно же, это избегать повторных вопросов. Однако иногда для связанности мыслей приходится возвращаться к тому, что уже было сказано. Порой сама логика изложения требует повторения тех или иных вопросов и ответов. Хотя тут возможно несколько более широкое поле для маневра:

- Скажите, пожалуйста, какие у вас отношения с подсудимым?

- Вопрос снимается как повторный.

- Извините, пожалуйста, Ваша честь, я видимо пропустил ответ свидетеля на этот вопрос. Он утверждал, что отношения с подсудимым у него хорошие?

Или:

- Да, согласен, так вот, в связи с тем, что ранее вы утверждали, что отношения с подсудимым у вас хорошие, объясните, почему на эти отношения не повлиял конфликт с подсудимым за два дня до преступления?

Достаточно часто под запрет попадает вопрос, содержащий в себе цитирование ранее данного ответа допрашиваемого. Не спрашивайте меня почему. Просто запрещают и все. Таково судебское усмотрение. В принципе, можно даже согласиться с претензией о громозкости таких вопросов, но зато прокурорам можно делать что угодно. Так в одном процессе обвинение представлял прокурор, который

просто не мыслил свои вопросы без отсылки к ранее данным свидетелем показаний. В итоге у него систематически получалось что-то типа:

- А вот скажите, когда вы ранее говорили, что на месте происшествия по нападению на Петрова вы были только с подсудимым Ивановым, и именно Иванов нанес Петрову множественные ножевые ранения, и когда Петров упал, вы видели у него признаки жизни, после того, как сами нанесли ему удар молотком в голову? (И это еще не самый тяжелый случай).

Поэтому иногда лучше озвучить некую вводную к планируемому вопросу:

- Теперь, подсудимый, давайте вернемся к эпизоду нападения на Петрова. Когда после ножевых ударов Иванова Петров упал, вы видели у него признаки жизни?

Продумайте, как «разбить» длинный сложносочиненный вопрос на несколько маленьких, коротких, понятных и удобоваримых. Иногда имеет смысл задать вопрос о каком-то малозначительном предмете, именно для того, чтобы ответ на него послужил переходным этапом к действительно важному для вас вопросу:

- Вы хорошо запомнили свое нападение на Петрова?

- Да.

- Кто первый подбежал к Петрову – вы или Иванов?

- Иванов.

- Именно поэтому он начал первым наносить Петрову удары ножом?

- Да.

- Как после этого Петров упал – на спину или на грудь?

- На спину.

- Вы не успели ему нанести ударов?

- Нет.

- А признаки жизни Петров подавал?

Вот таким путем мы с вами, с одной стороны, смогли избавиться от громоздкой формы вопроса, с другой – соблюли требование о запрете на цитирование ранее заданных вопросов, ну и, наконец, смогли получить ответы именно на тот вопрос, который нам был нужен.

Кстати, в продолжение темы запретов. Приходится встречаться даже с ситуациями, когда судья запрещает адвокатам в вопросах цитировать содержание некоторых доказательств или... формулировок предъявленного обвинения! И снова не спрашивайте меня почему. Просто я встречал и такие запреты. Обход же подобных запретов снова зависит от адвокатской смекалки. Примеров приводить не буду, хотя бы для того, чтобы не лишать читателя удовольствия самостоятельно придумать «обходные маневры» :)

Еще один повод для снятия вопросов защиты – запрет на выяснение частных вопросов, если по общему вопросу был дан негативный ответ. В натуре это выглядит примерно так:

- Подсудимый, вы были на месте происшествия в момент совершения преступления?

- Нет, не был.

- Подсудимый, чем вы можете объяснить, что вам вменяют убийство потерпевшего с помощью ножа, в то время как на трупе были обнаружены огнестрельные ранения?

- (Председательствующий) Снимается вопрос, подсудимый уже пояснил, что его на месте происшествия не было, значит он не может сообщить как, и с помощью чего, был убит потерпевший.

В принципе, и в этом запрете есть своя логика, однако она лишает сторону защиты возможности донести до присяжных информацию о противоречиях в доказательственной базе обвинения (через вопросы, задаваемые подсудимому). Что же делать?

Есть и из этой ситуации есть выход. Впервые столкнувшись с подобным запретом, мне пришлось в дальнейшем выворачивать наизнанку последовательность

задаваемых вопросов. То есть вместо того, чтобы идти от общих вопросов к частным (как все нормальные люди), пришлось продвигаться наоборот – от частных к общим:

- Подсудимый, вы стреляли в потерпевшего из пистолета, как следует из заключения судмедэксперта, или из автомата, гильзы от которого найдены в ходе осмотра места происшествия?

- Я вообще не стрелял в потерпевшего.

- Вы стояли с правой стороны улицы, как следует из показаний свидетеля Сидорова, или с левой, как следует из показаний свидетеля Петрова?

- Ни там, ни там – меня вообще не было на месте происшествия.

- Так вы принимали участие в убийстве потерпевшего?

- Нет, не принимал.

В другом процессе подобная тактическая хитрость выглядела следующим образом:

- Кто стрелял в потерпевшего: вы, как вы говорили в своих признательных показаниях, или ваш сообщник Сидоров, как говорил в своих признательных показаниях он?

- Я совершенно точно не стрелял, а стрелял ли Сидоров, мне неизвестно.

- Что значит вам неизвестно? Вы находились на месте преступления тогда, как вы и говорили в своих признательных показаниях?

- Нет, не находился, я вообще в это время был в другом месте.

- Так вы признаете себя виновным в этом преступлении?

- Нет, не признаю.

В общем, полагаю, уже вполне достаточно примеров для обоснования одной простой идеи – правильная формулировка вопроса (правильная в значении «правильная с точки зрения судьи») существенно повышает шансы на то, что его дадут задать и дадут услышать на него ответ.

Да, конечно, такое переформатирование вопросов применимо далеко не всегда. Это зависит, прежде всего, от того в какой степени выясняемая информация несет вред стороне обвинения, и в какой степени судья ощущает себя стороной обвинения. В некоторых, особо острых случаях, ваш вопрос будет снят вне зависимости от формы его подачи. К этому тоже надо быть морально готовым. Поэтому иногда к требуемой информации придется пробираться окольными путями – нужно будет филигранно подводить к нужному вопросу, последовательно показывая, что этот вопрос вполне соответствует предмету доказывания. Как говорится, нормальные герои всегда идут в обход...

17.5 Допустимость вопросов при допросе

Теперь разберемся с формальной допустимостью тех или иных вопросов при проведении допроса. Следует сразу заметить, что в судебной практике как отдельных судей, так и судов в целом существуют «запретные слова», употребление которых в ходе допроса в присутствии присяжных заседателей как минимум не приветствуется, а в ряде случаев, с учетом персональных особенностей личности конкретного судьи, вообще может вызвать эффект, схожий с форменной истерикой.

Например, УПК РФ прямо запрещает наводящие вопросы подсудимому. Возможно, в суде с профсудьей этот запрет и имеет смысл, однако в суде присяжных он приобретает определенную специфичность. Дело в том, что вопрос вида «А скажите, пожалуйста, вы ведь находились в таком-то месте, в такое-то время, где видели такие-то события?» слишком очевидно носит подталкивающий, манипулятивный характер. Очевидно это и для присяжных заседателей и далеко не всегда это им может показаться не важным... Более того, в суде присяжных председательствующие легким движением руки запрещают наводящие вопросы не только подсудимым, но и свидетелям, что хоть и не основано на законе и не столь

важно для защиты, и тем не менее прекрасно иллюстрирует сложившуюся ситуацию с правоприменением.

В свое время, в одном из процессов, где обвинение в значительной степени основывалось на показаниях своего свидетеля, произошел следующий случай – требуемые обвинению показания были получены прокурором именно путем постановки перед свидетелем прямого наводящего вопроса (который судья, несмотря на протесты защиты, отказался снять). В итоге в прениях мной было заявлено примерно следующее: «Утверждения обвинения об обстоятельствах произошедшего основываются, прежде всего, на показаниях свидетеля С. Однако, лично я в это не верю – и вот почему. Вспомните его допрос! Ведь свидетель С. не сказал прямо о том, что он видел событие преступления. Он просто сказал «да» в ответ на вопрос прокурора: «Скажите, пожалуйста, это подсудимый М. наносил удары ножом в спину потерпевшему?». То есть наиважнейшие для обвинения события мы узнали не от свидетеля, очевидца, а от самого вопрошающего прокурора...».

Также, могу заметить, что не рекомендуется использовать формы вопросов типа: «Правильно ли я вас понял, что...?» - в этом случае многие судьи, срабатывая на опережение, заявляют, что суд не интересуется, правильно ли адвокат понял допрашиваемого или нет; «Скажите, пожалуйста, как вы считаете...?» - здесь идет отчасти справедливый упрек в том, что свидетель рассказывает о событиях, которым он был очевидцем, а не сообщает суду своих выводов и оценок; «А если бы произошло...?» - тоже вполне объяснимый запрет, так как фантазиями свидетеля пытаются подменить конкретные факты, известные ему. То есть это запрет сообщать свои предположения.

Естественно, что указанные ограничения чаще применяются к адвокатам, нежели к прокурорам, и абсолютно никогда к самим председательствующим судьям. Например, уже упоминавшийся ранее судья Замашнюк чуть ли не половину своих вопросов начинал именно с указанных фраз, при этом строго-настрого запрещая адвокатам пользоваться такой формой вопроса.

Что же делать? Можно предложить, к примеру, такую формулировку: «Есть ли у вас информация о том, почему...». Почему свидетель не видел подсудимого, почему потерпевший длительное время не сообщал о совершенном в отношении него преступлении и т.д.

А можно и так – на одном из подсудимых следы крови не обнаружены, на одежде другого обнаружены, при этом обвинение настаивает, что оба наносили удары ножами потерпевшему – вопрос:

- Почему на вас не обнаружены следы крови?

Вопрос вполне резонный, однако, содержит в себе формальные условия, позволяющие его снять.

- Вопрос снимается. Подсудимый не может знать, почему кто-то не обнаружил на его одежде следы крови.

Меняем формулировки:

- Скажите, пожалуйста, на вашей одежде следы крови потерпевшего имелись? (А вот теперь у подсудимого спрашивают именно о тех обстоятельствах, о которых он вполне компетентен давать показания).

- Нет, не было.

- Почему их не было?

- Потому что я к потерпевшему и близко не подходил. Ножом его бил второй подсудимый.

- Кто-нибудь находил следы крови на вашей одежде?

- Конечно же, нет, их там не было и быть не могло!

Требуемый ответ получен, заодно заострили внимание присяжных и на доказательстве, указывающем на непричастность подсудимого к нанесению ножевых ударов потерпевшему. Вот теперь у судьи нет оснований снимать вопросы по какой-либо причине.

Впрочем, иногда в таких раскладах судьи пытаются форсировать ситуацию, вмешиваясь в ход допроса и пытаясь выяснить принимал участие подсудимый в преступлении или нет еще до того как сторона защиты задаст все интересующие ее частные вопросы. Что ж, тут главное для подсудимого не растеряться и занять позицию: *«Сейчас я отвечаю на вопросы защиты, на вопросы суда буду отвечать в конце допроса, как предусмотрено ч.3 статьи 275 УПК РФ»*.

В целом, можно посоветовать тщательно следить за манерами конкретного судьи в ходе процесса, фиксировать именно те формулировки, которые считает допустимыми и недопустимым именно он. Дело в том, что какого-либо единого реестра или кодекса запрещенных слов и выражений нет, каждый судья его определяет сам себе. Поэтому всегда необходимо понять индивидуальные требования конкретного судьи.

Идем дальше. Как говорили древние: «Ясность речи – результат ясности мысли». То есть перед тем как задать вопрос, вы должны сами понять – что именно вы хотите услышать. Сможете правильно поставить цель – сможете и определиться каким именно должен быть вопрос, направленный на ее достижение.

Ну а что же судебная практика? Как всегда, сигналы разнонаправленные. Впрочем, об этом мы говорили ранее, и будем говорить в дальнейшем. Пока же хотелось бы привести несколько положительных примеров, связанных с «запретными словами и темами». Возможно, они помогут вам в спорах с председательствующим (а возможно, и нет).

Вот, например, извечная для судов присяжных тема самооговора. Казалось бы, почему подсудимый не имеет право заявить присяжным о том, что на следствии он себя оговорил? Однако эта очевидная мысль, очевидна для кого угодно, кроме судьи и гособвинителя. Так именно заявление о самооговоре прокурор изложил в своем апелляционном представлении в качестве одной из основных (!) причин, по которой, по его мнению, оправдательный приговор должен был быть отменен. Но в этот день, видимо, звезды встали как-то уж очень изысканно, и ВС РФ в своем Апелляционном определении от 11 мая 2016 г. №41-АПУ16-5СП указал:

«Вопрос адвоката Ковалева относительно причин дачи подсудимым иных показаний в ходе следствия был снят председательствующим. А та форма, в которой подсудимый сообщил о том, что в этих показаниях оговорил себя, не противоречит закону, поскольку он не упоминал о совершенном самооговоре как следствии воздействия на него сотрудников правоохранительных органов. К тому же уголовно-процессуальный закон не содержит запрета для подсудимого по изложению оценки собственных показаний в ходе предварительного следствия как неправдивых. После высказывания им в последнем слове доводов о том, что он дал показания, "чтобы не остаться инвалидом", председательствующий незамедлительно прервал подсудимого и, обратившись к присяжным заседателям, разъяснил, чтобы эти доводы подсудимого были оставлены ими без внимания. Более того, в напутственном слове председательствующий судья дополнительно им напомнил об этом» и оправдательный приговор в этот раз устоял!

Примерно о том же идет речь и в Апелляционном определении ВС РФ от 25 февраля 2014 г. №41-АПУ14-8СП:

«(Из представления прокурора): А именно, в нарушение ч.1 ст.252 УПК РФ подсудимый Однорог А.С. в ходе судебного заседания давал негативную оценку действиям органов предварительного следствия, при даче показаний пояснил, что никакого конфликта между ним и потерпевшими, как пишет следователь, не было и он говорил это следователю, а после просмотра видеозаписи обратился к присяжным

заседателям и сказал, что он не понимает, почему находится под стражей 18 месяцев и ест баланду, что на дисках видеозапись разбита на 6 или 8 файлов, которые он насчитал, в которых находятся разные видеосюжеты, отсутствует все время нахождения его в ресторане, есть только выгодные следствию моменты, а главное он не увидел самый важный видеосюжет, когда он покинул ресторан, то есть этого отрезка просто нет, он его не видел. (...)

Несостоятельными, как не основанными на законе и противоречащие материалам дела, являются также доводы государственного обвинителя в апелляционном представлении о нарушении подсудимым Однорогом А.С. в ходе судебного заседания требований закона о пределах судебного разбирательства при обращении к присяжным заседателям после просмотра видеозаписи.

В соответствии с ч.1 ст.284 УПК РФ, осмотр вещественных доказательств проводится в судебном следствии по ходатайству сторон, и лица, которым предъявлены вещественные доказательства, вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» – приговор так же оставлен в силе.

Ну и, наконец, мое любимое. Допустимость постановки вопросов, обусловленных обвинительными доказательствами, законность которых узаконило Апелляционное определение ВС РФ от 18 марта 2013 г. №41-АПУ13-1СП:

«При допросе каких-либо вопросов стороны защиты председательствующий не снимал. Вопросы стороны защиты к потерпевшему, на которые имеется ссылка в апелляционном представлении, председательствующий снял в ходе дополнения стороной защиты судебного следствия. При этом судебная коллегия отмечает, что эти вопросы predeterminedены исследованными в судебном заседании доказательствами стороны обвинения.

Так, вопрос адвоката Шевченко Н.В. к потерпевшему С. о причине неприязненных отношений к погибшей Х. predetermined показаниями потерпевшего в судебном заседании при его допросе стороной обвинения, в которых он, в частности, показал, что к погибшим не ходил, с Х. не общался, она была негостеприимной.

Вопрос о времени ознакомления потерпевшего с материалами дела, когда он узнал, что преступление совершил подсудимый Холопов, был predetermined показаниями потерпевшего также при его допросе в судебном заседании стороной обвинения, в которых он, в частности, показал, что в ходе следствия, когда знакомился с материалами дела, узнал, что Х. убил внук.

Вопрос о том, кому принадлежали бадьи с брагой, указанные на исследованных в судебном заседании фотоснимках, был predetermined представлением стороной обвинения на обозрение присяжных заседателей фототаблицы.

Вопрос о том, где сейчас находятся часы погибшего С. был predetermined показаниями потерпевшего о том, что на день рождения отцу были подарены часы. Аналогично был задан вопрос подсудимого Золопова к потерпевшему С. об отношениях с соседями...» – оправдательный приговор оставлен в силе!

17.6 Общие условия подготовки допроса

В принципе, разделение всех свидетелей на свидетелей обвинения и свидетелей защиты – это глупость, поскольку в нашей правовой системе ярлык

свидетеля обвинения или свидетеля защиты по сути ничего не значит. Куда значимее, кто именно вызвал свидетеля, и в какой степени его показания подтверждают или опровергают версию обвинения или версию защиты. Раз так, то говоря о подготовке к допросу, имеет смысл разделить подготовку к допросу на ситуации, когда у защиты есть возможность предварительного контакта с допрашиваемым (в большинстве случаев это подзащитный, либо свидетель защиты), и когда такой возможности нет (в основном в случаях с потерпевшими или свидетелями обвинения). О втором случае мы поговорим ниже, а пока разберемся с подготовкой подсудимого и свидетелей защиты.

Подготовку к допросу свидетеля или подсудимого, естественно, следует начинать с изучения уже имеющихся материалов дела, подготовленных с его участием, а также информации о том – какими сведениями (из не фигурирующих в материалах дела, но имеющих к нему отношение) свидетель дополнительно располагает. Указанная информация должна быть соотнесена с выбранной стратегией защиты и ее целями. Однако надо иметь в виду, что не только стратегия влияет на показания свидетеля, но и потенциальные показания свидетеля обуславливают изменения, которые необходимо внести в стратегию. Ну а в идеале, конечно, показания свидетеля (как и любое другое доказательство) должны максимально соответствовать стратегии защиты и минимально противоречить ей. Вот только не надо думать, будто я склоняю вас к давлению на свидетелей, либо к принуждению их к даче ложных показаний! Просто даже в рамках действующего законодательства работы со свидетелем непочатый край, ибо слишком много нюансов, которые свидетель должен учитывать, приходя в суд. Например, показания свидетеля обычно затрагивают несколько различных аспектов. То есть свидетель может располагать сведениями непосредственно о событии преступления, о роли в нем подсудимого, об образе жизни подсудимого, о причинах оговора подсудимого со стороны других свидетелей и т.д. Соответственно, каждый из этих блоков нуждается, как минимум, в оценке со стороны защитника и, при наличии такой необходимости, уточнении имеющихся сведений. То есть необходимо продумать вопрос – как без изменения содержания (т.е. без дачи заведомо ложных показаний) уточнить формулировки информации для правильного ее восприятия присяжными. В основном это достигается путем уточнения контекста или оптимизации методов подачи фактического материала. Поэтому при подготовке к даче показаний необходимо, в первую очередь, определиться с тем, какую именно информацию следует донести до присяжных заседателей в ходе допроса, что из имеющихся сведений главное, а что второстепенное и т.д. Если важная для защиты информация не относится к сведениям, доведение которых до присяжных суд ограничивает (или будет пытаться ограничивать), то этого уже будет вполне достаточно.

В то же время, в ряде случаев, в свидетельских показаниях до сведения присяжных доводится информация, доведение которой (по мнению суда) незаконно. В этом случае, помимо непосредственно содержания информации, следует также отработать и форму ее подачи, с тем, чтобы суметь довести необходимые сведения не нарушая законодательства, но вопреки воле судьи и при активном противодействии со стороны прокурора. Для этого, прежде всего, необходимо проработать как вопросы формы и стилистики подачи информации, так и времени (момента) ее обнародования. Обычно подобную «конфликтогенную» информацию стараются давать максимально короткими фразами, не требующими значительных усилий для понимания смысла, поскольку ее порой приходится доводить буквально перекрикивая судью и прокурора.

Также, в большинстве случаев, сначала у свидетеля выясняется вся заведомо допустимая информация, и только потом, ближе к концу допроса, он озвучивает «спорные» моменты. Это необходимо, чтобы в случае пресечения и прекращения допроса по инициативе председательствующего, свидетель максимально полно донес до присяжных интересующие защиту сведения.

Например, подсудимому задается вопрос: «Являетесь ли вы националистом?». А вот теперь сравните два возможных ответа: «Да, являюсь» и «Если интересуется,

люблю ли я свою страну и свой народ – то да, являюсь, если интересуется, ненавижу ли я другие народы – то нет, не являюсь». Задача, соответственно, правильно сформулировать любую достоверную мысль!

Или вот два варианта ответа никоим образом друг другу не противоречащие, но вызывающие совершенно разное отношение к подсудимому со стороны слушателей (присяжных).

- Известно ли Вам о причастности Васи Пупкина к преступлению?

Варианты:

- Да, известно.

- Да, известно от следователя, который меня ранее допрашивал.

Разница в восприятии слушателем этих по сути-то одинаковых (почти) ответов весьма очевидна...

Важную роль в подготовке свидетеля к даче показаний в суде присяжных играет и психологический настрой. Причем, чем более важная информация будет доводиться до сведения присяжных, тем важнее роль настроя, поскольку придется буквально прорываться через околоскопические и совершенно незаконные препятствия со стороны суда и прокуратуры. Соответственно, свидетель должен быть заранее предупрежден о возможных конфликтах в ходе допроса с председательствующим и путях их решения. Задача адвоката просчитать возможные направления хода допроса и вероятные уловки обвинения, придумать способы их преодоления и отработать со свидетелями защиты или подсудимым правильные и законные реакции. Свидетель также должен быть осведомлен о типичных приемах и методах председательствующего и прокурора для саботирования дачи показаний неудобным свидетелем. Кроме того, свидетель должен быть готов к предполагаемым неудобным вопросам со стороны обвинения (неудобным, в первую очередь, за счет передергивания и вырывания информации из контекста).

При допросе у следователя, как правило, не особо важно насколько достоверно звучат показания. Важно лишь как будут выглядеть слова, записанные в протокол. Именно документ должен выглядеть достоверным. Соответственно, при ответе на вопросы на следствии можно особо не следить ни за мимикой, ни за невербальными жестами, зато можно достаточно долго думать над ответом и корректировать сказанное. Совершенно иное – в суде присяжных. Там достоверным должно выглядеть именно каждое слово, произнесенное при коллегии, а не записанное потом в протокол судебного заседания.

В идеале допрашиваемый, при подготовке к даче показаний, должен понимать и тактические приемы, и общую стратегическую цель допроса – с тем чтобы в нестандартных ситуациях не растеряться, а уметь симпровизировать так, чтобы в конечном итоге действовать в общем направлении защитительной стратегии.

Однако, помимо внепроцессуальных и психологических требований к подготовке допроса свидетеля, играют свою роль и требования процессуальные. Так, возвращаясь к вопросу о «запретных словах», необходимо убедить, научить, заставить свидетеля не пользоваться некоторыми словами и выражениями, совершенно не допустимыми при даче ответов в суде. К таковым относятся: «Я думаю, что...», «Мне кажется...», «По-моему ...», «Вроде бы...», «Наверное...» и пр. Еще раз напомним, что свидетель допрашивается только по известным ему обстоятельствам, соответственно все, что может быть истолковано судом как предположения, умозаключения, выводы и оценки – на суде присяжных тщательно отсеивается и запрещается. Так что, если не хотите, чтобы свидетеля через раз останавливали, добейтесь от него исключения указанных и им подобных выражений из лексикона...

Ранее уже перечислялись и подробно раскрывались обстоятельства, не подлежащие доведению до присяжных заседателей. В частности, сведения о личности подсудимого или потерпевшего, сведения о преступлениях, не являющихся предметом исследования по настоящему делу, сведения процессуального характера и т.д. Соответственно, если доведение таких сведений не предусмотрено стратегией защиты

(с вероятным сопутствующим конфликтом), то следует тщательно разъяснить свидетелю о недопустимости упоминания указанных обстоятельств. Нужно попробовать довести этот навык до автоматизма с тем, чтобы свидетель сам умел вовремя понять – какие именно сведения он не должен сообщать присяжным. Это важно в связи с тем, что довольно часто судьи используют подобные оговорки свидетелей как повод для их удаления из зала суда в связи с якобы «нарушением порядка в зале суда». Вот чтобы этого не случилось, надо научиться не давать суду такого повода.

Существуют ли какие-то специфические приемы и методы, используемые в допросах отдельных категорий участников процесса? Да полно! Взять хотя бы для примера допрос опознающего, то есть свидетеля ранее опознававшего подсудимого. Если опознающий действительно видел и хорошо запомнил подсудимого, то опровергнуть его показания будет крайне сложно, если вообще возможно. В то же время следствие не брезгует пользоваться услугами и «не совсем правильных» опознающих. Да, возможно, этот человек и был на месте преступления, и даже видел там преступника, однако с учетом стресса и краткости времени не смог его запомнить, и только благодаря специфическим приемам работы следствия он неожиданно «вспоминает», что преступником был именно подсудимый. Не редки случаи, когда опознающий вообще является подставным. Естественно, что на дачу показаний в суде такие «опознающие» приходят, заучив практически наизусть содержание своего протокола допроса и протокола опознания. В задачу защиты, в свою очередь, при подготовке к допросу такого свидетеля входит детальное изучение протоколов следственных действий, составленных с его участием, с целью выявления противоречий и «узких мест».

Вообще, что такое опознание и, прежде всего, опознание человека? Это сопоставление запечатленных в памяти опознающего отдельных черт человека с чертами имеющегося в наличии опознаваемого. Например, нередки случаи, когда опознающий заявляет, что опознал подсудимого по цвету волос, овалу лица и общему телосложению. Прекрасно. То есть из сказанного получается, что опознающий из всего многообразия черт человека запомнил только (если запомнил) цвет волос, телосложение и форму лица. Достаточно ли этих трех признаков для того, чтобы каждого, кто ими обладает, записывать в преступники?

Вот, скажем, опознающий заявляет, что опознал подсудимого по цвету волос и форме головы. Вроде бы убедительно, но! Давайте-ка вспомним, что опознающий не просто описывал форму головы и цвет волос в ходе опознания, а выбирал наиболее близкое к своему мыслительному образу лицо из трех предложенных кандидатур (опознаваемого и двух статистов). Таким образом, получается, что фактически имеет место не опознание, а скорее тестирование – выбор «правильного» ответа из трех предложенных вариантов. *Форма лица у подсудимого была точно такая как у преступника, либо наиболее похожая на форму лица преступника из числа трех опознаваемых? А насколько двое других статистов были похожи или не похожи на опознаваемого?* Вот эти вопросы-рассуждения тоже весьма действенны при допросе и последующем анализе результатов опознания в прениях. Просто нужно помнить, что на практике опознающий всегда выберет именно того, кто наиболее похож на преступника, точнее на тот образ, который ему удалось запомнить. Однако есть ли у нас уверенность, что он не выберет человека просто по той одной-двум приметам, которые смог хорошо запомнить? (Рыжий волосам, торчащим ушам и т.п.)

В суде с профсудьей опознающий, дающий показания в пользу обвинения, имеет полное право расслабиться и давать показания не особо напрягаясь. Его показания будут судом приняты, и им поверят несмотря ни на что. Зато в суде присяжных опознающие – довольно удобная мишень для сомнений адвокатов защиты. Дело в том, что следователи у нас, по большей части, не утруждают себя качественной работой на следственных действиях и на опознании в том числе. Они видят свою задачу преимущественно в том, чтобы в протоколе опознания все подписи были на

своих местах. Действительно, для профсудьи этого достаточно, а вот присяжным нужна еще и убедительность доказательства. И вот тут для защиты открывается широчайшее поле для работы. Ведь как у нас следаки в основном пишут опознания? «Опознаю по чертам лица, телосложению и цвету волос». Нет, конечно, в институте они изучали криминалистику, и составляли словесные портреты... Но на работе что тоже нужно работать по научной методике? Может, еще и дела по закону прикажите расследовать?! :) В итоге защитник может долго и въедливо выспрашивать про эти самые «черты лица» или «телосложение»... Да, к сожалению, адвокат в данном случае ограничен только вопросами о факте, а не о процедуре опознания, иначе в ином случае все было бы еще веселее, но и этого достаточно чтобы зародить в коллегии присяжных сомнения...

На самом деле, если бы следствие просто добросовестно выполнило свои обязанности, то опознание и выяснение по каким именно чертам был опознан обвиняемый, не было бы камнем преткновения в суде (опознание лучше всего вести по методике составления словесного портрета – полагаю, криминалистику в институте все учили). Так вот, если обвинение этого не сделало, то лучше всего это сделать защите. И тут начинается серия вопросов, направленных на выяснение разреза глаз, формы носа, и пр. и пр. Эффект такого допроса сравним с эффектом торнадо (для обвинения, естественно). Бивший себя в грудь «опознающий», заявлявший о том, что сразу же узнал подсудимого («зуб даю»), на вопросы о деталях внешности подсудимого начинает давать ответы типа «не знаю», «не помню», «не видел». Представляете, как после этого начинают воспринимать первичное опознание присяжные заседатели...

Короче говоря, детализируйте общие фразы опознаваемого о том, что он-де узнал подсудимого по овалу лица. Для этого **лучше всего использовать криминалистическую методику составления словесного портрета. Имейте ее под рукой и задавайте вопросы именно по ней с предложением конкретных вариантов ответа. Лайфхак: естественно, что сам подсудимый должен в этот момент прикрыть лицо во избежание возможности опознающего подглядывать.**

Как уже отмечалось, одним из «милых» приемов следствия, в случае неудачного опознания, является «постдопрос», в ходе которого опознающий заявляет, что на самом деле он узнал того, кого надо, но не сказал об этом, потому что боялся преступника. Зная о таком приеме, защитнику необходимо после опознания задать опознававшему вопросы, направленные на фиксацию того факта, что опознававший никого не боится, знает о том, что он имеет право ходатайствовать о проведении опознания при условиях, исключающих его наблюдение, знает о своем праве требовать государственную защиту и т.д. В дальнейшем эти вопросы либо сделают невозможным «постдопрос», либо будут весьма выгодно опровергать позицию обвинения в глазах присяжных заседателей...

Есть свои особенности и приемы допросов свидетелей обвинения, потерпевших, экспертов и специалистов... Однако раскрывать их, уж извините, не стану по уже озвученным причинам (сказанного и так достаточно для понимания КАК работать).

17.7 Типичные приемы саботажа допроса защиты

Говоря о допросе в суде присяжных, нет никакой возможности обойти стороной тему саботажа допроса, проводимого защитой, со стороны председательствующего судьи. Да, слово «саботаж», может быть, звучит несколько грубо и непривычно в контексте действий судьи, однако, если что-то выглядит как саботаж, звучит как саботаж и используется с целями саботажа, то, скорее всего, оно саботажем и является. Дело в том, что победить защиту процессуально возможно далеко не всегда, поэтому у суда всегда есть достаточно внепроцессуальных способов для того чтобы склонить чаши весов куда нужно. Вот их-то я и называю саботажем.

Чтобы обосновать справедливость использования выбранного термина, я бы хотел дать ссылку на один прелюбопытнейший документ - «Коллективную жалобу от свидетелей в Мосгорсуде» (дело полковника ГРУ Банова А.Ю.). Текст ее столь красноречив, что я привожу его полностью:

«Мы, граждане Российской Федерации, Савватеева Ирина Григорьевна, Змеева Фаина Александровна, Яковлева Татьяна Геннадьевна, Здоровцова Алла Николаевна, Банова Ольга Александровна, Зайцев Дмитрий Николаевич, Журавлев Антон Александрович, судьей Московского городского суда были вызваны для дачи показаний по делу Банова А.Ю., по обвинению его в организации убийства своего партнёра по бизнесу.

Переполненные волнением от удостоенной чести быть полезными правосудию и желанием достойно выполнить возложенную на нас функцию и помочь суду разобраться в деле, мы прибыли (из разных мест, в том числе, из г.Екатеринбурга) в суд для допроса в качестве свидетелей в указанные в повестках сроки.

Кто-то из нас несколько часов, а кто-то и несколько дней ожидал под дверью возможности быть допрошенными, есть те, кто после допроса оказался в больнице, а потом снова несколько дней был вынужден ожидать продолжения неоконченного допроса, но так и не был допрошен. Тех из нас, кто пытался зайти в судебный зал, объясняя, что прибыли в точно указанное судьей для их допроса время, многочисленные люди в форме, ссылаясь на распоряжение председательствующего в процессе судьи Костюкова А.В., не допускали в судебный зал, в весьма грубой форме требовали покинуть этаж, на котором проходило заседание.

Еще до начала допросов стало понятно, что известные нам по делу обстоятельства суду не интересны и не нужны, мы были вызваны из разных городов просто для того, чтобы соблюсти формальности. Создавалось впечатление, что приговор по делу вынесен ещё до допроса свидетелей, наши допросы не имеют никакого смысла и могут лишь помешать тем, кто уже всё по этому делу решил. В то же время нам было известно, что решение о виновности или невиновности подсудимого по данному делу должны принимать присяжные заседатели. Кроме того, статус свидетеля по указанному делу мы получили ещё до суда. Удостоверившись в ходе допросов в том, что каждому из нас известны обстоятельства, имеющие значение для разрешения указанного уголовного дела, следователь включил нас в список лиц, подлежащих вызову в суд, кого-то из нас со стороны обвинения, кого-то со стороны защиты, предупредив об обязательности явки по вызову суда и принятии принудительных мер, в случае отказа выполнить свой долг. В итоге, каждый из нас решил не покидать суд, на даче показаний настаивать, проявив упорство и терпение в своём желании сообщить суду известные по делу обстоятельства.

Допрос каждого из нас судья сначала проводил без присяжных, некоторым разъяснял при этом, что, если при присяжных ответим на вопрос иначе или сообщим то, что у нас именно сейчас не спрашивали, будем оштрафованы, привлечены к ответственности. Возражения участников процесса против оказания на нас давления таким способом вызывали усмешку судьи. Свидетеля Здоровцеву, знавшую погибшую с 2002 года, подсудимого Банова с 2008 года, работавшую с ними в компании «Милкинг», из-за доли в которой, по версии обвинения, была убита Медведева, до допроса при присяжных не допустили и выдворили

из зала после того, как она на вопрос прокурора ответила, что общалась с бывшими коллегами вплоть до убийства Медведевой, участие Банова в организации убийства Медведевой считает абсурдом. Считаем, что ей повезло, поскольку те из нас, кто был допущен до допроса при присяжных подверглись незаслуженным, по нашему мнению, оскорблениям, угрозам и унижениям.

От имени государственного обвинения нас допрашивала женщина (прокурор Семененко М.Э.), чей форменный мундир был явно перешит для публичной демонстрации её телесных форм. Вызывающе короткая юбка, расстёгнутая блузка на прокуроре оскорбляли память о погибшей и чувства тех, кто считал судебное разбирательство дела об убийстве серьёзным занятием. Поведение женщины в ходе допросов шокировало не меньше, чем её внешний вид. Когда, как мы поняли, наши ответы противоречили выдвинутой обвинением версии убийства, прокурор, заглушала наши ответы криками с места: «Во врёт-то», «Кто ж так врать научил?», «Сколько вам заплатили?», «Их подготовили», «Пока что вы свидетель» и пр., оказывая тем самым серьёзное влияние на оценку присяжными правдивости наших показаний. В адрес защитников, возражавших против оказания неправомерного влияния на процесс отправления правосудия, сыпались угрозы их уголовного преследования, оскорбления, требования «сидеть и молчать», присяжным сообщалось, что адвокаты тут деньги отработывают, в то время как она (Семененко) в форме, при погонах и со стороны государства. Нас, как и других участников процесса, просто запугивали и это не где-нибудь в подворотне, где стоит этого опасаться, а в суде, где, как мы полагали, вершится правосудие.

Все мы отметили, что судье было неловко, но перечить он не смел, за агрессивное и оскорбительное по отношению к другим участникам процесса поведение прокурора, он делал замечания защитникам, которые своими возражениями против такого поведения прокурора, как он выражался, мешали ей работать. Полагаем, что, в том числе, под влиянием демонстрации прокурором своего безграничного влияния, у присяжных, как и у нас (свидетелей), в тот момент сформировалось глубокое убеждение в том, что по указанию прокурора Семененко М.Э. любого из нас схватят и посадят в тюрьму, в случае, если мы посмеем высказать точку зрения отличную от его всем навязываемой. Трудно выразить словами все то, что мы испытали в ходе допросов, на которые были вызваны судом и добровольно прибыли из разных городов для оказания, как мы наивно полагали, суду помощи в разбирательстве серьезнейшего дела. Мы уже давно взрослые люди, но более униженного и беспомощного состояния никогда не испытывали.

Посчитав, что ничего общего с отправлением правосудия то, что мы видели не имеет, любое решение, принятое в такой обстановке не может быть справедливым и понятным, а именно такое решение может быть признано законным, желая, чтобы при проверке законности такого решения Верховный суд РФ обратил внимание на оказываемое на нас, других участников процесса в нашем присутствии, давление, мы обратились в суд с просьбой ознакомить нас с тем, как были зафиксированы наши допросы в протоколе судебного заседания. Получив протокол, мы обнаружили отсутствие в нём угроз и оскорблений, которым подвергались сами, в нашем присутствии другие участники процесса, неполноту и искажение наших показаний в пользу обвинения, отсутствовала в протоколе и оценка недостоверности наших показаний, которую судья и прокурор давали присяжным, прямо в

процессе наших допросов, из чего мы сделали окончательный вывод о том, что судья с прокурором Семененко знали, что действуют незаконно, но оказывали давление на поведение и мнение участников процесса, в чём правосудие, как нам представляется, не нуждается. Каждый из нас подал замечания на протокол, которые в полном объёме отклонены тем же судьей. Свидетели Яковлева и Зайцев ждут решения судьи по поданным несколько месяцев назад замечаниям до сих пор.

То, с чем мы столкнулись страшно и очень опасно тем, что абсолютно любой человек, независимо от наличия или отсутствия в его действиях угрозы для общества, может быть осужден на длительный срок посредством угроз и запугивания участников судебного процесса. Мы просим удостовериться в правдивости наших доводов посредством истребования из Московского городского суда аудио и видеозаписей указанного судебного заседания, которые, как и записи других заседаний, согласно публичному интервью одного из заместителей руководителя Московского городского суда, хранятся в архиве суда и могут быть воспроизведены в любой момент. Мы просим разобраться в случившемся с нами в суде, просим вернуть нам веру в правосудие, в случае подтверждения изъятых записями изложенных нами доводов, предоставить возможность честно, открыто и спокойно выполнить свой

гражданский

долг».

Источник: <http://narodedin.com/post/kollektivnaja-zhaloba-ot-svidetelej-v-mosgorsude---delo-polkovnika-gru-banova-a.-ju./>

Что тут можно сказать? Остается только развести руками и добавить, что многим изложенным в заявлении фактам я и сам не раз был свидетелем в различных судебных процессах. Полагаю, процитированный документ дает достаточные основания утверждать об актуальности темы саботажа работы защиты со стороны суда и обвинения. Причем особую остроту эта проблема приобретает именно в ходе проведения допросов. Далее перечислим наиболее часто встречающиеся формы саботажа работы защиты на допросах.

17.7.1 Вмешательство в ход допроса

По сути это не отдельный прием, а их совокупность. Частные случаи такого метода будут разобраны отдельно, пока же следует знать, что данный прием заключается во вмешательстве, под различными предложениями, судьи (иногда в паре с прокурором) в ход допроса, проводимого стороной защиты. Цель такого вмешательства – сбить с мысли и защитника, и допрашиваемого, усложнить правильное понимание или запоминание оглашенных в ходе допроса сведений присяжными, сорвать или вообще исключить возможность получения ответов по наиболее неприятным для обвинения вопросам. Основанием же для такого вмешательства может стать что угодно. Как правило, это выявленные судьей явные или мнимые нарушения закона, судебной практики, нарушение требований самого судьи и т.п. В ход идут мелкие придирки к формулировкам, содержанию, тематике вопросов. Судья может регулярно «усматривать» в вопросах защиты «наводящие вопросы» (в т.ч. и в случаях, когда их нет и в помине), придирается к некорректным и «некорректным» формулировкам, выявлять пресловутую «процессуальность», неотносимость и недопустимость.

В борьбе с этим методом саботажа работы защиты играют свою роль как действия адвокатов, которые должны возражать против действий председательствующего и пытаться пресекать саботаж по мере своих сил и возможностей, так и соответствующая активность допрашиваемого (свидетеля или подсудимого).

Также свидетель должен быть проинструктирован о возможном искусственном нагнетании конфликта со стороны прокурора или судьи именно с целью саботирования допроса, вплоть до удаления свидетеля из зала суда. Поводы для таких конфликтов могут быть самые разнообразные. Например, очень часто судьи любят разыгрывать целый спектакль с элементами драмы в случае, если задан недопустимый, по их мнению, вопрос или дан ответ, затрагивающий темы, которые не должны быть затронуты. В итоге, вместо того, чтобы снять вопрос или прервать дачу ответа, судьи начинают сообщать присяжным свои измышления о том, что все это делается стороной защиты специально, и защитники со свидетелями должны заранее знать, а лучше предугадывать мнение судьи по тем или иным еще не высказанным вопросам. Короче, свидетель защиты часто воспринимается судом и обвинением как личный враг. При этом враждебность к нему тем больше, чем менее выгодны его показания стороне обвинения. Так и живем...

17.7.2 Переформулирование вопросов защиты

В данном случае речь о том, что судья регулярно изменяет и корректирует вопросы, задаваемые стороной защиты, якобы приводя их в соответствие с законом. Настоящие цели тут могут быть самые разнообразные – это может быть саботирование допроса, путем изменения вопроса, для того чтобы не получить негативного для обвинения ответа или «подсказать» нужному свидетелю правильный ответ (и да, вы правильно поняли, в этом случае судья применяет наводящие вопросы совершенно беспардонно). Соответственно, защите необходимо фиксировать такие действия судьи, выяснять – снят ли вопрос в формулировке стороны защиты, и если снят, то на каком основании.

17.7.3 Комментирование вопроса или ответа

Тут цели в общем-то те же, что и в предыдущем случае. Сам прием заключается в том, чтобы либо придать ответу нужное звучание, либо просто комментарием (порой на грани хамства) сбить допрашиваемого с мысли, внести неразбериху в ход дачи показаний и т.д.

В самых экстремальных случаях судьи умудряются опускаться до комментариев, носящих ясно выраженный характер сомнения в ответе свидетеля (свидетеля защиты, естественно), а порой и до оскорблений допрашиваемого разной степени «закамуфлированности». В одном из процессов в привычке председательствующего было систематическое комментирование не нравящихся ему ответов свидетелей репликой «Все всем и так понятно», что должно было означать его очевидное недоверие к показаниям. Нередко судьи пытаются «уличать» свидетелей защиты во «фрагментарной памяти» с целью формирования недоверия к показаниям свидетеля. Здесь в ход идут реплики типа «А почему это вы так хорошо помните информацию, интересующую защиту, но забываете то, о чем спрашивает вас обвинение?».

Еще одна сфера использования этого приема – корректировка неудобных ответов допрашиваемого. Вплоть до того, что судья «разъясняет», что именно имел в виду допрашиваемый, или как присяжным следует понимать его слова! Например, известны ситуации, когда председательствующий в ответ на вопрос защиты дает ответ за допрашиваемого, исходя из трактовок ранее данных им ответов. В частности, на вопрос: «Знакомы ли вы с подсудимым?» - судья вполне может помочь допрашиваемому, заявив: «Не знаком, он же ранее говорил, что видит его в первый раз» (прекрасно понимая, что знакомство могло носить и заочный характер).

Так, в одном из процессов, отвечая на вопрос: «Кому еще известно о том, что подсудимый имел отношение к криминалу?», свидетель обвинения ответил, что это известно всему поселку (в котором происходили события). Председательствующий,

прекрасно понимая, что этот ответ предоставляет защите прекрасную возможность привести несколько десятков жителей этого поселка и показательно опровергнуть заявление свидетеля обвинения, уличив его во лжи, тут же заявил, что это следует понимать иносказательно...

Противодействие этому приему должно вестись совместно защитником и допрашиваемым – и состоять в систематических просьбах к председательствующему не комментировать ответы, поскольку это не только незаконно, но и, как минимум, не этично.

17.7.4 Запугивание, снятие, прерывание и ограничение

Да-да! **Запугивание** – это тоже еще один эффективный прием в багаже судьи. Задача такая: используя малозначительные предлоги (или вообще действуя при их отсутствии), застрашивать свидетеля карами страшными, сломить его волю к любому слову поперек воли председательствующего. Тут в ход идет все что угодно, порой доходя до абсурдного – свидетель не так стоит, не тем тоном говорит. Ну а в дальнейшем, если это сработало, сформированный перед ним страх судья использует для пресечения любых показаний, идущих на пользу подсудимому. Сюда же можно отнести и необоснованно частое упоминание к месту, и не к месту, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Так что свидетелю необходимо разъяснить реальное положение дел, действительно возможную ответственность за нарушение правил судопроизводства, и привить ему тем самым своего рода иммунитет от давления, купировать страх у которого, как известно, «глаза велики».

Снятие вопросов и запрещение дачи ответов. Следующий прием, суть которого, в принципе, ясна и без всяких комментариев. Причины снятия вопросов и запрещение давать ответы могут быть самыми разными – от сколько-нибудь обоснованных до пресловутого судейского усмотрения («я так вижу»). В данном случае можно лишь порекомендовать постараться-таки произнести вопрос и добиться, чтобы он был отражен в протоколе судебного заседания вместе со снятием.

Прерывание допроса и запрещение производства допроса вообще – один из самых радикальных методов. Применяется в случаях, когда ситуация выходит из-под контроля обвинения окончательно. Основанием прерывания допроса может быть как какое-то мелкое нарушение со стороны участника процесса, так и неожиданное решение судьи о том, что сегодняшний рабочий день заканчивается как раз в самый пиковый момент допроса... Запрет же дальнейшего допроса обычно мотивируется нарушениями, допущенными допрашиваемым. В этом случае допрашиваемый удаляется, а допрос судья объявляет окончанным. Не забудьте протестовать по тому поводу в протокол!

Ограничение времени допроса или количества задаваемых вопросов. Также вполне очевидный метод. Незаконно? Ну да, незаконно... С точки зрения УПК РФ незаконно, а с точки зрения его трактования судьей – нормально. Впрочем, есть и субвариант этого метода, когда судья просто торопит стороны (обычно только защиту, естественно) в ведении допроса, однако в ответ на прямой вопрос защитника: «Вы запрещаете дальнейший допрос?» - судья-«гонщик» обычно идет на попятную и разрешает продолжать допрос как ни в чем не бывало. То есть имеет место, как говорят некоторые клиенты адвокатов, «взятие на понт».

17.7.5 Предварительный допрос

Особо «гениальное» изобретение российской судебной системы. Один из излюбленных приемов при работе со свидетелями защиты, особенно с теми, кто не давал показания на предварительном следствии. Предварительный допрос такого свидетеля, соответственно, проводится в отсутствие присяжных заседателей. Что? Говорите, такой процедуры в УПК РФ не прописано? Ну да, не прописано. Но если

председательствующему судье хочется – значит можно. А хочется им практически всем и очень сильно.

Суть этого приема заключается в том, что пришедший в суд по инициативе защиты свидетель изначально кратко допрашивается судьей (возможно и прокурором) в отсутствие присяжных заседателей о том, что ему известно по делу, и только после этого председательствующий принимает решение о его допросе (или не допросе) в присутствии присяжных заседателей. Законно ли это? УПК по этому поводу молчит, но с точки зрения ВС РФ – все законно, хотя никаких норм права, разрешающих указанное действие, ВС РФ в своих решениях привести тоже, естественно, не может.

Так в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2012 г. №51-О12-15сп, в ответ на довод кассационной жалобы стороны защиты о незаконности предварительного допроса, указано:

«С учетом особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, указанных в статье 335 УПК РФ, председательствующим судьей не допущено нарушения прав подсудимых тем, что допрос свидетелей по заявленным стороной защиты ходатайствам проводился председательствующим вначале без участия присяжных заседателей. Доводы кассационных жалоб в этой части являются несостоятельными».

В целом, по мнению ВС РФ (см. также Апелляционное определение от 14 ноября 2013 г. №14-АПУ13-12), «предварительный допрос» направлен на выяснение без присяжных заседателей фактов, могущих ставить под сомнение допустимость или относимость доказательств. Это, правда, если забыть, что вообще-то у суда есть право прерывать показания свидетеля и снимать вопросы, направленные на выяснение допустимости доказательств. Но этого судьям мало, поэтому они присвоили себе новое право на «предварительный допрос», благо одернуть их некому. Ну, а раз такое право они себе придумали, то грех им пользоваться для того, чтобы облегчить работу обвинению. Короче говоря, чтобы адвокаты не говорили в своих жалобах, ВС РФ занимает ту позицию, которую занимает.

В Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2011 г. №56-О11-52сп ВС РФ даже сделал вывод о том, что предварительный допрос не влияет на мнение присяжных заседателей:

«Предварительный допрос свидетеля В. в отсутствие присяжных заседателей не следует расценивать нарушением уголовно-процессуального закона. Данная процедура допроса свидетеля (вначале допрос свидетеля без присяжных заседателей, а затем с их участием) никоим образом не могла повлиять на мнение присяжных заседателей при вынесении ими... вердикта».

Полностью, в общем-то, согласен в данном случае с ВС РФ. Предварительный допрос действительно выдуман судьями не для оказания влияния на присяжных. Задачи тут совершенно иные (влияние на свидетеля и помощь обвинению в подготовке к допросу уже с присяжными). Словом, остается только учиться работать с этим юридическим изыском.

В чем еще опасность данного действия для стороны защиты? Если судья действительно пытается выяснить, насколько планируемые показания допустимы и относимы, это еще полбеды. С этим даже отчасти можно согласиться (ну нет такой процедуры в УПК, подумаешь). Однако имеются случаи, когда «предварительный допрос» используется судьями для выяснения уровня опасности свидетельских показаний для обвинения и нейтрализации показаний свидетеля защиты заранее. Любым путем, включая отказ в допросе при присяжных.

Один из судей регулярно пользовался следующим приемом: первым же вопросом на «предварительном допросе» он спрашивал у свидетеля: «Что вам известно по существу дела?». Порой свидетель весьма смутно себе представляет судебную процедуру, о чем именно его будут спрашивать, и как все то, что он может рассказать,

относится к «существу дела». Так что неудивительно, что свидетель от неожиданности на такой вопрос отвечал: «Ничего», подразумевая, например, что он не был непосредственным свидетелем убийства и т.п. После чего судья второпях, не слушая никаких аргументов, принимал решение о запрете допроса данного свидетеля, по причине того, что он не обладает сведениями о предмете судебного разбирательства. На любые возражения со стороны защиты судья «включал дурака» и демонстративно «не понимал», что ему говорили. Впрочем, закончилось для этого судьи все самоотводом...

Кроме того, опасен этот т.н. «предварительный допрос» и тем, что сторона обвинения загодя узнает, кто и по каким вопросам будет допрошен. В итоге у обвинения появляется некоторый «задел во времени» для наведения справок о свидетеле защиты, выяснении его отношений с подсудимыми и пр.

Также, конечно, предварительный допрос часто используется в качестве эффективного метода воздействия на свидетеля. Благо (для судьи), что присяжные заседатели этого не видят и не слышат, а потому не могут составить свое мнение об объективности и непредвзятости председательствующего, когда он, например, откровенно давит на свидетеля и запугивает его возможными последствиями «дачи заведомо ложных показаний», а также заранее выдвигает свидетелю требования не сообщать присяжным заседателям ту или иную информацию.

Но особенно опасен предварительный допрос в случаях, когда сторона защиты пытается использовать определенные тактические приемы для доведения до присяжных тех или иных «запретных знаний», например, о применении к подсудимому пыток или обмана, наличии сведений о причастности к преступлению других лиц, либо имеющихся у свидетелей обвинения мотивов для оговора подсудимого. Растерявшись, свидетель может озвучить эти «заготовки» председательствующему со всеми вытекающими отсюда последствиями (отказе в допросе при присяжных). Соответственно, свидетель защиты должен быть подготовлен к «предварительному допросу», ему должно быть понятно, какую информацию он может, а какую не должен озвучивать в отсутствие присяжных заседателей.

Также, помимо выяснения того, какую информацию, не подлежащую (по мнению судьи) доведению до присяжных, свидетель может огласить, судьи часто используют предварительный допрос для ограничения объемов показаний свидетеля (об этом можно – об этом нет). И, наконец, имеют место случаи, когда судья не позволяет в присутствии присяжных выяснять у допрашиваемого те вопросы, которые ранее не были заданы допрашиваемому без присяжных (не пытайтесь, мол, обхитрить казино).

То есть предварительный допрос служит, во-первых, для выяснения обстоятельств, по которым свидетель будет давать показания, во-вторых, для ограничения объема и тематики его показаний и, наконец, для нахождения повода для запрета допроса свидетеля защиты.

Таким образом, свидетеля необходимо проинструктировать о возможности такого «предварительного допроса» и о том, какие именно ответы следует давать и как себя вообще вести. Более того, в некоторых случаях, имеет смысл согласиться на «предварительный допрос», а порой даже самому о нем ходатайствовать! Задачей свидетеля, в данном случае, является не столько подробно и полно ответить на задаваемые ему вопросы, сколько показать, что он действительно обладает сведениями, непосредственно касающимися существа дела и при этом не затрагивающими вопросы допустимости доказательств.

Итого: допрос без присяжных – любопытная форма допроса, характерная исключительно для суда с присяжными (уж, извините за каламбур). Самое удивительное, что допрос без присяжных или «преддопрос» бывает ценен и для стороны защиты. Например, иногда приходится пользоваться этой формой допроса для того, чтобы зафиксировать в протоколе судебного заседания факт того, что тот или

иной свидетель обладает конкретными сведениями, относящимися к существу дела. В дальнейшем на основе этих показаний можно либо ходатайствовать о допросе этого свидетеля с присяжными, либо, в случае отказа, сослаться на эти показания в апелляционной жалобе в обоснование заявлений об ограничении стороны защиты в предоставлении доказательств. Из этой же серии, кстати, и подача ходатайств с приложением объяснений требуемого свидетеля...

17.7.6 Иные методы саботажа допросов защиты

Их, увы, еще не мало. Например, **ограничение свидетелей в праве пользоваться личными записями и документами.** Еще один, так сказать, привет из параллельной правовой реальности. Если бы сам с такими фактами не сталкивался – не поверил бы. В главе 1 книги подобный казус уже разбирался, напомним в двух словах: по делу саранского бизнесмена Юрия Шорчева был эпизод, когда приглашенный стороной защиты специалист стал давать показания, опираясь на собственные записи, в которых были отражены некоторые из фактов дела им проанализированные. Судья первым делом тогда заявил, что специалист (которого он сам согласился допросить в качестве свидетеля) не имеет права пользоваться при даче показаний своими черновиками. Когда по этому поводу возник спор, судья объявил перерыв и забрав у свидетеля (между прочим без его разрешения) записи, скрылся в совещательной комнате. Буквально тут же один из прокуроров выбежал из зала суда типа подышать свежим воздухом, а вернулся аккуратно за полминуты до выхода судьи с перерыва. Ну и конечно, когда в продолжившийся полемике о праве свидетеля на использование своих записей при даче показаний, прокурор привел ряд аргументов по содержанию этих самых, отобранных судьей у свидетеля, записей – этому уже никто не удивился...

Ограничение в праве демонстрации свидетелю каких-либо доказательств. Тоже известный и широко практикуемый прием. Можно рассматривать как еще один яркий пример судейской софистики: судья запрещает говорить свидетелю о каких-то документах или предметах на том основании, что «мы их еще не изучали», зато, когда защита в дальнейшем поднимет вопрос об их изучении – заявит, что нет оснований их изучать. Странная позиция, поскольку, если это доказательство не будет фигурировать в показаниях свидетеля, то какие тогда основания его изучать? В общем, хорошо устроились... Еще один судейский мотив отказать в предъявлении доказательства – заявить, что свидетель допрашивается в рамках представления доказательств стороной обвинения, а она о демонстрации доказательства не ходатайствовала. Ну, или еще лучше вариант: «Сейчас у нас идет допрос свидетеля, а не предъявление вещественных доказательств. Вот после окончания допроса и будете предъявлять». Грустный смайлик.

Подыгрывание обвинению и избирательная «внимательность». Можете быть уверены, что все выше и нижеперечисленные приемы саботажа «чудесным образом» будут применяться только к стороне защиты и миновать сторону обвинения. Большинство судей почему-то «не слышат» наводящих вопросов и комментариев ответов со стороны обвинения, хотя до этого прекрасно слышали все это в вопросах защиты.

Детализация показаний и повторные вопросы. Вроде бы вполне законный метод выявления неискренности в показаниях свидетеля, однако в суде присяжных он становится серьезной «дубиной» в руках обвинения, приобретая новые черты и грани. Неоднократное повторение одного и того же вопроса в разных редакциях иногда позволяет создать мнимые противоречия, либо вынудить свидетеля произнести ответ так, как нужно прокурору. Поэтому свидетель защиты должен быть готов к максимальной детализации своих показаний под нажимом со стороны прокурора и судьи. Порой эта детализация – как попытка уличить свидетеля в непоследовательности и т.д. – принимает совершенно неприличные формы, и тогда тема допроса уходит уже далеко в сторону не только от предъявленного обвинения, но

и от существа дела в целом. Свидетель должен быть стрессоустойчив и терпеливо отвечать на все эти наскоки со стороны обвинения.

Одним из самых экстремальных способов уйти от этой тягомотины с повторными вопросами является отказ от дачи ответа на основании статьи 51 Конституции РФ. Однако этот маневр должен быть досконально продуман и реализован – присяжные должны понять, что свидетель отказывается отвечать на вопросы прокурора или судьи не потому, что он реально опасается, что его показания будут использованы против него самого или его близких, а именно в качестве протеста против очевидно бессмысленных и утомительных вопросов обвинения.

А на попытки обвинения или судьи задавать подсудимому повторяющиеся вопросы для «выведения его на чистую воду», можно порекомендовать ему после дачи двух-трех ответов послать вопрошающего в протокол судебного заседания, чтобы в нем посмотреть – как именно он ответил на этот вопрос ранее.

Также подсудимому не следует стесняться селективного подхода к ответам на вопросы суда и обвинения. Подсудимый, в силу своего статуса, вполне может это себе позволить. То есть в ходе допроса подсудимый сам решат – на какие вопросы ему имеет смысл ответить, а на какие (прежде всего, провокационные) – нет. Как-то раз нам даже пришлось воспользоваться любимой судейской фишкой – **отказываясь отвечать на очередной вопрос председательствующего, подсудимый мотивировал свой отказ тем, что вопрос судьи выходит за рамки предъявленного обвинения или призван оказать на присяжных недопустимое воздействие!** Ох, как приятно было после этого посмотреть на реакцию судьи... Причем это самое удовольствие получил не только я и подсудимый, но и присяжные заседатели, участвовавшие в этом процессе. Для них-то к тому времени вся «непредвзятость» председательствующего уже давно стала понятна...

Кстати, детализацию показаний может использовать и сторона защиты, однако, это сопряжено с известными трудностями. Прежде всего, с сопротивлением такой форме допроса со стороны председательствующего. Хотя, себе в утешение, следует сказать, что иногда запреты председательствующего идут только на пользу стороне защиты, поскольку, протестуя против них, у адвокатов (при должном уровне импровизации) появляется неплохой шанс донести до присяжных гораздо больше ценной информации, чем та, которую бы они почерпнули из ответа допрашиваемого.

Ну и еще один бонусный эффект от легких препирательств с судьей – привлечение внимания присяжных. Как говорил мне один из экс-присяжных: «Как только судья заявляет – присяжные, не принимайте это во внимание – значит надо проснуться и послушать, потому что явно что-то интересное происходит».

Тенденциозные вопросы. Приходилось, однако, встречать в практике суда и обвинения и более тонкие приемы получения нужных ответов от допрашиваемых. К ним, прежде всего, относятся т.н. тенденциозные вопросы, то есть вопросы, направленные на акцентуацию внимания присяжных на выгодных для обвинения моментах. Например, в одном из процессов свидетель в ходе допроса давал показания в пользу подсудимого. И вдруг судья задал вопрос: «Вы знакомы с кем-то из родственников подсудимого?». Свидетель честно ответил, что знаком с его матерью. На этом судья вопросы задавать прекратил, посчитав что дело сделано. Прекрасно понимая, к чему это было устроено, защита продолжила задавать вопросы: «А мать подсудимого просила вас изменить показания или как-то иным путем помочь сыну?», «А если бы такая просьба была, вы бы ее выполнили?», «Желаете ли вы, чтобы подсудимый избежал заслуженного наказания, если он действительно совершил преступление?». Естественно, что на это были получены отрицательные ответы, в результате чего эффект от тенденциозного (провокационного) вопроса был сведен к нулю. Однако далеко не всегда удается вовремя заметить и купировать такие вопросы и оперативно придумать против них «противоядие».

Да, кстати, описанный прием постановки тенденциозных вопросов, прекрасно работает и в обратную сторону, так что имеет смысл его запомнить...

Форсированный темп допроса. Это еще один излюбленный прием обвинения (и судьи) – ускорение темпа допроса с постоянной сменой темы разговора. Это здорово сбивает с толку неподготовленного человека, вынуждает его делать ошибки и допускать неточности. Даже если свидетель честнейший человек и говорит только правду, даже в этом случае его могут просто-напросто сбить с мысли, заставить заикаться и т.д. Более того, ускоренный темп допроса вынуждает допрашиваемого выдавать первые пришедшие в голову (и далеко не всегда самые удачные) формулировки своих ответов.

Однако форсированный темп допроса, да еще и вкуче с наведенной председательствующим нервозностью, опасен еще и тем, что позволяет реализовывать совершенно софистские и демагогические приемы, связанные с подменой понятий, игрой со смыслом, неоднозначностью формулировок и т.п.

Словом, присмотритесь к председательствующему. Если описанный прием им практикуется – готовьте свидетеля к нему и морально и фактически. Соответственно, допрашиваемый должен иметь хотя бы начальный навык по поиску в заданных ему вопросах двойных смыслов, подбору необходимых (однозначных) терминов и выражений, свидетель должен уметь менять темп допроса, переводя его с форсированного режима на нормальный и т.д. Дайте свидетелю несколько вариантов действий в подобных ситуациях, отработайте их применение до автоматизма. Например, неплохо себя зарекомендовали следующие реплики: «Ваша честь, вы задаете вопросы слишком быстро, я еще не ответил до конца на ваш предыдущий вопрос. Надо ли мне на него отвечать, или вы его снимаете?», «Ваша честь, вы спрашиваете меня об обстоятельствах, которые имели место достаточно давно, мне необходимо некоторое время чтобы вспомнить их в деталях и сообщить вам, не допустив невольных ошибок», «Ваша честь, не могли бы вы повторить вопрос, я несколько глуховат», «Ваша честь, я не понял вашего предыдущего вопроса, что конкретно вы имели ввиду, утверждая в нем, что...?» и т.п. Главное свидетелю не следует бояться уточнять позицию судьи по тому или иному вопросу: «Могу ли я продолжить ответ на предыдущий вопрос, я еще не все сказал? Нет? Вы сняли предыдущий вопрос? Не сняли? Вы запрещаете мне на него отвечать? Если нет, я бы хотел продолжить, поскольку частичный ответ на него будет неправильно понят и введет стороны в заблуждение».

А вот еще один излюбленный прием председательствующих, строго-настрого запрещенный защите, и милостиво дозволяемый себе любимому: допрашиваемому задается серия вопросов, направленных на выяснение какого-либо одного обстоятельства, при этом получаемые ответы игнорируются ровно до того момента, пока не будучи окончательно сбитым с толку, свидетель не озвучивает нужного обвинению варианта ответа. В этом случае отвечающий должен четко понимать, о чем именно его спрашивают и не стесняться давать на повторные вопросы один и тот же повторный ответ:

- Свидетель, какого цвета была шапка на потерпевшем?
- Зеленая.
- Вы уверены?
- Да.
- Вы могли перепутать ее цвет?
- Нет.
- Точно зеленая?
- Зеленая.
- Может быть, освещение было недостаточным?
- Достаточно для того, чтобы разглядеть зеленый цвет шапки.

Сюда же относится и излишняя детализация, когда в этом нет необходимости:

- Свидетель, когда вы познакомились с обвиняемым?
- В конце лета 2003 года.
- В конце – это когда именно, в каком месяце?

- Не помню в каком месяце, помню, что это было где-то в конце лета.
- Конец лета в вашем понимании - это август, июль или, может, сентябрь?
- Я не помню месяца, у меня в памяти отложилось только то, что это был конец лета.
- Это могло быть, например, в июле?
- Это было в конце лета 2003 года.

Полагаю, из сказанного становится ясно, что, приглашая в суд с участием присяжных заседателей свидетеля защиты, не следует пренебрегать его предварительным инструктажем о том, что его ждет в зале заседаний. То есть надо еще раз подчеркнуть: речь идет не о том, ЧТО говорить, а исключительно о том, КАК говорить и как реагировать на те или иные «милые шуточки» суда и обвинения. Я обычно инструктирую свидетелей, помимо прочего, также по следующим пунктам:

1) Свидетель должен понимать, что любые выкрики и паясничание прокурора не имеет никакого значения и не являются препятствием для дачи показаний, пока вопрос не будет снят председательствующим судьей;

2) Свидетель не должен стесняться уточнять суть вопроса, заданного судом или прокурором, если это ему не понятно;

3) Свидетель должен пресекать (жестко, но корректно) любые попытки приписать ему то, чего он на самом деле не говорил, либо исказить суть его ответа комментарием.

Что ж, закрывая данный параграф, следует добавить, что, конечно, мы тут осветили не все возможные приемы и методы противодействия саботажу со стороны суда и обвинения, однако главное, что нужно знать – это то, что неожиданность и нетипичность действий – это один из немногих союзников адвоката на суде.

Также еще раз можно повторить, что если подсудимый в ходе дачи показаний еще имеет хоть какой-то небольшой простор для маневра (в т.ч. право на отказ давать ответы на вопросы обвинения и суда), то свидетель, в большинстве случаев, лишен и такой возможности, а посему, идя на допрос, он должен запастись ангельским терпением и ангельским же упорством в озвучивании своих ответов.

17.8 Допрос подсудимого

Итак, допрос свидетеля защиты отличается от допроса подсудимого, прежде всего, тем, что подсудимый менее скован в маневре. Он может выбирать – на какие вопросы он будет отвечать, а на какие – нет. Он не скован рамками вопросов, которые ставят ему стороны, и вполне может изложить свои соображения в формате свободного рассказа, поделиться с присяжными не только известными ему фактами, но и их оценками и интерпретациями. Плюс у защиты есть возможность отрепетировать допрос и подготовить к нему подсудимого. Первой вопросы подсудимому задает сторона защиты, таким образом, есть возможность упредить наиболее неприятные вопросы обвинения, раскрыть те или иные подробности в выгодном для защиты свете. И еще подсудимый может самостоятельно выбирать время (в какой момент по ходу движения дела в суде начать давать показания – в его начале или наоборот конце) и объемы своего допроса. В остальном, каких-либо принципиальных различий между допросами подсудимого и свидетеля (о чем преимущественно говорилось в предыдущих параграфах), а также в подготовке к ним – нет.

С другой стороны, изложить все нюансы допроса именно подсудимого крайне проблематично и, прежде всего, потому что типовых уголовных дел (присяжных) и типовых преступлений не бывает. Впрочем, на одном важном моменте в подготовке допроса подсудимого я все же хотел бы остановиться подробнее. Планируя допрос подсудимого, помимо прочего, обязательно следует определиться – когда именно и в каком объеме следует давать показания. Имеющиеся варианты рассмотрим далее.

17.8.1 Дача показаний подсудимым в конце судебного следствия

Это наиболее распространенный вариант, имеющий ряд неоспоримых преимуществ. К ним, в первую очередь, следует отнести тот факт, что именно в конце судебного процесса, когда сторона обвинения уже представила все свои доказательства, у стороны защиты (подсудимого) возникает наиболее благоприятная возможность для дачи показаний. Имеется возможность учесть все нюансы доказательственной базы по делу, все недостатки и просчеты обвинения. Исходя из всего этого, можно окончательно скорректировать и «заострить» свои показания.

Еще одним преимуществом дачи показаний в конце суда является возможность дать в показаниях пусть и частичный, но все же анализ изученных доказательств, объяснение тем или иным фактам, установленным в ходе судебного следствия, озвучить перед присяжными целостную картину защитительной версии.

Наконец, следует учитывать и многократно описанный «эффект края», то есть как говорилось в фильме «Семнадцать мгновений весны» – «Штирлиц знал, что лучше всего запоминается последняя фраза».

Как таковых, серьезных недостатков у этого тактического приема нет, однако, в конкретном деле могут присутствовать свои нюансы, которые могут заставить защиту сделать выбор в пользу альтернативных вариантов момента дачи показаний.

17.8.2 Дача показаний в начале судебного следствия

Этот вариант неплохо подходит для простых дел, то есть для дел с минимальным количеством подсудимых и вмененных эпизодов. Также одним из обязательных условий его применения является уверенность защиты в отсутствии сюрпризов со стороны обвинения, и отсутствие оснований считать, что преждевременно данные показания позволят стороне обвинения сработать на их опровержение.

Сильной стороной такого варианта защиты является то, что, дав показания в начале судебного следствия, т.е. еще перед представлением доказательств стороной обвинения, у защиты и подсудимого есть прекрасная возможность сформировать у присяжных необходимый контекст, настрой восприятия доказательств обвинения. Однако надо понимать, что такой вариант имеет смысл применять только в случаях, когда подсудимый реально умеет давать показания. В противном случае, если он косноязычен и не хватает звезд с неба в интеллектуальном плане, эффект может быть совершенно иной... Так что, если можете и хотите – яркий допрос подсудимого в начале судебного следствия позволит стороне защиты задать тон всего дальнейшего судебного процесса, позволит перехватить инициативу у стороны обвинения и представить свою версию событий раньше, чем это сделает прокурор.

Однако, идти на такой шаг, повторюсь, следует только в случае, если доказательственная база обвинения защите известна и каких-то сюрпризов в ней не предвидится. Поскольку в противном случае есть вероятность того что, рассказав присяжным свою версию событий, можно быть в дальнейшем уличенным во лжи в каком-либо факте, а этого присяжные не простят... Так что давать показания в начале судебного следствия имеет смысл в том случае, когда позиция защиты не сводится к простому отрицанию обвинения, а имеет выработанную контрверсию, которую можно целостно изложить присяжным взамен зачитанного прокурором обвинения.

Еще один положительный момент от дачи показаний в начале суда (о котором часто забывают) в том, что, дав показания в начале судебного заседания, сторона защиты получает возможность задавать подсудимому вопросы в течение всего последующего судебного следствия, в том числе сразу после исследования обвинением того или иного доказательства. Соответственно, если у защиты есть на что особо обратить внимание в доказательствах обвинения, то это можно сделать с помощью показаний подсудимого.

Кстати, этот же прием может дать преимущество защите и в том случае, когда по делу имеет место коллизионная защита. Во всяком случае, дав показания перед показаниями остальных подсудимых, при определенной доле профессионализма можно поставить их в позицию оправдывающихся...

Кроме того, в рамках допроса подсудимого в начале судебного следствия неплохо реализуется тактика «похищения грома», описанная в иностранной литературе, посвященной суду присяжных. Суть сводится к тому, что сторона защиты предъявляет доказательства обвинения (или говорит о фактах, выгодных обвинению) до того, как о них заявит само обвинение. В результате чего у защиты появляется возможность изменить контекст подачи этого материала, сместить акценты, выбрать более приемлемую форму подачи сведений, а это, в свою очередь, позволяет в известной мере смягчить, а то и вовсе нивелировать эффект такого доказательства.

Также допрос в начале судебного процесса, как правило, дает большие шансы заставить прокуратуру (и главное судью) врасплох и донести до присяжных какую-то информацию (неважно «законную» или «незаконную»), которую в ином случае суд попытался бы заблокировать.

Впрочем, есть у этой тактики допроса и свои отрицательные стороны, притом весьма существенные. Прежде всего, следует сказать о том, что допрос в начале судебного заседания фактически раскрывает перед обвинением все, или почти все козыри защиты – и в дальнейшем защите приходится играть «в открытую». Также допрос подсудимого в начале суда не позволяет в полной мере охватить всю доказательственную базу обвинения и защиты по той причине, что она еще не исследована. Аналогично, допросив подсудимого в начале, возможность задавать ему вопросы по ходу дальнейшего суда получает и сторона обвинения.

17.8.3 Дача показаний после «своего» эпизода

Этот вариант дачи показаний имеет свой смысл по многоэпизодным делам с большим количеством подсудимых. Значительный объем доказательств, исследуемых длительный временной промежуток, может не лучшим образом сказаться на запоминании присяжными заседателями именно тех доказательств и фактов, которые нужны стороне защиты по конкретному эпизоду. Соответственно, если подсудимому вменяется незначительное количество эпизодов, да если они еще и рассматриваются в начале судебного следствия, то имеет смысл рассмотреть вопрос дачи показаний подсудимым сразу после рассмотрения доказательств по его конкретному эпизоду.

Положительным аспектом этого выбора также является тот факт, что он позволяет дать свою трактовку тем или иным доказательствам непосредственно после того, как они предъявлены обвинением. Если показания будут убедительны и смогут опровергнуть позицию обвинения и подтвердить позицию защиты, то даже несмотря на то, что присяжные к концу судебного следствия все равно забудут большую часть доказательств и показаний, у них останется общее воспоминание о том, что по данному конкретному эпизоду сторона защиты убедила их в своей правоте. И напротив, если подсудимый дает показания в конце судебного следствия, может возникнуть ситуация, когда присяжные просто не смогут связать излагаемые им факты с конкретными утверждениями обвинения, которые были когда-то давно, «десяток эпизодов назад».

Кроме того, следует понимать, что такой способ дачи показаний позволяет в некоторых случаях дистанцировать вашего подзащитного от остальных подсудимых, что немаловажно для защиты по делам о совершении групповых преступлений и при коллизионной защите. В частности, подобная тактика дачи показаний была применена мной по делу Рыно-Скачевского. Моей подзащитной С.Аввакумовой вменялось участие в одном единственном, самом первом по хронологии эпизоде. При этом подсудимая имела возможность сообщить в своих показаниях ряд деталей, важных для позиции защиты, а также оспорить ряд утверждений и доказательств обвинения. Если бы свои показания она давала в конце судебного следствия, то, во-первых, ряд

обстоятельств, о которых она говорила, мог бы уже стереться в памяти присяжных, а, во-вторых, она бы чисто психологически оказалась в общей массе подсудимых.

Выбрав же тактику дачи показаний сразу после эпизода, мы, во-первых, смогли оперативно, по свежим следам, изложить присяжным свою версию событий, опровергнув ряд утверждений обвинения, во-вторых, смогли не смешаться с общей массой остальных подсудимых, поскольку одним из столпов защиты в этом процессе было утверждение о том, что Аввакумова оказалась в этой компании случайно, а после того как преступное деяние было совершено, она резко порвала свои связи с этой группой и в дальнейшем с ними не только никаких преступлений не совершала, но и вообще не контактировала...

Как показал вердикт присяжных, эта тактика, выбранная защитой, была верной (подсудимая была оправдана и вышла на свободу).

17.8.4 Отказ от дачи показаний

Скажу сразу – это самый не лучший вариант для суда присяжных. Для его использования должны быть очень веские причины. Как правило, это либо фатальная косноязычность и «недалекость» подсудимого, либо отсутствие каких-то серьезных аргументов, которые могли бы быть озвучены подсудимым. В первом случае давать показания такому подсудимому дороже, если он запутается (а суд и прокуратура приложат к тому максимум усилий), проявит неуверенность в ответах, выберет неправильную интонацию подачи материала или допустит неподходящие фразы (например, жаргон или излишне агрессивные высказывания) – это будет куда хуже, чем простой отказ от дачи показаний. Во втором же случае (при отсутствии серьезных аргументов в защиту), нет смысла еще раз пересказывать версию обвинения или неубедительно выпрашивать у присяжных снисхождения – лучше уж промолчать.

В остальных ситуациях отказ от дачи показаний – заведомо проигрышный вариант. Проигрышный именно с психологической точки зрения. Можете не сомневаться, что в случае отказа давать показания суд не раз, как бы случайно, напомнит об этом присяжным и попытается довести до них идею, что подсудимый молчит, будучи «раздавлен грузом обвинительных доказательств». Да, это будет вроде как незаконно, но легче от этого не станет.

Соответственно, если все-таки решили отказываться от дачи показаний, то уж, во всяком случае, это имеет смысл облечь в какую-то более-менее приличную форму. В частности, в реализации такой тактики неплохим подспорьем являются показания, данные подсудимым на следствии. Правда, только если эти показания давались в соответствии с избранной стороной защиты стратегией...

Так, в одном из процессов, мной было принято решение отказаться от дачи показаний по причине тотальной бестолковости и косноязычности подзащитного. С учетом выбранной стратегии защиты, было решено сделать это в рамках раскаяния подсудимого. В результате, когда до него дошла очередь давать показания, им было просто заявлено, что он в содеянном раскаивается, признательные показания, данные на следствии, подтверждает и больше ему к ним добавить нечего. Лучше, чем ничего.

Можно использовать и такой прием как «обида» на суд и прокурора. То есть подсудимый может в течение процесса активно реагировать на некорректные действия обвинения и суда (например, на попытки перебивать свидетелей защиты, комментирование прокурором ответов, отказ в удовлетворении каких-либо ходатайств и т.д.), после чего можно заявить, что показания подсудимый будет давать в ограниченном объеме, а на вопросы суда и обвинения будет отвечать только после устранения ранее допущенных нарушений его прав. Во всяком случае, это хоть какая-то убедительная (обоснованная) причина для отказа от дачи показаний. При этом крайне не рекомендую отказываться отвечать на вопросы присяжных, если таковые будут иметь место! Во-первых, это будет крайне негативно воспринято ими, во-вторых, вопросы присяжных позволяют судить о том, как они оценивают

происходящее в процессе, как восприняли то или иное доказательство, как они настроены к подсудимому. В общем вопросы присяжных – это кладезь ценной информации, если уметь его правильно оценивать.

Но вообще, конечно, показания подсудимого – это то, чего присяжные заседатели всегда ждут с особым интересом, и то, что имеет на них максимальное влияние. Поэтому постарайтесь описанный вариант использовать в защите как можно реже, только в безвыходных ситуациях.

17.8.5 Частичный отказ от дачи показаний

Случай, когда подсудимый дает показания только по какому-то ограниченному кругу обстоятельств, либо же дает показания только по вопросам защиты, отказываясь давать ответы на вопросы обвинения и/или суда. Опять-таки, не самый лучший вариант, но в ряде случаев и его приходится использовать. Например, в следующей ситуации: достаточно часто судьи нарушают требования проведения допроса и, вопреки установленной законом очередности, сами задают вопросы подсудимому. Это практикуется и для того, чтобы сбить его с мысли, и для того, чтобы нивелировать данные им показания. Вот здесь-то и приходит на помощь прием временного отказа подсудимого от дачи ответов на вопросы прокурора или судьи. Сводится он к заявлению следующей позиции: «В настоящее время я буду давать показания только по вопросам защиты. На вопросы обвинения и суда я буду отвечать только после окончания допроса стороной защиты».

Другой вариант, который приходилось использовать достаточно часто, это когда изначально подсудимый заявляет, что отказывается от дачи показаний и, вслед за этим, сторона защиты с полным на то основанием заявляет ходатайство об оглашении его показаний на следствии. Ну, а дальше подсудимый меняет свою позицию и дает актуальные показания... Этот прием весьма неплох, в том числе, и в случаях, когда показания, данные на следствии, признательные, а в суде подсудимый отказывается от признания вины и объясняет почему. Кроме того, в результате такого маневра «признательные» на следствии оглашаются ПЕРЕД показаниями в суде, а не после...

17.8.6 Отдельные аспекты допроса подсудимого

Ну в конце хотелось бы сказать еще несколько слов о специфике допроса подсудимого. Используйте личностные характеристики подзащитного. Допрос при присяжных – это театральное действо. Соответственно, понимая, кого предстоит допрашивать, необходимо определиться со своим амплуа. Если подсудимый не блещет умом и не может связать двух слов, то не пытайтесь представить его интеллектуалом, если он брутален – не надо выставлять его робкой и бессловесной жертвой произвола. Это будет смотреться, как минимум, искусственно и неубедительно.

Помните, что помимо доведения фактов и сведений, подтверждающих версию защиты, показания подсудимого могут содержать и элементы оценки доказательств обвинения. Однако надо понимать, что оценка доказательств в ходе дачи показаний не бесспорна с точки зрения уголовно-процессуального закона, соответственно, давая оценку, необходимо вписывать ее в показания таким образом, чтобы это выглядело органично и сводило к минимуму шансы председательствующего вмешаться в ход допроса.

При планировании дачи показаний следует определиться и с тем, какие из показаний вызовут негативную реакцию председательствующего судьи, в какой части он попытается их прервать или оспорить.

Кстати, не редки случаи, когда суд так или иначе пытается ограничить право подсудимого давать показания в любой момент судебного следствия. Что ж, здесь на помощь защите может прийти судебная практика ВС РФ и, прежде всего, имеется в

ввиду Апелляционное определение ВС РФ от 25 апреля 2013 г. №5-АПУ13-6сп, которым оправдательный приговор по делу был оставлен в силе:

«Вопреки доводам апелляционной жалобы представителей потерпевшего, суд обоснованно начал судебное следствие с допроса подсудимого, поскольку в соответствии с ч.3 ст.274 УПК РФ с разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия. Данное право не может быть ограничено запланированной последовательностью представления доказательств стороной обвинения. При этом всем участникам процесса, в том числе потерпевшему и его представителям, являющимся адвокатами, председательствующим разъяснялось их право задавать вопросы допрашиваемым лицам, поэтому то обстоятельство, что они не задавали вопросы свидетелям Б., А., П., К., А., Н., свидетельствует не о нарушении их прав, а том, что они предоставленным им правом не воспользовались».

ГЛАВА 18. ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ В ПРЕНИЯХ

*«Нет такого падшего и заблудшего человека,
в защиту которого не нашлось бы слова сострадания»
А.Ф.Кони*

18.1 Значение защитительной речи в процессе с присяжными

Речь в судебных прениях – это самостоятельная тема для многочисленных исследований и даже целых книг. Вообще о судебной риторике много писали и теоретики юриспруденции и юристы-практики. Однако объектом изучения в таких публикациях, как правило, являются общие психологические закономерности построения, произнесения и восприятия речи в суде (а не нормы права, регламентирующие судебную речь в конкретный момент в конкретном государстве).

В связи с этим, нет смысла писать еще один учебник судебной риторики с разбором приемов и методов как сделать свою речь более яркой и образной, какие обороты использовать и какими шутками увлечь слушателей. Вместо этого я

ограничусь разбором тех особенностей составления и произнесения защитительной речи, которые характерны для современного российского процесса с участием присяжных заседателей.

Что ж... Согласно одной из грустных шуток адвокатов, выступление в прениях в суде с профсудьей это «спектакль для клиента», спектакль, который уже ничего не решает и ни на что не влияет. Увы, но в этой шутке есть изрядная доля правды. Однако, если дело рассматривается присяжными, то значение защитительной речи в корне меняется! Выступление с защитительной речью – это, без всяких оговорок, самое мощное оружие в руках (вернее – устах) сторон. Конечно, дело-делу рознь, но не раз приходилось сталкиваться с ситуациями, когда именно выступления в прениях сторон позволяли защите либо вырвать победу по, казалось бы, безнадежному делу, либо с треском проиграть вроде бы в выигрышной ситуации...

В предыдущих главах мы много говорили об особенностях суда присяжных, его отличиях от суда с профсудьей. Для защитительной речи в суде присяжных также характерны все ранее перечисленные особенности. К ним, безусловно, относится значительное «сужение» тем, о которых можно говорить. В прениях, также как и во всех других стадиях судебного разбирательства, не исследуются вопросы права, в крайне сжатом виде рассматриваются вопросы, характеризующие личность подсудимого, потерпевшего и свидетелей, ну и, конечно, суды очень ревностно относятся ко всему тому, что, по их мнению, выходит за предмет доказывания (даже если фактически этого не наблюдается). Например, довольно часто бывают ситуации, когда суды запрещают говорить об альтернативной версии защиты по той простой причине, что де факты, о которых говорит защита, не входят в предмет доказывания, а люди о которых говорит защита и называет в качестве реальных преступников – не являются подсудимыми. Конечно, это весьма ограничивает защиту в выборе средств и методов защиты подсудимого. Увы...

Еще один специфичный для прений в суде присяжных момент – это повышенная конфликтность этой стадии судопроизводства (даже в сравнении с другими стадиями суда присяжных), и активно принимаемые меры со стороны обвинения и суда по саботажу выступления адвокатов защиты.

Центральным вопросом подготовки речи защитника к прениям в суде присяжных, является вопрос о том, чему отдать приоритет – логическим доводам, сопоставлениям доказательств, анализу и детальному разбору или наоборот – эмоциям, литературной красоте, образности выражений и яркости языка. Если мы почитаем труды и речи классиков жанра – адвокатов дореволюционной России – вывод из их выступлений можно будет сделать только один: надо отдавать приоритет эмоциям и приемам изящной словесности. Однако прежние золотые времена старорежимной адвокатуры давно и безвозвратно прошли. Сейчас же, решая эту задачу, необходимо вспомнить – какие именно вопросы решают присяжные заседатели в современном процессе? А решают они вопросы доказанности значимых для суда фактов – факта преступления, факта участия и роли подсудимого в этом преступлении, факта его вины и возможного снисхождения, но никак не вопросы благородства души подсудимого и страдания его близких. Если современный адвокат, в современном суде присяжных, следуя опыту коллег столетней с лишним давности, начнет рассказывать о том, какой его подзащитный хороший да правильный, и какими высокими побудительными мотивами он руководствовался, да какие у него плачущие детишки и безутешные родители-старички, то даже если предположить, что председательствующий его не прервет, а присяжные проникнутся произнесенной речью, то реализовать свою симпатию к подсудимому им все равно будет очень трудно, поскольку им нужно будет давать ответы на жестко регламентированный законом перечень вопросов. Нет, казус Веры Засулич или условного «ворошиловского стрелка» теоретически возможен и сегодня, когда «доказано», но «не виновен», вот только разрешенные методы достижения такого результата (в сравнении с дореволюционным процессом) сведены практически к нулю...

Сегодня присяжный готов простить адвокату ошибки в речи и ударениях, но никогда не простит ошибок в фактах и доказательствах. Ни эмоциями, ни витиеватыми фразами присяжного просто так уже не проймешь, в первую очередь присяжные все равно теперь смотрят на факты. Ну а красота речи хорошо, если она есть, и плохо, когда есть только она.

Не бойтесь давать в речи в прениях ссылки на реквизиты цитируемых документов, называть тома и листы дела. Это придает вес и убедительность вашей речи – показывает, что вы не взяли свои аргументы с потолка. Не бойтесь читать речь с листа бумаги (не забывая, конечно, об интонации, выражении и паузах). Времена, когда надо речь надо было выучить для бОльшего театрального эффекта давно (и к счастью) прошли – сейчас четкость изложения ценится куда выше. Тем более, что судья и прокурор не дремлют и сделают все от них зависящее чтобы прервать выступление защитника, сбить его с мысли, и вот тут текст выступления перед глазами будет очень к месту.

Однако, на этом особенности защитительной речи в суде присяжных не исчерпываются. Пожалуй, самым главным и специфическим комплексом требований к защитительной речи в суде присяжных, в сравнении с защитительной речью в обычном суде, является адаптация защитительной речи для ее понимания гражданами не являющимися специалистами в области юриспруденции, т.е. присяжными...

Вообще, защитительная речь, это почти последнее, что слышат присяжные от защиты перед принятием ими решения по делу. Поэтому правильно написанная и хорошо произнесенная защитительная речь – это половина (а то и больше) успеха! Защитительную речь в присяжном деле невозможно заменить никакими, пусть и самыми распрекрасными, доказательствами. Прения не являются доказательством, и присяжные это понимают, однако они являются той силой, которая может сделать шедевр искусства из разрозненной массы исследованных по делу фактов.

Обязательно «отработайте» защитительную речь на своих родственниках или знакомых, не знающих материалов и подробностей дела. Задача написать речь таким образом, чтобы посторонние люди поняли ваши аргументы, смогли разобраться в ваших доводах и утверждениях. Если вы смогли написать речь, понятную для посторонних людей, значит и присяжные заседатели ее поймут.

К сожалению, довольно часто адвокаты попадают в ловушку собственной осведомленности. То есть составляя защитительную речь они опускают, или слишком поверхностно излагают те или иные факты, кажущиеся им понятными и без всяких дополнительных объяснений. Причем в большинстве случаев такое происходит неосознанно – просто адвокат, досконально вызубривший материалы дела с которым он работает, элементарно упускает необходимость поставить себя на место слушателя, знающего уголовное дело гораздо поверхностнее, чем он. Я отмечал ранее и вновь повторюсь – присяжный заседатель не имеет возможности работать с материалами дела в объемах необходимых для нормального понимания и запоминания изученного. У присяжного нет возможности возвращаться к ранее изученному документу, нет права перечитать или повторно изучить какое-либо доказательство. Это необходимо помнить при составлении защитительной речи! По большому счету, после того как защитительная речь подготовлена, необходимо не только проверить в ней грамматические ошибки, но и, прежде всего, адаптировать ее для восприятия слабо подготовленного (по знанию фактуры во всей ее полноте) слушателя.

Совершенно очевидно, что в ходе исследования доказательств, за бортом внимания присяжных оказывается целый пласт сведений. Да они были оглашены в суде, однако, чтобы понять их истинное значение, необходимо сравнивать их с остальными доказательствами, скрупулезно все анализировать, а вот как раз такой возможности присяжные и лишены, поскольку не имеют доступа к материалам дела.

В частности, совершенно удручающе картина выглядит в случаях, когда предметом исследования по делу является бухгалтерская или коммерческая документация фирмы. В этом случае присяжным практически нереально «продраться»

сквозь дебри счетов-фактур, договоров, расходных ордеров и бухгалтерских проводок, воспринимая весь этот «цифровой» поток исключительно на слух. Без объяснений со стороны адвоката – на что следует обратить внимание в этой документации, какие выводы следуют из анализа тех или иных бухгалтерских документов – все оглашенное прозвучит зря.

Аналогично и по многоэпизодным делам с большим количеством подсудимых. Полагаю, сталкиваясь с такой категорией дел, каждому из адвокатов приходилось просиживать многие дни, анализируя совокупность собранных доказательств, постоянно обращаясь к тем или иным протоколам или экспертизам, сравнивая их между собой, составляя единую картину произошедшего. Так вот присяжные процессуально лишены такой возможности! Любое доказательство они в процессе видят (или слышат) один-единственный раз. Единожды увидев или услышав доказательство, они должны либо попытаться его записать, либо запомнить. А в деле может быть и несколько десятков, и несколько сотен томов... Поэтому в прениях стороне защиты можно и нужно напомнить присяжным эти самые изученные доказательства, да еще и в их взаимосвязи друг с другом, да еще и с подробным анализом на предмет достоверности и относимости. Уникальная возможность! Не отнестись к ней с должной серьезностью – верный шаг к проигрышу. И вот здесь на помощь присяжным должен прийти адвокат со своей «все объясняющей» речью, и если уж она будет доходчивый и убедительной, то присяжные смогут во всем разобраться по уму.

18.2 Атака на вопросный лист

В защитительной речи следует стремиться к тому, чтобы не оставить без анализа и опровержения ни один серьезный аргумент процессуального противника. В противном случае, будучи вспомненным в совещательной комнате заседателями, он может порушить всю защитительную версию.

Однако не стремитесь дословно цитировать изученные по делу доказательства. Куда важнее дать их оценку в совокупности с другими материалами. Прямое цитирование доказательств может представлять интерес исключительно в том случае, если сама точность цитаты что-то опровергает или в чем-то убеждает. Например, в одном из дел, оспаривая результаты опознания родственниками трупа погибшего, я последовательно и дословно процитировал приметы, по которым каждый из них «опознал» труп. Описание совпадало полностью, чего при нормальном опознании быть не могло...

Впрочем, бывают исключения и из этого правила. Составлять защитительную речь необходимо отталкиваясь от стратегии защиты, однако нельзя отказывать себе в удовольствии процитировать какие-то пусть и не вписанные в структуру защиты, но тем не менее яркие и характерные ошибки и недочеты стороны обвинения. Так, в одном из дел, сторона обвинения в материалах дела процитировала заключение эксперта, в котором эксперт перепутал принадлежность кожных препаратов (по этому эпизоду было двое потерпевших – один из которых был убит, а второй тяжело ранен). Так вот, согласно заключения эксперта, исследовались кожные препараты с головы трупа того самого гражданина, который был лишь ранен. Естественно, что в прениях у защиты была замечательная возможность показать несостоятельность обвинения (основанного на таких то «экспертизах»), при том, что защита не оспаривала факт убийства и ранения, а говорила лишь о непричастности к нему конкретных лиц.

Вообще, конечно, сложная задача – соблюсти разумный баланс между теми фактами, которые необходимо изучить в прениях и теми, которые следует исключить из прений по причине их малой информативности и доказательственного значения. Более того, избыточные факты не так уж и безобидны, как могут показаться на первый взгляд. Дело в том, что уделяя время в прениях на рассмотрение малозначимых фактов, вы не только делаете прения длиннее и за счет этого утомительнее для присяжных, но

еще и уводите их внимание от действительно важных доказательств или выводов. А это, в свою очередь, мешает присяжным составить целостную (и нужную для защиты) картину преступления.

Так что, рассуждая о содержании защитительной речи, прежде всего, следует вспомнить что конкретно будут признавать доказанным или недоказанным присяжные заседатели. Ответ на этот вопрос становится очевиден для любого, кто прочтет соответствующий раздел УПК РФ – присяжные заседатели будут ограничены в своем вердикте вопросным листом. Пожалуй, если задаться целью кратко и емко сформулировать коренное отличие суда присяжных от суда с одним профсудьей, то справедливо было бы сказать, что основное отличие заключается именно в вопросном листе: в обычном суде его нет, а в суде с присяжными – есть. И, по большому счету, вопросный лист – это краеугольный камень всего суда присяжных. Дело в том, что вопросный лист – есть та самая призма, через которую присяжные будут, в итоге, рассматривать и оценивать все происходившее на процессе. Вопросный лист – это поле боя защиты и обвинения и все, что останется за его пределами не будет иметь для присяжных (и соответственно для дела) никакого значения. Когда присяжные удалятся в совещательную комнату, то отвечать они будут на вопросы вопросного листа и никак иначе. Именно поэтому различного рода манипуляции с вопросным листом занимают в багаже судьбы первостепенное значение (но об этом мы поговорим отдельно)...

Если, работая над делом, слушающемся в суде с одним судьей, необходимо отталкиваться от предъявленного подсудимому обвинения, то в случае с судом присяжных «печкой» – от которой все танцуют – является вопросный лист. Соответственно, и при составлении защитительной речи в прениях вопросный лист также является первоосновой, матрицей положенной в основу анализа доказательств. Именно содержание вопросного листа и будет определять содержание защитительной речи. Если какой-то факт непосредственно (или опосредованно) не войдет в вопросный лист, то нет и особого смысла тратить время и говорить о нем в защитительной речи. Впрочем, и наоборот – если какой-то важный для подсудимого аспект вопросного листа не нашел своего отражения в защитительной речи, это серьезный промах адвоката.

Процедуры, связанные с составлением и применением вопросного листа, с точки зрения теории уголовного процесса весьма парадоксальны. Так, по сути, подсудимый должен защищаться не от предъявленного ему обвинения, а от того, что сформулировано в вопросном листе. По большому счету вопросный лист является эдаким эрзац-обвинением. Однако *вопросный лист подсудимый и его защитник видит уже после прений, аккурат перед удалением присяжных в совещательную комнату*, что, как вы понимаете, дополнительно усложняет задачи защиты, вынужденной предугадывать, что судья заложит в этот ключевой документ. Так что, если какие-то вопросы вопросного листа сформулированы иначе чем это сделано в обвинении, сторона защиты уже не имеет возможности дополнить судебное следствие или собственную правовую позицию. Но это я отвлекся от темы обсуждения...

Главное же, что значение вопросного листа для подготовки к прениям, я полагаю, читателю понятно и единственным обстоятельством, которое вносит смущение в эту важную и основополагающую идею является то, что на момент подготовки к прениям, повторюсь, вопросного листа по делу еще не существует в природе. Впрочем, конечно, это не повод не учитывать содержание вопросного листа. В своей основе вопросный лист, который будет представлен присяжным заседателям, это то же постановление о привлечении в качестве обвиняемого, из которого убрали все процессуальные и юридические моменты и термины, слегка очистили от второстепенных фактов и добавили немного индивидуальной литературной стилистики председательствующего по делу судьи. Те же правовые вопросы, которые не могут быть исключены, обычно излагаются в неправоном виде – то есть если в обвинении было указано, что гражданин Иванов, нанеся гражданину Петрову удары, преследовал цель совершить убийство Петрова, то в вопросном листе эта

процессуальная формулировка будет заменена, например, на то, что Иванов имел желание лишить жизни Петрова. И так далее.

Обратите, однако, внимание вот на что: следует четко разграничивать вопросы, обсуждаемые в ходе судебного заседания, и вопросы, обсуждаемые при постановке вердикта. Далеко не все обстоятельства, которые были исследованы в судебном заседании (даже в присутствии присяжных), войдут в вопросный лист. Соответственно, далеко не всегда имеет смысл засорять ими свою речь в прениях – иногда куда лучше оставить их «за бортом»... Словом, при должном опыте и эрудиции, вы сможете с достаточно большой долей достоверности предугадывать содержание и отдельные формулировки вопросного листа. Ну, а если вы сможете прогнозировать содержание вопросного листа, то сможете и определиться с тем, что лучше говорить в прениях, что поставить во главе угла. Строго говоря, *задача адвоката заключается в том, чтобы опровергнуть отдельные формулировки вопросного листа, благодаря чему отдельные обязательные признаки исследуемого преступления будут признаны недоказанными*. А это, в свою очередь, повлечет и развал обвинения в целом. Подсудимый может быть виновен в чем угодно, кроме того, что о его деянии утверждается в вопросном листе!

Вот после осознания вышеизложенного, и следует наметить стратегический план защитительной речи для прений. При подготовке речи, ее следует писать, прежде всего, из расчета как она впишется в вопросный лист, который будет в руках у присяжных. «Червяк должен быть по вкусу рыбе, а не удильщику!». Так что большинство ваших аргументов в прениях будет присяжными благополучно забыто (особенно если речь огромная), если только их (присяжных) не заставят вспомнить ваши слова вопросы вопросного листа!

Итак, мысленно представьте себе вопросный лист. Определитесь, что именно из этого вопросного листа (т.е. из версии обвинения), вы сможете опровергнуть (и как), на чем необходимо сосредоточить свое основное внимание и т.д. Если вам это удастся, то четверть речи, считайте, у вас уже готово.

Так, например, при обвинении в вымогательстве будет достаточно, если присяжные заседатели, согласно формулировок вопросного листа, посчитают недоказанным утверждение о том, что подсудимый высказывал потерпевшему угрозы или требования передачи имущества. А если подсудимый обвиняется, например, в мошенничестве, то настоящей катастрофой для обвинения станет признание недоказанным факта обмана потерпевшего или отсутствие корыстного умысла у подсудимого. И т.д.

Повторюсь еще раз: то, что не будет включено в вопросный лист – останется за пределами вердикта присяжных заседателей и, соответственно, не будет иметь для защиты никакого значения. Это важно понимать, потому что нередко приходится видеть ситуации, когда защитник, ранее не участвовавший в судах с присяжными, пытается рассуждать в своей речи в прениях о тонкостях квалификации деяния подзащитного (например, о том, что такое преступное сообщество), однако даже если судья даст ему договорить и адвокат сможет убедить присяжных в неправильности предъявленной квалификации деяния, у присяжных все равно просто нет инструмента для того, чтобы что-то с этим сделать. Адвокат может сколь угодно долго рассуждать о личных качествах подсудимого, или о творимых в отношении него беззакониях, но если защитник никак не сможет увязать это с конкретными утверждениями вопросного листа – это будут впустую потраченные силы и время.

Возьмем для примера ту же статью 210 УК РФ («преступное сообщество»). Думаю, специалистам не следует разъяснять насколько это сложный для квалификации состав. Однако вам перед присяжными вообще нет особой необходимости упоминать термин «преступное сообщество», потому что в вопросном листе «преступное сообщество» присутствовать не будет (а если даже все-таки будет, то это уже серьезное апелляционное нарушение, поскольку фактически присяжным будет предложено разрешить вопрос правовой квалификации). Соответственно, адвокату

необходимо сосредоточить свои усилия на опровержении деталей – существовании «общака», отдельных структурных подразделений, связанных между собой едиными планами или лидером, наличии в деятельности мер конспирации и т.д. То есть необходимо сосредоточить внимание защиты не на правовых, а на фактических вопросах. **Нет смысла доказывать, что группа не была преступным сообществом – надо опровергать наличие у нее фактических признаков преступного сообщества** (на основании которых суд уже после вердикта и сделает вывод о квалификации деяния).

С другой стороны, надо помнить что, опровергая какой-то общий факт, нет смысла (а иногда и прямо противопоказано) опровергать его отдельные частные моменты. Например, отрицая свою причастность к совершению разбоя, нет смысла дополнительно оспаривать сумму похищенного. Иначе получится, что сторона защиты все равно как бы соглашается с фактом причастности к преступлению, оспаривая лишь корректность отдельных формулировок обвинения. Да, в процессе с профессиональным судьей, это было бы допустимо, поскольку судья оценивает в совокупности доводы, касающиеся и фактической, и процессуальной стороны вопроса, но присяжные занимаются только фактами (к тому же у них может сложиться впечатление о косвенном признании вины). Так что, в подобном случае в суде присяжных, правильнее всегда настаивать на том, что не было либо самого факта разбоя, либо что подсудимый к нему не причастен.

Теперь поговорим о том, о чем совершенно точно не следует говорить в защитительной речи. Прежде всего, не следует (да и не имеет смысла) говорить прениях о процессуальных вопросах и вопросах допустимости тех или иных доказательств. Это бесполезный перевод времени и сил, а также законная возможность для судьи прерывать ваше выступление, а то и вообще удалить вас из процесса. К сожалению, неоднократно приходилось сталкиваться с ситуациями, когда подсудимые, да и что греха таить – и некоторые адвокаты, ранее не сталкивавшиеся с судом присяжных, в своих защитительных речах пускаются в анализ тонкостей квалификации деяния. Результат как правило плачевен...

Даже вопросы явных процессуальных нарушений в защитительной речи, как правило, не имеет смысла затрагивать, поскольку присяжные не решают вопросы допустимости (так что это будет со стороны защиты не более чем «выстрел в воздух»). Однако, в некоторых случаях, особенно по делам, когда между защитой и судом (читай – обвинением) имеет место открытая конфронтация, можно пойти и на это. Главное, чтобы эти действия были обоснованы – то есть чтобы сообщение о нарушениях прямо влияло на оценку присяжными того или иного доказательства!

Кстати, одни и те же обстоятельства, при определенной доле воображения и опыта, можно представить и как процессуальные (и соответственно запрещенные до оглашения), и как непроцессуальные. Например, по одному из дел имела место ситуация, когда опознающий предварительно не был допрошен о приметах, по которым он собирается опознавать обвиняемого. Конечно, это процессуальное нарушение, но суд закрыл на это глаза и допустил протокол до оглашения перед присяжными. Кричать об этом нарушении сразу смысла не было в силу громоздкости правовых норм, регламентирующих данный вопрос – я бы просто не успел донести до присяжных основную мысль, как меня бы уже прервали. Однако, подойдя к этому вопросу с другой стороны, в защитительной речи у меня появился примерно следующий фрагмент: «Как мы узнаем, что опознающий действительно может опознать виновного, а не просто пошел угадывать одного из трех предъявленных? Логично выяснить – какие приметы преступника он запомнил, а после опознания сравнить те приметы, которые указал опознающий до того, как увидел подсудимого, с тем что он увидел. Совпали ли эти приметы? Так вот, вы прекрасно помните, что этого по делу сделано не было – до опознания о приметах никто не говорил...».

Теперь перейдем к судебной практике. Защитительная речь, как и все прочие аспекты работы адвоката в суде присяжных, также испытывает значительное влияние

неоднозначной судебной практики и зачастую зависит от юридических фантазий отдельных служителей Фемиды. В принципе, вопрос о том какие темы не подлежат обсуждению в суде присяжных (и в том числе в прениях) и какие формулировки не могут быть использованы стороной защиты, ранее уже поднимался. Поэтому, в данном случае, я ограничусь лишь несколькими судебными решениями, характерными именно для стадии выступления в прениях.

Так, на удивление, одним из камней преткновения в защитительной речи является цитирование доказательств. Приходилось встречаться с очень разными подходами к этому вопросу, и с разными ограничениями. В частности, один из весьма креативных судей вообще пытался запретить даже цитирование фрагментов из протоколов и экспертиз на том основании, что, мол, это ни что иное как повторное изучение доказательства (!), а оно недопустимо. К счастью, это юридическое заблуждение пока не заразно и приведенный случай в моей практике и практике коллег остается единичным...

Куда же чаще возникает вопрос о достоверности процитированных доказательств. Например, известен случай, когда недостоверность цитирования доказательств в ходе прений повлекла за собой отмену оправдательного (ну кто бы мог подумать) приговора. В данном случае речь идет об апелляционном определении ВС РФ от 27 октября 2015 г. по делу №37-АПУ15-ЗСП:

«Также в ходе судебного следствия и прений сторон в нарушение ч.3 ст.336 УПК РФ защита неоднократно и последовательно доводила до присяжных заседателей доказательства, которые не соответствовали действительности.

В частности, защитник Кузюшин сообщил, что согласно заключению эксперта О., было нанесено три удара, в действительности же эксперт указывал о не менее трех ударов трубой; Васюткин утверждал о том, что в соответствии с показаниями свидетеля Б., труба находилась в руках М. или Д., ранее об этом он не говорил, поскольку об этом его просил Д., однако такие показания свидетель Б. не давал; также Васюткин сообщил недостоверные сведения о содержании заключений экспертов №337 и №1106/зд; также защитник Шибяев указывал недостоверные сведения о том, что свидетель Б. видел, как Магонов передавал трубу Д. и что эксперт не знал о наличии у Васюткина опухоли руки на момент рассматриваемых событий.

В соответствии с положениями ч.2 ст.336 УПК РФ председательствующий останавливал участников прений и разъяснял присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание.

Вместе с тем, систематичность таких нарушений свидетельствует о том, что оказанное на присяжных заседателей незаконное воздействие со стороны защиты не позволило надлежаще исполнить им свои обязанности, поэтому оправдательный приговор суда нельзя признать законным и обоснованным».

Весьма странная, на самом деле, позиция ВС РФ в оценке как самого факта недостоверности цитирования, так и в наступивших последствиях. Да, конечно, цитировать доказательство следует так, как оно на самом деле выглядит, однако прения сторон не имеют доказательственного значения (о чем судья обязан говорить присяжным в напутственном слове). Кроме того, после прений сторон судья обращается к присяжным заседателям с напутственным словом в котором обязан изложить корректное содержание доказательств. То есть даже если и считать «кривое» цитирование нарушением, то оно должно (и, скорее всего, было) с лихвой исправлено еще председательствующим по делу судьей, и основанием для отмены приговора уж никак быть не могло... Однако имеем что имеем.

Хотя не все так плохо (для обвинения, естественно). Читаем Апелляционное определение ВС РФ от 15 сентября 2015 г. по делу №22-АПУ15-4сп:

«Государственный обвинитель во время выступления в прениях привел неточные сведения о показаниях свидетеля В. об агрессивном поведении Бохова и о показаниях эксперта Т. об отсутствии кровоподтеков в области предплечья убитого. Несмотря на это, сторона защиты не была ограничена в доведении до сведения присяжных заседателей своей оценки доказательств, в том числе показаний указанных лиц, заключений экспертов и следственного эксперимента в подтверждении версии о непричастности Бохова к убийству».

Остается только пустить слезу умиления от такой трогательной заботы ВС РФ о правах защиты. Оказывается, сторона защиты «не была ограничена в доведении до присяжных своей оценки». А в примере выше, прокурор, видимо, ограничен был – раз оправдательный вердикт был отменен... Ну что тут скажешь...

Кстати говоря, готовя речь в прениях, следует по возможности воздерживаться от оценок проведенного по делу следствия. Да, я понимаю, что это требование несколько парадоксально (если не сказать незаконно), однако судебная практика настаивает на своем. Смотрим Апелляционное определение ВС РФ от 5 февраля 2015 г. №41-АПУ14-54СП, которое, в частности, содержит следующую мотивацию к отмене оправдательного приговора:

«Кроме того, во время прений сторон защитник Лысенко Л.А., желая вызвать предубеждение присяжных заседателей к работе предварительного следствия, обосновывала свою позицию на доказательствах, которые в деле отсутствуют, но, по ее утверждению, могли быть добыты следственными органами. Вместо оценки обоснованности обвинения, предъявленного Алексееву, предложила оценить присяжным заседателям довод о том, что органы следствия не проверили иные версии. Обращаясь к присяжным заседателям, заявила: «... не пишите жалоб на стоматолога и участкового терапевта, не дай бог стоматолог окажется отравленным мышьяком, неважно, что у вас его дома не найдут, вы будете первой кандидатурой на подозрение».

И сравните это тут же с позицией ВС РФ в Апелляционном определении от 13 августа 2014 г. №58-АПУ14-33сп:

«Из предъявленного обвинения усматривается, что участники банды, в том числе Егоров Е.А., в ходе разбойных нападений пользовались сотовой связью и применяли оружие.

В судебных прениях защитник в опровержение позиции органов предварительного следствия и стороны обвинения высказал суждения о неустановлении номеров сотовых телефонов, неизъятии детализации телефонных переговоров и необнаружении оружия, делая при этом выводы о недоказанности предъявленного Егорову Е.А. обвинения. Подобные действия не противоречат положениям ст.53 УПК РФ о полномочиях защитника, их не следует рассматривать с точки зрения разрешения вопросов о качестве предварительного следствия».

Нет, конечно же, я рад, что в этом конкретном случае ВС РФ все-таки не усмотрел нарушений в использованном стороной защиты риторическом приеме. Однако, очень бы хотелось, чтобы судебная практика все-таки демонстрировала большую степень предсказуемости и единства. Ну так, чтобы заранее можно было решить – признает суд высказанные стороной защиты суждения незаконными или все-таки нет...

Наконец, хотелось бы привести ссылки еще на два судебных решения, которые могут слегка помочь стороне защиты на ее тернистом и непредсказуемом пути составления и произнесения защитительной речи в прениях.

Посмотрим Апелляционное определение ВС РФ от 11 мая 2016 г. №41-АПУ16-5СП, которое замечательно тем, что намекает на возможность оспаривания заключения специалистов (сравните это с прецедентами, данными по этому вопросу выше), а также в очередной раз рассказывает о смешивании обвинением понятий допустимости и достоверности:

«Ошибочной является и оценка государственным обвинителем ссылки защитника в прениях на отсутствие у подсудимого физической возможности выбросить орудие преступления в месте его обнаружения как попытки поставить под сомнение законность получения доказательства. Такое утверждение защитника было направлено в поддержку версии Михайлова о непричастности к убийству и имело место в рамках спора о достоверности доказательства, а не его допустимости, как на то ссылается государственный обвинитель.

Также не имелось у председательствующего судьи оснований останавливать выступление защитника в прениях при ссылках на состояние зрения потерпевшей М. о чем при ее допросе сообщала присяжным заседателям участник судопроизводства со стороны обвинения - потерпевшая М., при этом сторона обвинения не была ограничена в праве поставить под сомнение данное обстоятельство путем представления иных доказательств.

Не имеется оснований считать, что присяжные заседатели подверглись незаконному воздействию в связи с утверждением подсудимого в последнем слове о возможности с помощью высоких технологий установить точное местонахождение человека, поскольку в данном случае таким способом им оспаривалась достоверность показаний специалиста Д. пояснявшего в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей об особенностях функционирования системы сотовой связи и фиксации координат абонента, каковым являлся подсудимый.

Высказывание подсудимого о том, что на его месте может оказаться любой, не содержало указаний на конкретные нарушения закона, не увязывалось с процедурой получения доказательств, в связи с чем председательствующий не прервал его выступление, однако предусмотрительно обратил внимание присяжных заседателей в напутственном слове, что им не стоит представлять ни себя, ни близких на месте участников процесса»...

Ну и еще одним примечательным Кассационным определением ВС РФ является решение от 25 июля 2007 г. №81-О07-38СП. В нем ВС РФ вновь конкретизирует отдельные аспекты соотношения допустимости и достоверности доказательств:

«Не было у председательствующего оснований для того, чтобы делать замечание адвокату Кашипурову С.С. и просить присяжных заседателей о том, чтобы они не принимали во внимание высказывание защитника о том, что непонятно, по каким признакам К. и К. опознали Васильева. Данное высказывание следует отнести к оценке защитником определенного доказательства с точки зрения его достоверности».

Что ж, в этот раз оправдательный приговор по делу устоял, ура! Однако, однако...

Таким образом, резюмируя сказанное, основную идею параграфа можно выразить в формуле: защитительная речь в суде присяжных – это атака на вопросный лист.

Впрочем, вся чужая судебная практика меркнет перед случаем, который имел место по делу, в котором я представлял интересы одного из подсудимых. После окончания судебного следствия, не буду говорить какой судья, из не буду говорить какого суда, обратился к стороне защиты с персональным напутствием, в котором изложил свой взгляд на то, что, по его мнению, сторона защиты не имеет права говорить в ходе судебных прений. Этот фейерверк судейской мудрости привожу здесь максимально близко к стилистике прозвучавшего монолога председательствующего (поэтому претензии на косноязычность формулировок не принимаются):

«Проводится заседание в соответствии со статьями 292, 336 УПК РФ с учетом особенностей рассмотрения дела по данной форме судопроизводства и лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями в соответствии с их компетенцией.

Стороны не в праве касаться в прениях обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей, кроме того недопустимо:

- анализ порядка получения доказательств по делу;*
- вопросы процессуального характера, касательно дачи показаний какими-либо свидетелями;*
- говорить о привлечении за убийство других лиц к уголовной ответственности;*
- приводить и анализировать в судебном заседании, помимо исследованных доказательств, иных доказательств, которые не исследованы в судебном заседании, в том числе схемы, планы различные, другие процессуальные документы, которые не подлежат исследованию;*
- анализ деятельности органов предварительного следствия;*
- вопросы изменения показаний под воздействием органов предварительного следствия тоже считается нарушением закона;*
- запрещено рассмотрение версий о причастности других лиц, утверждения о фабрикации дела, абсурдности предъявленного обвинения, рейдерском захвате бизнеса;*
- не допускается обсуждение сведений, характеризующих подсудимых, об учебе, службе в армии, работе, о заготовке металлолома, спортивных достижениях, данных о личности, роде занятий, об источниках дохода;*
- запрещена ссылка на доказательства, которые не исследованы в судебном заседании с участием присяжных заседателей;*
- нельзя говорить о доверии присяжным заседателям, поскольку присяжные заседатели не подчиняются и руководствуются только совестью и богом;*
- запрещено повторное предъявление доказательств;*
- сравнение обвинения с художественными произведениями;*
- говорить об отсутствии логики, это непозволительные фразы;*
- также запрещено опорочивание засекреченных свидетелей, говорить о недоверии к их показаниям;*
- недопустимы рассуждения о том, что не все версии проверены;*
- что не обнаружены следы на орудиях преступления и каких-либо других доказательствах;*

- также говорить об опознаниях, тех сведениях, что ранее показывали опознающие;
 - нельзя ссылаться на работу правоохранительных органов;
 - кроме того, не допустимы указания на сомнения в законности получения доказательств, их достоверности и достаточности для принятия решения по делу;
 - также недопустимы указания, что обвинение основано на домыслах и предположениях;
 - также запрещены призывы стороны защиты в разных интерпретациях о том, что лучше пусть 100 тысяч преступников будут на свободе, но нельзя посадить одного невиновного».
- Вот такие дела иногда творятся... Жуть.

18.3 Структура и содержание защитительной речи

В самом общем виде, задачей защиты в прениях является доказать истинность своей версии событий и показать несостоятельность версии обвинения. При этом, как все прочие действия защиты в ходе судебного заседания, речь в прениях должна быть подчинена трем ключевым доминантам – понимаемости, запоминаемости и убедительности доводов, приводимых адвокатом.

Возможно, лучшим способом подготовить свое выступление в прениях – это составлять защитительную речь как литературное произведение. Например, представьте себе, что какой-то небольшой детский рассказ разбили на отдельные куски и перемешали их. Сможете вы тогда понять о чем в них идет речь? Да, возможно, вы запомните какие-то отдельные факты, но целостной картины иметь не будете. Так и с защитительной речью. Поэтому лучше всего стремиться к тому, чтобы ваша речь в прениях представляла собой не разрозненный набор (пусть и важных для защиты) фактов, а последовательное логичное повествование, рассказ, когда каждый последующий тезис прямо вытекает из предыдущего или, во всяком случае, не начинает разбираться до тех пор, пока не предыдущий вопрос не рассмотрен до конца.

Для небольших по объему защитительных речей, содержащих анализ небольшого количества доказательств, вышеизложенное проблемой не является. Обычно, в таких случаях, исследованные в ходе короткого судебного следствия сведения достаточно хорошо запоминаются присяжными заседателями, что позволяет сосредоточиться на их анализе без необходимости повторного напоминания присяжным заседателям изученных доказательств.

Однако в ходе работы по большим делам, со значительным объемом исследуемых обстоятельств, такой подход грозит тем, что анализ доказательств, проведенный стороной защиты, будет либо не до конца понят присяжными, либо не будет воспринят как убедительный. Просто по причине того, что доказательства, на основе которых строятся выводы защиты, к моменту произнесения защитительной речи будут уже частично забыты. В этом случае на помощь защите приходит, в том числе, правильная компоновка защитительной речи – минимизация объема выступления при сохранении последовательности, понятности и убедительности изложения, в том числе путем сокращения повторения доказательств и/или выводов.

Как говорится, легко сказать, но как этого добиться на практике? Перелопатив гору юридической и около того литературы, единственное, что я смог найти – так это твердую уверенность авторов в том, что защитительная речь непременно должна содержать вступление, основную часть и заключение. Видимо, авторы подразумевают что-то такое, что обеспечивает самоценность этих элементов защитительной речи. Я же, к сожалению, этой тайны не постиг и поэтому так и не понял как, а главное зачем, делить речь в прениях именно на эти части. Лично мне больше по душе деление речи не на формальные «вступление», «основная часть» и «заключение», а на смысловые блоки, которые комбинируются защитой применительно к конкретике каждого дела. В

случае же, когда объем обвинения значителен и по числу инкриминируемых эпизодов, и по числу подсудимых, и по количеству и разнотипности доказательств – этот «блоковый» метод, на мой взгляд, становится единственно возможным.

Например, у вас имеется дело из трех эпизодов, по двум из них опровержение версии обвинения осуществляется с помощью убедительных доказательств защиты. В последнем же случае, основной упор делается на трактовку презумпции невиновности, поскольку и доказательства защиты, и доказательства обвинения – слабы. При классическом подходе (с «вступлением»), общие принципы, и в том числе принцип презумпции невиновности, следовало бы давать именно в этом самом вступлении. Однако, если так сделать, то к тому моменту, когда повествование дойдет до момента, когда это приобретет практическую ценность, принцип презумпции невиновности и выводы из него, давно уже позабудутся присяжными заседателями. Соответственно, куда правильнее и полезнее – дать обзор принципа презумпции невиновности непосредственно перед тем эпизодом, в котором сторона защиты намеревается его применить, а не просто во «вступлении».

Вот, исходя из таких посылов, мы и перейдем к рассмотрению возможных блоков (частей) защитительной речи в прениях.

18.3.1 Вводно-информационный блок

Сразу замечу, что это и остальные названия составных частей речи в прениях носят исключительно условный характер. И да, в определенных случаях, данный блок можно назвать «вступлением», но с учетом изложенных выше ограничений...

Итак, как уже неоднократно подчеркивалось выше, речь в прениях должна быть нацелена именно на те факты, которые стороне защиты требуется опровергнуть или доказать. Соответственно, за пределами защитительной речи – в зависимости от конкретного уголовного дела – может оставаться весьма значительный пласт информации, которая для нужд защиты не имеет особого значения.

Так что совершенно необязательно цитировать весь объем обвинения, чтобы в дальнейшем оспаривать лишь наличие у подсудимого оружия или, допустим, заранее разработанного плана и предварительного сговора. Любой факт, упоминаемый защитой, должен иметь конкретное значение для целей защиты, в противном случае он должен из текста речи безжалостно вымарываться, чтобы не загромождать ее и не отвлекать присяжных от других обстоятельств.

Типичной ошибкой адвокатов, часто встречавшейся мне в судебных заседаниях, было то, что защитник начинал свою речь с подробного изложения обвинения, предъявленного его подзащитному. Спрашивается, зачем? Зачем еще раз повторять присяжным заседателям, что, по мнению обвинения, подсудимый, вооружившись и по заранее разработанному плану, выследил потерпевшего, нанес ему множественные телесные повреждения, приведшие к гибели, после чего с места происшествия скрылся? Все это уже неоднократно повторили в процессе судья и прокурор. Если в защитительной речи, адресованной профессиональному судье, это выглядит как не нужной, но в то же время и безвредной глупостью, то в речи к присяжным заседателям это напоминает что-то вроде признания вины и согласия с позицией прокурора. Не надо так делать.

С учетом изложенного, гораздо лучше сразу сориентировать присяжных заседателей в том – о чем именно пойдет речь в вашем дальнейшем выступлении и о чем нет (и почему). Таким образом вы сразу отсекаете от своего анализа лишние, не нужные вам вопросы и ожидания, но в то же время концентрируете внимание присяжных на ключевых проблемах, которые вы намереваетесь исследовать. Также при таком подходе к делу, у присяжных не возникнет недопонимания почему сторона защиты «пропустила» те или иные обстоятельства. На практике это будет выглядеть примерно так: «Подсудимый не совершал вмененного ему преступления, более того защита даже имеет четкое представление о том, кто его совершил, однако, как вы уже

неоднократно могли убедиться в ходе процесса, мы не имеем возможности об этом говорить в данном суде». Или: «Уважаемые присяжные, мы признаем, что факт убийства потерпевшего действительно имел место, и обстоятельства этого преступления во многом соответствуют той версии, которую изложил нам прокурор, за одним исключением – подсудимый к этому преступлению не причастен». Или даже так: «Моему подзащитному вменяют пять эпизодов мошенничества и два разбоя. Виновным в совершении мошенничества подсудимый себя признает и нет смысла тратить время и силы на их рассмотрение, а вот разбоев он не совершал. Об этом мы с вами сейчас и поговорим», ну и так далее.

Условно говоря, указанный блок более всего актуален для стратегии защиты в которой оспаривается не обвинение целиком, а какой-то отдельный факт. Так, например, доказывая непричастность подсудимого к преступлению, не будет лишним вначале сообщить присяжным о том, что вами не оспаривается сам факт совершенного преступления, но оспаривается причастность к нему вашего подзащитного.

18.3.2 Аналитический блок

В самом общем виде «аналитический блок» выступления в прениях представляет собой связку из предпосылки – доказательства или нескольких доказательств, изученных в ходе судебного разбирательства – и следующего из этого вывода. Комбинация таких блоков-связок и является сутью защитительной речи. Анализ с выводами, в данном случае, может быть подвергнуто все что угодно – доказательства и версии обвинения, доказательства и версии защиты, иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

При этом можно говорить, что работа с доказательствами в защитительной речи идет на трех уровнях. Низовой уровень – это доказательства, изученные в ходе судебного заседания, их перечисление и раскрытие их сути. Следующий уровень – это трактовка изученного доказательства. Наконец, наиболее высокий уровень – трактовка доказательств в их совокупности.

Поэтому подачу материала в прениях лучше всего строить по схеме: «Цитата доказательства => Вывод». И также следует стараться избегать ситуаций, когда присяжным предлагается проанализировать и сопоставить больше двух доказательств за один раз. В таком случае лучше разбить один анализ группы доказательств на несколько последовательных анализов не более чем двух доказательств за один раз.

Еще одна ошибка – это оставление доказательства вообще без анализа или без указания его связи с другими доказательствами. К тому же учтите, что присяжный находится в стрессовом состоянии и поэтому «разжевывайте» свои выводы максимально понятно, без тонких намеков в надежде, что «все и так понятно». Единственно, когда присяжному можно предоставить возможность самостоятельно сделать необходимый для защиты вывод – это когда дело и защитительная речь незначительны по объему и внимание присяжных еще не слишком утомлено, хотя, на мой взгляд, и в этом случае риск быть понятым неправильно слишком велик.

Также, конечно, следует подводить выводы своей речи в прениях до стратегических целей защиты. Недостаточно просто сказать, что доказательство обвинения «А» опровергается доказательством защиты «В». Необходимо проследить всю цепочку рассуждений, шаг за шагом показывающую и доказывающую достоверность и обоснованность такого заявления защиты. Словом, не бойтесь «разжевывать» свои аналитические построения, показывать их логичность и объективность – поверьте, в той стрессовой ситуации, в которой находятся присяжные, это никогда не будет лишним.

В принципе, на этом рассмотрение аналитического блока можно и закончить. Но не потому, что больше о нем сказать нечего, а потому что, если раскрывать все нюансы анализа доказательств и их отражение в судебной речи, то можно будет написать целую отдельную книгу. Впрочем, мой отказ от более подробного раскрытия

заявленной темы извиняет то, что книги по этой теме в изрядном количестве уже написаны – тут на помощь адвокату приходят работы, начиная с формальной логики, продолжая монографиями по теории доказывания, и заканчивая литературой по судебной риторике.

18.3.3 Разъяснение вопросного листа

Прием, известный далеко не всем адвокатам, в связи с чем применяемый гораздо реже чем следовало бы, в то время как в ряде случаев это просто незаменимый ход! Суть его заключается в том, чтобы разъяснить присяжным заседателям, применительно к предполагаемому тексту вопросного листа, что именно, по мнению защиты, им следует признать доказанным, а что – нет.

Дело в том, что присяжные, столкнувшись с казуистичными формулировками вопросного листа, могут элементарно растеряться и запутаться в непривычных выражениях и нагромождениях слов. Скажем, если стратегия защиты предусматривает получение отрицательных ответов на все вопросы вопросного листа в полном объеме, например, на вопросы о факте преступления, причастности к нему подсудимого и его виновности, то тогда задача присяжных является вполне понятной. Однако ситуация меняется, когда позиция защиты подразумевает оспаривание отдельных утверждений в вопросном листе. Наиболее частый случай – это оспаривание отдельных квалифицирующих признаков деяния или признаков преступления. Например, при обвинении по ст.111 ч.4 УК РФ («тяжкие телесные») можно сосредоточиться на оспаривании утверждения вопросного листа о том, что именно действия подсудимого «повлекли смерть потерпевшего». Или, скажем, при обвинении по ч.2 ст.105 УК РФ («квалифицированное убийство»), можно просить присяжных признать недоказанным утверждение обвинения о том, что преступление было совершено по мотиву национальной вражды и ненависти, ну и т.п.

Выглядит это примерно так: «Уважаемые присяжные, прошу Вас признать недоказанным утверждение вопросного листа о том, что действия подсудимого совершались с намерением лишить жизни потерпевшего» или «Прошу признать недоказанным утверждение обвинения о том, что подсудимый заранее имел намерения не выполнять взятые на себя договорные обязательства» и т.д.

На этом, полагаю, суть и значение данного блока раскрыто достаточно.

18.3.4 Разъяснение норм права

Да и это бывает необходимо в ряде случаев. Прежде всего, это касается таких вопросов как разъяснение принципа презумпции невиновности, либо разъяснение понятия «эксцесс исполнителя». Хотя, надо отметить, что и в том, и в другом случае лучше всего воздержаться от использования юридических терминов, сосредоточив внимание на «бытовой» сути нормы права. Конечно, эти нормы права обязан разъяснить в своем напутственном слове и сам председательствующий судья, но вы же понимаете, что адвокат это сделает лучше :)

Другое, однако, дело, когда для правильного ответа на тот или иной вопрос вопросного листа приходится апеллировать к нормам права, разъяснение которых на председательствующего не возложено. Например, по эпизодам преступлений в сфере экономической деятельности довольно часто требуется разъяснение норм гражданского права. Ну и, конечно, и эти нормы следует максимально адаптировать для их восприятия неподготовленным (юридически) слушателем.

Следует также учитывать, что допустимость разъяснения норм права в прениях – вопрос дискуссионный. Так, приходилось встречать случаи, когда председательствующий вводил строжайший запрет на само упоминание каких-либо статей и положений законодательства, мотивируя это тем, что вопросы права в

присутствии присяжных заседателей не обсуждаются. Однако в большинстве случаев, при соблюдении некоторых условий, судебная практика идет по иному пути.

В частности, можно сослаться на Кассационное определение ВС РФ от 10 мая 2007 г. №67-007-5сп:

«Ссылка в представлении на то, что в прениях адвокат Воронцова разъяснила присяжным заседателям "правила" оценки доказательств, которые заключались, по ее мнению, в запрете прокурору обосновывать обвинение косвенными доказательствами и прочла курс обучения основам права об отличии прямого доказательства от косвенного, - не может являться основанием к отмене приговора и постановления, и не в полной мере соответствует содержанию протокола судебного заседания. Как следует из протокола судебного заседания, в прениях адвокат Воронцова высказала следующее свое мнение, что в соответствии со ст.49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступлений считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Также подсудимые не обязаны доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности должны быть истолкованы только в пользу подсудимых, обвинение не может строиться только на косвенных доказательствах. То обвинение, которое предъявлено ее подзащитному Дружинину, должно было строиться на очень серьезных доказательствах, но она считает, что ни одного бесспорного, не вызывающего сомнения доказательства, изобличающего Дружинина, в судебном заседании добыто не было. Никакого курса обучения основам права об отличии прямого доказательства от косвенного – адвокат Воронцова не читала, ни о каких запретах государственному обвинителю не говорила».

Еще более интересно в этом отношении Кассационное определение ВС РФ от 11 октября 2011 г. №19-011-55СП:

«Неосновательно утверждение защитника о том, что в прениях государственный обвинитель Лоцицкая и представитель потерпевшего, адвокат Кржечковский нарушали закон, ссылаясь на нормы УК, УПК и ГК РФ. Закон не запрещает этого делать, если это касается разъяснения присяжным заседателям правил оценки доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, понятий, характеризующих отдельные составы преступлений и признаки этих преступлений, а также таких общепризнанных понятий, как гражданско-правовая сделка. Поэтому разъяснив присяжным заседателям отдельные положения закона, прокурор и представитель потерпевшего никакого незаконного воздействия на присяжных заседателей не оказывали, а действовали в рамках закона».

Частным случаем недопустимых процессуальных аспектов является затрагивание в прениях вопроса корректности квалификации деяния. Нет смысла (да и законного права) упоминать конкретные квалифицирующие признаки, инкриминируемого преступления, в том виде и тех формулировках, в которых они указаны в УК РФ. В связи с этим, если защита намеревается оспаривать какие-то квалифицирующие признаки – особую жестокость, организованность группы, крупный размер похищенного и т.п., защитнику необходимо, прежде всего, представить себе в каких именно словах, выражениях и утверждениях эти моменты могут быть отражены в вопросном листе. Затем, исходя из наиболее вероятных формулировок, уделить внимание в своей речи именно тому, чтобы эти формулировки опровергнуть. Если эти формулировки удастся признать недоказанными, то в дальнейшем у суда не будет возможности использовать их для квалификации инкриминируемого деяния...

Или взять еще один пример: оспаривая факт предварительного сговора, можно предположить, что в вопросном листе будет указано, что-то типа – подсудимые А, Б и В, встретившись в предварительно оговоренном месте в условленное время, договорились о совершении преступления, распределили роли, разработали план действий, выбрали оружие и т.д. Соответственно, стороне защиты нужно строить свою речь таким образом, чтобы оспорить какие то из этих (или все) конкретных утверждений, данных в вопросном листе, но никак не пытаться говорить, что, с точки зрения таких-то таких норм права и такой-то такой судебной практики, предварительным сговором может считаться только то-то и то-то, а никак не это.

В любом случае, можно порекомендовать как можно меньше апеллировать к писанным нормам права, поскольку присяжные, все-таки, не скованы ими в своих решениях, и наоборот – как можно больше апеллировать к здравому смыслу и справедливости. В частности, тот же принцип презумпции невиновности куда проще и доступнее излагается вообще без упоминания этого термина (хотя можно и заметить, что этот принцип гарантирован Конституцией России, а не придуман адвокатами).

Однако, затрагивать нормы права нужно очень осторожно, поскольку всегда существует вероятность коснуться процессуальных вопросов, что постоянно признается серьезным нарушением, влекущем отмену приговора. Вот, посмотрите, как в свое время я, не употребив термина «эксцесс исполнителя», доказал присяжным заседателям отсутствие у одного из соучастников нападения на потерпевшего намерения лишить его жизни:

«Не буду таить от Вас секретов – юридическая наука уже давно выработала ряд способов, позволяющих с высокой точностью определить умысел преступника, даже в случае если совершенное им преступление не доведено до конца.

Во-первых, на умысел, направленный именно на убийство может указывать сам преступник. Например, намереваясь совершить убийство, преступник может сообщить о своих намерениях кому-либо, например, подыскивая сообщников, орудие преступления, ну или просто сболтнув лишнего. Также об умысле на убийство могут свидетельствовать его собственные выкрики в процессе нападения, такие как «Сдохни, сволочь!».

Во-вторых, о намерении убить может свидетельствовать используемое при совершении преступления оружие. Вполне вероятно, что убить человека голыми руками очень проблематично, а без соответствующей специальной подготовки почти невозможно. В то же время наличие у преступника в руках ножа, топора или пистолета дает обвинению весьма серьезные основания полагать, что преступник собирался именно убить жертву.

В-третьих, на намерение убийства могут указывать количество и локализация нанесенных телесных повреждений. Одно дело если преступник дал жертве пару раз по физиономии и ушел, и совершенно другое, если он переломал человеку руки, ноги и тот вообще выжил лишь чудом.

В-четвертых, на умысел может указывать совершение серии преступлений. Например, если некий преступник убил десяток человек, то вполне логично предположить, что очередную свою жертву преступник тоже собирался убить вне зависимости от того, погибла она или нет.

Имеется ли в случае с нашим подсудимым что-либо из перечисленных обстоятельств, указывающих на его намерение убить потерпевшего? Нет».

18.3.5 Комбинирование блоков

Комбинации (перестановки местами и пр.) перечисленных выше смысловых блоков дают общее представление о том, как должна выглядеть защитительная речь в прениях. Вполне возможно, что с учетом специфики конкретного дела, вы дополните или скорректируете список этих составных частей. Это вполне естественно, поскольку составление защитительной речи процесс чрезвычайно творческий и не догматичный.

Теперь же пришло время нам поразмыслить над тем, как лучше компоновать перечисленные блоки в законченный продукт (блестящее выступление перед коллегией заседателей). И вновь, вопрос последовательности блоков не принципиален в делах с малым количеством эпизодов, и становится одним из первостепеннейших в случаях, когда обвинение имеет значительный объем. Наиболее универсальным способом компоновки, в этом случае, является составление защитительной речи, отталкиваясь от хронологии событий и разбивая ее на отдельные блоки поэпизодно. Во всяком случае, такое построение позволяет излагать доводы защиты наиболее последовательно (а значит понятно и убедительно).

Критической уязвимостью больших защитительных речей является наличие значительных разрывов между взаимосвязанными (по логике) тезисами, или между предпосылкой и выводом. Например, приходилось встречать ситуации, когда, анализируя конкретное доказательство, часть выводов оглашалась сразу после упоминания о нем, а часть – через некоторое время, после изучения иных доказательств и фактов. Естественно, что при этом у присяжных заседателей, не обладающих суперпамятью, возникало ощущение недоказанности аргументов защиты или просто каши в утверждениях адвокатов. Встречались даже ситуации, когда, анализируя какое-либо преступление, оно анализировалось защитой по частям. Например, отдельно анализировался факт соучастия подсудимого в эпизодах убийства №1, №2, №3, а затем факт применения в убийстве №1 оружия, совершения убийства №2 по мотиву национальной вражды и ненависти, а убийства №3 – с особой жестокостью. Полагаю, не надо дополнительно объяснять, насколько удручающе действует подобная фрагментарность изложения на мнение коллегии присяжных о стройности и доказанности доводов защиты.

Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы все предпосылки (доказательства) для последующего вывода защиты могли быть одновременно удержаны в памяти слушателя (присяжного): одна предпосылка – один вывод (в идеале)...

С учетом изложенного, возникает вопрос о неких общих принципах структурирования защитительной речи для прений. При этом сразу необходимо отдавать себе отчет, что единых, универсальных рецептов для этого дела не существует. Достаточно часто приходится делать исключения и применять нестандартные варианты с учетом особенностей того или иного конкретного дела. Однако, некоторые общие моменты в построении защитительной речи все-таки можно выявить.

Для начала вновь следует вернуться к основе любой защитительной речи в суде присяжных – предполагаемому содержанию вопросного листа и, прежде всего, его предполагаемой структуре. Не открою большого секрета если скажу, что в подавляющем большинстве случаев эпизоды преступлений komponуются в вопросном листе по хронологии. Именно по этой причине и свою собственную защитительную речь было бы крайне желательно также строить по хронологии – для максимального соответствия разбираемых фактов их последовательности в вопросном листе.

Впрочем, это тоже не аксиома, а лишь наиболее часто применяемый судьями прием. Но возможны и другие варианты. Например, работая все по тому же делу саранского коммерсанта Юрия Шорчева, я изменил порядок исследования эпизодов. Потому что, согласно предъявленному обвинению, Шорчев сначала принял участие в создании организованной преступной группировки, переросшей в последствии (в прокурорских галлюцинациях) в преступное сообщество, а только затем принял

участие (опять-таки где-то в параллельной реальности) в организации нескольких убийств. Так что в предъявленном Шорчеву обвинении, первым преступным эпизодом было именно создание преступного сообщества. Однако проанализировав ситуацию, я пришел к выводу, что эту часть обвинения правильнее будет разбирать не в начале, а наоборот – в самом конце защитительной речи. Само по себе обвинение по ст. 210 УК РФ («сообщество») было крайне скудным на конкретные факты – место, время, участники, элементы структуры, конспирации и т.д. Все это было отражено в обвинении исключительно поверхностно и формально, что не позволяло стороне защиты всерьез опровергать эти безудержные фантазии конкретными доказательствами (голословные утверждения не так-то просто опровергать, на самом деле, все по формуле «а ты докажи, что ты не верблюд»). Поэтому, в первую очередь, я решил сосредоточиться именно на конкретных преступлениях, якобы совершенных Шорчевым в рамках якобы существовавшего преступного сообщества. Инкриминируемые ему убийства и вымогательства были сформулированы куда конкретнее, в результате чего защите с успехом удалось доказать непричастность Шорчева к их совершению (по мнению первой, распущенной коллегии присяжных заседателей). В итоге, к моменту начала анализа обвинения в организации преступного сообщества, сложилась парадоксальная ситуация – даже если Юрий Шорчев якобы организовал некое преступное сообщество, то это самое преступное сообщество не совершило ни одного преступления. Естественно, что такое положение вещей было немалым подспорьем для анализа обвинения в этой части...

Кстати, продолжая обсуждение некоторых специфических приемов, использованных при составлении защитительной речи по этому делу, следует отметить, что в каждом из инкриминируемых убийств и покушений было использовано огнестрельное оружие. Причем приобретение и передача этого оружия непосредственным исполнителям также инкриминировалось лично Шорчеву. Защита это, конечно, отрицала и формально об этом следовало бы сообщить в защитительной речи. Однако, дело в том, что защита вообще отрицала какую бы то ни было причастность Шорчева к исследуемым преступлениям. Соответственно, если бы присяжные заседатели признали правоту защиты (а в первом вердикте так и произошло), то имелись бы все основания считать, что факт передачи оружия Шорчевым кому бы то ни было, они также признали бы недоказанным. Если же присяжные признали бы вину Шорчева в организации преступлений доказанной, то наверняка признали бы они доказанной и передачу оружия. В связи с этими соображениями, мной было принято решение вообще исключить «оружейную тематику» из своей защитительной речи, ограничившись лишь констатацией позиции подсудимого о непризнании вины в том числе и по этому составу. К тому же, само по себе оспаривание оружейных статей не давало защите никаких дополнительных преимуществ, а признание Шорчева виновным в обороте оружия почти автоматически следовало бы из признания присяжными его вины по более тяжким обвинениям...

Хорошо, с этим случаем разобрались, а теперь другой пример отхода от схемы построения речи в прениях по хронологии. По нескольким «скинхедским» делам подзащитным инкриминировались нападения на потерпевших, совершенные по мотиву национальной вражды и ненависти. Естественно, вроде логично было бы разбирать этот мотив в каждом конкретном эпизоде преступлений. Однако это привело бы к необоснованному загромождению защитительной речи многочисленными повторениями аргументов и доказательств. Поэтому я счел правильным вынести анализ мотивов совершения всех преступлений в конец защитительной речи, проанализировав всю совокупность доказательств, относящихся к этому вопросу вне зависимости от тех конкретных преступлений, которые были совершены с указанным мотивом. В большинстве случаев этот прием также давал замечательные результаты. **Дело в том, что само по себе наличие у подсудимых националистических убеждений в устах прокурора уже служило доказательством их причастности к инкриминируемым нападениям по логике: «Раз националист – значит ненавидит**

гастарбайтеров, раз ненавидит гастарбайтеров – значит непременно ходит их убивать». Такая примитивная манипуляция обвинения послужила еще одной причиной по которой на этом «националистическом» мотиве пришлось сосредоточить один из основных контрударов защиты.

Или вот Вам еще один пример изменения хронологии при подаче материала в судебных прениях. В данном случае, правда, дело было одноэпизодным, но даже одно единственное преступление все равно, как правило, имеет временной промежуток в течении которого оно совершается. И эту хронологию также имеет смысл выдерживать при произнесении защитительной речи...

Так вот, исключением из этого правила стало уголовное дело, в котором подсудимый также обвинялся в покушении на убийство по мотиву национальной вражды и ненависти. Факт преступления и участие в нем подсудимого были подтверждены рядом убедительных доказательств и оспаривать причастность подсудимого к преступлению не было никакого смысла. Соответственно стратегия защиты по делу была направлена на получение снисхождения присяжных заседателей, для чего было необходимо убедить коллегия в том, что подсудимый раскаялся в содеянном, искренне сожалеет о произошедшем и впредь подобного не повторит, т.е. станет законопослушным членом общества. Причем доказательства этим постулатам в деле имелись, и они были изучены. К их числу относилась и явка с повинной, и признательные показания, данные практически сразу после задержания и в дальнейшем не менявшиеся, и факт признания подсудимым своей вины в суде, и факт принесения потерпевшему извинений и готовность возместить причиненный ущерб. По совокупности этих обстоятельств, сторона защиты упомянула само преступление лишь поверхностно и только для того, чтобы подвести защитительную речь к вопросу обсуждения личности подсудимого (естественно в тех объемах, в которых это возможно делать в присутствии присяжных заседателей). Так что «за бортом» защитительной речи, в этот раз, остались все доказательства совершения преступления подсудимым и, в том числе, сама хронология развития событий на месте преступления.

Таким образом, можно констатировать, что не всегда в прениях следует идти по хронологии событий. Иногда, в зависимости от конкретных обстоятельств дела и избранной стратегии защиты, полезнее часть информации в защитительной речи скомпоновать исходя из внутренней логики инкриминируемых деяний или по узловым доказательствам.

18.4 Произнесение защитительной речи

Однако, друзья мои, написать защитительную речь – это только полдела. Надо ее еще и огласить. Тут, кстати, появляется еще один немаловажный вопрос, который стоит перед защитой накануне прений – а кто именно должен произносить защитительную речь? Адвокат, подсудимый или оба?

Здесь нужно четко понимать сильные и слабые стороны всех указанных вариантов. Адвокат, как профессионал своего дела, гораздо лучше, чем подсудимый, сможет довести до присяжных какие-то сложные умозаключения, полученные в результате анализа доказательств. Опытный адвокат куда гибче в реакции на непрогнозируемые события (например, на попытки саботажа произнесения защитительной речи со стороны председательствующего). Однако, все-таки адвокат – это юридический советник и даже, если хотите, юридический наемник. И именно так он выглядит в глазах даже самых благожелательно настроенных присяжных. Поэтому они, в первую очередь, все равно хотели бы слышать самого подсудимого, чтобы решить – верят ли они ему.

Да, речь подсудимого в прениях, как правило, гораздо менее информативна и грамотна (конечно, если подсудимый не имеет опыта выступлений перед аудиторией или не является специалистом в области юриспруденции и массовых коммуникаций). В то же время у подсудимого есть уникальный козырь – его выступление может стать

кульминационным моментом всего судебного разбирательства. В конце концов присяжные заседатели пришли в суд именно для того, чтобы решить судьбу конкретного человека, а не его адвоката, и посему слушать его они будут куда внимательнее и вдумчивее, чем кого бы то ни было еще. Будет анализироваться малейшая мимика подсудимого, дрожь в голосе, направление взгляда и еще масса таких моментов, на которые при выступлении прокурора или адвоката никто и внимания не обратит. И если подсудимый в своем выступлении, говоря о своей невинности, сможет убедить присяжных в своей искренности, то оправдательный вердикт станет реальностью. Однако, подсудимый может и наоборот все испортить, уничтожить свой уникальный шанс на оправдание неосторожным словом или жестом.

В любом случае, согласитесь, что фраза «Мой подзащитный не совершал этого преступления...» не идет ни в какое сравнение по эмоциональному накалу с фразой «Я не совершал этого преступления!» или, например, какому заявлению Вы сами больше поверите: «Мой подзащитный глубоко раскаивается в содеянном» или «Я глубоко раскаиваюсь в содеянном»? Даже если подсудимый с трудом связывает слова – даже в этом случае лучше, чтобы он произнес эти два слова в прениях.

Таким образом, в идеале **защитительная речь в прениях должна произноситься и адвокатом, и подсудимым. Но если в первом случае основной упор должен делаться на анализ и логику, то во втором – на эмоции и апелляцию к лучшим чувствам присяжных заседателей.**

Присяжные пришли в суд судить подсудимого. Так значит именно подсудимому и следует бороться за свою невинность, а не только его (пусть и профессиональному) адвокату. Отказ же подсудимого от участия в прениях – чрезвычайно проигрышный ход и идти на него можно только в исключительных случаях, когда абсолютно очевидно, что выступление в прениях ухудшит его положение куда больше, чем отказ в них выступать. Вообще, здесь полезно вспомнить параграф 17.8.4 (Отказ от дачи показаний) в котором анализировался вопрос о том, когда подсудимому полезнее воздерживаться от дачи показаний, в какой форме это делать и на каких условиях.

Одновременно, мы понимаем, что выступление адвоката в прениях предоставляет председательствующему судье широчайшие возможности для саботажа его речи. Здесь в ход идут многие из уже описанных приемов и методов. Наиболее часто используемым приемом, как со стороны суда, так и со стороны прокуратуры (с молчаливого одобрения суда), является перебивание выступления адвоката под тем или иным (порой обоснованным, но чаще – малозначительным поводом). При этом для достижения большего эффекта суд, обычно, перебивая защитника из-за каких-то мнимых нарушений, старается держать паузу как можно дольше, пускаясь в пространные рассуждения о специфике суда присяжных и т.п., дабы сбить накал выступления и прервать логику изложения аргументов. В большинстве случаев подобные искусственные прерывания суд допускает тогда, когда защита говорит наиболее неприятные для обвинения вещи.

Кроме того, в ходе прений сторона обвинения и суд часто оспаривают истинность цитат из показаний или документов, приводимых в выступлении стороной защиты. При этом порой суд и прокурор сами умышленно искажают доказательства...

Еще один прием, граничащий с вульгарным хулиганством – это комментирование с места тех или иных заявлений защиты.

Другой, часто используемый прием суда, это установление искусственных ограничений на использование в прениях той или иной информации и/или установление запрета на применение тех или иных приемов риторики – риторических вопросов, обращений к жизненному опыту присяжных, цитирование высказываний известных людей, норм права и т.п. В данном случае фантазия суда уже чем-либо не сдерживается. Так что при подготовке защитительной речи, имеет смысл проверить ее на подобные «раздражители» и по возможности исключить их из своей речи. Если же такое невозможно (а это почти всегда невозможно), то надо быть готовым к тому, что в

какие-то моменты произнесения речи она будет прервана председательствующим. Соответственно, надо ее построить таким образом, чтобы эти прерывания не наносили особого ущерба целостности речи, а еще лучше – чтобы они служили своего рода либо минутами отдыха адвоката и присяжных, либо даже некими «маячками» для присяжных – «раз судья адвоката перебивает, значит говорят о чем-то особо важном и надо на это обратить самое пристальное внимание».

Впрочем, полагаю, нет большой необходимости вновь подробно перечислять и рассматривать все судебские изыски. Следует просто быть готовым к тому, что председательствующий сделает все от него зависящее, чтобы причинить вам в прениях максимум дискомфорта. Так, если объем выступления значителен, будьте готовы к тому, что председательствующий «неожиданно» увеличит продолжительность судебных заседаний и откажется предоставлять перерывы при выступлении. Да-да, бывает и так! Живой пример тому судья Устимов из ВС Мордовии: прокуратура в прениях выступала от силы два-три часа чистого времени, при этом перерывы практически назначала себе сама. Сторону же защиты он обязал выступать с двух до шести вечера, за все это время предоставив всего один перерыв! Будьте к этому готовы, заранее приготовьте себе воду, да и речь свою организуйте таким образом, чтобы не перегружать голосовые связки. Да, и не забудьте пару-тройку раз уличить председательствующего в неравном отношении к обвинению и защите! Пусть присяжные это запомнят, что адвокатам в туалет ходить, по мнению судьи, не положено. Кстати, такой изуверский режим выступления в прениях оказывает влияние не только на выступающего, но и на слушающих, поэтому не стесняйтесь делать паузы или вставлять в свое выступление какие-то уместные шутки – присяжные это оценят и слушать вас будет им несколько проще и интереснее.

Еще одним немаловажным вопросом является вопрос «механики» произнесения защитительной речи. Следует ли заучивать ее наизусть или достаточно ограничиться чтением с листа? Большинство теоретиков из книг почему-то говорят о необходимости произнесения заученной речи, а составление текста на бумаге допускают лишь как один из элементов заучивания. Конечно, если защитительная речь будет представлять собой что-то типа: «Граждане присяжные, мой подзащитный признает себя виновным по всему объему обвинения, в содеянном раскаивается, и просит проявить к нему снисхождение», то такую речь можно произнести и без всякой бумажки (правда, еще лучше не произносить ее вовсе, да и форму судопроизводства выбрать без присяжных). В остальных же случаях речь в бумажном виде для адвоката обязательна. Это, конечно, не значит, что следует читать, не отрывая взгляда от листа – так тоже нельзя делать, но будь моя воля, я бы вообще предпочел, чтобы мою речь не приходилось произносить вслух, а можно было бы распечатать и раздать каждому из присяжных в руки.

Да, понятное дело, что читая речь «с бумажки» - крайне трудно выдавать ее за высокие душевные порывы, к которым так любят апеллировать иные специалисты и главным образом адвокаты прошлого. Однако избавьтесь от необходимости имитировать «слова, рвущиеся из самого сердца» и вы с удивлением поймете, что для выражения всех остальных идей и мыслей чтение текста с листа подходит весьма неплохо.

Чем ваша защитительная речь лучше и эффективнее, тем выше будет противодействие ее произнесению со стороны судьи и прокурора. По нарастающей. Поэтому в состоянии жесточайшего противодействия суда, стресса и нервозности, даже самый раскрепощенный адвокат забудет выученную речь, собьется и, в результате, его выступление не будет иметь и половины той стоимости, которую могла бы иметь. Тут то Вам на помощь и придет текст с выступлением, который не позволит сбить Вас с толку и перепутать мысли.

Не бойтесь давать в прениях ссылки на реквизиты цитируемых протоколов, тома и листы дела. Это придает дополнительный вес и убедительность вашей речи. В

целом, четкость изложения, логичность и последовательность сейчас ценятся куда больше, чем театральность.

За всю свою уже не малую деятельность в судах присяжных, я произносил речь «по памяти» буквально всего пару раз, причем это были случаи, когда дела были простые, «короткие» - и моя задача была лишь отразить в прениях два-три узловых момента. В остальных случаях, всегда пишете речь и держите ее перед глазами.

Да, кстати, хотелось бы в конце обсуждения данной темы обратить внимание на один любопытный момент, имеющей место в судебной практике, а именно – на использование в прениях разного рода реквизита – схем, планов, фотографий и иных наглядных пособий. Здесь ситуация имеет двоякую природу: с одной стороны, в судах имеется совершенно четкий и однозначный запрет на повторную демонстрацию доказательств в прениях, что связано с нормой УПК РФ, запрещающей повторную демонстрацию доказательств. С другой стороны – есть определенная узкая лазейка, когда стороны применяют в прениях предметы и документы, не являющиеся доказательствами. Подобная ситуация нашла свое отражение в Апелляционном определении ВС РФ от 11 мая 2016 г. №41-АПУ16-5СП:

«Несостоятельны доводы жалоб и представления о том, что использование защитником в прениях предмета, имитирующего орудие преступления, оказало незаконное воздействие на присяжных заседателей, поскольку, как следует из протокола судебного заседания, защитник не ссылаясь при этом на доказательственное значение этого предмета, по своим свойствам явно не подходящего под описание настоящего орудия убийства. Кроме того, напутствуя присяжных заседателей, председательствующий указал, что аргументы сторон в прениях не являются доказательствами».

И вдогонку еще одно судебное решение на аналогичную тему – Кассационное определение ВС РФ от 22.05.2008 №5-О08-102СП:

«Председательствующий обоснованно не принял возражения стороны защиты на использование государственным обвинителем при выступлении в прениях карты города Москвы, поскольку она являлась официальным изданием, а не вещественным доказательством по делу».

ГЛАВА 19. **ВОПРОСНЫЙ ЛИСТ И ВЕРДИКТ**

*«Ходы кривые роет,
Подземный умный крот.
Нормальные герои
Всегда идут в обход»
К/ф. «Айболит-66»*

19.1 Значимость вопросного листа для исхода дела

Если задаться вопросом: какой документ лучше всего выражает отличие процесса с профсудьей от процесса с участием присяжных заседателей, то я бы не задумываясь ответил – вопросный лист! Этот лист появляется в самом конце судебного разбирательства, однако он, даже еще не будучи написанным, незримо оказывает свое влияние на весь судебный процесс с самого первого дня. Фактически, формулируя вопросный лист, председательствующий устанавливает для присяжных границы их полномочий, границы рассмотрения фактов, изложенных в обвинении и указанных в материалах дела, выйти за которые присяжные не смогут даже при всем своем

желании. При этом на приговор по делу может влиять не только непосредственное содержание отдельных вопросов, но и их трактовка в совокупности, и даже порядок их расположения в вопросном листе!

В результате составление и обсуждение вопросного листа является чуть ли не самым ключевым и драматическим моментом суда с участием присяжных заседателей, фактически – кульминацией процесса. Достаточно проанализировать судебную практику, чтобы убедиться – ошибки и нарушения при составлении вопросного листа входят в число лидеров причин для отмены приговоров (как обвинительных, так и оправдательных), основанных на вердикте присяжных заседателей. От того как – в какой форме и последовательности, с использованием каких речевых оборотов и т.д. – будут поставлены вопросы порой зависит судьба подсудимых и исход дела в целом. Ошибки (вольные или невольные) при формулировке вопросов вопросного листа могут привести к осуждению невиновных, оправданию виновных или к отмене, постановленного на основании вердикта присяжных, приговора впоследствии...

Обвинение и судьи, конечно, прекрасно осведомлены о значении вопросного листа в уголовном деле, поэтому не редки случаи, когда вопросный лист пытаются «приспособить» для нужд обвинения путем весьма вольного обращения с формулировками, последовательностью и полнотой изложения обстоятельств, требующих оценки присяжными заседателями. Именно поэтому постановка вопросов является одной из наиболее сложных процедур в процессе, и предоставляет председательствующему серьезные возможности повлиять на итоговое решение по делу... В некоторых случаях такая «процессуальная химия» допускается, в некоторых – признается вышестоящими судебными инстанциями нарушением, влекущим отмену приговора.

Формулировка вопросного листа (особенно по многоэпизодным делам с большим количеством подсудимых) – процесс сложный и случается, что ошибки в вопросном листе возникали не в силу какого-либо умысла со стороны председательствующего, а исключительно по причине невнимательности или неверной трактовки нормы права.

Однако хватает и противоположных примеров, когда ошибки и нарушения при составлении вопросного листа являются прямым следствием желания судьи добиться вынесения обвинительного приговора. То есть еще полбеды, когда председательствующий допускает ошибки в вопросном листе неумышленно – здесь сторона защиты может обратить внимание председательствующего на эти недочеты и внести свои замечания и предложения. Совершенно другое, когда это становится принципиальной позицией судьи, то есть когда т.н. «ошибки» сделаны специально. В итоге задача адвоката, с одной стороны, предостеречь председательствующего от невольных ошибок в вопросном листе и с другой – не допустить или нивелировать умышленные судейские попытки запутать присяжных, хитростью получить от них обвинительный вердикт.

Далее, при приведении примеров, я не стану разграничивать эти две причины процессуальных ошибок. Для их пресечения в реальном процессе достаточно просто знать о них...

Итак, вопросный лист составляется председательствующим по итогам судебного разбирательства в соответствии с изученными доказательствами и мнением сторон, и отчасти он похож на предъявленное подсудимым обвинение. По сути в нем излагаются те же события, однако с некоторыми особенностями, которые накладывает специфика рассмотрения дела с участием присяжных заседателей. Прежде всего, как вы понимаете, речь идет об особой регламентации работы с процессуальными вопросами и обстоятельствами, не относящимися к фактической стороне дела.

Одной из системных причин наличия ошибок в формулировании вопросного листа (и ответе на него присяжными) являются сами предусмотренные УПК РФ формы работы присяжных с вопросным листом. Очевидно изначально эти формы были приспособлены для ситуаций с незначительным количеством (до нескольких десятков)

вопросов, в частности, на это указывает и предписанное время полемики присяжных при попытке прийти к общему мнению (3 часа), и отсутствие вменяемых и нормально распланированных процедур для длительной (в течении нескольких дней) работы с вопросным листом.

Между тем, именно для процессов с присяжными характерно значительное количество подсудимых и эпизодов, в результате чего объемы вопросных листов порой составляют несколько сотен вопросов. Даже просто прочитать и осознать их требуется два-три часа, а уж о том, чтобы в течении этого времени обсудить их и прийти к какому-нибудь общему мнению и речи не идет.

Так, по уже неоднократно упоминавшемуся делу Юрия Шорчева в Саранске, вопросный лист состоял из 303 вопросов! Или, например, в 2006 году в Верховном суде Республики Татарстан суд с участием присяжных рассматривал дело, в котором было 33 подсудимых, обвинявшихся в создании преступного сообщества, многочисленных убийствах, похищениях людей, вымогательствах и пр. – материалы дела насчитывали 235 томов (http://www.gazeta.ru/2006/07/17/oa_208416.shtml). Представьте какой там был вопросный лист...

В принципе, зная основные принципы и условия формулирования вопросного листа, можно с большей или меньшей вероятностью прикинуть его содержание. Причем сделать это можно (и нужно) уже в самом начале судебного следствия, а желательно – еще до произнесения вступительного слова. Определившись, как в общих чертах будет выглядеть вопросный лист, можно примерно набросить план работы по делу, причем основной упор сделав именно на те обстоятельства, выяснение которых войдет в вопросный лист и, соответственно, экономя силы и средства на тех, которые в вопросный лист гарантированно не войдут.

Вообще, представляя себе вероятное содержание вопросного листа, необходимо и планировать стратегию защиты, и писать речь в прениях. И если в обычном процессе во главу угла следует ставить предъявленное обвинение, то в процессе с присяжными следует исходить именно из возможного содержания вопросного листа. Конечно, было бы логично, если прения сторон проходили после составления и оглашения вопросного листа – с тем чтобы стороны могли убрать из своих выступлений вопросы, не подлежащие выяснению, и уделить больше внимания вопросам, отраженным в вопросном листе, однако здравый смысл и закон в данном случае – «две большие разницы».

19.2 Порядок формулирования вопросного листа

Далее следует остановиться на процессе формулирования и использования вопросного листа. Как уже было сказано, впервые в суде вопросный лист появляется после окончания прений сторон: «Судья с учетом результатов судебного следствия и прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам». В свою очередь присяжные, на время обсуждения и формулирования вопросов, удаляются из зала судебного заседания. Основой вопросного листа, действительно, становится обвинение, предъявленное подсудимым – каждый эпизод обвинения разбивается в вопросном листе на блок из нескольких (обычно четырех) вопросов, однако «за бортом» вопросного листа остается масса информации, которая так или иначе обсуждалась в ходе судебного заседания. Естественно, не будет в вопросном листе прежде всего процессуальных вопросов, обстоятельств, характеризующих личности подсудимых и свидетелей, а также обстоятельств не фигурировавших в предъявленном обвинении.

Каких-либо сроков ознакомления сторон с вопросным листом законом не оговорено, поэтому определяются они председательствующим исходя из объема вопросного листа, мнения сторон по этому поводу, ну и собственного представления судьи о разумности срока ознакомления с листом. Таким образом первое, что надлежит

сделать при получении проекта вопросного листа – это определить сколько времени вам потребуется на ознакомление с ним и подготовку письменных предложений, после чего следует заявить соответствующее ходатайство председательствующему (ходатайство о перерыве в судебном заседании для ознакомления и внесения...).

По результатам ознакомления с вопросным листом стороны (обвинения и защиты) высказывают свои замечания и предложения. *При этом судья не вправе отказать подсудимому или его защитнику в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств (об этом мы еще подробнее поговорим далее, - прим.), исключая ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление.* Формулировать свои предложения или возражения на вопросный лист, естественно, лучше всего письменно, причем ниже будут приведены примеры, когда здравые в общем-то предложения защиты были внесены с некоторыми формальными нарушениями, что послужило такой же формальной причиной их непринятия председательствующим. Например, это относится к постановке т.н. «частных вопросов» в проектах которых защита неудачно формулирует свои предложения, допуская правовые (процессуальные) формулировки.

Конечно, при определенной доле опыта и профессионализма, защита может обойтись и без постановки частных вопросов – подробно, последовательно и убедительно объяснив присяжным, что именно подсудимый признает, что отрицает, и как это следует отразить при ответе на вопросы (предполагаемые) вопросного листа. Однако в некоторых случаях, защите имеет смысл использовать свое право постановки частных вопросов как минимум для получения отказа председательствующего и создания еще одного апелляционного повода...

В общем, с учетом замечаний и предложений сторон, судья в совещательной комнате окончательно формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, и вносит их в вопросный лист, который им и подписывается. Причем повторное предоставление обновленного (окончательного) вопросного листа защитникам не предусматривается. О причинах отказа в принятии замечаний на вопросный лист, по сложившейся судебной традиции, судья в большинстве случаев также не сообщает.

Хотя касательно вышеуказанной процедуры, имеется одно любопытное судебное решение – речь идет об Апелляционном определении ВС РФ от 19 декабря 2013 г. №32-АПУ13-14сп. Обвинительный вердикт по этому делу обжаловался, в том числе, по причине несоответствия количества вопросов в проекте вопросного листа и в окончательном (уже заполненном присяжными) вопросном листе. Однако из судебного решения следует, что разница в количестве вопросов в проекте вопросного листа и в окончательном тексте вопросного листа не является существенным нарушением, если имело место объединение или разъединение вопросов из проекта вопросного листа...

Как бы то ни было, в любом случае далее вопросный лист оглашается в присутствии присяжных заседателей и передается старшине коллегии. Перед удалением в совещательную комнату присяжные заседатели вправе получить от председательствующего разъяснения по возникшим у них неясностям в связи с поставленными вопросами, не касаясь при этом существа возможных ответов на эти вопросы. Также, по имеющейся судебной практике, присяжные заседатели могут обратиться к судье за разъяснениями и после удаления в совещательную комнату. Для этого все участники процесса собираются в зале суда, присяжные заседатели выходят из совещательной комнаты после чего старшина коллегии формулирует перед председательствующим возникшую проблему. Выглядит эта процедура на практике весьма забавно: старшина присяжных (естественно, не юрист-практик) пытается, не раскрывая сути вопроса, получить по нему объяснения от судьи, а судья тем же Эзоповым языком пытается ответить.

Однако все ложки дегтя еще впереди. Увы, но манипуляции коллегией присяжных заседателей – это суровая реальность российской судебной системы.

Желание получить обвинительный вердикт (с одной стороны) и широчайшие полномочия (с другой) позволяют стороне обвинения и судье навязывать свою волю присяжным.

На практике стадия суда «постановление вердикта» - характеризуется прежде всего тем, что для председательствующего судьи уже становится очевидным кто из присяжных к какому решению склоняется, и как будет голосовать. Откуда это становится известно судье? Как правило источников два: либо сообщения от «засланных казачков» из числа самих же присяжных заседателей, либо результаты неофициальной прослушки совещательной комнаты присяжных. С учетом того, что присяжные заседатели заседают в помещении суда именно там, где им укажут – технически данный вопрос решается элементарно. Ну а раз лишние покровы тайны сброшены, для суда наступает время активных и решительных действий.

19.3 Методы воздействия на коллегию присяжных

Одним из наиболее эффективных (и наиболее подлых) приемов воздействия на коллегию (и тем самым конечный результат) является отвод из коллегии тех присяжных, которые склоняются к вынесению оправдательного вердикта. Арсенал средств стороны обвинения в данном случае обширный. Давайте вспомним, как это уже бывало.

- 28 октября 2008 года, на второй день после начала обсуждения присяжными заседателями вердикта по делу об убийстве заместителя председателя Центробанка Козлова, одна из присяжных была по решению судьи отведена из коллегии на том основании, что по заявлению прокурора она якобы видела, как присяжная общалась с двумя неизвестными мужчинами на проспекте Буденного (г.Москва). Этого голословного заявления прокурора, из которого никак не следовало что присяжной были нарушены требования законодательства, оказалось достаточно, чтобы судья исключил присяжную из процесса (<http://pravo.ru/news/view/3854/>).

- 3 августа 2004 года в Московском городском суде по делу об обвинении Полякова, Шапошникова и др., после удаления присяжных в совещательную комнату, судья отвел старшину коллегии на том основании, что старшина присяжных заседателей якобы отказался удаляться в совещательную комнату для уточнения вердикта и устранения противоречий в вопросном листе в соответствии со ст. 345 УПК РФ. Как утверждает, отказался старшина удаляться в совещательную комнату и после повторного разъяснения судьи о необходимости устранения имеющихся противоречий в ответах в вопросном листе. Итог – исключение из коллегии неугодного обвинению старшины (http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=105174).

- 30 ноября 2006 года в Мособлсуде была распущена коллегия присяжных заседателей по делу о взрыве поезда «Москва — Грозный». Судья приняла ходатайство прокурора и распустила коллегию присяжных: сторона обвинения заявила, что на присяжных оказывалось давление как защитниками подсудимых, так и адвокатами потерпевших (!) – присяжные якобы общались с адвокатами обеих сторон. Прокурор заявил, что утром перед зданием суда защитник обвиняемого махнул рукой одной из присяжных, а также разговаривал с ней. Правда, «виновница инцидента» заявила, что ни с кем она не общалась, а адвокат просто пропустил ее вперед на входе. Кроме того, гособвинитель обратил внимание судьи на то, что адвокат потерпевших на предыдущем заседании, увидев объявление о переносе слушаний в другой зал, уточнил у присяжных, где именно будет слушаться дело. Страшное, конечно, преступление против правосудия! (<http://lenta.ru/articles/2006/12/01/jury/>).

Подобные примеры исключения из коллегии неугодных присяжных можно перечислять еще долго, однако общая направленность действий прокурора в связке с судьей, думаем, понятна. Порой, впрочем, обвинение идет на совершенно радикальные меры. Известны даже случаи, когда присяжный заседатель задерживался

непосредственно у порога своего дома сотрудниками полиции под различными надуманными предложениями, в результате чего опаздывал на заседание и заменялся запасным присяжным.

- 24 июня 2009 года в ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению Д.Довгия в получении взятки, перед удалением коллегии на вынесение вердикта, председательствующий судья заменил присяжную, которая опоздала на заседание – по её словам женщину задержали сотрудники ГИБДД, поэтому она не смогла приехать вовремя (<http://www.novayagazeta.ru/politics/44564.html>).

В число приемов председательствующего для продавливания нужного вердикта входит, в том числе, и необоснованный возврат присяжных в совещательную комнату по причине якобы наличия противоречий в вопросном листе. Используется это для затяжки времени и оказания морального давления на присяжных.

Хотя, в данном случае, «все не так однозначно» (как и вообще все, что связано с решениями ВС РФ). Дело в том, что имеется древнее судебное решение, упомянутое еще в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 году». Тогда, в частности, вердиктом коллегии присяжных заседателей было признано недоказанным совершение Кругловым убийства супругов Камкиных, в связи с чем был постановлен оправдательный приговор:

«Как следует из протокола судебного заседания по делу в отношении Круглова, после возвращения присяжных заседателей в зал судебного заседания, председательствующий, ознакомившись с вопросным листом, указал о наличии противоречий и неясностей в ответах на 2 и 3 вопрос, объяснил, в чем выражаются эти противоречия, и предложил присяжным заседателям возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист. По просьбе старшины присяжных заседателей он вручил им дубликат вопросного листа, разъяснив, что первый вопросный лист они должны сохранить.

Возвратившись в совещательную комнату, присяжные заседатели зачеркнули первый вопросный лист и приступили не к внесению уточнений в него, а к повторному обсуждению поставленных вопросов, в том числе и тех, на которые ими были даны ответы и на неясность которых не обращалось их внимание.

В частности, им не указывалось на неясность ответа на первый вопрос, по которому присяжные заседатели достигли единодушного мнения о доказанности деяния, но после повторного удаления их в совещательную комнату и обсуждения три присяжных заседателя дали отрицательный ответ и на первый вопрос».

Верховный суд РФ посчитал это достаточным основанием для отмены оправдательного приговора...

Конечно, статья 345 УПК Российской Федерации не запрещает присяжным заседателям «уточнять» вердикт как они считают это правильным после возвращения в совещательную комнату – ведь их ответы еще не провозглашены публично, а лишь просмотрены судьей. Судья же принимает или не принимает вердикт присяжных заседателей не по частям, а целиком.

Однако, как ни странно, но данный судебный прецедент скорее на руку защите, чем обвинению. Дело в том, что это излюбленная тактика суда – многократно под различными надуманными предложениями возвращать присяжных в совещательную комнату, ожидая что они сдадутся и вынесут обвинительный вердикт. В данном случае, обсуждаемое судебное решение наносит весьма существенный удар по этой шулерской схеме.

Но есть один нюанс. Согласно Апелляционного определения ВС РФ от 19 декабря 2013 г. №32-АПУ13-14сп, переголосование по вопросному листу не просто возможно, но и обязательно, если в коллегию вошел новый присяжный...

Еще один приемчик – «заигрывание» с трехчасовым сроком, отведенным законом для присяжных заседателей на возможность принять единогласное решение. По закону, только по истечении трех часов присяжные могут приступать к голосованию по вопросному листу. Вот это обстоятельство и используется судом для того, чтобы вернуть присяжных заседателей в совещательную комнату, если они пытаются огласить не единогласное решение, принятое менее чем за три часа после ухода в совещательную комнату. Вообще не понятно, что подразумевал законодатель, когда установил срок обсуждения вопросного листа и сделал его равным трем часам. Почему трем часам, а не трем дням или трем минутам? Вопросный лист по уголовным делам, как мы знаем, может насчитывать от десятка до сотен вопросов, то есть где-то для полноценного обсуждения хватит и получаса, а где-то и вдумчиво прочитать все вопросы за три часа просто не реально. Более того, обсуждение и склонение всех присяжных к единому мнению имеет принципиальное значение только в англосаксонской системе права, где решения принимаются квалифицированным большинством. У нас же вердикт будет всегда.

И снова, для иллюстрации судебной практики, можно сослаться на дело саранского бизнесмена Юрия Шорчева. Манипуляции по этому делу вообще вышли на качественно новый уровень: неоднократно, по надуманным предлогам, присяжных заседателей возвращали в совещательную комнату, не давая им огласить вынесенный (как потом выяснилось – оправдательный) вердикт. Так продолжалось до тех пор, пока по истечении трех дней, из коллегии не вышли сразу трое присяжных, после чего коллегия развалилась, ибо запасных уже не было. Но, конечно, апофеозом судебного беспредела, стало нападение на одну из присяжных, склонявшуюся к вынесению оправдательного вердикта, с целью лишить ее возможности участвовать в обсуждении вопросного листа. О том, что это нападение было делом рук «правоохранительных» органов косвенно указывает также и тот факт, что по данному поводу вообще отказали в возбуждении уголовного дела... Подробнее об этом можно прочитать тут: <http://shorchev.biz/lizunova/>

Также в арсенале судей имеются и всевозможные манипуляции непосредственно с содержанием вопросного листа. Так, например, один из способов «поймать в ловушку» присяжных – это сформулировать вопросы таким образом, чтобы признание какого-либо очевидного факта влекло бы за собой признание и какого-то спорного обвинительного факта. То есть нередко можно встретить ситуации, когда один вопрос вопросного листа частично «перекрывает» другой вопрос (по фактическим обстоятельствам или их участникам), в результате чего ответы на эти оба вопроса необходимо между собой согласовать (это значит ответить надо либо на все «да», либо на все «нет»). К тому же недобросовестные судьи иногда используют это для того, чтобы многократно возвращать присяжных заседателей в совещательную комнату, пытаясь их замучить исправлениями и получить в итоге нужный (обвинительный) вердикт.

Имеются и иные процессуальные опасности, подстерегающие сторону защиты, да и самих присяжных заседателей при вынесении вердикта. Так одним из условий получения присяжными заседателями разъяснений от председательствующего, по тем или иным вопросам вопросного листа, является специфика формулировки просьбы о даче таких разъяснений. Просьба должна быть сформулирована таким образом, чтобы из нее не вытекало решение, принятое присяжными заседателями. Несоблюдение этого требования даже повлекло отмену приговора в Апелляционном определении ВС РФ от 13 марта 2014 г. №71-АПУ14-3сп. Как указал в этом случае Верховный суд, вопрос старшины прозвучал следующим образом: «При принятии отрицательного решения следующий вопрос пишется, если да...?». Таким образом, старшиной фактически был озвучен вердикт присяжных заседателей по данному вопросу.

19.4 Анализ вопросного листа

Получив проект вопросного листа, адвокат, как правило, оказывается в крайне напряженной ситуации. Довольно часто, судьи дают совершенно минимальное время на анализ документа и формулирование к нему замечаний. Между тем, качественный анализ требует вдумчивого углубленного чтения, сравнения с обвинением и материалами дела. Выявление возможных разночтений, противоречий и двусмысленностей – не такая уж простая работа, особенно в условиях жесткого цейтнота. Также адвокату требуется время и на подготовку своих замечаний-предложений по вопросному листу, что крайне затруднительно сделать, не видя и не имея заранее на руках проекта документа. Таким образом, есть насущная необходимость иметь хотя бы примерный типовой план анализа вопросного листа.

При этом анализ вопросного листа имеет смысл проводить с учетом положений ст. 339 УПК РФ и имеющейся судебной практики по следующим этапам. Так, начинать анализ имеет смысл с проверки соблюдения формальных требований к составлению вопросного листа сформулированных в ст. 339 УПК РФ. А именно: по каждому ли деянию поставлен вопрос о его доказанности, доказанности причастности к нему подсудимого, доказанности вины подсудимого и возможности снисхождения со стороны присяжных заседателей. Выявление таких простых и грубых ошибок – это не совсем работа адвокатов (конечно, если председательствующий не заключил с адвокатом специального соглашения на юридическую помощь), но если вы ожидаете положительного для вас вердикта присяжных, то имеет смысл снизить вероятность его отмены в том числе и по причине нарушений в структуре вопросного листа.

Следующий шаг: это анализ каждого обвинения по первым двум ключевым позициям – доказанность события и доказанность причастности. При этом следует помнить о наличии у председательствующего права соединить в одном пункте три первых вопроса – о деянии, о причастности, и о виновности. Однако, изложены ли фактические обстоятельства в соответствии с обвинением и позициями сторон? Не пропали ли из вопросного листа нужные защите факты и не появились ли новые, отсутствующие в обвинении? Выполнены ли требования законодательства к корректности соединения или разделения вопросов по деяниям и подсудимым? Не содержатся ли в поставленных вопросах юридические термины или вопросы о праве? Достаточно ли понятно сформулированы вопросы присяжным заседателям, отсутствуют ли в них неточности и двусмысленности?

После соответствующей проверки основных вопросов, следует заняться частными (если таковые были в итоге поставлены председательствующим) – в первую очередь, отвечают ли они требованиям ч.3 ст.339 УПК РФ? Необходимо понять, не могут ли они при определенных ответах присяжных заседателей, ухудшить положение подсудимого, соответствуют ли позиции по делу сторон защиты и обвинения?

Наконец, можно переходить к наиболее сложному этапу – перекрестной проверке вопросов листа на их соотносимость между собой и, в первую очередь, в части упоминаемых в них деяний и лиц. Необходимо разобраться: нет ли противоречий между изложением событий в разных вопросах, не влечет ли ответ на один вопрос – автоматической обусловленности ответа на другой вопрос и т.д. Это самый сложный этап, особенно при значительном количестве подсудимых, эпизодов и поставленных вопросов.

По результатам анализа необходимо определиться – какие нарушения и ошибки выявлены, следует ли о них заявлять, либо лучше оставить что-то в качестве возможного апелляционного повода... При этом следует учитывать, что по практике ВС РФ, ряд нарушений признается таковыми только в случае, когда на них от сторон поступали возражения при подготовке вопросного листа! Также следует решить вопрос с постановкой и правильной формулировкой дополнительных частных вопросов. Если вами принято решение о принесении возражений на поставленные

вопросы, то надо определиться в какой редакции следует ставить оспариваемые вопросы, какими частными вопросами следует дополнить вопросный лист и т.п.

Понятно, что изложенная здесь последовательность анализа вопросного листа выглядит несколько схематично и для лучшего понимания читателем необходимы конкретные примеры. Однако, к сожалению, примеры нарушений и их возможных исправлений слишком объемны для их включения в данный параграф, поэтому пришлось выделить их отдельными подпунктами ниже по тексту.

19.4.1 Объединение в одном вопросе нескольких подсудимых

В вопросных листах, составленных по делам с большим количеством подсудимых, систематически возникает проблема, когда формулируемый судом вопрос охватывает сразу несколько соучастников преступления. Соответственно, в случаях, когда один или несколько соучастников-подсудимых отрицают свою причастность к конкретному деянию, вопросный лист превращается для них в своего рода капкан. То есть, расписывая деяние и причастность к деянию нескольких подсудимых, судья вынужден (будем считать, что он сам от этого не в восторге) упоминать каждого из подсудимых неоднократно, указывая на совершенные им действия. В итоге, порой, вопрос встающий перед присяжными заседателями оказывается весьма хитроумным переплетением фамилий подсудимых и приписываемых им действий, в которых далеко не сразу разберется даже опытный юрист. Поэтому если присяжные придут к мнению о недоказанности соучастия в преступлении какого-либо одного подсудимого, им предстоит кропотливая и трудная работа по нахождению и выписыванию всех соответствующих цитат с упоминанием этого подсудимого (а именно путем дословного указания, что какое-либо утверждение вопросного листа признается коллегией недоказанным – после голосования по этому поводу конечно). Но при этом делать это все надо таким образом, чтобы в вопросном листе не возникли противоречия. Можете себе представить насколько это титаническая работа! А если вы представить себе это все-таки не можете, то вот конкретный пример из реально существовавшего вопросного листа.

Вопрос 1. Доказано ли, что имело место следующее деяние: 11 октября 1997 года примерно в 13 часов около корпуса №4 дома №4 по ул. Сущинского (...) по автомобилю марки «ВАЗ-2110» государственный регистрационный знак (...) под управлением Ю.Р.В., в котором также находились Л.Е.В., Г.Р.Х. и Ч.В.В., было произведено не менее одиннадцати выстрелов из автомата «Калашникова» калибра 7,62 мм и не менее трех выстрелов из пистолета «ПМ» калибра 9 мм. В результате этого Ю.Р.В. были причинены: (...). Смерть Ю.Р.В., Л.Е.В., Г.Р.Х. и Ч.В.В. не наступила, поскольку им удалось скрыться с места происшествия?

Вопрос 2. Если на 1-й вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что описанное в нем деяние совершил Ш. в составе созданной им совместно с другим лицом не позднее 11 октября 1997 года и им руководимой устойчивой и сплоченной группы людей, имевшей цель совершение нападений и лишение жизни участников аналогичных противоборствующих групп, действовавших на территории (...), для последующего взятия под свой криминальный контроль коммерческих объектов (...), контролировавшихся этими группами, а также для лишения жизни иных лиц, препятствующих осуществлению противоправной деятельности участников указанной группы. Не позднее 11 октября 1997 года в (...) Ш. при личной встрече

дал указание участнику группы О. совместно с другим членом группы Б. провести слежку за участником противоборствующей группы Ю.Р.В., совершить на него нападение и лишить его жизни, а также лишить жизни лиц, его охранявших. При нападении Ш. поручил О. использовать переданные им до 11 октября 1997 года исправные и пригодные для стрельбы: автомат «Калашникова» калибра 7,62 мм, не менее 30 боевых патронов к нему, и пистолет «ПМ» калибра 9 мм, не менее 8 боевых патронов к нему. При этом Ш. понимал, что при нападении будут подвергаться опасности жизнь иных лиц, проходящих либо проезжавших мимо места совершения нападения?

Вопрос 5. Если на 1-й вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что описанное в нем деяние совершил О. в составе устойчивой и сплоченной группы людей, созданной не позднее 11 октября 1997 года с целью совершения нападений и лишения жизни участников аналогичных противоборствующих групп, действовавших на территории (...) для последующего взятия под свой криминальный контроль коммерческих объектов (...), контролировавшихся этими группами, а также для лишения жизни иных лиц, препятствующих осуществлению противоправной деятельности участников указанной группы. Не позднее 11 октября 1997 года О., согласившись с указаниями Ш. лишить жизни участника противоборствующей группы Ю.Р.В., а также лиц, его охранявших, совместно с Б., передав ему указания Ш. о лишении жизни Ю.Р.В. и охранявших его лиц, используя при этом переданные ему Ш. до 11 октября 1997 года автомат «Калашникова», не менее 30 боевых патронов к нему, и пистолет «ПМ», не менее 8 боевых патронов к нему, разработали план нападения, распределили роли и осуществили слежку за Ю.Р.В. Выследив Ю.Р.В., 11 октября 1997 года в утреннее время О. и Б. подошли к гаражам, расположенным напротив корпуса № 4 дома № 4 по ул. Сущинского (...), где О., выполняя указания Ш., передал Б. пистолет «ПМ», снаряженный не менее 8 боевыми патронами, оставив себе автомат «Калашникова», снаряженный не менее 30 боевыми патронами. Затем с целью изменения своей внешности наклеил на свое лицо искусственные усы и бороду. Примерно в 13 часов того же дня, увидев автомобиль марки «ВАЗ-2110» государственный регистрационный знак (...) под управлением Ю.Р.В., в котором также находились Л.Е.В., Г.Р.Х. и Ч.В.В., О. с целью лишения жизни указанных лиц произвел в указанный автомобиль из автомата «Калашникова» не менее 11 выстрелов. При этом О. понимал, что подвергает опасности жизнь других людей, проходивших и проезжавших мимо в автотранспорте?

Вопрос 8. Если на 1-й вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что описанное в нем деяние совершил Б. в составе устойчивой и сплоченной группы людей, созданной не позднее 11 октября 1997 года с целью совершения нападений и лишения жизни участников аналогичных противоборствующих групп, действовавших на территории (...), для последующего взятия под свой криминальный контроль коммерческих объектов (...), контролировавшихся этими группами, а также для лишения жизни иных лиц, препятствующих осуществлению противоправной деятельности участников указанной группы. Не позднее 11 октября 1997 года Б., узнав от О. об указаниях руководителя группы Ш. лишить жизни участника

противоборствующей группы Ю.Р.В., а также лиц, его охранявших, дал свое согласие. Затем Б. и О. разработали план нападения, распределили роли и провели слежку за Ю.Р.В. 11 октября 1997 в утреннее время О. и Б. подошли к гаражам, расположенным напротив корпуса № 4 дома № 4 по ул. Сущинского (...), где Б. получил от О. пистолет «ПМ» с 8 боевыми патронами, ранее переданный ему Ш. Примерно в 13 часов того же дня, увидев автомобиль марки «ВАЗ-2110» государственный регистрационный знак (...) под управлением Ю.Р.В., в котором также находились Л.Е.В., Г.Р.Х. и Ч.В.В., Б. с целью лишения жизни указанных лиц из имевшегося у него пистолета «ПМ» произвел в указанный автомобиль не менее 3 выстрелов. При этом Б. понимал, что подвергает опасности жизнь других людей, проходивших и проезжавших мимо в автотранспорте?

А вот теперь, ознакомившись с этим фрагментом вопросного листа, можете себе представить, как сложно будет присяжным его воспринять и осмыслить. Но это еще не все! Позиция защиты (защищал я как раз подсудимого Ш.) заключалась в том, что событие преступления имело место, но Ш. не имел никакого к нему отношения. А вот теперь – вообразите себе, какой объем текста следовало бы переписать присяжным в вопросном листе, чтобы признать участие Ш. в этом преступлении недоказанным: сначала нужно было признать недоказанным вопрос №2 (поставленный в отношении самого Ш.), а затем следовало бы скрупулезно и планомерно выписать (внизу страницы или на обороте листа) конкретные цитаты вопросного листа, которые они признают недоказанными про Ш. из вопросов о роли О. и Б. (Ну и для полноты картины следует отметить, что подобных «сложносочиненных» эпизодов в деле было 8 штук!).

Однако присяжные в ходе судебного заседания пришли к выводу о том, что помимо недоказанности участия в преступлении подсудимого Ш., не доказано также участие в нем подсудимых О. и Б. Но ведь могло быть и по-другому! Не оспаривая, например, соучастия О. и Б. присяжные могли прийти в ужас от предстоящего объема работы в отношении подсудимого Ш. и пойти по пути наименьшего сопротивления – признать его тоже виновным «за компанию».

Казалось бы, что такие формулировки вопросов очевиднейшим образом нарушают требования ч.7 ст.339 УПК РФ, предписывающей ставить вопрос в отношении каждого подсудимого отдельно. Можно было бы, например, формулировать вопросы, заменив подсудимых Ш., О. и Б. обозначениями «Лицо-1», «Лицо-2», «Лицо-3» с последующей конкретизацией личностей подсудимых в частных вопросах – тогда присяжным заседателям достаточно было бы признать, что, допустим, «Лицо-1» не является подсудимым Ш. и т.д. Однако, председательствующий в деле не для того, чтобы облегчить жизнь присяжным заседателям. Указанное предложение защиты им принято не было.

Но самое печальное заключается в том, что такая позиция председательствующего основывалась на судебной практике Верховного суда РФ. Согласно позиции ВС, в вопросе о причастности к преступлению конкретного подсудимого вполне допустимо указывать фамилии других подсудимых и описывать преступные действия, которые были ими совершены. При этом факт того, что ответ присяжных на вопрос о доказанности действий одних лиц будет фактически предопределять доказанность причастности и других подсудимых – Верховным судом деликатно «не замечается».

Так в Определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. по делу №81-о05-26сп, суд согласился с доводами прокурора и усмотрел нарушение закона судом первой инстанции в том, что в вопросе о причастности конкретного подсудимого к инкриминируемому деянию фамилии остальных подсудимых были заменены на термин «другие лица». Позиция ВС в итоге

оказалась такая: «Подсудимым предъявлено обвинение в том, что они завладели чужим имуществом с конкретными лицами, а не с другими лицами», после чего оправдательный приговор, конечно, был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение.

Свое развитие эти юридические изыски получили в Кассационном определении ВС РФ от 24 октября 2013 г. №56-О13-28сп:

«В соответствии со ст.339 ч.7 УПК РФ, вопросы были поставлены в отношении каждого подсудимого отдельно. Вместе с тем, необходимо учитывать, что действующий уголовно-процессуальный закон не содержит запрета при формулировании вопросов упоминать действия других лиц в той мере, в какой эти действия охватываются предъявленным обвинением».

Как видно из приведенной цитаты, ВС РФ как бы «не замечает» того факта, что упоминание других лиц, фактически приводит к неоднократному выяснению причастности подсудимых к одним и тем же деяниям, но в разных вопросах вопросного листа (что сулит возникновение противоречий в ответах на вопросный лист, что, конечно, будет использовано против подсудимых).

Еще одно Кассационное определение ВС РФ от 9 февраля 2010 г. №4-О10-5сп – здесь ВС РФ вновь подтверждает правомерность указания в вопросах в отношении каждого из подсудимых фамилий других лиц, проходящих по делу. При этом дополнительно указывается на то, что сторона защиты против таких формулировок не возражала, а присяжные заседатели вправе были исключить из любого вопроса указание на фамилию другого подсудимого и, тем самым, признать его невиновным в совершении преступления...

Или вот Апелляционное определение ВС РФ от 15 мая 2014 г. №80-АПУ14-8сп – в данном случае суд вновь объединил в основном вопросе (вопросе о виновности подсудимого) как самого подсудимого, так и фамилии соучастников преступления. На доводы апелляционной жалобы защиты о незаконности постановки вопроса в такой форме, ВС РФ возразил:

«Что касается фамилий других осужденных Новикова и Беспалова, то они правильно указаны в основном вопросе №5 в отношении Эминова, так как он обвинялся в совершении преступлений вместе с ними в составе организованной группы».

Наиболее же подробно Верховный суд озвучивает свою позицию по данному вопросу в Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 28.06.2006 г. №67-о06-36сп. В ней суд ссылается на ч.8 ст.339 УПК РФ, требующей постановки вопросов перед присяжными в понятных присяжным заседаниям формулировках, которую ВС РФ по факту ставит выше, чем прямое указание на необходимость постановки отдельных вопросов по каждому подсудимому в ч.7 той же ст.339 УПК РФ:

«Так из протокола судебного заседания следует, что в прениях государственный обвинитель поддержал обвинение В. и Г. в совершении квалифицированного разбойного нападения (группой лиц по предварительному сговору, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище) на потерпевших Б. и Б.Н., в ходе которого, выйдя за пределы договоренности, В. убил потерпевших, после чего В. и Г. завладели чужим имуществом. Другие лица по делу не проходят.

Во втором основном вопросе речь идет о доказанности совершения В. вместе с "другим лицом" (не указано, что это он сделал с Г.) определенных действий, поддержанных в прениях государственным обвинителем. Здесь же изложены действия, совершенные "другим лицом". Аналогичная конструкция формулирования вопроса изложена в

5-м вопросе (в нем идет речь о доказанности совершения Г. совместно с другим лицом определенных действий).

Таким образом, суд не поставил на разрешение присяжных заседателей вопрос о доказанности совершения В. вместе с Г. определенных действий. Непонятно, о каком другом лице говорится в вопросном листе (на скамье подсудимых перед присяжными заседателями находились конкретные лица – В. и Г.).

В первом основном вопросе изложено событие преступления. Однако событие сформулировано без учета обвинения В., оно изложено таким образом, что речь идет о доказанности совершения убийства (безмотивного), после чего совершена кража.

Ответы на 2-й и 5-й вопросы содержат (кроме неясностей, на которые указано выше) противоречия. На 2-й вопрос присяжные заседатели дали отрицательный ответ (не сделав при этом никаких исключений и оговорок). Таким образом, они признали недоказанным совершение "другим лицом" (можно лишь предполагать, что под другим лицом суд имел в виду Г., а вопрос сформулирован в отношении В.) определенных действий. В то же время присяжные заседатели дали утвердительный ответ на 5-й вопрос (в нем речь идет о доказанности совершения Г. и "другим лицом" конкретных действий). Они же изложены и во 2-м вопросе, т.е. присяжные заседатели дали взаимоисключающие ответы».

Чем, в итоге, опасна формулировка вопросов в том виде, который навязывает в данных случаях ВС РФ? Прежде всего тем, что в случае, когда присяжные придут к выводу о том, что один из соучастников причастен к преступлению, а другой нет (или, например, этим соучастником являлось иное, не привлеченное в качестве подсудимого лицо) – то исключить такое «слоеное» утверждение из нескольких вопросов вопросного листа будет для присяжных крайне не просто. То есть, говоря о своей позиции по делу, необходимо иногда заявлять и подчеркивать, что, не отрицая и не оспаривая причастности других подсудимых, защита оспаривает участие в эпизоде конкретного подсудимого. Однако ВС РФ такие доводы никак не убеждают. Вот и в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.12.2005 по делу №81-005-91сп мы снова читаем:

«Формулируя вопросный лист, первый основной вопрос председательствующий построил так: "Доказано ли, что потерпевшей были причинены кровоизлияния в мягкие ткани левой височной области, странгуляционная борозда с признаками асфиксии тяжелой степени от сдавливания шеи, два проникающих колото-резаных ранения левой половины грудной клетки с повреждением верхней доли легкого". Последние повреждения привели к острой кровопотере и шоку, от чего потерпевшая скончалась. Таким образом, на разрешение присяжных заседателей не был поставлен (в первом основном вопросе) вопрос о доказанности приведения С.Д. потерпевшей к бессознательному состоянию и коме.

Во втором основном вопросе речь идет о доказанности действий, вмененных в вину С.Д. (без указания действий С.А.). В этом вопросе речь также идет о доказанности совершения деяния, указанного в первом основном вопросе, С.Д. вместе с другим лицом.

Аналогичным образом сформулирован шестой основной вопрос – о доказанности совершения С.А. конкретных действий. Здесь же идет речь о доказанности совершения деяния С.А. с другим лицом. На второй основной вопрос присяжные заседатели дали утвердительный ответ, а

на шестой – отрицательный. Дав утвердительный ответ (без каких-либо исключений), они признали доказанным совершение деяния.

Из вопросов и ответов на них следует, что на разрешение присяжных заседателей не были поставлены вопросы о доказанности совершения С.Д. и С.А. деяния, поддержанного государственным обвинителем в судебных прениях.

С.Д. и С.А. предъявлено обвинение в том, что они вдвоем совершили убийство. Каждому из них не предъявлялось обвинение в совершении убийства (как это сформулировано в вопросах) с другим лицом. В обвинении речь идет не о других лицах, а о конкретных подсудимых. Фактические обстоятельства, связанные с убийством, которые изложены во 2-м и 6-м основных вопросах, не соответствуют поддерживаемому государственным обвинителем обвинению.

Вердикт является противоречивым и неясным. Присяжные заседатели признали доказанным совершение деяния, а также совершение С.Д. конкретных действий: повалил потерпевшую на пол и завязал на ее шею шарф с наступлением определенных последствий. В то же время присяжные заседатели признали недоказанным нанесение С.А. двух ударов ножом в область грудной клетки потерпевшей. Однако, отвечая на первый основной вопрос (о доказанности деяния), присяжные заседатели признали факт нанесения двух ножевых ранений грудной клетки потерпевшей».

Впрочем, в развитие данной темы, хотелось бы упомянуть одно недавнее судебное решение – Апелляционное определение ВС РФ от 21 января 2016 года №201-АПУ15-21сп. Настоятельно рекомендую уделить этому документу особое внимание – может пригодиться совершенно неожиданно. Согласно вынесенного по делу приговора, часть подсудимых была осуждена, а часть оправдана. Так вот, в одной из апелляционных жалоб защиты, указывается на то, что на ряд вопросов присяжными заседателями даны ответы о доказанности совершения гражданином Лелетко преступлений в соучастии с гражданином Угаровым, который был полностью оправдан присяжными. А в другой жалобе указывается, что в ответе на вопросы под №1, 2, 8, 15, 21 вопросного листа присяжные признали доказанным совершение гражданином Черезовым и другими осужденными инкриминированных деяний также в соучастии с Угаровым, который был полностью оправдан этим же вердиктом. В итоге в приговоре фамилия Угарова при описании этих же деяний не упоминается, а сам вердикт коллегии присяжных заседателей является противоречивым, поскольку ответы на ряд вопросов о доказанности совершения Черезовым с другими осужденными инкриминированных деяний в соучастии с Угаровым противоречат ответам на вопросы о недоказанности совершения Угаровым тех же деяний. И что бы вы думали? Верховный суд в данном случае озвучил следующую, весьма любопытную позицию:

«Довод защитника о противоречивости вердикта коллегии присяжных заседателей по мотиву упоминания фамилии оправданного Угарова в вопросах, на которые даны ответы о доказанности обвинения в отношении иных подсудимых, не может служить основанием для отмены или изменения приговора, поскольку в соответствии с ч.2 ст.345 УПК РФ оценка вердикта на предмет его неясности и противоречивости относится к исключительной компетенции председательствующего, который в соответствии с названной нормой закона вправе сделать вывод о неясности и противоречивости вердикта в том случае, если ответы на вопросы, данные присяжными заседателями, не позволяют ему постановить приговор в соответствии с требованиями ст.351 УПК РФ. По данному делу вынесенный присяжными заседателями вердикт не породил у

председательствующего неясности в вопросе о том, в совершении каких преступных деяний и в соучастии с кем подсудимые Лелетко, Сироткин, Волков, Черезов и Месиков признаны виновными, что позволило ему вынести приговор, в полной мере соответствующий вердикту, что не оспаривается и в данной апелляционной жалобе».

Во как! Нарушением же ВС РФ считает только буквальное объединение вместе нескольких подсудимых в одном-единственном вопросе о виновности, что следует, в частности, из Кассационного определения от 7 апреля 2011 г. №70-011-2сп или Кассационного определения от 18 марта 2013 г. №35-О13-9сп. Аналогичное нарушение – объединение в одном вопросе о причастности к преступлению всех подсудимых ВС РФ отметил и в Определении ВС РФ от 28.04.2003 г. №8-о03-17. Также в [Определении](#) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2006 г. по делу №51-о06-57сп указано, что из приобщенного вопросного листа видно, что после основного вопроса №1 о доказанности деяния, председательствующий, вопреки требованиям [статьи 339](#) УПК РФ, поставил вопрос №2 о доказанности совершения деяния не в отношении каждого подсудимого персонально, а в отношении обоих...

19.4.2 Постановка вопросов при идеальной совокупности преступлений

Как мы знаем, многоэпизодные дела – с большим количеством подсудимых – для суда присяжных не исключение, а скорее правило. В связи с этим, одним из камней преткновения при постановке вопросов в вопросном листе является вопрос – а по каким собственно признакам следует членить обвинение на отдельные группы вопросов?

Не вдаваясь в теоретические рассуждения, сразу сошлюсь на судебную практику. Позиция ВС РФ здесь заключается в том, что вопрос в вопросном листе ставится именно по деянию, а не по составам преступлений, поскольку в соответствии со статьей 334 УПК РФ, присяжные устанавливают лишь фактическую сторону деяния, юридическая же оценка дается уже судьей в приговоре. То есть, если подсудимый бросил гранату в результате взрыва которой был убит потерпевший А., а потерпевший Г. получил телесные повреждения средней тяжести, то имеет место т.н. идеальная совокупность преступлений, и в вопросном листе это должно ставиться одним вопросом. Если же подсудимый сначала выстрелил в потерпевшего А., причинив ему смерть, а потом в потерпевшего Г., причинив ему телесные повреждения, то в этом случае вопросов должно быть два.

Читаем соответствующую позицию Верховного суда о постановке вопросов в Постановлении Пленума ВС РФ от 22 ноября 2005 г.:

«При идеальной совокупности преступлений, когда одно действие (бездействие) содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Уголовного кодекса РФ, перед присяжными заседателями ставится один вопрос, поскольку они в соответствии с полномочиями, определенными статьей 334 УПК РФ, устанавливают лишь фактическую сторону деяния, юридическая оценка которого дается судьей в приговоре».

В качестве дополнительной иллюстрации можно сослаться на [Определение](#) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.03.2005 г. по делу №50-о04-82сп, где «идеальной совокупностью» было признано совершение убийства в ходе разбойного нападения:

«В действиях осужденных усматривается идеальная совокупность преступлений. Законом предусмотрена постановка трех

основных вопросов по каждому деянию, а не по каждому составу преступления, на чем настаивает адвокат Любушкин О.А.».

Идеальная совокупность (и как результат необходимость постановки одного вопроса) была усмотрена ВС РФ и в еще одном любопытном деле об убийстве и грабеже. Так в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.11.2006 г. №[56-о06-46сп](#) указано:

«Таким образом, учитывая, что в данном случае разбой и убийство образуют идеальную совокупность преступлений, судьей правильно поставлен один вопрос о совершении деяния, квалифицируемого по двум статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации».

А определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.01.2010 г. по делу №5-о09-272сп усмотрена идеальная совокупность взятки и превышения должностных полномочий:

«Вопреки доводам в жалобах осужденного Довгия, адвоката Баграева Ю.М., председательствующий правильно в вопросах №№ 1, 2, 3 указал обстоятельства обвинения, служившие основанием для квалификации действий, как взятки и как превышение должностных полномочий, поскольку эти обстоятельства являлись едиными действиями Довгия, направленными на получение взятки. Данные действия председательствующего соответствовали требованиям ч.1 ст.339 УПК РФ, согласно которой вопрос ставится по деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый. Отдельных вопросов по получению взятки и по превышению должностных полномочий в данном конкретном случае не требовалось».

Еще один пример постановки вопроса при наличии идеальной совокупности дает Апелляционное определение ВС РФ от 15 мая 2014 г. №80-АПУ14-8сп. В данном случае в один вопрос были объединены действия подсудимых, направленные на контрабанду и сбыт наркотического вещества:

«Из предъявленного обвинения следует, что осужденные Новиков, Эминов и Беспалов обвинялись в совершении в составе организованной группы покушения на незаконный сбыт на территории <...> области гашиша, приобретаемого по организованному ими каналу поставки с территории Республики <...>. Поэтому председательствующий правильно поставил основной вопрос №1 о доказанности или недоказанности данного деяния».

Итак, выше были рассмотрены случаи, когда вопросы были сформулированы судом с соблюдением требований ст.339 УПК РФ, однако имеются и примеры обратного – когда в одном вопросе судом объединяются деяния, не образующие идеальной совокупности преступления. Указанное нарушение признается ВС РФ в качестве достаточного основания к отмене приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей. Примером может служить Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.04.2008 г. №5-о08-74сп:

«По данному делу подсудимые обвинялись в совершении в разное время различных преступлений: С. – в двух преступлениях, П., В., З. и У. – в трех преступлениях, а Ш. – в четырех преступлениях.

В судебном заседании при обсуждении проекта вопросного листа стороны, в том числе и государственные обвинители, в соответствии с ч.2 ст.338 УПК РФ высказали свои замечания, указав, что подсудимые обвиняются в совершении в различное время нескольких преступлений,

предусмотренных разными главами и статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, и просили в соответствии с ч.1 ст.339 УПК РФ поставить в вопросном листе по каждому деянию три основных вопроса.

Однако председательствующий судья в нарушение этой нормы Кодекса объединил два первых основных вопроса по всем деяниям – незаконному прослушиванию телефонных переговоров, злоупотреблению должностными полномочиями, получению взятки – в один вопрос, а в отношении Ш. в один вопрос вошло и обвинение в должностном подлоге.

Такие нарушения уголовно-процессуального закона повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них».

В другом случае, Кассационным определением ВС РФ от 26 февраля 2013 г. №49-О12-79СП обвинительный приговор был отменен именно на том основании, что вопреки требованиям ст.339 УПК РФ перед присяжными заседателями в вопросе №1 – о том доказано ли, что деяние имело место – был поставлен вопрос о доказанности событий по всем трем преступлениям: похищению, разбойному нападению и убийству. При таких обстоятельствах доводы осужденных и их адвокатов о том, что постановка вопросов с нарушением положений уголовно-процессуального закона фактически лишила присяжных заседателей возможности правильно оценить существо дела и должным образом выполнить возложенные на них обязанности и реализовать права при вынесении вердикта, являются обоснованными.

Апелляционное определение ВС РФ от 28.10.2015 г. за № 48-АПУ15-36сп, отменившее оправдательный приговор, было мотивировано тем, что в одном из вопросов вопросного листа были объединены вопросы, связанные с убийством потерпевшего и с разбойным нападением на него же. При этом суд особо отметил, что отсутствие замечаний со стороны участников уголовного судопроизводства по поводу содержания вопросного листа само по себе не является основанием для признания его соответствующим закону и не освобождает судью, председательствующего по делу, сформулировать вопросы надлежащим образом.

Кроме того, объединение в одном вопросе разнородных деяний влечет за собой не только формальное нарушение закона, но и, в ряде случаев, приводит к вынесению присяжными заседателями противоречивого вердикта. В частности, можно сослаться на [Определение](#) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.07.2008 г. по делу №19-О08-24СПМВ. Так, согласно обвинения, подсудимые причинили смерть потерпевшему, после чего завладели принадлежащими ему деньгами. В вопросном листе судом были поставлены два вопроса №1 и №5 в следующем виде:

«Доказано ли, что 19 мая 2007 г. за селом Александровским Ставропольского края С.М. ударили ладонью руки в область шеи, а затем рывком с поворотом его головы в сторону причинили вывих шейного отдела позвоночника с травмой спинного мозга, перелом хрящей гортани, а В. также сильно ударили кулаком в горло, чем причинили перелом хрящей гортани, после чего забрали у них 46500 рублей?» – на этот вопрос коллегия присяжных заседателей дала отрицательный ответ, заключив, что событие, описанное в нем, не доказано;

«Доказано ли, что 19 мая 2007 г. С.М. и В. за селом Александровским Ставропольского края были лишены жизни с изъятием у них 46500 рублей?» – на этот же вопрос Коллегия присяжных заседателей ответила «Да, доказано», заключив, что данные события имели место.

Суд первой инстанции, несмотря на очевидную противоречивость вердикта, внимания на это не обратил и вынес приговор, который в дальнейшем и был по этим основаниям отменен ВС РФ...

Что ж, говоря о специфике постановки вопросов при идеальной совокупности преступлений, нельзя обойти вниманием и одно старое, но от того не менее «чудесатое» Определение Кассационной палаты ВС РФ от 13.01.1999 года (№БВСР 99-8) из которого следует, что судьи ВС РФ на полном серьезе допускают существование ситуации, когда невиновность подсудимого в преступном деянии не исключает его виновности в отдельных последствиях не совершенного им поступка. Вот, извольте ознакомиться:

«Органами предварительного следствия Архипов обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.222, ч.2 ст.167 УК РФ, ст.15 и пп. "а", "д" ст.102 УК РСФСР.

В сентябре 1996 г. Архипов незаконно купил в кафе г.Сальска ручную гранату и запал к ней, которые хранил дома. 19 ноября 1996 г. он принес гранату и запал к дому, где проживала его родственница Хилобокова, и из корыстных побуждений, желая единолично вступить в наследство, с умыслом н убийство Хилобоковой бросил в форточку окна ее спальни гранату. В результате взрыва находившейся в квартире Евтушенко была причинена травма головы, а Хилобоковой – материальный ущерб: повреждено имущество на сумму 44 348 946 руб.

Вердиктом присяжных заседателей признано недоказанным участие Архипова в совершении указанных преступлений, в связи с этим 29 сентября 1998 г. судом присяжных Ростовского областного суда постановлен оправдательный приговор.

(...)

Согласно ч.1 ст.449 УПК РСФСР по каждому деянию, в совершении которого подсудимый обвиняется государственным обвинителем, ставятся с учетом положений ст.254 УПК РСФСР три основных вопроса:

- 1) доказано ли, что соответствующее деяние имело место;*
- 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый;*
- 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.*

Однако по делу данные требования закона не выполнены. Как видно из протокола судебного заседания, Архипов не отрицал, что имел гранату и в ссоре со своей теткой из-за наследства метнул гранату в ее комнату, а затем убежал. В соответствии с положениями названной выше нормы закона перед присяжными заседателями были поставлены вопросы, относящиеся к обвинению Архипова в деяниях, предусмотренных ч.1 ст.222 УК РФ и ст.15, пп. "а", "д" ст.102 УК РСФСР. В части же, касающейся обвинения Архипова по ч.2 ст.167 УК РФ, перед присяжными заседателями не поставлен вопрос, доказаны ли действия подсудимого, выразившиеся в умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества.

Следовательно, ответ коллегии присяжных заседателей о невиновности Архипова в последствиях от взрыва гранаты не является полным и ясным, в том числе и с учетом позиции самого оправданного.

При таких данных оправдательный приговор не может быть признан законным и обоснованным и подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение.

Учитывая, что по данному делу обвинение Архипова в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.167 УК РФ, тесно связано с обвинением его в других преступлениях, кассационная палата

отменила оправдательный приговор в полном объеме, а дело направила на новое судебное рассмотрение, предложив при новом разбирательстве всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела и предоставить коллегии присяжных заседателей надлежащие условия для принятия законного и справедливого решения».

На мой взгляд, это как раз та самая ситуация, которая описывается известной формулой: «По форме – верно, по сути – издевательство». Да, как следует из определения, имело место формальное нарушение требований УПК РСФСР о постановке перед присяжными заседателями вопросов. Однако, признав подсудимого невиновным в использовании гранаты, присяжные (если не фантазировать об их групповом помешательстве) просто не могли бы признать его виновным в одном из последствий взрыва этой самой гранаты. Во всяком случае я не могу себе даже представить, как бы такая ситуация могла выглядеть на практике...

19.4.3 Постановка вопросов при продолжаемых преступлениях

Определившись с идеальной совокупностью преступлений, следует разобраться и с постановкой вопросов по продолжаемым преступлениям. ВС РФ допускает постановку одного основного вопроса по одинаковым инкриминируемым эпизодам. В этом случае можно привести пример из Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.12.2006 №42-о06-18сп по представлению государственного обвинителя:

«Органами предварительного следствия С. было предъявлено обвинение в вынесении четырех заведомо неправосудных судебных актов, т.е. в совершении одного преступления, предусмотренного ч.1 ст.305 УК РФ. Поэтому председательствующим в вопросном листе перед присяжными заседателями первым был поставлен вопрос: "Доказано ли, что судья Арбитражного суда Республики Калмыкия С., осуществляя правосудие в г.Элисте Республики Калмыкия, вынесла заведомо не соответствующие закону следующие судебные акты...". Далее содержалось четыре подпункта - "а", "б", "в", "г", соответствующие каждому из предъявленных судье четырех эпизодов обвинения. Такая постановка вопросов не противоречит и ч.2 ст.339 УПК РФ, поскольку в вопросном листе возможна также постановка одного основного вопроса о виновности подсудимого, являющегося соединением вопросов, указанных в части 1 данной статьи. Поэтому утверждение в представлении о том, что предложенная судом формулировка первого вопроса лишила присяжных заседателей возможности высказать свою позицию по каждому эпизоду предъявленного С. обвинения, также следует признать необоснованным».

Есть, впрочем, и другие примеры...

19.4.4 Недопустимость постановки вопросов, выходящих за пределы предъявленного обвинения или вопросов, не подлежащих разрешению присяжными заседателями

Недопустимость постановки вопросов по деяниям, не инкриминируемым подсудимому, полагаю самоочевидна. Однако встречаются случаи, когда указанное нарушение возникает в вопросном листе не умышленно, а в результате невнимательности председательствующего.

Например, такая ситуация может возникнуть в результате искусственного дробления деяния подсудимого на несколько отдельных вопросов, что, в свою очередь, может влечь за собой признание подсудимого виновным по не инкриминируемым ему составам. На недопустимость такой практики указывается в Бюллетене Верховного Суда РФ №5 за 2003 г. (стр.21):

«Так, по делу в отношении Куценко И., обвинявшегося в умышленном убийстве Куценко Н. путем нанесения ему ударов руками и ногами, председательствующий при формулировании основного второго вопроса о доказанности совершения этого деяния Куценко И. разбил его на подвопросы о том, доказано ли, что Куценко И.:

- нанес Куценко Н. удары руками по лицу и телу;*
- нанес Куценко Н. удары руками по лицу и телу, от чего последний упал на пол;*
- нанес Куценко Н. удары ногами в грудную клетку и голову, причинившие указанную в вопросе №1 травму головы и груди от чего потерпевший скончался на месте?*

То есть, разграничивая в подвопросах действия Куценко И. конкретно по нанесению ударов руками, затем ногами и формулируя подвопрос причинена ли смерть в результате травмы именно от ударов ногами, председательствующий не учел того, что в соответствии с предъявленным обвинением указанные действия Куценко И. являлись, по мнению следствия, едиными, были направлены на лишение жизни Куценко Н. и все они в совокупности причинили травму, повлекшую смерть потерпевшего. В частности, как видно из предъявленного обвинения, Куценко И. удары руками наносил, чтобы лишить жизни потерпевшего. В обвинении не разграничивалось, руками или ногами причинена травма, повлекшая смерть потерпевшего.

Таким образом, с учетом предъявленного обвинения председательствующему следовало поставить перед присяжными заседателями единый второй вопрос, а не разбивать его на три подвопроса, ответы на которые могли влечь за собой самостоятельную юридическую оценку, что выходило за пределы судебного разбирательства, поскольку действия Куценко И. органами предварительного следствия квалифицированы одной статьей.

Аналогичные ошибки допущены председательствующим и при постановке основного второго вопроса в отношении Куценко С., обвинявшегося в совершении убийства потерпевшего в группе с Куценко И. Присяжные заседатели в отношении Куценко И. утвердительно ответили на первый и второй подвопросы и отрицательно – на третий подвопрос; на все подвопросы, касающиеся Куценко С., они дали отрицательные ответы. Председательствующий сделал вывод, что в действиях Куценко И. по нанесению ударов руками Куценко Н. содержатся признаки преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ (побои), хотя в вердикте не отмечено, какой вред был причинен потерпевшему от ударов руками и перед присяжными заседателями вопрос об этом не ставился. Далее председательствующий указал, что в связи с отсутствием в материалах дела жалобы потерпевшего, оснований для квалификации действий Куценко И. по статье 116 УК РФ не имеется, и постановил оправдательный приговор за недоказанностью участия в совершении преступления, предусмотренного пунктом "ж" ч.2 ст.105 УК РФ. По тем же основаниям был постановлен оправдательный приговор в отношении Куценко С.».

Другой вариант нарушений при составлении вопросного листа заключается во включении в него обстоятельств, не охваченных предъявленным обвинением. Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.09.2003 г. по делу №6-кпо03-28сп было установлено что:

«...Судья, при формулировании вопросов, изменил время предполагаемого совершения преступления с "около 20 часов", на другое – "после 22 часов". Такое изменение обвинения о времени совершения преступления ухудшило положение подсудимых, поскольку нарушило их право на защиту. В частности, подсудимый К. вину в совершении убийства не признал, заявил о наличии у него алиби, пояснил, что около 20 часов, т.е. в указанное в обвинительном заключении время совершения убийства он в деревне Романцево не находился, а приехал туда лишь в 22:15 – 22:20. Возражение адвоката в защиту К. о том, что изменение обвинения относительно времени совершения преступления ухудшает положение подсудимого, председательствующим в нарушение требований статьи 252 УПК РФ было отклонено».

В итоге обвинительный приговор по делу был справедливо отменен, а дело направлено на новое рассмотрение...

Еще один пример рассматриваемого тезиса – Кассационное определение от 18 марта 2013 г. за №35-О13-9сп:

«Согласно ч.6 ст.339 УПК РФ, формулировки вопросов не должны допускать при каком-либо ответе на них признание подсудимого виновным в совершении деяния, по которому государственный обвинитель не предъявлял ему обвинение, либо не поддерживает обвинение к моменту постановки вопросов. Однако при формулировании вопросного листа председательствующим нарушены требования закона.

Так, суд сформулировал первый вопрос следующим образом: "Доказано ли, что глава <...> Крысов В.Н., зная о решении суда от 30 июня 2010 года о признании договора купли-продажи земельного участка площадью 8 га в районе <...> под строительство базы отдыха между ООО "<...>" и Г. недействительным и последующей возможностью обратиться в суд об изъятии этого участка..."

Данное утверждение суда в вопросном листе, и подтвержденное вынесенным приговором, противоречит предъявленному Крысову В.Н. и Осипову В.В. обвинению, а также материалам дела. Решением Арбитражного суда Тверской обл. от 30.06.2010 г. был признан недействительным договор купли-продажи земельного участка, заключенный 06.11.2008 г. между Комитетом по управлению имуществом и земельным отношениям администрации <...> района <...> и ООО <...>.

Арбитражный суд Тверской области своим решением не признавал недействительным договор купли-продажи земельного участка, заключенный 10.12.2009 года между ООО "<...>" и Г., зарегистрированный в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним 15.03.2010 года, такой документ в материалах дела отсутствует и в присутствии присяжных заседателей не исследовался.

Согласно предъявленного Осипову В.В. обвинения, он обвинялся в изготовлении проекта фиктивного обращения главы <...> района Крысова В.Н. в адрес прокуратуры, и проекта постановления №<...> от 14.10.2010 года главы <...> района Крысова В.Н.

Однако перед присяжными заседателями был поставлен вопрос о виновности Осипова В.В. и в изготовлении фиктивного ответа прокурора (который ему в вину не вменялся), на который они ответили утвердительно.

Таким образом, при формулировании вопросного листа, вынесении вердикта коллегией присяжных заседателей и постановлении приговора, суд вышел за пределы предъявленного подсудимым обвинения».

Также можно сослаться и на Апелляционное определение от 13 марта 2014 года №71-АПУ14-3сп. Здесь ВС РФ выявил выход за пределы предъявленного подсудимому обвинения, который заключался в постановке на разрешения присяжных вопроса, в том числе, о лице в отношении которого дело было выделено в отдельное производство:

«По смыслу ч.6 ст.339 УПК РФ при формулировке вопросов вопросного листа следовало исходить из предъявленного подсудимому обвинения. Однако в нарушение этого требования закона вопрос №2 вопросного листа сформулирован следующим образом: «Если на вопрос №1 дан утвердительный ответ, то доказано ли, что описанное деяние вместе с Б. и третьим лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с его розыском, совершил подсудимый Магденко С.Ю.?».

И наоборот, пример неполноты вопросного листа в сравнении с предъявленным обвинением и позицией обвинителя, приведен в [Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.04.2003 г. №6кп003-2сп.](#) В вопросном листе по указанному делу, не были отражены цели существования преступного сообщества и обстоятельства, которые свидетельствовали бы о существовании сплоченной и организованной группы, в которую входили лица, обвиняемые по данному делу:

«В частности, об участии Ц. в преступном сообществе спрашивается: "Выполнял ли он в ней свою роль и функции?". Что подразумевается под этой формулировкой – неясно, поскольку вопрос не содержит указаний на конкретные деяния, в которых обвинялся Ц. Такие формулировки в вопросном листе о доказанности участия в преступном сообществе допущены в отношении всех лиц, обвинявшихся в этом преступлении.

Вопросы доказанности обвинения в конкретных преступлениях лиц, обвинявшихся по данному уголовному делу, не отражают содержание обвинения в том, что эти преступления совершались организованной группой, на чем настаивал в суде прокурор.

Формулировка "предварительно сорганизовались" не отражает существа обвинения, которое поддерживалось государственным обвинителем, и может быть использована в различных вариантах. Это нарушение допущено при формулировании вопросов в отношении всех обвинявшихся по делу лиц, что позволяет сделать вывод о том, что вопросы сформулированы не в связи с поддерживавшимся обвинением и не раскрывают суть обвинения.

При формулировании вопросов о доказанности обвинения Ф. и Ц. в вымогательстве денег у потерпевшего С.Г. произвольно изменено время совершения преступления с мая 1998 г. на август 1997 г.

Все допущенные нарушения повлияли на содержание решения коллегии присяжных заседателей в части оправдания по обвинению, по которому дело рассматривалось в суде».

Уникальный, в своем роде, пример нарушения требований части 1 статьи 338 УПК Российской Федерации, согласно которой перед присяжными заседателями ставятся лишь «вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями», то есть входящие в их компетенцию (часть 1 статьи 334, часть 7 статьи 335 УПК РФ), имел место по известному делу в отношении И.Сутягина, рассмотренному Мосгорсудом, и завершившемуся 7 апреля 2004 года. 2-ой вопрос вопросного листа о получении Сутягиным денежного вознаграждения за передаваемую информацию юридического значения не имел, так как корыстный мотив не служит квалифицирующим признаком для предусмотренного статьей 275 УК РФ преступления. Данный вопрос относится к категории частных вопросов, а потому должен ставиться «после основного вопроса о виновности подсудимого» (часть 3 статьи 339 УПК РФ), а не предшествовать ему. Единственное разумное объяснение включения данного «пустого» вопроса в вопросный лист, которое приходит в голову, это желание суда лишней раз заострить внимание присяжных заседателей на корыстной составляющей этого шпионского дела. Вот, мол, смотрите, подсудимый Родину за деньги продал! Ну и ВС РФ, куда был обжалован обвинительный приговор по этому делу, нарушения в этом факте «патриотично» не усмотрел.

Однако, иногда трактовка законодательства Верховным судом РФ приобретает поистине иезуитские черты. Так, отказ в постановке вопроса о совершении подсудимым менее тяжкого преступления, ВС РФ объясняет заботой о соблюдении прав подсудимого, которому такое обвинение не предъявлялось! Впрочем, здесь видится и отчасти недоработка защиты, так как не понятно – зачем надо было выяснять этот вопрос, если не удалось опровергнуть обвинение в убийстве? Мы говорим об Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.07.2010 г. по делу №78-О10-76сп. Отказывая защите в удовлетворении жалобы, Судебная коллегия ВС указала:

«Доводы жалобы о том, что председательствующим якобы необоснованно не был поставлен вопрос о совершении Г. заранее не обещанного укрывательства преступления, нельзя признать правильными. Включение такого вопроса нарушило бы положения уголовно-процессуального закона о том, что формулировки вопросов не должны допускать при каком-либо ответе на них признание подсудимого виновным в совершении деяния, по которому государственный обвинитель не предъявлял ему обвинения, либо не поддерживает обвинение к моменту постановки вопроса (ч.6 ст.339 УПК РФ)».

Еще один характерный пример – Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.07.2010 г. №25-О10-11сп. Как следует из этого определения, ВС РФ не счел обоснованным довод защиты о том, что в вопросный лист судья был обязан включить вопросы, учитывающие позицию стороны защиты – совершение подсудимым преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ, поскольку в соответствии с ч.6 ст.339 УПК РФ, формулировки вопросов не должны допускать при каком-либо ответе на них признание подсудимого виновным в совершении деяния, по которому государственный обвинитель не предъявлял ему обвинения, либо не поддерживает обвинение к моменту постановки вопросов.

Вообще этот момент достаточно интересен с точки зрения стратегии и тактики защиты. Как видно из примера, здесь стратегия защиты была направлена на доказывание что в действиях подсудимого присутствовал состав не ст.105 УК РФ, а 264 УК РФ. И в данном случае понятен расчет адвоката – деяние, инкриминируемое подсудимому, защитой не отрицалось и вопрос шел исключительно об умысле подсудимого – хотел ли он причинения смерти сотруднику ГИБДД, либо смерть сотрудника ГИБДД стала исключительно результатом нарушения подсудимым Правил

дорожного движения. Естественно, что присяжные, признавая факт деяния, склонялись к мысли о необходимости наказания подсудимого, что делало малореальным вынесение оправдательного приговора. Однако в этой ситуации защита пыталась предложить им альтернативу - «оправдайте подсудимого за убийство, но осудите за нарушение ПДД, повлекшее гибель человека». Однако на пути реализации такой стратегии, как видим, стоит трактовка норм законодательства судебными органами.

Предполагаю, что с учетом конкретных фактов, объективная сторона и ст.105 и гипотетической ст.264 УК РФ – в данном случае – совпадали и вопрос касался только умысла. «Обыграть» умысел защита и пыталась, предлагая судье включить в вопросный лист вопрос, учитывающий позицию стороны защиты – совершение подсудимым преступления, предусмотренного ст.264 УК РФ. Если ходатайство выглядело именно так, то очевидно, что такой прямолинейный подход был обречен на провал. Необходимо было проявить БОльшую изобретательность и творческий подход, чтобы уложить задуманную стратегию в нормы права и позиции суда. Возможно, следовало задать вопросы – доказано ли, что подсудимый видел сотрудника ГИБДД на траектории движения автомашины и т.п.

Ну и в конце данного параграфа, хотелось бы «порадовать» читателей одной занятной судебной головоломкой. Выходить за пределы предъявленного обвинения нельзя, однако «уточнять судом определенные детали происшедших событий» - можно. Не видите разницы? Я тоже. Однако ВС РФ их видит. Во всяком случае именно это следует из Кассационного определения от 6 марта 2013 г. №81-О13-21:

«В кассационной жалобе она указала, что суд вышел за пределы предъявленного обвинения, признав установленным "разжигание очага пожара вблизи тела, отсутствие у потерпевшего возможности "ползти" и т.д.", нет доказательств, свидетельствующих, что именно Акимов А.А. поджег дом. (...)

...Уточнение судом определенных деталей происшедших событий, при описании преступного деяния, не свидетельствует о том, что суд вышел за пределы предъявленного обвинения».

19.4.5 Недопустимость постановки правовых вопросов

Вопрос о постановке перед присяжными заседателями правовых вопросов достаточно однозначно решен и в законодательстве, и в судебной практике. Так, Пленум Верховного Суда РФ в [пункте 29](#) Постановления от 22 ноября 2005 г. №23 указал:

«В соответствии с частью 5 статьи 339 УПК РФ не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого (о его судимости), а также другие вопросы, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта».

В качестве иллюстрации этой позиции ВС РФ, можно, например, сослаться на [Определение](#) судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. по делу №81-о05-26сп, где было выявлено нарушение ч.5 ст.339 УПК РФ, выразившееся в том, что председательствующий поставил на разрешение присяжных вопрос о доказанности значительного ущерба по эпизоду кражи, тайности совершенного хищения и причинении тяжкого вреда здоровью. В данном случае с позицией ВС РФ трудно спорить – тут следовало выразить все вопросы через фактические, которые затем судом будут трактоваться как значительный ущерб или тяжкий вред здоровью...

В [Обзоре](#) по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 году, Верховным судом РФ приводится также следующий пример

данного нарушения. По уголовному делу по обвинению Б., Е., Р. в убийстве В. перед присяжными был поставлен вопрос об умысле подсудимых на убийство. О том, что присяжные разрешали юридический вопрос, свидетельствует их вердикт и ссылка на него в приговоре суда:

«Вердиктом коллегии присяжных заседателей признано недоказанным наличие у подсудимых умысла на лишение жизни потерпевшего. Кроме того, содержание вопросов №17 и 20 было таково, что присяжные должны были дать юридическую оценку действиям подсудимых. Так, вопрос №17 присяжным заседателям был изложен в следующей редакции: "Если на вопрос №13 дан утвердительный ответ, доказано ли, что Е., намереваясь с двумя мужчинами в корыстных целях завладеть имуществом В., вместе с ними похитил указанные вещи и принес домой к одному из мужчин, где они распорядились имуществом по своему усмотрению?" Аналогичный вопрос поставлен и в отношении Р. под №20. Присяжные ответили, что действия Е. и Р. доказаны, за исключением совершения их "в корыстных целях" ...».

Логично предположить, что для устранения имеющегося нарушения следовало бы ставить вопросы о доказанности конкретных фактов, указывающих именно на корыстный умысел. То есть достаточно было исключить упоминание, либо заменить «корыстные цели» на (например) «с целью личного обогащения», либо вообще исключить упоминание «корыстных целей» - благо упоминание о намерении завладеть чужим имуществом, содержащееся в вопросе, нареканий у ВС РФ не вызвало.

Однако, несмотря на кажущуюся однозначность в отношении правовых вопросов, и здесь место для маневра у суда все-таки имеется. Так, особо креативные судьи весьма вольно трактуют понятие «правового вопроса». Тут можно снова сослаться на «шпионское дело» в отношении И.Сутягина: <http://www.sutyagin.ru/pressa/040408.html> (в силу секретности дела, процессуальных документов по нему в открытом доступе найти не удалось):

«Когда участники процесса обсуждали вопросы для присяжных, адвокаты настаивали, чтобы «судьи из народа» ответили и на такой: «Являются ли сведения, которые передал Сутягин, государственной тайной?». Однако этот вопрос судья Марина Комарова отклонила: «Судья сказала, что гостайна – это правовой термин. Мы предложили гостайну заменить секретами, но и в этом случае нам было отказано», – сообщила адвокат Анна Ставицкая. Вопрос в итоге был сформулирован так: «Передавал ли, собирал и хранил сведения о России для представителей военной разведки США?». Поскольку сам факт передачи информации Игорь Сутягин не отрицал, то присяжные, естественно, и ответили утвердительно».

Под такую формулировку, как вы понимаете, можно подвести и передачу информации о точном времени на Кремлевских курантах... Но что можно было бы предпринять в данном случае? Естественно, мои рассуждения чисто теоретические и вполне допускаю, что в силу каких-то не озвученных причин, они не могли быть применены в данном конкретном случае, поэтому рассуждаю я только в пределах процитированной ситуации.

Итак, согласно закона РФ «О государственной тайне», государственная тайна – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. В данном определении обращают на себя внимание прежде всего два момента: государственная тайна – это защищаемые государством сведения и распространение которых может нанести ущерб РФ. Соответственно, вопрос защиты мог звучать так: «Находились ли распространенные подсудимым сведения под

защитой государства?», «Находились ли сведения, распространенные подсудимым в свободном доступе для любого человека?», «Получены ли распространенные подсудимым сведения из открытых, всем доступных источников?» и т.п. То есть необходимо было как угодно уйти в вопросах от малейшей правовой составляющей и сосредоточиться именно на фактах. Также следует порекомендовать приводить в качестве предложений несколько вопросов в разной редакции с той идеей, что вдруг «что-нибудь да сработает»...

Кстати говоря, далеко не все юридические термины, используемые в вопросах, признаются ВС РФ юридическими терминами. Во всяком случае именно такой вывод следует из Кассационного определения ВС РФ от 18 января 2010 г. по делу №5-о09-272сп. В частности, там указано:

«Нет также данных о том, что вопросы противоречили требованиям ч.5 ст.339 УПК РФ и содержали формулировки, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта. Указание в вопросе слов о получении осужденным Довгием денег за конкретные действия, в частности, за освобождение от уголовной ответственности, вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, определено предъявленными в обвинении фактическими обстоятельствами, и такое указание нельзя признать формулировками, требующими юридической оценки».

Чем, если не юридическими терминами, требующим юридической оценки от присяжных заседателей, являются понятия «освобождение от уголовной ответственности» и «отсутствие состава преступления» - в Определении не разъясняется. Ну да ладно...

Решая вопрос о том, какие термины считать юридическими (и, следовательно, недопустимыми в вопросах присяжным заседателям) ВС РФ порой «жонглирует» духом и буквой закона, основывая свои решения то на одном, то на другом. Так Кассационным определением 7 сентября 2006 г. №4-02/05 ВС РФ признал допустимым употребление термина «под контролем правоохранительных органов» на том основании, что он является достаточно распространенным и не относится к исключительно юридическим терминам, не понятным для присяжных.

С другой стороны, позиция Верховного суда РФ о том, что выяснение направленности умысла подсудимого не является прерогативой присяжных заседателей, иногда идет на пользу и стороне защиты (хотя я остаюсь при своем мнении об ошибочности такой трактовки законодательства). Так Апелляционным определением ВС РФ от 20 января 2014 г. №74-АПУ13-31сп было отказано в удовлетворении доводов апелляционного представления прокурора, который считал, что:

«...при постановке частных вопросов под № 9, 12 председательствующему судье необходимо было указать, на что конкретно были направлены действия Нестерова при нанесении последним ударов потерпевшим Б. и С. (на лишение жизни, либо на причинение тяжкого вреда здоровью); в нарушение требований ст.339 УПК РФ судья сформулировал вопросы перед присяжными заседателями не в соответствии с версией защиты и без учета результатов судебного следствия».

В ответ на эту трогательную заботу прокурора о версии защиты, ВС РФ указал:

«Согласно ст.339 УПК РФ, перед присяжными заседателями не могут ставиться вопросы, требующие от них собственно юридической оценки при вынесении ими своего вердикта. Исходя из требований этого закона, председательствующий при формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными

заседателями, и не употреблял словосочетание *направленность умысла*, являющееся юридическим термином».

Из процитированного можно сделать вывод, что теоретически «обходной маневр» должен был заключаться в формулировании вопросов таким образом, чтобы избежать юридического термина «направленность умысла», который и вызвал у ВС РФ праведный гнев.

19.4.6 Трактовка термина «факт» в решениях судов

В продолжение темы недопустимости постановки правовых вопросов перед присяжными заседателями, следует подробнее разобраться с такой правовой материей как «фактическая» и «юридическая» сторона дела. Читаем [Определение](#) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.03.2008 г. №20-о08-7сп. Здесь в качестве основания отмены приговора ВС РФ указал следующее:

«Формулировка дополнительного вопроса, поставленного по инициативе стороны защиты, содержала в том числе следующую фразу: «доказано ли, что описанные в первом вопросе действия совершил М.А., восприняв шедших в его направлении и входящих в комнату М.Р. и М.Э. как нападающих на него лиц и, обороняясь от них, избрал при этом неадекватные нападению формы и методы обороны».

Содержание данного вопроса свидетельствует, что в нем не были сформулированы иные, чем описаны во втором основном вопросе, а также в обвинительном заключении и поддержаны государственным обвинителем фактические обстоятельства производства осужденным выстрелов в М.Р. и М.Э. Сам подсудимый М.А. в судебном заседании пояснил о таких же, как и указано в обвинительном заключении, обстоятельствах производства выстрелов в потерпевших, а именно в тот момент, когда М.Р. и М.Э. зашли в комнату. Однако собственным действиям подсудимый дал иную оценку, отрицал умысел на убийство потерпевших, объясняя свои действия страхом перед ними. Между тем оценку этих утверждений подсудимого должен был сделать председательствующий на основании установленных присяжными заседателями фактических обстоятельств.

Однако председательствующий, сформулировав таким образом вопрос, предложил присяжным заседателям дать юридическую оценку действиям потерпевших как нападению на подсудимого и оценку действиям подсудимого как совершенным в ходе обороны от нападения потерпевших при превышении при этом пределов необходимой обороны. Такая формулировка вопроса привела к тому, что вывод о причинении подсудимым смерти потерпевшему М.Р. при превышении пределов необходимой обороны был сделан не председательствующим, исходя из установленных присяжными заседателями фактических обстоятельств, а самими присяжными заседателями».

Таким образом, намереваясь поставить частные вопросы, следует постараться, чтобы они не затрагивали процессуальной стороны проблемы, а касались только фактов, устанавливаемых присяжными. Здесь, конечно, можно задаться философским вопросом: а является ли намерение подсудимого или его оценка происходящего – фактом?

В Новой философской энциклопедии дается такое определение: **Факт** (лат. *Factum* – свершившееся) – термин, в широком смысле может выступать как синоним истины; событие или результат; реальное, а не вымышленное; конкретное и единичное

в противоположность общему и абстрактному. (Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. Совета В.С.Стёпин, заместители предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч. секр. А.П.Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — ISBN 978-5-244-01115-9.)

В этом случае очевидно, что намерение подсудимого (умысел), если оно действительно имело место – является фактом, поскольку оно реально, конкретно и единично. Дело за малым – принудить судей руководствоваться «Философской энциклопедией», а не результатами собственных философских изысканий, столь же странными, сколь и тайными от остальных участников процесса...

Еще интереснее, однако, выглядит позиция ВС РФ, приведенная в Кассационном определении от 15 декабря 2004 г. №51004-82сп. В нем Верховный суд постулировал, что субъективная оценка лицом тех или иных событий, изложенных в обвинении, не является предметом судебного разбирательства. Такое решение, согласитесь, стоит того, чтобы привести его в дословной цитате:

«...Председательствующий в нарушение ст.339 ч.3 УПК РФ отказал в постановке вопроса, предложенного адвокатом: "Доказано ли, что при производстве выстрелов в столб, Чмелев не видел стоящего за столбом М." – доводы жалобы о нарушении председательствующим тем самым ст.339 ч.3 УПК РФ являются несостоятельными. Председательствующий правильно отказал в постановке вопроса, предложенного адвокатом: "Доказано ли, что при производстве выстрелов в столб, Чмелев не видел стоящего за столбом М.". Предложенный адвокатом вопрос требовал от присяжных отвечать не на вопрос факта, а на вопрос, требующий ответа, который указывает на волевой момент подсудимого ("видел" – "не видел потерпевшего"). Присяжные заседатели судьи факта, в связи с этим, вопросный лист для них формируется на основе фактических обстоятельств, установленных на предварительном следствии и в суде. Субъективное восприятие Чмелевым обстановки места происшествия таковым не является».

Так-то! Восприятие следователем, не бывшем на месте происшествия в момент совершения деяния – есть факт, а восприятие бывшего там подсудимого – субъективное восприятие. Понимать надо разницу! Однако почему еще это решение так привлекло мое внимание: дело даже не в том, что «субъективное восприятие» и «волевой момент» суд в данном случае вывел (непонятно почему) за границы термина «факт», заявив, что ни то, ни другое не может быть фактом. И даже не в том, что сделано это было исключительно в угоду стороне обвинения, опротестовавшей указанное решение. Интересны правовые последствия такой позиции ВС РФ, которые возникнут при последовательном применении возникшего прецедента к вопросным листам по другим составам преступлений. Например, попробуйте себе представить вопрос по вымогательству, из которого исключено указание на реальное восприятие угрозы потерпевшим. Представили? Вот! А ведь в Уголовном кодексе немало составов, требующих учитывать при доказывании именно «субъективное восприятие» тех или иных событий.

В общем, такое странное решение – это палка о двух концах, которая может доставить изрядные неприятности не только защите, но и обвинению с судьями. Вопрос только в том, насколько ВС РФ готов продолжать применять такой подход к фактам при рассмотрении решений судов первой инстанции...

А возвращаясь к сути названного дела, можно добавить еще одно замечание. Ситуация по описанному случаю вполне допускала без ущерба для позиции защиты изменить формулировку вопроса и исключить из нее «субъективное восприятие». Достаточно было сформулировать вопрос, например, в такой редакции: «Доказано ли,

что при производстве выстрелов в столб, стоящий за столбом М. находился вне поля зрения стреляющего Чмелева?»).

Ну и в довесок еще один пример позиции ВС РФ, не допускающей соединение в одном вопросе вопроса о факте и вопроса о мотивах – Кассационное определение ВС РФ от 12 июля 2005 года №49-о05-30сп. В нем ВС РФ указал на допустимость вопроса о мотивах совершения преступления в виде частных вопросов... В общем, в судебной практике по этой теме полный «разброд и шатание».

19.4.7 Недопустимость выхода за пределы постановленного вердикта

От невнимательности ли, либо же от излишнего служебного рвения, но судьи иногда допускают и такую специфическую ошибку, как «додумывание» выводов вердикта, выходя за пределы обстоятельств им установленных. То есть судья, помимо обстоятельств, которые коллегия присяжных заседателей признала доказанными, признает также доказанными и те факты, которые в вопросном листе не фигурировали. Подобная ситуация сложилась, например, при рассмотрении материала №18-кпо02-94сп от 10.12.2002 г. Так Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указано, что:

«Со ссылкой на вердикт коллегии присяжных заседателей в приговоре говорится, что "22 мая 2001 года около 22 часов, находясь в лифте дома 145/1 по ул.Красной в г.Краснодаре вместе с гражданкой С. заранее договорились с ней о насильственном завладении чужим имуществом. Действуя согласованно из корыстных побуждений, напал на вошедшего в лифт К., причиняя насилие, опасное для жизни и здоровья, он вместе с С. нанесли руками и ногами многочисленные удары в различные части тела и по голове. В результате обоюдных действий Б. и С. причинен легкий вред здоровью. Завладев принадлежащей К. борсеткой, скрылись с места происшествия".

Между тем, вердиктом коллегии присяжных заседателей признана доказанной вина Б. лишь в том, что 22 мая 2001 года в лифте дома по ул.Красной, 145/1, было совершено нападение на потерпевшего К. Другие же приведенные в приговоре обстоятельства присяжными заседателями не были признаны доказанными, в связи с чем не могли быть указаны в приговоре. (...)

Однако из вердикта присяжных заседателей усматривается, что Б. признан виновным в совершении умышленных действий, направленных на лишение жизни Б.В., но сами изложенные в приговоре действия не названы и доказанными не признаны. Таким образом, описание в приговоре преступного деяния и в этом эпизоде не соответствует тому, в чем Б. признан виновным коллегией присяжных заседателей.

То есть часть обстоятельств, необходимых для квалификации действий подсудимых, председательствующий из обвинения в вопросный лист не включил, однако это не помешало потом включить их в приговор по делу. Приговор был ВС РФ отменен, дело направлено на новое рассмотрение».

Также в этом параграфе можно сослаться на известное, в свое время, дело авиадебошира Кабалова. Апелляционным определением от 15 апреля 2014 г. №4-АПУ14-21сп ВС РФ установил, что:

«В приговоре не указаны конкретные действия Кабалова С.Н., направленные на захват самолета с целью угона и не приведены фактические причины, лишившие подсудимого возможности

осуществить свой умысел. Не приведены они и в постановлении в качестве обвиняемого.

В соответствии п.30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №23 от 22.11.2005 г., в случае обвинения подсудимого в совершении неоконченного преступления (покушения) председательствующий судья должен в понятной формулировке поставить перед присяжными заседателями вопросы, предусмотренные статьей 339 УПК РФ, в том числе о доказанности причин, в силу которых деяние не было доведено до конца. При этом данный вопрос должен содержать описание фактической причины, лишившей подсудимого возможности осуществить свои намерения, а не просто ссылку на таковую.

Однако суд лишен был возможности поставить вопрос перед коллегией присяжных заседателей о доказанности причин, в силу которых деяние не было доведено до конца и, который бы содержал описание фактической причины, лишившей подсудимого возможности осуществить свои намерения, поскольку эти обстоятельства не были раскрыты в постановлении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

При таких обстоятельствах действия Кабалова С.Н., указанные в вердикте коллегии присяжных заседателей в этой части, вопреки выводам суда первой инстанции не содержат состава преступления, предусмотренного ст. ст. 30 ч.3 и 211 ч.2 пункт "в" УК РФ, предусматривающую ответственность за покушение на захват воздушного судна в целях угона, с угрозой применения опасного для жизни и здоровья насилия».

19.4.8 Типичные ошибки в ответах присяжных заседателей

Известны случаи, когда ошибки, влекущие отмену приговора, возникают в вердикте присяжных и просто не выявляются председательствующим при проверке вердикта на непротиворечивость перед его оглашением. Так Кассационным определением ВС РФ от 18 марта 2013 г. №35-О13-9сп в приговоре была выявлена ошибка в формулировании ответов на вопросы вопросного листа:

«В соответствии с ч.7 ст.343 УПК РФ ответы на поставленные перед присяжными заседателями вопросы должны представлять собой утверждение или отрицание с обязательным пояснительным словом или словосочетанием, раскрывающим или уточняющим смысл ответа ("Да, виновен", "Нет, не виновен" и т.п.). Вместе с тем, при ответе на 6-й вопрос: "Виновен ли Осипов В.В. в совершении действий, описанных в первом и пятом вопросах?", присяжные ответили на постановленный вопрос - "Да, доказано", т.е. не дали ответ на данный вопрос. Отвечая на 4-й вопрос: "Заслуживает ли Крысов В.Н. снисхождения?" присяжные единогласно ответили "Нет, заслуживает" ...».

В ряде случаев имеет место ситуация, когда присяжные интуитивно понимают недостатки вопросного листа, однако не будучи специалистами (вот это, действительно, один из немногих случаев, когда отсутствие юридического образования и практики на самом деле вредит суду присяжных) не могут грамотно «преодолеть» эти недостатки, пытаются «дописывать» вопросный лист, корректировать и конкретизировать вопросы и пр. В итоге, обычно, все только еще больше запутывается и плодятся основания для отмены вердикта. Вообще же подмечено, что на непонятный

(хитрозакрученный) вопрос о виновности подсудимого присяжные обычно предпочитают ответить отрицательно. В частности, этим объясняются странные, нелогичные, необъяснимые обществу оправдательные вердикты.

Или вот другой пример. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 марта 2004 г. №6-004-10сп был отменен обвинительный приговор и вот почему. Согласно предъявленному обвинению П. и С., реализуя договоренность на убийство Н., набросили ему на шею полотенце и стали тянуть за концы с целью удушения. Не добившись результата, П. взял со стола кухонный нож и нанес им удар потерпевшему в область сердца, причинив смерть. На поставленный перед присяжными заседателями вопрос о доказанности совершения вышеназванных действий П., присяжные заседатели первоначально ответили "Нет, не доказано", а затем, после дополнительного разъяснения председательствующим порядка голосования, исправили ответ на "Да, доказано". В то же время на оборотной стороне вопросного листа присяжные заседатели изложили свое "особое мнение", из которого следовало, что они не установили (не определили), кто же из двоих подсудимых нанес удар ножом потерпевшему, в результате чего наступила его смерть. Принимая во внимание, что "особое мнение" присяжных заседателей, изложенное ими в вопросном листе, не совпадает с их ответом на вопрос о доказанности действий П., связанных с причинением смерти Н. путем нанесения потерпевшему удара ножом в область сердца, вердикт признан неясным, а приговор отменен – дело направлено на новое рассмотрение.

З.И.Брижак в своей кандидатской диссертации «Личностные детерминанты формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей» приводит пример, когда в деле по обвинению разбойной банды Студеникиных и Костенко, рассмотренном Ростовским областным судом, на вопросы о виновности подсудимых по фактам убийства и разбойного нападения присяжные ответили: «Да, виновны, но без наличия оружия». На вопросы же о доказанности самих событий этих преступлений присяжные ответили: «Доказано», однако в одном эпизоде они признали нанесение телесных повреждений как причину смерти, но отрицали наличие оружия, а в другом – наличие оружия не стали отрицать, но не признали доказанным причинение огнестрельной раны головы и удушение. Короче говоря, вследствие такого противоречивого вердикта, это дело еще несколько раз пересматривалось в суде первой инстанции, но в конечном итоге приговор все равно был отменен Верховным Судом РФ.

Известны и случаи, когда изначально некорректная постановка вопросов автоматически обуславливает и получение от присяжных некорректных ответов. Такой случай, в частности, произошел при рассмотрении Московским областным судом дела №4кп002-124сп, и он описан в Обзоре практики Кассационной палаты Верховного суда РФ за 2002 год. В вопросном листе, составленном по указанному делу, не совпадало описание событий, действий подсудимого и потерпевшего, описанных в вопросе №1 и в частном вопросе №3, поставленном судом по инициативе подсудимого:

«...После обсуждения со сторонами вопросов, председательствующий поставил перед коллегией присяжных заседателей первый вопрос в следующей редакции: "Доказано ли, что 12 января 2002 г., примерно в 20 час., после совместного распития спиртных напитков в квартире по адресу: г.Королев, Московская область, пос.Первомайский, ул.Садовая, д.6, кв.15 потерпевшему Погорелову режущей кромкой осколка бутылочного стекла были нанесены множественные удары в область лица, шеи, туловища и не менее шести ударов не установленным следствием колющим предметом в область грудной клетки и поясницы, после чего потерпевший Погорелов, пытаясь спастись, выбежал на улицу, однако его догнали, затащили обратно в квартиру и нанесли один удар

молотком по голове, в результате этих действий Погорелову были причинены телесные повреждения, от которых наступила его смерть?".

На данный вопрос присяжные заседатели ответили единодушно: "Да, доказано".

Третий вопрос поставлен в редакции, предложенной подсудимым Кузнецовым: "Если на первый вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что перечисленные в нем действия совершил Кузнецов при следующих обстоятельствах: Погорелов схватил осколок бутылки и накинулся с ним на Кузнецова. Кузнецов ударом ноги выбил осколок бутылочного стекла из рук потерпевшего, поднял его с пола и нанес им множественные удары в различные части тела потерпевшего, потерпевший ударил Кузнецова рукой в грудь, Кузнецов уронил бутылку, схватил отвертку и нанес ею потерпевшему не менее шести ударов?".

На этот вопрос присяжные заседатели также ответили единодушно: "Да, доказано".

Таким образом, вердикт присяжных заседателей содержал противоречия в части установления фактических обстоятельств причинения осужденным телесных повреждений потерпевшему».

Как я уже говорил выше, помимо злой воли, есть место и судебной ошибке, которая, тем не менее, все равно приводит к отмене приговора (особенно оправдательного). В большинстве приведенных примеров, скажем, нельзя понять – с чем мы столкнулись: с судебной ошибкой или злым умыслом судьи? Более того, я готов признать, что в большинстве случаев это именно судебные ошибки, однако возникли они в большинстве случаев из-за того, что судья всеми силами пытался подыграть обвинению. Уж если иногда сам судья не понимает, что он пишет в вопросах, то куда в них разобраться присяжным?! Так, постановлением Президиума ВС РФ от 31 августа 1994 г. (цитирую по Бюллетеню №2 ВС РФ за 1995 г.) установлено, что в деле, рассмотренном в Московском областном суде сложилась следующая ситуация:

«Перед коллегией присяжных заседателей в вопросном листе были поставлены два основных вопроса: 1) Виновен ли Т. в том, что, угрожая убийством П. и используя ее беспомощное состояние, совершил с ней насильственный половой акт в извращенной форме? 2) Виновен ли Т. в том, что совершил в отношении несовершеннолетней П. развратные действия, направленные на удовлетворение своей половой страсти, выразившиеся в обнажении ее тела и непристойных прикосновениях к нему?

Коллегия присяжных заседателей на первый вопрос дала отрицательный ответ, на второй – утвердительный. Президиум Верховного Суда РФ, отменяя приговор и определение Кассационной палаты, указал следующее. Во-первых, как видно из вопросного листа, вопросы о виновности или невиновности Т. поставлены с нарушением требований ст.449 УПК РСФСР, то есть сформулированы таким образом, что коллегия присяжных заседателей не могла ответить, доказано ли, что соответствующее деяние имело место, и доказано ли, что это деяние совершил подсудимый. Во-вторых, из отрицательного ответа на первый вопрос нельзя сделать однозначный вывод: или присяжные заседатели согласились с мнением адвоката, как оно изложено в протоколе судебного заседания, что изнасилование возможно только в случае насильственного полового сношения в обычной форме, или, вопреки показаниям потерпевшей и подсудимого,

пришли к выводу о недоказанности самого факта совершения Т. преступления, как оно описано в вопросе».

Можно констатировать, что вопросный лист в данном случае подвергся не менее насильственным и извращенным действиям процессуального характера: склоняя коллегию к "нужному" вердикту, председательствующий ставит вопросы настолько противоестественно, что присяжные вынуждены давать ответы, которые содержат внутренние противоречия.

Но самое характерное в описанных ситуациях то, что УПК РФ не предусматривает права защитников знакомиться с вердиктом присяжных заседателей до его оглашения и сообщать председательствующему об ошибках в его содержании. То есть ошибки в вопросном листе будут выявлены защитой только после его официального оглашения, когда никаких процедур для их исправления законом уже не предусмотрено...

А теперь посмотрим еще одно любопытное судебное решение, которое, пожалуй, представляет куда больший интерес и пользу для стороны защиты, нежели чем для обвинения. Кассационное определение ВС РФ от 23 января 2013 г. №81-О12-94СП интересно прежде всего тем, что определенный, имеющий место разноречивой в ответах присяжных заседателей далеко не всегда является основанием к отмене вердикта. В данном случае разобрана довольно часто встречающаяся ошибка при заполнении вопросного листа, когда после ответа о непричастности или невиновности подсудимого, присяжные заседатели, тем не менее, решают по существу вопрос о снисхождении в отношении данного подсудимого:

«Несостоятельным необходимо признать заявление адвоката Хитяник Т.Н. о нарушении ст.343 УПК РФ. Как усматривается из вердикта, присяжные заседатели дали отрицательный ответ на 141 вопрос (событие, связанное с вымогательством <...> тысяч рублей у потерпевшего Г. За отрицательный ответ высказались 8 присяжных заседателей, а за утвердительный – 4.

На последующие вопросы в рамках этого же эпизода обвинения, в том числе и о том, заслуживает ли Сучков А.И. снисхождения, присяжные заседатели также дали ответы: за утвердительный – 8, за отрицательный – 4 (то есть результаты голосования те же, что и при ответе на 141 вопрос).

По мнению защитника, нарушения ст.343 УПК РФ в данном случае выразились в том, что присяжные заседатели, дав отрицательный ответ на вопрос о доказанности события, на остальные вопросы в рамках этого же эпизода обвинения должны были вписать слово "без ответа".

Следует отметить, что аналогичная конструкция ответов судом была допущена и по некоторым другим эпизодам обвинения (частично был постановлен оправдательный приговор).

Судебная коллегия считает, что в сложившейся ситуации нет никаких нарушений ст.343 УПК РФ, регламентирующей вынесение вердикта. Из взаимосвязанных положений ч.ч.7 и 8 ст.343 УПК РФ достаточно четко и недвусмысленно следует, что ответы на вопросы вносятся старшиной присяжных заседателей в вопросный лист непосредственно после каждого из соответствующих вопросов, то есть на каждый вопрос должен быть ответ, отвечающий требованиям ч.7 ст.343 УПК РФ. Лишь в случае, если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость отвечать на последующий вопрос, старшина с согласия большинства присяжных заседателей вписывает после него слова "без ответа".

Таким образом, последняя конструкция заполнения ответов – это есть право большинства присяжных заседателей, она не носит

императивного характера во всех аналогичных случаях. Ответы на оспариваемые вопросы не являются противоречивыми. (...)

Вопрос №145 сформулирован следующим образом: "Доказано ли, что 1 сентября 2005 года, около 24 часов, после совершения на Г. нападения и предъявления ему требования о передаче денег, чтобы окончательно завладеть находящимся в пользовании Г. автомобилем...". Далее изложены фактические обстоятельства, связанные с захватом, перемещением и удержанием потерпевшего. На этот вопрос присяжные заседатели дали утвердительный ответ. По событию, связанному с выдвиганием Сучковым А.И. Г. требования о передаче <...> рублей, присяжные заседатели дали отрицательный ответ. По этому эпизоду обвинения Сучков А.И. оправдан по п. "а" ч.3 ст.163 УК РФ за отсутствием события преступления.

На основании вердикта присяжных заседателей он осужден, в том числе, по п. "а" ч.4 ст.162 УК РФ (по эпизоду разбойного нападения на Г.). Изложенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что, дав утвердительный ответ на 145-й вопрос, присяжные заседатели не сделали никакого исключения, то есть, учитывая, что они дали отрицательный ответ на 141-й вопрос (событие, связанное с вымогательством денег), они должны были исключить из 145-го вопроса слова "...и предъявления ему требования о передаче денег...". Следует признать, что существует противоречие в ответах на 141 и 145-й вопросы, но оно является несущественным и не влияет на законность, обоснованность и справедливость оспариваемого обвинительного приговора».

Обратным примером действия Верховного суда в сходной ситуации служит Определение ВС РФ от 14 июля 2004 года по делу №16-о04-36сп. Здесь, согласно ответов присяжных заседателей в вопросном листе, подсудимый был признан невиновным, но при этом заслуживающим снисхождения, что, в свою очередь, повлекло отмену приговора. Два мира – два Шапиро, как обычно)

19.4.9 Постановка вопроса о снисхождении

В соответствии с ч.4 ст.339 УПК РФ, в случае признания подсудимого виновным ставится вопрос о том – заслуживает ли он снисхождения? Согласно пункта 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. №23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, образующих реальную совокупность, вопрос о снисхождении должен ставиться применительно к каждому деянию. При идеальной же совокупности ставится один вопрос о снисхождении. Очевидно, что и в протоколе судебного следствия должна быть дана ссылка на ч.4 ст.339 УПК РФ...

19.4.10 Объединение вопросов о доказанности деяния и доказанности причастности подсудимого

Да, закон предусматривает возможность объединения вопроса о доказанности деяния и о виновности в деянии конкретного лица. Однако, в некоторых случаях такое объединение влечет за собой нарушение законодательства. Это характерно для случаев, когда защита признает доказанность события преступления, но при этом оспаривает участие в преступлении подсудимого. В качестве примера можно указать

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. №19-о08-62сп. Кроме того, Верховный суд РФ считает нарушением и те редкие ситуации, когда суд вообще «забывает» поставить первый вопрос – т.е. вопрос о доказанности события преступления (См., например, «Судебные решения и определения, вынесенные Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации в июне 2005 г.», журнал «Право в Вооруженных Силах» №11 за 2005 г.»).

19.4.11 Постановка непонятных вопросов

Вопросы, которые ставятся перед присяжными, должны быть сформулированы в понятной для них форме – это требование сформулировано в ч.8 ст.339 УПК РФ. Иное ВС РФ расценивает как нарушение, влекущее отмену приговора. Естественно, что «оценка на понятность» подразумевает учет субъективных факторов – мнение «о понятности» конкретного судьи, его общую эрудицию, настроение и пр.

Здесь можно привести в пример решение Верховного суда, принятое в Кассационном определении ВС РФ от 1 июня 2004 г. за №81-О04-29сп. Оправдательный приговор по этому делу был отменен в связи с тем, что вопросы, поставленные перед присяжными заседателями, были им непонятны. Вот на какое нарушение конкретно указывает ВС РФ:

«Так, формулируя вопросный лист, председательствующий изложил вопрос под №1 таким образом, что ответ на него не дает четкого представления о том, относительно каких обстоятельств принято решение присяжными заседателями. Данный вопрос включает в себя описание не только деяния в отношении Ю. и ее имущества, но он включает в себя и мотив совершения данного деяния. Такая постановка вопроса привела к тому, что присяжными заседателями дан ответ, из которого непонятно, что же они имели в виду, давая ответ на первый вопрос "нет, не доказано":

- либо они пришли к выводу, что не доказан мотив совершения деяния (нападение с целью завладения имуществом потерпевшей);

- либо они пришли к выводу, что не доказано, что в отношении потерпевшей были совершены насильственные деяния, повлекшие ее смерть;

- либо они пришли к выводу, что не доказано, что из квартиры были похищены деньги.

Неясность вердикта стала возможной и потому, что председательствующим по делу присяжным заседателям не было разъяснено положение закона, в соответствии с которым они могли признать доказанным, что потерпевшей были причинены телесные повреждения, повлекшие смерть, и не доказано, что на нее было совершено нападение с целью завладения имуществом и похищены деньги, или наоборот. (...)

В соответствии с ч.3 ст.339 УПК РФ, после основного вопроса о виновности подсудимого могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые увеличивают или уменьшают степень виновности либо изменяют ее характер, влекут освобождение подсудимого от ответственности.

Из этого следует, что в частных вопросах могли быть поставлены иные вопросы, в том числе, направленные на установление мотива совершения деяния».

То есть, как видно из процитированного, основанием отмены послужило, во-первых, мнение суда о том, что соединение в одном вопросе сведений о деянии и мотивах его совершения – недопустимо. Эта позиция ВС РФ могла бы быть объявлена

еще одним примером двойных стандартов и «выдумывания» несуществующих норм права (с учетом того, что любой вопрос о доказанности деяния включает в себя массу самостоятельных фактов), если бы не указание на тот факт, что председательствующий не разъяснил порядок признания недоказанной части утверждения в вопросном листе.

Несмотря на кажущуюся «мелочь», этот момент крайне важен для стороны защиты! **При произнесении председательствующим напутственного слова, необходимо обращать внимание на те разъяснения, которые он дает и в частности о том – как признать недоказанной ту или иную часть вопроса в вопросном листе. В случае выявления неразъяснения, это можно отразить либо в возражениях на напутственное слово, либо оставить в качестве апелляционного повода...**

Вообще, оценивая такую сложную процессуальную материю как «понятность поставленного присяжным вопроса», ВС РФ иногда в качестве обоснования своих решений применяет весьма любопытный метод – помимо анализа спорного вопроса по существу, суд решает вопрос о его «понятности», анализируя сопутствующие ему события. К примеру, в Кассационном определении ВС РФ от 1 июня 2004 г. №81-О04-29сп суд сделал вывод о нарушении требований п.8 ст.339 УПК РФ, т.е. о том, что вопросы поставлены в непонятных формулировках, в связи с тем, что присяжные заседатели четыре раза удалялись в совещательную комнату и в том числе три раза только потому, что вердикт был признан неясным и противоречащим.

И тут же, чтобы лишить читателя иллюзии о хоть какой-то определенной правовой позиции ВС РФ по указанному вопросу, сошлюсь на Апелляционное определение ВС РФ от 19 декабря 2013 г. №32-АПУ13-14сп – в этом случае суд посчитал, что неоднократное возвращение присяжных заседателей в совещательную комнату для устранения допущенных в вопросном листе ошибок уже не является признаком непонятности сформулированных вопросов, поскольку сами присяжные об этом не заявляли...

Кстати, иногда ВС РФ отказывает и прокурорам. К этим решениям (по понятным причинам) я отношусь с особым трепетом, поэтому и использую в книге ссылки на них гораздо чаще, чем такие решения появляются статистически в общей массе. Так, говоря о понятности вопросов, поставленных перед присяжными, ВС РФ иногда занимает замечательную позицию в обосновании своего решения «от обратного»: «Понятно ли сформулированы вопросы присяжным? Если присяжные ничего у председательствующего не спрашивали – значит понятно». Именно такая позиция была зафиксирована в Постановлении Президиума Верховного суда РФ от 27 января 2010 г. №294-П09ПР:

«Доводы в представлении о том, что формулировки вопросов могли оказаться сложными для восприятия и понимания присяжными заседателями, противоречат материалам дела, из которых следует, что после оглашения вопросного листа у присяжных заседателей не возникло неясностей по постановленным вопросам, поскольку они не обращались с просьбой об их разъяснении».

Соответственно, хотелось бы обратить внимание защитников на применимость подобного рода аргументов в случае оспаривания приговора суда противной стороной в апелляционной инстанции по сходным основаниям.

Наконец, еще одним, эталонным, примером того, как в погоне за обвинительным вердиктом суд «выворачивает» вопросный лист наизнанку, да так, что работать с ним становится совершенно невозможно – служит Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.04.2006 по делу №74-о06-4сп. Второй инстанцией в вопросном листе по данному кейсу было обнаружено следующее:

«...Вопрос №9 в вопросном листе был сформулирован таким образом: "Доказано ли, что имело место следующее деяние: 13 января 2005 года около 13 часов в г.Якутске во дворе дачи без номера по

ул.Сергеляхское шоссе, 13 км преследовали, с кухонным ножом в правой руке, контролера третьего разряда бытового сектора Якутского отделения энергосбыта В. в связи с осуществлением им служебной деятельности, что, держа нож за клинок, бросили в спину В., что В., заметив это, сумел увернуться от ножа?"

Присяжные ответили: "Нет, не доказано".

Следующий вопрос, №10, председательствующий сформулировал так: "Доказано ли, что это деяние (описанное в вопросе 9) совершил подсудимый А. с намерением лишить жизни В.?". При этом судья предложил отвечать на заданный вопрос в том случае, если дан утвердительный ответ на предыдущий вопрос.

Вопрос присяжные заседатели оставили без ответа. Это было связано с тем, что из вопроса №9 не понятно, в связи с чем преследовали потерпевшего В. "с кухонным ножом в правой руке". В вопросе указано, что В. преследовали "в связи с осуществлением им своей служебной деятельности". Однако в связи с осуществлением какой именно "служебной деятельности" его преследовали, в вопросе не раскрыто.

В вопросе №9 также присяжным предложено ответить, доказано ли, что в спину В. бросили нож. Но из такой формулировки вопроса нельзя сделать вывод о том, с какой целью бросили нож в спину потерпевшему. Этот вопрос (о намерении А. лишить жизни В.) был поставлен в следующем вопросе (№10), который оставлен присяжными без ответа, поскольку им было предложено ответить на него в том случае, если будет дан положительный ответ на предыдущий вопрос.

Из изложенного следует, что вопрос о доказанности фактических обстоятельств деяния, согласно предъявленному обвинению, судья раздробил, и фактические обстоятельства деяния, вне какой-либо связи в их развитии, разделил на самостоятельные вопросы. Такая постановка вопросов не позволила представить, как развивалось инкриминируемое А. деяние. Термины в вопросе не раскрыты и требуют от присяжных заседателей собственно юридической оценки при вынесении ими своего вердикта.

Аналогичные нарушения закона (нераскрытие существа самих деяний, в совершении которых обвинялся подсудимый, а также включение в вопросы терминов, требующих собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта) были допущены председательствующим судьей и при формулировке других вопросов по эпизодам преступлений, которые инкриминировались А.

Так, в вопросе №1 присяжным было предложено ответить на вопрос о доказанности причинения боли участковому уполномоченному милиции С. в результате нанесения ей удара ладонью правой руки по лицу в прихожей веранды вышеуказанной дачи, куда она пришла в форме сотрудника милиции вместе с помощником участкового С.О. "для исполнения своих должностных обязанностей". Аналогичный вопрос был поставлен и в отношении С.О. с той лишь разницей, что ее ударили при выходе из помещения дачи рукоятью кухонного ножа в предплечье.

Не содержит описания преступного деяния, как то изложено в обвинительном заключении, и вопрос №13 о доказанности нанесения удара ножом в область живота сотруднику ОМОН милиционеру Ш. Вопрос содержит общую формулировку о том, что удар ножом Ш.

был нанесен "во время исполнения своих обязанностей по охране общественного порядка и общественной безопасности". Однако какие именно "служебные обязанности по охране общественного порядка и общественной безопасности" он исполнял, в вопросе не раскрыто. Из самого вопроса также не ясно, с какой целью указанный сотрудник милиции прибыл в дом А.

Таким образом, ни один из указанных вопросов не раскрывает полной картины инкриминируемых А. деяний (существа обвинения с указанием мотивов совершения преступлений).

Между тем в обвинительном заключении указано, что А. покушался на убийство В. (контролера отделения энергосбыта РАО "ЕЭС") и с целью причинения ему смерти сделал прицельный бросок ножа в спину потерпевшего, когда тот стал убежать от А. При описании преступного деяния в обвинительном заключении также указана причина конфликта, произошедшего между А. и В., в результате которого В. обратился за помощью в милицию. В обвинительном заключении также указаны служебные полномочия, которые осуществлял В., когда исполнял свои обязанности по обследованию жилых дач и выявил несанкционированное подключение дачи абонента А. к электроэнергии, после чего А. в целях недопущения оформления акта о нарушении правил электроснабжения нанес удары рукой по лицу и удар монтировкой в область предплечья В.».

Якутск, конечно, далеко, но как то уж совсем на учебный суд похоже для второкурсников юрфака, а не на реальное судебное дело, честное слово...

19.5 Постановка частных вопросов

Тему постановления частных вопросов пришлось выделить в самостоятельный раздел по причине ее особой важности и определенной «самостоятельности» в контексте проблематики формулирования вопросного листа.

В необходимых случаях, в соответствии с ч.3 ст.339 УПК РФ, отдельно ставятся также вопросы о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца, степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления и т.п. Адвокат, в рамках защитительной позиции и с учетом ограничений, установленных УПК РФ, вправе внести предложения о постановке соответствующих вопросов, включая вопросы о доказанности отдельных деяний, влияющих на степень и характер вины подсудимого. Вопросы, предлагаемые защитником, должны быть ясными, логичными, вытекать из судебного следствия и защитительной речи.

Вообще, постановка перед присяжными заседателями частных вопросов является мощным инструментом защиты в борьбе за права и законные интересы подсудимого. Однако использование этого инструмента сопряжено со значительными трудностями как процессуального, так и внепроцессуального свойства. Более того, имеются примеры, когда некорректная постановка частных вопросов не только не улучшала, а напротив – ухудшала положение подсудимого, в том числе приводя к отмене впоследствии оправдательных приговоров...

Впрочем, немалую долю трудностей в постановке частных вопросов по делу вносит далеко неоднозначная позиция судов и, в том числе, Верховного суда РФ. Более того, к сожалению, известно немало случаев, когда законные и обоснованные требования защиты о постановке частных вопросов просто игнорируются председательствующим.

В книге «Защита по уголовному делу» (под редакцией Е.Ю.Львовой) приводится пример рассмотрения уголовного дела в отношении подсудимого Кузькина.

При формулировании вопросов, судьей был поставлен вопрос о доказанности совершения убийства в состоянии аффекта. Причем присяжные признали это именно убийством в состоянии аффекта, а не убийством с отягчающими обстоятельствами по которому Кузькину было предъявлено обвинение. Кассационная палата, отменяя этот приговор, указала, что в соответствии с ч.1 ст.435 УПК РСФСР, присяжные были вправе разрешить в формулировке вопросного листа только вопросы относительно того деяния, в котором обвинялся подсудимый. Все же другие вопросы обязан решать председательствующий единолично.

Между тем, однако, ч.2 ст.449 УПК РСФСР предусматривает возможность постановки вопросов, позволяющих установить виновность подсудимого в менее тяжком преступлении... Тем не менее, при новом рассмотрении дела, следуя указаниям Верховного суда, вопрос об аффекте поставлен не был – и Кузькин был осужден по п. «и» ст.102 УК РСФСР.

По другому делу, где защитник занимал аналогичную позицию аффекта, председательствующий все-таки поставил в вопросный лист соответствующий вопрос, но в такой формулировке: «Доказано ли, что А. лишил жизни Б. в связи с тем, что последний нанес оскорбление его дочери?». Присяжные, думая, что отвечают на вопрос об аффекте, указали: «Да, доказано». Тогда как любому юристу ясно, что из такой формулировки следует квалификация по ч.1 ст.105 УК РФ, т.е. умышленное убийство на почве личных неприязненных отношений.

Словом, при постановке вопроса по деянию, содержащему несколько квалифицирующих признаков, важно добиваться от председательствующего, чтобы эти признаки были поставлены не в первом вопросе о доказанности деяния, а в качестве дополнительных вопросов к вопросу о причастности. Это позволит присяжным без труда произвести соответствующую дифференциацию. Особенно это важно в тех случаях, когда подсудимый оспаривает какие-либо обстоятельства или квалифицирующие признаки, признавая обвинение в остальной части.

Согласно ч.3 ст.339 УПК РФ, после основного вопроса о виновности подсудимого, могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности, либо изменяют ее характер, или даже влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности. В данном случае законодательство имеет определенное противоречие само в себе, поскольку юридические вопросы присяжными не выясняются, а виновность – это как раз такой юридический вопрос. Соответственно, защите придется серьезно подумать над тем, как следует «извернуться» и изложить вопрос о виновности в доказывании фактических обстоятельств, влияющих на виновность.

Итак, в ч.3 ст.339 УПК РФ, допускающей *постановку частных вопросов, дан исчерпывающий перечень тематики таких вопросов*. Вот он:

- **Вопросы об обстоятельствах, которые влияют на степень виновности.** Под этими обстоятельствами, очевидно, следует понимать фактические деяния, содержащие в себе признаки смягчающих вину обстоятельств, предусмотренных ст.61 УК РФ. При этом, надо понимать, что это не могут быть вопросы, прямо требующие ответа от присяжных о наличии или отсутствии смягчающих вину обстоятельств, поскольку в силу п.6 ч.1 ст.299 и ч.2 ст.334 УПК РФ – их разрешение относится к полномочиям судьи. Также, наверняка, будет отказ в постановке вопросов, требующих от присяжных заседателей разрешения вопросов права, либо выхода за пределы предъявленного обвинения. Так, например, будет отказано в постановке вопроса о доказанности наличия у подсудимого несовершеннолетних детей, беременности, собственного несовершеннолетия и т.п. В то же время, вполне возможно поставить перед присяжными вопрос о наличии фактических обстоятельств, которые, при их последующей юридической оценке председательствующим, будут указывать на совершение преступления в результате физического или психического принуждения, либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; либо будут указывать на совершение деяния в рамках

необходимой обороны, при задержании лица, совершившего преступление, в обстоятельствах крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения; или будут говорить о противоправности или аморальности поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления.

- **Вопросы об обстоятельствах, изменяющих характер вины** – это те обстоятельства, которые являются фактическим основанием для вывода об иной форме вины (неосторожность вместо умысла) или иной разновидности одной и той же формы вины (косвенный умысел вместо прямого; легкомыслие или небрежность). Полагаю, нет особой необходимости разъяснять влияние формы вины на возможную квалификацию деяния. Так что вопросы относительно характера виновности являются очень важными для защиты. Какими были действия вашего подзащитного: умышленными или неосторожными, был ли вообще умысел на вмененное деяние? Если нет, то на что были направлены его действия? Вот цель такого рода вопросов. Формулируются они, например, так:

Вопрос 1. Доказано ли, что потерпевший Иванов погиб от ножевой раны, причиненной ему в область передней стенки грудной клетки?

Вопрос 2. Если на первый вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что указанное в этом вопросе деяние совершил Сидоров?

Вопрос 3. Если на второй вопрос дан утвердительный ответ, то виновен ли Сидоров в деянии, указанном в первом вопросе?

Вопрос 4. Если на третий вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что Сидоров нанес удар ножом Иванову, пытаясь предотвратить нанесение ему (Сидорову) Ивановым удара металлическим прутом, находившемся в руках Иванова?

Вопрос 5. Если на третий вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли что Сидоров, после нанесения удара ножом Иванову, вызвал скорую помощь и подручными средствами пытался остановить кровотечение из раны Иванова?

- **Вопросы об обстоятельствах, влекущих за собой освобождение подсудимого от ответственности.** При этом надо понимать, что вопросы об обстоятельствах, указанных в п.п.3-6 ч.1, ч.2 ст.24; п.п.3-7 ч.1 ст.27; ст.ст. 25 и 28; ч.7 ст.246 УПК РФ на разрешение присяжным не ставятся, поскольку их разрешение отнесено к исключительной компетенции председательствующего (ст.254 и п.1 ст.350 УПК РФ). В принципе, в этом есть свой смысл, поскольку вопросы об истечении сроков давности или применения акта амнистии очевидно требуют юридических знаний. Вопросы же о таких обстоятельствах как необходимая оборона, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение и других, указанных в гл.8 УК РФ, могут ставиться в понятных присяжным заседателям "неюридических" формулировках, однако они не являются обстоятельствами, влекущими освобождение подсудимого от ответственности, поскольку вообще исключают ее вместе с преступностью деяния. В общем, этот пункт прекрасно иллюстрирует тезис о том, что наше уголовно-процессуальное законодательство крайне несовершенно и парадоксально. С определенными оговорками, можно попробовать включить сюда вопросы о доказанности фактических обстоятельств, указывающих на необходимую оборону, обоснованный риск, крайнюю необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, физическое или психическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения.

- **Вопросы о степени осуществления преступного намерения.** То есть речь идет о том, было ли окончено преступление.

- **Вопросы о причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца.** То есть имел ли место добровольный отказ от совершения преступления, либо оно не было доведено до конца по независящим от подсудимого причинам.

- **Вопросы о степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления.** В данном случае речь идет об эксцессе исполнителя, форме сговора, устойчивости группы и т.д.

• **Вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.** В случае с этой категорией вопросов, существует весьма спорный момент, когда суд отказывает в постановке вопроса о совершении менее тяжкого преступления по причине того, что подсудимому оно не вменялось. Соответственно, вопросы данной категории должны затрагивать именно фактическую сторону деяния, позволяющую произвести переквалификацию преступления на менее тяжкое, например, убийства с квалифицирующими признаками (ч.2 ст.105 УК РФ) на убийство без таковых (ч.1 ст.105 УК РФ), или же переквалификация убийства – на причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (ч.4 ст.111 УК РФ) и т.д.

Вот еще отрывок из книги Е.Ю.Львовой «Защита по уголовному делу»:

«Вот пример формулировки вопросного листа по делу Чумакова, обвинявшегося по ст.102 п. «а», «д», «н» УК РСФСР, в рассмотрении которого в Московском областном суде под председательством судьи М.Н.Елычева автор принимал участие.

1. Доказано ли, что 8 октября 1993 г., в начале восьмого утра, у д.5 по ул.Машиностроителей г.Подольска Московской области из автомашины ВА3-2108 были произведены выстрелы из автомата в гражданина Губкина В.Л., в результате чего последнему были причинены – сквозное ранение левой височной области, сквозное ранение задней поверхности нижней трети левого бедра, сквозное ранение задней поверхности средней трети правого плеча, касательное ранение межлопаточной области, слепое ранение поясничной области, проникающее в брюшную полость с повреждением второго поясничного позвонка околопочечной клетчатки, стенки желудка и малого сальника, что вызвало травматический шок, от которого Губкин скончался по пути в больницу, а также доказано ли, что часть пуль в результате произведенных выстрелов попала в обшивку балкона и дверь одной из квартир д.5?

2. Если на 1-й вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что Чумаков А.Н. за обещанное ему вознаграждение, действуя совместно с другими лицами, подъехал утром 8 октября 1993 г. вместе с этими другими лицами к д.5 по ул.Машиностроителей г.Подольска на автомашине ВА3-2108 и из переданного ему ранее автомата из салона данной машины через открытый задний багажник произвел выстрелы в Губкина В.Л., в результате чего наступили последствия, указанные в 1-м вопросе?

3. Если на 1-й и 2-й вопросы даны утвердительные ответы, то виновен ли Чумаков А.Н. в совершении действий, указанных в этих вопросах?

4. Если на 2-й вопрос дан отрицательный ответ, то доказано ли, что Чумаков А.Н., боясь расправы в отношении членов его семьи, 8 октября 1993 г. произвел выстрелы из автомата при обстоятельствах, описанных во 2-м вопросе, но стрелял не в Губкина, а в землю?

Пример этого дела интересен тем, что председательствующий в напутственном слове разъяснил присяжным, что они могут отвечать на вопросы «развернуто», т.е. не все признать доказанным, либо сделать оговорки относительно виновности.

В результате этого, хотя присяжные и не согласились с позицией защиты, выраженной в четвертом вопросе, зато на второй вопрос ответили: «Да, доказано, кроме факта вознаграждения», а на третий: «Да, виновен, но боялся расправы в отношении членов его семьи».

Это дало возможность исключить в приговоре квалифицирующий признак корыстных побуждений и учесть при назначении наказания смягчающее обстоятельство, указанное присяжными при ответе на третий вопрос о виновности».

Соответственно, вопросы, выходящие за пределы перечисленных выше тем частных вопросов, в вердикте фигурировать не могут. В частности, именно такая правовая позиция отражена в Апелляционном определении ВС РФ от 23 декабря 2015 г. №11-АПУ15-34СП:

«Большинство вопросов, которые предлагали включить в вопросный лист перечисленные выше участники судебного разбирательства со стороны защиты, выходили за рамки положений ч.1 и ч.2 ст.339 УК РФ, либо касались достоверности тех или иных доказательств, исследованных в судебном заседании. Например, осужденный Мольков В.Ю. предлагал включить следующие вопросы: доказано ли, что в период с 1998 года по середину сентября 1999 года семья Д. выплачивала денежные суммы именно Молькову? Доказано ли, что вечером 27 марта 1998 г. Мольков вызвал потерпевшего из дома и перевез Д. в неустановленное место? Доказано ли, что Мольков летом 2002 года, находясь в исправительной колонии, дал указание иному лицу, хранившему огнестрельное оружие группы "<...>", передать исполнителям пистолет, снаряженный патронами?»...

На этом мы логично переходим к рассмотрению отдельных проблем, возникающих при постановке частных вопросов. Судебная практика ВС РФ тут, как обычно, неоднородна. И, конечно, она имеет достаточно серьезные перекосы в сторону обвинения.

19.5.1 Незаконный отказ в постановке частных вопросов

Незаконный отказ в постановке частного вопроса сравнительно часто приводит к отмене судебных решений. Одним из многочисленных примеров того может служить Кассационное определение ВС РФ от 22 ноября 2006 г. по делу №81-006-93СП. В нем был установлен незаконный отказ председательствующего в постановке дополнительных вопросов, направленных на установление доказанности факта совершения преступления в результате принуждения одного подсудимого другим подсудимым (вопросный лист был сформулирован исключительно с учетом позиции обвинения).

Аналогичное решение об отмене обвинительного приговора из-за незаконного отказа в постановке дополнительных вопросов принято в Кассационном решении ВС РФ от 11 января 2007 г. по делу №32-006-58сп, а Определением ВС РФ от 16 сентября 2003 г. №6-кпо3-28сп был отменен приговор, а дело направлено на новое рассмотрение – по причине отказа суда первой инстанции в постановке вопроса на основе которого могла быть установлена виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления (укрывательстве).

В Апелляционном определении от 28 ноября 2013 г. №44-АПУ13-47сп ВС РФ признал незаконным отказ защите со стороны председательствующего в постановке частного вопроса о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключających ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой ответственность за менее тяжкое преступление:

«Как усматривается из материалов дела, подсудимые как в ходе расследования, так и в судебном заседании утверждали, что Белоусов и Лушин произвели выстрелы в воздух, а Лопатин произвел случайно выстрел в потерпевших.

При обсуждении вопросов вопросного листа от адвоката Логиновой поступило ходатайство о постановке перед присяжными заседателями вопроса о том, доказано ли, что огнестрельное ранение, повлекшее смерть А., и ранение Д. причинены в результате одного выстрела, произведенного Лопатиным в результате неосторожного обращения с оружием.

Однако председательствующий, в нарушение требований уголовно-процессуального закона отказал адвокату в постановке вопроса о наличии обстоятельств исключającego ответственность

одних подсудимых и влекущих за собой ответственность Лопатина за менее тяжкое преступление».

Кроме того, следует отметить одно принципиальное требование к постановке частных вопросов. Согласно позиции ВС РФ, изложенной в Апелляционном определении от 24 апреля 2014 г. №93-АПУ14-3сп, вопросы стороны защиты являются обязательными лишь в том случае, если в них идет речь о фактических обстоятельствах, исключая ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление.

При этом необходимо сказать и еще об одном важном условии постановки частных вопросов – их постановка не является обязательной в случае, когда вопросный лист допускает фактический ответ на них, путем исключения соответствующих обстоятельств из основных вопросов. Такой позиции, в частности, придерживается ВС РФ в Апелляционном определении от 5 августа 2015 года №11-АПУ15-17сп.

Но не все так радостно на юридическом небосклоне. Известны Верховному суду и лазейки, позволяющие при определенных обстоятельствах не расценивать отказ в постановке частного вопроса в качестве нарушения, влекущего отмену приговора. Так, в Кассационном определении от 14 марта 2007 года №93-о06-25СП Верховный суд РФ, с одной стороны, признал, что защите было отказано в постановке дополнительных вопросов, но с другой посчитал, что сформулированные вопросы и так давали возможность присяжным заседателям при недоказанности вины Б. в убийстве потерпевшего – путем исключения определенных обстоятельств из основных вопросов – дать отрицательный ответ, поскольку у присяжных заседателей было право выбора при ответах на вопросы. Поэтому, согласно мысли ВС РФ, в данном конкретном случае нельзя говорить о нарушениях председательствующим требований ст.338 ч.2 и ст.339 ч.3 УПК РФ. То есть ВС РФ, получается, требует от присяжных заседателей юридических знаний и опыта, позволяющих им понять, что именно надо исключить из основных вопросов, чтобы сформулировать свое отношение к доказанности, путем внесения в вопросный лист юридически правильных исключений.

А вообще в борьбе за интересы обвинения суд может пойти весьма далеко, в том числе незаконно отказать стороне защиты в постановке частных вопросов. К сожалению, в ряде случаев решения ВС РФ по таким поводам носят весьма загадочный характер, поскольку не содержат внятной аргументации. Например, систематически приходится сталкиваться с решениями ВС РФ мотив которых иначе как «так захотелось» и не сформулируешь. В частности, можно сослаться на кассационное определение ВС РФ от 27 марта 2006 года №46-о05-58, когда довод о незаконном не включении в вопросный лист частного вопроса суд парировал следующей фразой:

«Что же касается доводов жалоб о необоснованной формулировке некоторых вопросов присяжным заседателям, а также о том, что вопрос №188 был по существу отвергнут либо сформулирован не так, как надлежало сформулировать, то и с этими доводами согласиться нельзя по тем основаниям, что вопросы присяжным заседателям, как это видно по делу, постановлены в соответствии с требованиями ст.339 УПК РФ».

Тут нам остается только дивиться способу мотивирования своей позиции, избранной судьями ВС РФ, больше свойственной художникам-авангардистам, нежели судьям Фемиды: «Мы так видим».

А иногда, видимо, при отсутствии подходящих аргументов, ВС РФ предпочитает просто «не замечать» аргументы защиты, либо отвергать их, не вдаваясь в мотивацию своих решений. За примерами далеко ходить не надо. Вот выдержка из Апелляционного определения ВС РФ от 24 апреля 2014 г. №46-АПУ14-15сп:

«В апелляционной жалобе и дополнении к ней в защиту осужденного Елистратова, адвокат Кузнецов И.С. выражает несогласие с приговором, указывает, что судом были допущены

нарушения уголовно-процессуального законодательства, в частности ст. 338, 339 УПК РФ и неправильно применен уголовный закон. Председательствующим не было рассмотрено ходатайство защиты о внесении в вопросный лист вопросов, которые она хотела поставить перед присяжными. Вопросы №№ 2, 3 поставлены неверно. Вопросный лист содержит незаверенные исправления, отсюда вердикт неясен и противоречив. В вопросе №3 сведены воедино два вида соучастия, и поэтому нельзя согласиться с квалификацией действий его подзащитного. (...)

Вопросный лист по делу составлен с соблюдением положений закона, на который ссылается в жалобе адвокат Кузнецов И.С. Так, из материалов дела видно, что стороной защиты внесены предложения по формулировке и постановке вопросов, которые, сами по себе, нельзя назвать ходатайствами и которые были переданы председательствующему и приобщены к материалам дела. С учетом этих предложений судьей в совещательной комнате окончательно сформулированы вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями. Полагать, что вопросы №№ 2, 3 сформулированы неверно, нет оснований, также как и то, что вопросный лист содержит незаверенные исправления. То обстоятельство, что председательствующий покинул зал судебного заседания с вопросным листом, как указывается в жалобах, само по себе, не свидетельствует о какой-либо фальсификации».

В итоге, остается только догадываться почему «нет оснований полагать», что вопросы 2 и 3, вопреки доводам защиты, сформулированы не верно, также как осталось неясным и то, содержит ли вопросный лист незаверенные исправления. Судьи ВС РФ не увидели исправлений? Не посчитали их исправлениями? Пришли к выводу, что они все-таки заверены?

Однако, чтобы не заканчивать рассмотрение данного вопроса на такой грустной ноте, сошлюсь на Кассационное определение ВС РФ от 08.08.2007 г. по делу №67-о07-22СП. Обвинительный приговор тут был отменен и дело направлено на новое рассмотрение в связи с тем, что подсудимый указывал, что намеревался только связать потерпевшего для облегчения совершения разбоя, и не мог предполагать, что потерпевший страдает заболеваниями, которые в результате действий по его связыванию могут вызвать смерть. Защита ходатайствовала о постановке перед присяжными частных вопросов, направленных на отражение указанной позиции по делу, однако суд в их постановке защите незаконно отказал. При этом ВС РФ обратил внимание, что «некорректная (правовая) постановка защитой ряда вопросов не является причиной, по которой суд не мог привести эти вопросы в соответствие с требованиями законодательства и, в переформулированном виде, поставить их перед присяжными заседателями».

В общем, иногда чудеса все же случаются...

19.5.2 Недопустимость ухудшения положения подсудимого частными вопросами

В соответствии с ч.3 ст.339 УПК РФ, допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Правда, вот с понятием «нарушение права на защиту» законодатель не определился, оставив его на судейское усмотрение... или произвол... уж кто с чем столкнулся. В итоге известны ситуации, когда поставленный вопрос затрагивает обвинение по составу или эпизоду, отличающемуся от официально предъявленного обвинения, что вынуждает защиту в последний момент пытаться защититься от нового, по сути,

обвинения по которому защита не давала объяснений и не предъявляла своих доказательств.

Названная ситуация достаточно редкая, но тем не менее знать о ней надо. В частности, указанная ошибка была выявлена Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.08.2004 г., дело №51-о04-61сп. В этом случае, ВС РФ, отменяя приговор и направляя дело на новое судебное рассмотрение, указал следующее:

«Согласно предъявленному обвинению, Ч. из ружья "Сайга-20", снаряженного дробовым зарядом, произвел три выстрела в стоящую у дороги группу людей. В результате стрельбы Д. причинены ссадины, не повлекшие вред здоровью, а М. – смертельное ранение в голову. В судебном заседании подсудимый Ч. пояснил, что он один выстрел произвел вверх, а два – в опору линии электропередачи. Адвокат, исходя из данной позиции подсудимого, в прениях говорил о попадании дробины в Д. и в голову М. в результате рикошета от опоры. При обсуждении сформулированных председательствующим вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, адвокат предложил поставить альтернативный вопрос о наличии обстоятельства, исключающего ответственность подсудимого за содеянное или влекущего за собой его ответственность за менее тяжкое преступление, в следующей редакции: "Ч. вышел с ружьем, предупредил, чтобы все расходились, после чего произвел один выстрел в воздух и два выстрела в опору". Однако председательствующий вопреки позиции защиты изменил вопрос по существу и значительно его расширил, указав в девятом вопросе: "...произведя два других выстрела, Ч. направил ружье в сторону опоры линии электропередачи у дороги, недалеко от которой стояла группа вышеназванных лиц, среди них были Д. и М.?" и тем самым ухудшил положение обвиняемого».

Так что, исходя из позиции ВС РФ, постановка частных вопросов может быть направлена только на улучшение позиции подсудимого. Да иное и законом не предусмотрено. Или вот еще пример. В Кассационном определении от 13 апреля 2007 г. №93-007-1сп, рассматривая представление прокурора, в котором он сетовал, что суд дескать не изложил позицию государственного обвинителя, высказанную в ходе судебного заседания и в прениях сторон, о том, что потерпевшие Р., Р. и К. – не избивали Власенко в автомашине в пути следования, Верховный суд пришел к выводу:

«Государственный обвинитель в судебном заседании не отказался от поддержания предъявленного Власенко обвинения. Утверждение государственного обвинителя о том, что потерпевшие не избивали подсудимого, фактически является изменением обвинения в сторону его усиления и влечет за собой нарушение права на защиту подсудимого, которому обвинение было предъявлено с учетом противоправного поведения потерпевших, явившегося поводом для преступления.

Это обстоятельство, как смягчающее наказание обвиняемого Власенко, указано и в самом тексте обвинительного заключения.

По мнению государственного обвинителя, положения ч.3 ст.339 УПК РФ позволяют ставить частные вопросы об обстоятельствах, которые как уменьшают степень виновности лица, либо изменяют ее характер, так и увеличивают их. Такое толкование положений ч.3 ст.339 УПК РФ противоречит буквальному ее изложению и смыслу уголовно-процессуального закона».

19.5.3 Нарушение формальных требований к постановке частных вопросов

Нарушения при постановке частных вопросов могут носить и формальный характер. Примером тому может служить Кассационное определение ВС РФ от 28 апреля 2003 г. №8-о03-17. При формулировке вопросного листа по данному делу, судом были поставлены частные вопросы №№ 14 и 15, однако в вопросе №14 не было указано к какому основному вопросу он относится. Помимо этого, вопросы № 14 и 15 были заданы не в отношении каждого подсудимого отдельно, как того требуют нормы ч.7 ст.339 УК РФ, а в отношении всех подсудимых сразу. Естественно, что указанные нарушения повлекли за собой отмену приговора...

Характер частных вопросов, по смыслу ч.3 ст.339 УПК РФ, должен быть направлен на уточнение степени виновности подсудимых, либо обстоятельств, изменяющих характер виновности, включая освобождение подсудимых от ответственности. И при этом председательствующий судья должен указать – к каким именно основным вопросам эти частные вопросы являются дополнением. Отсутствие в основном вопросе сведений о совершении подсудимым части деяния, без включения этих обстоятельств в вопрос о доказанности самого деяния и в вопросы о виновности или невиновности каждого подсудимого в совершении этого деяния, является недопустимым.

Хорошим примером нарушения формальных требований к постановке частных вопросов может служить Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 25.07.2006 г. по делу №64-о06-27сп. Вот как это нарушение сформулировано в тексте Определения ВС:

«В ч.1 и ч.2 ст.339 УПК РФ говорится о том, что вначале председательствующий обязан поставить три основных вопроса по каждому деянию, которые указаны в п.п. 1, 2 и 4 ч.1 ст.299 УПК РФ, исходя из полномочий присяжных заседателей, зафиксированных в ст.334 УПК РФ, либо один основной вопрос, соединяющий три основных вопроса, указанных в ч.1 ст.339 УПК РФ. После этого, как указано в ч.3 ст.339 УПК РФ, возможна постановка частных вопросов. Из смысла данной нормы следует, что частные вопросы направлены на улучшение положения подсудимого. Вопросы должны ставиться в понятных присяжным заседателям формулировках.

Данные положения закона судом не соблюдены. Председательствующий необоснованно исключил из основных вопросов мотив преступления (по версии обвинения), выделив его отдельно в 3-й частный вопрос. Однако, даже после этого, не был поставлен вопрос о виновности подсудимого (по версии обвинения).

В следующем 4-м частном вопросе речь идет о доказанности нанесения подсудимым ударов ножом потерпевшим в ходе обороны (этот вопрос увязан на 1-й и 2-й основные вопросы по версии обвинения, за исключением мотива, которым руководствовался подсудимый). В 5-ом вопросе речь идет о доказанности вины подсудимого. Изначально в этом вопросе заложены неясности и противоречия. Вопрос сформулирован следующим образом: "Если на первый и второй вопрос, а также на третий и четвертый даны утвердительные ответы, то виновен ли Б. в совершении действий, признанных доказанными?". Из вопроса следует, что он сформулирован так, что решать вопрос о том, виновен или невиновен подсудимый, нужно в том случае, если даны утвердительные ответы на все 4 предыдущих вопроса. Однако необходимо отметить, что третий и четвертый вопросы – взаимоисключающие друг друга (в 3-м вопросе – версия обвинения, в 4-м – защиты). На третий вопрос

присяжные заседатели дали отрицательный ответ, а на четвертый и пятый – утвердительные ответы.

Из указанного выше вытекает неясность вердикта, так как невозможно понять, в чем же признан виновным Б.».

В итоге, оправдательный приговор был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение... Посмотрим также Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 28.04.2003 г. №8-о03-17:

«...Председательствующим был избран порядок составления вопросного листа, регламентированный ч.1 ст.339 УПК РФ, т.е. три основных вопроса поставлены каждый отдельно. Первый вопрос председательствующий поставил о доказанности деяния, по которому обвинялись С.А.А., С.П.Ф. и Ш. При этом формулировка вопроса начата с действий, выполненных несколькими мужчинами в отношении потерпевшего С.Д.В., выразившихся в том, что в вечернее время они приехали в квартиру С.Д.В., ввели его в заблуждение и предложили проехать с ними посмотреть двухкомнатную квартиру, на которую можно будет поменять его квартиру, с чем С.Д.В. согласился. Далее описаны их действия по применению насилия к потерпевшему, причинению ему смерти, а также последующие действия по сокрытию трупа потерпевшего. После этого вопроса председательствующим были заданы вопросы о доказанности совершения этого деяния каждым подсудимым и об их виновности.

Далее, как следует из вердикта, председательствующим были сформулированы вопросы № 14 и 15 о том, доказано ли, что С.П.Ф. и С.А.А. договорились убить собственника квартиры С.Д.В., обратились с этим предложением к Ш., который согласился с ним, спланировал и организовал совершение убийства С.Д.В. и распределил роли между соучастниками, и о доказанности совершения ими этого преступления с целью завладения квартирой С.Д.В.

Эти вопросы, как указано в приговоре, расценены как частные, поставленные в соответствии с требованиями ч.3 ст.339 УПК РФ. При этом в вопросе №14 не было указано, к каким именно основным вопросам он является дополнением. Однако характер данных вопросов не является, по смыслу ч.3 ст.339 УПК РФ, частным, направленным на уточнение степени виновности подсудимых либо обстоятельств, изменяющих ее характер, влекущих освобождение подсудимых от ответственности. Данные обстоятельства, касающиеся действий С.А.А., Ш. и С.П.Ф., выполненных ими до появления в квартире потерпевшего, составляют часть объективной стороны преступления, в котором обвинялись подсудимые.

Между тем эти обстоятельства, свидетельствующие о мотиве и цели действий подсудимых, о характере состоявшегося сговора, не были указаны председательствующим при формулировании основного вопроса о деянии, а также вопросов о доказанности или недоказанности совершения этого деяния подсудимыми и вопросов об их виновности или невиновности. Такая постановка вопросов о доказанности совершения подсудимыми части деяния без включения этих обстоятельств в вопрос о доказанности самого деяния, и в вопросы о виновности или невиновности каждого подсудимого в совершении этого деяния, является недопустимой.

Указанные нарушения ст.339 УПК РФ при постановке вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, повлияли на содержание трех основных вопросов в отношении

каждого подсудимого и, соответственно, на содержание ответов на эти вопросы».

Обратите еще внимание на то, что во втором обязательном вопросе, т.е. в вопросе о доказанности причастности лица к инкриминируемому деянию, не может быть указано обстоятельство, ранее не описанных в 1-ом обязательном вопросе (в вопросе о доказанности самого деяния). В данном случае можно сослаться на [Определение](#) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.04.2003 г. №8-о03-17. Так, в отношении подсудимых Ш-в, С-в П.Ф., С-н – в вопросе о причастности их к совершенному преступлению в том числе спрашивалось:

«Доказано ли, что С-в П.Ф. и С-н договорились убить собственника квартиры С-ва Д.В., обратились с этим предложением к Ш-ву, который согласился с ним, спланировал и организовал совершение убийства С-ва Д.В., распределил роли между соучастниками...».

Однако в ранее заданном вопросе о доказанности самого деяния эти действия описаны не были и доказанными присяжными не признавались. В итоге ВС РФ указывает:

«Между тем эти обстоятельства, свидетельствующие о мотиве и цели действий подсудимых, о характере состоявшегося сговора, не были указаны председательствующим не только при формулировании основного вопроса №1 о деянии, а также вопросов № № 2, 8, 11 о доказанности или недоказанности совершения этого деяния подсудимыми и вопросов №№ 3, 9, 12 об их виновности или невиновности. Такая постановка вопросов о доказанности совершения подсудимыми части деяния без включения этих обстоятельств в вопрос о доказанности самого деяния и в вопросы о виновности или невиновности каждого подсудимого в совершении этого деяния является недопустимой».

19.5.4 Смешение общих и частных вопросов

Отказ учитывать юридическую разницу между общими и частными вопросами, также является нарушением, влекущим за собой отмену приговора по делу. Так в Определении ВС РФ от 29 декабря 2004 г. №32004-ббсп Верховный суд выявил следующее нарушение при постановке вопросов в вопросном листе:

«Из вопросного листа следует, что при ответе на первый и второй вопросы присяжные заседатели признали доказанным, что Авдеевым были произведены два выстрела из пистолета в ходе оказания сопротивления работникам милиции. И ответом на третий вопрос за данное деяние Авдеев признан виновным.

Следовательно, основной вопрос, подлежащий разрешению присяжными заседателями, был сформулирован таким образом, что из него было исключено описание преступного деяния, свидетельствующее о посягательстве на жизнь работников милиции "с близкого расстояния было произведено два выстрела в Ш.". Указанные обстоятельства были выведены в отдельный дополнительный вопрос №4, однако при ответе на который, не был поставлен вопрос о виновности подсудимого.

Вопрос №4, в части производства Асеевым выстрелов в Ш., нельзя отнести к частному вопросу, поскольку в соответствии с ч.3 ст. 339 УПК РФ после основного вопроса о виновности подсудимого могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют

на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности».

В данном примере остается только согласиться с позицией ВС РФ.

А в Кассационном определении от 12 июля 2005 года по делу №49-о05-30сп ВС РФ обнаружил, что перед коллегией присяжных заседателей был поставлен основной вопрос (относительно доказанности деяния) в котором, наряду с описанием самого деяния, приведены несколько мотивов действий С. – отомстить судье Г. за деятельность, связанную с осуществлением правосудия, и добиться отстранения судьи от рассмотрения дела. Как установил ВС РФ, содержание вопроса, включающее в себя кроме описания деяния и иные приведенные выше обстоятельства, которые влияют на степень виновности и изменяют ее характер, не позволяет дать на него ответ в виде утвердительного "да" или отрицательного "нет", как это указано в ст.454 УПК РФ. При приведенных обстоятельствах суду, после постановки основных вопросов, надлежало дополнительно поставить частные вопросы в соответствии с ч.3 ст.339 УПК РФ...

19.5.5 Нарушение последовательности постановки частных вопросов

Еще одна формальная ошибка при постановке частных вопросов заключается в их постановке не после разрешения вопроса о вине подсудимого, а перед ним. Кассационное определение ВС РФ от 21 июня 2006 года №74-о06-15сп выявило именно такой случай:

«Отвечая на вопросы № 2 и 3, присяжные заседатели дали утвердительный ответ по поводу разных обстоятельств, свидетельствующих об умысле содеянного. В частности, присяжные заседатели, отвечая на вопрос №2 по позиции обвинения, пришли к выводу о том, что С. произвел выстрел в потерпевшего на почве личных неприязненных отношений. А при ответе на вопрос №3 по позиции защиты присяжные заседатели признали доказанным, что выстрел произошел в результате случайного нажатия на спусковой крючок.

При ответе на вопрос о его виновности присяжные заседатели сделали вывод о виновности С. и в производстве выстрела в потерпевшего на почве неприязни, и в результате случайного нажатия на спусковой крючок ружья. Данное противоречие стало следствием нарушение председательствующим судьей ч.3 ст.339 УПК РФ, согласно которой частные вопросы об обстоятельствах, которые влияют на степень виновности, либо изменяют ее характер, могут ставиться лишь после постановки вопроса о виновности подсудимого в совершении инкриминированного ему деяния. Объединение вопросов по позиции обвинения и защиты недопустимо, так как влечет за собой неясность, либо противоречивость вердикта. По данному уголовному делу председательствующий в вопросе №4 допустил такую ошибку и предложил присяжным заседателям ответить на вопрос о виновности в случае положительного ответа на вопросы о доказанности совершения С. деяния по версии обвинения или защиты. Из вопросного листа следует, что присяжные заседатели положительно ответили на оба вопроса по обстоятельствам совершения преступления, как по версии государственного обвинителя, так и по версии защиты».

19.5.6 Постановка частного вопроса, исходя из позиции по делу

При высказывании защитой предложений по постановке частных вопросов о наличии фактических обстоятельств, исключающих ответственность подсудимого или влекущих ответственность за менее тяжкое преступление, ВС РФ систематически учитывает один любопытный нюанс, а именно – отражены ли эти «фактические

обстоятельства» в позиции защиты в ходе судебного разбирательства. То есть, например, если сторона защиты отрицает причастность подсудимого к преступлению, нельзя поставить вопрос о том, совершено ли было это преступление под влиянием физического или психического принуждения, и т.п. При полном признании или при полном отрицании подсудимым совершения действий по предъявленному обвинению (например, утверждение об алиби или о том, что его с кем-то перепутали) частные вопросы не ставятся, поскольку их постановка не будет основываться на предъявленном обвинении и результатах судебного следствия. Хотя при буквальной трактовке ч.2 ст.338 УК РФ, это допустимо...

В качестве иллюстрации можно сослаться на Кассационное определение ВС РФ от 29 марта 2007 г. №80-О07-8сп и Апелляционное определение ВС РФ от 3 марта 2014 г. №44-АПУ14-6сп. А вот позицию ВС РФ в Кассационном определении от 12 февраля 2014 г. №7-О14-1сп можно даже процитировать: *«Вопреки доводам жалоб, ходатайства адвокатов о постановке дополнительных вопросов обоснованно отклонены, поскольку оснований для постановки дополнительных вопросов, смягчающих ответственность подсудимых, по результатам судебного следствия не было – т.к. подсудимые В. и П. не признавали свою вину и утверждали о своем алиби».*

19.5.7 Юридические термины в частных вопросах

Впрочем, адвокатам не следует сваливать все свои неудачи исключительно на недобросовестность судей. Так Кассационным определением ВС РФ от 3 октября 2006 г. №5-006-119СП установлено, что предложенные защитой дополнительные вопросы, в части установления присяжными наличия или отсутствия умысла на убийство, обстоятельств, исключающих ответственность за убийство – без приведения конкретных данных, требовали от присяжных собственно юридической оценки при вынесении вердикта, а разрешение таких вопросов, согласно ст.339 ч.3 УПК РФ в компетенцию коллегии не входит. То есть, если исходить из указанного Определения, защита допустила грубейшую ошибку в постановке вопросов (в данном случае – частного вопроса), чем лишила подсудимого надежды на переквалификацию умысла...

ГЛАВА 20.

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО

*Перед смертью не надыймись.
Студенческая мудрость*

Произнесение напутственного слова председательствующего к присяжным, уходящим на вынесение вердикта – это последняя стадия судебного разбирательства, которая происходит непосредственно перед отправлением коллегии заседателей в совещательную комнату для вынесения ответов на вопросный лист. Что интересно, это излюбленная цель для апелляционного обжалования приговора и одна из наиболее освещенных и проработанных исследователями тем при изучении судопроизводства с участием присяжных заседателей.

К числу наиболее свежих и полных работ, рассматривающих особенности произнесения напутственного слова председательствующего, да еще и в аспекте соблюдения закона и защиты прав подсудимых, можно отметить исследования Н.А.Развейкиной – как ее диссертацию, так и отдельные статьи и, прежде всего, «Напутственное слово председательствующего как средство неправомерного воздействия на присяжных заседателей» (<https://cyberleninka.ru/article/n/naputstvennoe-slovo-predsedatelstvuyuschego-kak-sredstvo-nepravomernogo-vozdeystviya-na-prisyazhnyh-zasedateley>).

Честное слово, мало что можно добавить к работам Надежды Развейкиной, однако определенный вывод в практическую плоскость из ознакомления с ними все-таки имеет смысл сделать. Можно с высокой степенью достоверности констатировать, что к настоящему времени суды первых и апелляционных инстанций достигли консенсуса во взгляде на напутственное слово председательствующего, ибо свежих примеров отмены приговора по причине некорректно произнесенного напутственного слова председательствующего в практике фактически не встречается. Нет, адвокаты все также продолжают уличать судей первой инстанции в проявлениях тенденциозности и обвинительном уклоне в произнесенном перед присяжными напутственным слове, некорректности цитирования доказательств, «выпадения» из их перечня доказательств защиты, применении формулировок цель которых так или иначе склонить присяжных заседателей к вынесению обвинительного вердикта, но... Апелляционная инстанция уже выработала единые шаблоны ответов на такие шаблонные жалобы защиты. Хотя и суды первой инстанции уже не допускают тех феноменальных нарушений при произнесении напутственного слова, которые имели место в период становления института суда присяжных заседателей в РФ и которые описаны у Развейкиной Н.А.

Впрочем, одно относительно свежее судебное решение по отмене приговора именно из-за нарушений, допущенных председательствующим в ходе произнесения напутственного слова, я все-таки смог отыскать. Правда, пойдет ли оно на пользу адвокатам? Вот Кассационное определение ВС РФ от 3 февраля 2011 г. №4-О11-2СП:

«Кроме того, после произнесения председательствующим напутственного слова государственный обвинитель в соответствии с ч.б ст.340 УПК РФ высказал возражения в связи с его содержанием и просил председательствующего разъяснить присяжным заседателям, что при вынесении вердикта им не следует принимать во внимание высказывания подсудимых и защитников относительно сомнений в допустимости доказательств, фальсификации уголовного дела и других обстоятельств, выходящих за рамки сведений, подлежащих исследованию с участием присяжных заседателей, однако возражения государственного обвинителя остались без внимания, и никаких разъяснений присяжным заседателям председательствующим сделано не было».

Нет, я не в коем случае не отговариваю защитников от фиксации нарушений при произнесении напутственного слова, ибо судебная практика, как мы знаем, это штука непредсказуемая как погода в приморском городе. Как знать, может быть именно «ваше» нарушение ВС РФ сочтет достаточным для отмены несправедливого приговора, ну или изберет в качестве формального повода для отмены, чтобы не пришлось признавать более серьезных нарушений...

Потому давайте немного подробнее про «магию» напутственного слова. Итак, часть напутственного слова председательствующего носит универсальный и всеобщий характер. Это касается разъяснения норм права и разъяснения технических, организационных моментов при голосовании и заполнении вопросного листа. Как правило, эта часть едина для любого дела и каких-либо серьезных нарушений при ее произнесении председательствующие не допускают.

Основная «химия» начинается потом – при цитировании изученных по делу доказательств. Каковы же основные нарушения имеют место быть?

- **Недостоверность цитирования доказательств.** Увы, иногда председательствующие идут на изменение содержания цитируемых доказательств и порой это выглядит как откровенный подлог.

- **Неполнота цитирования доказательств.** Еще один способ придать доказательствам нужную направленность, правда, более деликатный и мягкий в сравнении с предыдущим – председательствующий просто «опускает» из цитируемых

доказательств те сведения, которые подтверждают версию стороны защиты. Например, если свидетель или подсудимый давал на следствии и в суде разные показания, то вполне можно процитировать только тот вариант, который выгоден для обвинения, а вариант выгодный для защиты привести буквально в двух словах, мол на суде свидетель/обвиняемый показания изменил и заявил, что ранее данные им показания не соответствуют действительности. Особенно важным это становится при рассмотрении больших дел с обширной доказательственной базой, которую присяжные не могут в полном объеме ни запомнить, ни записать.

Для тех же несознательных адвокатов и подсудимых, которые думают, что обвинительные и оправдательные доказательства должны цитироваться в равных или хотя бы сопоставимых объемах, привожу типовое решение ВС РФ по данному вопросу. Вот для Апелляционное определение ВС РФ от 16 июня 2015 г. №14-АПУ15-ЗСП:

«Напутственное слово председательствующего соответствует требованиям ст. 340 УПК РФ.

Вопреки доводам жалобы осужденного, председательствующий, не выражая в какой-либо форме своего мнения по вопросам, поставленным перед коллегией присяжных заседателей, напомнил присяжным заседателям обстоятельства, перечисленные в ч.3 ст.340 УПК РФ.

Напутственное слово не имеет целью повторить в полном объеме все, что присяжные заседатели услышали в ходе судебного следствия и в прениях сторон; отсутствие в напутственном слове указанных в жалобе фактов не повлияло на объективность изложения председательствующим обстоятельств, указанных в ч.3 ст.340 УПК РФ. Негативное отношение осужденного к напутственному слову возникло уже после постановления обвинительного вердикта, в то время как в судебном заседании возражений в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности стороны не заявили».

• **Тенденциозность цитирования доказательств.** Полномочия судьи вполне допускают специфическую (если не сказать произвольную) группировку перечисляемых в напутствии доказательств, сообщение/не сообщение определенного рода подробностей. Представьте себе, что доказательства, подтверждающие какой-либо нужный для обвинения факт судья цитирует единым блоком, а вот доказательства его опровергающие «размазаны» по всему напутственному слову и перемешаны с откровенно бесполезными сведениями... Еще один прием, применяемый практически повсеместно, это сообщение присяжным о «признательных» показаниях, данных подсудимым в ходе следствия, когда председательствующий в обязательном порядке подчеркивает, что признания были даны в присутствии адвоката, добровольно, без принуждения и что никаких замечаний и возражений подсудимый в протоколе следственного действия не указывал. И хотя эти оговорки носят исключительно процессуальный характер и по закону не могут доводиться до присяжных, но таким маневром председательствующий пытается добавить «признательным» показаниям (от которых подсудимый затем отказался) убедительности.

• **Употребление выражений и оборотов речи, направленных на склонение присяжных заседателей к вынесению обвинительного вердикта.** Прием самых бестолковых, но в то же время окончательно утвердившихся в собственной безнаказанности судей. Так в одном процессе председательствующий судья заявил, что истинную картину преступления по исследуемому делу видели только подсудимые (т.е. непринужденно дал понять присяжным заседателям, что подсудимые, отрицавшие свою причастность, все-таки были на месте преступления и принимали в нем участие).

• **Высказывание председательствующим своего отношения к доказательствам, версиям сторон, предъявленному обвинению и пр.** И снова

прием для наиболее «оторванной» категории судей. Например, можно заявить, что свидетель обвинения рассказал об обстоятельствах, уличающих подсудимого, а свидетель защиты изложил присяжным лишь свою версию событий; или что подсудимый заявил, что не бил потерпевшего, но его показания были опровергнуты заключением судебно-медицинской экспертизы и т.д.

Так по делу «банды Цапков» (<http://pravo.ru/news/view/90539/>) председательствующий в напутственном слове сообщил в том числе следующее:

«Прошу не принимать во внимание заявления Сергея Цапка, о том, что на него в ходе следствия оказывалось физическое воздействие», — заявил судья. По его словам, эти утверждения не соответствуют действительности, были проверены и «не нашли своего подтверждения», в том числе по заключению проведенных судебно-медицинских экспертиз».

То есть, по сути, совершенно прозрачно судья намекнул присяжным на то, что подсудимый лжет. Однако если уж говорить о формальном соблюдении объективности, то председательствующий должен был сказать, что вопрос о давлении на Сергея Цапка является (являлся) предметом самостоятельного разбирательства и не подлежит разрешению в настоящем процессе...

Соответственно, у стороны защиты есть необходимость внимательно слушать напутственное слово председательствующего и анализировать его на предмет возможных, в т.ч. вышеуказанных нарушений. Да, скорее всего, апелляционная инстанция нарушений в этом все равно не усмотрит, но во всяком случае у защиты возникнет прекрасная возможность уличить председательствующего в нечистоплотности и незаконных методах ведения процесса – *аккурат перед удалением присяжных в совещательную комнату!*

Да, сейчас нужно подкорректировать самое начало настоящей главы, в том смысле, что напутственное слово председательствующего – это последняя стадия процесса, но не самое последнее, что слышат присяжные заседатели перед удалением в совещательную комнату. Потому что последнее, согласно закону, это возражения сторон на напутственное слово председательствующего. Действительно, после произнесения напутственного слова, стороны могут принести возражения на напутственное слово судьи, но некоторые, особо креативные служители Фемиды, милостиво наделяют себя правом ответа на принесенные возражения! Однако, как правило, от этого председательствующий по делу судья проигрывает еще больше, поскольку к нормальной полемике – в присутствии объективных арбитров – судья приспособлен еще меньше чем прокурор. Что поделаться, дает о себе знать профессиональная деформация личности, в результате которой судья воспринимает себя как Истину в последней инстанции и не считает нужным (да и не всегда умеет) убедительно для посторонних объяснить свою правоту. В итоге все сводится либо к демагогии, либо к апелляции к своему авторитету. И то и другое слишком очевидно для присяжных и... едва ли убедительно.

Как бы то ни было, однако, именно в возражениях на напутственное слово председательствующего у защиты появляется последняя возможность указать присяжным на необъективность и предвзятость суда. Основные нарушения, допускаемые председательствующим при напутствии, изложены выше, соответственно именно они и становятся, как правило, основной темой возражений.

Впрочем, относительно возражений на напутственное слово председательствующего, имеет место одно просто умопомрачительное судебное решение ВС РФ, отменившее оправдательный приговор – Апелляционное определение ВС РФ от 5 февраля 2015 г. №41-АПУ14-54СП:

«После выступления председательствующего с напутственным словом, защитник Лысенко Л.А. заявила свои возражения и допустила некорректные высказывания в адрес председательствующего, заявив, что судья искажил доказательства, изложив их только с позиции обвинения».

Затем стала упрекать судью в недостаточном разъяснении присяжным заседателям порядка их совещания при обсуждении вердикта, взяла на себя обязанность по разъяснению присяжным заседателям правильности ответов на поставленные перед ними вопросы, в частности, по вопросу в отношении действий свидетеля М.

При таких данных следует согласиться с доводами государственного обвинителя о том, что допущенные защитой в ходе судебного разбирательства нарушения требований уголовно-процессуального закона повлияли на ответы присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам, и, следовательно, с учетом положений ч.1 ст.389²⁵ УПК РФ, вынесенный на основе оправдательного вердикта приговор признается Судебной коллегией незаконным и подлежащим отмене, а дело – направлению на новое судебное рассмотрение».

Вряд ли к процитированному можно добавить что-то еще – все слишком очевидно. Получается, что Верховный суд РФ вообще не допускает для защиты права быть в чем-либо не согласным с председательствующим. Видимо, в их представлении «возражения» на напутственное слово председательствующего со стороны защиты должны сводиться к выражению решительного одобрения и бурного восторга по поводу прочитанного напутственного слова и ничего более. Кстати, обратите внимание также на то, что ВС РФ не рассматривает по существу возражения защиты. То есть ВС РФ не интересуется, насколько справедливы и обоснованы были эти возражения...

Впрочем, данное судебное решение уникальное в своем роде и, надеюсь, не заразно. В остальных, изученных случаях, возражения адвокатов на недостоверность цитирования или обвинительный уклон, произнесенного напутственного слова, основанием для отмены приговоров Верховным судом признаны не были.

Более того, в практике ВС РФ встречается и прямо противоположная позиция. Вот вам Апелляционное определение ВС РФ от 25 марта 2016 г. №4-АПУ16-3СП:

«Напутственное слово председательствующего произнесено в соответствии со ст.340 УПК РФ, с соблюдением принципа беспристрастности и объективности.

При этом, сторона защиты на основании ч.6 ст.340 УПК РФ использовала возможность способствовать вынесению коллегией присяжных заседателей объективного вердикта, заявив в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего, которое, по ее мнению, произнесено с нарушением принципа объективности и беспристрастности».

Эта позиция ВС РФ вместе с предыдущей, будучи рассмотрены сразу друг за другом, вызывают у меня скупую мужскую слезу умиления. Почему, полагаю объяснять не надо (см. в интернете «Взаимоисключающие параграфы»).

Конечно, защитники достаточно часто жалуются на нарушение принципа беспристрастности и объективности при произнесении председательствующим напутственного слова. Однако, по моему личному мнению, нарушения судьи на этой стадии уголовного процесса объективно играют уже весьма незначительную роль при вынесении присяжными заседателями вердикта. Да, в ходе напутственного слова председательствующий, как правило, делает основной акцент на доказательства вины, «забывая» огласить или оглашая с существенными изъятиями и искажениями доказательства защиты. Но к стадии произнесения напутственного слова, присяжные заседатели подходят практически с уже сформировавшимся мнением. Те доказательства, которые перечисляет в своей речи председательствующий, присяжные помнят, они их уже проанализировали и оценили. При этом, если в ходе процесса они склонились в пользу защиты, странно было бы думать, что цитирование заставит их изменить мнение. И наоборот. Тем более, что само по себе произнесение напутственного слова производит, обычно, сугубо убаюкивающий эффект, присяжные по большей части на нем дремлют. Ну просто представьте себе сконцентрированный

поток доказательств, цитируемых безэмоциональным голосом, стандартной судейской скороговоркой. Сколько минут лично вы смогли бы сохранить внимание?..

Если по небольшим делам напутственное слово еще имеет разумные пределы по размерам, то по большим его читают несколько часов (а то и дней). В свою очередь председательствующий несколько скован рамками закона и излагает только содержание доказательств, в то время как защитник в прениях может не только цитировать доказательства, но давать им свою оценку, показывать их взаимосвязь с другими доказательствами и т.д. Естественно, что в данном случае прения проходят куда острее и интереснее, чем напутственное слово председательствующего.

Хотя, конечно, есть и другое мнение, в частности, у выше упоминавшейся мной Развейкиной Н.А. есть ряд публикаций, в которых она, в том числе, настаивает на том, что нарушения в напутственной речи играют существенную роль при принятии решения присяжными, однако обосновывается этот постулат в основном ссылками на работы иностранных исследователей. Поэтому лично я, по данному вопросу, остаюсь при своем мнении...

Дело в том, что, защищая подсудимого, адвокат практически всегда входит в конфронтацию с председательствующим. И, соответственно, борьба обвинения и защиты, в конечном счете, обретает форму противостояния между адвокатами с одной стороны и прокурорами вместе с судьей – с другой. Таким образом, убедив присяжных в своей правоте, доказав невиновность подзащитного, адвокат тем самым подрывает и судейский авторитет в глазах коллегии. То есть ожидать, что судья, который в глазах присяжных давно превратился в представителя одной из сторон, вдруг в напутственном слове предстанет для них авторитетом извне и склонит их своим авторитетом к какому-либо мнению несколько наивно. Там, где судья над схваткой – может быть, но там, где всем ясно что нет – едва ли.

То есть, по нашему мнению, последний и решительный бой обвинения и защиты – это прения. Напутственное слово – лишь ритуальный танец без какого-либо особого значения и смысла. Однако это лишь мнение, не претендующее на безусловную истину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Вердикт вынесен. Плох он или хорош, обвинительный он или оправдательный, логичный или парадоксальный, но следует понимать, что это последняя стадия процесса с участием присяжных заседателей в которой принимают участие они сами, как коллегия. Затем, в зависимости от вынесенного решения, будет обсуждение последствий вердикта, апелляция, кассация и пр. и пр. Конечно, все эти стадии будут обладать своими определенными специфическими чертами. Однако в них не будет главного, ради чего затевалась эта книга – в них уже не будет работы с присяжными заседателями. Именно поэтому мы сочли возможным поставить точку в книге именно на моменте вынесения вердикта. То, что происходит в деле после него, это уже совсем другая история.

Возможно, уже лет через пять-десять, эта книга в значительной части устареет и будет не актуальна. Что поделать, это закон об отзыве депутатов избирателями наши народные избранники все никак принять не могут, а вот изменения и дополнения в УПК РФ они вносят чуть ли не каждый квартал. Так что нельзя исключать, что проснувшись однажды утром, мы вообще останемся без суда присяжных. А может быть и наоборот – его полномочия будут в значительной мере расширены и введены новые гарантии равенства и состязательности прав сторон (ну, можно же хотя бы помечтать?). В любом случае, чем больше пройдет времени с момента написания и издания этой книги, тем внимательнее нужно относиться к оценке актуальности ее

содержания (особенно в тех частях, которые затрагивают вопросы законодательства и судебной практики).

За 20 с лишним лет своего существования суд присяжных в РФ пережил и взлет (когда в его компетенцию были отнесены практически все составы, подлежащие рассмотрению судами субъектов РФ), и падение – когда его компетенцию ограничили чуть ли не одной квалифицированной статьей 105 УК РФ. По состоянию на сейчас – на лето 2017 года – когда пишутся эти строки, маятник законотворческой деятельности вновь грозит качнуться в правильную сторону, и через год ожидается введение судов присяжных на уровне районных судов. Надеюсь, это все-таки случится и в полном объеме.

Увы, но нет никаких сомнений также и в том, что силовое лобби приложит все усилия к тому, чтобы и в этом случае выхолостить из новой судебной практики всю идею народных судей, подменив их каким-нибудь своим суррогатом. Словом, что из этого всего в итоге получится – пока сказать трудно. Во всяком случае тот факт, что инициатива расширения полномочий суда присяжных исходила от Президента РФ, дает нам некоторую надежду. Ну а многочисленные уголовные дела, которые у нас стали возбуждать в отношении крупных чиновников, включая депутатов, давая им на собственной шкуре ощутить все несовершенство российского правосудия, эту самую надежду усиливают.

В любом случае, хорош ли наш отечественный суд присяжных или плох, ничего другого у нас нет. А альтернативы суду присяжных – в виде рассмотрения дела единолично судьей или тройкой профессиональных судей – альтернативами по сути не являются. Так что нам остается работать и побеждать в тех условиях, что имеем – чего мы Вам, уважаемые читатели, искренне и желаем!

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Можно было бы приложить несколько сотен листов с примерами опросных листов, заполненных присяжными, по которым наших подзащитных признавали невиновными, но гораздо экономнее просто дать ссылки. Желающие всегда могут ознакомиться с этими материалами сами по следующим адресам:

- <http://rusverdict.com/peregolosovanie/> – присяжные оправдали Никиту Тихонова и Евгению Хасис, но их заставили переголосовать...
- <http://shorchev.online/notguilty/> – присяжные признали Юрия Шорчева и других невиновными, но вердикт не дали огласить...

БЛАГОДАРНОСТИ.

Всем присяжным заседателям, с которыми нам приходилось или еще придется работать, тем кто, несмотря ни на что, готов дать старушке Фемиде последний шанс остаться в живых...

Успешная работа в суде присяжных невозможна без постоянного взаимодействия и обмена опытом с коллегами. Поэтому было бы неправильным не упомянуть в настоящей книге тех профессионалов, совместная работа с которыми позволила перенять их опыт и навыки, систематизировать и обобщить адвокатские приемы и методы и, в конечном счете, написать данную книгу:

- ☛ **Аграновский Дмитрий Владимирович**, адвокат Адвокатской палаты Московской области,
- ☛ **Амелин Александр Иванович**, президент Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Аркайкин Антон Борисович**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Беликов Сергей Владимирович**, адвокат Адвокатской палаты Московской области,
- ☛ **Бибикова Наталья Борисовна**, адвокат Адвокатской палаты Московской области,
- ☛ **Волкова Наталья Геннадьевна**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Журалева Эльвира Шамильевна**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Калинкина Любовь Даниловна**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Кемаев Роман Васильевич**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Коротков-Гуляев Максим Юрьевич**, адвокат адвокатской палаты г.Москвы,
- ☛ **Мельникова Людмила Юрьевна**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Наумова Ульяна Юрьевна**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия,
- ☛ **Небритов Геннадий Геннадьевич**, адвокат адвокатской палаты г.Москвы,
- ☛ **Никулочкин Алексей Сергеевич**, адвокат адвокатской палаты г.Москвы,
- ☛ **Фирсов Сергей Николаевич**, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия –

СПАСИБО ВАМ!

ОБ АВТОРАХ

Александр Витальевич ВАСИЛЬЕВ

– ведет адвокатскую практику с 2006 года.

Основное направление деятельности – защита прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве. За 10 лет работы адвокатом успел поучаствовать в 8 процессах с участием коллегии присяжных заседателей.

Персональный сайт – <http://wasiliev.pro/>, блог – <https://alvitvas.pravorub.ru/>

Алексей Александрович БАРАНОВСКИЙ

– юрист, правозащитник.

Член Союза журналистов России.

В 2010 году вошел в число 20 лучших правозащитников России по версии Общественной палаты РФ.

Персональный сайт – <http://baranovsky.info/>, блог – <https://baranovsky.pravorub.ru/>

СПЕЦИАЛЬНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаем признательность интернет-порталу «Праворуб» <https://pravorub.ru> за то, что он есть. С помощью этого сайта в одном месте собралось огромное количество профессиональных юристов, и они имеют возможность обмениваться опытом, независимо от своего местонахождения в любом конце страны...

АВТОРСКАЯ ПОЛИТИКА

Настоящая книга размещена авторами в свободном доступе. Авторы разрешают её свободное скачивание, распечатку и иное использование для личных некоммерческих целей. При копировании любых частей настоящей книги в научных, публицистических, журналистских и иных письменных работах требуется обязательная ссылка на первоисточник с указанием следующей информации: Васильев А.В., Барановский А.А. «Суд присяжных – последний шанс Фемиды. Адвокат в процессе присяжных – стратегия и тактика защиты», – М.: 2017.

По вопросам коммерческого использования книги и иного вида сотрудничества обращайтесь по следующим координатам к Васильеву Александру Витальевичу: advokat.v@gmail.com и тел: +7-903-258-01-18.

СКАЗАТЬ СПАСИБО

Если Вы хотите выразить благодарность авторам рублем – Вы можете сделать добровольный перевод-пожертвование на Яндекс-кошелек 41001115143479.